

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 27 сентября 2017 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство СМИ ПИ № ФС77-71236

Выходит 6 раз в год

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2019
- © Коллектив авторов, 2019

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk, and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskommnadzor) on September 27, 2017.

Certificate of Registration ПИ No. ФС77-71236

Published six times a year.

Founding Institution, Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
д-р филол. наук *А. Бирталан*, Университет имени Лоранда Этвёша (Венгрия, г. Будапешт);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук, д-р филол. наук *А. А. Бурыкин*, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);
чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сүхэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртытова*, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
проф. антропологии *К. Хэмфри*, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремтилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р ист. наук *Н. Хишигт*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Dr. Prof. (Philol.) *A. Birtalan*, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol. and Hist.) *A. Burykin*, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. Sc. (Philol.) *D. Muzraeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *G. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *S.-Kh. Syrtyanova*, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation);
Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Prof. Emeritus (Anthrop.) *C. Humphrey*, University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. Tsendina*, Russian State University for the Humanities, National Research University
Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar,
Mongolia);
Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Khishigt*, Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar,
Mongolia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translator: *Sanal V. Dzhagrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Taminov*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Орлова К. В.</i> О документах, касающихся религии и ламства Монголии, из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (1920–1930-е гг.)	740
Отечественная история	<i>Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., Сусеева Д. А.</i> «Для твердого примирения кайсацкого народа с калмыцким надлежит показать им удовольствие». «Разменная карта» в степной дипломатии в середине XVIII в.	750
	<i>Ховалыг С. С.</i> Институт зайсанства в традиционном тувинском обществе: история и трансформация в середине XVIII – начале XX вв.	761
	<i>Мийманбаева Ф. Н., Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.</i> Правовые основы землевладения и землепользования переселенцев в Семиречье в конце XIX – начале XX в.	771
	<i>Кринко Е. Ф.</i> Сальский инцидент, или О том, как донские калмыки не вошли в состав Автономной области трудового калмыцкого народа	787
Археология	<i>Ховалыг Р. Б., Хорлуштай Ш. Р., Дамба А. В., Ооржак В. Д.</i> Реконструкция образов «царя» и «царицы» из кургана Аржан-2: особенности, проблемы, пути их решения.	799
	<i>Очир-Горяева М. А.</i> Поза всадника по археологическим и этнографическим данным	812
	<i>Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П.</i> Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра	822
	<i>Проценко А. С.</i> К вопросу о социальной структуре населения Биктимировского могильника	845
	<i>Кольцов П. М., Байтанаев Б. А., Обухов Ю. Д.</i> Импортная поливная керамика Маджара как источник по изучению международной торговли в Золотой Орде	855
Источниковедение	<i>Бичеев Б. А.</i> «Утро начни с молитвы, день проводи в мирских деяниях» (буддийская этика в наставлениях Усун Дебескертү-хана)	872
	<i>Леман Я. Д.</i> Рукопись «История семи перерождений халхаских ноён-хутухт» из коллекции квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна	883
Этнология и антропология	<i>Бакаева Э. П.</i> Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников)	891
	<i>Айыжы Е. В., Мандап-Хорлу М. М., Монгуш А. Ч.</i> Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса (часть 2)	926
	<i>Намруева Л. В.</i> Мозаика современной жизни сельского населения Калмыкии	938
Языкознание	<i>Акматов Н. Р., Абдуллаев С. Н., Мушаев В. Н.</i> Лингвистическая рецепция топонимов центральноазиатской геолокации (тюрко-монгольский ареал)	945
	<i>Куулар Е. М.</i> Наименования тарбаганов в монгун-тайгинском говоре западного диалекта тувинского языка	957
	<i>Дадыева Е. А., Харанутова Д. Ш.</i> Социативная каузация в бурятском языке	966
	<i>Крылов С. А.</i> Структурные схемы монгольских аналитических конструкций в количественном аспекте	974
	<i>Куканова В. В.</i> Модальная частица <i>биз</i> в калмыцком языке: структурные схемы, морфосинтаксические свойства, частотность (на материале Национального корпуса калмыцкого языка)	1007
Фольклористика	<i>Хабунова Е. Э., Чао Геджин.</i> Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов	1026
	<i>Алчинова Г. Р., Хусаинова Г. Р., Ягафарова Г. Н.</i> Суеверные приметы как микрожанр башкирского фольклора	1034

CONTENTS

World History	Orlova K. V. Religion and Buddhist Clergy of Mongolia: Revisiting Documents from the Central Archive of the Federal Security Service of Russia (1920–1930s)	740
National History	Toropitsyn I. V., Kundakbaeva Zh. B., Suseeva D. A. <i>‘For Sound Reconciliation between the Kaisak and Kalmyk Peoples, It Is Necessary to Please Them’</i> : a Mediating Means in the Mid-18 th -Century Steppe Diplomacy	750
	Khovalyg S. S. Zaysanism in Traditional Tuvan Society: History and Transformation in the Mid-18 th – Early 20 th Centuries	761
	Mymanbaeva F. N., Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Immigrants in Semirechye (Zhetysu): Legal Basis for Land Tenure and Land Use in the Late 19 th – Early 20 th Centuries	771
	Krinko E. F. The Salsk Incident: or How Autonomous Oblast of the Kalmyk Working People Was Never Joined by the Don Kalmyks	787
Archaeology	Khovalyg R. B., Khorshultay Sh. R., Damba A. V., Oorzhak V. D. Reconstructing Images of ‘King’ and ‘Queen’ from Arzhan-2 Mound: Features, Problems, Solutions	799
	Ochir-Goryaeva M. A. Body Postures of Buried Horsemen: Archaeological and Ethnographic Evidence	812
	Sinika V. S., Lysenko S. D., Razumov S. N., Telnov N. P. Scythian Barrow 10 of the Vodovod (‘Sluiceway’) Group on the Left Bank of the Lower Dniester	822
	Protsenko A. S. Biktimirovo Burial Ground: Social Structure of the Ancient Population Revisited	845
	Koltsov P. M., Baitanaev B. A., Obukhov Yu. D. Investigating International Trade in the Golden Horde: Imported Glazed Ceramics from Majar	855
Sources Studies	Bicheev B. A. <i>‘Begin the Morning with a Prayer, and Spend the Day in Temporal Affairs’</i> : Buddhist Ethics in Usun Debeskertu Khan’s Homilies	872
	Leman Ya. D. <i>‘Noyon Khutagts of Khalkha: History of Seven Incarnations’</i> : a Manuscript from Ts. Damdinsuren Memorial House	883
Ethnology & Anthropology	Bakaeva E. P. Ethnic Identity of the Kalmyks and Confessional Ties with Tibet: a Case Study of Some Little-Known Sources	891
	Ayizhy E. V., Mandan-Khorlu M. M., Mongush A. Ch. V. P. Yermolaev’s Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. Part 2	926
	Namrueva L. V. The Mosaic of Contemporary Rural Life in Kalmykia: a Summary of 2019 Qualitative Surveys	938
Linguistics	Mushaev V. N., Abdullaev S. N., Akmatov N. R. Central Asian Geolocation: Linguistic Reception of Toponyms (Turko-Mongolic Area)	945
	Kuular E. M. Mongun-Taiga Subdialect of the Western Tuvan Dialect: Words Denoting Tarbagan Marmots	957
	Dadueva E. A., Kharanutova D. Sh. Sociative Causation in the Buryat Language	966
	Krylov S. A. Structural Diagrams of Mongolian Analytical Constructions in a Quantitative Aspect	974
	Kukanova V. V. Kalmyk Modal Particle <i>bus</i> : Structural Patterns, Morpho-Syntactic Properties, Frequency (a Case Study of Kalmyk National Corpus)	1007
Folklore Studies	Khabunova E. E., Gejin Ch. Fairy-Tale Tradition of the Turko-Mongols: Motives for the Departure of a Bear-Born Hero	1026
	Alchinova G. R., Khusainova G. R., Yagafarova G. N. Superstitious Signs as a Micro-Genre of Bashkir Folklore	1034

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 740–749, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-740-749
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47)+294.3

О документах, касающихся религии и ламства Монголии, из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (1920–1930-е гг.)

Кемя Владимировна Орлова¹

¹Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — дать характеристику некоторых архивных документов о религии и ламстве Монголии, которые хранятся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ РФ) в Москве и Управлении ФСБ России по Омской области и до недавнего времени были недоступны для исследователей. *Материалы.* Архивные документы включают специальные сообщения, шифрограммы, письма, сводки, обзоры политической, экономической, военной и религиозной ситуации в Монголии. Значительный массив документов относится к различным аспектам религиозной ситуации в Монголии в указанный период. В них освещаются такие вопросы, как реакция буддийского духовенства и его высших иерархов на политику МНРП и монгольского правительства, направленную на ограничение влияния буддийской церкви, монастырей, а также антиправительственные настроения, выступления и восстания (1925, 1930, 1932 и другие годы). Именно часть этих документов и будет в фокусе внимания данной статьи. *Результаты.* Выявленные в ЦА ФСБ РФ документы наглядно показывают мероприятия в отношении религии и ламства в Монголии в указанный период. Репрессивные меры со стороны монгольской партии и правительства основательно подорвали главенствующую их роль в стране. Карательные меры по отношению к религии и ламству Монголии продолжались и на протяжении 1930–1940-х гг. Именно этот период характеризуется как время жесточайших репрессий против ламства.

Ключевые слова: Центральный архив ФСБ России, Монголия, буддизм, ламы, Тогсбуянтын хурээ, Чандмань-уул аймак

Для цитирования: Орлова К. В. О документах, касающихся религии и ламства Монголии, из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (1920–1930-е гг.). *Oriental Studies*. 2019; (5): 740–749. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-740-749.

UDC 94(47)+294.3

Religion and Buddhist Clergy of Mongolia: Revisiting Documents from the Central Archive of the Federal Security Service of Russia (1920–1930s)

*Keemya V. Orlova*¹

¹Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

Abstract. *Goals.* The article seeks to characterize some archival documents dealing with religion and Buddhist clergy of Mongolia and housed by the Central Archive of the Federal Security Service (FSB) of Russia (Moscow) and Omsk Oblast FSB Department, which have remained unavailable for research till recently. *Materials.* The archival papers include special reports, coded telegrams, letters, communiques, reviews of political, economic, military and religious conditions in Mongolia. Quite a share of the documents examine different aspects of Mongolia's religious affairs during the mentioned period. Those describe responses of the Buddhist clergy and clerical hierarchy to policies pursued by the Mongolian People's Party and the national government, and aimed to restrict the influence of the Buddhist church, monasteries; also depicted are responses of the former to antigovernment sentiments, disturbances and revolts (1925, 1930, 1932, etc.). The work actually focuses on the latter documents. *Results.* The papers discovered display the measures undertaken towards Mongolia's religion and Buddhist clergy during the mentioned years. The repressions conducted by the MPP and government essentially undermined the leading positions of the latter. Punitive actions against religion and Buddhist priests would be launched throughout the 1930-1940s, and those were cruelest ones ever held in the country.

Keywords: Central Archive of the Federal Security Service of Russia, Mongolia, Buddhism, Buddhist clergy, Togsbuyantyn khüree, Chandmani Uul Aimag

For citation: Orlova K. V. Religion and Buddhist Clergy of Mongolia: Revisiting Documents from the Central Archive of the Federal Security Service of Russia (1920–1930s). *Oriental Studies*. 2019; (5): 740-749. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-740-749.

Введение

В Центральном архиве ФСБ РФ и Управлении ФСБ России по Омской области группой монголоведов Института востоковедения РАН выявлено 163 документа, которые охватывают период с 1922 по 1936 гг., за исключением документов 1931 г. Связано это с тем, что материалы за этот год все еще находятся под грифом «секретно». За 1922 г. открыто 7 документов, за 1923 г. — 21, за 1924 г. — 6, 1925 г. — 22, 1926 г. — 4, 1927 г. — 4, 1928 г. — 29, 1929 г. — 14, 1930 г. — 18, 1932 г. — 3, 1933 г. — 2, 1934 — 1, 1935 — 25, 1936 г. — 7. Документы за эти годы рассекречены, часть из них дана в сокращении. Основная тематика архивных документов освещает межгосударственные отношения между СССР и МНР;

РКП(б)/ВКП(б), Коминтерном и МНРП; борьбу между «правыми» и «левыми» в правящей партии Монголии; политику МНРП и правительства в отношении религии и духовенства, антиправительственные настроения, выступления и вооруженные восстания.

Выявленные архивные материалы за указанный период относятся к первым годам после национально-демократической революции 1921 г., очень непростого и до сих пор спорного времени в истории советско/российско-монгольских отношений. В Монголии эта страница истории характеризуется становлением новой власти, коренным переустройством страны, сменой государственного строя, переходом сначала от абсолютной теократической формы

правления к ограниченной монархии (1921–1924), затем — к республике (с 1924).

Цель статьи — дать характеристику некоторых архивных документов о религии и ламстве Монголии, которые хранятся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ РФ) в Москве и Управлении ФСБ России по Омской области и до недавнего времени были недоступны для исследователей.

Основная часть

1926 год в Монголии ознаменовался важными событиями: были приняты законы о едином налоге и об отделении церкви от государства. Согласно первому закону, от налогов освобождались бедные слои населения, государственным и кооперативным предприятиям предоставлялись льготы, а основную нагрузку возлагали на зажиточные слои населения и монастырские хозяйства. Принятие закона об отделении церкви от государства значительно ослабило положение церкви в стране, ликвидация института хубилганства по решению V съезда МНРП (сентябрь 1926 г.) стала знаковым событием. На съезде много внимания уделялось ламству и религии, не случайно в мае 1927 г. в Москву за № 155943 поступило информационное сообщение Восточного отдела ОГПУ под грифом «совершенно секретно» о прениях по ламскому вопросу (док. № 61). В нем, в частности, приводится стенограмма выступления Цыбена Жамцарано, где он озвучивает численность лам на 1927 г. — 115 000 (при численности населения Монголии в 1920-х гг. примерно 700–800 тыс. чел. и 642 тыс. по переписи 1918 г. без учета жителей некоторых регионов¹), а также поднимает вопрос принятия в партию исключительно «лучшей части ламства», и тех, кто «соглашается с целью и задачами <...> партии», а «цель партии и основа религии одна и та же — помочь народной массе <...> объединиться для общей пользы». Жамцарано предложил разработать особое положение о ламах — членах партии, особенно для живущих в монастырях, «приспособив это положение к монашеским обетам» с освобождением их от военной службы [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 10–12]. На этом

съезде разгорелись нешуточные прения делегатов, и они приводятся в следующем документе № 62, основную суть которых можно обобщить в следующем: привлекать их (т. е. лам) в свои союзники и через них вести работу среди всего ламства. Но вместе с тем отмечалась нецелесообразность привлечения всех лам в партию. Если одни делегаты выступали за единение ламства и партии, при этом призывая проявлять осторожность и осмотрительность при принятии в партию высших иерархов церкви и зажиточных лам, то другие считали, что лам нельзя привлекать к государственным делам, они должны заниматься только религиозными вопросами в соответствии с принятым законом [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 18–20].

Необходимо отметить, что уничтожение ламства как сословия велось целенаправленно, в руководстве страны понимали, что именно эта часть населения имеет огромное влияние на своих соплеменников. Неслучайно вначале монгольские власти прибегали к склонению лам на свою сторону, в дальнейшем стали облагать непосильными налогами, насильственно переводить в мирян, запрещали принимать в монастыри малолетних детей, намеренно проводили политику расслоения лам. Распоряжение партии отлучить церковь от государственных и гражданских дел стало существенным фактором недовольства со стороны высших иерархов церкви. В последующие годы репрессивные меры в отношении религии и ламства только ужесточались.

Именно поэтому уже в 1928 г. появились сведения о попытке создания в Улангоме, аймачном центре Убсунурского (ныне — Увс) аймака, либерально-клерикальной партии, хотя впервые информация о возможности появления такой партии возникла в 1926 г. на пленуме ЦК МНРП, когда среди делегатов пленума разгорелась дискуссия о создании в регионах «централизованного управления религиозными делами». Участники уже тогда сочли, что учреждение таких управлений приведет к созданию клерикальной партии [Рощин 1999: 144].

VII съезд МНРП (октябрь–декабрь 1928 г.) в своей резолюции принял радикальное решение конфисковать имущество и скот у монастырских хозяйств и крупных собственников, что в немалой степени повлияло на создание этой партии. Примеча-

¹ Благодарю за устную информацию ученого секретаря Института истории и этнологии АН Монголии, проф. Н. Хишигт.

телен ответ присутствовавшего на съезде уполномоченного Коминтерна в Монголии М. И. Амагаева на вопрос одного из делегатов о возможности появления партии: «Организация такой партии недопустима, т. к. это даст возможность ламству найти крепкую организационную форму для консолидации своих разрозненных сил» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 184–185].

Следует учитывать еще один момент — стремление буддийской церкви восстановить свою доминирующую роль во всех областях жизни общества — и в политической, и в экономической, и в культурной. Однако из обозначенной цели создания религиозной партии — «улучшить состояние религии путем борьбы с отрицательными явлениями в ламской жизни и замены старых руководителей более соответствующими духу современности и интересам религии» — вовсе не следует указанное выше, а лишь завуалированно преследовалось намерение реанимировать утерянные позиции ламства в стране [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 184–185].

Судя по документу, инициатором создания такой партии был Ульзитийн Бадрах (1895–1941), дербет, выходец из сомона Давст Убсунурского аймака. Вначале он представлял худонскую оппозицию как выходец из Западной Монголии, затем стал одним из лидеров «левого» крыла партии, в 1928 г. занимал пост секретаря ЦК МНРП. Однако ламская либерально-клерикальная партия так и не была создана, ее задушили в зародыше, арестовав инициативную группу. Среди организаторов ламской организации значился арестованный брат У. Бадраха, лама Гунчин-Чойнджур, и другие. Видимо, арест зачинщиков должен был скомпрометировать Бадраха. Могу лишь предположить, что связано это было с жесткой борьбой «правой» оппозиции с «левой». На VII съезде партии «левое» крыло представляло собой несколько группировок, одну из которых — кобдоскую — возглавлял Бадрах. В документе № 94 об этом прямо говорится: группировка «представляет дербетское национальное движение, заражена автономистскими устремлениями и имеет свои частные интересы в оппозиционном («левом»). — К. О.) движении. До настоящего момента их интересы совпадали с интересами худонской группы, поскольку их устремления встреча-

ли сопротивление со стороны центра. Худонскую ориентацию Бадрах видел в форме широкого местного самоуправления, вплоть до автономии отдельных аймаков, составляющих добровольный союз — нечто вроде Американских Соединенных Штатов» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 142–158]. Возможно, «автономистские устремления» Бадраха и повлияли на его решение создать ламскую либерально-клерикальную партию как первый шаг к автономии западных аймаков Монголии. На это указывает дальнейшая линия к проведению автономизации западных аймаков. Так, в документе № 96 «Информационное сообщение о планах сторонников монгольской автономии относительно присоединения Синьцзяна к МНР» от 1 февраля 1929 г. сообщается: «Группа кобдоских автономистов (лидеры которых после VII съезда МНРП заняли ряд главенствующих постов в монгольском правительстве и ЦК МНРП, а именно Бадрах — один из секретарей ЦК, Лааган пред. ЦКК, Дэмбэрэл — секретарь Малого Хурулдана) выдвинула план усиления положения МНР на Востоке путем присоединения к МНР Синьцзяна» [ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 242–242об.], тем самым создать «объединенную Монголию» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 211–212об.].

Ограничение влияния религии в стране прослеживается и по другим архивным документам. В 1929 г. ламы монастыря Гандантэгчинлин совершенно определенно высказывались о жестком наступлении на религию, один из них образно сравнил «разбитую фарфоровую чашу с религией, как <...> изжившую свое существование и пригодность». При этом однозначно конкретизировалась цель монгольской партии и правительства — «уничтожение ламства и религии, <...> а все мероприятия, направленные против религии, проводятся под диктовку красных русских» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 262–264].

В 1930 г. ситуация еще более усугубилась: помимо налога на джасу², лам призывного возраста обязали платить еще военный налог и налог худону³. В проекте правитель-

² Джаса (монг. *жас*) — с середины XVII в. накопления и хозяйство монашеской общины буддийских монастырей Монголии.

³ Худон (монг. *хөдөө*) — сельская местность.

ство планировало ввести еще налог на хашаны⁴ и постройки. Делалось это для того, чтобы ламы как можно скорее покидали монастыри и переходили в светское состояние [ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 9–13об.]. Не напрасно религиозные деятели опасались ужесточения налоговой политики: уже в мае 1929 г. на пленуме ЦК МНРП обсуждался вопрос о передаче имущества, скота ванов, гунов, высших иерархов церкви — хутухт и хубилганов — аратам-беднякам, для чего в срочном порядке создавались артели, колхозы, госхозы. На пленуме выявились разные подходы к этой проблеме: один — умеренный, или «осторожный», подход — экономическими методами (прогрессивным налогообложением; ограничением круга тех, у кого будет изыматься конфискуемое, и размеров изъятия имущества и скота), другой — радикальный, т. е. жесткая конфискация [Рошин 1999: 226].

В результате ЦК монгольской партии решил, что широкое наступление на монастыри и лам крайне опасно и нежелательно. Понятно, что высшие ламы не питали иллюзий относительно проводимой политики, они отчетливо понимали, что «заложен фундамент для ликвидации ламства, а <...> после VIII съезда эта ликвидация будет проводиться в жизнь форсированным темпом» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 332–341]. Партийными функционерами учитывалось прежде всего имущественное положение монгольских лам: «в имущественном положении — у населения 4 498 357 бодо⁵ и у монастырей (джас) 842 280 бодо, что составляет 17,84 %. Простое соотношение цифр бодо у населения и джас таково: на каждого светского едока приходится 7,2 бодо, а на каждого едока-ламу — 8 бодо. В количество бодо не входит денежный капитал монастырских джас, используемый ламством с ростовщической целью (проценты частных ссуд достигают до 50–60 годовых). При прогрессивном обложении джас налоги с них составляют 27,7 % по отношению к общей сумме налога с населения. Эти цифры, подтверждая сказан-

⁴ Хашан (монг. *хашаан*) — забор, загон для скота, двор, подворье.

⁵ Бодо (монг. *бод*) — условная единица учета скота; 1 бодо равен 1 корове, 1 лошади, двум верблюдам, пяти овцам, семи козам.

ное выше, наводят на вопрос о состоянии ламства на местах». Относительно численности лам в том же 1930 г. отмечалось: «в пяти аймаках МНР (в документе не указано, какие аймаки Монголии. — К. О.) светских мужчин 260 905, женщин 345 350, итого светского населения 617 843, плюс лам — 104 106, всего населения 721 949. Таким образом, 16,83 % всего населения, или почти 40 % всех мужчин, состоит из «нетрудовых паразитических элементов лам» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 350–365]. Простой подсчет численности мужчин и женщин показывает досадную ошибку в документе на 11 588 человек, соответственно и общей численности населения и светских, и лам — 710 361, а не как указано в документе — 721 949. Даже при ошибке подсчета численности населения значительную часть монгольского населения составляло именно ламское сословие.

В 1930 г. положение лам еще более ухудшается, о чем свидетельствуют сами служители: «хуралы проходят с большими перебоями», из-за конфискации имущества богатых лам фактически прекратились пожертвования монастырям. Но более всего удручало высших лам, что, согласно постановлению правительства, отныне их представители будут обучать грамоте молодых послушников, а это означало, что «они, во всяком случае, не будут ограничиваться преподаванием языка, а будут стараться вдолбить в головы хуvaraков идеи невыгодности посвящения себя в духовное звание» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 332–341. Заверенная копия].

Однако не все гладко было как внутри ламской общины, так и среди населения. Показательны в данном случае выступления делегатов VIII съезда МНРП (февраль 1930 г.). Так, некий Будбазар (делегат из Цэцэрлэга) высказался конкретно: «Для борьбы с религией и ликвидации ее необходимо провести следующие мероприятия: во-первых, усилить агитационную работу среди бедняцких аратских масс, во-вторых, категорически воспретить дачу детей в ламы до 18 лет, в-третьих, при коммунах и на местах организовать европейские фельдшерские пункты, в-четвертых, увеличить обложение налогом имущества монастырских джас, и, кроме того, с лам призывного возраста взимать специальные налоги» [Архив УФСБ России по Омской области.

Ф. 65. Д. 9920. Л. 427–432]. Эти мероприятия постепенно внедрялись в жизнь, что не замедлило вылиться в восстания и выступления не только лам, но и монгольского мирского населения, прежде всего, западных регионов Монголии.

Одно из крупных выступлений произошло в монастыре Тогсбуянт (Дашжугнэй) Чандмань-уульского (ныне Убусунурского; монг. Увс) аймака в 1930 г. Монастырь основан в 1879 г. у реки Дэлгэр в хошуне дербетского Далай-хана, разгромлен в 1938 г. В 1929 г. в монастыре числилось 1 150 лам, из которых в 1932 г. в светское состояние перешли 690 человек [Думбурай 2002: 8].

В октябре 1929 г. состоялся VI аймачный партийный съезд, в резолюции которого отмечалось «решительное прекращение участия ламства в хозяйственной жизни», запрет несовершеннолетним (до 18 лет) поступать в монастыри. Уже через месяц, в ноябре того же года, пленум аймачного управления подтвердил решение съезда: «решительно прекратить всякое участие ламства, остатков черно-желтых харгисов⁶, новой и старой буржуазии в хозяйственно-экономической жизни населения и кабальной эксплуатации последнего; прекратить посвящение в ламство несовершеннолетних до 18-ти лет и <...> отдавать их в школу для обучения языку и письменности» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65.

Д. 9920. Л. 554–575]. В решении аймачного управления жестко оговаривались сроки исполнения — немедленно приступить к исполнению, «поскольку эти мероприятия имеют громадное значение в хозяйственно-экономической жизни аратского населения» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 554–575].

Циркуляры в сомонные управления поступали регулярно: о принудительном вовлечении бедняцко-средняцкого аратства в колхозы; об отлучении лам от урточной службы, о запрещении заниматься в монастырях столярно-кузнечным ремеслом, выселении из монастырей несовершеннолетних, а «запрещение земледелия и торговли явилось таким ударом, который для ламства <...> был равносителен запрещению питаться вообще, ибо это запрещение било по жизненным экономическим интересам как зажиточной ламской верхушки (лишение основного источника дохода), так и особенно ламской бедноты, которая лишилась источника существования» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 554–575].

Чтобы наглядно продемонстрировать положение ламства, приведу данные по хошунным монастырям Чандмань-уульского аймака — см. таблицы 1 и 2 [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 554–575].

Таблица 1. Данные по хошунным монастырям Чандмань-уул аймака
[Table 1. Khoshuu (district)-level monasteries of Chandmani Uul Aimag: statistics]

№ п/п	Хошуны	Наименование монастырей	Количество лам	Из них до 18 лет	Перешед. в/ч сост. ⁷	Количество джас:	Количество хуби в дж.	Примечание
1.	Байн-Чандмань	1. Улангом	1 450	503	286	45	10 284	
		2. Намир	200	80	—	30	491	
		3. Найдан	141	40	—	20	1 637	
		4. Кобдоск. хурэ	146	41	—	16	1 887	
		5. Лайджан	44	20	—	2	406	
		6. Шарчихэ	294	92	—	13	468	
	Итого:		2 275	776	286	126	15 169	
2.	Тогс-Буянт:	1. Дашиджонайлин	1 203	563	358	126	15 729	взр. 81 ч.
		2. Бадмасамбава	117	21	—	2	1 269	
	Итого:		1 320	584	358	128	16 998	

⁶ Т. е. реакционеров.

⁷ Означает «Перешло единиц в «черное» (т. е. светское) состояние

№ п/п	Хошуны	Наименование монастырей	Количество лам	Из них до 18 лет	Перешед. в/ч сост. ⁷	Количество джас:	Количество хуби в дж.	Примечание
3.	Баян-Мандал	1. Дэджэлин	1 111	251	202	15	1 776	Вар/молод. выселена отс. 49 ч.
		2. Цалгар	270	50	50	6	386	
	Итого:		1 371	301	252	21	2 162	
4.	Наран-Хайрхан:	1. Тугэмэл-Амаржиг	147	46	—	2	534	
		2. Тэгмид-дацан	106	68	—	5	346	
		3. Гун-Хотон	122	53	—	6	314	
		4. Цаганнасун-дацан	63	39	—	1	23	
		5. Дзоми	139	91	91	4	116	
		6. Кобдоское хурэ	343	99	—	4	373	
	Итого:		920	396	91	22	1 706	
5.	Хан-Батор	1. Заргын-хурэ	484	352	253	6	3 244	50% молодежи
		2. Тугруг	171	46	—	4	1 687	
		3. Цаган-Бурасон	184	38	—	2	839	
		4. Бодонч	302	70	—	10	2 372	
	Итого:		1 141	506	253	22	8 142	
6.	Булган-Мандал (торгоут)	1. Хошун-хурэ	50	—	—	—	—	
		2. Бейлэ-хурэ	170	—	—	—	—	
		3. Тайджинар	67	—	—	—	—	
		4. Улясутай	50	—	—	—	—	
		5. Уенч	200	—	—	—	—	
	Итого:		537	—	—	—	—	
7.	Алтай-Ханул	1. Чингил-Хайрхан.	51	—	—	—	484	
		2. Харгантын-хурэ	18	—	—	—	32	
		3. Сагсын-гол хурэ	317	—	—	—	3 612	
		4. Дэлюн-гол	133	—	—	—	800	
		5. Астанцогт	120	—	—	—	1 286	
		6. Тэмуртуйн хурэ	231	—	—	—	1 904	
		7. Худжирт	327	—	—	—	3 934	
	Итого:		1 257	—	—	—	12 524	
	Всего:	32 монастыря	8 761	2 563	1 240	319	56 229	48% монгол

В таблице 1 некорректно указаны ламы до 18 лет — 2 563 человек, нет данных по хошунам Булган-Мандал и Алтай-Ханул, то же самое касается перешедших в черное (светское) состояние, количества джасы и хуби в джасах, хотя в примечании отмечено, что цифры не полные.

Таблица 2. Данные по ламам в монастырях в 7 хошунах Чандмань-уул аймака

[Table 2. Buddhist clergy of the 7 khoshuu-level monasteries of Chandmani Uul Aimag: statistics]

Хошуны:	Взрослые ламы	Несовершеннолетние до 18 лет	% малолетних ⁸
1. Баян-Чандмань	2 275	776	25,4
2. Баян-Мандал	1 371	301	18
3. Тогс-Буянт	1 320	584	30,6
4. Наран-Хайрхан	920	396	30
5. Хан-Батор	1 141	506	30,7
6. Булган-Мандал	537	—	—
7. Алтай-хан	1 257	—	—
Итого:	8 821	2 653 (2 553)	22,5

⁸ В документе подсчет малолетних в процентах не приводится. Подсчитано мной. — К. О.

Данные по несовершеннолетним (до 18 лет) подсчитаны некорректно, должно быть 2 563. По двум хошунам — Булган-Мандал и Алтай-хан — численность несовершеннолетних не указана. Как видно из таблицы, процент несовершеннолетних — 22,5, опять же без учета двух хошунов (Булган-Мандал и Алтай-хан).

Гонения на религию и ламство не замедлили сказаться. 25 марта 1930 г. повстанцы (40 лам) арестовали глав хошунных учреждений и обратились к населению с призывом оказать помощь. Основные лозунги, которые выдвигали повстанцы: «долой МНР», «долой конфискацию феодалов и ламства», «долой выселение до 18-ти лет», «долой призыв 33-летних как мобилизацию сил против ламства и религии», «присоединение церкви к государству», «восстановление прежних приношений ламству», «долой партию бедняков, середняков-аратов, да здравствует социально-равная партия» [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 554–575].

Отклик со стороны местного населения последовал сразу же, был организован отряд численностью 200 человек, куда вошли в основном ламы из монастыря Тогсбуянт и простые араты. Повстанцы решили образовать двухпалатное правительство по 20 человек в каждом — от лам и феодалов и аратов, а также упразднили прежнюю систему управления. Однако их замыслам помешали последовавшие по горячим следам мгновенные решения монгольского правительства. В помощь прежнему руководству аймака был выслан отряд, который уже 30 марта подошел к стенам монастыря, начал его обстреливать и предъявил ультиматум повстанцам: сдаться, выдать зачинщиков мятежа, освободить арестованных хошунных начальников. Всего лишь через час повстанцы сдались.

Операцию по подавлению восстания провели сотрудники Государственной внутренней охраны МНР. Как указано в документе, бой продолжался всего 12 часов, основными причинами неудачного мятежа послужили отсутствие опыта ведения боевых действий, «стихийное выступление лам», отсутствие компетентных и грамотных в военном отношении специалистов и плохое вооружение (порой ламы и поддерживавшие их араты были оснащены лишь «дубин-

ками»). В результате потери лам оказались значительными для монастыря Тогсбуянт: 19 лам и 20 светских лиц расстреляли уже 3 апреля; заключены в тюрьмы 33 человека (15 лам и 18 светских лиц), условно осуждены и впоследствии амнистированы 86 человек (81 лам, 5 аратов).

Имущественное состояние расстрелянных было следующим: имеющих от 1 до 20 хуби⁹ — двое лам, зажиточных светских лиц — нет, аратов — 4; от 21 до 50 хуби — семеро лам, светских — двое, аратов — трое; имеющих от 50 до 100 хуби — двое лам, светских — нет и аратов — двое; имеющих свыше 100 хуби: лам — от 8 до 14 человек, светских — от 7 до 9, аратов — от двух до 11. То есть имеющих от 1 до 20 хуби в восстании приняли участие всего шестеро человек, от 21 до 50 хуби — 12, от 50 до 100 хуби — четверо и имеющих свыше 100 хуби — от 17 до 39 человек [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 554–575].

Необходимо отметить, что только в монастыре Тогсбуянт произошло восстание лам, хотя к мятежу были готовы и ламы из монастыря Бухморин и Бодончи. Однако репрессивные меры со стороны монгольского правительства и быстрое подавление восстания в монастыре Тогсбуянт охладил пыл повстанцев из этих монастырей. Созданная комиссия по расследованию причин восстания в монастыре Тогсбуянт и неосуществившихся мятежей в монастырях Бухморин и Бодончи среди главных отметила: принудительное выселение послушников до 18 лет, не распространив отмену на уже выселенных; запрещение заниматься земледелием; принудительное вовлечение аратов в колхозы; взимание повинностей с населения для обеспечения пограничных цагд [Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 554–575].

Заключение

Таким образом, выявленные из Центрального архива ФСБ РФ документы наглядно показывают мероприятия в отношении религии и ламства в Монголии в указанный период. Репрессивные меры со стороны монгольской

⁹ Хуби (монг. *хувь*) — доля, пай; условная счетная налоговая единица, равная 30 тугрикам применительно к скоту и 90 тугрикам — к недвижимому имуществу.

партии и правительства основательно подорвали главенствующую их роль в стране. Карательные меры по отношению к религии и ламству Монголии продолжались и на протяжении 1930–1940-х гг. Именно этот период характеризуется как время жесточайших репрессий против ламства. К 1938 г. из 771 монастыря были закрыты 615 (оставшиеся закрыли позже), а «из шести тысяч арестованных лам выжило незначительное число» без учета погибших в 1928–1932 и 1937–1938 гг. [Сабиров 2012: 96]. К 1940-м гг. в «МНР ламство как многотысячное могущественное сословие перестало существовать» [История Монголии 2007: 103].

Источники

ЦА ФСБ России — **Центральный архив ФСБ России:**

Информационное сообщение о планах сторонников монгольской автономии относительно присоединения Синьцзяна к МНР // Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 242–242об. Машинописная копия.

Информационное сообщение ИНО ОГПУ о ламских настроениях // Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 9–13об. Подлинник.

Архив УФСБ России по Омской области — **Архив УФСБ России по Омской области:**

Информационное сообщение Восточного отдела ОГПУ о прениях по ламскому вопросу на V съезде МНРП // Ф. 65. Д. 9920. Л. 10–12. Заверенная копия.

Информационное сообщение Восточного отдела ОГПУ о прениях по ламскому вопросу на V съезде МНРП. Приложение // Ф. 65. Д. 9920. Л. 18–20. Заверенная копия.

Из информационного сообщения о политической ситуации в МНР за октябрь – ноябрь 1928 г. // Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 142–158. Машинописная копия.

Информационное сообщение о планах монгольских сторонников автономии относительно присоединения Синьцзяна к МНР // Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 211–212об. Машинописная копия.

Информационное сообщение о попытке организации ламской либерально-клерикальной партии. Приложение // Ф. 65. Д. 9920. Л. 184–185. Заверенная копия.

Информация ОО ОГПУ БМР по Монголии (по состоянию на сентябрь 1929 г.). Приложение // Ф. 65. Д. 9920. Л. 262–264. Заверенная копия.

Информационное сообщение о ламстве при правом руководстве МНРП. Приложение // Ф. 65. Д. 9920. Л. 350–365. Заверенная копия.

Информационное сообщение о настроениях делегатов VIII съезда МНРП // Ф. 65. Д. 9920. Л. 427–432. Заверенная копия.

Информационное сообщение Облотнодела ОГПУ БМР о настроениях в среде ламства. Приложение // Ф. 65. Д. 9920. Л. 332–341. Заверенная копия.

Доклад начальника ГВО МНР Б.-О. Элдэв-Очира о ликвидации контрреволюционного восстания ламства и феодалов в Северо-Западной Монголии (10 мая 1930 г.) // Ф. 65. Д. 9920. Л. 554–575. Заверенная копия.

Sources

Central Archive of the Federal Security Service of Russia:

[Plans of Mongolian Autonomy Proponents about Annexation of Xinjiang to the Mongolian People's Republic] (information report). Fond 2. Ser. 8. File 378. P. 242. Typed copy. (In Russ.)

[Sentiments among the Buddhist Clergy] information report of Foreign Affairs Department, Joint State Political Directorate / OGPU). Fond 2. Ser. 8. File 307. Pp. 9–13. Original document. (In Russ.)

Archive of Omsk Oblast FSB Department:

[Debates on the Issue of Buddhist Clergy at the 5th MPP Congress] (information report of Oriental Department, OGPU). Fond 65. File 9920. Pp. 10–12. Certified copy. (In Russ.)

[Debates on the Issue of Buddhist Clergy at the 5th MPP Congress] (information report of Oriental Department, OGPU; supplement). Fond 65. File 9920. Pp. 18–20. Certified copy. (In Russ.)

[Political situation in the MPR: October – November 1928] (excerpt from information report). Fond 65. File 140. Vol. 4. Pp. 142–158. Typed copy. (In Russ.)

[Plans of Mongolian Autonomy Proponents about Annexation of Xinjiang to the MPR] (information report). Fond 65. File 140. Vol. 4. Pp. 211–212. Typed copy. (In Russ.)

[An Attempt of Establishing a Lamaist Liberal and-Clerical Party] (information report). Fond 65. File 9920. Pp. 184–185. Certified copy. (In Russ.)

[Situation in Mongolia: as of September 1929] (information report of Buryat-Mongolian Regional OGPU Department; supplement). Fond 65. File 9920. Pp. 262–264. Certified copy. (In Russ.)

[Buddhist Clergy Affiliated to the Right Wing of the MPP's Leadership] (information report; supplement). Fond 65. File 9920. Pp. 350–365. Certified copy. (In Russ.)

[Sentiments among Party Delegates to the 8th MPP Congress] (information report). Fond 65. File 9920. Pp. 427–432. Certified copy. (In Russ.)

[Sentiments among the Buddhist Clergy] (information report of Buryat-Mongolian Regional OGPU Department; supplement). Fond 65. File 9920. Pp. 332–341. Certified copy. (In Russ.)

[Suppression of a Counterrevolutionary Revolt Initiated by the Clergy and Feudalists in Northwestern Mongolia] (report by B.-O. Eldev-Ochir, Head of the MPR's State Homeland Security Service; May 10, 1930). Fond 65. File 9920. Pp. 554–575. Certified copy. (In Russ.)

Литература

Буддийская традиция 2015 — Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. М.: Наука; Вост. лит., 2015. 238 с.

Думбурай 2002 — *Думбурай А.* Увс аймгийн хүрээ хийд ба түүний лам нарын хувь заяа (Түүхэн тэмдэглэл) (= Монастыри Убсунурского аймака и судьбы его монахов (исторические записи). Улаанбаатар, 2002. 44 х.

История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Рощин 1999 — *Рощин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

Сабиров 2012 — *Сабиров Р. Т.* Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI вв. // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 3. С. 95–100.

References

[History of Mongolia: 20th Century]. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)

[The Buddhist Tradition in Kalmykia and Western Mongolia: Sacred Objects]. E. P. Bakaeva, K. V. Orlova, N. Khishigt, Ts. Enkhchimeg. Moscow: Nauka; Vost. Lit., 2015. 238 p. (In Russ.)

Dumburay A. [Monasteries of Uvs Aimag and Destinies of Its Monks: Historical Notes]. Ulaanbaatar, 2002. 44 p. (In Mong.)

Roshchin S. K. [Political History of Mongolia: 1921–1940]. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 327 p. (In Russ.)

Sabirov R. T. Buddhism in Mongolia at the turn of the 21st century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2012. No. 3. Pp. 95–100. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 750–760, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-750-760
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (47)

**«Для твердого примирения кайсацкого народа с калмыцким
 надлежит показать им удовольствие».
 «Разменная карта» в степной дипломатии в середине XVIII в.**

Илья Васильевич Торопцын¹, Жанат Бековна Кундакбаева², Данара Аксеновна Сусеева³

¹ Астраханский государственный университет (д. 20а, ул. Тагитцева, 414056 Астрахань, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-7542-3337. E-mail: itoropitsyn@mail.ru

² Казахстанский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алма-Ата, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0003-3074-6332. E-mail: janbekkun@mail.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация).

доктор филологических наук, профессор

ORCID: 0000-0001-8814-8007. E-mail: suseeva@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Проблема изучения взаимоотношений народов России на различных этапах развития российской государственности остается чрезвычайно востребованной и актуальной темой в исторической науке. В процессе исторического развития России в орбиту внутренней и внешнеполитической жизни страны вовлекались самые разные народы. Перед российскими властями постоянно стояла задача удержать их в составе государства. Для этого требовалось определить им место и роль в системе государственного устройства страны. Однако далеко не все народы ранее поддерживали мирные отношения со своими новыми соседями. Центральным и местным российским властям приходилось искать пути преодоления возникающих трудностей в налаживании мирного сосуществования разных народов. В ход шли различные приемы военного, административного и дипломатического характера. В числе последних использовался фактор удержания и возврата заложников или пленных. *Цель* — рассмотреть калмыцко-казахские взаимоотношения в середине XVIII в. и роль российских властей в налаживании мирного сосуществования двух степных народов в составе одного государства под верховенством российского закона; изучить различные аспекты, связанные с ролью пленных в дипломатических контактах российских властей с представителями степной знати. *Результаты.* Вступление в 30-х гг. XVIII в. казахов Младшего и Среднего жузов в российское подданство создало определенный феномен, когда в составе российского государства оказались два степных народа, придерживавшиеся в политике взаимоотношений друг к другу практики взаимных набегов. Российские власти в 1740-х гг. предприняли усилия для налаживания мирного сосуществования калмыков и казахов под верховенством Российской империи.

В качестве дипломатического инструмента применялась практика добровольного возврата пленных, сопровождавшая переговорный процесс. *Выводы.* Анализ рассмотренных фактов позволяет говорить о том, что в середине XVIII в. в рамках взаимоотношений со степными народами российские власти широко использовали фактор обмена пленными для достижения необходимых результатов в переговорном процессе.

Ключевые слова: калмыки, казахи, российские власти, пленные, XVIII в., Астраханская губерния, Оренбургская комиссия

Благодарность. Работа выполнена в рамках стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России», реализуемого в рамках программы развития Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова как опорного регионального университета и поддержанного внутривузовским грантом 2019 г. № 1094 «Русско-калмыцко-казахские отношения» (на материале документов Калмыцкой комиссии, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, в бытность ее главой В. Н. Татищева)».

Для цитирования: Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., Сусеева Д. А. «Для твердого примирения кайсацкого народа с калмыцким надлежит показать им удовольствие». «Разменная карта» в степной дипломатии в середине XVIII в. *Oriental Studies*. 2019;(5): 750–760. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-750-760.

UDC 94 (47)

‘For Sound Reconciliation between the Kaisak and Kalmyk Peoples, It Is Necessary to Please Them’: a Mediating Means in the Mid-18th-Century Steppe Diplomacy

Ilya V. Toropitsyn¹, Zhanat B. Kundakbaeva², Danara A. Suseeva³

¹ Astrakhan State University (20a, Tatischev St., Astrakhan 414056, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Assistant Professor

ORCID: 0000-0002-7542-3337. E-mail: itoropitsyn@mail.ru

² Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., Almaty 050040, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor

ORCID: 0000-0003-3074-6332. E-mail: janbekkun@mail.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

ORCID: 0000-0001-8814-8007. E-mail: suseeva@gmail.com

Abstract. *Introduction.* Studies of relations between the peoples of Russia at various stages of its statehood development remain much needed and relevant in contemporary historical science. The process of Russia’s historical development involved most different nations into the orbit of its domestic and foreign policies. So, the Russian government was constantly facing with the challenge of retaining them within the state. To facilitate that, it was essential to determine their places and roles in the state structure. However, not all nations had previously maintained peaceful relations with their new neighbors. The central and local Russian authorities had to search for ways to overcome the difficulties encountered in establishing peaceful coexistence of different peoples, employing vast military, administrative and diplomatic methods. The latter included retention and return of hostages or captives. *Goals.* The paper seeks to examine Kalmyk-Kazakh relations in the mid-18th century, identifying the Russian government’s role in establishing peaceful coexistence of the two steppe peoples within one state under the rule of Russian law; it also aims to investigate various aspects related to the role of captives in diplomatic contacts between the Russian establishment and representatives of steppe nobility. *Results.* The fact that in the 1730s Kazakhs of the Junior and Middle Zhuzes virtually became Russian citizens resulted a certain phenomenon: one state was then housing two steppe peoples relations between which were primarily reduced to mutual raids and hostilities. In the 1740s, Russian authorities made some efforts to facilitate peaceful coexistence of Kalmyks and Kazakhs under the rule of the Russian Empire. The diplomatic tool to have accompanied negotiation

processes was the practice of voluntary return of captives. *Conclusions.* The analysis of the facts examined suggests that when it came to relations with the steppe peoples in the mid-18th century, the Russian authorities made extensive use of captives exchange to achieve wanted results in negotiation processes.

Keywords: Kalmyks, Kazakhs, Russian government, captives, Astrakhan Governorate, Orenburg Commission, 18th century

Acknowledgments: The reported study was granted by the Gorodovikov Kalmyk State University (2019, no. 1094 'Russian-Kalmyk-Kazakh Relations'), strategic project 'Kalmykia as a Cross-Border Region in the Eastern Vector of Russia' implemented as part of the program 'Development of the Gorodovikov Kalmyk State University as a Region-Level Flagship University' (case studies of documents housed by the National Archive of Kalmykia and dealing with the Kalmyk Commission headed by V. N. Tatishchev).

For citation: Toropitsyn I. V., Kundakbaeva Zh. B., Suseeva D. A. 'For Sound Reconciliation between the Kaisak and Kalmyk Peoples, It Is Necessary to Please Them': a Mediating Means in the Mid-18th-Century Steppe Diplomacy. *Oriental Studies*. 2019;(5): 750–760. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-750-760.

Введение

Взаимоотношения степных народов не всегда были мирными. Случаи взаимных набегов, сопровождавшиеся угоном скота и захватом людей, являлись довольно распространенным явлением. Как свидетельствует историография, калмыки и казахи не прекращали данную практику даже в период нахождения в составе России, периодически тревожа в XVIII в. своими набегам не только ближайшие улусы, но и русские поселения [Попов 1861: 339, 401; Витевский 1897: 251–252; Аполлова 1960: 114; Басин 1971: 151–152; Бакунин 1995: 42–43, 58–59; Левшин 1996: 200; Митиров 1998: 193–194; Кундакбаева 2005: 136, 196–197; Цюрюмов 2007: 228, 274–277].

Захваченные в плен люди становились собственностью пленившего их владельца и использовались в кочевом хозяйстве либо служили объектом продажи в третьи страны [Казахско-русские отношения 1961: 184]. Отпуск на родину мог быть осуществлен в результате обмена, иногда вынужденного, например, под угрозой применения вооруженной силы или баранты, либо акта доброй воли. А. И. Левшин, к примеру, замечает, что в ходе обострения казахско-русских отношений в 1740-х гг. российские власти хотели «вооружить» против казахов калмыков. «Между тем Неплюеву приказали стараться при удобных случаях захватывать в аманаты киргизов знатнейших

семейств, — пишет он. — От сего ли распоряжения или от другой причины, но Абулхайр вдруг возвратил значительную часть россиян, взятых ордою в плен при последних набеггах, прочих обещался скоро выдать» [Левшин 1996: 208].

Ханы и старшины практически не имели влияния на процесс взаимоотношений хозяина с захваченными ими пленными. Российским властям регулярно приходилось сталкиваться с этой проблемой. Например, в 1740 г. на съезде в Оренбурге с представителями казахской знати российскими представителями неоднократно поднимался вопрос о возврате пленных. «Особенно остро он встал потому, — пишет Н. Г. Аполлова, — что после крупного похода казахских ханов и султанов на волжских калмыков в 1738 г. пленные калмыки составили значительный процент их военной добычи, — а затем оказались разбросанными по разным аулам» [Аполлова 1960: 120].

В. Я. Басин и А. В. Цюрюмов, рассматривавшие данный вопрос, сообщают важные подробности состоявшихся в Оренбурге переговоров в отношении захваченных казахами калмыков: «По откровенному заявлению Джаныбека, всех их невозможно возвратить, так как многие из них проданы на рынках Хивы и Бухары» [Басин 1971: 153; Цюрюмов 2007: 228]. В этих условиях, указывает Н. Г. Аполлова, «царское правительство, учитывая, что вернуть пленных

как русских, так и подданных России — волжских калмыков и башкир было очень трудно, соглашалось на выкуп их» [Аполлова 1960: 120].

Но и при этом процесс возвращения пленников мог затянуться на неопределенное время. Как писал в 1741 г. хан Младшего казахского жуза Абулхаир начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту князю В. А. Урусову по поводу его требования о возвращении пленных из числа подданных России народов: «*О полоненных ис-под Астрахани татарах и калмыках доносили вам Абулмамет и Аблай салтаны, Джанбек-батыр, что будто об них знает хан, но токмо те, которые ездили, чинили то не по моему велению, и я к ним писал, чтоб они их возвратили, а ежели не возвратят, то б на меня не пеняли, будут разорены. Однако Вам самим надлежит больше их принуждать, мы Вашему всякому слову верим, токмо наши дикие кайсаки и каракалпаки нам не верят*». Хан Абулхаир признавался, что заставить владельцев вернуть захваченных в плен людей он не в состоянии — «*пока сюда сила не прибудет, то наши дураки кайсаки не разумеют и не боятся, всяк, своих полонников не отдает*» [Казахско-русские отношения 1961: 175–176].

В свою очередь и российские власти не могли произвольно требовать возврата в казахские и калмыцкие улусы выкупленных россиянами у этих народов пленных. Так, например, в 1739 г. начальник Оренбургской комиссии князь В. А. Урусов на просьбу Джаныбек батыра из Среднего казахского жуза о выкупе находившихся в плену у яицких казаков казахов, купленных ими у калмыков, потребовал, чтобы сначала казахам вернули табун лошадей, угнанных казахами у них, а также возвратили одного «казацкого парня, тогда ж взятого». После этого казахам будет приказано вернуть казахам их пленников «за такой выкуп, как казаки у калмык оных киргизцов купили, представя, что казаков без удовольствия по правам е. и. в. оставить невозможно» [Казахско-русские отношения 1961: 132].

Показательно в этом отношении и письмо астраханского губернатора В. Н. Татищева от 27 июня 1742 г. к ханше Дарме Бале на ее просьбу о выдаче вывезенной из плена калмычки: «изволите просить, чтоб вывезенную дворянином Черкесовым ис кайсак

калмыцкую женку отдать и по тому вашему письму он Черкесов призыван и спрашиван, на что объявил, что показанная женка и с робенком у него, и ежели ему повелено будет по требованию вашего сиятельства отдать, то б произшедшие ево убытки, как он в кайсаки людей своих посылал и тамо оную женку с протчими чрез немалые подарки получил, возвратить или отдать за нее кайсацких дву полонников и по тому ево Черкесова объявлению, что изволите учинить, благоволите меня уведомить, а без того мне у него Черкесова взять не можно» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 507–507об.].

В этих условиях добровольный возврат пленных и имущества становился знаковым событием, свидетельствующим о желании сторон установить мирные отношения. Соответствующий пункт, например, был включен в мирный договор, заключенный между калмыками и казахами в 1741 г., — «сделать размен пленных поголовно человека на человека» [Новолетов 1884: 27–28].

Цель и материалы исследования

Цель работы заключается в попытке рассмотреть один из основных элементов степной дипломатии, заключавшийся в использовании пленных, захваченных противоположными сторонами, в качестве «разменной карты» при ведении дипломатических переговоров об установлении мирных отношений между калмыцким и казахским народами при посредничестве российских пограничных властей.

Источниковую базу составили опубликованные источники и исследования по истории калмыцкого и казахского народов, а также архивные документы.

Анализ историографии свидетельствует, что в большинстве трудов, затрагивающих связи калмыков и казахов в середине XVIII в., отмечается сложный характер взаимоотношений двух соседних кочевых народов между собой. Исследователи в основном обращают внимание на примеры взаимных набегов. Вопросам обмена пленными между казахами и калмыками в контексте мер, предпринимавшихся российскими властями по предотвращению межнациональных конфликтов в Северном Прикаспии, уделяют внимание лишь некоторые авторы [Аполлова 1960: 114, 120; Басин 1971: 152–153; Цюрюмов 2007: 228, 274]. При этом в историографии содержит-

ся крайне мало сведений, которые бы позволяли судить о том, какое значение придавалось российскими властями самому факту обмена пленными и той роли, которую могли бы сыграть эти пленники в процессе налаживания мирных отношений между двумя степными народами.

Важные данные по этому вопросу можно почерпнуть из опубликованных и архивных источников. Ряд документов сохранился в сборниках, посвященных казахско-русским отношениям в XVIII в. Несмотря на то, что они были изданы в середине XX в., содержащиеся в них сведения по-прежнему не утратили своей актуальности. Но наибольший интерес для раскрытия избранной темы представляют неопубликованные документы, извлеченные из фонда № И.-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Бюджетного учреждения Республики Калмыкия «Национальный архив» (далее — НА РК) и фонда № 394 «Астраханская губернская канцелярия» Государственного архива Астраханской области (далее — ГА АО). Документы НА РК позволяют судить о том, какую роль отводил обмену пленными между калмыками и казахами астраханский губернатор В. Н. Татищев, которому были поручены калмыцкие дела, а документы ГА АО показывают, какая политика осуществлялась российскими властями в отношении задержанных казахов и как эти пленные были использованы оренбургскими властями в переговорах с ханом Младшего казахского жуза.

Основная часть

В условиях начавшегося в 1740-х гг. процесса налаживания мирного сосуществования в России калмыков и казахов пленным, оказавшимся в российском плену, суждено было сыграть важную роль в переговорах, инициированных в 1742 г. российскими властями. Астраханский губернатор В. Н. Татищев решил разыграть эту «разменную карту» с целью склонить казахских владельцев к выполнению условий, поставленных перед ним центральной властью, — провести примирительный съезд калмыцкой и казахской знати, на котором все участники лично должны были подписать условия мирного соглашения.

28 января 1742 г. В. Н. Татищев обращается в Астраханскую губернскую канцелярию с промеморией, в которой пишет: «при-

ехавшие киргизские посланцы просили о содержащихся здесь киргисцах трех человек Муратае Муратаеве, Абасе Меирбекове, Баймурзе Атюмове, чтоб их освободя из-под караула с ними отпустить в орду, а понеже при нынешних случаях для твердого примирения кайсацкого народа с калмыцким надлежит показать им удовольствие, они же держатся токмо по поимке в приходящих партиях, того ради губернской канцелярии сим представляю, чтоб благоволила оных содержащихся кайсаков для отпуску в орду их освобождая прислать ко мне» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 74].

Помимо этого, астраханский губернатор дает указание разыскать в губернии и других казахских пленных. В письме к батыру Джанибеку от 28 января 1742 г. В. Н. Татищев подчеркнул: «по просьбе вашей Джигартюлеву жену Андевет с сыном велел отыскать. И как отыснут, то вашим посланцом отдадутся» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 76].

Заинтересованность астраханского губернатора в поиске конкретных казахов, находившихся в плену у жителей Астраханской губернии, объясняется той важной ролью, которую играли их родственники в казахском обществе. Об этом свидетельствуют его письма к хану Младшего казахского жуза Абулхаиру и к Джанибек батыру из Среднего казахского жуза от 2 февраля 1742 г., выявленные в Национальном архиве Республики Калмыкия. В. Н. Татищев извещал казахского хана, что к нему в улусы поехал калмык Цойраши с товарищами «для отыскания пограбленного прешедшим летом в августе вашими людьми Цекер Тюлепом¹ и Серкой батыром при нападении на калмык от Красного Яра² при урочище Монхомара от русских взяли в полон крещеных калмык 27 человек, и отогнали лошадей коров и овец всего 450, по которому Джанибек батыр пишет ко мне, что оных велел отыскать Джигартюлю батыру» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 87об.]. В тот

¹ В текстах документов встречается разное написание имени данного человека, например, Цакир Тюлеп. Разночтения следует отнести на счет авторов писем, которые воспринимали на слух имя и фамилию казахского посланца.

² Красный Яр — город в Астраханской губернии, располагался на левом берегу реки Бузан в дельте реки Волги.

же день В. Н. Татищев в письме к Джанибек батыру отметил, что освободил свойственников Исета батыра и Букенбай батыра, содержащихся в Астрахани под караулом, и отпустил с казахскими посланцами в «орду» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 90об.].

Между тем обмен пленными между казахами и калмыками набирал обороты. 20 мая в Астрахань приехали посланцы от казахских старшин Исета и Ачбайбия «с известием, что они взяты от Красного Яра полоненников мужеска и женска полу 14 человек, двенадцать лошадей, 5 верблюдов» передали присланным от астраханского губернатора людям. В свою очередь казахские посланцы привезли письменное обращение от своих старшин, в котором просили, «чтоб их кайсацких полоненников здесь оттилкав по тому ж им возвратить» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 444].

3 июня 1742 г. астраханский губернатор сообщил в ответном письме хану Абулхаиру, султанам и старшинам Младшего казахского жуза, что по этому обращению удалось отыскать в Черном Яру³ и в Астрахани двух казахов, которых передали прибывшим посланцам. В. Н. Татищев пообещал, что в будущем, «где случится то по тому ж удержаны не будут». При этом губернатор отметил: «а понеже оных красноярских полоненников ни чем более как вашего высокопочтения добрым старанием оттилкавы, того ради по той вашей пред ея имп. велвом. верности вам подтверждаю, чтоб и достальных полоненников 13 человек, лошадей, верблюдов коров и баранов всего числом за присылкою 433 приказали как можно наискорее оттилкавы и посланным от сюда Цорше⁴ с товарысчи отдать без задержания» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 444–444об.].

В. Н. Татищев отправил также письма самим батырам Исету и Ачбайбию. Сообщив о получении от них писем, губернатор писал в ответ: «и первым просите, чтоб ваших находящихся здесь полоненников оттилкав вам возвратить, по которому посланник ваш Цакир Тюлеп от меня для отыскания в Черный Яр послан, где одну женку, о кото-

³ Черный Яр — город в Астраханской губернии, располагался на правобережной стороне реки Волги между Астраханью и Царицыном.

⁴ Имеется в виду калмык Цойраши. Сокращенное написание имени калмыцкого посланца следует отнести на счет автора письма.

рой прежде сего Джанибек батыр неоднократно просьбой писал, отыскали да здесь одного ево Цакира родственника выкупя отдал ему Цакиру Тюлепу и впредь, если отысканы будут по тому ж возврасчено будет». В свою очередь астраханский губернатор напомнил обоим казахским батырам, чтобы они возвратили «достальных полоненников, взятых от Красного Яра 13 чел., лошадей, верблюдов коров и баранов 433» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 446]. Аналогичное письмо В. Н. Татищев отправил и в Средний жуз к знатым старшинам Джанибеку батыру, Серпе батыру и другим.

Отдельной темой в этих переговорах стал вопрос о возвращении снохи хана Младшего жуза Ханы, на чем настаивал Абулхаир. 24 марта 1742 г. в Астрахани было получено письмо из Оренбургской комиссии, в котором шла речь о невесте Эрали султана, сына Абулхаир хана, находившейся в плену у калмыков. Астраханский губернатор «с довольным разсуждением, как оно ныне для утверждения между кайсацким и калмыцким народом мира весьма нужно» написал по поводу нее наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Даши. В ответ наместник сообщил, что «тое женку брат ево владелец Бодонг взял себе в жену, о которой же и на пред сего генерал порутчик князь Урусов к хану Дундук Омбе писал, токмо де он не отдал». Дондук-Даши еще до обращения к нему В. Н. Татищева предложил забрать сноху хана Абулхаира приехавшему в Астрахань казахскому старшине Букенбаю, «но ниже уведомился, что она от брата его брюхата и потому де ее ныне возвратить не надлежит, а когда де родит, тогда возвратить, а младенца оставить у них». В. Н. Татищев согласился с этим мнением. «Кайсаки же приехавшие сюда за тем об отправлении к наместнику просили, — писал астраханский губернатор в канцелярию Оренбургской комиссии, — и хотя я по тем обстоятельствам не хотел их отправить, однако лучше сами от наместника дожидаться ль оного будут, как она родит, о том я не сведом, только оставил на их волю» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 287–288].

27 сентября 1742 г. руководитель Оренбургской комиссии И. И. Неплюев, докладывая Коллегии иностранных дел о мерах, принятых им для удержания казахских ханов Абулхаира и Абулмамбета в российском

подданстве, в числе прочих указал на фактор возвращения знатных казахских пленных. «Абулхаир хану о том, что невестку ево, находящуюся у волских калмык в полону, указом ея и. в., посланным к т. с. Татищеву, повелено оттискать и прислать ко мне для отдачи ему, Абулхаир хану, удовольствовав платежом и кормовыми, объявил, — писал И. И. Неплюев, — чим он весьма был доволен и за милость ея и. в. благодарил» [Материалы 1948: 43].

В начале октября 1742 г. И. И. Неплюев напомнил В. Н. Татищеву об этом деле и, сославшись на указ Коллегии иностранных дел, просил оказать содействие в возвращении снохи Абулхаир хана ее мужу. «Причем считает необходимым «удовольствоваться» ее платьем и кормовыми деньгами, — пишет Н. Н. Пальмов, — чтоб он, Абулхаир-хан, и ево дети, также и прочие кайсацкие старшины для пользы ее и. в-ства тем обнадеживанием действительно удовольствованы быть могли» [Пальмов 1927: 40–41].

В первых числах октября 1742 г. состоялась встреча В. Н. Татищева со снохой Абулхаир хана Ханой, которой он объявил, что намерен отправить ее «по способности на Яик, ибо же ея свекор Абулхаир хан к нему тайному советнику пишет, чтоб ее прислать к нему наискорее». Астраханский губернатор поинтересовался у нее, намерена ли она дожидаться в Черном Яру калмыцкого владельца Бодонга, который взял ее себе в жены, но находился в тот момент в бегах, или казахский Эрали султан ей «любяе»? Хана ответила: «ежели де можно то де Бодонга дожидатца станет, а быть де еи в своем народе приятнее для того, что родителей своих видеть рада, однако ж де она будучи и у Бодонга нужды и недостатка ни в чем не видела, им содержана была изрядно» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 491–492].

В разговоре выяснилось, что Хана знала В. Н. Татищева по его прежнему месту службы в Оренбургской комиссии, где она его встречала. Астраханский губернатор поинтересовался ее национальностью, на это она заявила, что является казашкой, но была захвачена башкирами «и потом от них паки завоевана Абулхаир ханом и отдана в замужество за ево сына». Пользуясь случаем, Хана попросила губернатора обеспечить ее зимней одеждой («азям вишневыи с шестью пуговицами серебряными, сапоги,

шапку» и т. д.). В. Н. Татищев пообещал выполнить ее просьбу [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 492].

Спустя два дня астраханский губернатор призвал посланника хана Абулхаира Цакир (Цекер) Тюлепа и приказал ему отправиться в улусы к ханше Дарма Бале и дожидаться писем, которые поступят из Астрахани, с которыми он должен был возвращаться к казахскому хану. В. Н. Татищев поручил ему передать Абулхаир хану, чтобы он прислал в Черный Яр нарочного для «взятья снохи своея Ханы» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 493].

Возвращение знатной пленницы в казахские степи состоялось в том же году. 14 ноября 1742 г. астраханский губернатор написал в Оренбург Н. Н. Неплюеву: «Эрали-салтанова жена, надеюся, к вам уже прибыла, или вскоре прибует. Не изволите ль заранее Абулхаир хану дать знать? А от меня к нему писано» [Пальмов 1927: 41].

В 1743 г. шаткий мир, установившийся между калмыками и казахами, был нарушен. Русские ватаги и калмыцкие улусы в Нижнем Поволжье подверглись набегам казахов, отряды которых действовали на обширном пространстве от низовьев дельты Волги до города Царицына. В плен к ним попадали как русские жители, так и калмыки.

Наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши жаловался, что казахи, «наруша постановленной с калмыцкими владельцами мир, зимою, шестерократно, подбегая под их калмыцкие улусы, чинили нападение и взяли от оных в добычу себе людей более 300 душ, а пожитков и скота и весьма много...» [А. Б. 1938: 144]. Однако, как отмечали астраханские власти, нападения казахов могли быть спровоцированы действиями калмыков из «Лобжиных улусов», которые «неоднократно не в давне в кайсаки ходя разоряли» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 167. Л. 133].

Местные губернские власти старались оперативно реагировать на такие ситуации. Так, 24 января 1743 г. астраханский губернатор В. Н. Татищев послал ордер майору Аксакову, которым предписал выступить с отрядом драгун на защиту наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши. В том же документе говорилось, что майору Пархомову приказано было идти из Красного Яра

со всеми драгунами и казаками в те места, где подверглись нападению калмыки, для их обороны [НА РК. Ф. И.-35. Д. 168. Л. 5]. В отдельных случаях военным отрядам удавалось застигнуть налетчиков и нанести им поражение. В таких случаях нападавшие бросали захваченную добычу и стремились уйти от погони [Торопицын 2009: 242–246; Торопицын 2016б: 23–42; Торопицын 2018: 5–14].

За очередным набегом следовали, как правило, ответные действия, далее начинались переговоры, к которым подключались российские власти. Из письма астраханского губернатора к казахским старшинам Младшего жуза от 13 марта 1744 г. следует, что очередные переговоры между представителями обоих народов при посредничестве астраханских властей прошли на реке Эмба. «Оные ж ваши присланные, именован вашим, с наместником Дондук-Дашею договорились, — подчеркивал В. Н. Татищев в этом письме, — чтоб вам с калмыками мирно жить, и что вами до сего года со обеих сторон взято, того не отбирать и забвению предать, но только б впредь того не чинить и пребывать спокойно, без малейшего повреждения» [Пальмов 1927: 89]. Данный договор интересен тем, что обе стороны согласились отказаться от претензий на ранее захваченных людей и имущество, чтобы не плодить взаимные обиды.

Так как в ходе нападений казахи действовали не только против калмыков, но и русского населения, то российские власти распоряжались свободой взятых пленных по своему усмотрению. Нередко их использовали для обмена на русских людей, захваченных степными народами [Материалы 1948: 89; Кундакбаева 2005: 171–172; Торопицын 2016а: 266–273]. Задержанию со стороны российских властей могли подвергаться представители разных народов и в целях оказания давления на определенных владельцев. Так, в 1744 г. астраханский губернатор В. Н. Татищев удержал в Астрахани четырех казахов. Трое из них были задержаны до получения ответа от хана Младшего жуза Абулхайра «об учиненном от него, хана, астраханскому татарину, бывшему в Орде, грабеже», а еще один казах, входивший в число посланцев батыра Исета, был задержан по «письму Абулхайр ханову» [Материалы 1948: 116].

В ходе одной из пограничных стычек во время прихода в Нижнее Поволжье «воровской партии» русским отрядом были захвачены в плен двое казахов: Акман Колманаев и Кобян Кобянбаев. Обоих пленных доставили в Астрахань и содержали первое время в самом городе. 6 сентября 1744 г. по распоряжению астраханского коменданта полковника Ф. Кнутова их перевели в Енотаевскую крепость⁵ «для содержания здесь под караулом». 24 сентября того же года астраханский губернатор В. Н. Татищев дал указание производить им «из здешней суммы кормовые по 2 копейки каждому на день» [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. Л. 142].

Пребывание в русском плену обоих казахов затянулось на несколько лет. 2 ноября 1745 г. состоявшийся при калмыцких делах полковник Н. Спицын обратился к астраханскому губернатору с вопросом, что делать с содержащимися в Енотаевской крепости пленными казаками, «однако ж никакого о том определения от него не получено». Вторично поднимая этот вопрос 13 марта 1748 г. перед новым астраханским губернатором камергером И. А. Брылкиным, полковник Н. Спицын указал на сложности в содержании пленных в Енотаевской крепости. По его мнению, казахов «так продолжительное время здесь яко в степном месте и содержать опасно, дабы паче чаяния каким случаем уйтить не могли, которых за имеющимися здесь островами и по обыкновением их при таком случае укрывательству и отыскать будет невозможно». Поэтому он просил губернатора дать указание «оных кайсак куда надлежит отсюда отправить» [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. Л. 142]. Помимо этих двух казахов в плену в Астрахани находилось еще четверо их соплеменников из числа сопровождавших казахского посланника Тюмен абыза. Всех их задержали в Астрахани в 1746 г. «по причине подбега в том 746-м году» казахов к Красному Яру [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. Л. 248].

В середине 1740-х гг. оренбургские власти вели интенсивный диалог с казахской верхушкой, целью которого было наладить мирное сосуществование между двумя народами. И. И. Неплюев подчеркивал в своих письмах в Коллегию иностранных

⁵ Енотаевская крепость основана в 1742 г. на правом берегу реки Волги между Астраханью и Черным Яром.

дел: «что же касается до пленников калмык, похищенных, то хотя и народ киргизской по древней их с калмыками злобе к отдаче не склонен, однако ж я претензию об отдаче оных при всяком случае киргис-кайсакам напоминаю, а от наместника ханства, присланного для отправления в орду посланца, также и Абулхайрхановых дву человек здесь содержу до получения резолюции на репорт мой от 15 числа мая посланной, дабы мне в тех делах согласно с высоким определением, которого ожидаю, поступать». При этом оренбургский губернатор признавал, что в условиях степной дипломатии влиять на политику степных правителей через пленных от их народа не всегда можно эффективно. «Экспериментация показывает, — писал И. И. Неплюев в Коллегию иностранных дел в 1747 г., — что от того пользы нет, ибо и так задержано, кроме Ходжихмет-салтана со обретающимися в Казане здесь два, на Яике⁶ пять, в Ставрополе⁷ три, в Астрахани четыре, за которых от всех прозбы много, а не видно, чтоб кто прислал сколько-нибудь пленных на обмен, а вящше, что Абулхайр-хан в письмах своих об них и не упоминает» [Казахско-русские отношения 1961: 365]. Таким образом, многое зависело от того, кто именно находился в плену или был удержан под тем или иным предлогом.

14 мая 1748 г. оренбургский губернатор И. И. Неплюев обратился к астраханскому губернатору И. А. Брылкину с просьбой прислать всех содержавшихся под арестом в Астраханской губернии казахов в городок Гурьев. Оренбургские власти планировали использовать их в качестве «разменной карты» в ходе переговоров с ханом Младшего жуза Абулхайром. 13 июня того же года двух казахских пленников перевели из Енотаевской крепости в Астрахань, откуда всех шестерых казахов выслали в Гурьев. По пути один из бывших пленных умер. Пятеро оставшихся были отправлены далее в город Орск к бригадиру А. И. Тевкелеву, который

⁶ Имеется в виду Яицкий казачий городок — центр одноименного казачьего войска, располагался в нижнем течении реки Яик (современный Урал) на полуострове при слиянии Яика и реки Чаган.

⁷ Имеется в виду город-крепость Ставрополь, основанный в 1737 г. на реке Кунья Воложка при ее впадении в реку Волга для размещения в нем крещеных калмыков.

вел переговоры с ханом Абулхайром [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. Л. 248–249, 272, 389].

Выводы

Таким образом, можно видеть, что пленные были важной «разменной картой» в степной дипломатии. Требование возврата захваченных при набегах людей было в числе основных на переговорах, которые вели между собой враждующие стороны. И чем выше был статус пленника, тем больше он ценился удерживавшей его стороной, в то время как рядовые представители какого-либо народа могли быть проданы их новыми владельцами в третьи страны еще до того, как появлялась возможность их обмена. Данным ресурсом, который в достаточной мере имелся в распоряжении российских властей, активно пользовались губернаторы пограничных территорий России, занимавшиеся вопросами калмыко-казахских взаимоотношений.

В начале 1740-х гг. российские власти прилагали усилия к установлению мира между калмыками и казахами. В связи с этим в качестве дипломатических шагов, направленных на достижение нужного результата в переговорах, использовался механизм возврата пленных как акт доброй воли. При этом российской стороной делался акцент на возвращении родственников казахских ханов и влиятельных старшин, находившихся в плену у калмыков или под арестом в пограничных российских городах. Этими шагами астраханские и оренбургские власти пытались склонить казахскую знать к возврату пленных, захваченных в набегах на калмыцкие улусы и приграничные российские города, а также добиться от них так нужного России заключения мира между казахами и калмыками.

Источники

НА РК — БУ РК «Национальный архив Республики Калмыкия».

ГА АО — ГКУ АО «Государственный архив Астраханской области».

Казахско-русские отношения 1961 — Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сб. док-тов и мат-лов. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Казахской ССР, 1961. 741 с.

Материалы 1948 — Материалы по истории Казахской ССР. Т. II. Ч. 2. (1741–1751 гг.) / под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Казахской ССР, 1948. 456 с.

Sources

- [Kazakh-Russian Relations: 16th – 18th Centuries]. Coll. documents and materials. Almaty: Academy of Sciences of Kazakh SSR, 1961. 741 p. (In Russ.)
- [Materials on the History of the Kazakh SSR]. Vol. II, part 2: 1741–1751. M. P. Vyatkin (ed.). Almaty: Academy of Sciences of Kazakh SSR, 1948. 456 p. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

- А. Б. 1938 — *А. Б. (А. М. Бирзе)*. Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. № 2 (87). 1938. С. 129–173.
- Аполлова 1960 — *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года / Вступит. ст. М. М. Батмаева; предисл. В. Разумовской. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Басин 1971 — *Басин В. Я.* Россия и Казахские ханства в XVI – XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской Империи). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1971. 275 с.
- Витевский 1897 — *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. I. Казань: Типо-Литография В. М. Ключникова, 1897. 616 с.
- Кундакбаева 2005 — *Кундакбаева Ж. Б.* «Знаком милости Е. И. В. ...» Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. Серия «АИРО-монография». М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 304 с.
- Левшин 1996 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Новолетов 1884 — *Новолетов М.* Калмыки. Исторический очерк. СПб.: тип. В. Демакова, 1884. 79 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. Астрахань: Издание Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, 1927. 231 с.
- Попов 1861 — *Попов Н. В. Н.* Татишев и его время: эпизод из истории государственной, об-

- щественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия / соч. Нила Попова; издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М.: типография В. Грачева и К.^о, 1861. 804 с.
- Торопицын 2009 — *Торопицын И. В.* Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В двух частях. Ч. I. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 242–246.
- Торопицын 2016а — *Торопицын И. В.* Новые данные о судьбе участников Хивинской экспедиции князя А. Бековича-Черкасского. 1718–1719 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 266–273.
- Торопицын 2016б — *Торопицын И. В.* Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в. // Журнал фронтирных исследований. Астрахань, 2016. № 2. С. 23–42.
- Торопицын 2018 — *Торопицын И. В.* Участие астраханских юртовских татар в калмыцких делах в первой половине XVIII в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. № 8. Т. 2. С. 5–14.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

References

- A. B. (A. M. Birze). Excerpts from the history of Kazakhstan: 18th century. *Krasnyi arkhiv*. 1938. No. 2 (87). Pp. 129–173. (In Russ.)
- Apollova N. G. [Economic and Political Ties between Kazakhstan and Russia: 18th – Early 19th Centuries]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 456 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. [Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords (1761)]. M. M. Batmaev (introd.); V. Razumovskaya (foreword). Elista: Kalmyk Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Basin V. Ya. [Russia and Kazakh Khanates: 16th – 18th Centuries (Kazakhstan in Russia's Imperial Foreign Political Framework)]. Almaty: Nauka, 1971. 275 p. (In Russ.)
- Kundakbaeva Zh. B. [‘By the Law of Mercy...’: Russia and the North Caspian Peoples in the 18th

- Century]. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2005. 304 p. (In Russ.)
- Levshin A. I. [Description of Kirgiz-Kazak, or Kirgiz-Kaisak, Hordes and Steppes]. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. [Oirats – Kalmyks: Centuries and Generations]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Novoletov M. [The Kalmyks: a Historical Essay]. St. Petersburg: V. Demakov, 1884. 79 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. [The Volga Kalmyks: Historical Sketches]. Part II: 18th century. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1927. 231 p. (In Russ.)
- Popov N. [V. N. Tatishchev and His Time: an Episode from the History of Russia's State, Public and Private Life in the Early-to-Mid 18th Century]. K. Soldatenkov and N. Shchepkin (eds.). Moscow: V. Gracheva and C^o, 1861. 804 p. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Cossack service team in cases Kalmyk in the first half of XVIII century. *Journal of Frontier Studies*. 2016. No. 2. Pp. 23–42. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Defense operations of Kalmyk uluses: 1730–1740s. In: [United Kalmykia in United Russia]. Conf. proc. (Elista; September 13–18, 2009). In 2 vols. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 242–246. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. New data about the fate of the participants of the Khiva expedition of Prince A. Bekovich-Cherkassky. 1718–1719. In: [The Mid-Volga Peoples: Excerpts from the History and Culture]. Kazan: Märcani History Research Institute (Tatarstan Academy of Sciences), 2016. Pp. 266–273. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Participation of Astrakhan Yurt Tatars in Kalmyk affairs: early-to-mid 18th century. In: [The Mid-Volga Peoples: Excerpts from the History and Culture]. Kazan: Märcani History Research Institute (Tatarstan Academy of Sciences), 2018. Vol. 8. Part 2. Pp. 5–14. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. [Kalmyk Khanate as Part of Russia: Problems of Political Relations]. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Vitevsky V. N. [I. I. Neptyuev and Orenburg Lands before 1758]. Vol. I. Kazan: V. M. Klyuchnikov, 1897. 616 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 5, pp. 761–770, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-761-770
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 929.733

Институт зайсанства в традиционном тувинском обществе: история и трансформация в середине XVIII – начале XX вв.

Салимаа Сергеевна Ховалыг¹

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-2509-2402. E-mail: salimaa@mail.ru

Аннотация. *Цель* исследования — изучение истории и трансформации института зайсанства тувинского традиционного общества в середине XVIII – начале XX в. как наименее изученного социального института родовой потестарности тувинцев. Сегодня, накануне 100-летнего юбилея со дня создания Тувинской Народной Республики, являющейся официальной датой начала государственности Тувы, является необходимым обращение к историческим корням и изучение института родовых начальников. *Методы.* Опираясь на обширный этнографический материал, документальные архивные источники, а также применяя проблемно-хронологический и структурный методы, методы исторической компаративистики, автор анализирует историю и трансформацию института зайсанства в Туве. *Результаты.* Известно, что ко времени завоевания территории Тувы империей Цин в результате разгрома Джунгарии, у тувинских этнических групп уже имелась устойчивая общественная структура со сложившейся системой управления — зайсанами (чейзен). Институт зайсанства сохранился к началу XX в. в Туве в силу традиций и обычаев, несмотря на все нововведения маньчжурской администрации. Более того, он трансформировался под влиянием завоевателей в государственные органы власти со своей иерархией, функциями и дифференциацией. *Выводы.* В результате трансформации института зайсанов (чейзен) в Танну-тувинских хошунах в связи с особым геополитическим положением сложился особый управленческий аппарат с сильной внутренней автономией, четкой структурой, основанной на жесткой иерархии чинов и склонной к самостоятельности на местах.

Ключевые слова: Тува, традиционное тувинское общество, зайсан, чейзен, чангы, угердаа, амбын-нойон, бугуде-дарга, родовая аристократия, административная реформа

Для цитирования: Ховалыг С. С. Институт зайсанства в тувинском традиционном обществе: история и трансформация (XVIII – начало XX в.). *Oriental Studies*. 2019; (5) 761–770. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-761-770.

UDC 929.733

Zaysanism in Traditional Tuvan Society: History and Transformation in the Mid-18th – Early 20th Centuries

Salimaa S. Khovalyig¹

¹Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-2509-2402. E-mail: salimaa@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The article examines the history and transformation of zaysanism within traditional Tuvan society between the mid-18th and early 20th centuries, since the phenomenon remains one of the least investigated social institutions of Tuvan tribal structure. *Goals.* The work seeks to explore the history and transformation of zaysanism. Nowadays, on the eve of the 100th anniversary of the establishment of the Tuvan People's Republic — the official date marking the duration of Tuvan statehood — it is necessary to go back to historical roots and explore the institution of clan / tribal rulers. *Methods.* The study involves extensive ethnographic materials, documentary archival sources, and employs the problem-chronological, structural and historical-comparative methods to analyze the backgrounds and transformation of zaysanism in Tuva. *Results.* It is known that well before the defeat of Dzungaria and conquest of Tuva by the Qing Empire, the Tuvan ethnic groups already had a stable social structure characterized by an established administrative system — zaysans (Tuv. чейзен). Despite all innovations of the Manchu government, the institution of zaysanism — enforced by traditions and customs — survived in Tuva to the early 20th century. Moreover, the conquest lead to its further transformation into state authorities with certain hierarchy, functions and differentiation. *Conclusions.* Due to the specific geopolitical whereabouts, the transformation of the institution of zaysans in Tannu-Tuvan banners resulted in the emergence of a special administrative apparatus characterized by significant internal autonomy, well-defined structure, rigid hierarchy, and independence of local rulers.

Keywords: Tuva, traditional Tuvan society, zaysan, chayzen, changy, ugerda, ambyn-noyon, bugude-darga, clan aristocracy, administrative reform

For citation: Khovalyg S. S. Zaysanism in Traditional Tuvan Society: History and Transformation in the Mid-18th – Early 20th Centuries. *Oriental Studies*. 2019; (5) 761–770. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-761-770.

Введение

Современное тувинское общество находится на очередном витке модернизационных процессов, влияющих не только на политическое и социально-экономическое развитие, но и на духовно-нравственные и даже мировоззренческие аспекты культуры тувинского этноса, а также на ментальность народа. В историческом развитии тувинского этноса за последние два столетия неоднократно происходили системные трансформации, обусловившие современный облик тувинского социума. Один из таких витков произошел в XVIII–XX вв., когда территория тувинских племен попала под власть маньчжурской династии Цин. За довольно короткий срок путём административных реформ подверглась трансформации социальная организация тувинских племен, и затем изменения, произошедшие в последующие полтора столетия, плавно привели к формированию новых форм организации

государственной власти и местного самоуправления. В Туве происходит переход от потестарной власти к государственной, сопровождавшийся немалыми трансформациями в социальной сфере.

Актуальность темы определяется тем, что современные процессы глобализации и информатизации, с одной стороны, способствуют дальнейшему развитию тувинского общества, а с другой — неизбежно приводят к исчезновению отдельных элементов традиционного общества. В связи с этим возникает настоятельная потребность в научном осмыслении не только происходящих явлений, но и тех институтов, которые мы рискуем забыть. К числу наименее изученных институтов традиционного тувинского общества относится зайсанство (тув. чейзен) — институт родовых правителей.

Ученые, в разное время исследовавшие историю и этнографию тувинского народа, описали отдельные социальные группы, а

также систему управления тувинскими племенами [Бичурин 1834: 127–128, 130–136; Потанин 1883: 662–663; Яковлев 1900: 88; Грумм-Гржимайло 1926а; Грумм-Гржимайло 1926б: 683–684; Кон 1934: 38; Кабо 1934: 56–60], но научный анализ института родовых правителей, к сожалению, не входил в круг их научных интересов. В советский период также не встречаются специальные работы, посвященные исследованию истории и трансформации института зайсанства. Однако имеются отдельные упоминания в трудах известных советских ученых Л. П. Потапова [Потапов 1969], В. И. Дулова [Дулов 1956].

Научное изучение института зайсанства сегодня активно ведётся исследователями Республики Алтай, Республики Калмыкия. Институт зайсангов изучается в разрезе социальной организации калмыцкого общества в конце XVIII – начале XX в. [Батыров 2004: 7; Батыров 2016: 76–84; Komandzhaev A., Komandzhaev E., Vatyrov: 229–233], а также в рамках развития института публичной власти [Команджаев 2019: 219–243].

В связи с возрождением зайсаната в Республике Алтай исследованием истории и современности института зайсанства у алтайцев занимаются историки, этнографы: [Тадина 2008: 169–176; Тадина, Ябыштаев 2016: 181–196; Ябыштаев 2008; Ябыштаев 2016: 313–316].

Современными учёными институт зайсанства раскрывается в контексте этнографии, социальной антропологии, изучаются история института, современное состояние, а также есть работы, рассматривающие зайсанство в контексте обычного права [Учайкина 2013: 171–175; Учайкина 2016: 4].

Однако, поскольку институт родовых начальников тувинского общества середины XVIII – начала XX вв. остается малоизученным, целью настоящей статьи является изучение истории и трансформации института зайсанства в тувинском традиционном обществе.

Материалы и методы. Мы опираемся на принципы историзма и объективизма в качестве теоретико-методологической основы исследования, а при изучении социальных институтов используем комплексный подход, позволяющий провести

всесторонний анализ. Ключевыми методами исторического исследования стали проблемно-хронологический метод и структурный анализ. Принцип историзма позволил изучить исторические условия трансформации института зайсанов (чейзен) в государственный и административный орган власти и управления в период господства маньчжурской империи Цин. Научная объективность была достигнута за счет привлечения и анализа не только исторической литературы, но и архивных источников, а также этнографических материалов по организации и функционированию власти зайсанов в тувинском традиционном обществе. Метод исторической компаративистики позволил провести анализ и изучить историю института родовых начальников, его трансформацию в центральные и местные органы управления. Избранные методы дали возможность подчеркнуть целостность тувинского общества как открытой неравновесной системы, обеспечиваемой такими важными структурными элементами, как кочевое хозяйство и родовое управление. Концепция развития локальных цивилизаций позволяет нам определить традиционное тувинское общество XVIII–XX вв. как цивилизацию, являющуюся неотъемлемой частью кочевой культуры народов Центральной Азии, сложившуюся в процессе самоорганизации и целенаправленного управления зайсанами.

Традиционное тувинское общество включает в себя разные социальные институты, а также способы их организации. Идеологическую основу тувинского общества составляли сакрализация власти, духовная культура и, собственно, религия. Нами, не вдаваясь в теоретические проблемы роли личности в истории, представлена попытка классификации социального облика тувинского чиновничества, являющегося результатом трансформации института родовых начальников традиционного тувинского общества.

В качестве исторических источников в статье использованы опубликованные и неопубликованные архивные документы и этнографические материалы. В частности, в исследовании привлечены архивные документы Государственного Архива Российской Федерации [ГА РФ], Государственного архива Республики Тыва [ГА РТ].

Основная часть

Институт зайсанства тувинцев, история его возникновения, развития и трансформации берут начало из системы родовой организации тувинского общества, сложившейся еще во времена Монгольской империи, созданной чингизидами (XIII–XIV вв.). Сам институт родового правителя был распространенным для внутренней организации кочевых народов (алтайцев, калмыков, тувинцев, монголов и др.).

Тува в середине XVIII – начале XX в. находилась под властью империи Цин. Господство Цинской империи над тувинскими племенами было установлено в 1757 г.¹ и продлилось до 1912 г. Анализ исторической литературы даёт возможность установить факт наличия устойчивой формы социальной организации, существовавшей у тувинских племён еще до завоевания территории современной Тувы маньчжурами. Источники указывают, что тувинские племена делились на «поколения», а «поколения» — на роды. Например, Н. Я. Бичурин отмечает, что народ был разделен на «отоки, анги и цзисаи» [Бичурин 1834: 127–128, 130–136]. «Отоки» — это объединения нескольких родов, составлявшие личный удел хана, верховного правителя всех тувинских племен. «Анги» — это уделы ближайших родственников хана, «цзисаи» же были небольшими уделами, переданными духовенству. Далее Н. Я. Бичурин пишет, что верховным правителем четырех урянхайских племен был Чоросский хан². У Чоросского хана был собственный оток. Необходимо также подчеркнуть, что отоки, анги, цзисаи являлись крупными объединениями, потому что во внутреннем управлении они были разделены на роды, каждым родом управлял один цзайсан (зайсан) [Кабо 1934: 59–60], на тувинском языке называвшийся чейзен. Таким образом, в середине XVIII в. тувинские племена управлялись зайсанами. По словам Н. Я. Бичурина, тувинские зайсаны состояли в родстве с четырьмя ойротскими владетелями, управлявшими анги.

¹ Дата несколько условная, поскольку завоевание Тувы длилось несколько лет, начиная с 1755 г.

² Верховный правитель одного из племен, проживавших на территории Алтая и Тувы в XVII в.

Титул зайсана был наследственным, передававшимся от отца к сыну. Источники также уточняют, что Чоросский хан собирал подать с ханства Урянхайского³ [Потанин 1883: 662–663].

После падения Джунгарии в середине XVIII в. тувинские племена стали маньчжурскими подданными. Для выполнения управленческих задач и эффективного контроля над урянхайскими племенами была проведена административная реформа [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 70–73, 107, 404–405, 448–451]. Из прежних отоков, анги и цзисаев централизованным путем были сформированы военизированные административные единицы, которые соответствовали маньчжурским «знамёнам» [Потапов 1969: 38]⁴ — хошуны, сумоны и арбаны⁵. Цель реформы заключалась не только в реорганизации родовой системы управления, но и обеспечении приграничной территории постоянным войском, поскольку при первой же необходимости обеспечивался сбор войска. Например, один арбан был обязан выставить 10 мужчин [Липовцев 1828: 100]. Поскольку в одном сумоне могло быть от 5 до 10 арбанов, то даже один сумон мог обеспечить войско в среднем от 40 до 150 всадников в полной боевой экипировке. Как отмечали И. С. Брунерт и В. В. Гагельстром, если в одном хошуне было от 4 до 10 сумонов, то один небольшой хошун представлял собой полк. Несколько тувинских хошунов (полков) составляли дивизию, а пять дивизий — уже корпус [Брунерт, Гагельстром 1910: 371]. Все тувинские хошуны в военном отношении представляли собой серьезную боевую единицу.

В результате проведенной в 1759 г. военно-административной реформы тувинские племена были расформированы в четыре хошуна: Тесингольский (Оюннарский), Хемгольский (Салчакский или Саль-

³ Урянхайский край — официальное наименование территории современной Тувы в русских документах с XVII в., «урянхайцы» — наименование тувинских племен в китайских и монгольских источниках.

⁴ «Знамёна» представляли собой крупные подразделения маньчжурского войска, сопоставимые с европейскими дивизиями.

⁵ Арбан (монг.) — десяток, здесь: мелкая единица военно-административного деления. В тувинских арбанах дворов было более 10, иногда и более 20.

жакский), Тоджинурский (Тоджинский) и Хубсугульский. Однако Хубсугульский хошун уже в 1787 г. был отделен от остальных и переименован в Хасутский. Затем Хасутский хошун был передан в непосредственное управление маньчжурской администрации, находившейся в Улясутае [Потанин 1883: 12].

В 1764 г. в результате раздела западных тувинских племен, обитавших западнее от устья р. Хемчик и находившихся в подчинении монгольского князя, между его сыновьями, имевшими титулы бэйсе и гун⁶, было образовано еще два хошуна: Даа (Хемчикский) и Бээзи. В том же 1764 г. за серьезные проступки князь Даа (Хемчикского) хошуна был лишен титула гун. Административное управление первоначально было передано Кобдоскому хебей-амбыну, а на должность угерда, непосредственно ими управлявшего, утвердили зайсана Шарба. Затем управление Даа (Хемчикским) хошуном было передано Бугуде-дарга амбын-нойону, а Бээзи хошун остался под властью монгольского князя [Потапов 1969: 42].

Государственное и административное управление подчиненными тувинскими племенами было организовано путем преобразования института родовых начальников в институт наместников. В 1762 г. китайская администрация создала в Туве институт всеобщего управителя, которому были подчинены тувинские хошуны. В архивных документах фонда «Управление амбын-нойона» встречается упоминание полного титула всеобщего управителя тувинскими хошунами. В иерархии чинов и должностей, созданной в Цинской империи, всеобщий управитель именовался Бугуде-дарга (Бугдийн-дарга) и был помощником Улясутайского цзянцзюня. В официальной переписке Бугуде-дарга (Бугдийн-дарга) себя именует «Мейрен-чангы амбын, держащий печать всеобщего управления Танну-Урянхаем, удостоенный чингзе первой степени и двучковым павлиньим пером» [ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 59. Л. 23; ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 83. Л. 11]. Ему были да-

⁶ Бэйсе (маньчж.) гушань бэйцзы — титул князя IV степени; гун (кит.) — титул князей двух степеней, обозначавшихся на монгольском языке улусун тушегун (кит. фын-энь чжэнго гун) — князь V степени и улус-тур тусалакчигун (кит. фугогун) — князь VI степени.

рованы печать⁷, титул гун⁸ [Ховалыг 2016: 19–28], воинское звание командира дивизии (мээрен-чангы или мейрен-цзанги). С 1762 по 1781 гг. Бугуде-дарга танну-тувинских хошунов были монголы [Потапов 1969: 39], потому что все предыдущие четыре тувинских правителя не владели монгольским языком [НМ РТ. Ф. ДПИ. Папка 192. С. 3].

В 1787 г. впервые Бугуде-дарга амбын-нойоном был утверждён тувинский зайсан Даши. После этого на протяжении двух столетий тувинцами управляли его потомки. Последним Бугуде-дарга был Соднам-Балчыр, правивший с 1916 по 1921 гг.

В хошунах административная власть была сосредоточена в канцелярии угерда (угерда-даа). Угерда — правитель хошуна, непосредственно подчинялся амбын-нойону и пользовался правами цзасака как правитель княжества, не удостоенный княжеской степени, но обладавший всей полнотой власти в подведомственной ему территории.

Материалы этнографических экспедиций, проведенных учеными со второй половины XIX в., свидетельствуют о том, что, несмотря на проведенную военно-административную реформу, введенный маньчжурами территориальный принцип социальной организации не уничтожил полностью родовые признаки тувинского общества. Например, Е. К. Яковлев, одним из первых поставивший вопрос о родовых отношениях у тувинского народа, пишет, что «сойоты <...> знали три степени родства: торель, сеок торель и хан торель. Торель — все роды, сумо, хошуны сойот, затем роды других племен, считаемых по преданиям родственными сойотами <...> сеок торель — родство по роду, по кости <...>. Наконец, хан торель — кровное родство — считают исчезающим в 5 колене» [Яковлев 1900: 88].

⁷ Все чиновники Цинской империи должны были иметь у себя печати. Печати отливали в соответствии с их рангом, по одному образцу, который утверждался пекинским министерством церемоний. Монгольские князья имели серебряные печати с ручкой в форме тигра, Бугуде-дарга амбын-нойон Тувы имел медную печать с простой ручкой-гвоздем, а печати угерда изготовлялись из дерева. А. М. Позднеев в статье «Пять маньчжурских печатей» упоминает о печати амбана в г. Или — литой из серебра и с рукояткой, представляющей собой сидящего барса.

⁸ Гун (кит.) — княжеский титул в середине XVII в.

При изучении института зайсанов также необходимо учитывать, что в XIX в. значения имели отношения, связанные с кровным родством, поскольку у части тувинцев представления о сеок-торель были утрачены в связи с проведенной административно-территориальной реформой маньчжурской власти [Дулов 1956: 116; Кон 1934: 143; Потопов 1969: 38].

Изменения в административном устройстве подчиненных племен были направлены не только на укрепление цинской власти в Туве, но и на обеспечение удобства налогообложения. Каждый хошун был обязан выплачивать албан — пушной налог, собиравшийся с каждой юрты, точнее öреге (тув. ‘дым от очага в юрте’). Тувинские чиновники вели учёт жителей хошуна и скота, и пушной налог распределялся в соответствии с количеством населения и скота [НМ РТ. Ф. ДПИ. Папка 192. С. 3].

Таким образом, в результате реформ родовой принцип организации общества был заменен территориальным. Тувинские хошуны находились под властью Бугуде-дарга амбын-нойона⁹, хошуном управлял угерда¹⁰, сумоном — чангы (цзангин), арбаном — арбан-дарга (десятник). Поскольку родовая система тувинского народа в конце XIX — начале XX в. слилась с территориальной организацией (хошуны, сумоны и арбаны), то и институт зайсанства в тувинском обществе претерпел серьезные изменения.

⁹ От амбань (маньчж.; монг. сайд) и нойон (монг.). Амбань — титул для лиц, назначаемых пекинским правительством на высшие государственные должности. В Западной и Северо-Западной Монголии такие чиновники именовались амбаями: Улясутайский цзянцзюнь и верховные правители в цинское время находились в городах Урге, Кобдо и Улясутае. В этих городах амбаней полагалось по два: один из маньчжур, а другой — из монголов. *Нойон* (ноян, нонн) — старинный монгольский княжеский титул — владетельный князь. Амбын-нойон — наследственный титул, которым в Туве именовали высшего правителя, которому были подчинены тувинские хошуны.

¹⁰ А также огурга, огурда, ухерида, ухэр-да, у Г. Н. Потанина — ухырда. Угерда (по-китайски цзун-гуань) — правитель, пользовавшийся правами дзасаков (*монг. — правитель княжества, не удостоившийся княжеской степени, но пользовавшийся всей полнотой власти в подведомственной ему территории*); однако должность считалась не наследственной, а выборной — с последующим утверждением цзянцзюнем.

Одним из первых титул «зайсан» проанализировал Б. Я. Владимирцов. «Зайсан» произошел от китайского титула «цзай-сян». Анализ исторической литературы дает основание предположить, что изначально использование титула «цзай-сян», так же как титулов тайби, тайши, относится к Юаньской династии (XIII–XIV вв.) [Владимирцов 1934: 138]. Анализируя распространенные монгольские титулы, Б. Я. Владимирцов приходит к выводу, что, начиная со второй половины XV в., зайсаны являлись правителями аймаков [Владимирцов 2002: 433]. Ученый подчеркивает, что дзайсанги (цзайсаны, зайсанги, зайсаны) были правителями аймаков, отмечая, что «отоки» образовывались не по родовому, а по территориальному признаку: «монгольский оток никак не был союзом кровных родственников, а его предводители, тайши и т. д. вовсе не были родовыми старейшинами. Так как каждый монгольский аймак и оток являлся хозяйственной единицей, имел своего владельца (эжэн), обладавшего правами, полученными им по наследству (наследственный удел), и так как оток мог входить в удел царевича или даже сам составлять этот удел, то на оток (и аймак) можно смотреть, как на кочевой феодал» [Владимирцов 2002: 433]. Интересно, что современные исследователи подчеркивают, что институт зайсанства у калмыков и у алтайцев имеет родовое начало [Батыров 2016: 76–84; Команджаев 2010: 143; Тадина, Ябыштаев 2016: 181–196; Ябыштаев 2008: 162–164]. Тувинские административные единицы (хошуны, сумоны) в официальной переписке назывались по имени правителя, например, сумон чангы Анчыкая [ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 40. Л. 72–74].

Институт зайсанства в Туве требует дальнейших исследований, поскольку необходимо выявить предпосылки и механизм трансформации института родовых начальников в системообразующее звено в системе органов местного самоуправления. В частности, китайская администрация, отменив прежние родовые титулы, ввела не только новую организацию общества, но и новую администрацию, иерархию чинов и степеней различия, вобравшую в себя китайские, маньчжурские и монгольские титулы. Основным механизмом замены нововведений стал институт Бугдийн-дарга амбын-нойона, который с одобрения

Улясутайского цзянцзюня назначал и сменил правителей хошунов. В свою очередь, правители хошунов обладали аналогичными полномочиями в отношении сумонных и арбанных начальников. Однако анализ источников и сопоставление архивных документов с этнографическим материалом дают все основания полагать, что институт зайсанства функционировал в Туве так же, как и во всем Алтае-Саянском регионе. По всем признакам институт родовых начальников трансформировался в систему государственной власти, сами зайсаны же постепенно были преобразованы в социальную группу чиновничества. Другими словами, потестарная организация традиционного тувинского общества трансформировалась в административную и государственную. Именно на базе института зайсанов сформировалось и развивалось господствующее сословие Тувы, ставшее социальной базой формирования чиновничества.

В. И. Дулов описывает три группы тувинских зайсанов (чейзеннер). Ключевым принципом деления стал социальный статус бывших зайсанов, занимаемый их потомками в начале XX в. К первой группе им были отнесены зайсаны хошунов, подчиненных монгольским князьям. Именно эта группа сумела целиком сохранить свое административное положение, прежние права и преимущества, а также старые наименования. Остальные две группы зайсанов относились к тувинским племенам, находившимся под властью Бугдийн-дарга амбын-нойона [Дулов 1956: 188–189]. Именно они после включения тувинцев в систему управления в цинском государстве были удостоены китайских чинов и званий. И впоследствии они преобразовались в амбын-нойоны, нойоны, угерда, чангы [ГА РФ Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 24а] и т. д. Третью группу составили зайсаны, по разным причинам утратившие свой статус, не получившие чинов и званий. В новой системе государственной власти формально они не обладали властью, но фактически пользовались рядом преимуществ в силу сохранившихся обрядов и традиций, а также почтительного отношения к ним со стороны аратов [Дулов 1956: 188–189]. Зайсаны хошунов, подчиненных монгольским князьям, сохранив положение пра-

вителей рода, подчинялись монгольским чиновникам (дарга). Эти чиновники командировались в тувинские хошуны сроком на один год, нередко их служба продлевалась намного дольше. Несмотря на фискальные полномочия, дарга часто вмешивался и во внутренние дела хошуна, тем самым ограничивая власть зайсанов. Поскольку зайсаны формально не находились на службе маньчжурской администрации, они не могли получать жалованье из государственной казны, а должны были довольствоваться системой кормления, установленной для правителей сумонов и арбанов.

В установившемся новом порядке организации органов власти и управления в более выгодном положении оказались зайсаны, занявшие высшие должности в новой иерархии. Зайсаны, оказавшиеся на службе маньчжурской администрации, присоединяли к правам родоначальника право на управление от имени маньчжурской власти. Новый порядок дал им полную власть над хошунами и сумонами. Они стали полновластными господами своих родов, и экономически они были более мощными, чем зайсаны первой группы, поскольку формально обладали правом управлять хошуном или сумоном, получая при этом жалованье и налоги с населения на свое имя. Третья группа зайсанов была самой малочисленной. Часть зайсанов, относившихся к третьей группе, несмотря на факт получения маньчжурских чинов и званий, по объему властных полномочий не соответствовала прежнему титулу начальника рода. В первую очередь это хунду¹¹, которого по объему полномочий можно приравнять к помощнику начальника рода, выполнявшему поручения в пределах сумона, а иногда и хошуна — все зависело от характера исполняемых обязанностей. Здесь следует отметить, что традиции зайсанского суда в Туве частично сохранились, поскольку именно на хунду были возложены судебные функции на хошунном и сумонном уровне.

В этой связи также отметим, что чангы и зайсаны исполняли некоторые обязанности, связанные с судом, своеобразные полицейские функции: они были обязаны доставлять подозреваемых к месту судебных

¹¹ Хундуй (хунду, кундуй — сяо-ци-сяо) — примерно соответствует европейскому званию младшего офицера.

заседаний, если дело касалось нескольких сумонов или же хошунов. Иногда эти же функции исполнял бошка¹².

Заключение

Таким образом, институт зайсанства под влиянием внешних обстоятельств трансформировался не только в институт Бугуде-дарга (всеобщего управителя) танну-тувинских хошунов, но и в институт местного управления, получив формальное закрепление в институте управителей отдельных хошунов и сумонов. Надо отметить, что сам титул «зайсан» (чейзен) сохранился в сумонах, подчинявшихся монгольским князьям.

Подводя итоги, необходимо отметить, что институт зайсанства сохранился в Туве в силу традиций и обычаев, продолжавших существовать, несмотря на все нововведения маньчжурской администрации. Более того, он трансформировался под влиянием завоевателей в государственные и административные органы власти и управления со своей иерархией, функциями и дифференциацией.

Из числа прежних зайсанов в Туве был сформирован новый социальный слой — чиновничество, в последующем принявшее активное участие в государственном строительстве Тувинской Народной Республики.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
 ГА РТ — Государственный архив Республики Тыва.
 НМ РТ — История прежних нойонов тувинского народа // Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Фонд документально-письменных источников. Папка 192.

Sources

- [History of Ex-Noyons of the Tuvan People]. At: Aldan Maadyr National Museum of the Tyva Republic. Fond of Documents and Written Sources. File 192. (In Russ.)
 State Archive of the Republic of Tuva.
 State Archive of the Russian Federation.

¹² Бошка — сборщик налогов, исполнявший и полицейские функции (поимка и доставка преступников), на головном уборе носил чингзе молочного белого цвета.

Литература

- Батыров 2016 — *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX в. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 226 с.
 Батыров 2004 — *Батыров В. В.* Социально-экономическое и политическое положение нойонов и зайсангов в калмыцком обществе в конце XVIII – начале XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 25 с.
 Бичурин 1834 — *Бичурин Н. Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб.: тип. Медич. департ. Мин-ва вн. дел, 1834. 255 с.
 Бруннерт, Гагельстром 1910 — *Бруннерт И. С., Гагельстром В. В.* Современная политическая организация Китая. Пекин: тип. Успен. монастыря при Рус. духов. миссии, 1910. 80 с.
 Владимирцов 1934 — *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 224 с.
 Владимирцов 2002 — *Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
 Грумм-Гржимайло 1926а — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский Край. Т. III. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: Гос. Русское Географическое общество, 1926. 413 с.
 Грумм-Гржимайло 1926б — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Гос. Русское Географическое общество; Тип. Главного ботанического сада, 1926. 900 с.
 Дулов 1956 — *Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 608 с.
 Кабо 1934 — *Кабо Р. М.* Очерки истории и экономики Тувы. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 202 с.
 Команджаев 2010 — *Команджаев Е. А.* Административная система Калмыкии согласно Положению 1847 г. // *Власть.* 2010. № 6. С. 142–145.
 Команджаев 2019 — *Команджаев Е. А.* Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX в. с позиции цивилизационно-культурного подхода // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: юридические науки. 2019. № 23 (2). С. 219–243.
 Кон 1934 — *Кон Ф. Я.* Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет: собрание сочинений. М.:

- Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. III. 293 с.
- Липовцев 1828 — *Липовцев С. В.* Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. с маньчжур. СПб.: тип. Деп. Нар. Просвещения, 1828. Т. I. 362 с.
- Мэн-гу-ю-му-цзи 1895 — *Мэн-гу-ю-му-цзи.* Записки о монгольских кочевьях. Пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. 584 с.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: тип. В. Киршбаума. 1883. Вып. 3, 372 с.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Тадина 2008 — *Тадина Н. С.* «Великое уложение их-цааз» как ойротский документ обычного права в истории зайсаната // Исторический вестник. Сб. науч. тр. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. гос. ун-т, 2008. № 2. С. 169–176.
- Тадина, Ябыштаев 2016 — *Тадина Н. С., Ябыштаев Т. С.* Возрожденный зайсанат как социальный институт родовой потестарности алтайцев // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2016. С. 181–196.
- Учайкина 2013 — *Учайкина А. М.* Зайсанский суд алтайцев по полевым материалам конца XX и начала XXI века [электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. С. 171–175. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/44.html> (дата обращения: 12.09.2019).
- Учайкина 2016 — *Учайкина А. М.* Обычное право южных алтайцев (конец XIX – начало XXI в.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2016. 25 с.
- Ховалыг 2016 — *Ховалыг С. С.* Чиновничество Тувы в конце XVIII–XX вв.: проблемы формирования и функционирования аппарата // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1 (23). С. 19–28.
- Ябыштаев 2016 — *Ябыштаев Т. С.* Институт зайсаната у алтайцев: история и современность // Алтай — Россия: через века в будущее. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай: в 2 тт. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 2016. С. 313–316.
- Ябыштаев 2008 — *Ябыштаев Т. С.* О родовой основе возрожденного зайсаната в Республике Алтай // Теория и практика археологических исследований. 2008. № 4. С. 162–164.
- Яковлев 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.
- Komandzhaev A., Komandzhaev E., Batyrov 2016 — *Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Batyrov V. V.* Changes in the Social Structure of the Kalmyk Society in the late 19th and early 20th century [электронный ресурс] // International review of management and marketing. 2016. Т. 6. № 3. Pp. 229–233. URL: <https://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/2217/pdf> (дата обращения: 26.09.2019).

References

- [Men-gu-yu-mu-tszi: Notes on Mongolian Nomadic Areas]. P. S. Popov (transl.). St. Petersburg: P. O. Yablonsky, 1895. 584 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. [Kalmyk Traditional Culture in the Mid to Late 19th Century: Historical Essays]. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2016. 226 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. [Socio-Economic and Political Statuses of Noyons and Zaisangs in Kalmyk Society: Late 18th – Early 20th Centuries]. A Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2004. 25 p. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. [Historical Overview of the Oirats (or Kalmyks): since the 15th Century to the Present. Written by Monk Hyacinth]. St. Petersburg: Medical Dept., Ministry of Internal Affairs, 1834. 255 p. (In Russ.)
- Brunnert I. S., Hagelstrom V. V. [Present-Day Political Organization of China]. Beijing: Assumption Monastery, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission, 1910. 80 p. (In Russ.)
- Dulov V. I. [Socio-Economic History of Tuva: 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 608 p. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. [Western Mongolia and the Uryankhai District]. Vol. II: 'Historical Description of the Lands in the Context of Central Asian History'. Leningrad: State Russian Geographical Society; Main Botanical Garden, 1926. 900 p. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. [Western Mongolian and the Uryankhai District]. Vol. III. Part 1: 'Anthropological and Ethnographic Description of the Lands'. Leningrad: State Russian Geographical Society, 1926. 413 p. (In Russ.)

- Kabo R. M. [History and Economy of Tuva: Essays]. Moscow, Leningrad: State Socio-Economic Publ., 1934. 202 p. (In Russ.)
- Khovalyg S. S. The officialdom of Tuva at the end of the 18th – 20th centuries: problems of formation and functioning of the apparatus. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2016. No. 1 (23). Pp. 19–28. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Batyrov V. V. Changes in the social structure of the Kalmyk society in the late 19th and early 20th century. International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. No. 3. Pp. 229–233. An Internet resource: <https://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/2217/pdf> (accessed: September 26, 2019). (In Eng.)
- Komandzhaev E. A. Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th – early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach. RUDN Journal of Law. 2019. No. 23 (2). Pp. 219–243. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Kalmykia's administrative system according to the Statute of 1847. Power (Vlast'). 2010. No. 6. Pp. 142–145. (In Russ.)
- Kon F. Ya. [The Expedition to Soyotia. Over the Fifty Years: Collected Works]. Moscow: All-Union Society of Pre-Revolutionary Political Convicts and Special Settlers, 1934. Vol. III. 293 p. (In Russ.)
- Lipovtsev S. V. [China's Chamber for External Affairs: Code of Laws]. Transl. St. Petersburg: Dept. of National Education, 1828. Vol. I. 362 p. (In Russ.)
- Potanin G. N. [Sketches of Northwestern Mongolia]. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883. Vol. 3. 372 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. [The Tuvans: Sketches of Traditional Household Life]. Moscow: Nauka, 1969. 401 p. (In Russ.)
- Tadina N. S. Ikh-Tsaaz: The Great Code of Laws as an Oirat customary law document in the history of zaysanism. In: [Newsletter of History]. Coll. papers. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2008. Vol. 2. Pp. 169–176. (In Russ.)
- Tadina N. S., Yabyshtaev T. S. The revived zaisanat as an Altaian social institute of clan potestarity. In: [Social Institutions in History: Retrospective and Reality]. Omsk: Dostoevsky Omsk State University, 2016. Pp. 181–196. (In Russ.)
- Uchaykina A. M. [Customary Law of the Southern Altaians: Late 19th – Early 21st Centuries]. A Cand. sc. (history) thesis abstract. Gorno-Altaysk, 2016. 25 p. (In Russ.)
- Uchaykina A. M. The Altaians' zaisan court by field materials of the end of the XXth and the beginning of the XXIst century. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice (Manuscript). 2013. No. 6. Pp. 171–175. An Internet resource: <http://www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/44.html> (accessed: September 12, 2019). (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Mongolic Peoples: Historical and Ethnographic Works]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 557 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Social Order of the Mongols: Mongolian Nomadic Feudalism]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. 224 p. (In Russ.)
- Yabyshtaev T. S. Altai Republic: revisiting the clan as a basis for the revival of zaisanat. Theory and Practice of Archaeological Research. 2008. No. 4. Pp. 162–164. (In Russ.)
- Yabyshtaev T. S. The institution of zaisanat among the Altaians: history and contemporaneity. In: [Altay — Russia: Through Centuries into the Future]. Conf. proc. In 2 vols. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2016. Pp. 313–316. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. [Ethnographic Review of the Non-Russian Population of the Southern Yenisei Valley Supplemented with an Explanatory Catalogue of the Ethnography Department of the Museum]. Minusinsk: V. I. Kornakov, 1900. 357 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 5, pp. 771–786, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-771-786
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(470+571)18/1917

Правовые основы землевладения и землепользования переселенцев в Семиречье в конце XIX – начале XX в.

Фиалка Нуруевна Мийманбаева¹, Александр Нармаевич Команджаев²,
Евгений Александрович Команджаев³

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения
ORCID: 0000-0002-8900-7262. E-mail: m.fialka58@mail.ru

² ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова» (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, документоведения и архивоведения
ORCID: 0000-0002-7064-7315. E-mail: kalmhistory@yandex.ru

³ ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова» (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ORCID: 0000-0002-4542-8786. E-mail: kalmhistory@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Исследование проблемы формирования русских крестьянских поселений в Семиречье в конце XIX – начале XX в. вызвано ее недостаточной изученностью. Помимо этого актуальность вопроса объясняется необходимостью учета в условиях современной миграционной политики республик бывшего СССР богатого исторического опыта складывания многонационального населения в национальных регионах России позднеимперского периода. *Цель* исследования — проанализировать историю формирования правовых основ русской крестьянской колонизации в Семиречье и землепользования переселенцев в конце XIX – начале XX в. *Материалы и методы.* Содержание статьи основано на применении как общенаучных, так и конкретно-исторических методов, в том числе сравнительно-исторического метода и междисциплинарного подхода. В работе использованы материалы центральных архивов России, Казахстана и Узбекистана, значительную долю которых составила делопроизводственная документация. *Источниками* исследования являются также труды дореволюционных авторов, которые в силу своего служебного положения занимались организацией крестьянских переселений в Семиречье и оставили ценные свидетельства. *Результаты.* Правительственная и стихийная крестьянская колонизация Семиречья являлась сложным процессом, вызывавшим трудности в определении правового статуса переселенческого землепользования. Эта правовая неопределенность создавала в регионе различные типы крестьянских поселений — старожиль-

ческие села, новоселы и самовольные поселки, имевших свои особенности и, соответственно, неодинаковый правовой статус. Это было связано со сложностью земельных отношений в Семиречье и недостаточной определенностью нормативной базы крестьянского землепользования в регионе. *Выводы.* В статье отмечается, что владельческие права кочевых народов Семиречья на землю были оформлены российской администрацией рядом нормативных актов в ходе административных реформ 1867–1868 гг. Эти земли объявлялись государственными, переданными в бессрочное общественное пользование кочевникам. В силу этого переселенцам пришлось проблему землепользования решать в основном самостоятельно, арендуя земли у кочевников и используя другие механизмы. В ряде случаев администрация была вынуждена процесс расселения переселенцев с частичным решением их поземельного статуса реализовать административной волей. Однако в силу сложности вопроса о наделении переселенцев землей остро встал вопрос о необходимости проведения землеотводных работ в регионе в начале XX в., но они так и не были завершены в дореволюционное время.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, Семиречье, колонизация, крестьянство, переселение, землевладение, землепользование, столыпинская аграрная реформа, землеотводные работы

Благодарность. Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова» «Особенности управления национальными территориями в дореволюционной России», 2019 г.

Для цитирования: Мийманбаева Ф. Н., Команджаев А. Н., Команджаев Е. А. Правовые основы землевладения и землепользования переселенцев в Семиречье в конце XIX – начале XX в. *Oriental Studies*. 2019; (5): 771–786. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-771-786.

UDC 94(470+571)18/1917

Immigrants in Semirechye (Zhetysu): Legal Basis for Land Tenure and Land Use in the Late 19th – Early 20th Centuries

*Fyalka N. Miiymanbaeva*¹, *Alexander N. Komandzhaev*², *Evgeny A. Komandzhaev*³

¹ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., Almaty 050040, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of World History, Historiography and Source Studies

ORCID: 0000-0002-8900-7262. E-mail: m.fialka58@mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation) Dr. Sc. (History), Head of Department of Russian History, Archives and Records Management

ORCID: 0000-0002-7064-7315. E-mail: kalmhistory@yandex.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Head of Department of Theory and History of State and Law

ORCID: 0000-0002-4542-8786. E-mail: kalmhistory@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The relevance of addressing the issue of land management by peasant migrants in the national peripheries of the Russian Empire is associated not only with the need to take into account interethnic and religious relations in the regions and provide a detailed analysis of external and internal migration flows, but also with insufficient study of the topic. Land relations were especially difficult in all Russia's regions with prevailing nomadic populations: Semirechye (Zhetysu), Lower Volga region, Ciscaucasian steppes, etc. The greatest contribution to the study of the question was made by pre-revolutionary researchers who, as a rule, were government officials obliged to deal with the resettlement (Rumyantsev P. P., Kaufman A. A., Palen K. K., etc.). In the Soviet period, the topic was examined in detail by N. E. Bekmakhanova. Currently, the study of the problem has become actual due to the need to clarify and reassess some of the established past views. *Goals.* The paper seeks to analyze the legal status of migrant peasants in the region inhabited by nomadic peoples and their land management practices. *Materials and Methods.* The work

involves a wide range of legislative and statistical sources, eyewitness accounts and materials from central archives of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan, revealing the complex nature of legal land system definitions of immigrant peasants. *Results.* During the government-initiated and spontaneous colonization of Semirechye in the late 19th and early 20th centuries, various types of rural peasant settlements — old-timed, newly emerged and self-willed ones — were established, which required legal land management regulation. Since administrative agencies in many cases found it difficult to determine legal statuses of peasant lands in Semirechye, the migrants had to solve the problem of land use on their own entering into negotiations with nomadic communities, directly renting land from the latter under different conditions. This made it even more difficult to finally resolve the issue of legal regulation of land tenure and land use. *Conclusions.* Local administrations — due to the complexity of land relations between immigrants and nomads, poor vision of a complete picture of land management in the region, lack of land for the growing population and the difficulty of conducting Stolypin land management — were able to start collecting information about land management in Semirechye and actually conduct land allocation only in the beginning of the 20th century. The outbreak of World War I and subsequent social upheavals made it impossible to complete the determination of legal foundations of resettlement land management in Semirechye in the pre-revolutionary period.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, Semirechye, colonization, peasantry, resettlement, land tenure, land use, Stolypin agrarian reforms, land allotment works

Acknowledgements: The reported study was granted by Gorodovikov Kalmyk State University, project name 'Administering National Territories in Pre-Revolutionary Russia: Specific Features', 2019.

For citation: Miymanbaeva F. N., Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Immigrants in Semirechye (Zhetysu): Legal Basis for Land Tenure and Land Use in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Oriental Studies*. 2019; (5): 771–786. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-771-786.

Введение

На современном этапе развития государственности Казахстана и России актуальным является изучение опыта политико-правового регулирования переселенческого вопроса в Российской империи. Анализ сложной практики решения вопросов землепользования и землевладения в дореволюционной России позволит увидеть перспективы правовых преобразований в земельном вопросе многонациональных государств. Указанная проблема относится к числу недостаточно изученных в историографии. Наибольший вклад в анализ проблемы внесли авторы дореволюционных работ, которые ввели в научный оборот значительный объем статистических материалов и оставили нам свои ценные наблюдения и заметки [Кауфман 1905; Пален 1910; Румянцев 1911; Шкапский 1907]. Как правило, они являлись чиновниками и по долгу службы занимались правовым и земельным обустройством переселенцев.

В советской историографии изучение проблемы обогатилось за счет использования большого количества архивного материала и расширения исследовательских

задач [Бекмаханова 1986; Ильясов 1963; Сапелкин 1977]. Однако рамки марксистской методологии с ее классовым подходом не позволили представить всю сложность землеустройства русских переселенцев в регионах с кочевым населением. В современный период происходит переоценка прежних взглядов и уточнение устоявшихся положений. Исходя из степени изученности проблемы, авторы статьи ставят задачу анализа процесса определения правовых основ землеустройства русских крестьян-переселенцев в ходе формирования многонационального населения Семиречья в конце XIX – начале XX в.

Материалы и методы. В качестве источников привлечены материалы Российского государственного военно-исторического архива [РГВИА], Российского государственного исторического архива [РГИА], Центрального государственного архива Республики Узбекистан [ЦГА РУ], Центрального государственного архива Республики Казахстан [ЦГА РК]. Среди них следует особо выделить делопроизводственные документы и статистические материалы. К числу источников можно отне-

сти работы дореволюционных исследователей по истории переселенческого движения, поскольку представленные ими материалы, наблюдения и заметки являются свидетельствами современников [Пален 1910]. Авторы также учли имеющийся историографический опыт своих предшественников, что позволило аргументировать выводы работы.

Решение исследовательских задач основано на принципах историзма и системного анализа, поскольку правовые вопросы переселения крестьян в Туркестанский край, а также вопросы землевладения и землепользования переселенцев рассматриваются как следствие социально-исторических условий, в формировании которых важную роль играли внутривластные и внешние факторы.

Результаты. Для Российской империи второй половины XIX – начала XX в. характерна активизация переселенческой политики. Экономика российского государства испытывала потребность в источниках сырья и новых рынках сбыта продукции. Однако продвижение России в Среднюю Азию имело не только экономическую обусловленность. Среди других причин — военно-стратегические интересы Российской империи, связанные с желанием помешать Китаю и Англии закрепиться на своих границах. Для укрепления имперских окраин требовалось создать необходимую массу русского населения, которая стала бы опорой целостности российского государства в регионе. Немаловажное значение в этом процессе отводилось крестьянам-переселенцам, которые в сложившихся обстоятельствах превращались в проводников политики Российской империи на окраинах страны.

В соответствии с положениями «Об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями» от 11 июля 1867 г. и «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г. одним из ключевых законодательных решений российской администрации на пути к претворению земельной политики на территории Казахстана стало объявление всех казахских земель государственными, переданными в бессрочное пользование кочевникам. Согласно ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем государственные земли, занимаемые «киргизами», т. е. современными казахами

и киргизами, предоставлялись в бессрочное общественное пользование кочевников, т. е. без принятия особого закона не могли быть переданы русским переселенцам [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3243. Л. 33].

Характеризуя поземельное устройство кочевников Семиреченской области в рассматриваемый период, Н. А. Аристов писал, что российские власти до введения административных реформ 1867–1868 гг. вмешивались в существовавшее ранее традиционное «поземельное владение киргиз только в двух случаях: во-первых, для разрешения возникавших между киргизами поземельных споров и для равномерного распределения земель между волостями и, во-вторых, для изъятия из владения и пользования киргизских земель, необходимых для учреждения казачьих, крестьянских и городских поселений» [Аристов 2003: 347]. Основным аспектом колонизации края являлся отвод земель под устройство казачьих и крестьянских поселений.

Вследствие завоевания Россией Южного Казахстана и Северной Киргизии в конце 60-х гг. XIX в. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Правительство Российской империи в этот период укрепляло свое военное и политическое господство в приграничных районах Туркестана, способствуя тем самым переселению крестьян. А. А. Кауфман откровенно говорил, что «заселение окраин определялось почти всецело политической потребностью, как способ упрочения в них русского господства» [Кауфман 1905: 197].

Повсеместный характер крестьянская колонизация приобретает после образования Туркестанского генерал-губернаторства, в состав которого вошла сформированная на основе Алатауского внешнего округа Семиреченская область. В 1867 г. генерал-губернатор Туркестанского края К. П. Кауфман поручил начальнику Алатауского округа генерал-майору Г. А. Колпаковскому изыскать места «под новые казачьи и крестьянские поселения». Г. А. Колпаковский, к этому времени назначенный военным губернатором Семиреченской области, предложил план колонизации Семиречья [Кауфман 1905: 197].

Началом претворения этих планов стало землеустройство семиреченского казачества. При размещении казаков в Семиречье

российские власти ориентировались на «Положение о Сибирском казачьем войске» от 5 декабря 1846 г., согласно которому размер надела на одного человека определялся в 30 десятин. Со временем, исходя из социально-экономических и геополитических особенностей данного региона, земельное обустройство семиреченских казаков приобрело свои отличия. 21 апреля 1869 г. вступило в силу Положение Военного совета «О поземельном устройстве казачьих станиц», которое окончательно утвердило для всех российских казаков норму земельного надела в 30 дес. и 10 дес. в войсковой запас «для обеспечения его безбедного существования» [Абдилов, Актанбердиева 2011: 109].

Согласно проекту Г. А. Колпаковского, предполагалось поселить по 50 семей крестьян в Токмаке, Пишпекке и на Иссык-Куле, а всего предусматривалось «... создание в пяти уездах области 34 крестьянских села на 1 345 дворов и 47 мелких поселений при станционных пикетах на 470 дворов» [Далаева 2012: 201]. Всего планировалось переселить 1 815 крестьянских семей.

В 1867 г. Г. А. Колпаковский пригласил из Воронежской губернии, где родился, несколько сот крестьянских семей. По сведениям П. П. Румянцева, начиная с 1869 г., в течение 70-х годов было образовано 28 селений. Всего по уездам, включая земли нынешнего Северного Кыргызстана, было образовано: в Лепсинском — 8, Копальском — 2, Верненском — 6, Пржевальском — 6, Пишпекском — 6 селений [Румянцев 1911: 210].

Переселенцы смогли быстро адаптироваться к существующим в регионе природным и социально-экономическим условиям. В короткие сроки удалось наладить свою экономическую жизнь, через ведение зернового хозяйства.

В 1869 г. на утверждение Туркестанскому генерал-губернатору Г. А. Колпаковским было представлено «Положение об устройстве в Семиреченской области сельских поселений». В данном Положении было прописано, что на каждого мужчину отводится по 30 десятин пригодной территории, из которых 15 формировало запас на случай естественного прироста населения. Для поселенцев, обосновывавшихся на территории почтовых трактов, земельный надел увеличивался до 15 десятин. Новоселы, согласно данному Положению, освобожда-

лись от всех податей и повинностей на срок 15 лет. Исключение составляли те из них, которые селились на пикетах. В этом случае срок освобождения от податей и повинностей составлял 25 лет. Допустимый размер ссуды на семью не должен был превышать 100 руб. В действительности ссуды отпускались в значительно меньшем объеме или не выдавались вовсе. Нагляден пример: за период с 1870 по 1895 гг. 615 семьям было выдано 10 000 руб. [Пален 1910: 8–9].

Для того чтобы крестьяне-переселенцы могли прописаться на новом месте, необходимо было представить два вида документов: увольнительное свидетельство и подписку об ознакомлении с местными законами и правилами. В случае, если переселенцы в течение года не осваивались в местах прописки, они подлежали принудительному выселению. Форма землепользования определялась общинная, без возможности выкупа участка в собственность. А. А. Кауфман отмечал: «Главнейшую основу колонизации на восток составляло земледельческое население, усеявшее край деревнями, без него казенная колонизация не имела бы поддержки и стерлась» [Кауфман 1905: 205].

В середине 70-х гг. XIX в. в Семиречье назрела необходимость создания русских поселений. Проект Г. А. Колпаковского не был утвержден в законодательном порядке, но все же он был приведен в исполнение и действовал с некоторыми незначительными отступлениями до 1883 г. Однако большой наплыв переселенцев уже к середине 70-х гг. XIX в. исчерпал все наличные для заселения земли. Впоследствии, в связи с началом переселения дунган и уйгуров из Западного Китая, норма крестьянского надела была уменьшена. В материалах ревизии Туркестанского края, осуществленной в начале XX в. под руководством сенатора К. К. Палена зафиксировано, что доля крестьянского надела в Семиреченском крае была снижена: в 1876 г. до 17 дес., а в 1883 г. — до 10 дес. [Сатенова 2019].

Российское правительство и местные органы власти, надеясь создать себе прочную опору, стремились заселить регион хозяйственно крепкими крестьянами. Чтобы добраться до нового места жительства, получить землю и обустроить свое хозяйство, переселенцы должны были быть достаточно состоятельными людьми. Малоимущим

крестьянам было бы не под силу освоить тяжелую дорогу из Европейской России, которая требовала больших расходов, связанных с транспортировкой своего имущества, скота и прочего хозяйственного инвентаря. Следовательно, основная масса переселенцев у себя на родине являлись середняками [Мийманбаева 2002: 33]. Естественно, что в пути многие крестьяне разорялись, не добравшись даже до своего участка. Так, 36,7 % семей, переселившихся в Туркестан с 1906 по 1913 гг., прибыли без всякого имущества, а 60,9 % — без денег [Сапелкин 1977: 87]. Поэтому большое количество переселенцев, прибывших в край, терпели всевозможные тяготы и невзгоды, остро нуждались в помощи, но не получали ее. Местная администрация хотела освободиться от «ненадежных элементов», у которых не было ни денег, ни земли. Их не приписывали к участкам, надеясь, что таким образом бедные вернутся в свои прежние места поселения. Однако они не могли этого сделать из-за отсутствия средств и оказывали сопротивление властям. Местная администрация была вынуждена воздерживаться от выселения безземельных крестьян в места их прежнего проживания. Опасались этого и центральные органы власти.

Несмотря на большие масштабы переселения, из 100 семей, пересекших Урал, 15 возвращались на старое место, не прижившись на новом [Graham 1916: 153].

Министр внутренних дел в своем секретном циркуляре от 17 апреля 1895 г. за № 259 писал: «Нельзя ожидать пользы от обратного возвращения на родину отдельных крестьянских семейств, принявших переселение на собственный страх» [Пален 1910: 20]. В соответствии с данной инструкцией только некоторые из наиболее опасных людей подлежали выселению назад с разрешения министра внутренних дел.

Кроме необходимого земельного надела и избавления от податей и повинностей, переселенцам не приходилось ждать никакой иной поддержки от местной администрации. Как указывал военный начальник Семиреченской области, денежные пособия не давались специально для обеспечения «лучшего хозяйственного и нравственного состава колонистов» [Обзор 1884: 49]. Правительство умышленно создавало такие условия, которые способствовали бы водворе-

нию хозяйственно-состоятельных крестьян, с расчетом на то, что при большом наделе земли они быстро смогут окулачиться.

Изнуренные тяжелым и длительным переездом, переселенцы стремились во что бы то ни стало получить землю. Возникший в результате массового переселения дефицит земли привел к тому, что переселенцы начинали захватывать земель, принадлежавших киргизам. Все это приводило к столкновениям между местным и пришлым населением. В первые годы колонизации киргизы отдавали свои земли без видимого сопротивления, хотя уже тогда колонизация ущемляла их интересы, лишая их лучших пахотных земель и пастбищ. Однако в дальнейшем трудности, связанные с изъятием земель, все более возрастали. К 1882 г., только по официальным данным, у кочевников Семиреченской области было изъято 160 000 дес. земли [Забиров 1958: 151].

В 1883 г. Семиреченская область была выведена из состава Туркестанского генерал-губернаторства и включена в состав Степного генерал-губернаторства. В 1881 и 1883 гг. появляются новые проекты с целью упорядочения правил землевладения переселенцев и местного населения. Правила 1883 г. действовали вплоть до выхода переселенческого закона 1889 г. Проект правил был разработан в 1883 г. специальной комиссией, созданной в г. Верном. Суть его заключалась в следующем: 1) душевой надел крестьян-переселенцев и местного населения определялся в 10 дес. удобной земли, при этом полагалось не менее 4 дес. пахотной земли, из которых не менее 2-х дес., обеспеченных искусственным орошением; 2) русским переселенцам были предоставлены привилегии, установленные на общих основаниях: в течение 3-х лет со времени причисления они освобождались от платежа оброчной подати, а от земского сбора — в половинном размере. Более того, переселенцы избавлялись на первые три года от несения натуральных земских повинностей [Забиров 1958: 153]. В правилах указывалось, что никаких пособий от казны на переселение и водворение в сельских поселениях области не отпускается, но в особо уважительных случаях (падеж скота, эпидемические болезни и т. п.) прибывшим в пределы области военным начальником выдаются ссуды из особого на этот пред-

мет кредита [Обзор 1884: 52]. В отличие от Положения 1867 года, Положение 1883 года имело целью не привлечение крестьян, а упорядочение переселенческого дела. Тем не менее урезание льгот остановило переселение.

В течение 1868–1880 гг. в Семиречье переселилось 3 324 семьи. 1 225 семей были причислены к мещанскому сословию городов Семиречья, а остальные 2 099 семей были поселены в крестьянских селениях. Кроме того, в крестьянские селения также были причислены 242 семьи из числа отставных и запасных нижних чинов [ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1171. Л. 110–111].

В конце 1880-х гг. царское правительство создает специальные структуры переселения на всех уровнях, систематически ведя учет мигрантов, направлявшихся в Азиатскую Россию. 13 июля 1889 г. было принято специальное «Положение о добровольном переселении сельских жителей и мещан на государственные земли и порядке причисления лиц означенных сословий». В данном Положении определены районы переселения в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях, что значительно расширило возможности для потенциальных переселенцев. По распространению этого Положения на Семиреченскую область, по распоряжению МВД, она была закрыта для «для движения переселенцев» на 2 года, и областной администрацией начата была работа по поиску новых земель для переселенцев [ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1171. Л. 112].

С 90-х гг. XIX в. крестьянская колонизация стала широко распространенным явлением. Голод в начале 90-х гг. в центральных регионах России вызвал огромный приток переселенцев в Туркестанский регион, особенно в пределах границ Семиречья. Этот приток привел к еще большей путанице в действующих регламентах для переселенцев. Только в период с 1891 по 1892 гг. в Семиреченскую область прибыло 1 769 семей, что составило 85 % от общего числа мигрантов, прибывших в регион за предыдущие 13 лет [Шкапский 1907: 137].

Все эти переселенцы прибыли в регион без разрешения Министерства внутренних дел и без увольнительных приговоров из прежних мест проживания. Согласно закону 1889 г., все они подлежали выселению

с места регистрации. Но местная администрация не сочла возможным применить этот закон против них, оказавшись беспомощной против такого потока переселенцев. Как и в ряде других случаев, правительство рано или поздно должно было признать крестьян-самовольцев. Первоначально они поселились на подготовленных для них земельных участках, далее — путем аренды земель у киргизов или захватнических действий с землей основывали свои хозяйства. Формирование так называемых самовольных сел относится к этому периоду. Инициативу в этом отношении задали переселенцы-иммигранты, прибывшие в Пишпекский уезд.

Недостаточная организация работы по переселению и конфискация больших площадей земли у киргизского населения, вызвавшие естественное недовольство последних, вынудили местные власти обратиться к правительству с просьбой об официальном закрытии Туркестанского края для переселенцев [Ильясов 1963: 275].

Сразу после завоевания и открытия Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства еще в 60–70-е гг. XIX в. началась казачья колонизация Семиречья. В конце XIX в. крестьянское переселение в Семиреченскую область ставилось администрацией Туркестанского края в зависимость от решения вопроса о казачьей колонизации области. Положением Комитета министров от 3 марта 1895 г. было постановлено «произвести исследование казачьих земель по фактическому и бесспорному владению и определить, на какое количество естественно орошающихся земель следует засчитывать поливную десятину» [Бартольд 1963: 322].

В 1895 г. было созвано специальное совещание (г. Омск) по вопросу дальнейшего водворения переселенцев в Семиреченскую область. Совещание выступило с просьбой к министерству внутренних дел о запрете переселения в область крестьян, якобы до «земельного устройства» киргизского населения [Ильясов 1963: 260]. Решение Совещания получило одобрение МВД, и распоряжением от 15 июня 1896 г. выдача разрешений на переселение в область была запрещена. Разрешение на переселение могло выдавать только Министерство внутренних дел. Законом от 7 декабря 1896 г. каждой

семье разрешалось посылать ходоков в районы будущего переселения [Бекмаханова 1986: 155]. Возникает ходаческое движение. Прежде чем заселить территорию предполагаемого вселения, переселенцы отправляли «ходоков». Состав «ходоков» формировался из наиболее грамотной, предприимчивой и зажиточной части переселенцев. Ходаческое движение своей целью преследовало более близкое знакомство с ситуацией на новом месте. Только после этого, при их положительном мнении о месте вселения, принималось решение и происходило собственно переселение семьи или группы семей. Но, несмотря на законы, правительство продолжало ограничивать переселение.

Однако никакие меры не могли остановить переселенческого движения в Туркестан. В 1901–1902 гг. в область хлынула вторая большая волна переселенцев, которая по своим размерам превысила первую. Возникло самовольческое, стихийное переселение крестьян, длившееся до 1904 г. В 1902 г. прибыли переселенцы главным образом из западно-сибирских губерний и областей (Томской, Тобольской, Акмолинской и Семипалатинской) [ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1171. Л. 114–115].

Таким образом, в Семиречье назревал земельный кризис. Местные власти под видом «свободных земель» отбирали у киргизов земли, при этом захватывались лучшие пастбищные угодья без учета особенностей ведения животноводческого хозяйства, требовавшего больших земельных площадей.

В статистике поселки, образованные в Семиречье первыми переселенцами, называются «старожильческими». Всем старожильческим селениям, которые были образованы до 1905 г., вручались владенные записи. Так, С. И. Ильясов в своей статье отмечал, что во владенных записях приводились такие характеристики, как численность мужских душ, общее количество надельных земель, а также формы землепользования, суммы налогов и коллективная ответственность за полное и своевременное внесение их в казну [Ильясов 1963: 265].

По завершении льготного срока по уплате налогов поселок включался в общий налоговый список. С этого момента новопереселенческие поселки считались старожильческими. Между крестьянами происходило окончательное распределение закреплен-

ных за селом запасных земельных участков. Для увеличения доходов казны льготные сроки постепенно сокращались. Население досрочно лишалось установленных законом прав, а государство освобождалось от тех незначительных обязанностей, которое оно брало на себя по устройству переселенцев. П. П. Румянцев отмечал: «И самовольцы-арендаторы и самовольцы-захватчики прежде, чем образовать на выборном месте новый поселок, устраивались обыкновенно на некоторое время в старожильческих селениях в качестве квартирантов, называемые старожителями «иногородние», «разночинцами», а по статистической терминологии — посторонними. Затем часть уходила в новые самовольческие поселки, а часть продолжала жить в старых селениях, арендуя землю у киргиз и русских старожил» [Румянцев 1911: 212].

О. А. Шкапский в журнале «Вопросы колонизации» дает описание, как формировались самовольческие селения. Так, крестьяне в количестве нескольких человек арендовывали небольшой участок земли на период до 30 лет. На этом участке они строили свои усадьбы. Таким путем образовались сёла Покровка и Свинячья выселка. Из описания О. А. Шкапского «...однако, надо заметить, что, во-первых, они не имеют своей надельной земли для пашен, сенокоса и выгона и все эти угодья арендуют у киргизов, платя аренды в Покровке по 5,5 рублей за десятину, а в Свинячьей выселке — по 4,7 рублей за десятину, а во-вторых, аренда усадебной земли признается администрацией незаконной. Покровцы вследствие этого испытали целый ряд гонений, а Свинячья выселка, не подвергаясь гонению со стороны администрации, подвергалась гонению со стороны старого селения Беловодского, богатые крестьяне которого лишились выгона для своих свиней, почему и дали такое название» [Шкапский 1907: 24].

По статье 126 Положения об управлении Степными областями кочевникам предоставлялось право сдавать в аренду лицам русского происхождения земли, находящиеся в пределах их зимовых стойбищ, сроком до 30 лет для земледелия и устройства промышленных заведений — фабрик, заводов, мельниц и других производств. Сдача земли в аренду могла производиться только по приговорам съездов волостных выборных.

В 1900 г. Туркестанский генерал-губернатор обратился в правительство с ходатайством о распространении на коренные области Туркестана ст. 126 Степного Положения. Министр земледелия и государственных имуществ считал необходимым воздержаться от введения к применению данной статьи, так как полагал, что предоставление кочевникам права сдавать в аренду государственные земли могло бы дать им повод предъявлять на эти земли права собственности. Только в 1901 г. министерство разрешило применять данную статью к Туркестану, так как «таким образом создавалась возможность ненасильственным путем усилить русский элемент среди иноплеменного населения» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2652. Л. 15–15об.].

В любом новом месте, новом крае, где проходила русская крестьянская колонизация, очень быстро образовывалась крестьянская община. Общинная организация поддерживала и регулировала традиционное хозяйство и бытовой уклад жизни с его дуализмом коллективного и индивидуального владения. Сельская община играла важную роль в жизни населения, занимаясь всеми общими делами поселенцев. Селения получали наделы в общинное пользование, каждый двор имел определенные нормы надела, которыми пользовались до тех пор, пока имелся запасной фонд доселения. При полном использовании запасного фонда производилось перераспределение земельного массива, общины соблюдали известную равномерность сроков земельного распределения — 1, 3, 5, 7, 9 лет. Так, в селении Сазановка Пржевальского уезда передель земель осуществлялись обществом через каждые 4 года [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 828. Л. 54об.]. Так как земли в селениях крестьян на первых порах было достаточно, то ее нередко переделывали не только по числу мужских душ, но даже по числу едоков [Логанов 1909: 64].

Переделы земли в условиях Семиречья наносили хозяйству крестьян большой вред, так как сроки их были весьма незначительны, и, таким образом, на общинных полях совершенно невозможны были посевы озимых и многолетних растений. Но независимо от этого селениям, особенно старожильческим, нарезались новые земли, удовлетворявшие запросы зажиточной части переселенцев. Необходимую кормовую тра-

ву — люцерну — крестьяне на своих землях не сеяли, а пользовались для этих посевов арендой «киргизских» земель. Земля находилась в пользовании общины как единого целого. Права на землю сливались в общине в единое общее право, а не составляли простую совокупность прав ее отдельных членов. Права общины распространялись и на арендованную целым селением землю, так как почти все русское население Семиречья занималось земледелием на арендованной у «киргизов» земле. Арендуемые земли часто являлись основой хозяйства крестьян, в то время как отведенные в надел переселенцам земли, будучи вполне пригодны для земледелия, использовались менее интенсивно, чем это было возможно в соответствии с природными условиями.

Необходимо вспомнить, что основной, исконной формой русского землепользования было захватное, когда крестьянин занимал в понравившемся месте столько земли, сколько ему было нужно. Эту форму землепользования первые русские переселенцы и принесли в Туркестан. П. П. Румянцев писал: «Первые переселенцы захватывали земли, наиболее удобные и плодородные, и, таким образом, русские поселения располагались в подгорной культурной полосе и в предгорьях» [Румянцев 1911: 220]. Но так как в Туркестане земля была не частной, а государственной, переданной кочевникам в бессрочное пользование, переселенцам в конце концов пришлось ожидать официального наделения их землей, да и огромный поток переселенцев в начале XX в. привел к дефициту земли в Семиречье. В связи с этим захватная форма землепользования трансформировалась в уравнительную, с регулярными переделами по числу мужских душ. Следующей стадией землепользования была подворно-участковая форма. Г. Логанов писал, что, согласно действующим законам, казенные земли предоставлялись переселенцам в общинное или подворное бессрочное пользование. В коренных областях Туркестана, по закону 10 июня 1903 г. «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую», орошаемые земли отводились переселенцам в подворно-участковое пользование, прочие же — в общественное, но на практике это осуществ-

влялось далеко не всегда. При составлении приговора о подворном или участковом пользовании землею, необходимо было придерживаться нижеследующих условий: 1) подворное или участковое хозяйство разрешалось лишь на заполненных переселенческих участках; 2) приговор о распределении земель между домохозяевами данного переселенческого участка должен был исходить от большинства — двух третей домохозяйств, имевших право голоса на сходе [Логанов 1909: 63].

По-видимому, появлению подворно-участковой формы землепользования способствовал, наряду с другими причинами, и дух крестьянского индивидуализма и предприимчивости. О таком хуторском хозяйстве свидетельствует приговор выборных Курмектинской волости Пржевальского уезда от 30 ноября 1910 г. о сдаче в аренду Федору Чурокаеву 60 десятин земли, в котором было оговорено, чтобы деньги за аренду вносились «в подать по нашему аулу в Пржевальское казначейство к 1 ноября ежегодно». В приговоре от 10 июня 1911 г. Федору Чурокаеву говорилось: «Уступить участок земли в количестве 25 десятин на местностях «Булун» и на местности «Арал» 10 десятин сроком на 30 лет с платою по 30 копеек за десятину. Он, Чурокаев, или его наследники имеют право возводить на арендованной земле все нужные постройки, как жилье, так и промышленные, а также производить посадки деревьев всех родов, засеивать хлебом и заниматься скотоводством и выпасать таковой на киргизских землях, свободных от посевов хлебов; водой из арыка должен пользоваться беспрепятственно со стороны киргиз, участок этот находится на зимовых стойбищах киргиз нашей волости». За последний приговор Чурокаев уплатил манапу¹ Монайтбасу Сартбаеву 220 рублей [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 15341. Л. 5,8].

Данные приговоры свидетельствуют, что рамки общинного землепользования были тесны для зажиточных крестьян, не давали им развернуть свое хозяйство. Имея деньги, они хотели выйти из замкнутого общинного круга, являвшимся сдерживающим фактором для включения в хозяйствен-

ный и предпринимательский круговорот. Поэтому Ф. Чурокаев и подобные ему крестьяне стремились жить самостоятельно.

Другим элементом, способствующим созданию хуторов, являлись переселенцы-самовольцы. Их не сразу наделяли землей и образовывали селения, и не всегда приписывали их к старожильческим селениям, поэтому они вынуждены были арендовать землю у кочевников и образовывать среди них хутора, но и такие попытки устроиться для них не всегда заканчивались удачно. Например, крестьяне селения Лебединского Пишпекского уезда Буханцевы арендовали участок земли у киргизов Узунгырской волости, но Семиреченское областное правление не утвердило приговор, так как арендуемый участок вошел в состав запасного переселенческого участка «Мыскан», а закон воспрещал отвод в казну заарендованных земель для образования переселенческих участков. Товарищ (заместитель) министра внутренних дел разъяснял министру земледелия по данному поводу 13 апреля 1916 г.: «Принимая во внимание, что ко времени рассмотрения арендного приговора Общим присутствием, заарендованная земля уже вошла в границы переселенческого участка «Мыскан», вследствие чего общество киргизов потеряло свои права пользования и распоряжения означенной землей, надлежит признать, что приговор об аренде не мог получить утверждения Общего присутствия. Ввиду изложенного, министерство внутренних дел полагает постановление Общего присутствия Семиреченского областного правления за №3 от 21–25 января 1914 г. признать правильным, а жалобу крестьян Буханцевых оставить без последствий» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 477. Л. 8–8об.].

Этот случай свидетельствует, что крестьяне, прожившие на арендованной земле не менее года, все же могли выдворяться с данных наделов, а также о том, что вопросы землепользования переселенцев не были тщательно изучены и законодательно оформлены, отсюда и возникали различные казусные обстоятельства. Так, в ноябре 1914 г. чиновники Главного управления земледелия и землеустройства Г. Глинка и Г. Чиркин писали Военному министру о том, что, согласно п. 2 ст. 31 Правил о переселении (1912 г.), «наделы переселенцев, хотя

¹ Представитель киргизской феодально-родовой знати.

бы и оставшиеся без хозяев, самовольно покинувших места водворения, продолжают некоторое время числиться за таковыми, со всеми принадлежностями сих наделов — в частности и постройками — и по истечении года те же наделы получают новое, точное, определенное законом назначение — немедленное поступление в переселенческий земельный фонд» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4393. Л. 2].

Следует сказать, что закон об аренде земли не распространялся на лиц, не приписанных к обществам крестьян, т. е. на переселенцев-самовольцев, а самовольцы арендовали землю неофициально, т. е. незаконным путем.

Главное управление землеустройства и земледелия в апреле 1916 г. отмечало: «По имеющимся сведениям отдельные кибитковладельцы позволяют селиться разным лицам, не принадлежащим к киргизским обществам, на их землях, без совершения необходимых формальностей для аренды такой категории земель», в связи с этим циркулярно рекомендовало заведующему Государственными имуществами в Семиреченской области выдворять самовольцев с занятой или арендованной ими земли, так как в данном случае затрагивались интересы казны: самовольцы выплачивали поземельный налог не государству, арендная плата шла в карман киргизской верхушке. Далее рекомендовалось: «Если же самовольно поселившиеся окажутся на землях, изъятых в единственное владение казны, то с них надлежит требовать арендную плату по среднесправочным ценам на такие угодья в данном районе» [ЦГА РК. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1104. Л. 13–13об.].

Несмотря на то, что крестьянская колонизация разрушала традиционную общинную систему землепользования, подворно-участковое землепользование не получило широкого распространения в Семиречье, что было связано с нехваткой свободной земли и, в связи с этим, обострением взаимоотношений переселенцев и кочевников. Именно поэтому главноуправляющий земледелием и государственными имуществами князь Б. А. Васильчиков, побывав в Семиречье, писал, что хуторскими участками среди «киргиз» переселенцы отказываются селиться и, зная положение дел, отмечал: «Да действительно, это теперь уже

возможно может быть лишь вблизи существующих уже русских деревень, и то, при условии отобрания у киргиз части пахотных земель, которые сдаются в аренду» [ЦГА РУ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 811. Л. 70].

А. А. Сапелкин указывает, что общинные земли не подвергались разделу из-за сопротивления крестьян, да и правительство, несмотря на закон от 14 июня 1910 г. об отрубках, не способствовало ликвидации общинного землевладения в крае, так как уже имело опыт разорения сельской общины в России [Сапелкин 1977: 22].

Сельская община являлась организацией крестьянства во всех ее проявлениях — в общественной, хозяйственной, морально-психологической сферах и обеспечивала экономическую организацию деревни и интересы крестьянства. Тормозя социально-экономическое развитие деревни и сохраняя сложившиеся в ней хозяйственные порядки и бытовые взаимоотношения, сельская община вместе с тем приспособлялась к новым явлениям жизни переселенческой деревни.

Переселенцы не могли рассчитывать при аренде земли на содействие уездной администрации, так как она не имела права вмешиваться в эти дела. Копальский уездный начальник в январе 1907 г. писал заведующему переселенческим делом в Семиреченской области, что «общество каждой волости и отдельные лица всего общества сами входят в соглашение с арендаторами. Уездная администрация лишь рассматривает приговор об аренде, производит осмотр местности и дело предоставляет на рассмотрение и утверждение областного начальства» [ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1254. Л. 8].

Приговор киргизского волостного общества о сдаче земли в аренду русским крестьянам вступал в силу только с момента утверждения его Общим присутствием областного правления. Так, крестьяне села Лебединского Пишпекского уезда Наум, Егор и Иван Федянины жаловались на постановление Семиреченского областного правления от 10 ноября 1909 г., которым разрешалась сдача им «киргизских» земель на следующих условиях: 1) чтобы арендаторы не возводили на арендуемых участках жилых построек, кроме «необходимых для дела»; 2) чтобы в случае необходимости сдаваемая в аренду земля была возвращена в переселенческий

фонд без вознаграждения за произведенные расходы; 3) чтобы арендаторы не переступали арендованной земли другим лицам и не образовывали самовольческого поселка. Военный министр отменил постановление Семиреченского областного правления, как «вышедшее за пределы предоставленных ему законом прав по утверждению приговоров киргизских волостных съездов», так как включило в приговор требования, «крайне затрудняющие аренду киргизской земли русскими людьми вследствие полной необеспеченности договора найма» и не отвечающие ст. 126 Степного Положения [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4331. Л. 8–9].

Во всех уездах Семиреченской области русские селения были довольно многочисленны. Вопрос о русской колонизации Туркестана приобрел особое значение с открытием работ по сооружению Оренбург-Ташкентской железной дороги, которая должна была обеспечить прибытие крестьян в край из губерний Европейской России. В июле 1900 г. царь распорядился устроить русские поселения вдоль направления железной дороги, возложив эту работу на особую экспедицию министерства земледелия и государственных имуществ, занятую подобного же рода работами в Степном крае. Изучение на местах этого вопроса было поручено командированному в Туркестан в 1900 г. директору Лесного департамента. Он пришел к выводу, что земельным фондом для русской колонизации края могут служить земли, занятые и используемые кочевниками. Но, за неимением сведений о землепользовании кочевников, он счел невозможным определить у них земельные излишки. Поэтому, по его мнению, чтобы «поставить землеотводное дело в Туркестанском крае на твердую почву, необходимо произвести специальное естественно-историческое и хозяйственно-статистическое исследование землепользования и быта кочевого населения» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3149], затем следует определить земельные излишки для русских поселений.

В 1900 г. министерство земледелия и государственных имуществ командировало в Тургайскую и Уральскую области особую экспедицию с целью точно определить свободные земельные излишки, которые предполагалось изъять из пользования кочевников для «надобностей» русской ко-

лонизации. Туркестанские генерал-губернаторы С. М. Духовской и Н. А. Иванов соответственно в октябре 1900 г. и в марте 1901 г. обращались к министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову с просьбой распространить действие экспедиции на кочевые уезды Семиреченской области или командировать в область экономические и технические изыскательные партии, в обязанности которых должно входить образование земельных участков для переселенцев [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3149. Л. 1–2, 12].

В связи с прибытием в 1902 г. в область огромного количества переселенцев, для их расселения в Семиречье требовалось большое количество земли, но свободной земли не было, если не считать двух путей: выселения «киргизов», размежевания их зимовок и пашен, а также строительства ирригационных сооружений и орошения новых земель специально для переселения. Общая площадь земель в Туркестане, к орошению которых уже приступили, доходила до 300 тыс. десятин. Кроме того, был составлен проект на орошение 1 млн. десятин земли [Статистический ежегодник 1924: 12].

Вся администрация Туркестанского края, начиная от уездного начальника до генерал-губернатора края, считала, что орошение пустующих земель — единственный путь к созданию переселенческого фонда. Ввиду постоянных представлений в министерство туркестанской администрации о том, что в Туркестане не имеется достаточного количества свободной земли, краевое чиновничество было взято под подозрение в «киргизофильских тенденциях», и была учреждена Туркестанская переселенческая организация, целью которой являлось создание переселенческого земельного фонда.

В начале XX в. аграрные волнения в России усилились. Правительство, стремясь снять накал социальной борьбы в центре, видело выход в расширении переселения крестьян на окраины страны. 25 июня 1903 г. были приняты «Правила о пособиях от правительства переселяющимся в Сибирь и Степное генерал-губернаторство», определяющие размеры пособий и льгот крестьянам-переселенцам. Переселенческая политика правительства обусловила необходимость открытия землеотводных работ в Туркестанском крае. В янва-

ре 1904 г. при министерстве земледелия и государственных имуществ Государственным Советом России была сформирована Особая временная партия для образования переселенческих участков в Семиреченской области, на нужды которой было выделено 109 090 руб., а именно: на производство землеотводных работ, так как в области к этому времени находилось 16 тыс. переселенцев-самовольцев, не наделенных землей. Заведующим партией для образования переселенческих участков в Семиреченской области был назначен титулярный советник Орест Авенирович Шкапский, ранее работавший в Сыр-Дарьинском областном правлении чиновником по сельскохозяйственной и оброчной частям [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3243. Л. 7а, 21, 210].

Решение правительства об образовании переселенческой партии было обусловлено необходимостью скорейшего обустройства переселенцев-самовольцев из Европейской России, а также страхом перед возможными неурожаями в Сибири, что сулило огромный наплыв крестьян в Семиречье, привлекаемых обилием в нем хлеба и «пустопорожных» пространств с богатыми сельскохозяйственными угодьями и, пожалуй, главное — политическими соображениями — для упрочения русской власти в крае «ввиду близости Семиречья к Китаю и к фанатически настроенному населению Ферганы» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3158. Л. 5].

Основным занятием переселенцев было земледелие, которое велось как на наделенной, так и на арендованной земле. Среди других видов хозяйственной деятельности можно выделить садоводство, огородничество, пчеловодство и скотоводство. Продукция животноводства и земледелия все чаще выходила на рынок, что создавало предпосылки для быстрого развития товарно-денежных взаимоотношений. Эффективная хозяйственная деятельность крестьян-старожилых сыграла важную роль в том, что Семиречье в силу своего экономического развития становится житницей всего Туркестанского края.

О. А. Шкапский писал, что богатство крестьян позволяет им нанимать киргизов. Он отмечал высокий экономический уровень крестьянских хозяйств переселенцев. Опираясь на данные о движении переселенцев в Копальском и Пишпекском уездах

Семиреченской области, О. А. Шкапский описывал случаи самовольного заселения территорий пришлыми крестьянами, отказывавшимися покидать приобретенные у казахов земли даже ради возврата своих средств. Он описывал случаи, когда сами киргизы, сдав переселенцам землю в аренду, становились батраками у своих арендаторов. О. А. Шкапский полагал, что необходимо было разработать четкие условия землепользования, а для этого требовалось иметь более или менее точные данные о составе местного населения и его хозяйственной деятельности, текущем положении сельского хозяйства, возможном будущем этого сектора экономики, всего земельного фонда [Белоус 2019].

Переселенческий закон 6 июня 1904 г. был попыткой выхода из создавшегося земельного кризиса. Закон объявлял свободу передвижения и даже устанавливал льготы сельским обывателям и мещанам, высланным в Азиатскую Россию. Кроме того, вопреки тяжелому положению в Семиречье, правительство, в связи с идеей специального переселения, рассчитывало значительную часть крестьян разместить в Туркестане. Для этой цели на 1905 г. Государственный Совет выделил 540 тыс. руб. на содержание и хозяйственно-операционные расходы, а также на «единовременные издержки по образованию Семиреченской партии» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3243. Л. 1а–5].

В 1905 г. Переселенческое управление было реорганизовано и присоединено к Главному управлению землеустройства и земледелия. В результате дело водворения переселенцев, отвод им земель, проведение гидротехнических работ были объединены в одной организации. В 1905 г. в Семиречье организуется Переселенческое управление, способствовавшее в полной мере изъятию земель у коренного населения.

Семиреченская переселенческая партия в срочном порядке приступила к созданию переселенческих участков из казахских земель. Однако землеотводные работы в Семиречье с 1906 по 1909 гг., когда необходимо было наделить землей пришедших в область самовольно 30–40 тыс. крестьян, велись недостаточно систематично. Обследование землепользования кочевников не дало результатов, так как за два года Особая переселенческая партия смогла изучить

в естественно-историческом, гидротехническом и гидрогеологическом отношениях только две волости — Аламединскую и Толкановскую Пишпекского уезда. Такие темпы изучения области ни на шаг не продвинули вперед переселенческое дело, налицо были только расходы, так как содержание партии обошлось в сумму около 100 тыс. руб. [ЦГА РУ. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 624. Л. 2 об.].

Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант М. Е. Ионов докладывал, что Переселенческая партия уклонилась от главной своей задачи, что она «спешит удовлетворить требования переселенцев о наделе их землею и приступает к созданию участков на избираемых самими переселенцами местностях, которые орошены киргизами, заняты ими под пашни, сады и зимовки».

В июне 1905 г. в Верненском уезде вспыхнуло недовольство среди самовольных переселенцев на «аграрной почве», и только после реформирования Семиреченской переселенческой партии оно затихло, но, по словам военного губернатора области, ненадолго [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3485. Л. 2об., 3б].

Остается догадываться, что послужило причиной «брожения». Скорее, это была коррупция в среде чиновников переселенческой партии за наделение крестьян требуемыми землями, крайне медленное проведение необходимых гидротехнических, топографических работ для образования переселенческих участков.

В канун столыпинской аграрной реформы начались очередные шаги по изучению земельных ресурсов Семиречья для продолжения крестьянских переселений. В 1906 г. в Семиречье был открыт Переселенческий район. В январе 1906 года Главным управлением землеустройства и земледелия в область для «заведывания на местах переселенческим делом, объединения деятельности землеотводных и гидротехнических партий и местных переселенческих организаций» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2529. Л. 1] был командирован чиновник особых поручений при Переселенческом управлении Сергей Николаевич Велецкий.

В 1906 г. было исследовано 6 волостей в Пишпекском уезде, в Верненском — 3, в 1907 г. было исследовано уже 8 волостей Лепсинского уезда и 1 волость — Копальского, в 1908 г. в Копальском уезде исследо-

вано было уже 6 волостей, в Пржевальском и Джаркентском уездах — по 8 волостей в каждом [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1354. Л. 1–1об., 43, 50].

С. Н. Велецкий считал, что идти дальше «по пути сокращения киргизского хозяйства», т. е. вытеснения с законной земли, «положительно невозможно» [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 124. Л. 22–22об.]. «Но, — отмечал С. Н. Велецкий, — окончательное устройство киргиз неминуемо поднимает вопрос об окончательном наделении старожилов, крестьян и казаков» [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1344. Л. 30об.], поэтому необходимо было детальное изучение землепользования кочевников, казаков и всех категорий крестьян-переселенцев.

В 1909 г. правительством было решено провести в Семиреченской области подробное статистико-экономическое обследование. Заведующим статистическими работами в Семиречье был назначен статистик Петр Петрович Румянцев. Основной задачей предприняемого обследования являлось выяснение условий и количественный учет землепользования казахов-кочевников, а также определение типов их хозяйства, что позволило вывести нормы земельного обеспечения кочевых хозяйств и определить земельные излишки, которые образовались бы при наделении землей кочевников по этим нормам. Однако статистическое обследование области проводилось в 1909–1913 гг., а обработка этих статистических данных завершилась лишь в 1916 г. Вопрос официального наделения крестьян землей так и не был решен на государственном уровне, а проводился в основном спонтанно и, по большей части, силами самих переселившихся крестьян, что создало нездоровую социально-психологическую обстановку в регионе и привело к восстанию населения Центральной Азии и Казахстана в 1916 г.

Выводы. Таким образом, анализ фактического материала по изучаемой проблеме позволяет произвести следующие выводы. Семиречье в Российской империи являлось важным регионом, предназначенным для русской крестьянской колонизации. К этому побуждали российское правительство не только интересы хозяйственного освоения благодатного края, не только необходимость снижения «земельного голода» в Европейской России, но и политическая стратегия.

Основным занятием крестьян-переселенцев в Семиречье являлось растениеводство (зерновое производство, садоводство, огородничество). Животноводство, бывшее основным занятием кочевников, у русских крестьян являлось второй отраслью. Это порождало сложность решения правовых вопросов землеустройства переселенцев. Также рост переселенческого движения в Семиречье явился одной из причин самовольных захватов земель в регионе, что обусловило появление наряду со старожильческими селами новоселий и самовольных поселков. Данное обстоятельство явилось основой для дальнейшего усложнения землеустроительных мероприятий в Семиречье и возникновения земельных конфликтов. В ходе проведения переселенческой политики в регионе администрация была озабочена прежде всего поиском земельных излишков у кочевников. Однако неясность землеустроительной картины в регионе вынудила администрацию произвести широкое статистико-экономическое обследование Семиречья для проведения последующих землеустроительных работ. Эта деятельность была актуализирована необходимостью проведения столыпинского землеустройства в Российской империи. Следует признать, что в дореволюционный период определение правовых основ землевладения и землепользования переселенческого населения в Семиречье так и не было завершено.

Источники

- Обзор 1884 — Обзор Семиреченской области за 1883 г. Верный: Тип. Семиреч. обл. правления, 1884. 96 с.
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- Статистический ежегодник — Статистический ежегодник. 1917–1923 гг. / сост. под ред. Д. П. Красновского. Ташкент, 1924. Т. 1.
- ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУ — Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Sources

- [Review of Semirechye Oblast: 1883]. Verniy: Semirechye Oblast Executive Office, 1884. 96 p. (In Russ.)

- Russian State Archive of Military History.
Russian State Historical Archive:
[Statistical Yearbook: 1917–1923]. D. P. Krasnovsky (ed.). Tashkent, 1924. Vol. 1. (In Russ.)
Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.
Central State Archive of the Republic of Uzbekistan.

Литература

- Абдиров, Ақтамбердиева 2011 — *Абдиров М. Ж., Ақтамбердиева З. С.* Семиреченское казачье войско. Из истории военно-казачьей колонизации Жетысу 1867–1917 гг. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 362 с.
- Аристов 2003 — *Аристов Н. А.* Труды по истории и этническому составу тюркских племен / отв. ред. акад. В. М. Плоских. Бишкек: Илим, 2003. 460 с.
- Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. 2. Ч. 1. М.: изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 169–434.
- Бекмаханова 1986 — *Бекмаханова Н. Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 246 с.
- Белоус 2019 — *Белоус С. Г. О. А.* Шкапский об аграрной политике в казахской степи в конце XIX – начале XX вв. [электронный ресурс] // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 2(10). <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/678> (дата обращения: 10.10.2019).
- Далаева 2012 — *Далаева Т. Т.* Земельная политика Российской империи в Южном Казахстане и Семиречье во второй половине XIX века // История Казахстана: современные исследования и актуальные проблемы преподавания. Мат-лы Республ. науч.-практ. конф. «Касымбаевские чтения». Алматы: Улагат, 2012. С. 198–202.
- Забиров 1958 — *Забиров К.* Переселение и колонизация Северной Киргизии // Ученые записки исторического факультета КГУ. Вып. VI. 1958. 147–151 с.
- Ильясов 1963 — *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX в. Фрунзе: изд-во АН Кирг. ССР, 1963. 447 с.
- Кауфман 1905 — *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 443 с.
- Логанов 1909 — *Логанов Г.* Россия в Средней Азии // Вопросы колонизации. 1909. № 4. С. 1–77.
- Мийманбаева 2002 — *Мийманбаева Ф. Н.* Русские переселенцы в Семиречье в конце XIX – начале XX в. Алматы, 2002. 50 с.

- Пален 1910 — *Пален К. К.* Переселенческое дело в Туркестане / Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. СПб.: Сенат. тип., 1910. 430 с.
- Румянцев 1911 — *Румянцев П. П.* Условия колонизации Семиречья // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 191–224.
- Сапелкин 1977 — *Сапелкин А. А.* Аграрные отношения в Киргизии в начале XX в. Фрунзе: Илим, 1977. 281 с.
- Сатенова 2019 — *Сатенова М. Р.* Основные аспекты земельной политики российской администрации в Семиреченском крае (вторая половина XIX века) [электронный ресурс] // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 1. 2019. <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/149> (дата обращения: 15.08.2019).
- Шкапский 1907 — *Шкапский О. А.* Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 1–32.
- Graham 1916 — *Graham S.* Through Russian Central Asia. London; New York; Toronto; Melbourne: Cassell and Company, Ltd, 1916. 279 p.
- References**
- Abdirov M. J., Aktamberdyeva Z. S. [Semirechye Cossack Host: Glimpses of the 1867–1917 Military Cossack Colonization of Zhetysu]. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 2011. 362 p. (In Russ.)
- Aristov N. A. [Works on the History and Ethnic Composition of Turkic Tribes]. V. M. Ploskikh (ed.). Bishkek: Ilim, 2003. 460 p. (In Russ.)
- Barthold V. V. Turkestan: history of cultural life. In: [Collected Works]. Vol. 2. Part 1. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. Pp. 169–434. (In Russ.)
- Bekmakhanova N. E. [Multinational Population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the Capitalist Era: 1860s – 1917]. Moscow: Nauka, 1986. 246 p. (In Russ.)
- Belous S. G. O. A. Shkapsky about agrarian policy in the Kazakh steppe at the end of XIX – the beginning of the XXth centuries. *Scientific E-journal «edu.e-history.kz»*. 2019. No. 2 (10). An Internet resource: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/678> (accessed: October 10, 2019). (In Russ.)
- Dalaeva T. T. Land policy of the Russian Empire in Southern Kazakhstan and Semirechye in the mid-to-late 19th century. In: [History of Kazakhstan: Contemporary Studies and Topical Issues of Teaching]. Conf. proc. Almaty: Ulagat, 2012. Pp. 198–202. (In Russ.)
- Graham S. Through Russian Central Asia. London; New York; Toronto; Melbourne: Cassell and Co Ltd, 1916. 279 p. (In Eng.)
- Ilyasov S. I. [Land Relations in Kyrgyzstan: Late 19th - Early 20th Centuries]. Frunze: Kyrgyzstan Academy of Sciences, 1963. 447 p. (In Russ.)
- Kaufman A. A. [Resettlement and Colonization]. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1905. 443 p. (In Russ.)
- Loganov G. Russia in Central Asia. *Voprosy kolonizatsii*. 1909. No. 4. Pp. 1–77. (In Russ.)
- Miymanbaeva F. N. [Russian Settlers in Semirechye: Late 19th – Early 20th Centuries]. Almaty, 2002. 50 p. (In Russ.)
- Palen K. K. [Resettlement Case in Turkestan: Report on the Audit of Turkestan Region Compiled by Senator K. K. Palen]. St. Petersburg: Governing Senate, 1910. 430 p. (In Russ.)
- Rumyantsev P. P. Conditions of colonization in Semirechye. *Voprosy kolonizatsii*. 1911. No. 9. Pp. 191–224. (In Russ.)
- Sapelkin A. A. [Agrarian Relations in Kyrgyzstan by the Early 20th Century]. Frunze: Ilim, 1977. 281 p. (In Russ.)
- Satenova M. R. Key aspects of the Russian administration's land policy in Semirechye (2-nd half of the XIX century). *Scientific E-journal «edu.e-history.kz»*. 2019. No. 1. An Internet resource: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/149> (accessed: August 15, 2019). (In Russ.)
- Shkapsky O. A. Self-willed immigrants and the agrarian question in Semirechye Oblast. *Voprosy kolonizatsii*. 1907. No. 1. Pp. 1–32. (In Russ.)
- Zabirov K. Resettlement policies and colonization of Northern Kyrgyzstan. In: [Faculty of History, Kyrgyz State University: Scholarly Notes]. Vol VI. Frunze, 1958. Pp. 147–151. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 5, pp. 787–798, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-787-798
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 93/353.5

Сальский инцидент, или О том, как донские калмыки не вошли в состав Автономной области трудового калмыцкого народа

Евгений Федорович Кринко¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-3008-5626. E-mail: krinkoef@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Созданию калмыцкой национальной автономии посвящены многие исследования советских и современных российских историков. Однако некоторые аспекты данной темы до сих пор остаются неизученными. Среди них — судьба донских (сальских) калмыков, не вошедших в состав Автономной области калмыцкого трудового народа в момент ее образования в 1920 г. *Целью* статьи является поиск ответа на вопрос, почему донские калмыки остались в составе Сальского округа Донской области. Для реализации этой цели были поставлены *задачи*: выяснить обстоятельства проведения I съезда сальских калмыков и его итоги; описать попытки Калмыцкого ЦИК вернуть сальских калмыков в состав калмыцкой автономии; проанализировать причины неудачи калмыцкого руководства. *Материалы и методы.* Статья основана на документах фонда Донского областного исполнительного комитета в Государственном архиве Ростовской области. Автор также использовал и другие исторические и историографические источники. В процессе работы с источниками применялись сравнительно-исторический, проблемно-хронологический *методы* и метод источниковедческой критики. *Результаты.* После Гражданской войны планировалось объединение всех калмыков в одну административно-хозяйственную единицу — Автономную область калмыцкого трудового народа в составе РСФСР. Но вопреки решениям I Общекалмыцкого съезда калмыцкого трудового народа сальские калмыки остались в составе Донской области. Причины этого были связаны с разногласиями внутри новой калмыцкой партийно-государственной элиты, а также противоречиями между Калмыцким ЦИК и Сальским окружным исполкомом. Они свидетельствуют о сложностях взаимодействия различных органов советской власти в первые годы после Гражданской войны. В начале 1920-х гг. многие донские калмыки переселились в Большедербетовский улус Калмыцкой автономной области. Оставшиеся на Дону калмыки вошли в Зимовниковский (с 1928 г. — Калмыцкий) район Сальского округа Северо-Кавказского края.

Ключевые слова: донские (сальские) калмыки, Донская область, Сальский округ, Калмыцкая автономная область, Калмыцкий ЦИК, Донской областной исполком, национально-государственное строительство

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ г.р. АААА-А19-119011490038-5). Автор выражает признательность директору Государственного архива Ростовской области, к. и. н. Н. А. Трапшу за помощь в предоставлении материалов.

Для цитирования: Кринко Е. Ф. Сальский инцидент, или О том, как донские калмыки не вошли в состав Автономной области трудового калмыцкого народа. *Oriental Studies*. 2019;(5): 787-798. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-787-798.

UDC 93/353.5

The Salsk Incident: or How Autonomous Oblast of the Kalmyk Working People Was Never Joined by the Don Kalmyks

*Evgeny F. Krinko*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0003-3008-5626. Email: krinkoef@gmail.com

Abstract. *Introduction.* The creation of Kalmyk national autonomy has been examined in many works. However, some its aspects still remain unexplored. Among the latter is the issue of the Don (Salsk) Kalmyks that never joined Kalmyk Autonomous Oblast in 1920, having constituted a community of their own within Don Oblast. *Goals and Objectives.* The article seeks to understand why the mentioned group preferred to stay back in Salsk Okrug. To facilitate this, the paper examines the circumstances of the 1st Congress of Salsk Kalmyks and its outcomes; describes attempts of the Kalmyk Central Executive Committee (Rus. *TsIK*) to integrate Salsk Kalmyks back into the Kalmyk autonomy; analyzes reasons for the failure of Kalmyk leadership. *Materials and Methods.* The article analyzes documents of Don Oblast Executive Committee housed by the State Archive of Rostov Oblast. The study also employs other historical and historiographic sources. The investigation of sources involves the use of comparative-historical, problem-chronological, and source criticism methods. *Results.* Initially, it was planned to unite all Kalmyks into one administrative unit – Autonomous Oblast of the Kalmyk Working People as part of the RSFSR. The 1st All-Kalmyk Congress of the Kalmyk Working People approved this decision, but the Salsk Kalmyks stayed back in Don Oblast. That was caused by disagreements within the new Kalmyk party-and-state elites, as well as by controversies between the Kalmyk TsIK and Salsk Okrug Executive Committee. Those indicate certain travails in the interaction between various Soviet authorities in the aftermath of the Russian Civil War. In the early 1920s, many Don Kalmyks resettled to Bolshederbetovskiy Ulus of Kalmyk Autonomous Oblast. The remaining Kalmyks joined Zimovnikovskiy District (since 1928 – Kalmytsky District) of Salsk Okrug of North-Caucasus Krai.

Keywords: Don (Salsk) Kalmyks, Don Oblast, Salsk Okrug, Kalmyk Autonomous Oblast, Kalmyk TsIK, Don Oblast Executive Committee, nation building

Acknowledgments: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5). The author expresses gratitude to Dr. N. Trapsh, Director of the State Archive of Rostov Oblast, for the provided research materials.

For citation: Krinko E. F. The Salsk Incident: or How Autonomous Oblast of the Kalmyk Working People Was Never Joined by the Don Kalmyks. *Oriental Studies*. 2019;(5): 787–798. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-787-798.

Введение

Созданию и дальнейшему становлению калмыцкой национальной автономии посвящен целый ряд серьезных и основательных исследований, среди которых выделяются обобщающий фундаментальный труд

по истории Калмыкии [История Калмыкии 2009], работы К. Н. Максимова [Максимов 2002; Максимов 2013; Максимов 2017 и др.], У. Б. Очирова [Очиров 2006; Очиров 2015 и др.], О. В. Северцева [Северцев 2015] и другие публикации [Бадмаева 2010;

Гунаев 2018; Максимов, Мацакова 2016; Кичеева 2017 и др.]. Они позволяют реконструировать общий ход событий, объяснить логику процессов национального самоопределения калмыцкого народа, выявить их основные тенденции. Немало документов по данной теме опубликовано в специальных сборниках, изданных еще в 1960–1980-х гг. [К истории образования 1960; Первый Общекалмыцкий 1971; Национально-государственное строительство 1981]. Тем не менее отдельные вопросы формирования калмыцкой национальной автономии, в том числе определение ее границ, следует признать недостаточно изученными и требующими дополнительного прояснения с привлечением ранее не использованных источников.

Цель данной работы — на основе комплекса архивных документов выяснить, как и почему донские (сальские) калмыки не вошли в состав Калмыцкой автономной области при ее образовании в 1920 г., а остались в составе Донской области.

Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили неопубликованные документы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (далее — ГА РО). В фонде Р-97 Донского областного исполнительного комитета (Донисполкома) они составляют специальное дело под названием «Декларация прав калмыцкого трудового народа, принятая первым общекалмыцким съездом Советов, протоколы заседаний съезда калмыков Сальского округа за июль-август 1920 г.» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98]. На данные материалы уже обращали свое внимание исследователи, прежде всего К. Н. Максимов, который на их основе охарактеризовал проведение I съезда калмыков Сальского округа и его решения в крупной монографии, посвященной истории донских калмыков [Максимов 2016: 462–463].

Однако название дела не раскрывает всего его содержания. Наряду с указанной декларацией I Общекалмыцкого съезда и протоколами заседаний I съезда калмыков Сальского округа в нем представлены и другие документы, использование которых позволяет проанализировать попытки Калмыцкого ЦИК вернуть сальских калмыков в состав калмыцкой автономии и причины их неудач и другие вопросы. В ходе работы

над статьей использовались и другие исторические и историографические источники. В процессе их изучения применялись сравнительно-исторический, проблемно-хронологический методы и метод источниковедческой критики.

Основная часть

До революции 1917 г. калмыки проживали в границах нескольких административных единиц Российской империи. Общая численность калмыков в России по переписи населения 1897 г. составляла 190,6 тыс. чел. По оценкам У. Б. Очирова, к началу Первой мировой войны она выросла до 195 тыс. чел. [Очиров 2006: 56]. Большинство проживало в 8 улусах Калмыцкой степи, а также в Енотаевском и Черноярском уездах Астраханской губернии: в 1897 г. — 138,6 тыс. чел. (72,7 % общей численности), к 1914 г. — 146 тыс. чел. (74,9 %), не считая нескольких сотен калмыков-казаков Астраханского войска. В Области Войска Донского (в основном в Сальском округе, где они составляли почти половину населения) в 1897 г. насчитывалось 32,3 тыс. (16,9 % общей численности), к 1914 г. — 31,5 тыс. калмыков (16,2 %). В Ставропольской губернии (в основном в Большедербетовском улусе) в 1897 г. насчитывалось 10,8 тыс. (5,7 %), к 1914 г. — 8,5 тыс. калмыков (4,4 %), в Терской области (в основном в Кумском аймаке) — соответственно, 3,6 (1,9 %) и 4,1 тыс. калмыков (2,1 %) [Первая всеобщая; Очиров 2006: 56].

За время Первой мировой и Гражданской войн численность калмыков в России существенно сократилась от потерь в боях, голода и эмиграции. По оценкам У. Б. Очирова, потери калмыков только в годы Гражданской войны составили около 55 тыс. чел. [Очиров 2006: 368]. Значительно уменьшилось и количество донских калмыков, как, впрочем, и всего населения Дона. По данным, приводимым К. Н. Максимовым, в 16 станицах Сальского округа, где в основном проживали калмыки, население с 1917 г. к лету 1920 г. сократилось с 85 960 до 56 221 человека или на 34,5 %, а калмыков-казаков — с 27 865 до 18 529 чел. или на 33,5 % [Максимов 2016: 461].

Завершение Гражданской войны поставило вопрос о национальном самоопределении калмыцкого народа в наиболее типич-

ной для первых лет советской власти форме автономии в составе РСФСР. Решение о ее создании должен был провозгласить I Общекалмыцкий съезд калмыцкого трудового народа, проходивший в поселке Чилгир с 2 по 9 июля 1920 г. В его работе приняли участие 349 делегатов, из них 290 с правом решающего и 59 с правом совещательного голоса. 20 делегатов представляли донских калмыков [История Калмыкии 2009: 279]. На съезде была заслушана Декларация прав трудового калмыцкого народа, в которой провозглашалось объединение всех его разрозненных частей в одну административно-хозяйственную единицу — Автономную область калмыцкого трудового народа в составе РСФСР.

Исследователями отмечается, что начало съезда «было омрачено инцидентом». Группа делегатов во главе с активным участником революционного движения, а в годы Гражданской войны — организатором калмыцких военных частей и руководителем их политотдела Х. Б. Кануковым, следуя на съезд через Элисту, избила председателя Манычского улусного исполкома Э. Боданова (Оконова), военкома местного военкомата Реснянского и военрука Аврорского. По прибытии в Чилгир Х. Б. Кануков был арестован и весь съезд провел в заключении. Одного из самых популярных калмыцких военных и политических деятелей даже не избрали в состав облисполкома, что впоследствии «отразилось на взаимоотношениях между Кануковым и рядом калмыцких соработников» [История Калмыкии 2009: 279].

5 августа неожиданно для Калмыцкого ЦИК в станице Великокняжеской (в настоящее время — город Пролетарск) открылся I съезд калмыков Сальского округа, на который прибыли 46 представителей от 12 из 13 донских калмыцких станиц. Не была представлена только станица Эркетиновская, в которой общее собрание калмыков еще 1 августа приняло решение не посылать своих делегатов на съезд, поскольку «граждане вышеназванной станицы желают оставаться в ведении Автономной области трудового калмыцкого народа, согласно Декларации прав калмыцкого трудового народа, принятой I-м общекалмыцким съездом 5-го июля 1920 г.» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 38].

Сами участники событий считали взаимосвязанными созыв съезда и арест Х. Б. Канукова. Неслучайно главными инициаторами проведения съезда были его соратники по калмыцким военным частям И. Шалхаков, Т. Шивидов и др. Во время открытия съезда И. Шалхаков зачитал два приветственных воззвания — от имени самого Х. Б. Канукова и представителя ВЦИК в Калмыкии К. Р. Герценберга. Очевидцы утверждали, что Х. Б. Кануков в ней «призывал калмыков оставаться в пределах Донской области, не присоединяясь к астраханцам» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 46об.].

По предложению председателя Сальского окружного исполкома Иванова съезд принял решение направить шесть приветственных телеграмм: председателю СНК РСФСР В. И. Ленину, председателю завершавшего в эти дни работу 2-го конгресса III (Коммунистического) интернационала Г. Е. Зиновьеву, К. Р. Герценбергу, в Реввоенсовет Кавказского фронта, Донскому исполкому и «организатору, военруку калмыцких частей тов. Канукову» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 15].

Показательно отсутствие в этом перечне Калмыцкого ЦИК, член которого Е. М. Сайков, по его словам, узнал о проведении съезда лишь вечером 4 августа накануне его открытия, «когда уже было поздно посылать на съезд своего представителя» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 40]. В то же время активную роль на съезде играл Иванов, сам факт присутствия которого вместе с Гуревичем, представлявшим окружной комитет РКП(б), а также их выступления с приветствиями служат прямым подтверждением поддержки, оказанной организаторам органами власти Сальского округа [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 14].

Повестка работы съезда включала несколько вопросов. Важнейший из них — об отношении к Калмыцкому областному исполкому — рассматривался 7 августа. В принятой большинством голосов резолюции говорилось: «Мы, делегаты I-го съезда калмыков Сальского округа Днобласти, заявляем: мы, калмыки, проживавшие несколько сот лет в Сальском округе и давно покинувшие кочующую жизнь, признаем, что деление на отдельные автономные области является не рациональным, так как, не разбиваясь на единицы, общими силами мы

можем скорее победить международную контрреволюцию, легче можем справиться с той хозяйственной разрухой, в которой мы в данный момент находимся, а поэтому входить в административное управление Автономной области Калмыцкого исполкома не желаем, а остаемся по-прежнему гражданами РСФСР, в административном отношении подчиняемся Сальскому округисполкому Донобласти». При этом оговаривалась возможность индивидуального переселения «отдельных калмыков» Сальского округа, которые пожелали перейти в «ведение Автономного областного Калмыцкого исполкома». Это желание не возбранялось, но им предлагалось «выйти из пределов Донобласти в Автономную Калмыцкую область» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 15об.]. Обращают на себя внимание не только слова о длительности проживания донских калмыков в Сальском округе как историческое обоснование их особого пути («давно покинувшие кочующую жизнь»), но и признание нецелесообразным разделения на автономные области, фактически шедшее вразрез с «генеральной линией» советского руководства в национальном вопросе.

В тесной взаимосвязи с предыдущим рассматривался вопрос о «сгруппировании» всех калмыков 13 станиц в 5 станицах. В принятой большинством голосов резолюции, предложенной Ивановым с поправками Шалхакова, предлагалось: «Выделить комиссию съезда с чрезвычайными правами, которая должна приступить к обследованию пустопорожних помещений» в 5 западных станицах и «приступить к оборудованию таковых».

Комиссия должна была выяснить, «какое количество должно быть переселено, и прикрепить каждого переселяющегося к известной станице». При этом станицы или хутора следовало переселять, «не разрозняя общество». В первую очередь переселению подлежали калмыки, не имевшие посевов, а тех, кто их имел, следовало переселять уже после сбора урожая. Комиссия должна была «заботиться произвести озимый посев на всех переселяющихся граждан» в 5 западных станицах. Ей поручалось также «ходатайствовать средства для переселяющихся граждан». Съезд просил «высшую инстанцию власти о скорейшем утверждении настоящего постановления» и группировании

калмыков в 5 станицах, «желательно переселения в настоящем году, но каждый гражданин должен помнить, чтобы не было брошено на произвол судьбы все, что им засеяно в 1920 году». В примечании подчеркивалось, что все граждане «крестьянского населения», находившиеся в 5 западных станицах, могли оставаться на месте. Прибывавших калмыков-беженцев следовало направлять для регистрации в Чрезвычайную комиссию по переселению калмыков [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 15об.–16].

В завершающий день съезда Шалхаков предложил выделить в окружной исполком двух членов с совещательными голосами. Съезд постановил откомандировать в Сальский окружной исполком Цанкирова и Антипова. Президиум Сальского окружного исполкома одобрил протокол I съезда сальских калмыков и заверил его печатью исполкома [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 16об.].

Однако с решениями съезда, особенно с «группированием» в 5 станиц, согласились далеко не все донские калмыки. После съезда 18 представителей 6 восточных станиц — Бурульской, Власовской, Граббевской (в настоящее время — хутора Бурульский, Власовский, Грабовский Зимовниковского района Ростовской области), Беляевской, Потаповской и Чунусовской (в настоящее время упразднены) подали протест председателю Сальского окружного исполкома Иванову [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 46об.]. По возвращении домой представители станиц рассказывали о решениях I съезда на общих собраниях.

Так, 12 августа собрание калмыков станицы Потаповской, выслушав доклад своих делегатов, постановило «признать для нас неприемлемым» решение преобразовать из 13 калмыцких станиц 5 «с пятью тысячами жителей в каждой из них и с непременным условием теперь же переселить верхние станицы, а именно: Граббевскую, Беляевскую, Бурульскую, Потаповскую и Чунусовскую в юрты низовых станиц». Собрание постановило остаться в Автономной области калмыцкого трудового народа, не переселяясь с мест, «будет возможно или же при невозможности, то уже ближе к Центральному управлению этой области» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 44].

В тот же день заслушало своих делегатов и общее собрание калмыков станицы Чунусовской. Принимая во внимание, что

«станция наша в числе других постановлением первого съезда калмыцкого народа на ставке Чилгир 15 июля с. г. присоединена к Автономной области калмыцкого народа», почему вопрос о «сгруппировании» в 5 станицах «с переселением таковых и с подчинением к Донской области нами не приемлем», собрание постановило просить Калмыцкий ЦИК «об утверждении присоединения нашей станицы к Автономной области калмыцкого народа» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 45].

Через три дня, 15 августа состоялось общее собрание калмыков станицы Беляевской. Делегаты съезда Б. Сесинов и Ф. Джамбинов подчеркнули, что решение о преобразовании 13 калмыцких станиц в 5 утвердили, несмотря на их заявление о нежелании «переселяться и отделяться от Автономной области калмыцкого трудового народа», не принятое во внимание председателем съезда. Собрание подтвердило свое нежелание переселяться и признало неприемлемым постановление I съезда калмыков Сальского округа [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 43].

Решения общих собраний указанных станиц были направлены в Калмыцкий ЦИК, который еще до их получения провел специальный пленум 16 августа. Главным в его повестке был вопрос «Об отношении калмыков Сальского округа Донской области к постановлению Первого Общекалмыцкого съезда Советов по объединению калмыков в одну автономную область». Выступивший на пленуме А. М. Амур-Санан обратил внимание «на полную безграмотность» резолюции съезда, считая, что сам его созыв без приглашения представителя Калмыцкого ЦИК является «продуктом агитации отдельных лиц, идущей в разрез интересам объединения трудовых калмыков и в нарушение их автономных прав». Как и выступавший после него военком А. Г. Маслов, он связал резолюцию о нежелании калмыков-донцов входить в состав Автономной области калмыцкого трудового народа с арестом Канукова, «по происхождению донца, учинившего дебош накануне Первого общекалмыцкого съезда, который он вместе с эскадронам шел охранять и на который он был делегирован в числе других 20 представителей калмыков Сальского округа». В подтверждение недобросовестности агитации и давления на съезд Шалхакова и

Шивидова, заставивших донских калмыков «отказаться от объединения со своими сородичами», Амур-Санан и Маслов зачитали выдержки из письма политического комиссара Калмыцкого полка Бузутова. В нем указывалось на распространение между красноармейцами Калмыцкого полка слухов «о недолговечности областного исполкома», а также о том, что «астраханские главари Маслов, Чапчаев, Маслова, Амур-Санан» и другие «ненавидят донцов, воображая себя царями» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 39об.-40].

Протокол дает некоторое представление о накале страстей в ходе заседания пленума. Амур-Санан и Маслов предложили «произвести расследование всех обстоятельств, послуживших причиной этого неприятного инцидента и предать суду всех вообще оказавшихся виновными в подрыве авторитета советской власти, как с той, так и с другой стороны». Был задан вопрос члену областного исполкома Герценбергу о приветственном воззвании съезду и ответной приветственной телеграмме, заслушаны делегаты-донцы. Амур-Санан поднял и вопросы о значении принятой I Общекалмыцким съездом Декларации об автономии объединившихся калмыков, а также о том, «следует ли вообще ехать в центр домогаться утверждения всех работ съезда» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 39об.-41].

Однако секретарь облисполкома Ф. И. Плюнов, имевший большой опыт еще дореволюционной работы в органах управления, обратил внимание на то, что на I Общекалмыцком съезде Советов присутствовали делегаты Советов всех улусов, включая и представителей донских калмыков. Они принимали активное участие в решении съездом всех вопросов, в том числе о принятии декларации, а также в выборе членов областного исполкома. Представитель донцов сделал доклад о положении калмыков Донской области, а ряд депутатов (в том числе Шивидов) выступали с приветственными речами. Поэтому Плюнов заявил, что «никаких сомнений в юридической силе декларации быть не может», I Общекалмыцкий съезд Советов «является для калмыков органом законодательным, и постановления его имеют силу и значение юридического акта. Нет никаких оснований ожидать разрешения частичного харак-

тера инцидентов, тем более, направленных во вред объединения калмыков и признания за ними автономных прав» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 41–41об.].

В итоге пленум постановил послать на Дон комиссию из трех лиц, в которую вошли член областного исполкома У. Д. Душан, член исполкома Большедербетовского улусного комитета Л. К. Карвенов и член президиума Калмыцкого ЦИК Е. М. Сайков, поручив ей созвать новый съезд Советов калмыков Сальского округа и «произвести по всем обстоятельствам настоящего инцидента и причинах, вызвавших его, расследование, которое и представить облисполкому». После выступления Ф. И. Плюнова пленум постановил немедленно представить центру на утверждение Декларацию трудового калмыцкого народа, делегировав в Москву с трудами съезда А. Амур-Санана и И. Мангинова [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 41–41об.].

23 августа состоялся новый пленум ЦИК Автономной области калмыцкого трудового народа, на котором Е. М. Сайков выступил с докладом «по ходатайству обществ станиц Потаповской, Эркетиновской, Чунусовской и Беляевской Донской области об отказе их подчиниться постановлению съезда Советов Сальского округа от 5 августа и о желании остаться в составе Автономной области калмыцкого народа» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 46]. Представители Эркетиновской, Чунусовской и Беляевской станиц рассказали, что после I Общекалмыцкого съезда к ним приезжал Мангушев, настаивавший на том, чтобы представители станиц обязательно прибыли на съезд. Когда же раздались протесты, он «угрожал прислать в станицу карательный отряд с пулеметом, причем даже записал 10 граждан, особенно протестующих против насилия, пригрозив им, что они будут расстреляны. Под страхом угроз пришлось представителям станиц выехать на съезд, но так никаких протестов не допускалось и никаких заявлений не принималось, съезд прошел под сильным давлением военной партии, причем особенно настойчиво агитировал Шалхаков, который указывал, что нет никакого интереса объединяться с астраханцами, в особенности после того, как арестован Кануков» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 46–46об.].

Через неделю, 30 августа, члены комиссии Калмыцкого ЦИК обратились с заявлением в Сальский окружной исполком, в котором утверждали, что «президиум съезда сальских калмыков при ведении заседания в некоторых принятых съездом резолюциях допустил нарушение закона РСФСР». Основные нарушения сводились к четырем основным пунктам.

Во-первых, резолюция о выселении не желавших «подчиниться Донобласти» в Автономную область трудовых калмыков, по их мнению, явно противоречила принципу советской власти о свободном проживании всех граждан «безотносительно к национальности, вере и приписке там, где граждане найдут нужным и необходимым». Насильственное выселение расценивалось как «явный акт насилия, совершенно нетерпимый по советским законам». Члены комиссии писали, что «многие темные калмыки, не знающие советских законов, боясь выселения в Автономную область трудовых калмыков, конечно, откажутся от идеи вхождения» в нее [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 47].

Во-вторых, резолюция о нерациональном разделении на автономные области признавалась противоречащей пунктам 2, 8, 11 Конституции РСФСР, «коим всем национальностям даны права на национальность и самоопределение вплоть до отложения и образования самостоятельных автономных областей, республик и пр.».

В-третьих, крупной ошибкой I съезда сальских калмыков называлось «неизбрание на съезде, если они признают Донобласть», полноправных членом в Совет окружного исполкома, а участие двух представителей от калмыков с совещательным голосом в его работе считалось «совершенно не законным» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 47–47об.].

В-четвертых, члены комиссии писали, что «съездом не обсужден вопрос о создании объединения с русскими станичными исполкомами или о создании национальных калмыцких исполкомов».

Кроме того, они отмечали, что на I съезде сальских калмыков были допущены еще несколько «мелких, но характерных его ошибок». I. Председателем съезда Шалхаковым иногда удалялись с заседания агитаторы политотдела калмыцких военных частей Бембеев, Долотаев, Манджиев и Яшкаев, «т. е.

заседания иногда велись конспиративно, секретно». Члены комиссии подчеркивали: «Удаления из заседания агитаторов-коммунистов — прямое нарушение закона». 2. Не было принято заявление группы членов съезда «о верности Автономной области калмыцкого трудового народа». 3. В Калмыцкий ЦИК в Астрахань прибыли представители трех станиц с постановлениями станиц Эркетиновской, Чунусовской, Потаповской и Беляевской о том, что они не признают резолюций, постановлений съезда калмыков Сальского округа и остаются верными постановлениям I Общекалмыцкого съезда Советов, т. е. входят в Автономную область трудовых калмыков.

Члены комиссии подчеркивали необходимость срочно разъяснить населению эти «упущения и незаконные резолюции съезда донских калмыков», а также просили Сальский окружной исполком о срочном созыве нового съезда сальских калмыков. На нем должны были быть исправлены все допущенные нарушения законов РСФСР и выяснен вопрос «о вхождении или невхождении сальских калмыков» в Автономную область трудовых калмыков [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 47об.-48].

На следующий день в станице Великокняжеской состоялось заседание президиума Сальского окружного исполкома совместно с членами комиссии ЦИК Автономной области калмыцкого трудового народа, а также с бывшим членом президиума сальского съезда калмыков Шалхаковым. Он и давал ответ на два первых пункта заявления членов комиссии, признав утвержденные I съездом формулировки «редакционными ошибками». Текст резолюции «Должны выйти из пределов Донобласти в Автономную Калмыцкую область», по словам Шалхакова, следовало понимать, как «выйти из пределов Донобласти в административном отношении». По второму пункту заявления он сказал, что «так угодно было съезду калмыков высказаться», признав деление на автономные области не рациональным, потому что существовавший с 1918 г. Калмыцкий облисполком «не принимал никаких мер к объединению калмыков и оказанию помощи». Шалхаков заявил, что текст резолюции следует понимать не как «нерациональное деление на автономные области», а как «нерациональное присое-

динение сальских калмыков к автономной области» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 50–50об.].

По третьему и четвертому пунктам выступали члены окружного исполкома Буревалов и Гуреев, заявившие, что калмыки Сальского округа участвовали в выборах Советов «вообще с русскими», а в станичных исполкомах есть члены-калмыки. 2 члена с совещательным голосом были введены съездом в окружной исполком «для живой связи с калмыками». Гуреев также подчеркнул, что представительства на правах национальных меньшинств не было, так как выборы в Советы, на съезды Советов и в исполкомы происходили в округе без различия на национальности и только потому, «что калмыки недавно вернулись из стана Деникина и еще не освободились» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 50об.-51].

Шалхаков назвал ложью удаление со съезда калмыцких агитаторов, более того, агитаторы Долотаев, Манджиев и Яшкаев, по его словам, не являлись коммунистами. Буревалов подчеркнул, что присутствовавший на съезде Иванов не допустил бы «ни в коем случае, чтобы производились какие-либо секретные совещания и в особенности без коммунистов-агитаторов». В результате уже Сайкову пришлось оправдываться, признав, что «все мелкие недочеты, помещенные ими в заявлении, взяты со слов некоторых калмыков». Гуреев также указал, что съезд калмыков созывался с разрешения окружного исполкома, всем калмыцким станицам и хуторам предварительно рассылалась повестка дня, и, отправляя своих представителей на съезд, «калмыки знали, кого посылали и, следовательно, эти станицы должны подчиниться, и играть в этом случае нельзя» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 51–51об.].

В результате членам комиссии было, фактически, отказано по всем пунктам их требований. Президиум Сальского окружного исполкома признал правомочным I съезд сальских калмыков, как созданный с «соответствующим желанием» и с надлежащего разрешения, постановления которого были утверждены самим окружным исполкомом и отделом управления Донобласти. Нарушения законов РСФСР, которые выступали главным аргументом у членов комиссии, были признаны редак-

ционными ошибками. Но президиум заявил, что «разрешить второго съезда не может» и, кроме того, констатировал, что также не был извещен о I Общекалмыцком съезде в Астраханской губернии, поэтому счел «представительство от сальских калмыков пропорционально астраханским и ставропольским калмыкам неправильным» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 50–51об.].

Членам комиссии ничего не оставалось делать, кроме как зафиксировать свое особое мнение. Они также признали редакционные ошибки, противоречащие законам РСФСР, допущенные съездом сальских калмыков, но посчитали необходимым исправить их на следующем съезде сальских калмыков. «Волю четырех станиц» — Эркетиновской, Потаповской, Беляевской и Чунусовской — об их присоединении к ЦИК Автономной области калмыцкого трудового народа — члены комиссии сочли законной, заявив необходимым «произвести реорганизацию власти, порученную ЦИК калмыцкого народа, с выделением этих станиц из ведения Донобласти» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 52].

Мнение Сальского окружного исполкома о нежелании считаться с волей этих станиц комиссия нашла противоречащим постановлению РСФСР и постановлению самого съезда сальских калмыков, вынесенному 7 августа. Непризнание Сальским окружным исполкомом прав калмыков как национального меньшинства, т. е. их прав на национальное самоопределение, комиссия также сочла противоречащим основным законам РСФСР. Члены комиссии отметили, что поставят об этом в известность Доноблисполком, ЦИК Автономной области калмыцкого трудового народа и Калмыцкий отдел при Наркомате по делам национальностей. Для дальнейшего выяснения этих вопросов в Доноблисполком был направлен Е. М. Сайков [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 52–52об.].

4 сентября Сайков обратился в Донской облисполком, предоставив для выяснения всех обстоятельств дела необходимый пакет документов (благодаря чему он и отложился в фонде Р-98 ГА РО). В заявлении он просил «разрешить созыв нового съезда сальских калмыков» комиссии ЦИК Автономной области калмыцкого трудового народа совместно с президиумом Сальско-

го окружного исполкома [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 30–31об.].

Однако отменить принятое на I съезде сальских калмыков решение и вернуть их в состав Автономной области калмыцкого трудового народа ее руководству так и не удалось. На II съезде калмыков Сальского округа оно вновь прошло, теперь уже с перевесом всего в один голос [Очиров 2006: 353]. И, хотя итоги данного голосования также оспаривались, территория проживания сальских калмыков осталась в составе Донской области.

Осенью решение о предоставлении калмыкам автономии получило поддержку высших государственных и партийных органов страны. 14 октября 1920 г. постановление ЦК РКП(б) «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами» признало необходимым создать автономию для тех восточных народностей, которые еще не имели автономных учреждений, прежде всего для калмыков и бурят-монголов. 2 ноября СНК РСФСР постановил предоставить автономию калмыкам [Декреты Советской 1983: 364]. 4 ноября было принято совместное постановление ВЦИК и СНК РСФСР, в котором первым пунктом говорилось: «Образовать автономную область калмыцкого народа». Установление границ и выработка положения об автономной области поручались комиссии в составе представителей наркоматов по делам национальностей, внутренних дел и земледелия РСФСР «с участием представителей заинтересованной национальности и заинтересованных губисполкомов», которая обязывалась закончить работу в кратчайший срок [Декреты Советской 1983: 167]. 25 ноября было издано специальное постановление ВЦИК и СНК РСФСР о границах Автономной области калмыцкого народа. Сальских калмыков в ее составе не оказалось [Декреты Советской 1983: 262].

Выводы

На установление границ первых советских автономий оказывали влияние самые различные политические, экономические и другие факторы. Нередко их формирование сопровождалось ожесточенными спорами между руководством разных национальных автономий, в разрешение которых приходилось вмешиваться центральной власти.

Чрезвычайно затрудняла проведение административных границ в строгом соответствии с национальным принципом существовавшая во многих регионах страны этническая чересполосица. В этом отношении формирование границ Калмыцкой АО в момент ее образования представляет собой особый случай в практике советского национально-государственного строительства. Сокращение первоначально запланированной и предварительно согласованной с центром территории было обусловлено здесь не противоречиями с другими национальными и административными субъектами, а совершенно другими причинами преимущественно внутреннего характера.

Арест крупного военного и политического деятеля периода Гражданской войны и донского калмыка по происхождению Х. Б. Канукова фактически в момент провозглашения автономии с последовавшим отстранением из руководящего органа вызвали недовольство его сторонников. Заручившись поддержкой региональных властей, в первую очередь, что вполне объяснимо, руководства Сальского округа, лишившегося в случае передачи Калмыкии 13 станиц значительной части своих территорий и населения, они провели I съезд донских калмыков, принявший решение выйти из-под контроля Калмыцкого ЦИК.

В то же время будет упрощением сводить весь вопрос к последствиям инцидента с участием Канукова, тем более что сами пострадавшие вскоре его простили. В том, что автономия лишилась части территории, на которую вполне могла рассчитывать при других обстоятельствах, сказались, по крайней мере, несколько факторов, требующих дополнительного изучения. Во-первых, это разногласия внутри формирующейся новой калмыцкой партийно-государственной элиты (показательно, что организаторы съезда сальских калмыков обвиняли руководителей автономии в стремлении «вообразить себя царями»), что побуждает более внимательно анализировать ее состав, наличие отдельных группировок и причины их образования. Во-вторых, плохо скрываемые разногласия между Калмыцким ЦИК и Сальским окружным исполкомом (вероятно, обоюдные, неслучайно члены президиума окружного исполкома указывали на то, что не были поставлены в известность о

I Общекалмыцком съезде), свидетельствующие о сложностях взаимодействия различных органов советской власти в целом и их конкуренции между собой.

К сожалению, рассмотренный комплекс документов не позволяет глубоко проанализировать позицию руководства Донисполкома и центрального советского руководства по данному вопросу. Не дает он возможности услышать и непосредственные голоса рядовых станичников-калмыков, от лица которых принимались решения, за исключением представителей станиц, протестовавших против решений I съезда сальских калмыков. В данной связи необходимо сказать, что в начале 1920-х гг. значительная часть донских калмыков переселилась в Большедербетовский улус Калмыцкой автономной области. Однако причины этих миграций могли быть вызваны не только стремлением жить в единой автономии, но и низким уровнем жизни, голодом и нищетой в условиях перехода от военного коммунизма к нэпу. Неслучайно на I съезде сальских калмыков представители и тех станиц, которые выступили против его решений, и тех, которые проголосовали за них, говорили о крайней нужде населения «в продовольствии, обуви и одежде, жилых помещений, которые во время Гражданской войны часть разрушены совсем, а большинство не имеет ни окон, ни дверей, ни печей, сельскохозяйственного живого и мертвого инвентаря, кроме того некоторыми докладчиками были указаны на ненормальные явления в районах их места жительства». Например, представитель Граббевской станицы «указал на неправильное распределение продуктов между калмыцким и русским населением. Так, калмыцкое население получало 15 фунтов на едока в месяц, русское же по одному пуду на едока на тот же месяц» [ГА РО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 98. Л. 15]. Очевидно, что в этой ситуации этническая мобилизация выступала способом решения социальных проблем. Но, вероятно, по той же самой причине, уже с 1924 г. началась обратная миграция калмыков на Дон.

Оставшиеся на Дону калмыки были причислены к Зимовниковскому, с 1928 г. — Калмыцкому району Сальского округа Северо-Кавказского края. 29 апреля 1929 г. было принято решение об образовании Калмыцкого национального района в составе

Сальского округа Северо-Кавказского края, с 1937 г. — в составе Ростовской области. Он просуществовал вплоть до 1944 г. и был упразднен в связи с депортацией калмыков на восток страны.

Источники

Архивные источники

ГА РО — Государственный архив Ростовской области

Сборники документов

Декреты Советской 1983 — Декреты Советской власти. Т. XI. Октябрь–ноябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1983. 467 с.

К истории образования 1960 — К истории образования автономной области калмыцкого народа (октябрь 1917 – ноябрь 1920 гг.): сб. док-тов и мат-лов. Элиста: Калмиздат, 1960. 104 с.

Национально-государственное строительство 1981 — Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920 – июнь 1937 гг.): сб. док-тов и мат-лов. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1981. 367 с.

Первый Общекалмыцкий 1971 — Первый Общекалмыцкий съезд советов. 2–9 июля 1920 г. Протоколы. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 219 с.

Статистические материалы

Первая всеобщая — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (дата обращения: 4.04.2019).

Sources

Archives

State Archive of Rostov Oblast

Collections of Documents

[1st All-Kalmyk Congress of Soviets: July 2–9, 1920. Minutes of Meetings]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. 219 p. (In Russ.)

[Autonomous Region of the Kalmyk People: History of Its Creation Revisited (October 1917 – November 1920)]. Coll. documents and materials. Elista: Kalmizdat, 1960. 104 p. (In Russ.)

[Decrees of the Soviet Government]. Vol. XI: October – November 1920, Moscow: Politizdat, 1983. 467 p. (In Russ.)

[Nation Building in the Kalmyk ASSR: July 1920 – June 1937]. Coll. documents and materials. Elista: Kalmyk Book Publ., 1981. 367 p. (In Russ.)

Statistical Materials

[1st Russian Imperial Census of 1897: Distribution of the Population by Mother Tongue, Governorates and Oblasts]. An Internet resource: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (accessed: April 4, 2019). (In Russ.)

Литература

Бадмаева 2010 — Бадмаева С. Г. Развитие административно-территориального устройства Калмыкии: 1920–1941 гг. Дисс ... канд. ист. наук. Элиста, 2010. 230 с.

Гунаев 2018 — Гунаев Е. А. Акты конституционного значения в системе управления Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.) // Монголоведение. 2018. № 5. С. 50–66.

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 2. 840 с.

Кичеева 2017 — Кичеева М. И. Создание национальной государственности Калмыкии в форме автономной области // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук – VI. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 48–50.

Максимов 2002 — Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. 523 с.

Максимов 2013 — Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Издат. дом «Герел», 2013. 464 с.

Максимов 2016 — Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.

Максимов 2017 — Максимов К. Н. Альтернативы в строительстве национальной государственности XX в. и значение их в исторической судьбе калмыцкого народа // Magna Adurgit: Historia Studiorum. 2017. № 1. С. 64–73.

Максимов, Мацакова 2016 — Максимов К. Н., Мацакова М. И. Конституирование национальной государственности Калмыкии в форме административной автономии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 11–19.

Очиров 2006 — Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.

Очиров 2015 — Очиров У. Б. Правоохранительные и судебные органы Калмыкии в 1917–1925 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 34–42.

Северцев 2015 — *Северцев О. В.* Национальное самоопределение. Элиста: Изд-во ИКИАТ, 2015. 252 с.

References

- [History of Kalmykia: from the Earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 2. 840 p. (In Russ.)
- Badmaeva S. G. [Development of Kalmykia's Administrative and Territorial Framework: 1920–1941]. A Cand.Sc. thesis. Elista, 2010. 230 p. (In Russ.)
- Gunaev E. A. The administrative system of Kalmyk Autonomous Oblast (1920–1935): acts of constitutional significance. *Mongolian Studies*. 2018. No. 5. Pp. 50–66. (In Russ.)
- Kicheeva M. I. Establishing Kalmykia's national autonomy in the form of an autonomous oblast. In: [Kalmyk Scientific Center of the RAS: Annual Scholarly Readings - VI]. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2017. Pp. 48–50. (In Russ.)
- Maksimov K. N. [Kalmykia in the Soviet Era: Policies and Realia]. Elista: Gerel, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. [Kalmyks within the Don Cossack Host: 17th – mid-20th Centuries]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of RAS, 2016. 576 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Alternatives of the 20th-century nation building and their historical significance for the Kalmyk people. In: [Magna Adsurgit: Historia Studiorum]. 2017. Vol. 1. Pp. 64–73. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 523 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Matsakova M. I. The establishment of the constitution of the national state of Kalmykia in the form of administrative autonomy. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2016. No. 3. Pp. 11–19. (In Russ.)
- Ochirov U. B. [Kalmykia during the Russian Civil War: 1917–1920]. Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Law-enforcement and judicial authorities of Kalmykia in 1917–1925. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 4. Pp. 34–42. (In Russ.)
- Severtsev O. V. [National Self-Determination]. Elista: IKIAT, 2015. 252 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 799–811, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-799-811
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902/904

Реконструкция образов «царя» и «царицы» из кургана Аржан-2: особенности, проблемы, пути их решения

*Роланда Биче-ооловна Ховалыг¹, Шенне Романовна Хорлуштай²,
 Аржаана Валерьевна Дамба³, Вероника Доткан-ооловна Ооржак⁴*

¹ Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 главный хранитель
 ORCID ID: 0000-0002-6390-7406. E-mail: hovrol@mail.ru

² Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 хранитель 1 категории отдела учета и хранения фондов
 ORCID ID: 0000-0001-9858-7222. E-mail: shenne.horlushtay@mail.ru

³ Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 специалист по учету музейных предметов 1 категории отдела учета и хранения фондов
 ORCID ID: 0000-0002-8814-4054. E-mail: damba.arzhaana@mail.ru

⁴ Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, Кызыл, Республика Тыва, 667000, Российская Федерация)
 хранитель 1 категории отдела учета и хранения фондов
 ORCID ID: 0000-0001-9244-9208. E-mail: oorzhakvera76@mail.ru

Аннотация: *Введение.* Статья посвящена проблеме реконструкции образов «царя» и «царицы» из погребально-поминального комплекса скифского времени «Аржан-2» (2-я половина VII в. до н. э.) на основе археологических и антропологических исследований. Аржан-2 — памятник мирового значения в «Долине царей» на территории Пий-Хемского кожууна Республики Тыва, национальное достояние народов России. Курган был исследован в 1998–2004 гг. совместной Центрально-Азиатской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа во главе с научным сотрудником отдела археологии К. В. Чугуновым и Германского Археологического Института во главе с Г. Парцингером и А. Наглером. *Цель* исследования — раскрытие особенностей и проблем при реконструкции образов скифских «царя» и «царицы», путей их решения, изучение вклада российских ученых в исследование скифской культуры и анализ деятельности сотрудников Национального музея Республики Тыва по популяризации и сохранению памятников истории и культуры. При исследовании данного памятника скифского времени в Туве остро стояли вопросы происхождения погребенных, периодизации, названия культур, автохтонности, взаимосвязи с культурами ранних кочевников Евразии и в особенности Минусинской котловины, Алтая, Западной Монголии, а также вопросы их антропологического образа

и внешнего вида. *Результаты.* В статье представлены история создания образов «царя» и «царицы», результаты археологических и антропологических исследований ведущих российских исследователей, по которым восстановлены внешний прижизненный облик и костюмы «царя» и «царицы».

Ключевые слова: Аржан-2, научная реконструкция, образ, погребально-поминальный комплекс, антропологические исследования, археологические коллекции, скифская эпоха, костюмы, физический облик

Для цитирования: Ховалыг Р. Б., Хорлуштай Ш. Р., Дамба А. В., Ооржак В. Д. Реконструкция образов «царя» и «царицы» из кургана Аржан-2: особенности, проблемы, пути их решения. *Oriental Studies*. 2019;(5): 799—811. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-799-811.

UDC 902/904

Reconstructing Images of ‘King’ and ‘Queen’ from Arzhan-2 Mound: Features, Problems, Solutions

*Rolanda B. Khovalyg¹, Shenne R. Khorlushtay², Arzhaana V. Damba³,
Veronika D. Oorzhak⁴*

¹ Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Chief Custodian

ORCID ID: 0000-0002-6390-7406. E-mail: hovrol@mail.ru

² Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

First-Class Custodian, Museum Collection Records Department

ORCID ID: 0000-0001-9858-7222. E-mail: shenne.khorlushtay@mail.ru

³ Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

First-Class Specialist, Museum Collection Records Department

ORCID ID: 0000-0002-8814-4054. E-mail: damba.arzhaana@mail.ru

⁴ Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

First-Class Custodian, Museum Collection Records Department

ORCID ID: 0000-0001-9244-9208. E-mail: oorzhakvera76@mail.ru

Abstract. Introduction. The article deals with the reconstruction of images of the ‘king’ and ‘queen’ from the Scythian burial complex Arzhan-2 (mid-to-late 7th century BC) undertaken through the use of archaeological and anthropological studies. Arzhan-2 is a monument of world significance located in the Valley of the Kings (Piy-Khemsy District, Republic of Tuva) and is a national heritage of Russia’s peoples. The mound was investigated in 1998–2004 by the Joint Expedition of the State Hermitage Museum (the branch headed by archaeologist K. Chugunov) and the German Archaeological Institute (the branch headed by H. Parzinger and A. Nagler). *Goals.* The paper seeks to reveal peculiarities and problems faced during the reconstruction of images of the Scythian ‘king’ and ‘queen’, ways of their solution, examines the impact of Russian scientists into the research of Scythian culture, and analyzes activities by associates of Tuva’s National Museum aimed to popularize and preserve monuments of history and culture. The investigation of this Tuva-based Scythian monument was associated with a number of critical questions, such as origins of the buried individuals, identification of respective period and culture, indigenoussness, relations to other early nomads of Eurasia and especially to those of Minusinsk Hollow, Altay, Western Mongolia, as well as issues of their anthropology and appearances. *Results.* The article outlines the history of creation of the images of ‘king’ and ‘queen’, summarizes results of archaeological and anthropological studies by leading Russian researchers that proved instrumental in reconstructing actual appearances and garments of the ‘royal couple’.

Keywords: Arzhan-2, scientific reconstruction, image, burial complex, anthropological studies, archaeological collections, Scythian era, costumes, appearances

For citation: Khovalyg R. B., Khorshultay Sh. R., Damba A. V., Oorzhak V. D. Reconstructing Images of 'King' and 'Queen' from Arzhan-2 Mound: Features, Problems, Solutions. *Oriental Studies*. 2019; (5): 799–811. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-799-811.

Введение

В экспозиции «Сокровища Долины царей Тувы. Царские курганы Аржан и Аржан-2» Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (НМ РТ) с 2008 г. экспонируется коллекция золотых изделий скифской культуры, найденных в царских погребениях раннескифской эпохи Аржан и Аржан-2, имеющих мировое значение и являющихся частью национального достояния народов России [НМ РТ]. С тех пор золотая коллекция привлекает в Туву ученых со всего мира, занимающихся проблемами скифологии, и многочисленных туристов — как российских, так и зарубежных.

Погребально-поминальный комплекс раннескифского времени был найден в знаменитой «Долине царей», расположенной в Турано-Уюкской котловине, где сосредоточена цепочка «царских курганов», насчитывающих около сотен объектов.

В 1971–1974 гг. выдающимся советским археологом М. П. Грязновым и тувинским археологом М. Х. Маннай-оолом был раскопан самый крупный курган в «Долине царей» — Аржан, памятник раннескифской эпохи, датированный IX–VIII вв. до н. э. (диам. 120 м). В нем в двух колодах были захоронены «царь» и «царица». Вокруг них было захоронено еще 8 человек и 6 коней, всего же в кургане обнаружили могилы 15 человек и 160 коней, сопровождавших «царя» и «царицу» в последний путь. Погребения кургана, к сожалению, оказались разграбленными.

Однако материалы кургана Аржан, датированного рубежом IX–VIII вв. до н. э., стали источником важного научного открытия по археологии всей степной зоны Евразии. Они показали, что в Центральной Азии кочевая культура развивалась задолго до первого упоминания о кочевниках-скифах в письменных источниках, что привело к пересмотру многих уже сложившихся представлений и гипотез [Чугунов, Парцингер, Наглер 2004: 5–6]. Была доказана гипотеза о

центральноазиатском происхождении скифской культуры.

Мировой сенсацией 2004 г. стало открытие еще одного кургана «Долины царей» — погребально-поминального комплекса Аржан-2. Это один из наиболее крупных курганов, расположенных в «Долине царей» Тувы, которая находится у пос. Аржан, в центре Турано-Уюкской котловины, к юго-востоку от регионального центра — г. Кызыла. Исследовался этот курган с 1998 по 2004 гг. совместной экспедицией Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) и Германского археологического института (г. Берлин). Руководителями раскопок выступили старший научный сотрудник Гос. Эрмитажа К. Чугунов, профессор Г. Парцингер и доктор А. Наглер. Диаметр кургана — 80 м, высота — 2 м.

Аржан-2 является захоронением представителей высшего социального слоя населения, жившего на территории Тувы во второй половине VII в. до н. э. Эта дата подтверждена серией радиоуглеродных анализов, выполненных в лабораториях Санкт-Петербурга, а также Германии и других стран [Чугунов, Парцингер, Наглер 2004: 16]. Общее количество предметов, найденных в кургане Аржан-2, насчитывает более 11 тыс. ед.

Памятник относится к культурам скифского типа или скифо-сибирской культурной общности. Скифская (или скифо-сибирская) культура в широком смысле — это культура, распространившаяся в I тыс. до н. э., в начале эпохи железа, на территории степной и лесостепной зон Евразии — от Нижнего Дуная на западе и до излучины Хуанхэ на востоке. Основой этой культуры стало кочевое скотоводство, а показателем единства многие ученые считают так называемую «скифскую триаду» — оружие, конскую упряжь и звериный стиль в искусстве. Все составляющие этой триады действительно встречаются на всей огромной территории [Чугунов, Парцингер, Наглер 2004: 3].

Золотые изделия из погребально-поминального комплекса Аржан-2, поражающие высоким мастерством исполнения и великолепным художественным вкусом древних ювелиров, свидетельствуют о высочайшем уровне ювелирного искусства, которое было достигнуто к этому времени жителями Центральной Азии. Эти шедевры древних мастеров навсегда останутся достоянием мировой культуры [Чугунов 2004: 37].

Основная часть

О вопросах происхождения погребённых в кургане Аржан-2

В связи с открытием двух крупных царских захоронений скифского времени на территории Тувы остро встали вопросы об их происхождении, периодизации, названии культур, которые они представляют, связях с культурами ранних кочевников Евразии и в особенности Минусинской котловины, Алтая, Западной Монголии. Вопросы о происхождении погребённых интересовали не только ученых, но и тувинцев, желавших знать о влиянии скифов на их культуру. Интерес усилился в связи с открытием кургана Аржан, поскольку появились факты, позволяющие говорить об автохтонности скифской культуры и наиболее ранней дате ее появления именно на этой территории [Чикишева 2006: 37]. Людей интересовали вопросы о физическом облике и одежде погребённых, их антропологической принадлежности и связи с современными тувинцами, тем самым поднимался вопрос: являются ли скифы их предками и как выглядели жители Центральной Азии, жившие здесь и оставившие непревзойденную культуру, которую мы можем увидеть по предметам из кургана Аржан-2? Какими были скифы Центральной Азии? Монголоиды или европеоиды?

Интересно, что свое слово, не дожидаясь мнения ученых, уже сказали деятели искусства. Например, известный бурятский скульптор Даши Намдаков изобразил в своей работе «Царская охота» скифских царя и царицу из кургана Аржан-2. В его видении это монголоиды. Скульптурная композиция на скифскую тему принесла российскому художнику мировое признание и награду, престижную международную премию «Пьетрасанта и Версилия», как лучшему художнику 2013 года [Каюмова 2017].

Специалисты Эрмитажа, участвовавшие в раскопках, считают, что обнаруженная ими скифская царская чета — европеоиды и принадлежат к иранской языковой группе. Но предположениям археологов противоречат гипотезы других ученых-скифологов.

Скифы известны в письменных источниках как кочевые народы, которые господствовали в евразийских степях на протяжении всего железного века. Однако их происхождение и точная природа их социальной организации остаются предметом споров. Известно, что в отношении происхождения скифов преобладают три гипотезы, которые можно обобщить как «западное происхождение», «восточное происхождение» и «межрегиональное происхождение».

Так, И. М. Мизиев, один из известных ученых, работавших над теоретико-методологическими проблемами концепции лингвистического обоснования этногенетических связей народов Северного Кавказа и культурного ареала Передней Азии, ссылается на большого знатока истории скифов Ф. Ф. Мищенко. Тот писал, что «наличность в европейской Скифии арийского и частнее иранского элемента установлена убедительно проф. В. Ф. Миллером; только следует искать его не в господствующей части скифского населения Южной России, а в тех зависимых от царских скифов пахарях и каллипидах, которые, будучи оттеснены сюда более воинственными завоевателями, и представляли много общего с сарматами, также, вероятнее всего, принадлежавшими к иранской ветви» [Мизиев 1986: 19].

Мнение Ф. Ф. Мищенко о том, что царские скифы не были ираноязычными, поддержал и другой выдающийся знаток скифов — В. В. Латышев. Близки к этой точке зрения и солидарны с ней и ученые Б. Н. Граков и А. М. Мелюкова [Граков, Мелюкова 1952: 50–51]. Прежде чем «списать» эти мысли и предать их забвению как безнадежно устаревшие, необходимо опровергнуть нижеследующие сведения самого Геродота и массу явно тюркских элементов в языке и культуре скифских племен, которые совершенно чужды их ираноязычным потомкам — сарматам и алано-осетинам [Мизиев 1986: 18, 19].

По легенде о происхождении скифов, которую для нас сохранил древнегреческий историк Геродот [Смирнов 1966: 7, 8], можно предположить, что скифы были тюркоя-

зычным народом. Согласно данной легенде, от сына Таргитая — Липоксая произошли те скифы, которые носят название рода авхатов; от среднего брата Арпоксая — те, которые называются паралатами; общее название всех их — сколоты, по имени одного из царей. Скифами эти племена называли древние греки (эллины).

Эту же мысль подтверждает И. М. Мизиев. Он писал, что «иранисты не только избегают упоминания таких скифо-тюркских личных имен, как „Папай“ („Бабай“ — предок), „Апи“ („Апай“ — мать, матушка), „Атей“ („Ата“ — отец), но и не могут правдоподобно объяснить этимологию имен легендарных скифов — Таргитай, Липоксай, Арпоксай, Колаксай и других, которые имеют весьма прозрачные поныне бытующие тюркские значения» [Мизиев 1986: 22].

Прочитав работу И. М. Мизиева, тувинцы могут поразиться схожести данных имен и слов с тувинскими именами и словами, так как их язык относится к тюркской языковой ветви. Например, тувинское слово *авай* ‘мать’ произносится в уменьшительно-ласкательной форме как *апай*, а слово *ада* ‘отец’ похоже на скифское слово *ата*, также тувинское слово *ачей* (*ачай*) ‘отец’ похоже на скифское слово *атей* ‘отец’. Имена Таргитай, Липоксай, Арпоксай, Колаксай напоминают тувинские Чагытай, Таргытай, Арбаксай, Холасай, Дарылдай, Белекей и т. д.

В легенде упоминается также персонаж по имени Дарий, который шел с походом на царя Таргитая [Смирнов 1966: 7, 8]. Это имя схоже с тувинским именем *Дарый* или словом *дарый* ‘быстро’. Суффиксы в именах *-сай*, *-тай*, *-най*, *-кай*, *-кей* в тувинском языке являются уменьшительно-ласкательными.

В своей монографии «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа» в разделе «О скифо-тюркских параллелях» И. М. Мизиев пытается доказать тюркское происхождение скифов, основываясь на их языке и культуре [Мизиев 1986: 18]. Его мнение подтверждают другие ученые, в частности А. Н. Аристов, который писал, что «весьма возможно, что часть скифов Геродота и других древних авторов принадлежала тюркскому племени, как полагают многие из новейших исследователей» [Аристов 1896: 400].

Одним из таких исследователей был и Э. Н. Эйхвальд, который приводит много

доводов в пользу того, что среди скифов были и тюркские племена. В частности, он писал, что «к скифам причисляемы были нередко и разные турецкие поколения <...> Есть бесчисленные доказательства тому, что под скифами могли разуть и турецкие племена. Геродот упоминает тюррагетов и турков...» [Мизиев 1986: 18].

В легендах о происхождении скифов у тюркоязычных народов интерес вызывает происхождение скифов-савроматов, возникших от браков между скифами и мифическими амазонками. Но в этом случае важно учесть, что скифы называли амазонок *ойорпата*, что со скифского греки переводили как «убийца мужчин». Слово, переданное греками как *опор*, есть не что иное, как общетюркское *ойр*, *йэр*, *эр*, т. е. ‘мужчина’, ‘муж’. В тувинском языке слово *эр* также означает ‘мужчина’. Заслуживает внимания и то, что амазонки, по словам автора III в. до н. э. Филострата, кормили своих детей кобыльим молоком — кумысом, являющимся традиционным напитком кочевников-тюрков [Мизиев 1986: 18], в том числе тувинцев (тув. *хымыс* ‘кумыс’).

Таким образом, можно полагать, что по языку скифы могут быть предками и тюркоязычных народов.

Палеоантропологические исследования костных останков с кургана Аржан-2

Палеоантропология кочевого населения степного пояса Евразии в I тыс. до н. э., благодаря исследованиям отечественных антропологов, изучена достаточно детально. Несмотря на ряд частных дискуссионных вопросов, все исследователи констатируют смешанность антропологического состава скифов на уровне двух рас — монголоидной и европеоидной, а также неизменность соотношения монголоидного и европеоидного компонентов на протяжении скифской и гунно-сарматской эпох.

С палеоантропологическими источниками Тувы работали ведущие российские антропологи Г. Ф. Дебец и В. П. Алексеев, по результатам исследований которых подтверждалось вышесказанное [Дебец 1950; Алексеев 1984]. Предполагалась автохтонность обоих субстратов, генетически связанных с населением эпохи бронзы, и даже рубежа эпох энеолита – ранней бронзы. Выяснилось, что доминирование монголоидного комплекса центральноазиатской расы,

лежащего в основе антропологического типа современных тувинцев, начинает проявляться не ранее XIII–XIV вв., т. е. может быть связано с эпохой монгольской экспансии. Но автохтонные субстраты как монголоидных, так и европеоидных типов вошли в той или иной степени в состав тувинского народа [Чикишева 2006: 38].

В результате раскопок кургана Аржан-2 отечественная наука получила не только уникальные золотые артефакты, но и уникальный палеоантропологический материал. Костные останки погребенных людей были увезены в Институт археологии и этнографии СО РАН в г. Новосибирске для дальнейшего научного изучения и исследования. Там группой ученых во главе с известным современным российским антропологом, крупнейшим специалистом по антропологии Сибири и Дальнего Востока Т. И. Чикишевой было проведено максимально возможное комплексное антропологическое исследование, включающее краниометрию, одонтологию, остеологию. В результате краниологических и остеометрических исследований, осуществлявшихся по классическим антропометрическим методикам, были определены половозрастные признаки 35 погребенных: 16 мужчин, 13 женщин и 5 детей, половая принадлежность одного взрослого индивидуума осталась неопределенной. Средняя продолжительность жизни взрослых, погребенных в кургане, составляла 33,5 лет. Средний возраст смерти мужчин — 37,7 лет, и он значительно выше, чем средний возраст смерти женщин (29,2 лет). Равное число детей распределилось в двух возрастных интервалах: 0–2 года и 2,5–7,5 лет [Чикишева 2006: 40].

Все погребенные в кургане, независимо от их социального статуса, отраженного в дифференциации могил по их местоположению на могильном поле и атрибутам обрядовой практики, являются носителями единого антропологического комплекса. Этот антропологический комплекс по краниометрическим данным занимает промежуточное положение по отношению к двум антропологическим формациям первого порядка — европеоидной и монголоидной. Данное сочетание краниометрических признаков трудно однозначно соотнести с каким-либо антропологическим типом современного населения Южной Сибири, Центральной Азии, Средней Азии или Казахстана.

Одонтологические особенности ранних кочевников Тувы складываются в своеобразные комплексы, совмещающие признаки основных расовых подразделений современного человечества (монголоидов и европеоидов). Этот одонтологический комплекс мог сформироваться в результате метисации в предшествующее время. В целом одонтологический комплекс группы из Аржана-2 можно рассматривать как смешанный, который формировался на основе как минимум трёх источников — базового, характерного для южной евразийской антропологической общности, и одонтологических комплексов североазиатского и западносибирского типов [Чикишева 2006: 44].

По отношению к современному населению такой комплекс не находит себе полных аналогий, но более всего сходен с одонтологическим комплексом, наблюдаемым у представителей южно-сибирского расового типа, в частности у казахов, обских угров (ханты, манси). От современных тувинцев скифов Тувы отличает, прежде всего, высокая концентрация европеоидного маркера [Чикишева 2006: 45].

Это связано с геополитическим движением народов и его последствиями — миграциями групп племен, в результате которых были размыты границы сложившихся в предшествующие эпохи антропологических общностей, и доминирующую роль в расообразовании играл фактор метисации.

В Туве и южных районах Горного Алтая ко времени тюркских каганатов (VI–X вв. н. э.) фиксируется увеличение удельного веса монголоидного компонента. На рубеже монгольского нашествия и сразу после него (XIII–XIV вв.) тувинское население характеризуется морфологическим комплексом центральноазиатской расы, характерным для подавляющей массы тувинцев и в настоящее время.

Научная реконструкция физического облика «царских» особ кургана Аржан-2

Национальный музей РТ с целью публичного представления останков древних предков тувинцев в экспозиции музея в марте 2014 г. ходатайствовал перед Министерством культуры РТ о финансировании работ по изучению костных останков и реконструкции облика древних скифов по их черепам. В результате этого палеоантропологические материалы кургана Аржан-2

(три черепа и фрагменты скелетов) были отправлены в отдел археологии Государственного исторического музея (ГИМ) в г. Москве. Зав. отделом археологии ГИМ Н. И. Шишлиной были предложены услуги специалистов по пластической реконструкции из Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Национальный музей РТ заключил Договор на оказание возмездных услуг № 30-НМ от 21 марта 2014 г. с младшим научным сотрудником ИЭА РАН Р. М. Галеевым. Им вместе с признанным в мире специалистом в области восстановления лица по черепу, доктором биологических наук Е. В. Веселовской была проведена научная реконструкция трех черепов из кургана Аржан-2: «царя», «царицы» и женщины из сопровождающего захоронения (могилы 22), позволившая воссоздать их физический облик.

Ранее проведенное максимально возможное комплексное антропологическое исследование, включающее краниометрию, одонтологию, остеологию, проведенное группой антропологов из Института археологии и этнографии СО РАН во главе с Т. А. Чикишевой, явилось большим подспорьем Е. В. Веселовской и Р. М. Галееву при проведении научной реконструкции [Веселовская, Галеев 2016: 5].

Антропологическая реконструкция внешнего облика по черепу — одно из приоритетных направлений развития в отечественной антропологии. Начиная с работ М. М. Герасимова, выдающегося советского антрополога, археолога и скульптора, доктора исторических наук, автора методики восстановления внешнего облика человека на основе скелетных останков — так называемого «метода Герасимова», и до сегодняшнего дня, реконструкция лица по черепу как научный метод прошла долгий путь развития. В современной антропологической науке указанный метод имеет широкое применение, как в прикладных исследованиях, например, в судебно-медицинской практике, в визуализации антропологического материала в палеоантропологических исследованиях, так и для музейного пространства. В музейном деле в сочетании с археологическими материалами портреты-реконструкции дают более полное, более яркое представление о населении той или иной эпохи [Веселовская, Галеев 2016: 2].

Портретная реконструкция на краниологической основе каждого из трех черепов прошла несколько неотъемлемых этапов работы по методу М. М. Герасимова. Доктором биологических наук Е. В. Веселовской и Р. М. Галеевым проведена огромная научная и творческая работа. Из научного отчета ученых следует, что один из представленных на реконструкцию черепов — череп «царя» (погребение 5, скелет 1) принадлежит мужчине 40–45 лет, рост 167–170 см. Злокачественное перерождение костной ткани, патологические изменения на правой его стороне говорят, что мужчина умер из-за злокачественного заболевания. Об этом свидетельствуют результаты исследований антрополога из Германии, профессора Геттингенского университета Майкла Шульца [Чикишева 2006: 46]. Повреждения разного характера на скелетах погребенных в кургане Аржан-2 были исследованы этим ученым. Зубы с сильными посмертными повреждениями и наличие злокачественного заболевания и глубоких морщин при реконструкции черепа говорят о старческом его возрасте, а по наличию на них дистального гребня тригониды, наиболее часто встречающегося у монголоидов (у европейцев и негроидов встречается крайне редко), можно отнести его ближе к монголоидной расе.

Из костей посткраниального скелета могла быть измерена только правая малая берцовая. На основе её длины была рассчитана длина тела погребенного, примерно 167–170 см [Веселовская, Галеев 2016].

Рис. 1. Череп из погребения 5, скелет 1 («царя») в двух нормах [Fig. 1. Skull in two perspectives. Burial 5, skeleton 1 ('king')] (из научного отчета специалистов по пластической реконструкции черепов ИЭА РАН д. и. н., к. б. н., доцента Веселовской Е. В. и м. н. с. Галеева Р. М. [Веселовская, Галеев 2016: 6].

Второй череп из погребения 5 — скелет 2 «царицы», женщины 30–35 лет. Сохранился череп и фрагменты посткраниального скелета. Посмертно разрушены верхняя часть черепной крышки и правая половина нижней челюсти.

К одонтологическим особенностям относятся сочетание лопатообразной формы латеральных резцов верхней челюсти с развитием бугорка Корабелли и затёком эмали на первом и втором молярах. Лопатообразные резцы в одонтологии — характерный признак для большой монголоидной расы.

На основе длины правой малой берцовой кости была рассчитана длина тела погребённой, которая составила около 160,3 см.

Третий череп женщины — из могилы 22, где находился череп хорошей сохранности с нижней челюстью и полный посткраниальный скелет женщины 25–30 лет. Череп пробит четырьмя ударами чеканов с разной формой бойка (судя по формам отверстий, возможно, это были два разных чекана), характеризующих случай ритуального повреждения черепа [Чикишева 2006: 46]. К одонтологическим особенностям можно отнести раннюю прижизненную утрату обоих центральных нижних резцов. На эмали всех зубов наблюдаются следы гипоплазии — неправильного развития эмали. Чаще всего подобные патологии связывают с неполноценным питанием в раннем детстве.

Для реконструкции черепов производилось дополнительное краниометрическое изучение, определены прижизненные размеры головы на основе усредненных стандартов толщины мягких тканей в различных антропометрических точках. В результате математических расчетов по краниометрическим данным составлены прижизненные портреты для получения обобщенных описательных характеристик облика древних популяций.

В данном случае работа непосредственно на черепках была невозможной в силу большой научной и культурной ценности исходного материала. Поэтому одним из важных и сложных этапов работы являлись получение точных копий черепов и последующая реставрация утраченных частей с использованием специально подготовленного, не маркого, скульптурного пластилина для получения модели с точными размерами.

Учеными использованы два метода для получения 3D-моделей: лазерное сканирование, широко используемый метод в современной науке, и фототригонометрический метод, основанный на компьютерной обработке серии фотографий. Получена была модель с точными размерами. Реставрация производилась твердым скульптурным пластилином и твердой полиуретановой пеной. По окончании всех работ оба материала были удалены.

Далее с пластилиновой модели была снята силиконовая форма и получена гипсовая модель, с которой, в свою очередь, после доработки получена пластиковая копия, используемая для реставрации нижней челюсти.

Рис. 2. Результат реставрации черепа из погребения «царицы».

[Fig. 2. Completely reconstructed skull from the 'queen's' tomb]

(из научного отчета специалистов по пластической реконструкции черепов ИЭА РАН д. и. н., к. б. н., доцента Веселовской Е. В. и м. н. с. Галеева Р. М. [Веселовская, Галеев 2016: 33].

В отличие от двух предыдущих объектов череп женщины из погребения 22 сохранился очень хорошо, и какая-либо серьезная реставрация не требовалась, за исключением утраченных передних резцов, клыка и премоляра на верхней челюсти.

Отдельной проблемой при копировании была точная передача дефектов костной пластины (боевых травм) на лобной и теменных костях.

Таким образом, на данном этапе была проделана внушительная работа по сохранению уникального антропологического материала.

Скульптурная реконструкция внешнего облика

Процесс пластической реконструкции только отчасти напоминает работу скульптора. Скульптор в своей работе ориентируется на готовую модель или серию фотографий, антрополог — на череп, бланки измерений, схемы, чертежи и т. д. Весь смысл работы скульптора-антрополога — это точное воспроизведение схемы головы по краниологическим данным и точное воспроизведение толщин мягких тканей.

Определение возраста по костным останкам — одна из основных задач в физической антропологии. Возраст индивида из погребения «царя» был определен в абсолютных значениях как 40–45 лет (по данным посткраниального скелета чуть шире — 40–50 лет). Это соответствует верхней границе биологической категории *matures* (взрослый), учитывая патологическое состояние индивида на момент смерти, а именно наличия злокачественной опухоли и других менее значительных патологий, качество и количество воспроизводимых морщин можно отнести ближе к категории *senilis* (старческий).

Рис. 3. Финальный этап реконструкции [Fig. 3. Final stage of the reconstruction process] (из научного отчета специалистов по пластической реконструкции черепов ИЭА РАН: д. и. н., к. б. н., доцента Веселовской Е. В. и м. н. с. Галеева Р. М. [Веселовская, Галеев 2016: 46, 52, 54].

Биологический возраст «царицы» был определен как 30–35 лет, соответствующий когорте *matures*, учитывая, что антропологический тип был определен с участием монголоидного-уралоидного компонента. Возраст по черепу взрослого человека определяется по нескольким системам, в основном по степени стертости зубов и облитерации швов между костями черепа. То же самое касается и женщины из погребения

22, возраст которой был определен в 20–25 лет. Следующим этапом в исторической реконструкции должно стать совмещение в единый образ воссозданного физического облика и одежды древних кочевников-скифов. Заключительный этап реконструкции специалистами оказался самым сложным и трудоемким и нес в себе больше творчества и скульпторской работы, чем научной составляющей.

Необходимо пояснить, что в работе над образом большое значение имеют археологические артефакты (украшения, элементы одежды или воинского снаряжения и так далее), которые напрямую можно связать с погребенным. В случае с Аржаном-2 в погребении «царя» было обнаружено большое количество украшений из золота, бисера, оружия, так что проблема выбора элементов атрибутики не стояла. Более того, в распоряжении специалистов находились реконструкции одежды и украшений, выполненные профессиональными реконструкторами из Института археологии и этнографии СО РАН (Д. В. Поздняков) и Эрмитажа. Результаты реконструкций одежды были несколько различны (что не является ни в коем

Рис. 4. Реконструкция одежды по Д. В. Позднякову [Fig. 4. Garments. A reconstruction by D. Pozdnyakov.]

(из научного отчета специалистов по пластической реконструкции черепов ИЭА РАН д. и. н., к. б. н., доцента Веселовской Е. В. и м. н. с. Галеева Р. М. [Веселовская, Галеев 2016: 49].

случае показателем разницы профессионализма). Специалисты остановились на реконструкциях Д. В. Позднякова, известного антрополога и признанного профессионала в реконструкциях одежды по археологическим данным. Их выбор был обусловлен как субъективными причинами, так и тем, что данным автором были опубликованы великолепные рисунки, что в их скульптурной работе явилось большим подспорьем.

Полностью или хотя бы в значительной части передать мастерство древних ювелиров (речь идет об уникальных золотых украшениях с большим количеством деталей, выполненных в технике мелкой, а иногда и, уместно сказать, микро-пластики) не получится. Большинство сложных элементов из золота специалистами было стилизовано и упрощено. Конечный вариант был выполнен из высокопрочного полиуретанового пластика.

В цветовом решении скульптуры были раскрашены в двух вариантах. В одном варианте под темную бронзу с использованием бронзовой пудры и акриловых красок, в другом варианте скульптуры были покрыты краской, имитирующей светло-бежевую терракоту. Специалисты Е. В. Веселовская и Р. М. Галеев провели сложнейшие работы по научной реконструкции и воссоздали физический облик по черепам царских особ из кургана Аржан-2.

Уникальные работы по реконструкции костюма представителей кочевой «элиты» из погребального памятника Аржан-2 с территории Тувы второй половины VII в. до н. э. были осуществлены сотрудниками Государственного Эрмитажа и их сибирскими и зарубежными коллегами.

Результатом многолетних работ по консервации, реставрации фрагментов костюмного комплекса стала научная реконструкция «археологического» костюма, выполненная с использованием вспомогательных источников — археологических и изобра-

зительных. Погребальный наряд знатных представителей кочевников территории Тувы в прошлом, одетых в роскошные парадные одежды с многочисленными нашитыми бляхами из золота, экспонировался в музеях России и Германии и имел огромный успех у посетителей.

В Государственном Эрмитаже в 2004 г. была организована временная выставка «Аржан. Источник в Долине царей», на которой демонстрировались предметы вооружения, конского снаряжения, костюма, ювелирные украшения кочевников, обнаруженные в некрополе Аржан-2. Реконструкции мужского и женского костюмного комплекса номадов аржано-майэмирского времени Тувы, вы-

Рис. 5. Реконструкция одежды «царя» и «царицы», выполненная в Лаборатории научной реставрации произведений прикладного искусства Государственного Эрмитажа (заведующий ЛНРППИ А.И. Бантиков 2004-2005 гг.).

[Fig. 5. Garments of the 'king' and 'queen'. A reconstruction by the Applied Arts Scientific Restoration Laboratory (headed by A. Bantikov, 2004-2005), State Hermitage Museum]

полненные Лабораторией научной реставрации произведений прикладного искусства Государственного Эрмитажа (заведующий ЛНРППИ А. И. Бантиков, 2004–2005 гг.), можно увидеть в его постоянной экспозиции. Графические рисунки костюмов из Аржан-2 выполнял Д. В. Поздняков. Его иллюстрации еще раньше позволили предста-

вить и внешний облик населения пазырыкской культуры Алтая [Усова 2017: 187].

Свое видение и творчество в воссоздании костюмов скифских «царя» и «царицы» также проявил бывший в то время министром культуры Республики Тыва В. О. Донгак — талантливый мастер-модельер по тувинской стилизованной одежде. В настоящее время Национальный музей РТ экспонирует и выставляет на передвижных выставках костюмы «царя» и «царицы», смоделированные В. О. Донгаком, и гальванокпии золотых украшений из кургана Аржан-2, изготовленные знаменитым мастером Тувы С. Х. Кочаа.

Нельзя не отметить заслуги в деле организации научного изучения, исследования и воссоздания прижизненного облика «царских» особ из кургана Аржан-2 первого заместителя министра культуры РТ В. С. Чигжита, в то время работавшего директором Национального музея РТ, и заведующего отделом археологии Национального музея РТ О. О. Монгуш. Ими были организованы и проведены все мероприятия по палеоантропологическим исследованиям для воссоздания физического облика погребённых, реконструкции одежды и создания гальванокпий золотых украшений в целях изучения, сохранения и популяризации археологической коллекции кургана Аржан-2. В настоящее время научные реконструкции внешнего облика «царских» особ из кургана Аржан-2 по методу М. М. Герасимова демонстрируются в зале золота в Национальном музее РТ, вызывая неподдельный интерес у посетителей.

Заключение

Археологи и антропологи с каждым новым исследованием открывают новые страницы истории скифского мира. Т. А. Чики-

Рис. 6. Реконструкция одежды «царя» и царицы» в 2-х вариантах, выполненных В. О. Донгаком

[Fig. 6. Garments of the ‘king’ and ‘queen’. Two versions. Reconstructions by V. Dongak]

(НМРТ. НВ. №2021\1-13; №2022\1-13. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.)

шева в своей статье пишет: «Аржан-2 — один из самых ранних в ряду элитных курганов, но имеет полный комплекс характерных признаков, маркирующих принадлежность к скифскому миру. В то же время до эпохи скифов мы не наблюдаем активного освоения людьми географического пространства Тувы. Находясь в центре Евразии, в окружении ярких, трансконтинентальных по влиянию на ход исторических процессов культур эпохи бронзы, Тува не дает убедительных археологических свидетельств ее причастности к этим процессам. Как же объяснить демографический всплеск на ее территории в эпоху скифов, как объяснить погребение знатного скифа и его ближайшего окружения в долине Аржаана, в стороне от магистральных процессов кочевого мира Евразии? Являлась ли Тува своеобразным сакральным пространством для скифской знати? Какому племенному объединению это пространство принадлежит? На эти и многие и другие вопросы ученым-скифологам еще предстоит ответить» [Чикишева 2006: 47].

Современный уровень развития науки позволяет найти ответы на эти вопросы.

Большие надежды она возлагает на молекулярных генетиков, научившихся извлекать наследственный материал из древних костей и анализировать его. Будущие исследования генетиков позволят нам, как пишет Т. А. Чикишева, с достоверностью говорить о родственных взаимоотношениях погребенных, найти в огромном Евразийском регионе наиболее близкие к ним группы давно ушедших людей [Чикишева 2006: 47].

Научные реконструкции внешнего облика древних скифов, демонстрируемые в зале золота Национального музея РТ, были осуществлены с целью формирования инновационной научно-образовательной среды и экспозиционной работы в сфере антропологии и этнологии в музейной деятельности. Благодаря вышеуказанным научным реконструкциям одежды и внешнего прижизненного облика «царских» особ, уникальным археологическим находкам скифского времени, посетители музея получают наглядное представление об искусстве, культуре и быте древних кочевников-скифов.

Таким образом, Национальный музей Республики Тыва в настоящее время рассматривает вопросы дальнейшего «оживления» древних образов. Обсуждается проблема реконструкции физического облика других погребенных людей и лошадей из кургана Аржан-2, т. е. создания целого экспозиционного комплекса, посвященного скифской эпохе.

Источники

НМ РТ — Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Научно-вспомогательный фонд (НВ) №2021\1-13; №2022\1-13.

Веселовская, Галеев 2016 — *Веселовская Е. В., Галеев Р. М.* Научный отчет «Реконструкция внешнего облика трех погребенных из могильника скифского времени Аржан 2» // Архив НМ РТ. Ф. № 1. Оп. № 1/1. Д. 681-1. 64 л.

Sources

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Scientific and Auxiliary Fond No. 2021\1-13; 2022\1-13.

Veselovskaya, E. V., Galeev, R. M. [Scientific Report 'Three Individuals from the Scythian Burial Ground Arzhan 2: Reconstruction of

Appearances']. At: Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Archive. Fond 1. Ser. 1/1. File 681-1. 64 p. (In Russ.)

Литература

- Алексеев 1984 — *Алексеев В. П.* Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами // Антропо-экологические исследования в Туве. М.: Наука, 1984. С. 6–75.
- Аристов 1896 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности // Живая старина, вып. III–IV, год шестой. СПб., 1896. С. 277–456.
- Граков, Мелюкова 1952 — *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. Л., 1952. С. 50–51.
- Дебец 1950 — *Дебец Г. Ф.* К палеоантропологии Тувы // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 10. М., 1950. С. 97–111.
- Каюмова 2017 — *Каюмова А.* Миф, ставший символом Центра Азии // Тувинская правда. 2017. 9 сентября. С. 16.
- Мизиев 1986 — *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986. 184 с.
- Смирнов 1966 — *Смирнов А. П.* Скифы. М.: Наука, 1966. 201 с.
- Усова 2017 — *Усова И. А.* Костюм кочевников Центральной Азии и сопредельных территорий I тысячелетия до н. э. в музейной экспозиции как инструмент интерпретации прошлого (по материалам курганов Алтая, Тувы, Казахстана) // Музей — памятник — наследие. 2017. № 1. С. 184–189.
- Чикишева 2006 — *Чикишева Т. А.* Палеоантропологические материалы из кургана Аржан-2 // Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных территорий: матлы междунар. науч.-практ. конф. Кызыл: Аныяк, 2006. С. 37–50.
- Чугунов 2004 — *Чугунов К. В.* Аржан — источник // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Славия, 2004. С. 10–37.
- Чугунов, Парцингер, Наглер 2004 — *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Золотые звери из долины царей. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. 20 с.

References

- Alekseev V. P. An outline of Tuva's paleoanthropology in its relation to historical issues. In: [Anthropological Studies in Tuva]. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 6-75. (In Russ.)
- Aristov N. A. Turkic tribes: notes on their ethnic composition and numbers. *Zhivaya starina*. 1896. No. 3-4. Pp. 277-456. (In Russ.)
- Chikisheva T. A. Paleoanthropological materials from Arzhan-2 mound. In: [Peoples of Central Asia and Adjacent Territories: Issues of History and Culture Research]. Conf. proc. Kyzyl: Anyak, 2006. Pp. 37-50. (In Russ.)
- Chugunov K. V. Arzhan — spring. In: [Arzhan. A Spring in the Valley of the Kings. Archaeological Discoveries in Tuva]. St. Petersburg: Slaviya, 2004. Pp. 10-37. (In Russ.)
- Chugunov K. V., Parzinger H., Nagler A. [Golden Animals from the Valley of the Kings]. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2004. 20 p. (In Russ.)
- Debets G. F. Notes on paleoanthropology of Tuva. In: [Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences: Collected Brief Reports]. Vol. 10. Moscow, 1950. Pp. 97-111. (In Russ.)
- Grakov B. N., Melyukova A. I. The Scythian era: ethnic and cultural differences in the steppe and forest-steppe regions of the European part of the USSR revisited. In: [Questions of Scytho-Sarmatian Archaeology]. Leningrad, 1952. Pp. 50-51. (In Russ.)
- Kayumova A. The myth that became a symbol of the Center of Asia. *Tuvinskaya pravda*. 2017. September 9. P. 16. (In Russ.)
- Miziev I. M. [Central Caucasus: Approaching the Beginnings of Its Ethnic History]. Nalchik: Elbrus, 1986. 184 p. (In Russ.)
- Smirnov A. P. [The Scythians]. Moscow: Nauka, 1966. 201 p. (In Russ.)
- Usova I. A. Costumes of the 1st millennium BC nomads of Central Asia and adjacent territories as a museum tool for interpreting the past (a case study of mounds of Altai, Tuva, Kazakhstan). *Museum – Monument – Heritage*. 2017. No. 1. Pp. 184-189. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 812–821, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-812-821
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 903.5+397.4

Поза всадника по археологическим и этнографическим данным

*Мария Александровна Очир-Горяева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

Аннотация. *Цель.* Статья посвящена анализу и интерпретации двух видов специфической позы погребенных из курганных захоронений скифо-сарматской эпохи степей Евразии. Специфические позы зафиксированы при расположении умерших на спине вытянуто. Особенность этих поз заключается в широко расставленных обеих ногах («танцующая поза»), а также одной отставленной в сторону ноге («атакующая поза»). *Материалы.* Специфические позы не являются массовым признаком и, по наблюдениям автора статьи, более характерны для погребений кочевой знати. В литературе высказывались различные объяснения для указанных поз погребенных. Автор опирается на высказанное В. О. Обельченко предположение относительно курганов Согда II–I вв. до н. э., что поза с широко расставленными ногами является следствием доставки умершего к могиле верхом на лошади. Для степной зоны Евразии свидетельством существования обряда доставки умерших верхом на лошади служит изображение на золотой обойме из Сибирской коллекции Петра I, где изображены трое умерших, посаженных в седло: один, поддерживаемый в вертикальном положении сидя, и два, уложенных на холку коня. В качестве свидетельства посадки, соответствующей «атакующей позе» погребенных, привлекается изображение на Бахчисарайской стеле II–III вв., относимой к следам сарматского пребывания на Крымском полуострове. Ширина подола юбки Укокской принцессы пазырыкской культуры Горного Алтая служит, по мнению автора, косвенным свидетельством, что Укокская принцесса как знатная особа использовала боковую посадку для ее торжественных выездов, и, скорее всего, таким же образом она была доставлена к могиле. В качестве дополнительного аргумента привлекаются данные по погребальной обрядности тюрко-монгольских народов, в которых имеются прямые и косвенные данные о транспортировке умерших верхом на лошади. Для посадки с обеими ногами на одну сторону привлекаются данные по посадке женщин на ослах до настоящего времени в южных регионах (Узбекистан, Турция), а также картина европейского художника XVII в., на которой изображена крестьянка на осле. *Выводы.* Таким образом, установлено, что «танцующая» и «атакующая» позы погребенных связаны с транспортировкой умерших посаженными в седло согласно древнему обычаю евразийских кочевников, сохранившемуся до исторического времени.

Ключевые слова: погребальный обряд, курганы, скифы, сарматы, кочевая элита, Евразия, всадники, посадка в седло, Укок, Бахчисарай, Согд

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Автор выражает благодарность доктору исторических наук А. И. Симоненко, сотруднику Института археологии Национальной Академии наук Украины, взявшему на себя труд критической оценки статьи как специалист по скифо-сарматской эпохе, а также как опытный конник с многолетним стажем.

Для цитирования: Очир-Горяева М. А. Поза всадника по археологическим и этнографическим данным. *Oriental Studies*. 2019; (5): 812–821. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-5-812-821.

UDC 903.5+397.4

Body Postures of Buried Horsemen: Archaeological and Ethnographic Evidence

*Maria A. Ochir-Goryaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc (History), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0002-0210-7595. E-mail.mariaochir@gmail.com

Abstract. *Goals.* The article analyzes and interprets two specific body postures typical for mound Scytho-Sarmatian burials of Eurasian steppes. The postures were traced among ones buried face up in a horizontal position, being distinguished by straddled legs ('dancing pose') or one leg placed aside ('pose of attack'). *Materials.* The specific postures are not a mass phenomenon, and tend to characterize burials of nomadic nobility. Some earlier works provide different hypotheses interpreting the mentioned fact. The study is based on V. Obelchenko's assumption — regarding 2nd-1st century BC Sogdian mounds — the straddled legs posture resulted from that dead individuals used to be delivered to their graves mounted on horsebacks. The ritual of delivering the dead mounted on horsebacks in Eurasian steppes is evidenced by a gold plaque from the Siberian Collection of Peter I depicting three corpses mounted onto saddles: one sitting supported up and two others with their heads lying on the horses' shoulders. The 'pose of attack' is evidenced by the 2nd-3rd century Bakhchysarai Stela believed to be a Sarmatian trace in the Crimean peninsula. The width of the bottom of the Siberian Ice Maiden's skirt might also attest to that as a noble woman she could have mounted sideward on solemn occasions, and is likely to have been delivered to the burial site in a similar position. Additional arguments have been borrowed from funeral rites of the Turko-Mongols directly and indirectly indicating horse mounted transportation of the dead. The one side legs seat is illustrated by present-day women's donkey mounting in southern regions (Uzbekistan, Turkey) and a 17th-century European artist's canvas depicting a peasant woman on a donkey. *Conclusions.* So, the paper concludes the 'dancing' and 'attacking' poses of the buried are associated with horse (saddle) mounted transportation of the dead pursuant to the ancient tradition of Eurasian nomads that survived till historical times.

Keywords: funeral rites, mounds, Scythians, Sarmatians, nomadic nobility, Eurasia, horsemen, seat, Ukok, Bakhchysarai, Sogdia

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

The author extends gratitude to Dr. A. Simonenko from the Institute of Archaeology (National Academy of Sciences of Ukraine) who, being an expert in Scytho-Sarmatian era and an experienced horseman, has conducted a critical analysis of the article manuscript.

For citation: Ochir-Goryaeva M. A. Body Postures of Buried Horsemen: Archaeological and Ethnographic Evidence. *Oriental Studies*. 2019;(5): 812–821 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-812-821.

Введение

В курганных захоронениях скифо-сарматской эпохи степей Евразии встречается два вида специфической позы погребенных, которые зафиксированы при расположении умерших на спине вытянуто. Особенность этих поз заключается: в широко расставленных обеих ногах («танцующая поза»), а также одной отставленной в сторону ноге («атакующая поза»). Специфические позы зафиксированы в основном в погребениях кочевой знати. Приведенные выше определения — «танцующая» и «атакующая» позы — использовались в публикациях 1960-х гг. [Смирнов 1964: 92]. В публикациях последующих лет эти термины перестали использоваться, авторы публикаций обычно пишут, что погребенный был положен на спину «с широко раскинутыми ногами и руками» без всяких дополнительных комментариев. В данной статье предпринимаются анализ и интерпретация указанных двух видов специфической позы погребенных из курганных захоронений скифо-сарматской эпохи степей Евразии.

Основная часть

Погребения с указанными выше позами не являются массовыми, но встречаются в тех археологических культурах степной зоны Евразии, начиная с эпохи раннего железа до средневековья, в которых погребенные были положены на спину. Исключение составляют такие культуры, как пазырыкская Горного Алтая, алдыбельская и саглынская культуры Саянского нагорья, в которых погребенные были положены на боку скорченно или на боку вытянуто с подогнутыми ногами.

Попыталась объяснить это явление Р. Ролле: она предположила возможность ритуального изнасилования перед смертью или постмортально, но это, по ее же мнению, не объясняет расположения с широко расставленными ногами мужских скелетов [Berg, Rolle, Seemann 1981: 142–144. Abb. 139–140]. Существует мнение, что ноги первоначально были поставлены на ступни коленями вверх, а в процессе археологизации распались на обе стороны [Скрипкин

1984: 74]. Но в таких случаях ступни находятся близко и параллельно друг другу, как в ямных погребениях бронзового века. В рассматриваемых же погребениях ноги не просто согнуты в коленях, они расставлены, т. е. ступни расположены на расстоянии друг от друга. Позы погребенных с широко расставленными ногами в курганах Согда II–I вв. до н. э. были рассмотрены В. О. Обельченко: он привел аргументацию и высказал мнение, что расставленные ноги погребенных свидетельствуют о доставке трупа к могиле посаженным в седло [Обельченко 1992: 118–120]. Он заметил, что руки погребенных в этих случаях также раскинуты в стороны. Иногда левая рука согнута в локте и отведена в сторону, то есть рука как бы держала повод. Правая же рука или незначительно согнута, или вытянута, как если бы в ней находилась нагайка. Поэтому В. О. Обельченко ввел определение «поза всадника».

А. В. Симоненко высказал сомнение в правильности такой интерпретации позы, когда «руки и ноги слегка согнуты в локтях и коленях, и раскинуты», и обращал внимание на связь этой позы с высоким социальным статусом погребенных. Более того, он высказывал предположение, что сарматские аристократы были выходцами из Средней Азии (долина р. Заравшан), из тех же районов, о которых писал В. О. Обельченко, и поэтому логично предположить, что поза всадника была их этническим признаком, обычаем их предков [Симоненко 2012: 211–212]. Результаты данного небольшого исследования показывают, что археологические и этнографические источники не противоречат связи специфических поз с высоким социальным статусом погребенных, но показывают, что транспортировка умерших к могиле на лошади была основной причиной «танцующей» и «атакующей» поз.

Для изучения были собраны примеры из царских курганов скифов Северного Причерноморья. В боковой гробнице скифского царского кургана *Толстая могила* все погребенные: двухлетний ребенок, служанка (в ногах), охранник (в головах) и возничий (около колес) — все были расположены с

широко расставленными ногами. А особа знатного рода, т. е. главная погребенная, в этой гробнице была положена в позе «атакующей» — левая нога выпрямлена, а правая — согнута (рис. 1).

В насыпи 2 скифского кургана *Соболева Могила* знатный воин был расположен в позе всадника (рис. 2). Пожилая дама — «царица» из Мелитопольского кургана — была также положена в позе всадника. «Установлено, что скелет лежал посередине камеры вытянуто на спине, головой к выходу, на северо-восток, с широко раскинутыми ногами» [Тереножкин, Мозолевский 1988: 31]. В парном погребении кургана 8 Елизаветовского (Пятибратнего) могильника на Нижнем Дону северный скелет, не подвергнутый ритуальному разрушению, был расположен на спине, головой на запад, с широко раскинутыми ногами [Копылов 2004: 34]. В рядовых захоронениях специфические позы более редки [Фиалко 2014: 37, рис. 6, 5].

В более позднюю сарматскую эпоху в целом ряде погребений кочевой знати фиксируется положение погребенных обоих полов с раскинутыми руками и широко и не очень широко расставленными ногами: *Пороги* (мужчина) [Симоненко, Лобай 1991: 9, рис. 3], *Соколова Могила* (пожилая женщина) [Ковпаненко 1986: 14, рис. 6], *Оланешты*, курган 4 (мужчина) [Симоненко 2012: 211], *Весняное* (мужчина) [Симоненко 2012: 221, рис. 1], *Ногайчинский курган* (женщина средних лет) [Зайцев, Мордвинцева 2003: 66, рис. 3], *Никольский могильник*, курган 12 (мужчина) [Засецкая 1979: 98, 101, рис. 12, 3].

В эпоху средневековья погребения с «танцующей» или «атакующей» позами уже не встречаются. Связано это, думается, с распространением мировых религий, которые, как известно, не приветствовали крайние проявления языческих верований. Например, у калмыков обряд сопребения верхового коня (коней) вместе с хозяином оказался под запретом по политическим мотивам, ввиду сложного политического и военного положения, для сохранения поголовья лошадей. Также известно, что в 1578 г. после встречи Алтан-хана туметского и Далай-ламы был принят закон о десяти добродетелях (буддистского толка) и положение о запрете жертвоприношений лошадьми и верблюдами во время погребения знатных

монголов. Предназначенных для погребальной церемонии коней положено было сдавать в буддийский хурул [Бакаева 2010: 270–282; История Калмыкии 2009: 244, 302].

Выходит, что языческие обряды были настолько устойчивы, что запретительные меры были приняты не один раз и по разным причинам. Тем не менее, обряд транспортировки на коне и сопребения его с хозяином продолжал существовать в среде монголоязычных народов до исторических времен. На основе письменных источников XVIII в. установлено, что старого полководца армии хана Галдан Бошукту хоронили по обычаям предков — везли на боевом коне к месту погребения [Ринчен 1972: 121].

Обряд выноса покойника и вывоза его сидящим в седле прослеживается в калмыцком свадебном обряде, когда невесту выносили из юрты родителей, сажали в седло, вдевали ее ноги в стремяна, сопровождающий сидел на крупе коня и обязан был поддерживать невесту, которая согласно обряду должна раскачиваться из стороны в сторону. Невеста ритуально умирает для своих родных как незамужняя девушка и «оживает» только в доме жениха, по дороге к которому ей не позволяли ногами касаться земли [Шараева 2008: 91–99; Очир-Горяева 2014: 28–32].

Отголоском древнего обычая сопровождения умершего конем можно считать сохранившийся до второй половины XIX в. в среде калмыков вынос сбруи коня следом за покойным хозяином через разобранную часть решетки юрты¹ [Бакаева 2010: 271].

Обряд доставки умершего верхом на коне широко практиковался у других тюрко-монгольских народов, в большей степени, чем калмыки, сохранивших языческие обряды: бурят, алтайцев, тувинцев. По сведениям этнографов, буряты везли покойника к месту захоронения на его лучшем коне, оседланном и в лучшей сбруе. Покойного сажали верхом, поддерживали с двух сторон; коня вел на поводу один из участников похорон. На покойника надевали его полное вооружение. По пути одной из его стрел выстреливали в сторону дома, возвращаясь с похорон, ее подбирали и брали с собой в дом. Алтайцы, по сообщениям информато-

¹ По калмыцким обычаям дверь юрты использовалась только живыми, для выноса покойника разбирали стену юрты с восточной стороны.

ров, покойника везли на место захоронения верхом, посадив его впереди себя в седло. Тувинцы после выноса умершего из юрты везли к месту погребения на лошади. Покойника везли на верховой лошади перекинутым через седло. Позади седла сидел сопровождающий тело. В некоторых случаях помещали умершего на седло верховой лошади и везли его в сидячем положении. Позади сидел сопровождающий и поддерживал труп. Мужчину всегда везли на верховой лошади, заседланной его личным седлом. Женщину-покойницу везли на лошади только в том случае, если у нее была личная лошадь и седло, в остальных случаях везли на сарлыках (яках) [Семейная обрядность... 1980: 93; Дьяконова 1975: 44].

Ярким доказательством обряда транспортировки умерших на коне верхом в скифо-сарматскую эпоху свидетельствует изображение группы всадников на развертке золотого цилиндрического футляра из Сибирской коллекции Петра 1, датирующейся классическим скифским временем в рамках V–III вв. до н. э. В центре композиции показан посаженный в седло мертвый человек с опущенной на древко копья головой и согнутой безвольно спиной. Его придерживает с помощью палки едущий рядом всадник. Два других трупа посажены в седло и уложены на холку коня [Очир-Горяева 2012: форзац; Очир-Горяева 2018: 67–73].

Второй вид специфической позы погребенных («атакующая» поза), когда одна нога располагается прямо, а другая слегка согнута в колене и ступней направлена в сторону, также находит подтверждение в археологических и исторических источниках. Судя по рельефному изображению двух всадников на Бахчисарайской стеле сарматского круга из Крыма, в эпоху ранних кочевников была известна посадка на коне с ногами по одну сторону лошади [Чореф, Шульц 1972: 135–145]. Стела датируется II–III вв. по иконографическим особенностям и по тамгам, нанесенным на ней, и отнесена авторами публикации к древностям позднесарматского времени. Стела была обнаружена случайно во время плантажной вспашки в 1969 г. в урочище Рамазан-сала под Бахчисараем (рис. 4). На стеле в рельефе нанесено изображение двух всадников (всадниц) в необычной посадке, «по-женски», как отметили авторы

публикации, т. е. с ногами по одну сторону лошади. У обоих всадников правая ступня направлена носком по ходу движения лошади, а левая нога свисает свободно вниз. Корпус всадников изображен во фронтальной проекции. Авторы публикации полагали, что лошади резко остановились, как бы «осажены», поэтому их прямо вытянутые ноги расположены под углом, соответственно корпус обоих всадников тоже несколько наклонен по ходу движения. Авторами публикации было также замечено, что передние ноги лошадей расположены несколько выше задних, так же как и на других рельефах сарматского круга с изображением всадников. Как отмечали авторы, наклонное положение лошадей и всадников делает непонятным, застыли они или находятся в движении. На мой взгляд, все объясняется просто, всадники на своих лошадях движутся по склону наверх, как бы в гору, отсюда разница в расположении передних и задних ног лошадей и наклонное положение всадников. Движением в гору объясняется и расположение правой ступни всадников носком вперед. Фигуры всадников изображены фронтально, и только ступня правой ноги повернута носком по ходу движения. На лошадях показаны только повод и узда, седельные ремни не показаны. Получается, всадники сидят на лошади без сбруи и седла. В таком случае с помощью правой ноги, прижатой к корпусу лошади, возможно, тормозилось скольжение всадников вниз по спине лошади².

В любом случае изображение на Бахчисарайском рельефе фиксирует древний существовавший и в Европе до XIV в. способ, когда знатные всадницы сидели на коне, как на скамье. Потребность в боковой посадке привела позднее к изобретению верхней двойной луки для женского

² Авторами публикации Бахчисарайского рельефа замечена интересная деталь, что все всадники на изображениях сарматского круга скачут наверх, в гору. Полагаю, это связано с представлениями о хорошем значении, когда всадники направлены всегда слева направо, т. е. по ходу солнца, и всегда наверх, к небесам. Сужу по реакции старшего поколения калмыков, не понимавших, почему бывший глава Калмыкии установил при въезде в Элисту золоченую статую всадника, который скачет в сторону захода солнца, на запад. «Му йор» — говорили они, т. е. нехорошее значение, смысл.

седла, что позволило развернуть корпус всадницы параллельно плечам лошади и обеспечило большую безопасность и контроль над лошастью. Простолюдинки в южных регионах использовали боковую посадку при езде на осликах. Об этом свидетельствует картина нидерландского художника Николаса Берхема «Итальянский ландшафт с упорным ослом», написанная им в 1655 г. (рис. 5). В Узбекистане, Турции до недавнего времени в деревнях можно было увидеть женщин, использующих такую посадку на ослах³.

Надо полагать, что и с мягким седлом, использовавшимся кочевниками раннего железного века Евразии, и вовсе без седла, боковая посадка имела серьезные ограничения и могла использоваться только в специальных случаях: церемониях, официальном выезде для неспешного движения, не требующего особого управления лошастью. Неслучайно повод у обоих всадников на Бахчисарайском рельефе не натянут, а свободно провисает.

Авторы публикации Бахчисарайского рельефа считали, что оба всадника были представителями мужского пола. Однако предпринятый обзор показывает, что боковая посадка на лошади использовалась только женщинами, и то не всеми, а только знатными, и не всегда, а только во время торжественных выездов. Поэтому будет логичнее интерпретировать рельеф на стеле из Бахчисарая как изображение знатных наездниц во время торжественного выезда.

В «атакующей» позе с одной согнутой ногой была положена молодая супруга скифского царя из Толстой могилы (рис. 1). О том, что дамы знатного происхождения, в отличие от простолюдинок, не садились в седло по-мужски, свидетельствует, на мой взгляд, и ширина юбки Укокской принцессы — 0,90–112,5 см, с учетом предположения автора раскопок, что «мешковидный фасон юбки позволял носить ее, меняя верх и низ» [Полосьмак 2001: 114]. Для свободного закидывания ноги через седло и, самое главное, для сидения в седле с ногами, опущенными с обоих боков лошади, необходима ширина юбки, по крайней мере, 1,5 м в шаге. Получается, юбка Укокской принцессы не позволяла ей сидеть в седле по-муж-

³ Устная информация местных жителей 1959 и 1964 гг. рождения.

ски, как показано на реконструкции [Полосьмак 2001: 278, рис. 165]. Таким образом, имеются твердые основания полагать, что «танцующая» и «атакующая» позы погребенных связаны с транспортировкой умерших посаженными в седло согласно древнему обычаю евразийских кочевников, сохранившемуся до исторического времени.

Интересен вопрос, почему специфические позы более характерны для погребений знати. Этнографические данные показывают, что к могиле в седле возили всех, у кого была собственная лошадь [Очир-Горяева 2012: 442–445]. Но специфические позы зафиксированы больше в могилах знати. Полагаю, что это связано со временем между наступлением смерти и захоронением. По сведениям Геродота, умершего скифского царя после бальзамирования возили в течение сорока дней по его владениям [Геродот 1972, IV: 71–72]. Закономерно, что похоронные церемонии знатных представителей были в любом случае более длительные, чем простолюдинов, поэтому вполне возможно, что труп успевал затвердеть, и поэтому не всегда удавалось изменить позу умершего при внесении его в могилу.

Заключение

В данной работе проведен анализ специфических поз погребенных из курганных захоронений степной зоны Евразии от Черного моря до Горного Алтая, охватывающей хронологический период от середины I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры. Собраны и рассмотрены археологические погребальные памятники указанного периода, образцы изобразительного искусства скифо-сарматского времени, такие как изображение процессии всадников на золотом футляре из Сибирской коллекции Петра I и каменная стела из Крыма с рельефом в виде двух всадников, датируемая позднесарматским временем, а также данные по погребальной обрядности тюрко-монгольских народов. Предложенная О. В. Обельченко интерпретация специфической позы погребенных как следствие транспортировки умерших верхом на лошади подтверждается всем комплексом источников по кочевникам скифо-сарматской эпохи степной зоны.

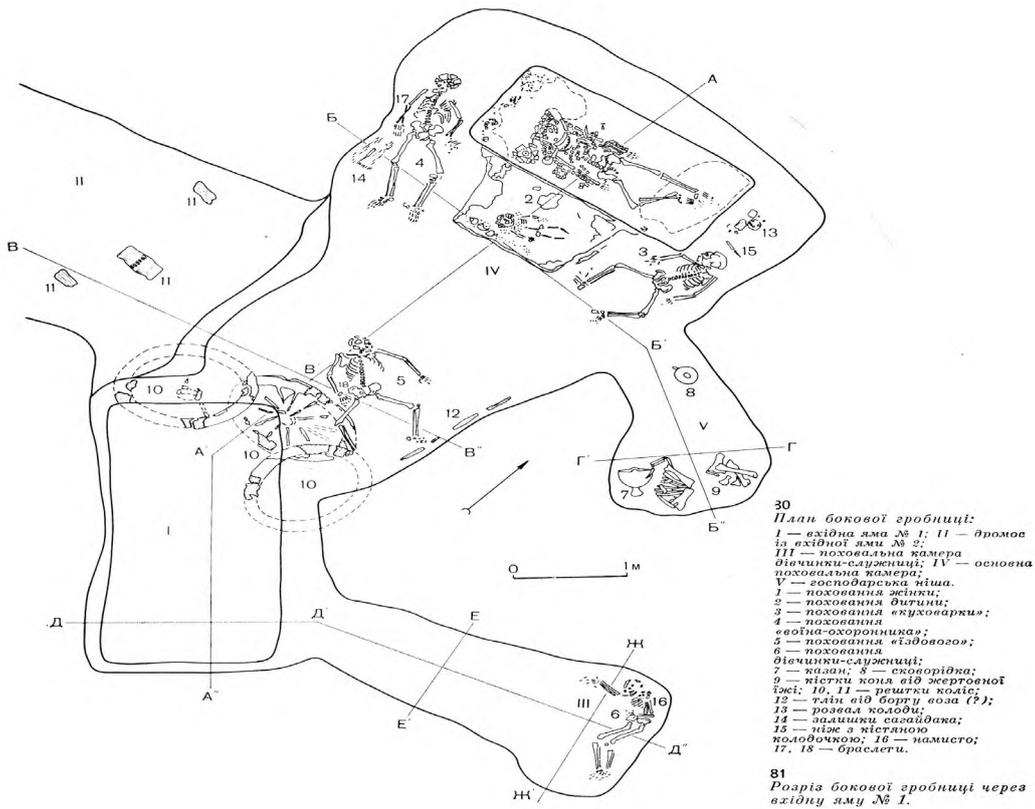

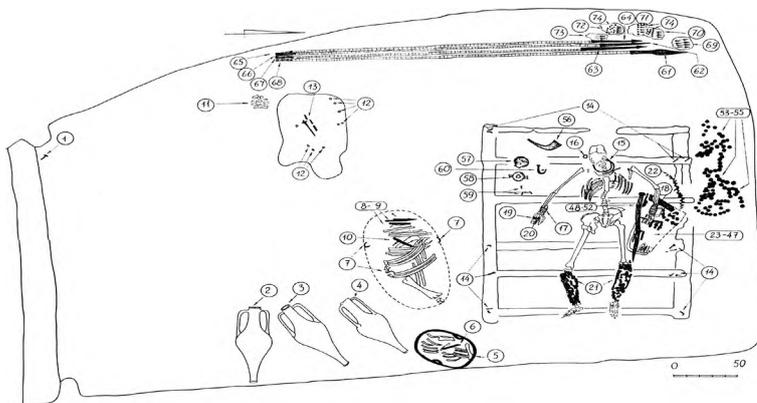
Рис. 1. Толстая Могила. План боковой гробницы [Мозолевский 1979: рис. 30]

I — входная яма 1, II — дромос из входной ямы 2, III — погребальная камера девочки-служанки, IV — камера основного погребения, V — хозяйственная ниша. 1 — погребение царицы, 2 — погребение ребенка, 3 — погребение «кухарки», 4 — погребение воина-«стражника», 5 — погребение «колесничего», 6 — погребение девочки-«служанки»

[Fig. 1. Tolstaya Mogila. Scheme of the side tomb [Mozolevski 1979: fig. 30]

I — entrance pit 1, II — dromos of entrance pit 2, III — burial chamber of a servant girl, IV — main burial chamber, V — household niche. 1 — burial of a queen, 2 — burial of a child, 3 — burial of a kitchen maid, 4 — burial of a guard, 5 — burial of a charioteer, 6 — burial of a servant girl.]

Рис. 2. Соболева Могила. Погребение 2. План погребальной камеры [Мозолевский, Полин 2005: 161, рис. 91]

1 — железные скобы деревянного заслона входа в камеру; 2-4 — амфоры; 5 — бронзовый котел; 6 — кости овцы и нож; 7 — железные скобы; 8-10 — ножи; 11 — кучка нарубленных костей; 12 — серебряные бусы; 13 — костяное веретено; 14-60 — железные скобы и гвозди настила; 15 — золотая гривна; 16 — золотая серьга; 17-18 — золотые браслеты; 19-20 — золотые перстни; 21 — брон-

зовые поножи; 22 — золотая обмотка нагайки; 23–47 — золотое покрытие горита; 48–52 — железный меч с золотой обкладкой рукояти, фрагменты деревянных ножен, золотая муфта ножен, серебряный коробчатый наконечник ножен, золотая ворворка крепления меча; 53–55 — золотые нашивные бляшки трех типов; 56 — серебряный ритон; 57 — серебряный кубок; 59 — золотые обкладки деревянной чаши; 61–62 — наконечники копий; 63–64 — наконечники дротиков; 65–68 — втоки древков копий и дротиков; 69–73 — колчаны № 1–5; 74 — серебряные бусы.

[Fig. 2. Soboleva Mogila. Burial 2. Scheme of the burial chamber [Mozolevski, Polin 2005: 161, fig. 91]
 1 — iron clinches of the entrance wood cover; 2–4 — amphorae; 5 — bronze caldron; 6 — sheep bones and a knife; 7 — iron clinches; 8–10 — knives; 11 — a pile of chopped bones; 12 — silver beads; 13 — bone spindle; 14–60 — iron clinches and nails of the flooring; 15 — gold torque; 16 — gold earring; 17–18 — gold bracelets; 19–20 — gold rings; 21 — bronze greaves; 22 — gold braids of a nagaika; 23–47 — gold covering of a gorytos; 48–52 — iron sword with gold coating, fragments of a wood scabbard, gold barrel hand of the scabbard, square silver top case of the scabbard, gold sword vorvorka (suspender); 53–55 — gold sewn-on plaques of three types; 56 — silver rhyton; 57 — silver cup; 59 — gold casing of a wood bowl; 61–62 — spearheads; 63–64 — javelin heads; 65–68 — counter-weights; 69–73 — quivers № 1–5; 74 — silver beads.]

Рис. 3. Пороги. Курган 2, погребение 1. План погребения [Симоненко, Лобай 1991: 9, рис. 3]

1 — меч; 2 — кинжал; 3 — лук; 4 — колчан; 5 — наконечник дротика; 6 — пластина-гастагна; поясные бляхи; 8 — поясные пластины; 9 — портупейная бляха; 10 — бляшки в виде лотоса; 11 — наконечники свисающих ремней; 12 — наконечники портупейных ремней; 13 — портупейные пряжки; 14 — фибулы; 15–16 — обувные пряжки; 17 — гривна; 18 — браслет; 19 — кубок; 20 — золотые пронизки.

[Fig. 3. Porogi. Mound 2, burial 1. Scheme of the burial [Simonenko, Lobay 1991: 9, fig. 3]

1 — sword; 2 — dagger; 3 — bow; 4 — quiver; 5 — javelin head; 6 — gastagna; belt plaques; 8 — belt plates; 9 — sword-belt plaque; 10 — lotus-shaped plaques; 11 — heads of hanging belts; 12 — heads of sword-belts; 13 — sword-belt plaques; 14 — fibulae; 15–16 — shoe buckles; 17 — torque; 18 — bracelet; 19 — cup; 20 — gold threadings.]

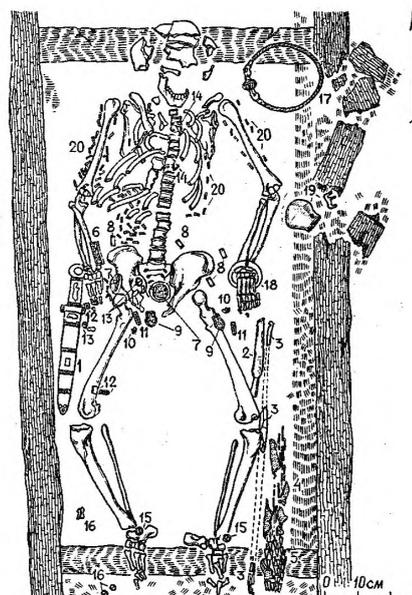

Рис. 4. Рельеф с изображениями двух всадников. Бахчисарайский музей

[Чореф, Шульц 1972: рис. 3].
 [Fig. 4. A relief depicting two horsemen. Bakhchysarai Museum [Choref, Schulz 1972: fig. 3]

Рис. 5. Nicolaes Berchem (Haarlem 1621/22–1683. Amsterdam). Italienische Landschaft mit dem störrischen Esel. Leinwand, 1655 (= Николас Берхем

(Хаарлем 1621/22–1683. Амстердам.). Итальянский ландшафт с упорным ослим. Масло, 1655 г.).

[Fig. 5. Nicolaes Berchem (1621/22–1683). Italian Landscape with Stubborn Donkey. 1655]

Литература

- Бакаева 2010 — *Бакаева Э. П.* Похоронно-погребальная обрядность // Калмыки. Серия «Народы и культуры» / отв. ред.: Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 586 с.
- Геродот 1972 — *Геродот.* История (в девяти книгах). Перевод и комментарии Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Дьяконова 1975 — *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
- Зайцев, Мордвинцева 2003 — *Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* «Ногайчинский» курган в степном Крыму // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 66–99.
- Засецкая 1979 — *Засецкая И. П.* Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника // Труды ГЭ. Т. XX. М.: Искусство, 1979. С. 87–113.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен. Т. I. Элиста: Герел, 2009. 845 с.
- Ковпаненко 1986 — *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. 150 с.
- Копылов 2004 — *Копылов В. П.* Скифский царский курган Елизаветовского могильника // Сокровища донских степей из собрания Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д, 2004. С. 41–54.
- Мозолевський 1979 — *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Киев: Наукова Думка, 1979. 213 с.
- Мозолевский, Полин 2005 — *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV века до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев: Стилос, 2005. 599 с.
- Обельченко 1992 — *Обельченко О. В.* Культура античного Согда. М.: Наука, 1992. 256 с.
- Очир-Горяева 2012 — *Очир-Горяева М. А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 486 с.
- Очир-Горяева 2014 — *Очир-Горяева М. А.* К вопросу о роли коня в погребальном обряде калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 1. С. 28–32.
- Очир-Горяева 2018 — *Очир-Горяева М. А.* Изображение процессии всадников на золотой обойме из Сибирской коллекции Петра I // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. 2018. Вып. 4 (46). С. 67–73. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.067-073.
- Полосьмак 2001 — *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 335 с.
- Ринчен 1972 — *Ринчен Б.* Принцесса. И другие новеллы. М.: Худ. лит., 1972. 184 с.
- Семейная обрядность 1980 — Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / под ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1980. 278 с.
- Симоненко, Лобай 1991 — *Симоненко А. В., Лобай Б. И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка, 1991. 110 с.
- Симоненко 2012 — *Симоненко А. В.* Золото, конь и человек. Сб. ст. к 60-летию А. В. Симоненко. Киев: КНТ, 2012. 464 с.
- Скрипкин 1984 — *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 149 с.
- Смирнов 1964 — *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 377 с.
- Тереножкин, Мозолевский 1988 — *Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н.* Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988. 264 с.
- Шараева 2008 — *Шараева Т. И.* Ритуальная «смерть» и «возрождение» невесты в свадебном обряде у калмыков // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.). Ч. 3. Элиста: 2008. С. 91–99.
- Фиалко 2014 — *Фиалко Е. Е.* Могилы вооруженных женщин Рогачикского курганного поля // Археологія і давня історія України. Вып. 1 (1). Київ, 2014. С. 25–39.
- Чореф, Шульц 1972 — *Чореф М. Я., Шульц П. Н.* Новый рельеф сарматского круга // Советская археология. 1972. № 1 С. 135–145.
- Berg, Rolle, Seemann 1981 — *Berg S., Rolle R., Seemann H.* Der Archäologie und der Tod Archäologie und Gerichtsmedizin. München, Luzern: C. J. Bucher, 1981. 168 S.

References

- [Family Rites of Siberian Peoples: a Comparative Study]. I. S. Gurvich (ed.). Moscow: Nauka, 1980. 278 p. (In Russ.)
- [History of Kalmykia: from the Earliest Times to the Present Days]. Elista: Gerel, 2009. Vol. I. 845 p. (In Russ.)

- Bakaeva E. P. Funeral rites. In: [The Kalmyks]. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya (eds.). Moscow: Nauka, 2010. 586 p. (In Russ.)
- Berg S., Rolle R., Seemann H. [Archaeology, Archaeology of Death, and Forensic Medicine]. München, Luzern: C. J. Bucher, 1981. 168 p. (In Germ.)
- Choref M. Ya, Schulz P. N. A new configuration of the Sarmatian circle. *Sovetskaya arkheologiya*. 1972. No. 1. Pp. 135–145. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. [Tuvan Funeral Rites as a Historical and Ethnographic Source]. Leningrad: Nauka, 1975. 164 p. (In Russ.)
- Fialko E. E. Tombs of armed women from Rogachyk kurgan area. In: [Archaeology and Ancient History of Ukraine]. Vol. 1 (1). Kiev, 2014. Pp. 25–39. (In Russ.)
- Herodotus. The Histories. G. A. Stratanovsky (transl. and comment.). Leningrad: Nauka. 1972. 600 p. (In Russ.)
- Kopylov V. P. Elizavetovskiy burial site: a Scythian king's mound. In: [Rostov Oblast Museum of Local History and Lore: Treasures of the Don Steppes]. Rostov-on-Don, 2004. Pp. 41–54. (In Russ.)
- Kovpanenko G. T. [A 1st-century AD Sarmatian burial from the Southern Bug Valley]. Kiev: Naukova Dumka, 1986. 150 p. (In Russ.)
- Mozolevski B. M. [Tovsta Mohyla (Tolstaya Mogila)]. Kiev: Naukova Dumka, 1979. 213 p. (In Ukr.)
- Mozolevski B. N., Polin S. V. [4th-Century BC Mounds of the Scythian Gerros (Babina, Vodyana and Soboleva Mohylas)]. Kiev: Stilos, 2005. 599 p. (In Russ.)
- Obelchenko O. V. [Culture of Ancient Sogdia]. Moscow: Nauka, 1992. 256 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. [Ancient Horsemen of Eurasian Steppes]. Moscow: Taus, 2012. 486 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Kalmyk funeral rites: role of the horse revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2014. No. 1. Pp. 28–32. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Procession of horsemen on a gold plaque from the Siberian Collection of Peter I. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2018. No. 4 (46). Pp. 67–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2018.46.4.067-073>.
- Polosmak N. V. [Horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001. 335 p. (In Russ.)
- Rinchen B. [The Princess. And Other Novels]. Moscow: Khud. Lit., 1972. 184 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Wedding rites of the Kalmyks: ceremonial death and resurrection of the bride. In: [Oirats and Kalmyks in the History of Russia, Mongolia and China]. Conf. proc. (Elista; May 9–14, 2007). Elista, 2008. Part 3. Pp. 91–99. (In Russ.)
- Simonenko A. V. [Gold, Horse and Man]. Coll. articles. Kiev: KNT, 2012. 464 p. (In Russ.)
- Simonenko A. V., Lobay B. I. [Sarmatians in the Northwestern Black Sea Region: Burials of Nobility near Porogi, 1st Century AD]. Kiev: Naukova Dumka, 1991. 110 p. (In Russ.)
- Skipkin A. S. [The Lower Volga in the Early Centuries AD]. Saratov: Saratov State University, 1984. 149 p. (In Russ.)
- Smirnov K. F. [The Savromats: Early History and Culture]. Moscow: Nauka, 1964. 377 p. (In Russ.)
- Terenozhkin A. I., Mozolevski B. N. [Melitipol Mound]. Kiev: Naukova Dumka, 1988. 264 p. (In Russ.)
- Zasetskaya I. P. Nikolsky burial site: Savromatian and Sarmatian burials. In: [Transactions of the State Hermitage Museum]. Vol. XX. Moscow: Iskusstvo, 1979. Pp. 87–113. (In Russ.)
- Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I. The Nogaichinsky mound in steppes of the Crimea. *Vestnik Drevnei Istorii*. 2003. No. 3. Pp. 66–99. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 822–844, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-822-844
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 903.53“638”(478)

Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра

*Виталий Степанович Синика¹, Сергей Дмитриевич Лысенко²,
Сергей Николаевич Разумов³, Николай Петрович Тельнов⁴*

¹ Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (д. 107, ул. 25 Октября, 3300 Тирасполь, Приднестровье, Молдова)
 кандидат исторических наук, доцент
 ORCID: 0000-0002-1621-9205. E-mail: sinica80@mail.ru

² Институт археологии национальной Академии наук Украины (д. 12, пр-т Героев Сталинграда, 04210 Киев, Украина)
 кандидат исторических наук, доцент
 ORCID: 0000-0001-9624-0364. E-mail: suraganga@yandex.ru

³ Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (д. 107, ул. 25 Октября, 3300 Тирасполь, Приднестровье, Молдова)
 кандидат исторических наук
 ORCID: 0000-0001-6030-9390. E-mail: razum_22@rambler.ru

⁴ Институт культурного наследия (д. 1, бульвар Штефан чел Маре, 2022 Кишинёв, Молдова)
 кандидат исторических наук, доцент
 ORCID: 0000-0001-6878-0216. E-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В Северо-Западном Причерноморье известны сотни скифских захоронений, при этом их большая часть была исследована в советское время. В настоящее время увеличение источников происходит крайне медленно. В этой связи публикация новых материалов представляется актуальной, поскольку имеет значение для изучения скифской культуры всего Северного Причерноморья. *Материалы.* В работе впервые публикуются данные, полученные в 2018 г. при исследовании скифского кургана № 10 группы *Водовод* у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. *Анализ данных.* Материалы, полученные при исследовании публикуемого кургана, позволяют обратить внимание на целый ряд элементов погребального обряда и материальной культуры (сочетание основных подбоев и впускных ям под одной насыпью, практика сооружения кенотафов, деление пространства погребального сооружения на две зоны, помещение напутственных даров на перекрытие и др.). Некоторые вещевые находки свидетельствуют, что материальная культура скифов Северо-Западного Причерноморья испытывала заметное фракийское влияние. *Датировка комплекса.* На основании кубковидного канфара и фибул фракийского типа курган и все погребения датируются

третьей четвертью IV в. до н. э. *Выводы.* Материалы из публикуемого кургана *Глиное/Водовод 10* на левобережье Нижнего Днестра и указанные им аналогии из левобережного Попруття, левобережного Подунавья и Дунай-Днестровского междуречья, демонстрируют, что скифская культура Северо-Западного Причерноморья обладает значительно большим единством, нежели это представлялось ранее.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, левобережье Нижнего Днестра, скифы, курган, погребение, кенотаф, оружие, посуда, фибулы

Для цитирования: Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Oriental Studies*. 2019;(5): 822-844. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-822-844.

UDC 903.53“638”(478)

Scythian Barrow 10 of the Vodovod ('Sluiceway') Group on the Left Bank of the Lower Dniester

*Vitali S. Sinika*¹, *Sergei D. Lysenko*², *Sergei N. Razumov*³, *Nikolai P. Telnov*⁴

¹ Shevchenko Pridnestrovian State University (105, 25 Ocyabrya St., Tiraspol 3300, Pridnestrovie, Moldova)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: 0000-0002-1621-9205. E-mail: sinica80@mail.ru

² Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Geroev Stalingrada Ave, Kiev 04210, Ukraine)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: 0000-0001-9624-0364. E-mail: suraganga@yandex.ru

³ Shevchenko Pridnestrovian State University (105, 25 Ocyabrya St., Tiraspol 3300, Pridnestrovie, Moldova)

Cand. Sc. (History)

ORCID: 0000-0001-6030-9390. E-mail: razum_22@rambler.ru

⁴ Institute of Cultural Heritage (1, Ștefan cel Mare Ave, Kishinev 2022, Moldova)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: 0000-0001-6878-0216. E-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Hundreds of Scythian graves are known in the Northwestern Black Sea region, and the bulk of them were investigated in Soviet times. Currently, the increase in scholarly sources is extremely slow. The publication of new materials seems relevant, in this regard, since it is important for further research of the Scythian culture across the entire Northern Black Sea region. *Materials.* For the first time, the work publishes data obtained in 2018 during the excavation of Scythian barrow 10 of the Vodovod ('Sluiceway') Group near Glinoe village, Slobodzeya District, on the left bank of the Lower Dniester. *Data Analysis.* The materials obtained during the examination of the mound are distinguished by a number of elements of funeral rites and material culture, such as a combination of main catacombs and secondary pits under one mound, practice of constructing cenotaphs, division of the space of the burial structure into two zones, placing farewell gifts on the overlap, etc. Some findings indicate that the Scythian material culture of the of the Northwestern Black Sea region was noticeably influenced by the Thracian one. *Dating of the Complex.* The discovered cup-kanfaros and fibulae of the Thracian type date the mound and all burials to the second quarter of the 4th century BC. *Conclusion.* The materials from barrow Glinoe/Sluiceway 10 located on the left bank of the Lower Dniester and their analogies from the left-bank Prut region, left-bank Danube region and Danube-Dniester interfluvium show that the Scythian culture of the Northwestern Black Sea region is much more homogenous than it was believed before.

Keywords: Northwestern Black Sea region, left bank of the Lower Dniester, Scythians, barrow, grave, cenotaph, weapons, vessels, fibulae

For citation: Sinika V. S., Lysenko S. D., Razumov S. N., Telnov N. P. Scythian Barrow 10 of the Vodovod ('Sluiceway') Group on the Left Bank of the Lower Dniester. *Oriental Studies*. 2019; (5): 822-844. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-822-844.

Введение

История исследования скифских погребальных памятников в Северо-Западном Причерноморье насчитывает уже более 120 лет. На данный момент в степях между р. Прут на западе и р. Южный Буг на востоке известны сотни скифских захоронений, при этом их большая часть была исследована в советское время. В настоящее время (после 1991 г.) изучение скифских курганов, а значит, увеличение количества источников, полученных с использованием современных методик раскопок и обработки материалов, происходит крайне медленно.

На левобережье Нижнего Дуная в 1998 г. были исследованы отдельное захоронение в г. Измаил [Паламарчук, Синика 2014: 292–296] и два кургана могильника *Воловарската Могила* [Фокеев, Синика, Руссев 2018], а также два погребения (в 1999 г.) на могильнике *Катлабух* [Фокеев, Рандсборг, Руссев 2000: 9–10].

В 2011 г. на правобережье Нижнего Днестра у с. Пуркары был раскопан скифский курган с двумя захоронениями [Агульников и др. 2013: 257–284]. На левобережье Нижнего Прута у с. Крихана-Веке в 2014–2017 гг. были изучены четыре кургана, содержавшие семь скифских погребений [Seban et al. 2015; Ciobanu et al. 2018: 88–112]. Таким образом, в Прутско-Днестровском междуречье за последние четверть века были исследованы не более 15 скифских погребальных комплексов, из которых опубликованы менее половины.

Совершенно иная ситуация на левобережье Днестра, где за тот же период было исследовано более 250 скифских захоронений, при этом большая часть из них введена в научный оборот [Тельнов, Четвериков, Синика 2016; Синика, Тельнов 2018б; Синика и др. 2019а: 366]¹. Тем не менее, публикация новых материалов представляется

актуальной, поскольку имеет значение для изучения истории скифской культуры не только на её западной периферии, но и на территории Северного Причерноморья в целом.

В настоящей работе впервые публикуются и анализируются материалы, полученные в 2018 г. при исследовании скифского кургана № 10 группы *Водовод*. Памятник находился в 3 км к северу-северо-востоку от северной оконечности с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра, на высоком плато, расположенном на правом берегу р. Красная. Ниже приводится описание этого кургана, исследованных в нём скифских погребений, а также сопровождающего инвентаря.

Материалы

Курган 10 копался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии север – юг шириной 0,6 м, длиной 20 м.

Насыпь почти полностью уничтожена распашкой. На момент исследований её высота от современной поверхности составляла менее 0,2 м, диаметр — около 10 м. В кургане обнаружены четыре скифских захоронения. Под R₀ находился перекоп XX в. (рис. 1: 1).

Погребение 1 (впускное) обнаружено в 5,5 м к северо-востоку от R₀. Совершено в яме (рис. 1: 2, 3).

Контуры ямы прямоугольной формы размерами 0,97 м x 0,5 м и глубиной 1,34 м от R₀ были зафиксированы на глубине 0,8 м от R₀. Яма была ориентирована по линии север–северо-запад – юг–юго-восток. Заполнение состояло из чернозёма.

В северо-западной части ямы были зафиксированы фрагменты черепа маленького ребёнка.

Состав и расположение инвентаря. В северо-западном углу ямы, слева в изголовье погребённого, стоял лепной сосуд (1),

¹ Там же см. литературу.

возле которого лежал кусочек жёлтой минеральной краски (4). Слева от черепа найдено серебряное кольцо (2), справа и слева от черепа — стеклянные бусины ожерелья (3).

Описание находок

1. Придонная часть лепного горшка использовалась вторично в качестве чашки. Дно диаметром 51 x 52 мм плоское, с выделенными краинами; изнутри выпуклое. Реконструируемый диаметр тулова — около 85 мм. Высота сохранившейся части — до 33 мм. Толщина стенок — 4,5–5 мм, толщина дна в центре — 8 мм, у стенок — 7 мм. Внешняя поверхность заглаженная; внутренняя — шероховато-заглаженная; внешняя сторона днища шероховатая. Тесто с примесью шамота. Цвет серый, желтовато-серый, серовато-жёлтый (рис. 1: 4).

2. Серебряное кольцо диаметром 20 x 19,5 мм с тупо обрубленными окончаниями, едва заходящими друг за друга. Изготовлено из круглой в сечении проволоки диаметром до 2 мм (рис. 1: 9).

3. В состав ожерелья входили семь цилиндрических стеклянных пронизей: три чёрные непрозрачные (рис. 1: 6), три — белые непрозрачные (одна раздавлена) (рис. 1: 7), одна — жёлтая непрозрачная (рис. 1: 8). Длина пронизей — 5–7,5 мм, диаметр — 3–3,5 мм. Диаметр отверстий — 1,5–2 мм.

4. Кусочек жёлтой охры размерами 27 x 12 x 12,5 мм (рис. 1: 5).

Погребение 2 (впускное) обнаружено в 7 м к северо-востоку от R₀. Совершено в яме (рис. 2: 1, 2).

Контуры ямы прямоугольной формы размерами 1,45 м x 0,8 м и глубиной 1,65 м от R₀ были зафиксированы на глубине 0,8 м от R₀. Яма была ориентирована по линии запад – восток. Заполнение состояло из чернозёма. В его верхней части обнаружен абразивный инструмент (1).

Описание находки

1. Галька из плотного желтовато-серого песчаника размерами 94 x 49 x 37 мм. Горизонтальные плоскости слегка пришлифованы (рис. 2: 3).

Ребёнок возрастом 4 года [Łukasik 2019a: 2] лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги прямые. Череп откатился к левому плечу. Под костями отмечено материковое «ложе» из утрамбованной смеси глины и чернозёма мощностью 3–4 см.

Состав и расположение инвентаря. В юго-западном углу ямы стоял лепной горшок (1). Восточнее находился лепной кувшин (2). Южнее правого плеча стояла чашка (3), изготовленная из отбитого поддона чернолакового гончарного сосуда, лежавшего вверх дном. Между кувшином и чашкой найден фрагмент лепного сосуда (4). У каждого плеча лежало по одной бронзовой фибуле (5, 6), в районе шеи — предметы ожерелья (7).

Описание находок

1. Лепной горшок с максимальным расширением в средней части тулова. Венчик плавно отогнут; край утолщён, закруглён. Дно слабо вогнутое, со слегка зауженным поддоном; изнутри — слабо выпуклое. Высота сосуда — 152–157 мм, венчика — 18–20 мм. Диаметр венчика — 95 мм, шейки — 83 мм, тулова — 130 мм, дна — 79 x 82 мм. Толщина венчика — до 6,5 мм. Толщина стенок — 4–5 мм, в придонной — до 6 мм. Толщина дна — 9 мм, вогнуто в центре до 1 мм. Под шейкой сосуд орнаментирован валиком, расчленённым пальцевыми вдавлениями. Тесто с примесью шамота. Цвет чёрный, серый. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные, бугристые (рис. 2: 6).

2. Лепной кувшин с петельчатой ручкой, возвышающейся над венчиком. Край воронковидного венчика слегка отогнут, утолщён и закруглён. На срезе венчика в плоскости, перпендикулярной плоскости ручки, слева от неё, сформирован желобчатый слив-носик. Тулово с максимальным расширением в средней части. Сосуд орнаментирован по шейке поясом из 22 вертикальных подтреугольных вдавлений. Ручка подокруглая в сечении; с внутренней стороны верхней части — продольный желобок. Дно вогнутое, с зауженным поддоном с закруглённым краем; изнутри плоское. Тесто с примесью шамота. Цвет жёлтый, желтовато-серый, серовато-жёлтый; в изломе — чёрный. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые. Высота сосуда вместе с ручкой 115 мм, без ручки — 107–110 мм. Высота венчика — 17–25 мм. Диаметр венчика — 81–83 мм, диаметр шейки 70–74 мм. Максимальный диаметр тулова — 104 мм, диаметр дна — 64 мм. Высота ручки — 63 мм. Размеры сечения ручки в верхней части 14 x 9 мм, в средней части — 12 x 12 мм, в ниж-

ней части — 14 x 13 мм. Ручка возвышается над срезом венчика на 5–8 мм. Ширина слива-носика — до 15 мм, высота — до 9 мм, глубина выемки — до 4 мм; выступает на расстояние до 5 мм. Толщина венчика — 5–6 мм. Толщина стенок — 2,5–6 мм, у дна — до 7,5 мм. Толщина дна — 6 мм; у стенок — до 9 мм; дно вогнуто до 2 мм (рис. 2: 7).

3. Чашка, изготовленная из поддона чернолакового сосуда. На внутренней части поддона чёрным лаком нанесены четыре концентрических окружности разной ширины. Между второй и третьей окружностями процарапан овал (в $\frac{3}{4}$). Сломы стенок в придонной части обточены в древности. Диаметр поддона — 71,5 x 72 мм. Высота фрагмента — 17 мм, поддона — 12 мм. Толщина поддона — до 8 мм. Толщина дна в центре до 6,5 мм, у стенок — 5 мм. Толщина стенок — до 5 мм (рис. 2: 5).

4. Фрагмент лепного сосуда размерами 17 x 14 мм и толщиной 7–7,5 мм. Тесто с примесью шамота. Цвет внешней поверхности серый, желтовато-серый; изнутри оранжевый, в изломе — чёрный (рис. 2: 4).

5. Бронзовая фибула, однопружинная, фракийского типа, с отогнутой назад ножкой. На её окончании расположено утолщение в виде конуса. Спинка раскована в плоскую пластину, внешняя поверхность которой украшена штампованным сплошным орнаментом в виде трёх продольных рядов прямоугольных вдавлений, нанесенных чеканкой. Спинка переходит в одновитковую пружину, переходящую в иглу. Размеры фибулы — 86 x 31 мм. Диаметр пружины — 7 x 8 мм. Ширина спинки — до 5 мм; толщина — до 1,5 мм. Диаметр иглы — до 2 мм. Ширина приёмника — до 6,5 мм, диаметр изгиба — 5 мм; толщина пластины — до 1 мм. Диаметр сечения окончания ножки 2–3 мм; диаметр конического утолщения на ножке до 3,5 мм, высота — 3 мм (рис. 3: 1).

6. Бронзовая фибула, однопружинная, фракийского типа, с отогнутой назад ножкой. Окончание ножки отломано в древности. Спинка переходит в одновитковую пружину, переходящую в иглу. Размеры фибулы — 80 x 31,5 мм. Диаметр пружины 6,5 мм. Диаметр сечения спинки — до 3,5 мм. Диаметр иглы — до 2 мм. Диаметр сечения окончания ножки 2–2,5 мм. Ширина приёмника — до 7,5 мм, диаметр изгиба — 5 мм; толщина пластины — до 1 мм (рис. 3: 2).

7. В состав ожерелья входили 24 стеклянные бусины:

– уплощённая шаровидная бусина из серовато-белого непрозрачного стекла. Высота бусины 8,5 мм, диаметр — 10,7 мм. Диаметр отверстия — 5,5 мм (рис. 3: 3);

– дисковидная бусина из желтовато-белого непрозрачного стекла. Высота бусина 6,7 мм, диаметр — 10,7 мм. Диаметр отверстия — 5,5 мм (рис. 3: 4);

– девять уплощённо-сферических, цилиндрических и дисковидных бусин из жёлтого непрозрачного стекла. Высота бусин — 3,5–8 мм, диаметр — 6,5–8 мм. Диаметр отверстий — 2–3,5 мм (рис. 3: 5);

– 13 уплощённо-сферических и цилиндрических бусин из синего полупрозрачного стекла. Высота бусин — 2,5–6,5 мм, диаметр — 7–9 мм. Диаметр отверстий — 2,5–4,5 мм (рис. 3: 6).

Погребение 3 (впускное) обнаружено в 9 м к северо-востоку от R_0 . Совершено в яме (рис. 4: 1, 2).

Контуры ямы прямоугольной формы размерами 2,5 м x 0,85 м и глубиной -2,47 м от R_0 были зафиксированы на глубине -0,8 м от R_0 . Яма была ориентирована по линии западо-северо-запад – востоко-юго-восток. Заполнение состояло преимущественно из чернозёма.

Погребённая возрастом 15–20 лет [Lukasik 2019a: 3] лежала в вытянутом положении на спине, головой на запад–северо-запад. Левая рука согнута в локте под острым углом, кисть на груди. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кисть на поясничных позвонках. Ноги прямые. Под костями светло-серый тлен от органической подстилки.

Состав и расположение инвентаря. В западной части ямы лежали кости мелкого рогатого скота от жертвенной пищи и нож с деревянной рукоятью (11). Севернее ножа лежал отбитый в древности венчик чернолакового канфара, два лепных пряслица (2, 3), железная игла (12). В области шеи и верхней части грудной клетки собраны предметы ожерелья (13). Между черепом и левым плечом лежал на боку чернолаковый канфар (1) с отбитыми в древности ручками и венчиком. У правого виска найдена бронзовая лировидная подвеска (4). Фрагменты аналогичной подвески (5), разрушенной норой,

были найдены у левого виска и в придонном заполнении. У левого плеча под северной стенкой ямы лежали бронзовая фибула (6) и две стеклянные подвески (14). Там же был воткнут вертикально в дно ямы бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы (7). Аналогичный наконечник (8) был найден у южной стенки ямы южнее правого крыла таза. Ещё два наконечника (9) найдены у левого крыла таза. Севернее левого колена лежал колчан с бронзовыми наконечниками стрел (10). На правом запястье находился браслет из стеклянных бусин и амфоровидных подвесок (15).

Описание находок

1. Чернولاковый аттический кубковидный канфар с каннелированным туловом и профилированным кольцевым поддоном. Высота сосуда — 90–92 мм. Высота венчика — 10,5 мм, шейки — 15 мм, тулова — 50 мм, ножки — 15 мм, утолщённого поддона — до 7,5 мм. Высота нижней части сосуда (от среза ножки до перегиба корпуса) 55 мм. Диаметр венчика — 98 x 99 мм. Диаметр шейки — 69 мм. Диаметр горловины изнутри — 63 мм. Диаметр тулова — 87 x 88 мм. Диаметр нижней части корпуса над ножкой 41 мм. Минимальный диаметр ножки — 29,5 мм. Диаметр ножки — до 40 x 40,5 мм, изнутри — до 27 мм. Толщина венчика — до 8 мм, стенок — 3–4 мм, дна — 6 мм. Ширина сдвоенных ручек (по прилепам) — 46 мм и 49 мм. Диаметр оснований прилепов — до 22 мм. Диаметр сечения ручек — до 10 мм. Между ручками сосуд орнаментирован вертикальными каннелюрами, по 12 с каждой стороны. Между сдвоенным основанием ручек нижняя часть корпуса украшена каннелюрами, образующими вытянутый треугольник вершиной вверх. Тесто без видимых примесей. Цвет в изломе оранжевый. Венчик был отбит в древности и использовался в качестве контейнера для пряслиц и иглы. Остальная часть сосуда (тулово на поддоне) была положена в погребение в качестве чашки (рис. 4: 12).

2. Лепное биконическое коричневоглиняное пряслице с выделенным ребром посередине. Тесто с примесью шамота. Поверхность заглажена. Высота пряслица — 30 мм. Диаметр посередине — 32 мм. Диаметры оснований — 19 мм и 17 мм. Диаметр отверстия — 5 мм (рис. 4: 3).

3. Лепное усечённо-коническое коричневоглиняное пряслице. Тесто с примесью шамота. Поверхность заглажена. Высота пряслица — 19 мм. Максимальный диаметр — до 19 мм. Диаметры оснований — 12 мм и 7 мм. Диаметр отверстия — до 6,5 мм (рис. 4: 4).

4. Бронзовая лировидная подвеска с утолщениями в виде четырёхгранных в сечении пирамидальных шишечек. Общие размеры — 56 x 44,5 мм. Диаметр проволоки — до 3 мм. Размеры шишечек — до 4,5 x 4,5 мм, высота — до 4,5 мм. Диаметр изгиба центральной петли — 28 мм, боковых петель — 19,5 мм (рис. 5: 2).

5. От парной бронзовой лировидной подвески сохранился только фрагмент нижнего изгиба общими размерами 17 x 9,5 мм. Диаметр проволоки — до 2,5 мм (рис. 5: 3).

6. Бронзовая фибула, однопружинная, фракийского типа, с отогнутой назад ножкой. На её окончании расположено утолщение в виде конуса. Спинка раскована в плоскую пластину, внешняя поверхность которой украшена штампованным орнаментом в виде двух продольных рядов прямоугольных вдавлений, нанесенных чеканкой. Спинка переходит в одновитковую пружину, переходящую в иглу. Размеры фибулы — 77 x 27 мм. Ширина спинки — до 6 мм, толщина — до 2 мм. Диаметр пружины — 8 x 9,5 мм. Диаметр иглы — до 2,5 мм. Ширина приёмника — до 7,5 мм, диаметр изгиба — 4 мм; толщина пластины — до 1 мм. Диаметр сечения окончания ножки — 2,3 мм, конического утолщения — до 3 мм, высота — 2,5 мм (рис. 5: 1).

7. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы (возле фибулы) с выделенной втулкой. Длина наконечника — 35,5 мм. Длина втулки — 13 мм, диаметр — 5 мм. На втулке расположено отверстие размерами 3,3 x 2,7 мм, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 4: 5).

8. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы (справа от таза) с выделенной втулкой. Длина наконечника — 30,5 мм. Длина втулки — 15 мм, диаметр — 5,5 мм. На втулке расположено отверстие размерами 5,5 x 1,5 мм, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 4: 6).

9. Два бронзовых трёхлопастных наконечника стрелы (у левого крыла таза) с выделенными втулками:

– наконечник длиной 38,7 мм. Длина втулки — 15 мм, диаметр — 5,5 мм. На втулке расположено отверстие размерами 9 x 2,5 мм, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 4: 10);

– наконечник длиной 31,3 мм. Длина втулки — 14 мм, диаметр — 5 мм (рис. 4: 11).

10. Колчаный набор содержал 20 бронзовых наконечников стрел:

– 13 трёхлопастных наконечников с треугольной (подтреугольной) головкой и с выделенной втулкой, основание которой находится ниже окончаний лопастей. Длина наконечников — от 39,2 мм до 30 мм. Длина втулок — от 12 мм до 17 мм, диаметр — от 4,6 мм до 6,6 мм (рис. 5: 4–16). На втулках девяти наконечников расположены отверстия размерами от 1,5 x 1 мм до 7 x 2,5 мм, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 4: 8–16). С трёх сторон на лопастях одного наконечника находятся литые знаки в виде двух «столбиков» из трёх параллельных линий, разделённых втулкой (рис. 5: 16);

– три трёхлопастных наконечника с подтреугольной головкой и с выделенной втулкой, основание которой находится выше окончания лопастей. Длина наконечников — от 25,5 мм до 31,5 мм. Длина втулок — от 9 мм до 12 мм, диаметр — от 4,5 мм до 6 мм. На втулках всех трёх наконечников расположены отверстия размерами от 3,5 x 2 мм до 5 x 2 мм, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 5: 17–19);

– башнеобразный наконечник, трёхгранный в верхней части и трёхлопастный — в нижней. Основание втулки находится ниже окончания лопастей. Длина наконечника — 31 мм. Длина втулки — 12 мм, диаметр — 4,5 мм (рис. 5: 20);

– два треугольных наконечника, трёхгранные в верхней части и трёхлопастные — в нижней. Основания втулок находятся выше окончания лопастей. Длина наконечников — 32 мм и 26 мм. Длина втулок — 9 мм и 13 мм, диаметр — 5 мм и 5,3 мм. На втулках обоих наконечников расположены отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья. На одном из наконечников их два — размерами 7 x 2 мм и 5 x 1,8 мм (рис. 5: 21), на другом — одно, размерами 8 x 2 мм (рис. 5: 22);

– трёхгранный наконечник с треугольной головкой и скрытой втулкой, выделенной у основания прямоугольным ложком. Длина наконечника — 33,5 мм. Длина втулки не менее 5 мм, диаметр — 5,5 мм. На втулке расположено отверстие размерами 2,5 x 1,8 мм, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 5: 23).

11. Железный нож с истлевшей деревянной рукоятью. Спинка горбатая, рукоять крепилась к черенку при помощи одной заклёпки. Длина клинка — 86,5 мм. Длина черенка — до 35 мм, ширина основания — 15 мм, толщина — 2–4 мм. Ширина лезвия до 19 мм, толщина — до 4 мм. Длина заклёпки более 9 мм, диаметр — 3 мм. Ширина рукоятки — около 17 мм, толщина — около 9 мм (рис. 4: 13).

12. Железная игла, округлая в сечении. Ушко и остриё обломаны. Длина фрагмента — 75 мм. Диаметр стержня — до 3 мм (рис. 4: 9).

13. Ожерелье состояло из 36 предметов: 27 стеклянных бусин, шести стеклянных бисерин и трёх раковин:

– поперечно-сжатая ребристая бусина из полупрозрачного белого стекла. Высота бусины — 7 мм, диаметр — 8,5 x 9 мм. Диаметр отверстия — 4,5 мм (рис. 6: 1а);

– две биконические бусины из синего полупрозрачного стекла. Высота бусин — 7 мм и 7,2 мм, диаметр — 8 x 9 мм и 8,5 мм. Диаметр отверстий — 1 x 1,8 мм (рис. 6: 1б);

– биконическая бусина из белого полупрозрачного стекла. Высота бусины — 6,5 мм, диаметр — 7,2 x 7,8 мм. Диаметр отверстия — 1 x 1,5 мм (рис. 6: 1в);

– поперечно-сжатая бусина из непрозрачного жёлтого стекла. Высота бусины — 4,4 мм, диаметр — 7,2 мм. Диаметр отверстия — 3 мм (рис. 6: 1г);

– поперечно-сжатая бусина из непрозрачного чёрного стекла. Высота бусины — 4,4 мм, диаметр — 7,5 мм. Диаметр отверстия — 3,5 мм (рис. 6: 1д);

– 21 асимметрично-биконические бусины из желтовато-белого непрозрачного стекла. Пять бусин рассыпались при расчистке. Высота бусин — от 4,5 мм до 5,5 мм, диаметр — от 5 мм до 6 мм. Диаметр отверстий — от 0,7 x 1,5 мм до 1 x 1,8 мм (рис. 6: 1е);

– шесть стеклянных дисковидных бисерин из белого непрозрачного стекла. Высота бисерин — 1,2–2,1 мм, диаметр — 3,7–

4,7 мм. Диаметр отверстий — 1,5–1,7 мм (рис. 6: 1ж);

– три раковины улитки трёхзубой (вид *Chondrula tridens*²) с отверстиями для подвешивания. Длина раковин — 11 мм, диаметр — 4,5 мм. Диаметр отверстий — 1 мм (рис. 6: 1з).

14. Две амфоровидные стеклянные подвески (возле фибулы):

– подвеска из непрозрачного жёлтого стекла. Высота подвески — 15,5 мм, диаметр — 8,8 x 9,4 мм. Диаметр отверстия — 1,5 мм (рис. 4: 7);

– подвеска из непрозрачного белого стекла. Высота подвески — 14,3 мм, диаметр — 7 x 7,4 мм. Диаметр отверстия — 1,5 мм (рис. 4: 8).

15. Браслет правого запястья состоял из 18 стеклянных бусин и бронзовой пронизи:

– девять амфоровидных подвесок из желтого непрозрачного стекла (три рассыпались при расчистке). Высота подвесок — от 14 мм до 16,5 мм, диаметр — от 7,2 x 8,2 мм до 9,5 x 10 мм. Диаметр отверстий — от 1 мм до 2 мм (рис. 6: 2а);

– пять амфоровидных подвесок из белого непрозрачного стекла. Высота подвесок от 12,2 мм до 14 мм, диаметр — от 6,5 x 7 мм до 9 x 9,7 мм. Диаметр отверстий — от 1 мм до 2 мм (рис. 6: 2б);

– амфоровидная подвеска из синего полупрозрачного стекла. Высота подвески — 16,2 мм, диаметр — 8,2 x 9,2 мм. Диаметр отверстия — 2 x 2,5 мм (рис. 6: 2в);

– три поперечно-сжатые бусины из синего непрозрачного стекла (две бусины рассыпались при расчистке). Высота сохранившейся бусины — 8 мм, диаметр — 12,2 x 12,5 мм. Диаметр отверстия — 4 мм (рис. 6: 2г);

– бронзовая цилиндрическая пронизь. Длина пронизи — 7,8 мм, диаметр — 6 мм. Диаметр отверстия — 4 мм (рис. 6: 2д).

Погребение 4 (основное, кенотаф) обнаружено в 8 м на северо-северо-восток от R₀. Совершено в бездромосной катакомбе (рис. 7: 1, 2).

Входная яма подовальной формы, длинной осью ориентирована по направлению север-юг. Размеры на уровне фикса-

² Определения раковин моллюсков выполнены докт. биол. наук В. В. Анистратенко (Киев, Украина), за что выражаем ему огромную признательность.

ции (-0,9 м от R₀) 2,3 м x 1,1 м. На глубине 1,51 м от R₀ (0,61 м от уровня фиксации) была устроена сплошная ступень, плавно понижавшаяся ко входу в погребальную камеру. На дне входной ямы под её северной стенкой найдено скопление костей мелкого рогатого скота. Часть костей сдвинута в заполнение камеры.

Погребальная камера подовальной формы, вытянутая по линии север – юг, размерами 2,7 x 1 м и глубиной 1,92 м от R₀, была устроена в восточной стенке входной ямы. Свод камеры арочный, высотой 0,7 м над дном камеры.

В северной части заполнения камеры с глубины 0,7 м от R₀ прослежены остатки мощного кострища размерами 0,8 x 0,55 м в виде слоя пережжённой глины, золы и углей толщиной до 0,15 м. Костей человека, следов подстилки и инвентаря не обнаружено. Погребение являлось кенотафом, очевидно, взрослого.

Анализ данных

Материалы из кургана 10 группы *Водовод* у с. Глиное свидетельствуют, что он был сооружён для захоронений рядовых общинников. Погребальные сооружения представлены самыми обычными конструкциями, инвентарь из комплексов особенно не выделяется из массы исследованных ранее и в группе *Водовод*, и в соседних курганных могильниках. Однако совокупность полученных данных имеет большое значение для изучения скифской археологической культуры Северо-Западного Причерноморья.

В частности, подчеркнём, что основным в кургане было погребение в катакомбе I типа (подбое), а впускными — три ямы. В последних были захоронены двое детей и молодая женщина. До недавнего времени подобная ситуация ни разу не была отмечена в скифских курганах Северо-Западного Причерноморья. Катакомбы I типа многократно впускались в курганы, где основное захоронение было совершено в яме (напр., *Буторы I 2/3* [Синика, Разумов, Тельнов 2013: 34–35, рис. 13; 15: 1]) или, реже, в деревянной гробнице (напр., *Красное 3/3* [Кетрару и др. 2014: 169–171, рис. 134]). Также известны случаи, когда в курганах подбой являлись единственными (напр., *Глиное 90/1* [Тельнов, Четвериков, Синика 2016:

531–532, рис. 300]) либо были сооружены одновременно с сопровождающими захоронениями в ямах (напр., *Семёновка 10/2* [Субботин, Разумов, Сеника 2017: 57–58, рис. 28; 29: 2]).

Исключениями из массива скифских курганов, где под одной насыпью находились и катакомбы I типа, и ямы, являются только четыре кургана. Два из них были исследованы в 2017 г.: курган *Глиное/Сад 7* (последняя четверть IV в. до н. э.) с основным асинхронным захоронением (взрослых) в подбое и с четырьмя впускными погребениями — катакомбой I типа (детское захоронение) и тремя ямами (два детских захоронения и один детский инвентарный кенотаф) [Сеника, Тельнов, Лысенко 2018б]; курган *Глиное/Сад 8* (последняя четверть IV в. до н. э.) с основным погребением взрослого в катакомбе I типа и с четырьмя впускными могилами — тремя подбоями (три детских погребения) и одной ямой (детское захоронение) [Сеника, Тельнов, Лысенко 2018г].

Ещё две насыпи с основными погребениями в подбоях и впускными — в ямах были изучены в 2018 г. в группе *Водовод*, в непосредственной близости от публикуемого комплекса. В кургане *Глиное/Водовод 11* (середина IV в. до н. э.) с основной катакомбой I типа были впущены две ямы, при этом все три сооружения содержали захоронения взрослых. Три ямы (детское захоронение и два детских кенотафа) были впущены в курган второй половины IV в. до н. э. *Глиное/Водовод 12* (с основным захоронением взрослого в подбое).

В настоящее время, учитывая, что курганная группа *Сад* примыкает с юга к группе *Водовод*, необходимо констатировать, что погребения в ямах (преимущественно, детские) впускались в насыпи скифских курганов с основными захоронениями в катакомбах I типа только на левобережье Днестра, в микронеоне у с. Глиное Слободзейского района. Кроме того, сочетание основных катакомб I типа с впускными ямами в группах *Глиное/Сад* и *Глиное/Водовод* указывает на относительно позднюю (в пределах IV в. до н. э.) датировку курганов, что уже отмечалось ранее [Сеника, Тельнов, Лысенко 2018б: 134].

Вызывает особый интерес также тот факт, что основное погребение кургана

Глиное/Водовод 10 было кенотафом. Уже отмечалось, что символические погребения крайне редко встречаются у скифов Северного Причерноморья [Ольховский 1991: 67, 100, 138].

В Северо-Западном Причерноморье совсем недавно таких комплексов было 15: *Воловарская Могила*, курганы 1 и 2 [Фокеев, Сеника, Руссеев 2018: 89, 91, 93, рис. 2: 1; 3: 1] — на левобережье Нижнего Дуная; *Баблабаны 6/1* [Чеботаренко, Яровой, Тельнов, 1989: 29, 37, рис. 11], *Кочковатое 48/4* [Ванчугов, Субботин, Дзиговский 1992: 48, 54, рис. 14: 9] — в Дунай-Днестровском междуречье; *Семёновка*, курган 20 [Разумов, Сеника, 2017; Субботин, Разумов, Сеника 2017: 97–102, 155–158, рис. 58–60] — на правобережье Нижнего Днестра; *Буторы I 8/5* [Сеника, Разумов, Тельнов 2013: 59, 106, рис. 36], *Глиное 40/1* [Тельнов, Четвериков, Сеника 2016: 270–271, 741–742, 966, рис. 146], *Глиное/Водовод 5/1, 5/2, 5/6* [Сеника, Тельнов 2018а: 134, 139, рис. 2: 1–4; 5: 1, 2], 6/3, 6/4 [Сеника, Тельнов, Лысенко 2018д: 73–74, 76–77, рис. 1: 6–9], 8/1, 8/4 [Сеника, Тельнов, Лысенко 2018в: 234, 238, рис. 1: 4, 5; 3: 1, 2], *Глиное/Сад 7/3* [Сеника, Тельнов, Лысенко 2018б: 128, рис. 3: 3–5] — на левобережье Нижнего Днестра. В настоящее время к этим комплексам следует добавить ещё четыре — *Глиное/Водовод 10/4, 12/2, 12/3* и курган 17³.

Однако из всех перечисленных кенотафов в катакомбах были устроены только два комплекса на левобережье Нижнего Днестра: *Буторы I 8/5* — впускная в скифскую насыпь катакомба III типа (Т-образная), сооружённая не ранее рубежа IV–III вв. до н. э. [Сеника, Разумов, Тельнов 2013: 127]; *Глиное 40/1* — единственная катакомба III типа в кургане III–II вв. до н. э. [Тельнов, Четвериков, Сеника 2016: 966]. Кроме того, скифский кенотаф (*Нагорное 5/2*) в катакомбе I типа, впущенный в скифскую насыпь, был исследован в Нижнем Поднепровье. Погребальная камера этого сооружения своей длинной осью была ориентирована широтно [Мозолевский 1973: 193, рис. 7]. Напротив, погребальные камеры *Буторы I 8/5, Глиное 40/1* и *Глиное/Водовод 10/4* ориентированы меридионально. И если

³ Курган *Глиное/Водовод 12* раскопан авторами в 2018 г., курган *Глиное/Водовод 17* — в 2019 г. Материалы находятся в печати.

для первых двух комплексов (*Буторы I 8/5*, *Глиное 40/1*) такая ориентировка абсолютно соответствует стандартам III–II вв. до н. э. [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 751–752, рис. 403], то для публикуемого комплекса (*Глиное/Водовод 10/4*), сооружённого в IV в. до н. э., она неординарна [Синика 2007а: 18; Синика 2007б: 91].

Также на необычность основного погребения-кенотафа в кургане указывают следы кострища, зафиксированного в северной части его погребальной камеры. Подобный элемент обряда крайне редко встречается в скифских захоронениях, совершённых по обряду ингумации. Географически ближайшим является погребение *Глиное/Сад 6/1* (последней четверти IV – рубежа IV–III вв. до н. э.), где костёр был разведён на перекрытии, однако это захоронение было совершено в яме [Sinika, Lysenko, Telnov 2017: 160, 166, fig. 3: 1]. В более позднее время (III–II вв. до н. э.) кострища зафиксированы в катакомбах *Глиное 22/2* (на дне дромоса) и *Глиное 34/1* (во входной яме) [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 178, 237, 740, рис. 34: 1; 119: 2], но при этом ни разу в погребальных камерах. Возможно, наиболее близкая ситуация была отмечена при исследовании скифской катакомбы *Алкалия 33/22* (Дунай-Днестровское междуречье), впущенной в насыпь кургана эпохи бронзы. Дно погребальной камеры было обожжено, из находок в камере были обнаружены только пепаретская амфора и бронзовый наконечник стрелы [Субботин и др. 1992: 24–25, рис. 21: 7–10], что не исключает интерпретацию комплекса в качестве кенотафа⁴. На основании амфоры комплекс датирован серединой IV в. до н. э. [Mateevici 2007: 87, fig. 30: 1, 7], и эта дата, как будет показано, весьма близка времени сооружения кургана над основным погребением-кенотафом *Глиное/Водовод 10/4*.

Помимо этого, обращает на себя внимание деление ямы захоронения *Глиное/Водовод 10/2* на две зоны. Первая предназначалась для костяка ребёнка, лежавшего на «ложе», вторая — для сосудов. Заметим, что деление скифских погребальных ям на две зоны изредка встречается в Поднестровье. На правом берегу Нижнего Днестра это

⁴ Во всяком случае, никаких данных об ограждении в публикации комплекса не указано.

погребения 1/5 (жертвенная пища отделена от тела погребённого и инвентаря плахой) последних двух десятилетий V в. до н. э. и 1/6 (жертвенная пища на материковом возвышении за головой погребённого) середины IV в. до н. э. у с. Пуркары [Яровой 1990: 47–48, 51, 53, рис. 20: 1; 21: 1]. На левобережье Нижнего Днестра деление ямы на две зоны отмечено в погребениях 2/2 у с. Никольское (жертвенная пища и часть инвентаря отделена от тела погребённой и другой части инвентаря плахой) конца V в. до н. э. [Агульников, Сава 2004: 21, рис. 11; Кетра-ру и др. 2014: 173].

Однако географически ближайшими комплексами, где было зафиксировано деление ямы на две зоны, являются семь погребений в группах *Водовод* и *Сад*, исследованных в 2016–2018 гг. на левобережье Нижнего Днестра: *Глиное/Водовод 2/12* — одна зона для жертвенной пищи и части инвентаря, а вторая — для тела погребённого и другого инвентаря [Синика, Тельнов 2017: 144, рис. 2: 1, 2]; *Глиное/Водовод 3/2* — западная часть ямы для жертвенной пищи, а восточная — для тела погребённого и инвентаря [Синика, Тельнов 2016б: 261, 263–264, рис. 1]; *Глиное/Водовод 13/3* — жертвенная пища в западной части ямы, тело погребённого и предметы вооружения — в восточной; *Глиное/Водовод 16/6* — одна из зон для жертвенной пищи, вторая — для тела погребённого и инвентаря; *Глиное/Водовод 16/9* — жертвенная пища в западной части ямы, тело погребённого и инвентарь — в восточной; *Глиное/Водовод 16/9* — жертвенная пища в западной части ямы, тело погребённого и инвентарь — в восточной⁵; *Глиное/Сад 6/1* — одна из зон для женщины с ребёнком на руках, вторая — для другого ребёнка [Sinika, Lysenko, Telnov 2017: 160, 164–165, fig. 3: 2, 4].

Эти семь комплексов, сконцентрированные в непосредственной близости к захоронению *Глиное/Водовод 10/2*, примечательны тем, что в них деление ямы было достигнуто за счёт устройства «лож» из слоя мешаной глины и чернозёма, на которых находились тела погребённых. Появление этого элемента обряда связано с греческим влиянием на погребальную обрядность ски-

⁵ Курганы *Глиное/Водовод 13* и *Глиное/Водовод 16* раскопаны авторами в 2018 г. Материалы в печати.

фов [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 969; Синика, Тельнов 2017: 144–145].

Погребальный инвентарь в захоронениях кургана 10 группы *Водовод* представлен практически всеми категориями: оружием, орудиями труда, посудой, украшениями, аксессуарными костюма и предметами культа.

Оружие представлено только бронзовыми наконечниками стрел из женского погребения *Глиное/Водовод 10/3*. Обращает на себя внимание размещение четырёх наконечников: одного — у левого плеча, возле фибулы и двух бусин, ещё одного — справа от таза, и двух — слева у таза. Отметим, нестандартное размещение наконечников стрел не раз отмечено в скифских погребальных комплексах на левобережье Нижнего Днестра.

Так, в погребении *Глиное/Водовод 6/1* (рубеж IV–III вв. до н. э.) единственный наконечник стрелы был найден к северу от левого плеча ребенка 10–11 лет, острием на запад — в сторону головы. Очевидно, что стрела была положена вдоль тела [Синика, Тельнов, Лысенко 2018д: 73, 76, рис. 2: 2, 4].

В захоронении *Глиное/Водовод 7/5* (первая треть III в. до н. э.) на тело ребенка 11–12 лет были положены две стрелы: одна поперек таза, вторая — поперек коленей [Синика, Лысенко, Тельнов, Разумов 2019а: 379, 382, 387, рис. 8: 2, 6, 7].

В катакомбе *Глиное/Водовод 8/2* (рубеж IV–III вв. до н. э.) один из наконечников стрел лежал острием на юг, перпендикулярно телу ребенка (стрела положена по линии север–юг за головой ребенка, под деревянное блюдо с жертвенной пищей и ножом); второй найден у левого локтя, острием на восток (стрела положена у правого плеча); третий находился на правом крыле таза, под фалангами правой кисти, острием на юго-запад (верхняя часть стрелы зажата в кисти правой руки). Возможно, железный наконечник стрелы был положен на перекрытие погребения *Глиное/Водовод 8/4* рубежа IV–III вв. до н. э. [Синика, Тельнов, Лысенко 2018в: 236, 238, 241–242, рис. 1: 6, 8, 9, 11; 3: 1, 3].

На могильнике III–II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского района в погребении 12/2 (ребенка 4 лет) одна стрела была положена острием влево поперек грудной клетки таким образом, что её наконечник был зафиксирован у левого плеча; вторая — лежа-

ла острием вправо, поперек бёдер [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 121]. Так же, поперек бёдер, острием вправо, лежала стрела, найденная на костяке 2 (девочки 6–9 лет) в северной погребальной камере катакомбы 116/1 [Синика, Тельнов 2018б: 229, рис. 5: 5]. Наконечник у левого локтя ребенка 9–10 лет [Lukasik 2019а: 6–7] из захоронения *Глиное/Водовод 13/1* свидетельствует, что стрела была положена слева от погребённого, острием в сторону его головы.

Перечисленные комплексы указывают на существование у скифов какой-то нормы обряда, регламентировавшей размещение стрел поверх тел детей или возле них. При этом нет сомнений, что эта норма не фиксировала принадлежность детей к воинскому сословию.

Однако известны и погребения взрослых, где отмечено нестандартное размещение наконечников стрел. В частности, в захоронении *Глиное/Водовод 15/5* единственный наконечник стрелы был найден в вертикальном положении (втулкой вверх) между правыми плечевым суставом и лопаткой погребённого возрастом не менее 50 лет [Lukasik 2019а: 9], при этом на костях нет никаких следов окисления бронзы. По всей видимости, этот наконечник упал с перекрытия ямы. Данный комплекс (как и другие, где на перекрытии лежали иные предметы), очевидно, отражает обычай помещения напутственных даров на перекрытие погребального сооружения [Синика и др. 2019в: 283–284, 292, рис. 2: 1, 3].

Две стрелы были воткнуты в дно погребальной камеры (у её входа и у противоположной стенки) катакомбы *Глиное/Водовод 11/2*. При этом у левого бедра мужчины 35–50 лет [Lukasik 2019а: 4] находился колчаный набор. В захоронении мужчины 35–40 лет *Глиное/Водовод 13/3* [Lukasik 2019а: 8] один наконечник лежал у правого плеча, второй — у левого крыла таза, третий — ниже правого тазобедренного сустава, с внутренней стороны бедренной кости. И в этом комплексе зафиксирован колчаный набор у левого бедра погребённого.

Кроме того, в 2018 г. было изучено погребение *Глиное/Сад 11/4*, в котором вертикально у правого локтя и у левого запястья погребённого, остриями вниз, на 12 см выше дна ямы располагались по одному бронзовому трёхлопастному наконечнику

стрел (упали с перекрытия ямы). В непо тревоженном захоронении, помимо прочего инвентаря, был найден и традиционно женский — керамическое пряслице, ожерелье из стеклянных бусин и бронзовое зеркало. При этом справа от таза погребённой возрастом 20–35 лет [Łukasik 2019б: 3] были найдены в виде компактного скопления шесть наконечников стрел остриями вниз, наклонно, также на 12 см выше дна ямы и у её северной стенки. По всей видимости, это колчаный набор, упавший с перекрытия ямы либо из колчана, подвешенного к её стенке. В этом случае у нас есть все основания считать данный комплекс захоронением скифской «амазонки». В полной мере данное заключение относится и к публикуемому погребению *Глиное/Водовод 10/3*. Несмотря на то, что антропологом ввиду возраста (15–20 лет [Łukasik 2019а: 3]) пол погребённого не был определён, о том, что это женщина, свидетельствует инвентарь — два керамических пряслица за головой погребённой и пара бронзовых лировидных подвесок — у висков. Кроме того, у левого бедра в колчане лежали 20 наконечников стрел.

Орудия труда из кургана *Глиное/Водовод 10* представлены абразивом из детского погребения 2, а также двумя пряслицами, железной иглой и железным ножом из женского захоронения 3.

Абразивный инструмент из погребения *Глиное/Водовод 10/2* является довольно редкой находкой в скифских погребальных памятниках Северо-Западного Причерноморья. В настоящее время в регионе их известно не более 20 [Синика и др. 2019в: 285]. Обстоятельства находки абразива в захоронении *Глиное/Водовод 10/2* (в верхней части заполнения) позволяют считать, что изначально он лежал на перекрытии. Такая же ситуация ранее была отмечена в погребениях рубежа IV–III вв. до н. э. *Глиное/Водовод 6/1* [Синика, Тельнов, Лысенко 2018д: 73, рис. 2: 7] и *Глиное/Водовод 7/4* [Синика и др. 2019а: 374, 383–384, рис. 6: 14]. Во всех этих случаях в очередной раз зафиксирован обычай помещения предметов на перекрытие ям.

Два лепных пряслица и железная игла из погребения *Глиное/Водовод 10/3* были обнаружены возле верхней части чернолакового канфара, которая в данном комплек-

се использовалась в качестве контейнера для орудий труда, связанных с прядением и шитьём. Подобный обряд зафиксирован в пяти погребениях (10/10, 61/1, 62/3, 114/2, 118/26) могильника *Мамай-Гора* [Андрух, Тошев 1999: 79, рис. 21: 2; Андрух 2001: 50, 58, 184, 194, рис. 76: 3; 80: 1] IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье и в захоронении 16/2 группы *Аккермень I* [Вязьмитина та ин. 1960: 65, рис. 47] в Северном Приазовье, где внутри или возле деревянных сосудов находились пряслица и шилья.

В 2015 г. на левобережье Нижнего Днестра в погребении *Глиное/Сад 4/6* (рубеж IV–III в. до н. э.) возле лепной чашки были найдены два пряслица и шило [Синика, Тельнов, Лысенко 2018а: 113, 115]. Однако самое большое число находок чашек вместе с пряслицами, шильями и иглами (22 случая в 21 захоронении) было сделано на левобережье Нижнего Днестра на могильнике III–II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского района [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 840].

Из посуды в публикуемом кургане обнаружены придонная часть горшка (погребение 1), лепной горшок, лепной кувшин, дно чернолакового сосуда (захоронение 2), и чернолаковый канфар (погребения 3). Необходимо обратить внимание на вторичное использование трёх сосудов. Придонная часть горшка из захоронения 10/1 использовалась в качестве чашки, кольцевой поддон чернолакового сосуда из погребения 10/2 — также в качестве чашки, верхняя часть чернолакового канфара из женской могилы 10/3 — как контейнер для орудий труда, связанных с прядением и шитьём, а тулово (со следами длительного использования, с отбитыми ручками) — как чашка для питья.

Оба лепных сосуда из погребения *Глиное/Водовод 10/2* свидетельствуют о фракийском влиянии на скифскую материальную культуру во второй половине IV в. до н. э. Лепной кувшин из данного комплекса имеет ручку, возвышающуюся над венчиком. Такие ручки являются характерной частью различных сосудов (черпаков, кувшинов, канфаров) из фракийских памятников Румынии VI–III вв. до н. э. [Moscalu 1983: pl. LXXI–LXXIII].

В скифских погребальных памятниках Северо-Западного Причерноморья до настоящего времени было известно всего 11

лепных кувшинов с подобными ручками. На левобережье Нижнего Дуная это сосуды из захоронений *Табаки 1/1* [Субботин и др. 1992: 6, рис. 4: 3] и *Курчи 24/1* [Андрух, Чернов 1990: 155, рис. 1: 24]. На правобережье Нижнего Днестра это кувшин из катакомбы *Мерены 1/7* [Дергачев, Сава 2003: 537, рис. 10: 2], на левобережье — сосуды из погребения *Буторы 1 4/1* [Синика, Разумов, Тельнов 2013: 44, 114, рис. 21: 4], из кургана 5 у г. Дубоссары [Кетрару и др. 2014: 58, 202, рис. 46: 6], из захоронений *Глиное/Водовод 16/4* и *Глиное/Сад 13/3* [Синика, Тельнов, Разумов 2019: 23–25, рис. 1: 3; 2: 2], а также из катакомб *33/1*, *46/4*, *53/1* и *67/5* могильника у с. Глиное [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 975].

Горшок из погребения *Глиное/Водовод 10/2* орнаментирован под шейкой валиком, расчленённым пальцевыми вдавлениями. Сосуды с таким декором широко известны на фракийских памятниках. В частности, они происходят из гетского могильника *Ханска* [Никулицэ 1972: 113, рис. 6: б], с городища *Сахарна Маре* [Niculiț, Zapoci, Arpăuț 2008: 103, fig. 93: 11] на Среднем Днестре и с городища *Новосельское II* на Нижнем Дунае [Брюяко 2009: рис. 5: 5, 9].

Орнамент в виде валика под шейкой, расчленённого косыми насечками, присутствует на кувшине из могилы *Курчи 24/1* [Андрух, Чернов 1990: 155, рис. 1: 24] на левобережье Нижнего Дуная. Из скифских погребальных памятников на левобережье Нижнего Днестра подобный декор известен на фрагментах шести горшков (корчаг) из могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 155–156, 209, 523, 558, 603, 619, 977, рис. 69: 2; 103: 2; 295: 4; 314: 11; 341: 7; 351: 3].

Набор украшений из кургана 10 группы *Водовод* достаточно скромный. Это ожерелье из стеклянных бусин и серебряное кольцо из погребения 1; ожерелье из стеклянных бусин — из захоронения 2; пара бронзовых лировидных подвесок, ожерелье из стеклянных бусин, бисера и раковин, браслет из стеклянных бусин и бронзовой пронизи — из погребения 3.

Отметим здесь, что раковины трёхзубой улитки (*Chondrula tridens*) из комплекса *Глиное/Водовод 10/3* являются первой подобной находкой в скифских захоронениях Северо-Западного Причерноморья. Ранее

уже отмечалось, что встречаются раковины, как правило, в женских и детских захоронениях в составе ожерелий и браслетов [Синика, Закордонец 2018: 81–84].

Наряду с раковинами в состав ожерелья женщины входили и шесть бисерин. Подобные изделия крайне редки в скифских комплексах Северо-Западного Причерноморья V–IV в. до н. э. Они известны только в 15 погребениях: *Нагорное 11/3* [Андрух, Суничук 1987: 43, рис. 4: 11]; *Кугурлуй 5/1* [Гудкова, Суничук 1985: 31, табл. 68: 9, 10], *Мреснота Могила 8/1* и *15/1* [Гудкова и др. 1985: 83, 91, рис. 50: 11; 55: 6] на левобережье Нижнего Дуная; *Хаджидер 1 3/1* [Субботин и др. 1992: 23, рис. 20: 17] в Дунай-Днестровском междуречье; *Никольское 4/6* [Агульников, Сава 2004: 44], *Глиное/Водовод 7/3*, *7/4* [Синика и др. 2019а: 374, 377, 385–386, рис. 5: 23; 7: 3в], *9/2* [Синика и др. 2019б: 9, рис. 3: 7, 14], *13/2*, *16/5*, *Глиное/Сад 6/1* [Sinika, Lysenko, Telnov 2017: 161, 165–166, fig. 3: 5b–m], *11/2* и *11/4* на левобережье Нижнего Днестра, а также *5/1* у с. Неделково [Редина 1999: 77] в Днестровско-Бугском междуречье.

В более позднее время (III–II вв. до н. э.) на левобережье Нижнего Днестра (могильник *Глиное*) отмечено тотальное доминирование бисера в ожерельях, а также его присутствие в других составных украшениях, связанных исключительно с женскими и детскими костюмами и не встреченных на мужских [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 850, 853, 858, 868, 874, 876–877, 884].

Бронзовая пронизь, обнаруженная в составе браслета в погребении *Глиное/Водовод 10/3*, по всей видимости, играла роль зажима для шнура, на котором находились 18 стеклянных бусин. Отметим, что совершенно достоверно подобная ситуация была отмечена в погребении *116/1* могильника у с. Глиное, где бронзовая пронизь, обжатая бронзовым кольцом, зажимала кожаный шнурок, на который были надеты восемь стеклянных бусин [Синика, Тельнов 2018б: 243, рис. 13: 6, 7].

Однако наибольшее внимание среди всех украшений привлекает пара бронзовых лировидных подвесок с коническими шишечками на окончаниях из женского погребения кургана 10 группы *Водовод*. Это первая подобная находка в Поднестровье. Ранее подобные изделия в Северо-За-

падном Причерноморье были известны только западнее: на левобережье Нижнего Дуная — *Граदेशка 15/1* [Островерхов, Редина 2013: рис. 99: 16], *Кугурлуй 8/1, 17/2* [Гудкова, Суничук 1985: 35, 46, табл. 75: 1, 2; 97: 5, 6] и *31/1* [Островерхов, Редина 2013: рис. 99: 15], *Мреснота Могила 9/1* [Редина 2000: 246–247, рис. 2: 1] и *21/2* [Гудкова и др., 1985: 99, рис. 60: 3], *Табаки 3/1* [Субботин и др., 1992: 8, рис. 6: 4]; в Дунай-Днестровском междуречье — *Дивизия 20/2* [Субботин и др. 1992: 18, рис. 15: 21]⁶, *Хажидер I 3/1* [Субботин и др. 1992: 23, рис. 20: 2, 3].

Суммарная дата комплексов укладывается в интервал второй половины IV–III в. до н. э. Окончания всех указанных лировидных подвесок увенчаны такими же простыми коническими навершиями, как и окончания браслетов, серёг, височных колец и фибул фракийского типа или изготовленных во фракийской традиции [Синика, Четвериков, Тельнов 2016: 975; Синика, Тельнов 2018в: 164–165, 169–170, рис. 1: 1, 3, 8].

Аналогичные бронзовые подвески известны в погребении *312* некрополя *Аполлонии* [Младенова 1963: 297, обр. 105, № 933], а также в гетском погребении 61 могильника *Истрия-«Бент»* [Teleagă, Zîtra 2003: 23, Taf. 9: 4; 23: 1] в Западном Причерноморье.

Аксессуары костюма из кургана *Глиное/Водовод 10* представлены тремя фибулами, свидетельствующими о фракийском влиянии на скифскую материальную культуру. Две из них обнаружены в детском захоронении *10/2*, а третья — в женском погребении *10/3*. Именно такие фибулы (с одной одновитковой и односторонней пружиной, с изогнутой спинкой и коническим выступом на окончании ножки) считаются фибулами фракийского типа [Spănu 2013: 146–148; Zîtra 2016: 117].

Помимо трёх изделий из кургана *Глиное/Водовод 10* на левобережье Днестра, в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья известно ещё 34 фибулы фракийского типа из 26 комплексов. На левобережье Нижнего Дуная это 22 захоронения:

Владычень-I 11/1, 13/2 [Фокеев 1990: 16, 18–19, рис. 17: 3; 21: 1], *Граदेशка 7а/1* (2 экз.), *10/1* (2 экз.), *15/1* (3 экз.) [Гудкова, Суничук 1985: 72–74, 84, 89–90, табл. 132: 13, 14; 134: 3, 4; 150: 1–4; 157: 11–13; 158: 3], *Дервент 5/1* [Гудкова, Суничук 1985: 7, табл. 22: 3, 4], *Котловина-I 5/1, 6/1* [Фокеев 1991: 16, 18, рис. 23: 3; 26: 1], *Кугурлуй 4/2, 8/1, 9/1, 13/1, 17/2, 19/1, 26/2* (2 экз.), *31/1* [Гудкова, Суничук 1985: 30, 35–36, 41, 46, 50, 59, 66, табл. 67: 9, 10; 73: 7, 8; 77: 1; 86: 4, 5; 97: 4; 102: 10, 11; 116: 6–9; 125: 3], *Мреснота Могила 8/1* (2 экз.), *20/1, 21/2* (3 экз.), *23/2, 24/2* [Гудкова и др. 1985: 82–83, 96, 99–100, 103, 105, рис. 50: 3; 57: 12; 58: 10; 59: 9, 16; 61: 12; 62: 6], *Чауш 14/1* [Суничук 1985: 42, рис. 3: 4].

Ещё четыре погребения с фракийскими фибулами исследованы на левобережье Нижнего Днестра: *Глиное/Водовод 2/12, Глиное/Сад 7/5, 8/1* [Синика, Тельнов 2018в: 169–170, рис. 1: 1–3]; *Красное 8/1* [Серова, Яровой 1987: 42, рис. 19: 4]. Суммарная дата указанных захоронений определяется второй половиной IV – первой половиной III в. до н. э.

Заметим, что в детской могиле *Глиное/Водовод 10/2* и в женском захоронении *Глиное/Водовод 10/3* найдены фибулы, плоская спинка которых покрыта сплошным орнаментом в виде штампованных прямоугольников. Такие фибулы имеют прямые аналогии только в двух погребениях на левобережье Нижнего Дуная: *Владычень-I 11/1* [Фокеев 1990: 16, рис. 17: 3] и *Котловина-I 5/1* [Фокеев 1991: 16, рис. 23: 3].

Последний комплекс был впущен в скифскую насыпь не ранее начала 30-х гг. IV в. до н. э., поскольку основные захоронения кургана датируются на основании фассосского клейма ([Θάσιον] | Заяц↑→. | [Πε(-) / Πυλ]ἀδ[ης]) изо рва [Фокеев 1991: 17, рис. 25: 5, 13] не ранее конца 40-х гг. IV в. до н. э. [Кац 2007: 416, прил. II]⁷.

В завершении анализа погребального инвентаря отметим находку кусочка жёлтой охры в детском погребении *Глиное/Водовод 10/1*.

Охра является крайне редкой находкой в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья. Так, «кусочек ярко-алого

⁶ В засыпи этой могилы было обнаружено изделие, названное «фрагментом бронзовой иглы» [Субботин и др. 1992: 18]. Как представляется, на самом деле это часть бронзовой лировидной подвески — одно из её окончаний.

⁷ Благодарим М. В. Иващенко (г. Саратов, РФ) за полное восстановление легенды клейма.

минерала» был зафиксирован в погребении 1/1 (рубежа V–IV вв. до н. э. [Синика 2017: 310]) группы *Червоный Яр II* на Нижнем Дунае [Гудкова 1978: 188].

Не позднее конца V в. до н. э. была сооружена катакомба *Глиное/Сад 13/3*, где следы красной охры отмечены на каменной плите. Во второй четверти IV в. до н. э. было совершено захоронение *Глиное/Водовод 14/3*, в котором кусочек жёлтой охры обнаружен справа у таза погребённой. Кусок жёлтой охры был найден в потревоженной могиле второй половины IV в. до н. э. *Глиное/Сад 5/1* [Sinika, Lysenko, Telnov 2017: 160, 162–163, fig. 2: 8].

Следы красной охры на лицевых костях черепа отмечены в погребениях первой половины III в. до н. э. *Градешика 15/1* [Гудкова, Суничук 1985: 89] и *Котловина-I 6/1* [Фокеев 1991: 18] на левобережье Нижнего Дуная. Наконец, следы красной охры зафиксированы в девяти захоронениях скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное: *53/1* — пятна во входной яме катакомбы на уступах; *13/1*, *31/1* и *69/2* — на каменных плитах; *32/1* — у кисти левой руки; *116/1* — у правого плеча; *71/1* — под тазом погребённого; *89/3* и *111/2* — следы раскраски на лицевых костях черепа [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 924].

Датировка комплекса

При датировке кургана 10 группы *Водовод* наибольшее значение имеет кубковидный канфар из погребения 3. Время изготовления таких сосудов на основании ближайшей аналогии из Афинской агоры (по профилю, метрическим характеристикам и наличию треугольного орнамента под основаниями ручек) определяется второй четвертью IV в. до н. э. [Spakes, Talcott 1970: 118–119, 283–284, pl. 28, cat. 670]⁸.

Однако очевидно, с учётом отмеченных выше следов длительного использования (потёртостей, отбитых ручек, раздельного использования в погребальном обряде верхней и нижней части сосуда), канфар из захоронения *Глиное/Водовод 10/3* попал в захоронение позже — не ранее третьей четверти IV в. до н. э. Подобная ситуация фиксиро-

валась в скифских погребальных комплексах неоднократно, что уже подчёркивалось в литературе [Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 937–945; Синика, Тельнов 2016а: 48; Синика, Тельнов 2016б: 265].

Кроме того, о датировке публикуемого кургана именно третьей четвертью IV в. до н. э. свидетельствует упомянутое выше захоронение *Котловина-I 5/1* (не ранее начала 30-х гг. IV в. до н. э.) на левобережье Нижнего Дуная, где была обнаружена фракийская фибула, идентичная найденным в захоронениях *Глиное/Водовод 10/2* и *10/3*.

Выводы

Совокупность данных, полученных при исследовании публикуемого кургана, не просто уточняет картину скифского присутствия в Северо-Западном Причерноморье, но и позволяет обратить внимание на целый ряд элементов погребального обряда и материальной культуры, которые ранее фиксировались крайне редко либо вовсе не встречались в регионе. Это сочетание основных подбоев и впускных ям под одной курганной насыпью, практика сооружения символических погребальных сооружений (кенотафов), деление пространства погребального сооружения на две зоны, обычай помещения напутственных даров на перекрытие погребального сооружения, использование части гончарного сосуда в качестве контейнера для орудий труда и предметов, связанных с шитьём и прядением.

Некоторые вещевые находки (два лепных сосуда, три фибулы фракийского типа, лировидные подвески) свидетельствуют, что материальная культура скифов Северо-Западного Причерноморья, по меньшей мере, со второй половины IV в. до н. э. испытывала заметное фракийское влияние, сохраняя, однако, при этом свою самобытность.

При этом, как демонстрируют материалы из кургана *Глиное/Водовод 10* на левобережье Нижнего Днестра и указанные им аналогии из левобережного Попрутья, левобережного Подунавья и Дунай-Днестровского междуречья, скифская культура региона обладает значительно большим единством, нежели это представлялось ранее.

⁸ Благодарим канд. ист. наук Т. В. Егорову (г. Москва, РФ) за указание аналогии.

Источники

- Гудкова и др. 1985 — *Гудкова А. В., Тоцев Г. Н., Фокеев М. М., Андрух С. И.* Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1984/158. 1985.
- Гудкова, Суничук 1985 — *Гудкова А. В., Суничук Е. Ф.* Полевой отчёт Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1984/3а. 1985.
- Фокеев 1990 — *Фокеев М. М.* Отчёт о раскопках Владыченьской экспедиции: могильник Владычень 1 // Научный архив ИА НАН Украины. № 1989/51. 1990.
- Фокеев 1991 — *Фокеев М. М.* Отчёт о раскопках 1990 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1990/61. 1991.
- Фокеев, Рандсборг, Руссев 2000 — *Фокеев М. М., Рандсборг К., Руссев Н. Д.* Полевой отчет Буджакской археологической экспедиции за 1999 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1999/63.
- Łukasik 2019a — *Łukasik S.* Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9–16. Poznań, 28 January 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.
- Łukasik 2019b — *Łukasik S.* Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova: barrows 11–14. Poznań, 10 January 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.
- Gudkova A. V., Toshchev G. M., Fokeev M. M., Andrukh S. I. [Fieldwork Report of the Izmail Rescue Expedition: 1984]. At: Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1984/158. (In Russ.)
- Łukasik S. Anthropological Analysis of Human Skeletal Remains from Glinoe Vodovod Site, Moldova: Barrows 9-16. Poznań. January 28, 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. (In Eng.)
- Łukasik S. Anthropological Analysis of Human Skeletal Remains from Glinoe Sad Site, Moldova: Barrows 11-14. Poznań. January 10, 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. (In Eng.)

Литература

- Агульников и др. 2013 — *Агульников С. М., Попович С. С., Церна С. В., Топал Д. А.* Скифский курган № 7 у с. Пуркаръ на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. 2013. № 3. С. 257–284.
- Агульников, Сава 2004 — *Агульников С., Сава Е.* Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинёв: СЕР USM, 2004. 243 с.
- Андрух 2001 — *Андрух С. И.* Могильник Мамай-Гора. Кн. II. Запорожье: ИА НАНУ; ЗНУ, 2001. 282 с.
- Андрух, Суничук 1987 — *Андрух С. И., Суничук Е. Ф.* Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987. С. 38–46.
- Андрух, Тоцев 1999 — *Андрух С. И., Тоцев Г. Н.* Могильник Мамай-Гора. Кн. I. Запорожье: ИА НАНУ; ЗНУ, 1999. 232 с.
- Андрух, Чернов 1990 — *Андрух С. И., Чернов С. И.* Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья // Советская археология. 1990. № 2. С. 149–163.
- Брумяк 2009 — *Брумяк И. В.* От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // *Stratum plus*. (2005–2009). № 3. 2009. С. 329–370.
- Ванчуггов, Субботин, Дзиговский 1992 — *Ванчуггов В. П., Субботин Л. В., Дзиговский А. Н.* Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Киев: Наукова думка, 1992. 92 с.
- Вязьмитина та ін. 1960 — *Вязьмитина М. І., Ллїнська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» // Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. VIII. 1960. С. 22–135.

Sources

- Fokeev M. M. [Report on Excavations of the Vlādăceni Expedition: Vlādăceni 1 Burial Ground]. At: Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1989/51. (In Russ.)
- Fokeev M. M. [Report on Excavations: 1990]. At: Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1990/61. (In Russ.)
- Fokeev M. M., Randsborg K., Russev N. D. [Fieldwork Report of the Budzhak Archaeological Expedition: 1999]. At: Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1999/63. (In Russ.)
- Gudkova A. V., Sunichuk E. F. [Fieldwork Report of the Orlovka Barrow Team, Budzhak Archaeological Expedition: 1984]. At: Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1984/3a. (In Russ.)

- Гудкова 1978 — *Гудкова А. В.* Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1978. С. 182–193.
- Дергачёв, Сава 2003 — *Дергачёв В. А., Сава Е. Н.* Исследование курганов в окрестностях сёл Мерень и Кирка // *Stratum plus*. № 2 (2001–2002). 2003. С. 526–562.
- Кац 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). (Боспорские исследования. XVIII). Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины; Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2007. 480 с.
- Кетрару и др. 2014 — *Кетрару Н. А., Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П.* Дубосарские курганы (Археологические памятники Приднестровья. II). Тирасполь: *Stratum plus*, 2014. 240 с.
- Младенова 1963 — *Младенова Я.* Накитите от некрополя на Аполония // Аполония. Разкопките в некрополя на Аполония през 1947–1949 г. София: Българската академия на науките, 1963. С. 293–304.
- Мозолевский 1973 — *Мозолевский Б. Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев: Наукова думка, 1973. С. 187–234.
- Никулицэ 1972 — *Никулицэ И. Т.* Исследования гетского могильника у с. Ханска-Лутэрия // Археологические исследования в Молдавии в 1968–1969 гг. Кишинёв: Штиинца, 1972. С. 105–121.
- Ольховский 1991 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
- Островерхов, Редина 2013 — *Островерхов А. С., Редина Е. Ф.* Скифские древности // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМИЛ, 2013. С. 374–418.
- Паламарчук, Синика 2014 — *Паламарчук С. В., Синика В. С.* Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка // *Stratum plus*. 2014. № 3. С. 291–302.
- Разумов, Синика 2017 — *Разумов С. Н., Синика В. С.* «Новый» скифский комплекс III в. до н. э. на правом берегу Нижнего Днестра // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22 (3). 2017. С. 6–19.
- Редина 1999 — *Редина Е. Ф.* Скифский могильник Неделково на севере Одесской области // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 75–80.
- Редина 2000 — *Редина Е. Ф.* Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев // Археология та етнологія Східної Європи. Одеса: АстроПринт, 2000. С. 243–252.
- Серова, Яровой 1987 — *Серова Н. Л., Яровой Е. В.* Григориопольские курганы. Кишинёв: Штиинца, 1987. 156 с.
- Синика 2007а — *Синика В. С.* Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 28 с.
- Синика 2007б — *Синика В. С.* Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. 238 с.
- Синика 2017 – *Синика В. С.* Новые находки предметов звериного стиля на левобережье Нижнего Днестра // Поволжская археология. № 3 (21), 2017. С. 141–154.
- Синика, Закордонец 2018 — *Синика В. С., Закордонец О. А.* Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». Т. 28. № 1. 2018. С. 81–87.
- Синика и др. 2019а — *Синика В. С., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Разумов С. Н.* Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // *Stratum plus*. № 3. 2019. С. 365–390.
- Синика и др. 2019б — *Синика В. С., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Разумов С. Н.* Скифский курган второй половины V в. до н. э. в Нижнем Поднестровье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. № 1. 2019. С. 6–19.
- Синика и др. 2019в — *Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н.* Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра // *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic*. Chișinău: Cartdidact, 2019. С. 281–295.
- Синика, Разумов, Тельнов 2013 — *Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П.* Курганы у села Буторы (Археологические памятники Приднестровья. I). Тирасполь: Полиграфист, 2013. 148 с.

- Синика, Тельнов 2016а — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Etniak*. № 4 (16). 2016. С. 45–53.
- Синика, Тельнов 2016б — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV–III вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра // *Новое прошлое*. № 4. 2016. С. 258–272.
- Синика, Тельнов 2017 — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. № 3. 2017. С. 131–152.
- Синика, Тельнов 2018а — Синика В. С., Тельнов Н. П. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья // Самарский научный вестник. Т. 7. № 1 (22). 2018. С. 133–144.
- Синика, Тельнов 2018б — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. // *Древности. Исследования. Проблемы*. Кишинёв; Тирасполь: *Stratum plus*, 2018. С. 223–266.
- Синика, Тельнов 2018в — Синика В. С., Тельнов Н. П. Фракийские украшения и аксессуары костюма из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра (находки 2016–2017 гг.) // *Народы и культуры Нижнего Дуная в древности*. Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. (г. Измаил, 23–26 августа 2018 г.). Измаил: Ирбис, 2018. С. 163–179.
- Синика, Тельнов, Лысенко 2018а — Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // *Вестник Нижневартовского государственного университета*. № 1. 2018. С. 111–119.
- Синика, Тельнов, Лысенко 2018б — Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология»*. № 1. 2018. С. 125–138.
- Синика, Тельнов, Лысенко 2018в — Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д. Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук*. Т. 20, № 3. 2018. С. 234–244.
- Синика, Тельнов, Лысенко 2018г — Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. № 2. 2018. С. 78–93.
- Синика, Тельнов, Лысенко 2018д — Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра // *Записки Института истории материальной культуры Российской Академии наук*. Вып. 18. 2018. С. 69–79.
- Синика, Тельнов, Разумов 2019 — Синика В. С., Тельнов Н. П., Разумов С. Н. Посуда фракийского облика из скифских погребений конца V–IV в. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра (по материалам раскопок 2015 г. и 2018 г.) // *Русин*. № 55. 2019. С. 18–33.
- Субботин и др. 1992 — Субботин Л. В., Островерхов А. С., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев: Препринт, 1992. 48 с.
- Субботин, Разумов, Синика 2017 — Субботин Л. В., Разумов С. Н., Синика В. С. Семёновские курганы (Археологические памятники Приднестровья. IV). Тирасполь: *Stratum plus*, 2017. 180 с.
- Суничук 1985 — Суничук Е. Ф. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // *Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья* Киев: Наукова думка, 1985. С. 38–45.
- Тельнов, Четвериков, Синика 2016 — Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III). Тирасполь: *Stratum plus*, 2016. 1096 с.
- Фокеев, Синика, Руссев 2018 — Фокеев М. М., Синика В. С., Руссев Н. Д. Скифские курганы-кенотафы группы Воловарската Могила на левобережье Нижнего Дуная // *Stratum plus*. № 3. 2018. С. 87–102.
- Чеботаренко, Яровой, Тельнов 1989 — Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П. Курганы Буджакской степи. Кишинёв: Штиинца, 1989. 212 с.
- Яровой 1990 — Яровой Е. В. Курганы энеолита — эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 272 с.
- Ceban et al. 2015 — Ceban I., Topal D., Agulnicov S., Popovici S. Tumulul scitic nr. 7 de la Crihana Veche-La Pietricei (r-nul Cahul) // *Arheologia preventivă în Republica Moldova*. II. Chişinău: Bons Offices, 2015. P. 43–58.
- Ciobanu et al. 2018 — Ciobanu I., Simalsik A., Bejenaru L., Pîrnău R. G., Vasiliniuc I., Agulnicov S. Cercetări interdisciplinare privind mormintele scitice din cadrul necropolei tumulare de la Crihana Veche-La Pietricei // *Cercetări interdisciplinare în situările de epoca*

- fierului din spațiul tiso-nistrean. Materialele colloquium-ului de vară de la Saharna. 13–16 iulie 2017. Cluj-Napoca: Mega, 2018. Pp. 81–118.
- Mateevici 2007 — *Mateevici N.* Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a Chr. (Biblioteca «Tyragetia». XIV). Chișinău: Bons Offices, 2007. 284 p.
- Moscalu 1983 — *Moscalu E.* Ceramica traco-getică (Biblioteca muzeologică). București: Muzeul național de istorie, 1983. 516 p.
- Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008 — *Niculiță I., Zanoci A., Arnăuț T.* Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). (Biblioteca «Tyragetia». XVIII). Chișinău: Bons Offices, 2008. 408 p.
- Sinika, Lysenko, Telnov 2017 — *Sinika V. S., Lysenko S. D., Telnov N. P.* Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the Left Bank of the Lower Dniester // *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. № 4 (2).* 2017. Pp. 156–173.
- Spănu 2013 — *Spănu D.* Fibule „de tip hibrid”? // *Materiale și cercetări arheologice. S. n. IX,* 2013. Pp. 145–156.
- Sparkes, Talcott 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries B. C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, NJ: Princeton Academic Press, 1970. 472 p.
- Teleaga, Zirra 2003 — *Teleaga E., Zirra V.* Die Nekropole des 6. – 1. Jhs. V.Chr. Von Istria Bent bei Histria: Archäologische Untersuchungen zur Bevölkerung in der westlichen Schwarzmeerregion (Internationale Archäologie. Bd. 83). Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag, 2003. 200 s.
- Zirra 2016 — *Zirra V. V.* Obiecte și interpretări. În legătură cu „mesajul” fibulelor „hibride” // *Materiale și cercetări arheologice. S. n. XII,* 2016. Pp. 116–121.
- Andrukh S. I., Chernov S. I. New Scythian sites in the Danube-Dniester interfluvium. *Sovetskaya arkheologiya.* 1990. No. 2. Pp. 149–163. (In Russ.)
- Andrukh S. I., Sunichuk E. F. Graves of noble Scythians in the Lower Danube region. In: [New Investigations into the Archaeology of Northern Pontic Region]. Kiev: Naukova Dumka, 1987. Pp. 38–46. (In Russ.)
- Andrukh S. I., Toshchev G. N. [Necropolis of Mamai-Gora]. Vol. I. Zaporizhzhya: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Zaporizhzhya National University, 1999. 232 p. (In Russ.)
- Bruyako I. V. From Scythia to Sarmatia: ten years later. *Stratum plus.* 2009. No. 3 [2005-2009]. Pp. 329–370. (In Russ.)
- Ceban I., Topal D., Agulnicov S., Popovici S. Scythian burial no. 7 from Crihana Veche-La Pietricei (Cahul District). In: [Preventive Archaeology in the Republic of Moldova]. Vol. II. Chișinău: Bons Offices, 2015. Pp. 43–58. (In Mold.)
- Chebotarenko G. F., Yarovoi E. V., Telnov N. P. [Barrows of the Budjak Steppe]. Kishinev: Știința, 1989. 212 p. (In Russ.)
- Chetraru N. A., Sinika V. S., Razumov S. N., Telnov N. P. [Dubossary Barrows: Archaeological Sites of the Dniester Region – II]. Tiraspol: Stratum Plus, 2014. 240 p. (In Russ.)
- Ciobanu I., Simalcsik A., Bejenaru L., Pîrnău R. G., Vasiliu I., Agulnicov S. Interdisciplinary studies of Scythian burials from the necropolis of Crihana Veche-La Pietricei. In: [Interdisciplinary Studies in Iron Age Sites of Transnistria]. Colloquium proc. (Saharna; July 13–16, 2017). Cluj-Napoca: Mega, 2018. Pp. 81–118. (In Mold.)
- Dergachev V. A., Sava E. N. Investigating barrows near the villages of Mereni and Kirka. *Stratum plus.* 2003. No. 2 [2001–2002]. Pp. 526–562. (In Russ.)
- Fokeev V. V., Sinika V. S., Russev N. D. Scythian barrows-cenotaphs of the Volovarskata Mogila group on the left bank of the Lower Danube. *Stratum plus.* 2018. No. 3. Pp. 87–102. (In Russ.)
- Gudkova A. V. Excavating barrows near Chervony Yar in the Lower Danube Region. In: [Archaeological Studies of the Northwestern Black Sea Region]. Kiev: Naukova Dumka, 1978. Pp. 182–193. (In Russ.)
- Kats V. I. [Greek Ceramic Classic and Hellenistic Stamps: a Comprehensive Study. (Bosporan Studies. XVIII)]. 2007. 480 p. (In Russ.)

References

- Agulnicov S. M., Popovici S. S., Terna S. V., Topal D. A. A Scythian barrow 7 near Purcari in the Lower Dniester. *Stratum plus.* 2013. No. 3. Pp. 257–284. (In Russ.)
- Agulnicov S., Sava E. [Investigating Barrows on the Left Bank of the Dniester]. Kishinev: CEP USM, 2004. 243 p. (In Russ.)
- Andrukh S. I. [Necropolis of Mamai-Gora]. Vol. II. Zaporizhzhya: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Zaporizhzhya National University, 2001. 282 p. (In Russ.)

- Mateevici N. Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a Chr. (Biblioteca 'Tyragetia'. XIV). Chișinău: Bons Offices. 284 p. (In Mold.)
- Mladenova Ya. Adornments from the Apollonia necropolis. In: [Apollonia: Excavations of the Apollonia Necropolis, 1947–1949]. Sofia: Bulgarian Academy of Science, 1963. Pp. 293–304. (In Bulg.)
- Moscalu E. [Thracian-Gothic Ceramics. (Biblioteca muzeologică)]. Bucharest: National Historical Museum, 1983. 516 p. (In Rom.)
- Mozolevsky B. N. Scythian graves near Nagornoe village, next to Ordzhonikidze town, Dnieper Region. In: [Scythian Antiquities]. Kiev: Naukova Dumka, 1973. Pp. 187–234. (In Russ.)
- Niculiță I. T. Investigating the Getae cemetery near Hanska-Lutarie. In: [Archaeological Investigations in Moldova: 1968-1969]. Chișinău: Știința, 1972. Pp. 105–121. (In Russ.)
- Niculiță I., Zănoici A., Arnăuț T. Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). (Biblioteca 'Tyragetia'. XVIII). Chișinău: Bons Offices, 2008. 408 p. (In Mold.)
- Olkhovsky V. S. [Population of Steppe Scythia (7th–3rd centuries BC): Funeral and Commemorative Rites]. Moscow: Nauka, 1991. 256 p. (In Russ.)
- Ostroverkhov A. S., Redina E. F. Scythian antiquities. In: [Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Region]. Odessa: SMIL, 2013. Pp. 374–418. (In Russ.)
- Palamarchuk S. V., Sinika V. S. Scythian burials from the barrows of Izmail city and those located near Kamyshovka village. *Stratum plus*. 2014. No. 3. Pp. 291–302. (In Russ.)
- Razumov S. N., Sinika V. S. "New" Scythian complex of the 3rd century BC on the right bank of the Lower Dniester Region. *Science Journal of Volgograd State University*. Ser. 'History. Area Studies. International Relations'. 2017. Vol. 22. No. 3. Pp. 6–19. (In Russ.)
- Redina E. F. Lower Danube in the system of the Scythian-Thracian cultural contacts. In: [Archaeology and Ethnology of Eastern Europe]. Odessa: AstroPrint, 2000. Pp. 243–252. (In Russ.)
- Redina E. F. Scythian cemetery Nedelkovo in the north of the Odessa region. *Stratum plus*. 1999. No. 3. Pp. 75–80. (In Russ.)
- Serova N. L., Yarovoi E. V. [Grigoriopol Barrows]. Kishinev: Știința, 1987. 156 p. (In Russ.)
- Sinika V. S. [Burial Sites of Scythian Culture of the 7th – Early 3rd Centuries BC in the Territory of Dniester-Prut-Danube Steppes]. A Cand.Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2007. 28 p. (In Russ.)
- Sinika V. S. [Burial Sites of Scythian Culture of the 7th – Early 3rd Centuries BC in the Territory of Dniester-Prut-Danube Steppes]. A Cand.Sc. (history) thesis. Moscow, 2007. 238 p. (In Russ.)
- Sinika V. S. Newly discovered items of the zoomorphic style from the left bank of the Lower Dniester. *The Volga River Region Archaeology*. 2017. No. 3 [21]. Pp. 141–154. (In Russ.)
- Sinika V. S., Lysenko S. D., Telnov N. P., Razumov S. N. Scythian barrow 7 of the 'Vodovod' group in the Lower Dniester Region. *Stratum*. 2019. No. 3. Pp. 365–390. (In Russ.)
- Sinika V. S., Lysenko S. D., Telnov N. P., Razumov S. N. Scythian barrow of the second half of the 5th century BC in the Lower Dniester Region. *Science Journal of Volgograd State University*. Ser. 'History. Area Studies. International Relations'. 2019. Vol. 24. No. 1. Pp. 6–19. (In Russ.)
- Sinika V. S., Lysenko S. D., Telnov N. P. Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the 'Garden' group on the Left Bank of the Lower Dniester. *Tractus Aevorum: The Evolution of Sociocultural and Political Space*. 2017. No. 4 (2). Pp. 156–173. (In Eng.)
- Sinika V. S., Razumov S. N., Telnov N. P. [Barrows near Butory Village (Archaeological Sites of the Dniester Region. I)]. Tiraspol: Poligrafist, 2013. 148 p. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P. Barrow 5 of the Vodovod group on the left bank of the Lower Dniester and Scythian cenotaphs of the North-West Black Sea region. *Samara Journal of Science*. 2018. Vol. 7. No. 1 (22). Pp. 133–144. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P. Scythian barrow 1 of the 'Vodovod' group on the left bank of the Lower Dniester. *Eminak*. 2016. No. 4 (16). Pp. 45–53. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P. Scythian barrow 116 of the first half of the 3rd century BC near Glineo village. In: [Antiquities. Studies. Issues]. Kishinev, Tiraspol: Stratum Plus, 2018. Pp. 223–266. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P. Scythian burial with tamga of the turn of the 4th – 3rd centuries BC from the left bank of the Lower Dniester. *The New Past*. 2016. No. 4. Pp. 258–272. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P. The Scythian grave with fibula of the Thracian type from the Lower Dniester region. *Stratum plus*. 2017. No. 3. Pp. 131–152. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P. Thracian adornments and costume accessories from Scythian graves on the left bank of the Lower Dniester (findings of 2016-2017). In: [Peoples and Cultures of

- the Lower Danube in Antiquity]. Izmail: Irbis, 2018. Pp. 163–179. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P., Lysenko S. D. Scythian barrow 7 from the Sad group in the Lower Dniester region. *Proceedings of Voronezh State University. Ser. 'History, Political Sciences, Sociology'*. 2018. No. 1. Pp. 125–138. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P., Lysenko S. D. Scythian barrow 8 of the Vodovod group on the left bank of the Lower Dniester. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 20. No. 3. Pp. 234–244. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P., Lysenko S. D. Scythian barrow with children's burials on the left bank of the Lower Dniester. In: [Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 18. St. Petersburg, 2018. Pp. 69–79 (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P., Lysenko S. D. Scythian burials from barrow 4 of the Sad group on the left bank of the Lower Dniester. *The Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. No. 1, 2018, Pp. 111–119 (In Russ.).
- Sinika V. S., Telnov N. P., Lysenko S. D., Razumov S. N. Scythian grave in a non-standard position on the left bank of the Lower Dniester. In: [The Carpathian-Danube-Pontic Region: Its Contribution to Prehistoric and Ancient History Studies]. Chişinău: Cartdidact, 2019. Pp. 281–295. (In Russ.)
- Sinika V. S., Telnov N. P., Razumov S. N. Thracian type ware from the Scythian burials of the late 5th – 4th century BC from the left bank of the Lower Dniester (excavations of 2015 and 2018). *Rusin*. 2019. No. 55. Pp. 18–33. (In Russ.)
- Sinika V. S., Zakordonets O. A. Shells from the Scythian burials of the Black Sea North-West region. *Bulletin of Udmurt University. Ser. 'History and Philology'*. 2018. Vol. 28. No. 1. Pp. 81–87. (In Russ.)
- Spănu D. 'Mixed type fibre?' *Materiale și cercetări arheologice*. 2013, IX. Pp. 145–156. (In Rom.)
- Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B. C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, NJ: Princeton Academic Press, 1970. 472 p. (In Eng.)
- Subbotin L. V., Ostroverkhov A. S., Okhotnikov S. B., Redina E. F. [Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve]. Kiev: Preprint, 1992. 48 p. (In Russ.)
- Subbotin L. V., Razumov S. N., Sinika V. S. [Semyonovka Barrows (Archaeological Sites of the Dniester Region. IV)]. Tiraspol: Stratum Plus, 2017. 180 p. (In Russ.)
- Sunichuk E. F. Scythian Cemetery Chaush in the Lower Danube. In: [Monuments of Ancient History of the Northwest Pontic]. Kiev: Naukova Dumka, 1985. Pp. 38–45. (In Russ.)
- Teleaga E., Zirra V. Die Nekropole des 6. – 1. Jhs. V. Chr. Von Istria Bent bei Histria: Archäologische Untersuchungen zur Bevölkerung in der westlichen Schwarzmeerregion (Internationale Archäologie. Bd. 83). Rahden/Westf.: M. Leidorf, 2003. 200 p. (In Germ.)
- Telnov N. P., Chetverikov I. A., Sinika V. S. [Scythian Cemetery of the 3rd – 2nd Centuries BC near Glinoe Village. (Archaeological Sites of the Dniester Region. III)]. Tiraspol: Stratum Plus, 2016. 1096 p. (In Russ.)
- Vanchugov V. P., Subbotin L. V., Dzigovsky A. N. [Dniester-Danube Interfluve: Barrows of the Coastal Part]. Kiev: Naukova Dumka, 1992. 92 p. (In Russ.)
- Vyazmitina M. I., Illinska V. A., Pokrovska E. F., Terenozhkin O. I., Kovpanenko G. T. Barrows near Novo-Philipovka village and 'Akkermen' collective farm. In: [Archaeological Sites of the Ukrainian Soviet Socialist Republic]. Vol. VIII. 1960. Pp. 22–135. (In Ukr.)
- Yarovoi E. V. [Barrows of Eneolithic and Bronze Age in the Lower Dniester Region]. Kishinev: Știința, 1990. 272 p. (In Russ.)
- Zirra V. V. 2016. 'Messages' of 'hybrid type' fibre: objects and interpretations. *Materiale și cercetări arheologice*. 2016, XII. Pp. 116–121. (In Rom.)

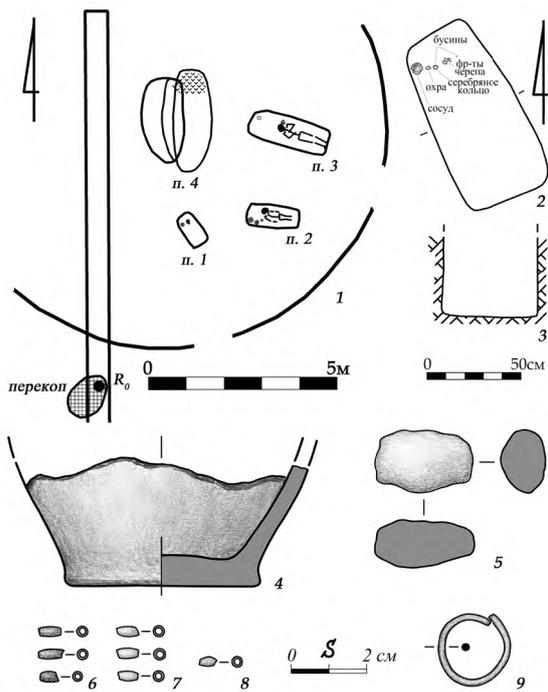

Рис. 1. План кургана 10 группы Водовод на левобережье Нижнего Днестра (1), погребение 1 кургана 10 (2, 3) и инвентарь из него (4–9).

[Fig. 1. Plan of barrow 10, Vodovod Group, on the left bank of the Lower Dniester (1), burial 1 of barrow 10 (2, 3), and grave goods (4–9).]

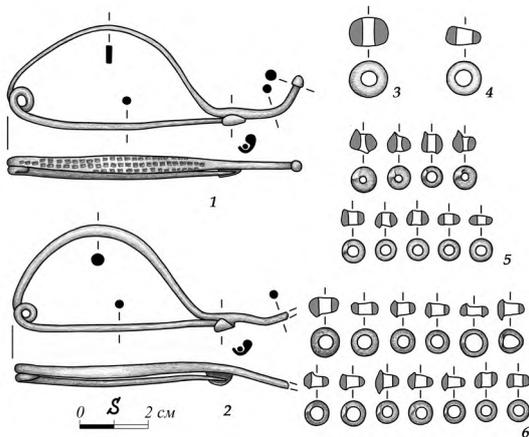

Рис. 3. Инвентарь погребения Глиное/Водовод 10/2.

[Fig. 3. Grave goods from Glinoe/Vodovod burial 10/2]

Рис. 2. Погребение Глиное/Водовод 10/2 (1, 2) и его инвентарь (3–7).

[Fig. 2. Burial Glinoe/Vodovod 10/2 (1, 2), and grave goods (3–7).]

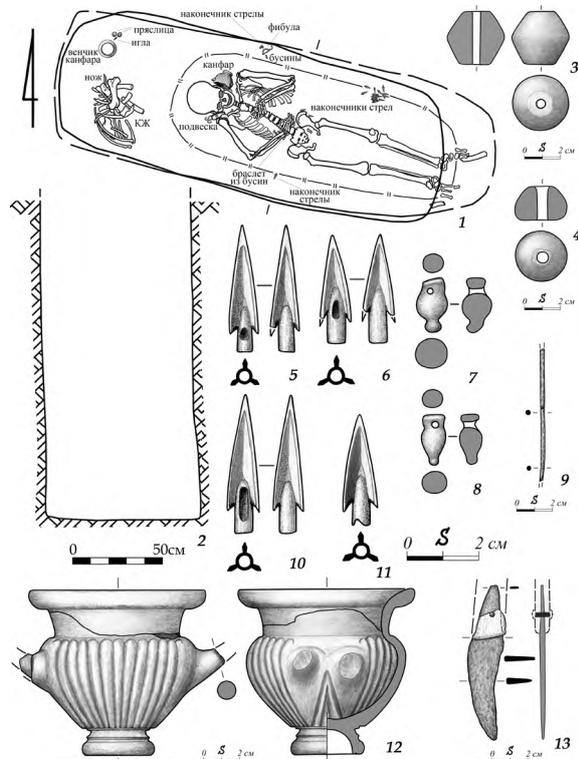

Рис. 4. Погребение Глиное/Водовод 10/3 (1, 2) и его инвентарь (3–13).

[Fig. 4. Burial Glinoe/Vodovod 10/3 (1, 2), and grave goods (3–13).]

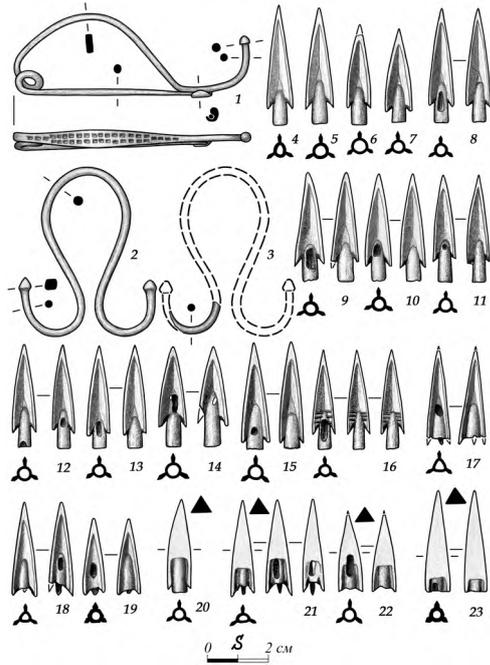

Рис. 5. Инвентарь погребения Глиное/Водовод 10/3. [Fig. 5. Grave goods from Glinoe/Vodovod burial 10/3]

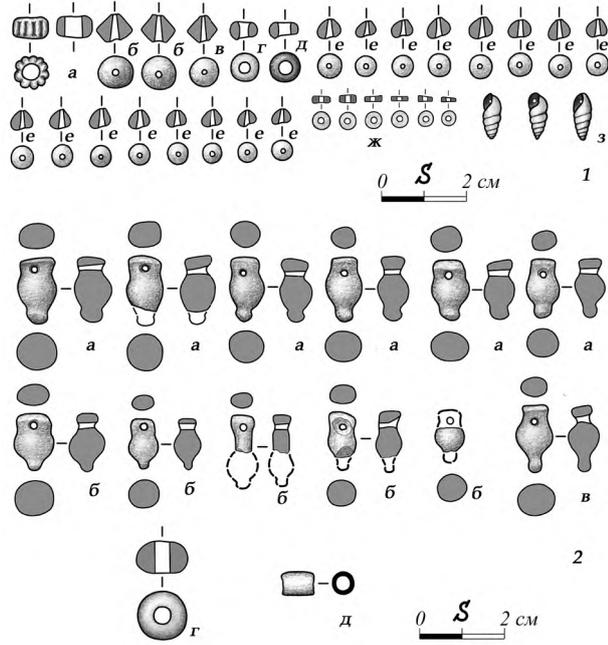

Рис. 6. Инвентарь погребения Глиное/Водовод 10/3. [Fig. 6. Grave goods from Glinoe/Vodovod burial 10/3]

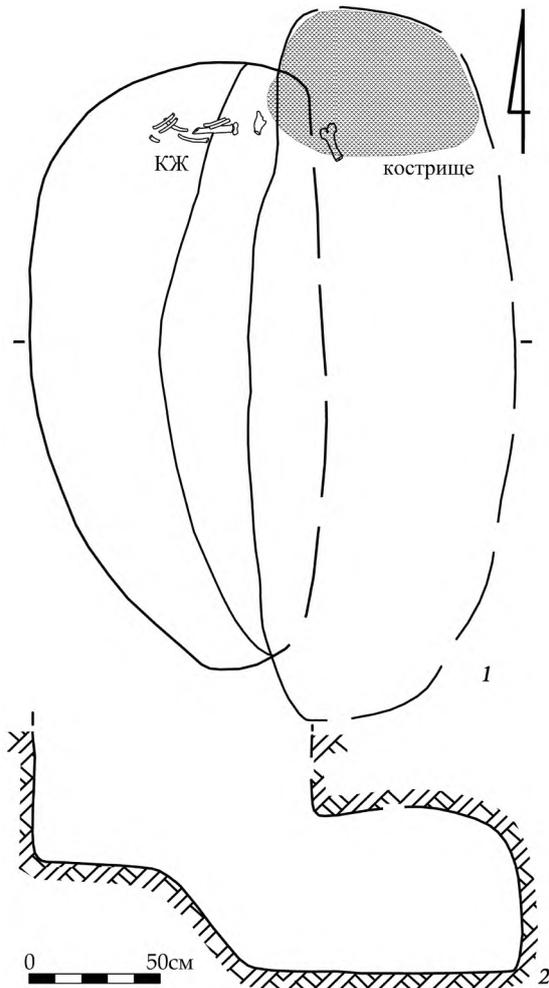

Рис. 7. План и разрез погребения Глиное/Водовод 10/4. [Fig. 7. Plan and vertical profile of Glinoe/Vodovod burial 10/4.]

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 845–854, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-845-854
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902

К вопросу о социальной структуре населения Биктимировского могильника

*Антон Сергеевич Проценко*¹

¹Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (д. 45, ул. Мустая Карима, 450077 Уфа, Российская Федерация)
 научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-5152-8564. E-mail: anton.procenko@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено анализу материалов Биктимировского могильника (III–II вв. до н. э.) кара-абызской археологической культуры Южного Приуралья. *Цели и задачи исследования* — на основе комплексного изучения погребального обряда осуществить реконструкцию социальной структуры населения. *Материалы и методы.* Наиболее информативным источником для реконструкции социальной структуры древнего общества являются погребальные памятники. В основу работы легли материалы 85 погребений, исследованных К. В. Сальниковым и А. Х. Пшеничнюком в 1960-е гг. *Результаты.* Автором проведена суммарная характеристика погребального обряда и проанализированы половозрастные группы древнего населения. Выявлено, что для мужской выборки характерно наличие предметов вооружения, для женской — предметов костюмного комплекса. Маркирующим признаком для женских захоронений является ожерелье из бус и пряслице, для мужских погребений — оселок. Для выяснения социальной структуры населения могильника погребения были распределены на пять категорий («очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «беднейшие») по количественно-качественному составу предметов. Статистика «богатых» и «очень богатых» захоронений позволяет предположить, что женщина имела более высокий статус в обществе. *Выводы.* Исследования показали, что, несмотря на наличие незначительного имущественного расслоения, большинство сородичей имело равноправное положение в обществе.

Ключевые слова: кара-абызская культура, Биктимировский грунтовый могильник, социальная структура, погребальный обряд

Для цитирования: Проценко А. С. К вопросу о социальной структуре населения Биктимировского могильника. *Oriental Studies*. 2019;(5): 845–854. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-845-854.

UDC 902

Biktimirovo Burial Ground: Social Structure of the Ancient Population Revisited

*Anton S. Protsenko*¹

¹Ancient Ufa Open-Air Reserve Museum of History and Culture (45, Mustay Karim St., Ufa 45450077, Russian Federation)
 Research Associate

ORCID: 0000-0002-5152-8564. E-mail: anton.procenko@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The paper analyzes materials from Biktimirovo burial ground (3rd – 2nd centuries BC) of the Kara-Abyz culture traced within the southern Cis-Urals. *Goals and Objectives.* The work seeks to comprehensively investigate the funeral rites and reconstruct the social structure of the ancient population. *Materials and Methods.* Burials and related attributes serve a most informative source to reconstruct social structures of ancient communities. The study examines 85 burials investigated by K. Salnikov and A. Pshenichnyuk in the 1960s. *Results.* The paper summarizes the funeral rites and analyzes age-sex groups of the ancient population. Burials of men are characterized by the presence of weapons, those of women — by garment elements. Bead necklaces and spindle whorls mark women's tombs, sharpening stones mark those of men's. The qualitative and quantitative compositions of burial attributes proved instrumental in dividing the whole of the buried community into 5 categories, such as the 'wealthy', 'rich', 'regular', 'poor' and 'poorest'. Statistics of the 'rich' and 'wealthy' makes it possible to suggest that woman enjoyed a higher status in society. *Conclusions.* The research results show that notwithstanding income inequality most tribesmen had equal social positions.

Keywords: Kara-Abyz culture, Biktimirovo burial ground, social structure, funeral rites.

For citation: Protsenko A. S. Biktimirovo Burial Ground: Social Structure of the Ancient Population Revisited. *Oriental Studies*. 2019;(5): 845–854. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-845-854.

Введение

Биктимировский комплекс памятников расположен в Бирском районе Республики Башкортостан, в который входят городище и три грунтовых могильника, относящихся к одной из самых ярких этнических образований раннего железного века Предуралья — кара-абызской археологической культуре.

I Биктимировский могильник находится на северной окраине д. Ново-Биктимирово на правом берегу р. Уряды, на котором в течение трех полевых сезонов (1962 г. — раскопки К. В. Сальникова; 1963–1964 гг. — А. Х. Пшеничнюка) исследованы 68 погребений.

II Биктимировский могильник находится в 300 м восточнее деревни, на восточном склоне Биктимировского городища, на правом берегу р. Белой. В 1958 г. А. П. Шокуровым обнаружены остатки 4 разрушенных весенними водами погребений. При их зачистке были найдены наконечники стрел и копий, бронзовые пряжки. В 1960 г. К. В. Сальниковым был заложен раскоп (6x2 м), выявлено ещё 2 погребения. Костяки лежали вытянуто, ногами к пойме р. Белой.

III Биктимировский могильник расположен на южной окраине д. Ново-Биктимирово на правом берегу р. Белой [АКБ 1976: 96–97], на котором А. Х. Пшеничнюк в 1964 г. исследовал 17 погребений.

В связи с тем, что I Биктимировский могильник расположен на северной окраине

деревни, а III Биктимировский — на южной, А. Х. Пшеничнюк предположил, что это один могильник. Разделяющий их участок протяженностью в 600–700 м, занятый огородами и постройками, не раскапывался [Пшеничнюк 1973: 167], данной точки зрения мы придерживаемся в своем исследовании.

В общей сложности на сегодняшний момент на I и III Биктимировских могильниках изучено 85 погребений, датируемых III–II вв. до н. э., которыми мы оперируем в своем исследовании. Общая характеристика материалов и погребального обряда могильника (раскопки 1962–1963 гг.) дана в публикациях автора стационарных раскопок памятника [Пшеничнюк 1964б].

Из 47 раскопанных и опубликованных погребений Биктимировского могильника, не потревоженными оказались 28, в том числе 7 детских. Остальные разрушены либо в результате ограбления в древности (14 погребений), либо при сооружении силовых траншей (5 погребений) [Пшеничнюк 1964б: 215]. Необходимо отметить, что часть материалов до сих пор не опубликована.

Половозрастная принадлежность определялась авторами раскопок исключительно исходя из сопроводительного инвентаря погребенных. Позднее М. С. Акимовой были опубликованы антропологические определения, из раскопок 1962–1963 гг. серия включала 7 мужских, 6 женских и 1 детский череп. Женские погребения представлены:

погр. 18 (20–25 лет), погр. 20 (возраст не определен), погр. 22 (35–40 лет), погр. 37 (25–30 лет), погр. 46 (25–30 лет), погр. 47 (40–50 лет). Мужские погребения: погр. 2 (35–40 лет), погр. 12 (40–45 лет), погр. 25 (30–35 лет), погр. 26 (50–60 лет), погр. 33 (30–35 лет), погр. 41 (40–50 лет), погр. 44 (35–45 лет) [Акимова 1968: 20–29]. Таким образом, на данный момент имеем 16 % захоронений от общего числа исследованных погребений, у которых пол и возраст определен профессиональным антропологом.

Данные погребения стали эталонами для определения комплексов мужских и женских захоронений. К женским относились погребения, которые сопровождалась набором украшений, к мужским — главным образом предметами вооружения.

Постановка вопроса

Актуальность данной работы вызвана тем, что, несмотря на столетнюю историю изучения погребальных комплексов кара-абызской культуры, на которых вскрыто свыше 1 400 захоронений [Проценко 2016: 45], специальных исследований по социальной организации не проводилось. В свою очередь отметим, что исследования по данной проблематике населения раннего железа Прикамья и Предуралья, несмотря на наличие определенных кризисных явлений [Проценко 2012], на современном этапе становятся неотъемлемой частью археологического исследования [Журавлева, Байкова 2016].

Цель настоящей работы — комплексное изучение сопроводительного инвентаря и погребальных конструкций захоронений для выявления социальных групп и рассмотрения социальной структуры населения, оставившего данный некрополь.

На первом этапе нами была проведена суммарная характеристика погребального обряда Биктимировского могильника. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда в настоящей работе опирается на данные по 87 индивидам (мужчины — 22, женщины — 22, дети — 11, пол и возраст не определен — 32) из 85 захоронений. Ассортимент и содержание признаков погребального обряда определялись исключительно теми сведениями, которые приводят исследователи памятника в своих научных отчетах или публикациях. Среди них объективными, т. е. с точки зре-

ния археологического источниковедения, реально фиксируемыми являются тип и планиграфия могильника, способ захоронения, ориентировка и поза погребенного, детали ритуала, ассортимент погребального инвентаря. Необходимо отметить, что суммарная характеристика погребального обряда кара-абызской культуры проведена автором настоящего исследования [Проценко 2017; Иванов, Проценко 2017].

Основная часть

Погребальный обряд Биктимировского могильника характеризуется следующими признаками: захоронения совершались по обряду ингумации в простых могильных ямах, четырехугольной формы с закругленными углами. Глубина от современной поверхности варьировалась от 0,5 (8,2 %) до 1 м (36,5 %), 1–1,5 м (47 %) или более 1,5 м (8,2 %). Деревянная подстилка (древесная кора) зафиксирована в 13 % погребений (от общего количества анализируемых погребений), вероятно, умерших завертывали в лубок [Пшеничнюк 1964б: 217].

В большинстве могил захоронен один погребенный, парные погребения отсутствуют, лишь в погр 13 III Биктимировского могильника погребены три индивидуума. Глубина могильной ямы — 0,8 м, погребенные (костики взрослых людей) были уложены на спинах, головами на восток. Кисти рук костику № 1 (у северной стенки) покоились на бедрах, у остальных — вытянуты.

Инвентарь представлен в основном бронзовыми наконечниками стрел. При костику № 1 найдено семь наконечников: пять между коленными суставами и один слева у черепа; при костику № 2 — два наконечника: один слева у черепа, другой — между коленными суставами; при костику № 3 — два наконечника: один на груди, справа и один снаружи левого бедра. Возле костику № 3 у левой кисти найдена медная бляшка и обломок кости животного [Пшеничнюк 1964а: 16–17].

Умерших людей традиционно укладывали вытянуто на спине, головой на запад (27 %), к ним следует добавить 18,8 % умерших, лежавших головой на северо-запад (18,8 %) и 10,5 % — на юго-запад, что суммарно составляет 56,3 %. Ориентировка не установлена в 21,1 %.

В качестве ритуальных предметов в погребениях в единичных случаях были обнаружены сосуды, установленные в двух случаях: в изголовье и в засыпке могилы. Кости животных зафиксированы в одном погребении в изголовье, а в другом — точное местонахождение относительно костяка определить не удалось. Самым популярным из ритуальных веществ был мел, который зафиксирован в восьми погребениях.

Ассортимент погребального инвентаря представлен предметами вооружения: удила (3,5 %), наконечники стрел: железные (4,7 %), бронзовые (28,2 %) и костяные (3,5 %), колчаный крючок (4,7 %), боевой нож (3,6 %), наконечник копья (10,6 %). В погр. 31 I Биктимировского могильника [Пшеничнюк 1963], у правого бедра был найден железный меч серповидной формы. В большом количестве представлены предметы украшений и костюмного комплекса: поясные накладки (11,7 %); накладки ремня зооморфные (10 %); наконечник пояса (2,4 %); пряжки — кольцевая (3,5 %), зооморфная (2,4 %), других форм (10,6 %); пояс цельный находился у 5,9 % погребений; портупея (11,8 %); обоймы (18,8 %); дисковидные бляхи (11,8 %); мелкие круглые бляшки (24,7 %); бляха умбоновидная (2,3 %); серьга-кольцо (8,2 %); подвески трапециевидные (9,4 %); перстень (14,1 %); браслет (2,3 %); 1–5 бусин (13 %); ожерелье (16,5 %); пронизки (12 %). Единично представлены эполетообразные застежки и зооморфные подвески. Из бытовых предметов доминирующее положение занимают ножи (27 %), в незначительном количестве представлены оселки и пряслица.

Далее остановимся на анализе погребений, которые могут быть отнесены к одной из половозрастных групп. Половозрастной анализ представляет собой часть социального анализа и один из этапов исследования общественных отношений. Индивидуум первобытности достаточно отчетливо ощущал свой переход в очередной возрастной, а вместе с ним и очередной статус [Бунятян 1985: 58].

Мужские погребения (22 погребения). Умершие лежат на спине, с вытянутыми конечностями, за исключением погр. 31, где у покойного правая нога согнута в колене. Превагирует западная (23,7 %) или северо-западная (20,3 %) ориентировка, глуби-

на могил в большинстве случаев составляет 1–1,5 м (42,2 %). Ритуальные признаки представлены: фрагментами лепной керамики (погр. 25) обнаруженными в засыпке могилы, и двумя кусочками мела у правых берцовых костей из погр. 12 I Биктимировского могильника.

Интересные находки происходят из погр. 53, в котором найден просверленный клык кабана (?), и погр. 14 III Биктимировского могильника, где в области пояса находились подвески или ожерелье из зубов животных и две костяные трубочки.

Сопроводительный инвентарь в основном представлен предметами вооружения: бронзовыми (33 %), железными (6,4 %) и костяными (5 %) наконечниками стрел; наконечником копья (14,4 %). Единично представлены такие категории инвентаря, как удила, колчаный крючок, кинжал, железный меч, боевой нож и железное шило.

Немногочисленны и элементы костюмного комплекса: наконечник пояса (3,1 %), кольцевая пряжка (5 %), мелкие круглые бляшки (11 %), перстень (6,4 %), бусины от 1 до 4 штук (12 %) и пронизки (9,6 %). В трех погребениях обнаружены височные подвески или серьги [Пшеничнюк 1964б: 226]. Из бытовых предметов зафиксирован нож (24 %). Отметим, что оселок был расположен на крестце и найден исключительно в мужских погребениях: погр. 10, 14 III Биктимировского и погр. 58 I Биктимировского могильника.

Инвентарь отсутствовал в погр. 33 I Биктимировского могильника, где был захоронен мужчина (30–35 лет). Необходимо отметить весомую долю погребений (8), в которых зафиксированы следы ограбления в древности.

В целом мужская выборка характеризуется большим числом умерших с предметами вооружения. Сравнение мужской выборки по возрастным когортам невозможно в связи с малочисленностью половозрастных определений и разграблением погребений в древности.

Женские погребения (22 погребения). Захороненные уложены аналогично мужским погребениям. Глубина могил в 64 % составляет 1–1,5 м, так же, как и у мужчин, доминирует западная ориентировка (41 % погребенных). В 31,8 % фиксируется дощатый настил (древесная кора).

Несколько отличаются по своему устройству могильные ямы погр. 46 и 47. В начале для них была вырыта обширная подквадратная общая могильная яма, ориентированная по сторонам горизонта. На глубине 110 см от поверхности яма была поделена материковой перемычкой шириной 40 см на две обычные могильные ямы, углубленные ещё на 40 см и ориентированные по линии восток-запад [Пшеничнюк 1964б: 217]. В качестве ритуальных признаков в погр. 32 в засыпке могилы найдены два сосуда из глины с растительной примесью: один — в виде курительницы на поддоне, второй — круглодонная чашечка с ушками для подвешивания, украшенная одним рядом круглых ямок [Пшеничнюк 1963: 9]. В семи погребениях найдены по одному или по два кусочка мела. А. Х. Пшеничнюк считал, что данный обычай перенят у сарматов, так же, как и ритуальный сосудик на поддоне, описанный выше, находит аналогии среди посуды прохоровской культуры [Пшеничнюк 1964б: 230]. Остатки сопроводительной пищи зафиксированы в погр. 37, внутри правого плеча лежали две кости животного.

Сопроводительный инвентарь представлен предметами костюмного комплекса: поясные накладки (45 %), накладки ремня зооморфные (с изображением голов грифонов) в девяти погребениях, пряжки других форм (18 %), пояс цельный (18 %), португепя (41 %), обоймы (68 %), большая круглая бляха (45 %), мелкие круглые бляшки (68 %), подвески трапециевидные (31,8 %). Перстни обнаружены в 40 % женских захоронений, браслеты — в 9 %, пронизки — в 18 %. В отличие от мужских находок, бусы представлены весьма широко: в 50 % в составе ожерелья и в трех погребениях в количестве от 1 до 5. Единично обнаружены: в трех погребениях подвески в виде колокольчиков, пряжки зооморфные (со стилизованным изображением оленей) и подвески-лунницы.

Из бытовых предметов наиболее часто встречаются железные ножи (41 %) и глиняные пряслица — 4 экз. Предметы вооружения, хотя и не считаются женским сопутствующим инвентарем, тем не менее найдены в 3 случаях. В погр. 17 молодой женщины (20–25 лет) в области пояса найден железный кинжал с остатками дерева на рукояти, и снаружи у левого колена острием

вниз лежали 7 бронзовых трехлопастных наконечников стрел [Пшеничнюк 1963: 2]. В погр. 32 в центре могилы — бронзовый трехлопастной наконечник стрелы. Погр. 39 — бронзовые наконечники стрел служили язычком для трех подвесок-колокольчиков [Пшеничнюк 1964б: 219].

Сопроводительный инвентарь отсутствовал лишь в одном захоронении (погр. 20).

Сравнительная характеристика женской выборки по возрастным когортам позволяет сделать несколько предварительных выводов. Предметы вооружения (железный кинжал и бронзовые наконечники стрел) были уложены в могилу только у молодой женщины (20–25 лет) в погр. 18, что может говорить о том, что в случае необходимости женщины выполняли и воинскую роль. Женщинам старшего возраста 25–30 лет (погр. 37 и 46), 35–40 лет (погр. 22) и 40–50 лет (погр. 47) было принято класть в могилу большое количество украшений. По материалам Биктимировских некрополей А. Х. Пшеничнюком был реконструирован женский костюм [Пшеничнюк 1964б: 225, рис. 6], который ярко показывает данный феномен. При явном следовании стандарту в ориентировке погребенных (головой на запад) необходимо отметить погр. 18 с северо-восточной ориентировкой, в котором содержались предметы вооружения, что, на наш взгляд, связано с ее профессиональной деятельностью (женщина-воительница). Безусловно, женскими деталями украшения следует признать бусы в ожерельях и глиняные пряслица, поскольку они полностью отсутствуют в мужских погребениях и представлены в женских.

Детские погребения (11 погребений). Во всех погребениях, в которых удалось проследить положение костяков, они лежали на спине, вытянуто. Ориентировка в большинстве погребений западная (7 погр.), ногами к реке, единичны погребения с северной и восточной ориентировкой. В качестве ритуальных признаков в погр. 8 найдены три кусочка мела — один ниже остатков черепа и два у ног [Сальников 1962: 39] и один в погр. 21. Остатки сопроводительной пищи или керамической посуды, которая фиксируется на других некрополях кара-абызской культуры [Иванов, Проценко 2017: 124], не обнаружены.

Выделяется заметная группа безынварных погребений — 6 захоронений.

Вещевой инвентарь не слишком разнообразен. В трех погребениях были найдены несколько бусин (от 1 до 4), по одному экземпляру представлены железный нож и железное колечко небольшого размера.

Особняком стоят два погребения, которые отличались количеством и качеством сопроводительного инвентаря. В погр. 21 находились две умбовидные бронзовые бляшки с ушком на обороте, кусочек мела, обломок железного ножа (?), бронзовые обоймицы (4 экз.), бусы — 10 гешировых плоских и 9 из золоченого стекла. Под костяком найдены бронзовые перстень и трапиевидная подвеска [Пшеничнюк 1963: 8]. В погр. 63: у черепа найдено несколько бусин и медная бляшка, по одной подобной бляшке найдено по бокам в середине могилы, в западной половине могилы обнаружено маленькое железное колечко [Пшеничнюк 1964а: 8].

Необходимо отметить и нестандартную ориентировку в данных захоронениях — юго-восточную (погр. 21) и восточную (погр. 63). Костяки были уложены прямо противоположно основной части детских захоронений, головой к реке. Скорее всего, данные захоронения принадлежали к наиболее богатым семьям рода, чьи дети и были в ней погребены.

Определить пол и возраст не удалось в 30 захоронениях, в 13 случаях (43,3 %) сопроводительный инвентарь отсутствовал. По одной категории находок зафиксировано в десяти погребениях: бронзовые наконечники стрел в количестве от одного до трех содержались в четырех погребениях; единичные находки бус в двух погребениях и по одному артефакту было найдено в погр. 48 (небольшой сосуд); погр. 54 (два бесформенных сильно окисленных кусочка железа), погр. 56 (железное колечко), погр. 60 (бронзовая бляшка).

Два предмета содержали пять захоронений: погр. 4 (бронзовый наконечник стрелы и железный нож), погр. 13 (7 наконечников стрел, медная бляшка) и три погребения III Биктимировского могильника: погр. 9 (3 бронзовых наконечника стрелы и железный нож), погр. 11 (7 бусин и височное кольцо), погр. 12 (два височных кольца, бронзовая бляшка).

Три и более предмета содержали четыре захоронения: погр. 23 (серебряная бляшка с отверстием в центре, бронзовая пронизка и обломок железного крючка), погр. 59 (бронзовые накладки, круглые бляшки, подвеска), погр. 64 (бронзовый наконечник стрелы, 15 бронзовых пронизок, серебряный перстень), погр. 66 (глиняный сосуд, 11 бусин, 6 бронзовых пронизок).

Группа безынварных погребений составляет 26 %. Из 22 захоронений, в которых отсутствует сопроводительный инвентарь, пол и возраст определен у трех костяков: погр. 7 (детское, 14–15 лет), погр. 20 (женское, 20–25 лет) и погр. 33 (мужское, 30–35 лет) Биктимировского могильника [Акимова 1968: 21]. Из захоронений, не содержащих сопроводительного инвентаря, выделяется погр. 9, костяк которого был уложен на левом боку, левая рука согнута, кисть у нижней челюсти; правая — полусогнута, кисть на левом бедре [Сальников 1962: 39].

Несмотря на плотное расположение могильных ям, на некоторых участках могильника зафиксирован только один случай нарушения могильной ямы друг другом, что говорит не только о небольшом хронологическом разрыве между погребениями, но и о наличии каких-то надмогильных сооружений. Планиграфически выделяются детские погребения, которые сконцентрированы в восточной части некрополя, также А. Х. Пшеничнюком были отмечены захоронения, которые расположены рядами [Пшеничнюк 1964б: 216, рис. 1; 217], но они немногочисленны.

Обсуждение результатов

Анализ материала показывает, что погребальный обряд населения, оставившего Биктимировский могильник, представляет собой целостную и специфическую для данной культуры систему, созданную для заботы об умершем.

В то же время сравнение мужской и женской выборки позволяет отметить некоторые различия. Во-первых, мужские погребения патриархального общества традиционно маркируются оружием, так же как, к примеру, и мужское население раннесарматской культуры [Балабанова и др. 2015: 33]. Хотя женщины также участвуют в военных действиях, но в связи с тем, что оружие найдено только в одном женском погребении, дан-

ная гипотеза нуждается в подтверждении. Во-вторых, женские погребения сопровождается богатый набор украшений, что показывает достаточно высокий статус женщины в кара-абызском обществе (III–II вв. до н. э.). Железный нож является универсальным предметом и встречается в большинстве погребений обоих полов. Необходимо отметить, что значительное число мужских погребений было ограблено в древности, в то же время процент ограбленных женских захоронений значительно ниже.

Детские погребения в погребальном обряде демонстрируют общую ритуальную традицию. Захоронения производились в одной манере со взрослыми, но в сопровождении более скудного инвентаря, что, скорее всего, обуславливалось имущественным (социальным) положением ребенка.

Для выяснения социальной структуры населения могильника погребения были распределены на пять категорий («очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «беднейшие») по количественно-качественному составу предметов. Данный способ позволяет проанализировать внутренние связи вещей в комплексах погребений и попытаться в определенной степени отразить через предметный мир социальные группы населения, а также определить возможные роли мужчин и женщин в обществе [Казанцева 2014: 110].

Сложнее всего определить и выделить «бедные» погребения. Поскольку основным критерием для их выделения является качество и количество сопровождающего инвентаря, здесь необходимо учитывать и факт ограблений погребений в древности. Поэтому в нашем случае среди женских погребений формально к категории «бедные» были отнесены четыре погребения, но все они были ограблены в древности. «Рядовые» — самые многочисленные — насчитывают семь захоронений. Критерием для выделения «очень богатых» и «богатых» погребений являлось не только количество вещей в могиле, а именно качество (оригинальность изделия) или наличие предмета из драгоценного металла (например, височное кольцо из золотой проволоки в виде спирали в 2,5 оборота). «Богатых» комплексов насчитывается пять, «очень богатых» — пять. И одно погребение, не содержащее сопроводительный инвентарь, можно отнести к категории «беднейших».

В мужских могилах к категории «беднейших» отнесено одно погребение, «бедных» насчитывается пять погребений, три из которых были ограблены в древности. «Рядовые» захоронения наиболее многочисленны — девять погребений, из которых три ограблено. Среди данной категории выделяется погр. 12 (40–45 лет), в котором, наряду с двумя лигнитовыми бусинами и железным ножом, была обнаружена бронзовая круглая бляха-зеркало с четырьмя отверстиями по краям с обломанным краем и два кусочка мела [Сальников 1962: 40]. Последние две находки встречались только в данном мужском погребении, в остальных случаях подобные бляхи и кусочки мела фиксируются исключительно в женских захоронениях.

Категория «богатых» могил насчитывает пять погребений, сопроводительный инвентарь в них представлен 4–5 предметами (например, бронзовые наконечники стрел, наконечник копья, поясная пряжка, удила) и наличием предмета из драгоценного металла (например, височная подвеска в виде кольца с трубицей из золотой проволоки). Наиболее статусная категория — «очень богатые» — представлена одним захоронением (погр. 53).

Необходимо отметить, что категории «богатых» и «очень богатых» погребений в мужских и женских могилах значительно отличаются как по «качеству», так и по количеству сопроводительного инвентаря. Если в мужских погребениях сопроводительный инвентарь представлен в основном предметами вооружения и несколькими деталями костюма, то женские захоронения содержат значительно больше предметов. К примеру, мужской поясной набор, как уже было отмечено исследователями, отличался значительной простотой [Воробьева 2019: 53] и состоял в основном из одной пряжки. В то же время в женском костюме пояса состояли из дисковидных блях и накладок с изображением голов грифонов. Остатки древесной коры обнаружены в 8 захоронениях (всего на могиле зафиксировано 11 случаев) на дне могилы и фиксируются в категории «богатых» и «очень богатых»: в шести случаях у женщин и в двух — у мужчин, что, по нашему мнению, свидетельствует об особом погребальном обряде данных категорий захоронений. Ориентировка погребенных в данных двух категориях — западная, выде-

ляется только женское погр. 39, в котором костяк был уложен в северо-восточном направлении.

Группу погребений, в которых определить пол и возраст не удалось, можно разделить на две категории: 13 погребений, в которых сопроводительный инвентарь отсутствовал, — «беднейшие», «бедные» могилы (в составе 2–4 предметов) содержатся в 17 захоронениях.

В результате мы получаем следующие данные по выделенным категориям: «беднейшие» — 15 захоронений, «бедные» — 26, «рядовые» — 16, «богатые» — 11, «очень богатые» — 6 захоронений. Выделенные группы могил отражают структуру населения памятника, но поскольку выборка имеет ограничения — не для всего массива погребений получены половозрастные определения — наши выводы носят сугубо предварительный характер.

Выводы

Отмеченное исследователями наличие у кара-абызского населения имущественного расслоения и сравнительно равноправное положение большинства сородичей [Пшеничнюк 1973: 216; Овсянников 2009: 245] находит свое подтверждение и в нашем исследовании, так же, как и точка зрения В. А. Иванова, который указывал, что материалы мужских погребений Биктимировского I могильника не дают оснований о специальном выделении воинских могил на территории некрополя. Исследователь отмечал снижение общественной значимости родоплеменных вождей в связи со стабилизацией общеполитической обстановки в регионе [Иванов 1984: 80–82].

В ходе анализа было выявлено, что погребальные конструкции, пол умершего и сопроводительный инвентарь позволяют обозначить группы населения разного социального статуса. Результаты показали, что сопроводительный инвентарь женских захоронений значительно превосходит в качественно-количественном отношении мужские погребения.

В настоящее время сложно говорить о наличии у «кара-абызцев» патриархального рабства. В частности, потому, что группа «беднейших» погребений по своим морфологическим признакам (положение и ориентировка покойного в могиле) ничем

не выделяется от остальных. Несомненно, на сегодняшний день назрела необходимость в проведении исследований по демографии кара-абызских могильников. В сложившейся ситуации целесообразным представляется обращение к успешному опыту коллег, получивших интересные результаты по палеодемографии могильников пьяноборской культуры [Куфтерин, Воробьева 2019]. Некоторую информацию о структуре древнего общества даст и анализ планиграфии Биктимировских могильников, что, по нашему мнению, является темой для самостоятельного исследования. Дальнейшее изучение социальной структуры кара-абызской культуры позволит проанализировать эволюцию социально-экономических отношений оседлого лесостепного населения Южного Приуралья в раннем железном веке.

Источники

- Пшеничнюк 1963 — Пшеничнюк А. Х. Научный отчет об археологических исследованиях в центральных районах Башкирской АССР за 1963 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 585. 23 л.
- Пшеничнюк 1964а — Пшеничнюк А. Х. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 год // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 639. 46 л.
- Сальников 1962 — Сальников К. В. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 год по теме № 41 «Эпоха бронзы и железа в Башкирии», раздел «Эпоха бронзы Южного Урала» // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 562. 50 л.

Sources

- Pshenichnyuk A. Kh. [Scientific Report Summarizing Archeological Investigations in Central Bashkiria: 1963]. At: Ufa Federal Research Centre of the RAS, Scientific Archive. Fond 3. Ser. 2. File 585. 23 p. (In Russ.)
- Pshenichnyuk A. Kh. [Scientific Report Summarizing Results of the Archeological Expedition: 1964]. At: Ufa Federal Research Centre of the RAS, Scientific Archive. Fond 3. Ser. 2. File 639. 46 p. (In Russ.)
- Salnikov K. V. [Scientific Report Summarizing Results of the 1962 Archaeological Expedition, Theme No. 41 'Bronze Age in the Southern

Urals']. At: Ufa Federal Research Centre of the RAS, Scientific Archive. Fond 3. Ser. 2. File 562. 50 p. (In Russ.)

Литература

- Акимова 1968 — *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.
- АКБ 1976 — Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О. Н. Бадер. М: Наука, 1976. 264 с.
- Балабанова и др. 2015 — *Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С.* Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
- Бунятян 1985 — *Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1985. 121 с.
- Воробьева 2019 — *Воробьева С. Л.* Типы костюмных комплексов носителей кара-абызской эпохи раннего железа // Археология евразийских степей. 2019. № 1. С. 50–69.
- Журавлева, Байкова 2016 — *Журавлева Г. Н., Байкова А. К.* Вопросы социальной структуры древнего населения в работах археологов Прикамья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 18–20.
- Иванов 1984 — *Иванов В. А.* Вооруженное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 88 с.
- Иванов, Проценко 2017 — *Иванов В. А., Проценко А. С.* Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.
- Казанцева 2014 — *Казанцева О. А.* К вопросу о социальной структуре населения Кудашевского I могильника (по результатам гендерного анализа) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. № 3. С. 108–113.
- Куфтерин, Воробьева 2019 — *Куфтерин В. В., Воробьева С. Л.* К палеодемографии пьяноборской культуры // Поволжская Археология. 2019. № 1 (27). С. 164–179.
- Овсянников 2009 — *Овсянников В. В.* Кара-абызская культура (V в. до н. э. – IV в. н. э.) // История Башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. С. 223–245.
- Пшеничнюк 1964б — *Пшеничнюк А. Х.* Биктимировский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1964. С. 215–231.
- Пшеничнюк 1973 — *Пшеничнюк А. Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V. Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1973. С. 162–243.
- Проценко 2012 — *Проценко А. С.* Вопросы социальной реконструкции древних обществ в археологии Прикамья и Приуралья в раннем железном веке. Историографический аспект // Труды КАЭЭ. Вып. 8. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 177–181.
- Проценко 2016 — *Проценко А. С.* Погребальные комплексы кара-абызской культуры (очерк истории накопления источниковой базы) // Клио. 2016. № 9 (117). С. 43–47.
- Проценко 2017 — *Проценко А. С.* Суммарная характеристика погребального обряда кара-абызской культуры // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 854–855.

References

- [Archeological Map of Bashkortostan]. O. N. Bader (ed.). Moscow: Nauka, 1976. 264 p. (In Russ.)
- Akimova M. S. [Ancient Population of the Cis-Urals: Anthropology]. Moscow: Nauka, 1968. 119 p. (In Russ.)
- Balabanova M. A., Klepikov V. M., Korobkova E. A., Krivosheev M. V., Pererva E. V., Skripkin A. S. [Age-and-Sex Structure of the Lower Volga Sarmatian Population: Funeral Rites and Anthropology]. Volgograd: Volgograd Branch of RANEPА, 2015. 272 p. (In Russ.)
- Bunyatyan E.P. [Methodology of Archaeology-Related Social Reconstructions: a Case Study of Scythian Burial Grounds (4th-3rd Millennia BC)]. Kiev: Naukova Dumka, 1985. 121 p. (In Russ.)
- Ivanov V. A. [Early Iron Age Weaponry of the Finno-Ugric Peoples]. Moscow: Nauka, 88 p. (In Russ.)
- Ivanov V. A., Protsenko A.S. Funeral ceremony as an indicator of the genetic continuity of the cultures of the Early Iron Age in the Kama

- River and the Cis-Urals Region. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2017. No. 1. Pp. 117–129. (In Russ.)
- Kazantseva O. A. On the problem of the social structure of the population in the Kudashevsky I cemetery (the results of the gender analysis). *Bulletin of Udmurt University. Series 'History and Philology'*. 2014. No. 3. Pp. 108–113. (In Russ.)
- Kufterin V. V., Vorobyeva S. L. On the paleodemography of Pyany Bor culture. *Povolzhskaya Arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 2019. No. 1(27). Pp. 164–179. (In Russ.)
- Ovsyannikov V. V. Kara-Abyz culture: 5th c. BC – 4th c. AD. In: [History of the Bashkir People]. In 7 vols. M. M. Kulsharipov (ed.). Moscow: Nauka, 2009. Pp. 223–245. (In Russ.)
- Protsenko A. S. Burial complexes of the Kara-Abyz culture (historical review of the accumulated source base). *Klio*. 2016. No. 9 (117). Pp. 43–47. (In Russ.)
- Protsenko A. S. Funeral rites of the Kara-Abyz culture: summarized characteristics. In: [5th (21st) All-Russia Congress of Archaeologists]. Coll. papers. Barnaul: Altai State University, 2017. Pp. 854–855. (In Russ.)
- Protsenko A. S. On social reconstruction of ancient societies in the archaeology of the Kama Region and the Cis-Urals in the Early Iron Age. Historiographic aspect. In: [Transactions of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition]. Vol. 8. Perm: Perm State Humanitarian-Pedagogical University, 2012. Pp. 177–181. (In Russ.)
- Pshenichnyuk A. Kh. Biktimirovo burial ground. In: [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. II. Ufa: Institute of History, Language and Literature, 1964. Pp. 215–231. (In Russ.)
- Pshenichnyuk A. Kh. Kara-Abyz culture: population of central Bashkortostan at dawn of our era. In: [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. V Ufa: Institute of History, Language and Literature, 1973. Pp. 162–243. (In Russ.)
- Vorobyeva S. L. Types of costume complexes of Kara-Abyz culture bearers of Early Iron Age. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2019. No. 1. Pp. 50–69. (In Russ.)
- Zhuravleva G. N., Baykova A. K. Works of archaeologists of the Kama River region: issues of social structure. In: [Archaeological Heritage of the Urals: from Earliest Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge]. Izhevsk: Institute of Computer Science, 2016. Pp. 18–20. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 5, pp. 855–871, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-855-871
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 903.02(470.6)»653»

Импортная поливная керамика Маджара как источник по изучению международной торговли в Золотой Орде

*Петр Михайлович Кольцов¹, Бауыржан Абишевич Байтанаев²,
Юрий Дмитриевич Обухов³*

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории
ORCID: 0000-0001-9776-3650. E-mail: petrkoltsov52@mail.ru

² РГКП «Институт археологии им. А. Х. Маргулана» Комитета науки МОН Республики Казахстан (д. 28, ул. Шевченко, просп. Достык 44, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, академик Национальной академии наук Республики Казахстан
ORCID: 0000-0002-2013-0473. E-mail: baytanaev@mail.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант кафедры всеобщей истории
ORCID: 0000-0003-2008-788X. E-mail: obuxova_t@inbox.ru

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается импортная глазурованная (поливная) керамика, обнаруженная на городище Маджар во время сборов и археологических раскопок разных лет. Первая классификация поливной керамики Маджара была проведена О. А. Дудко в 70-е гг. XX в. по материалам раскопок В. А. Городцова в 1907 г. и сборов Северо-Кавказской экспедиции в 1955 г. В результате данной работы исследовательница выявила как местную, так и импортную поливную посуду из Средней Азии, Закавказья и Поволжья. В конце XX и начале XXI в. количество находок импортной поливной керамики из Маджара значительно увеличилось, поэтому авторы данной статьи вновь обратились к описанию, анализу и систематизации одного из самых массовых археологических материалов. *Источники и методы.* Источниковой базой послужила импортная поливная керамика, собранная на Маджаре в течение ряда лет. Основными критериями для систематизации керамических комплексов были выбраны следующие методы: визуально-описательный, статистический, типологический, технологический, сравнительного анализа и аналогий. *Результаты.* В ходе исследования были выявлены широкие торговые связи средневекового Маджара, которые наглядно отражают находки импортной поливной керамики. Среди них выделяются следующие группы: кашинная керамика Поволжья, Ирана, Средней Азии (Хорезм); красноглиняная поливная керамика Нижнего Поволжья, Азака, городов восточной части Крыма, возможно, из Причерноморья, Средиземноморья и с Балкан; Ширванская группа керамики, Китайская керамика цычжоу, китайский селадон, китайский бело-синий фарфор (цинхуа), византийская керамика. *Выводы.* На основе изучения морфологических и технологических особенностей импортной глазурованной (поливной) ке-

рамики Маджара были выделены следующие ее категории: красноглиняная поливная керамика, селадон, кашинная керамика, керамика цычжоу, цинхуа, ширванская керамика, византийская керамика. Установлена датировка импортной поливной керамики Маджара в пределах XIV в. Соотношение групп импортной керамики указывает на более интенсивные торговые связи Маджара с Китаем, столицами Золотой Орды и городами Восточного Крыма. Значительно слабее отмечены контакты с Азаком, Хорезмом, Ширваном, Персией, городами Средиземноморья и Балкан.

Ключевые слова: Маджар, импортная поливная керамика, международная торговля, селадон, кашинная керамика, керамика цычжоу, ширванская керамика, византийская керамика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова в рамках научного проекта № 1090 «Северная ветвь Великого Шелкового пути на участках Нижнее Поволжье – Калмыцкая степь – Северный Кавказ: изучение караван-сараев как связующего звена между городскими центрами средневековья».

Для цитирования: Кольцов П. М., Байтанаев Б. А., Обухов Ю. Д. Импортная поливная керамика Маджара как источник по изучению международной торговли в Золотой Орде. *Oriental Studies*. 2019;(5): 855–871. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-855-871.

UDC 903.02(470.6)“653”

Investigating International Trade in the Golden Horde: Imported Glazed Ceramics from Majar

Petr M. Koltsov¹, Bauyrzhan A. Baitanaev², Yuri D. Obukhov³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department of General History
ORCID: 0000-0001-9776-3650. E-mail: petrkoltsov52@mail.ru

² Margulan Institute of Archaeology (44, Dostyk Ave., 28, Shevchenko St., Almaty 050010, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Academician, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
ORCID: 0000-0002-2013-0473. E-mail: baytanaev@mail.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Postgraduate Student, Department of General History
ORCID: 0000-0003-2008-788X. E-mail: obuxova_t@inbox.ru

Abstract. Introduction. The article deals with imported glazed ceramics discovered in the town of Majar during archeological excavations of various years. The first classification of Majar-discovered glazed ceramics was made in the 1970s by O. Dudko who analyzed materials of V. Gorodtsov's excavations (1907) and those of the 1955 North-Caucasian Expedition. The researcher discovered both local glazed pottery and ones imported from Middle Asia, Transcaucasia and the Volga Region. The late 20th and early 21st centuries have witnessed a significant increase in numbers of imported glazed ceramics from Majar, so the paper seeks to re-address the issue since the newly collected extensive data require proper description, analysis and systematization. *Sources and Methods.* The study examines imported glazed ceramics collected in Majar during various years. It employs a number of methods, such as the visual-and-descriptive, statistic, typological, technological ones, those of comparative analysis and analogy. *Results.* The work reveals residents of Majar maintained wide trade relations vividly illustrated by findings of imported glazed ceramics that played somewhat major role there. The latter cluster into categories as follows: kashi pottery from the Volga Region, Iran, Middle Asia (Khwarazm), red-clay glazed ceramics from the Lower Volga Region, Azaq (Azov), Eastern Crimea, supposedly from the Black Sea Region, Mediterranean and Balkans; Shirvan ceramics, Cizhou ceramics (China), Chinese celadon, Chinese white-blue porcelain (Qinghua), Byzantine ceramics. *Conclusions.* The analysis of morphological and technological features of imported glazed ceramics of Madjar reveals the following groups: glazed red-clay, kashi, Cizhou, Qinghua, Shirvan,

and Byzantine ceramics. The bulk of the samples are dated to the 14th century AD. Proportions between the groups indicate that Majar maintained most intensive trade relations with China, capital cities of the Golden Horde, and eastern Crimea. Contacts with Azaq, Khwarazm, Shirvan, Persia, Mediterranean cities and the Balkans were far weaker.

Keywords: Majar, imported glazed ceramics, international trade, celadon, kashi ceramics, Cizhou ceramics, Shirvan ceramics, Byzantine ceramics

Acknowledgements: The reported study was funded by Gorodovikov Kalmyk State University, project number 1069 'Northern Branch of the Great Silk Road Covering the Lower Volga Region — Kalmyk Steppe — North Caucasus: Investigating Caravanserais as Connecting Links between Medieval City Centers'.

For citation: Koltsov P. M., Baitanaev B. A., Obukhov Yu. D. Investigating International Trade in the Golden Horde: Imported Glazed Ceramics from Majar. *Oriental Studies*. 2019;(5): 855–871. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-855-871.

Введение

Глазурованная (поливная) керамика является выразительным явлением керамического производства золотоордынского города. Её массовое производство обусловило доступность этой керамики всем слоям золотоордынского общества. Массовостью производимой керамики объясняется и разнообразие орнаментальных мотивов, украсивших производимую посуду.

Кроме «местной» поливной керамики, на рынках золотоордынских городов пересекались потоки поливной посуды из стран Дальнего Востока, Средней Азии, Ирана, Византии, Восточного Закавказья и др.

Импортная керамика Маджара представлена обычным для степных городов Золотой Орды набором. Она рассматривалась исследователями как в целом, так и по отдельным группам и видам.

Первая классификация поливной керамики памятника выполнена О. А. Дудко по схеме, принятой тогда в Поволжской экспедиции [Дудко 1963: 108–118]. Эта студенческая работа касалась только поливной продукции из раскопок В. А. Городцова 1907 г. и сборов Северо-Кавказской экспедиции (1955 г.), хранящихся в Историческом музее. В результате своих исследований автор пришла к выводу, что большая часть керамики производилась на месте, а некоторое количество привезено из Средней Азии, Закавказья и Поволжья [Дудко 1963: 117]. Между тем за последние десятилетия количество керамики и, прежде всего, поливной импортной с территории средневекового городища Маджар значительно увеличилось.

Цель работы — описание и анализ одного из самых массовых материалов — керамики, ее импортной поливной части, полученной во время проведения археологических работ и сборов на средневековом городище Маджар, а также попытка ее систематизации и определение приоритетного направления торговых связей.

Хронологические рамки рассматриваемого материала ограничиваются временем функционирования города Маджара, т. е. концом XIII–XIV вв. В конце XIV в. в результате междоусобных войн и разрушительных походов армии Тимура были нарушены торговые и караванные связи, что привело к затуханию жизни в Маджаре.

Материалы и методы исследования. В работе были использованы визуально-описательный, формально-классификационный и технологический методы исследования. Возможности изучения средневековой керамики как исторического источника значительно расширились за счет привлечения дополнительных данных: письменных, изобразительных, археологических.

Результаты

Кашинная керамика Поволжья, Ирана, Средней Азии — устойчивый импорт во всех золотоордынских городах. Ее классификация по техникам нанесения декора и мотивам росписи наиболее полно сделана на материалах столиц Золотой Орды [Булатов 1969: 4–7; Фёдоров-Давыдов 1994: 78–124]. Она же рассматривалась в работах Э. Р. Ртвеладзе и Н. С. Гражданкиной [Гражданкина, Ртвеладзе 1971: 127–139].

Фрагментарные материалы Маджара не позволяют аргументированно добавить к этому что-то принципиально новое. Однако необходимо отметить, что в Маджаре бирюзовые и синие глазури (прозрачные и глушеные), используемые при производстве кашинной керамики, применялись довольно широко. Более того, в округе Маджара имеются выходы на поверхность белого кварцевого песка, который мог использоваться как сырьё для производства кашинной керамики.

Однако на сегодняшний день достоверных следов производства кашинной керамики в Маджаре не обнаружено, отсутствуют также находки печного припаса, необходимого при производстве данного вида керамики. Сказанное выше позволяет говорить об импорте данной продукции из Поволжья, а также возможно из Хорезма, Ирана и других стран.

Самые многочисленные отделы кашинной керамики Маджара следующие: полихромная с подглазурной росписью без рельефа; полихромная с подглазурной росписью рельефом; с подглазурной черной росписью и прозрачной бирюзовой глазурью; с бирюзовой, синей и белой глазурью. Менее представительные отделы кашинной керамики: с синей подглазурной кобальтовой росписью, копирующей китайскую цинхуа, обычно называемая тимуридской (рис. 1); с белой или зеленоватой глухой поливой без рельефа и с рельефом, копирующей китайский селадон; с белой глухой поливой с люстровой росписью; с синей поливой с люстровой росписью¹; ладжвардина; минаи. Под минаи следует считать кашинную керамику с белой или бирюзовой глазурью и полихромной надглазурной росписью с позолотой, а аналогичная с глазурью, окра-

¹ Люстр (франц. *lustre* 'глянец, блеск', от лат. *lustrō* 'освещаю') — глазурь и пигмент для росписи керамических изделий на основе серы, олова, свинца, оксидов серебра и меди. В результате восстановительного муфельного (низкотемпературного) обжига люстр проявляется на поверхности предмета в виде металлического или перламутрового блеска и усиливает живописный эффект декора. Художественная керамика с росписью люстром впервые появилась в конце VIII – начале IX в. в Египте, Ираке, Иране и Сирии. Эта ближневосточная техника оказала большое влияние на развитие испано-мавританских фаянсов XIII–XV вв. и итальянской майолики XV–XVI вв.

шенной кобальтом в тёмно-синий цвет, — ладжвардина (рис. 2), производство которой было освоено в Иране.

Красноглиняная поливная керамика Нижнего Поволжья представлена только фрагментами и одним неполным кувшинчиком, который можно отнести к родственной группе из Азака, и значительным числом фрагментов разнообразных чаш с желтой и зеленой глазурью без орнамента, с подглазурной росписью ангобом и сграффито. Фрагментами представлены не только устойчивые отделы, но и образцы с нестандартными сочетаниями признаков, произведенными в больших мастерских с разделением труда и принципиально разными технологиями. Таковой является красноглиняная посуда, расписанная ангобом и прозрачной бирюзовой глазурью, которая в обычном случае использовалась только для кашинной керамики. Также наблюдается смешение техник при обработке поверхности красноглиняной посуды с черной росписью под прозрачной бирюзовой глазурью; с копией росписи кашинной полихромной керамики без рельефа; с копией росписи простейшей «тимуридской» керамики и просто с бирюзовой глухой глазурью.

Импорт из Азака представлен поливными чашами второй группы, которые выделяются темной поверхностью неполивной придонной части и неравномерностью обжига, видимого в изломах. Это сочетание признаков не характерно для городов Нижнего Поволжья, что позволяет связывать их с Азаком [Волков 2016: 196].

Группа керамики из Юго-Восточного Крыма выделяется на Маджарском городище весьма условно [Волков 1992: 9–10, 21]. Дело в том, что керамику трех самых больших городов, расположенных в восточной части Крыма — Солхата, Каффы и Судака, объединяет общая технология производства. Сходной была керамика их ближайшей округи. Однако по составу формовочных масс и способам декора к группе близка продукция многих центров Причерноморья, Средиземноморья и Балкан. В частности, часть продукции этой группы по форме поддонов бывает очень похожа на изделия Кипра [Веневцева 1997: 137, рис. 5–6].

Определенное количество находок из подъемного материала Маджара — это фрагменты чаш, аптечных двуручных кув-

шинов, штампованных кувшинов с зеленой глазурью. Часть из них можно отнести к испано-мавританской люстровой керамике, которая была широко распространена в Средиземноморье и Причерноморье, хотя ее количество в целом уменьшается по мере удаления от источника производства. Маджарские фрагменты люстровой керамики имеют преимущественно желтовато-зеленоватое люстровое покрытие и датируются XIV в.

Ширванская группа керамики (рис. 3) легко выделяется из всего комплекса керамики на городищах по форме, технологии, составу формовочной массы и стилю росписи. Обоснованию ширванского происхождения группы керамики из Маджар посвящена отдельная статья [Волков 2001: 45–50]. Это преимущественно чаши, сделанные по донно-емкостной программе конструирования полого тела, со следами вырезания ножом полости кольцевого поддона. Один фрагмент дна допускает использование донного начина или наклеивание плоскости поддона после формовки основной ёмкости, но обычные следы вырезания ножом на нём также присутствуют.

Продукция этой группы представлена только фрагментами, но не приходится сомневаться, что основу ассортимента составляют две разновидности формы чаш [Волков 2001, рис. 1, 3]. В большинстве случаев это низкие широкие чаши с широким горизонтально отогнутым венчиком [Волков 2001: рис. 1, 1–5, 7–9]. В редких случаях встречаются сосуды с вертикальным венчиком с утолщением снаружи [Волков 2001: рис. 1, 10].

Все изделия группы имеют декор в технике сграффито и могут быть монохромными зелеными или полихромными, в исключительных случаях — монохромными с бирюзовой или желтоватой глазурью. Для гравировки использовали только тонкие линии приблизительно одной ширины. В исключительных случаях использовалось выскабливание ангобного фона (резерв) в сочетании с обычной гравировкой линией одной толщины [Волков 2001: рис. 2, 2–4].

Основной кроющей поливой полихромных сосудов, является светло-жёлто-зелёная, она лежит на всей внутренней поверхности (и частично внешней), однако внешняя чаще покрыта зеленой поливой. Интенсивный жёлтый и зелёный цвета использовались для расцвечивания выгравиро-

рованных деталей орнамента, причем чаще всего без точного соответствия с линиями (но отклонения от контуров обычно незначительны); марганцевый краситель — для нанесения самостоятельных деталей орнамента (без гравировки), это обычно кольца, спирали, побеги, пятна из 3 точек. На внешней поверхности этим красителем наносили простейшие штриховки (чаще всего — обращённые вниз наклонные «арки»), которые часто оставались не покрытыми поливой. К редким находкам относится фрагмент зеленого блюда этой группы с остатками двух строк персидских стихов.

Немногочисленны находки импортов из района Отрара или смежных областей Средней Азии (рис. 4). Их отличительными признаками являются желтый цвет (при большей плотности, чем в Маджаре), только вырезные поддоны, вытянутые трещинки на поверхности, образовавшиеся при обработке гончарным ножом, перпендикулярные направлению его движения, фаска на внешней стороне края поддона. Наиболее распространенная роспись — красной и темно-коричневой нерастекающей краской под желтой глазурью интенсивного цвета. Происхождение группы определено на основании того, что на Селитренном городище ее больше, чем в Азаке, а на среднеазиатских и казахстанских памятниках золотоордынского времени встречено значительное количество целых форм.

Китайская керамика цычжоу (рис. 5). Хотя название произошло от мастерских Цычжоу яо (г. Хиньдань, провинция Хэбэй) [Евтюхова 1965: 221], очагов производства было много, об этом говорят существенные вариации состава формовочной массы, отличия в форме поддонов, цвете и плавкости глазурей. Вся эта керамика — не литая, а вытянутая на гончарном круге. Основные встреченные отделы: с глазурью белого цвета (обычно — слоновой кости); с аналогичной основной кроющей глазурью и подглазурной росписью коричневым; целиком покрытая коричневой глазурью, когда это именно покрытие, а не роспись. В этом случае возможно использование гравировки по сырой глазури. На фрагментах различимы лишь отдельные элементы изображения: драконов, цветов, иероглифов.

Селадон (рис. 6) — самая распространенная группа китайского импорта. Традици-

онно связывается с продукцией мастерских Лунцюань яо (провинция Чжэцзян) [Полубояринова 2003: 155], для которых характерна серая основа. Хотя считается, что цвет изделий старались приблизить к нефриту, его вариации весьма велики, что свидетельствует о возможности производства во многих местах. Основной способ декора связан с отливкой изделий в рельефной форме. При этом широко распространена гравировка одно- или многозубым резцом. В отдельных случаях можно говорить о применении концевых штампов. Устоявшееся название «селадон» — плод творчества торговцев и антикваров. Оно подразумевает зеленоватый цвет.

В золотоордынских слоях также широко представлены изделия со светлой голубоватой или почти белой глазурью, на совершенно белой основе.

Китайский бело-синий фарфор (цинхуа) (рис. 7). Находки фарфора с подглазурной росписью кобальтом в золотоордынских городах относятся преимущественно ко второй половине XIV в. Само изобретение техники кобальтовой росписи связано с Халифатом и относится примерно к IX в., но широкое распространение она получила при династии Юань (1271–1368). Главным центром производства фарфора был поселок Цзиндэчжень (провинция Цзянси) [Жушиховская 2002: 90].

Между тем в Китае самые ранние находки фарфора с росписью кобальтом относятся ко времени династии Тан (618–907), причем с заимствованиями ближневосточных элементов в росписи.

Набор элементов орнамента в XIV в. очень устойчив. На внешней стороне — лепестки лотоса с двойным контуром и стрелчатым окончанием, на поле лепестка — также устойчивое изображение. Пояса часто заполнены двумя вариантами лозы с лепестками. Более широкие пространства занимают изображения цветов, драконов, сетки из ромбов со штрихами с внутренней стороны.

Несколько фрагментов фарфоровых изделий заслуживают особых комментариев, поскольку такие находки единичны на всей территории Золотой Орды. Это стенки и венчик фарфоровых чаш с голубоватой глазурью и надглазурной росписью. Часть надглазурной росписи осыпалась, а остав-

шаяся не позволяет даже сказать, каков был цвет эмали, из-за глубокой иризации.

Особого внимания заслуживает фрагмент фестончатого венчика (рис. 8), где глазурь по краям более толстая (хотя они обжигались венчиком вверх), что характерно для китайских изделий [Обухов, Волков 2007: 21]. На внешней стороне под венчиком — отпечатки эмалевой «сельджукской цепи» с позолотой между линиями, ниже — листья с эмалевыми контурами (в отдельных местах виден голубой слой эмали под толстым слоем иризации) и позолотой внутри них. На внутренней стороне сохранились только следы накладной эмалевой росписи. По отпечаткам видно, что это была надпись хорошим почерком *наسخ* (نسخ...), заключенная в контурные линии — фестончатую одинарную сверху и двойную прямую снизу.

Маджарский фрагмент — безусловно, фарфоровый. Сочетание фарфора и арабской надписи вызывает вопрос: китайское ли это изделие, выполненное с учетом персидских вкусов, или искусная персидская подделка фарфора с использованием надглазурной росписи в технике минаи?

Первый вариант ответа возможен. Во время династии Мин (1368–1644 гг.) в Китае широко распространились техники полихромной росписи: *уцай* (букв. ‘пять цветов’, что передает просто понятие многоцветности; без полутонов) и *доуцай* (букв. ‘игра цветов’, сочетание подглазурной и надглазурной росписи с полутонами). Это напоминает полихромные росписи в Иране и соседних странах (в самом общем смысле). Тогда рассматриваемый фрагмент может быть одним из первых опытов китайских мастеров в копировании на собственной продукции декора мусульманского мира.

Вторая версия представляется менее вероятной, хотя почти всё развитие художественной керамики позднего средневековья и Нового времени на Западе и Ближнем Востоке можно расценивать как подражание китайским эталонам. Попытки такого копирования Бируни упоминает еще в IX в. [Ал-Бируни 1963: 212]. Есть сообщения исследователей, что подделки невозможно отличить от оригиналов [Арапова, Рапопорт 1969: 27], однако находки XIV в., скорее всего, свидетельствуют об обратном.

Подражаний китайским изделиям в Золотой Орде и Персии — очень много. Копировали селадон и бело-синий фарфор, но все они настолько легко отличаются от китайских изделий по составу формовочной массы и глазури, что говорить об умелом копировании технологии не приходится.

Возможен и третий вариант решения проблемы. На готовое китайское изделие (болванку) персидские мастера нанесли роспись, применяя известные им технологии. Само по себе это не является чем-то невозможным. К X в. относится описание «пиратского» изготовления люстровой росписи с применением уже готовых глазурованных чаш [Тифлиси 1976: 128]. В более позднее время в Голландии и Европе в целом практиковалась роспись фарфоровых китайских изделий.

На наш взгляд, первый вариант объяснения представляется наиболее вероятным. Если это так, тогда перед нами едва ли не первый датированный образец использования полихромной надглазурной росписи на китайском фарфоре.

Византийская керамика (рис. 9). Легко выделяется группа 15 [Масловский 2006: 397–399], представленная на всех золотоордынских городищах вплоть до Среднего Поволжья. Одна чаша с формовочной массой из этой группы имеет форму поддона, наиболее характерную для другой, 14-й группы, но с нехарактерной обработкой поверхности — брызгами марганцевого красителя. Сама 14-я группа [Масловский 2006: 392–397] керамики византийского происхождения также представлена на Маджарском городище, причем есть экземпляр с нехарактерной для группы подглазурной росписью ангобом.

Иногда однозначное отнесение импорта к какой-либо группе затруднено. Например, дно чаши с монограммой «Михаил» по формовочной массе ближе всего к группе Юго-Восточного Крыма, но имеет незначительные особенности глазури и остальной поверхности, что допускает ее происхождение с более отдаленных территорий.

Выводы

Не все группы дальнего, и особенно ближнего импорта выделены и локализованы в настоящее время. По мере накопления материала непременно найдутся группы импорта, представленные на других памятни-

ках степной части Золотой Орды, добавятся и «экзотические» импорты из Закавказья и Северного Кавказа.

Соотношение групп импортной керамики показывает, что наиболее интенсивной была связь Маджара со столицами Золотой Орды и городами Восточного Крыма. Значительно слабее отмечены контакты с Азакком, Хорезмом, Ширваном. Стабильно, но в меньших количествах, в слое находилась керамика из Средней Азии (южнее Хорезма), Персии, Средиземноморья и с Балкан. На городище собрана выразительная и непропорционально большая коллекция разнообразных керамических импортов из Китая. Следует также отметить, что при массовом местном производстве и разнообразии изделий импорт кашинного архитектурного декора из Поволжья в Маджаре представлен более широко, чем, например, в Азаке.

Вся учтенная керамика из Маджара датируется в рамках XIV в. и наглядно демонстрирует обширные торговые связи средневекового города, однако не в полном объеме раскрывает их. Об этом свидетельствуют археологические раскопки в 2015–2017 гг. (на незначительных площадях), где практически не обнаружены керамические материалы из Китая, Испании, соседнего Азака, Ширвана и др. [Валиев 2016; Бочаров 2017; Бочаров 2018], которые широко представлены в подъемных сборах разных лет. Такой результат ставит перед исследователями новые вопросы, связанные как с датировкой застройки разных частей города Маджара, так и с атрибуцией керамического импорта.

Ясность в данном вопросе могут внести дальнейшие археологические раскопки в различных частях памятника, которые позволят уточнить планировку города и больше узнать о роли средневекового Маджара в международной торговле.

Источники

- Бочаров 2017 — Бочаров С. Г. Отчёт об археологических раскопках в Буденновском районе, г. Буденновск, на памятнике федерального значения «Городище Маджарь» (раскоп XII, шурф 2) в 2016 году. В 2-х т. // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. I. Т. I. Казань, 2017. 202 л.
- Бочаров 2018 — Бочаров С. Г. Отчёт об археологических раскопках в Буденновском районе, г. Буденновск, на памятнике федерального

значения «Городище Маджары» (раскоп XII, раскоп XIII,) в 2017 году. В 2-х т. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. I. Т. I. Казань, 2018. 242 л.

Валиев 2016 — *Валиев Р. Р.* Отчёт об археологических раскопках в Буденновском районе, г. Буденновск, на памятнике федерального значения «Городище Маджары» (раскоп XI, шурф 1) в 2015 году // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. I. Казань, 2016. 68 л. 139 илл.

Sources

Bocharov S. G. [Report on 2016 Archeological Excavations: Budyonnovsky District, Budenovsk City, Federal Monument 'Town of Majar' (site XII, pit 2)]. In 2 vols. At: Tatarstan Academy of Sciences, Khalikov Institute of Archaeology, Museum of Archaeology, Scientific Archive. Fond 4. Ser.1 Vol. 1. Kazan, 2017. 202 p. (In Russ.)

Bocharov S. G. [Report on 2017 Archeological Excavations: Budyonnovsky District, Budenovsk City, Federal Monument 'Town of Majar' (site XII, pit XIII)]. In 2 vols. At: Tatarstan Academy of Sciences, Khalikov Institute of Archaeology, Museum of Archaeology, Scientific Archive. Fond 4. Ser. 1 Vol. 1. Kazan, 2018. 242 p. (In Russ.)

Valiev R. R. [Report on 2015 Archeological Excavations: Budyonnovsky District, Budenovsk City, Federal Monument 'Town of Majar' (site XI, pit 1)]. At: Tatarstan Academy of Sciences, Khalikov Institute of Archaeology, Museum of Archaeology, Scientific Archive. Fond 4. Ser. 1. Kazan, 2016. 68 p. 139 pic. (In Russ.)

Литература

Ал-Бируни 1963 — *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед Ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / пер. А. М. Беленицкого; ст. и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 521 с.

Арапова, Рапопорт 1971 — *Арапова Т. Б., Рапопорт И. В.* К истории культурных связей Ирана и Китая в XVI – начале XVIII в. (по материалам керамического производства) // Искусство и археология Ирана: Всесоюзная конференция (1969 г.): Доклады. М., 1971. С. 19–34.

Булатов 1969 — *Булатов Н. М.* Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 14 с.

Венецева 1997 — *Венецева Н. В.* Средневековая глазурованная керамика Кипра из собрания Эрмитажа // Памятники старины: концепции, открытия, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого 1919–1997. Т. 1. СПб.; Псков, 1997. С. 133–140.

Волков 1992 — *Волков И. В.* Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. 26 с.

Волков 2001 — *Волков И. В.* Ширванский керамический импорт в Золотоордынских городах // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Мат-лы конф., посвящ. 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М.: Государственный музей Востока, 2001. С. 45–50.

Волков 2016 — *Волков И. В.* Керамика золотоордынского города Маджара // Археология евразийских степей. Вып. 23. Мат-лы Маджарского археологического форума. Пятигорск-Будённовск-2012 г. Казань, 2016. С. 139–222.

Гражданкина, Ртвеладзе 1971 — *Гражданкина Н. С., Ртвеладзе Э. В.* Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // Советская археология. 1971. № 1. С. 127–139.

Дудко 1963 — *Дудко О. А.* Поливная золотоордынская керамика по материалам городища Маджар // Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.: МГУ, 1963. С. 106–118.

Евтюхова 1965 — *Евтюхова Л. А.* Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 274–296.

Жуциховская 2002 — *Жуциховская И. С.* Традиционное гончарство Китая // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2002. № 1. С. 85–98.

Масловский 2006 — *Масловский А. Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов: Азовский краеведческий музей, 2006. С. 308–473.

Обухов, Волков 2007 — *Обухов Ю. Д., Волков И. В.* Китайская керамика из Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.: тезисы II междунар. науч. конф. (г. Ялта, 19–23 ноября 2007 г.). Ялта: Крымский филиал ИА НАНУ, 2007. С. 20–25.

- Полубояринова 2003 — *Полубояринова М. Д.* Китайский селадон из Болгара // Российская археология. 2003. № 2. С. 155–164.
- Тифлиси 1976 — *Тифлиси, Абу-л-Фазл Хубайш.* Описание ремесел (Байан ас-сана-ат) / пер., введ. и коммент. Г. П. Михалевич. М.: Наука, 1976. 256 с.
- Фёдоров-Давыдов 1994 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
- Vandiver P., Kingery W. The technology of celadon glazes. *Ceramics Monthly*. 1987. Vol. 35, No. 7. Pp. 55–56. (In Russ.)
- Maslovsky A. N. Ceramics of Azaq: brief characteristics. In: [Historical and Archaeological Investigations in the Azov and Lower Don Regions: 2004]. Vol. 21. Azov: Azov Local Lore and History Museum, 2006. Pp. 308–473. (In Russ.)
- Obukhov Yu. D., Volkov I. V. Chinese ceramics from Majar. In: [Glazed Ceramics of Eastern Europe, the Black Sea and Mediterranean: 10th – 18th Centuries]. Conf. proc. (Yalta; November 19–23, 2007). Yalta: Crimean Branch of Institute of Archaeology, NANU, 2007. Pp. 20–25. (In Russ.)
- Poluboyarinova M. D. Chinese celadon from Bolgar. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2003. No. 2. Pp. 155–164. (In Russ.)
- Tiflisi Abu-l-Fazl Khubaish. [Description of Crafts (*Bayan as-sana-at*)]. G. Mikhalevich (transl., etc.). Moscow: Nauka, 1976. 256 p. (In Russ.)
- Vandiver P., Kingery W. The technology of celadon glazes. *Ceramics Monthly*. 1987. Vol. 35, No. 7. Pp. 55–56. (In Russ.)
- Venevtseva N. V. Cyprus-manufactured medieval glazed ceramics housed by the State Hermitage Museum. In: [Monuments of Antiquity: Concepts, Discoveries, Versions. Commemorating Prof. V. D. Beletsky (1919–1997)]. Vol. 1. St. Petersburg; Pskov, 1997. Pp. 133–140. (In Russ.)
- Volkov I. V. [Ceramics of Azov: 14th – 18th Centuries]. A Cand.Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1992. 26 p. (In Russ.)
- Volkov I. V. Imported Shirvan ceramics in Golden Horde cities. In: [Middle Asia: History, Archaeology, Culture]. Conf. proc. Moscow: State Museum of Oriental Art, 2001. Pp. 45–50. (In Russ.)
- Volkov I. V. The Golden Horde town of Majar: ceramics. In: [Archaeology of the Eurasian Steppes]. Vol. 23. Proc. of the Archaeological Forum 'Pyatigorsk–Budennovsk–2012'. Kazan, 2016. Pp. 139–222. (In Russ.)
- Zhushchikhovskaya I. S. The traditional pottery of China. *Vestnik of the far East Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2002. No. 1. Pp. 85–98. (In Russ.)

Рис. 1. «Тимуридская» керамика с подглазурной росписью кобальтом. 2 – для контурной росписи дополнительно использован черный цвет. Приобретения Ю. Д. Обухова
[Fig. 1. Timurid ceramics decorated in underglaze cobalt blue. 2 – contour lines painted in black. Collected by Yu. Obukhov.]

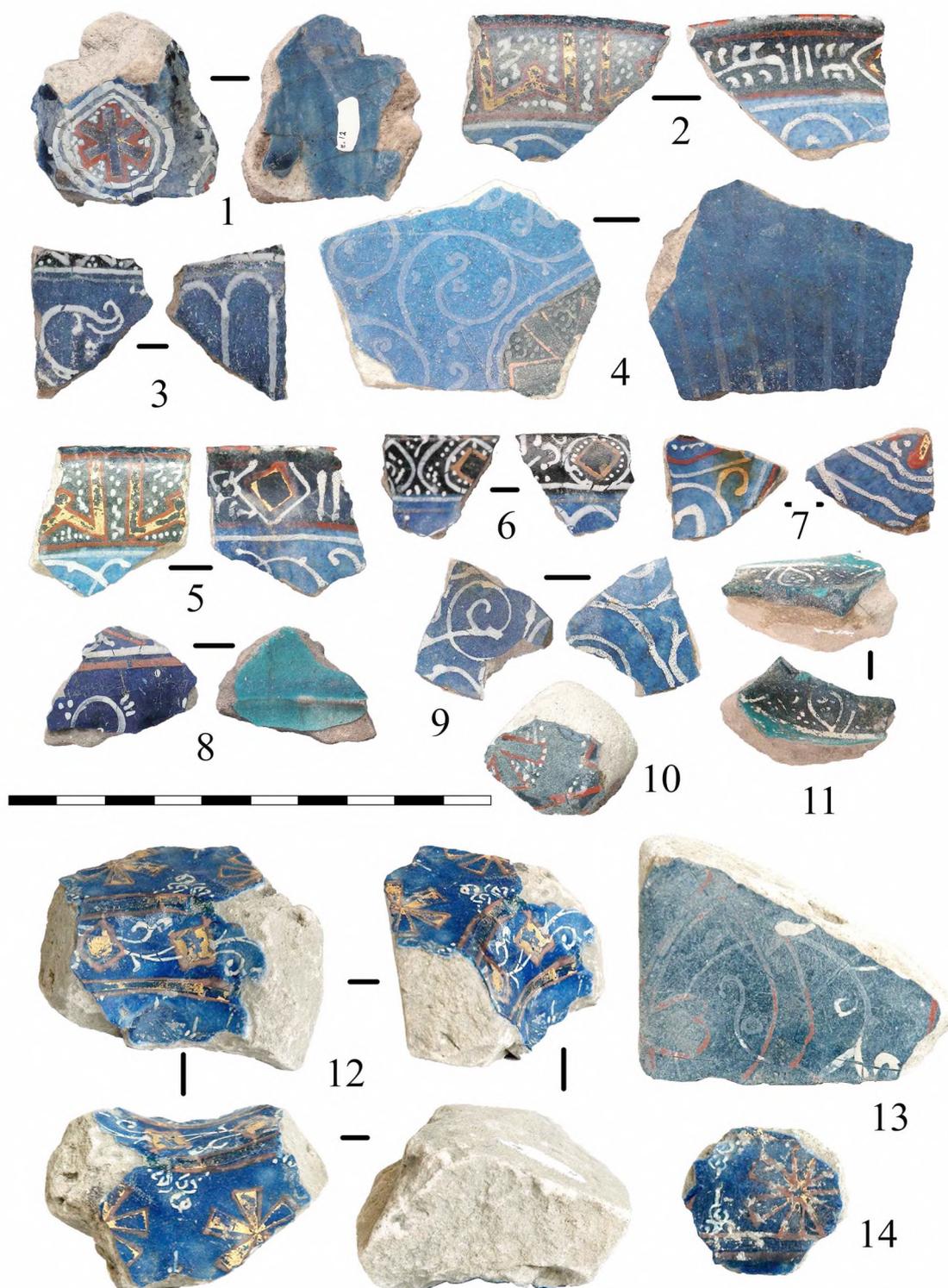

Рис. 2. Ладжвардина — кашинная керамика с глухой, полупрозрачной или прозрачной глазурью, окрашенной кобальтом, и надглазурной росписью эмалями с наложением золотой фольги. 8 — фрагменты закрытых сосудов; 2–9, 11, 14 — фрагменты чаш; 12–13 — архитектурный декор; 10 — архитектурный декор с вторичной обработкой.

[Fig. 2. Lajvardina — kashi ceramics with opaque, scumble or translucent glaze decorated in cobalt and overglaze enamel painting with gold foil covering. 8 — fragments of closed vessels; 2–9, 11, 14 — fragments of bowls; 12–13 — architectural decoration; 10 — architectural decoration with secondary finishing.]

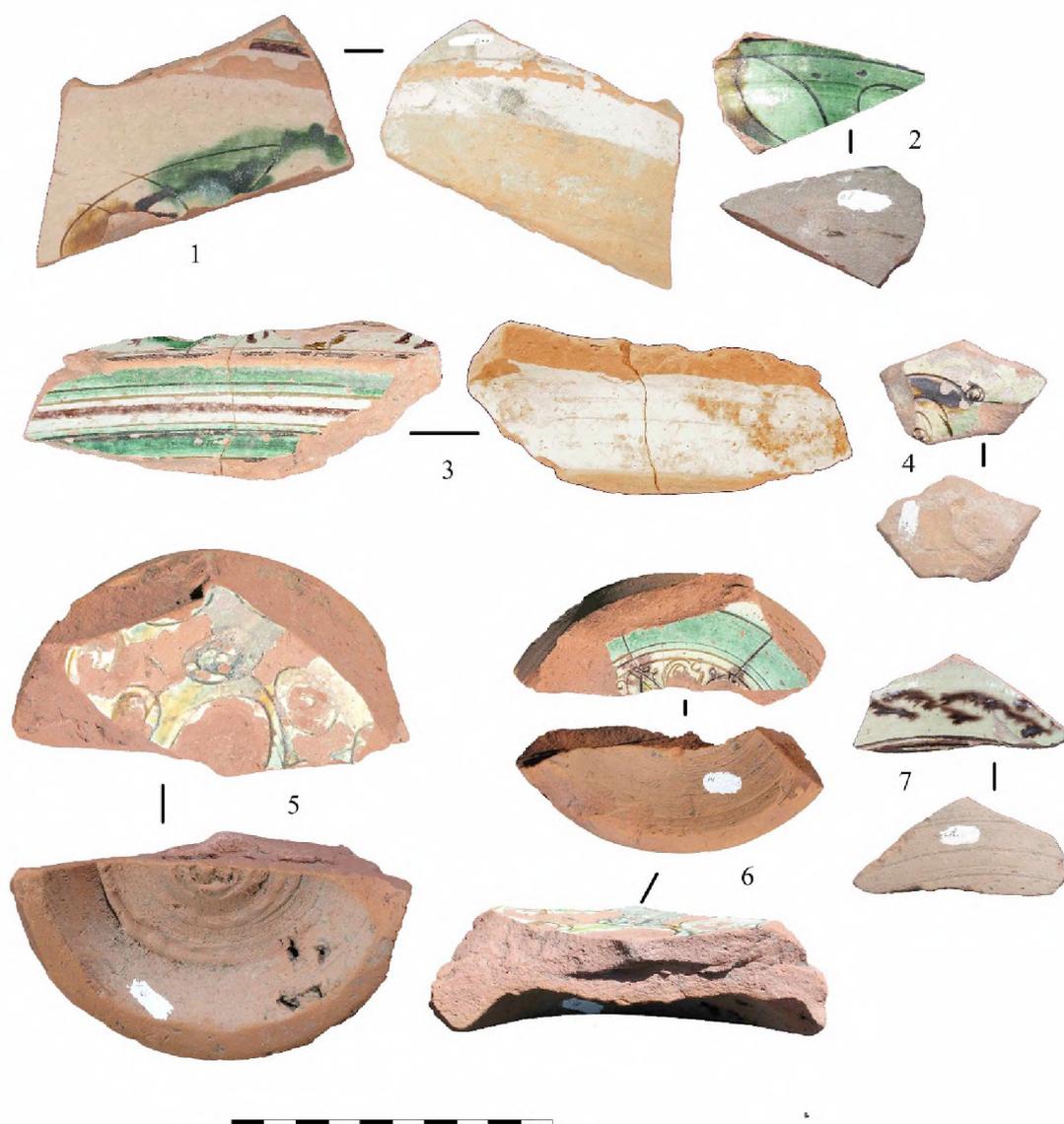

Рис. 3. Фрагменты блюд группы Ширвана. Сборы Ю. Д. Обухова
[Fig. 3. Fragments of plates. Shirvan ceramics. Collected by Yu. Obukhov.]

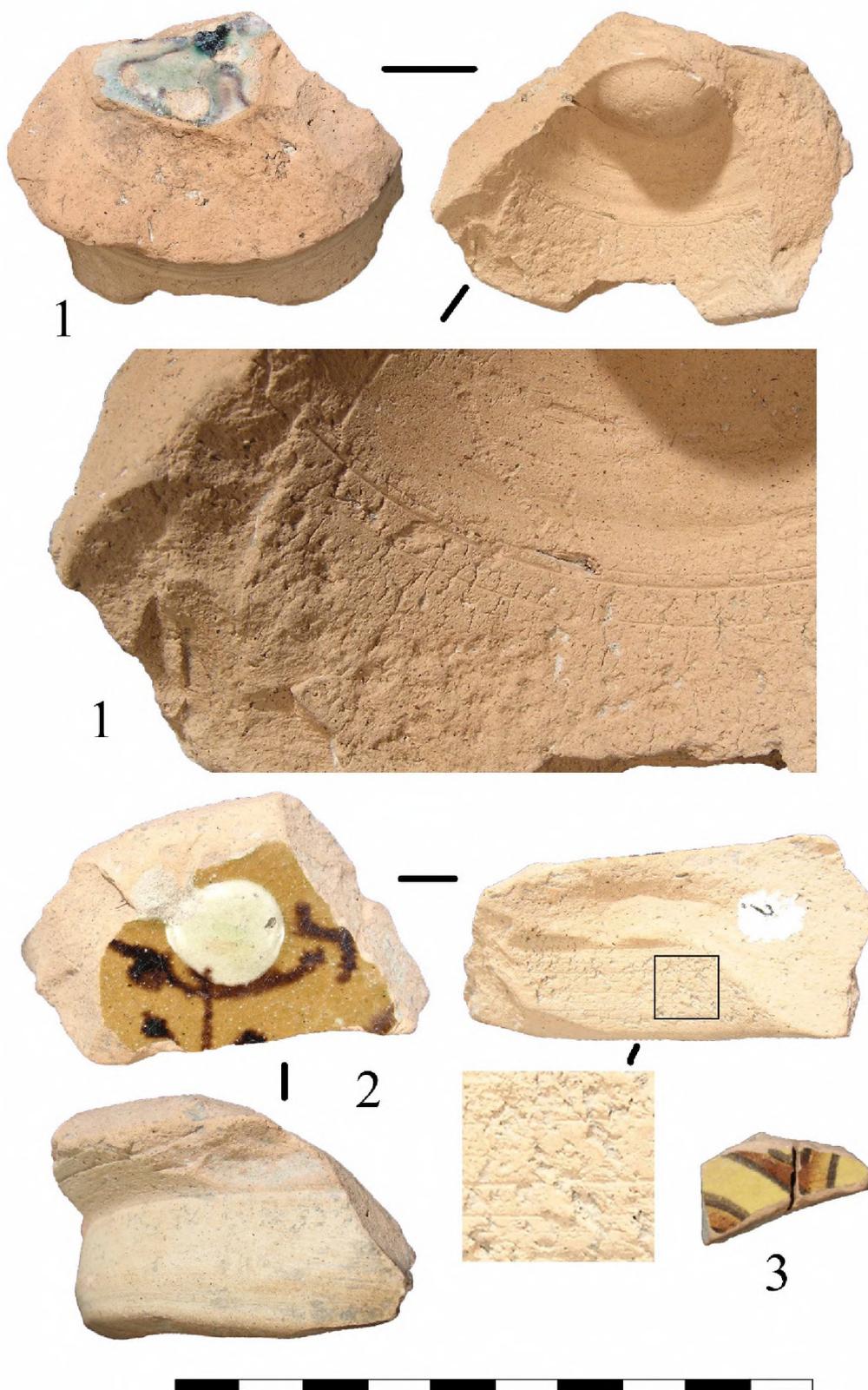

Рис. 4. Фрагменты керамики из бассейна Сырдарьи или сопредельных регионов. Видны вырезные поддоны, характерные трещинки от гончарного ножа. Сборы Ю. Д. Обухова.
 [Fig. 4. Fragments of ceramics from the Syr Darya River Valley and adjacent areas. Collected by Yu. Obukhov.]

Рис. 5. Китайская керамика цычжоу с коричневой и желтоватой росписью по светлой глазури. 1 — с остатками бирюзовой глазури поверх основной кроющей. 1–10 — фрагменты стенок сосудов. Приобретения Ю. Д. Обухова.

[Fig. 5. Cizhou ceramics (China) painted in brown and yellow over pale glaze. 1 — visible are remains of turquoise-colored glaze over the opaque one. 1–10 — fragments of vessel walls. Collected by Yu. Obukhov.]

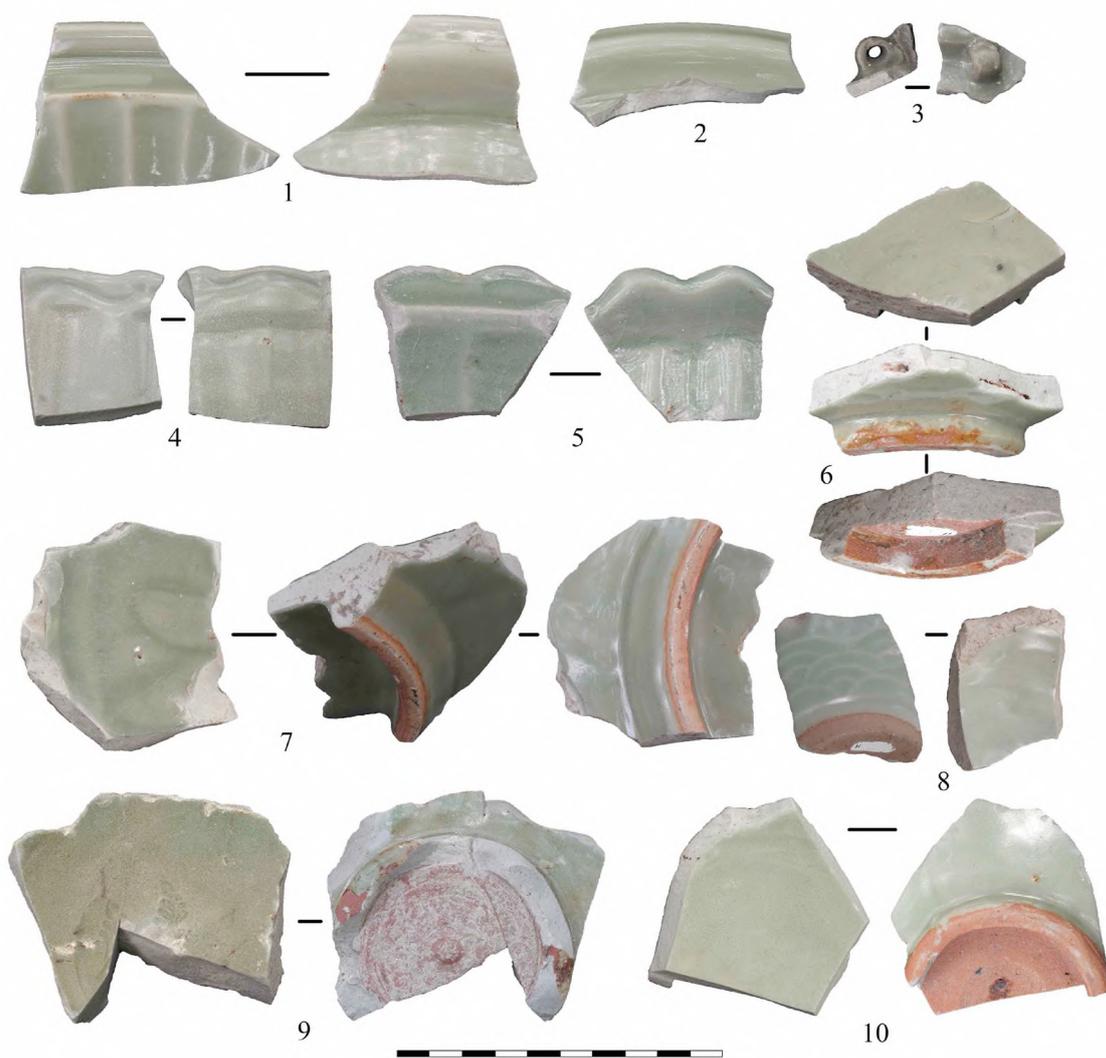

Рис. 6. Селадон. Приобретения и сборы Ю. Д. Обухова.
[Fig. 6. Celadon. Collected by Yu. Obukhov.]

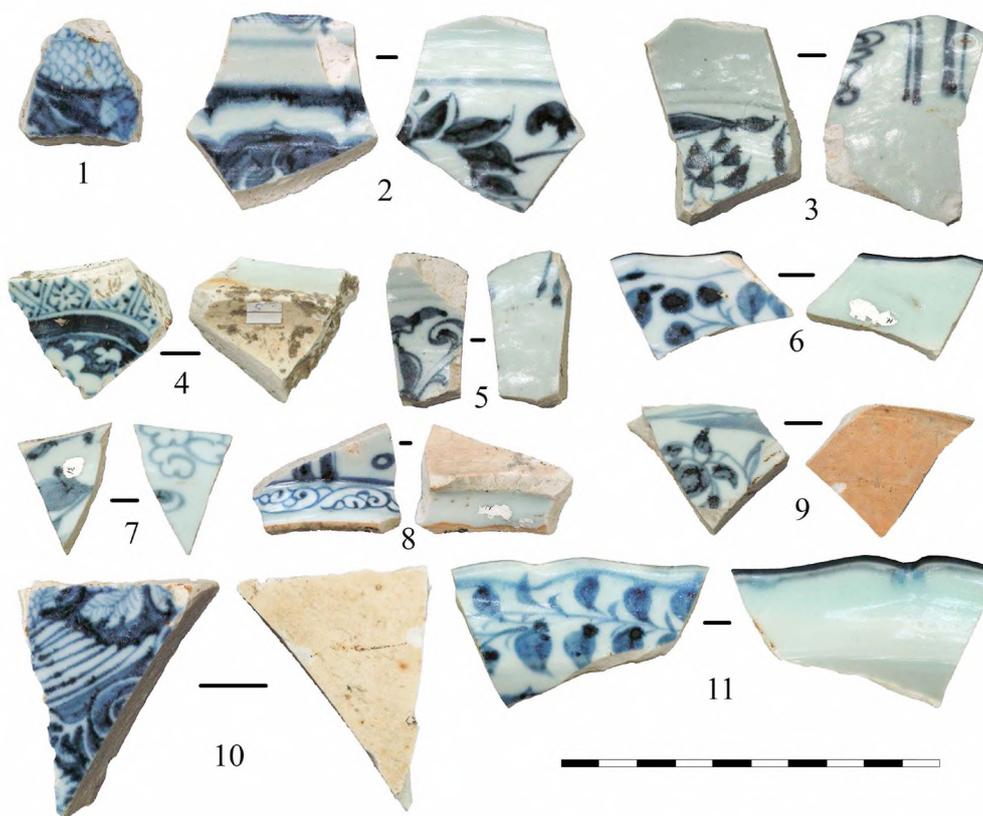

Рис. 7. Китайский фарфор с одноцветной кобальтовой росписью («цинхуа»). Сборы Ю. Д. Обухова
 [Fig. 7. Chinese porcelain painted in cobalt (Qinghua). Collected by Yu. Obukhov.]

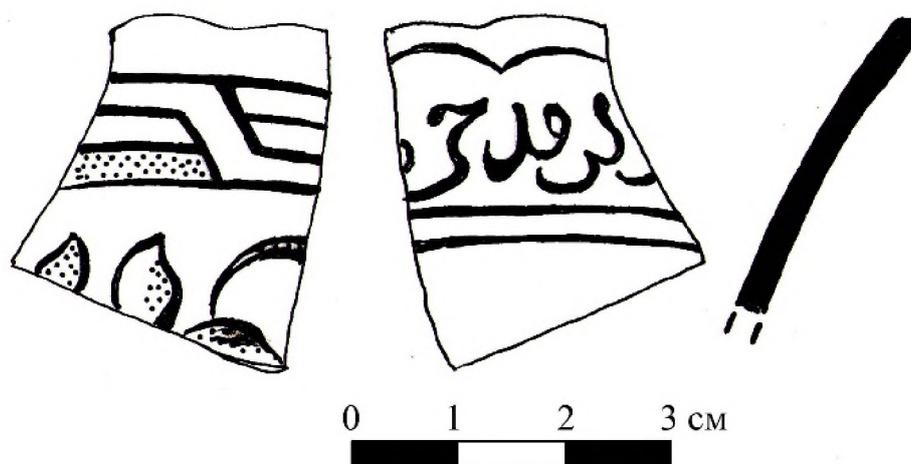

Рис. 8. Фрагмент фарфоровой чаши с надглазурной росписью. Сборы Ю. Д. Обухова
 [Fig. 8. Fragment of a porcelain bowl with overglaze painting. Collected by Yu. Obukhov]

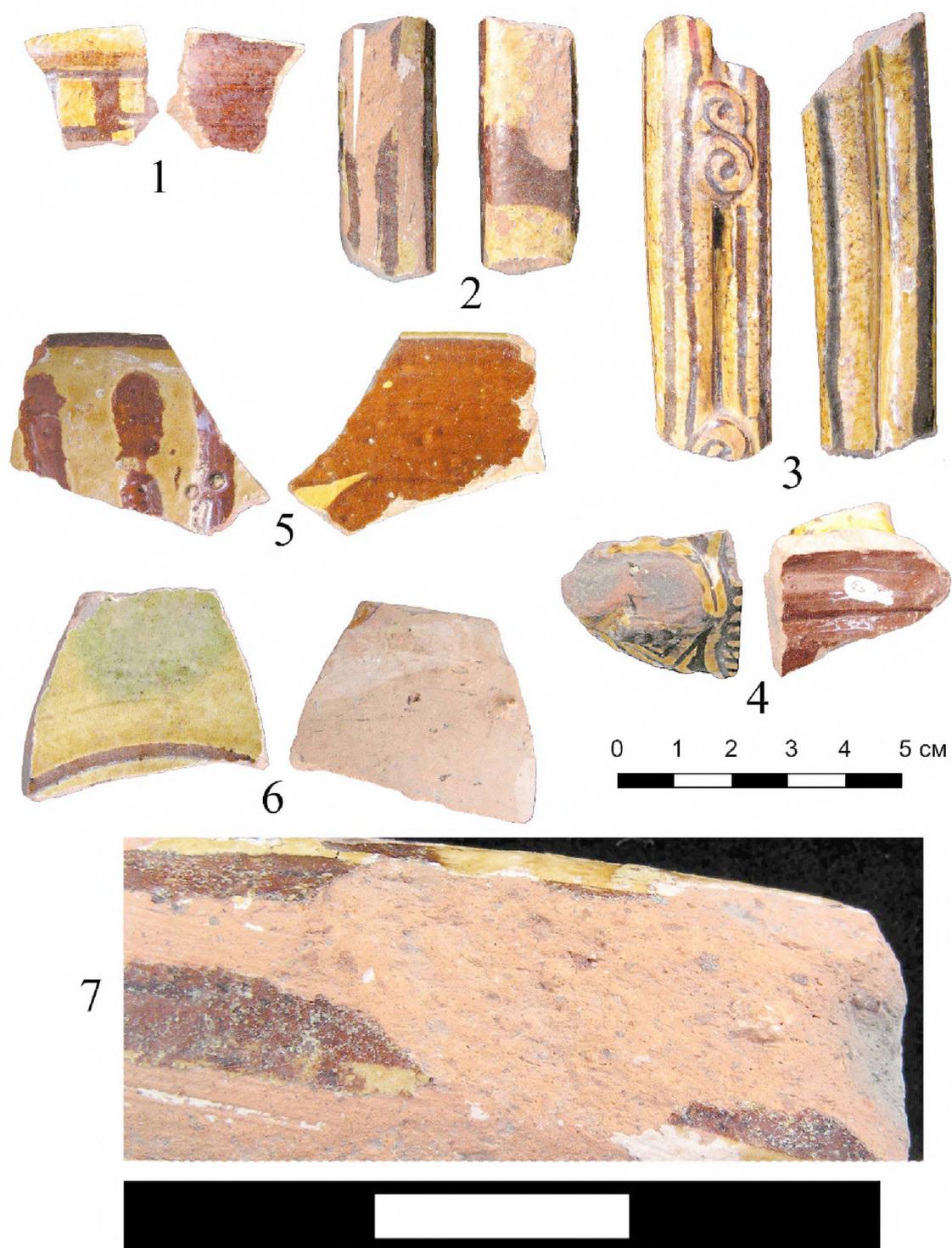

Рис. 9. Византийская керамика, группа 15. Сборы Ю. Д. Обухова.
[Fig. 9. Byzantine ceramics. Group 15. Collected by Yu. Obukhov]

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 872-882, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-872-882
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.37

«Утро начни с молитвы, день проведи в мирских деяниях» (буддийская этика в наставлениях Усун Дебескертү-хана)

Баазр Александрович Бичеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Соединение «двух правил» — светской и религиозной этики — является характерным признаком произведений дидактического жанра монгольской старописьменной литературы. Буддийская этика — это своеобразная этическая система, представленная некоторой совокупностью авторитетных текстов, сформированных монашеской элитой в соответствии с буддийской Дхармой. Даже если в некоторых произведениях религиозные наставления не занимали доминирующего места, конечная их цель объяснялась с точки зрения буддийского учения. Одним из таких произведений дидактической литературы является «История Усун Дебескертү-хана». В ойратском переводе текст известен под разными названиями, среди которых есть и такие, в которых прямо указано, что это наставления тибетского царя Три Ралпачана (ойр. *Üsün debiskertü xān*). Произведение состоит из стихотворных наставлений, которые по своему содержанию близки устной афористической поэзии, но замтно отличаются от них развернутой формой. Они охватывают все сферы жизнедеятельности человека и конструктивно выстроены на противопоставлении благих и греховных деяний. Основная цель наставлений заключалась в проповеди поведения, которое соотносится с общепринятыми в обществе религиозными нормами. Прямых наставлений относительно религиозной практики среди них не так много. Однако те наставления, которые, на первый взгляд, касаются обычного поведения, так или иначе, содержат в себе религиозный аспект. *Цель статьи* — введение в научный оборот ойратского текста «Истории Усун Дебескертү-хана» и анализ буддийских этических норм в содержании наставлений для всех слоев общества. *Решаемые задачи* — определить религиозную составляющую в проповедуемых этических нормах. *Основной метод исследования* — историко-философский и сравнительно-сопоставительный анализ. *Новизна работы.* Несмотря на широкую распространенность текста в прошлом, анализ содержания произведения не осуществлялся. *Результаты исследования:* буддийская этика как система этических норм содержится в разных по назначению текстах, сформированных монашеской элитой в соответствии с буддийской Дхармой; текст рукописи «История Усун Дебескертү-хана» представляет собой сборник наставлений, основанных на буддийской этике. *Выводы.* На основе анализа текста рукописи «История Усун Дебескертү-хана» раскрывается религиозное содержание наставлений. Несмотря на то, что в провозглашаемых этических нормах религиозная составляющая не занимает основного места, конечная цель этих наставлений объясняется в аспекте буддийской этики.

Ключевые слова: ойратская рукопись, дидактические тексты, наставления Усун Дебескертү-хана, буддийская этика

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бичеев Б. А. «Утро начни с молитвы, день проведи в мирских деяниях» (буддийская этика в наставлениях Усун Дебескертү-хана). *Oriental Studies*. 2019;(5): 872–882. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-872-882.

UDC 821.512.37

‘Begin the Morning with a Prayer, and Spend the Day in Temporal Affairs’: Buddhist Ethics in Usun Debeskertu Khan’s Homilies

*Baazr A. Bicheev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The combination of two rules — temporal and religious ones — is typical for Classical Mongolian ‘twofold’ didactic compositions. Buddhist ethics is a specific moral system represented by a corpus of reputable texts compiled by monastic elites in accordance with their beliefs. Even if some of the works do not focus on religious precepts as such, certain ultimate objectives of the former are explained from the perspective of the Buddhist teaching. And one such didactic composition is *The Story of Usun Debeskertu Khan*. Its Oirat translation bears different titles, including ones mentioning those are precepts of the Tibetan King Tri Ralpachen (Oir. *Usun Debeskertu Khan*). The text is compiled from versified homilies that are essentially close enough to oral aphoristic poetry, though distinguished by an explicit form. It covers all spheres of human life and structurally oppose virtuous deeds to sinful ones. The homilies primarily sought to advocate behavioral patterns that would meet socially accepted religious norms. As for instructions dealing with religious practice, those are few enough. However, the bulk of formal temporal guidelines — one way or another — contain religious aspects. *Goals and Objectives.* The paper aims to introduce into scientific discourse the Oirat text of *The Story of Usun Debeskertu Khan* and analyze its didactic contents. It is also essential to determine the religious impact and reveal the Buddhist elements. *Methods.* The article basically employs the historic-philosophical and comparative methods. *Research novelty.* Despite the wide distribution of the Buddhist ethical text in manuscript copies, its contents have never been analyzed scholarly. *Results.* The study shows that Buddhist ethics as a system of moral norms is manifested in different texts elaborated by monastic elites pursuant to the Buddhadharma. The composition examined emphasizes no religious aspects, though seeking to guide its readers towards the Buddhist path of salvation. *Conclusions.* The analysis conducted reveals the religious essence of the homilies, Buddhist ethics constituting the actual background of the formal narrative.

Keywords: Oirat manuscript, didactic texts, precepts of Usun Debeskertu Khan, Buddhist ethics

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Bicheev B. A. ‘Begin the Morning with a Prayer, and Spend the Day in Temporal Affairs’: Buddhist Ethics in Usun Debeskertu Khan’s Homilies. *Oriental Studies*. 2019;(5): 872–882. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-872-882.

Введение

Основной темой произведений дидактического содержания, составляющих большой пласт старописьменной монгольской литературы и пользовавшихся популярностью в широких слоях общества, является буддийская этика. Буддийскую этику можно назвать своеобразной системой этических принципов или правил этики, сформированных монашеской элитой в соответствии с буддийской Дхармой и представленных некоторой совокупностью авторитетных текстов, основанных на махаянском положении бодхичитты. К примеру, в буддийской комментаторской традиции известно сочинение Цонкапы (1357–1419) «Плодовые гроздья». Полное ее название — «„Плодовые гроздья сиддхи“: объяснение того, как бодхисаттвам, следующим по пути тайной мантры, сделать свою практику нравственности совершенно чистой» [Цонкапа 2012].

Произведения дидактической литературы составляют нижний пласт текстов подобного содержания. В утилитарном смысле они представляют собой сборники стихотворных наставлений об этике добродетельной жизни и мудрости. Они читались, переписывались, печатались и пользовались любовью у почитателей книжной старины. Об их популярности свидетельствует содержание «Калмыцкой хрестоматии для чтения в аймачных и в младших отделениях улусных школ», составленной в 1906 г. учителем улусной школы Ш. Болдыревым [Калмыцкая хрестоматия 1927].

Литературные произведения, вошедшие в хрестоматию, были заимствованы составителем «из старинных калмыцких писаний». В нее были включены образцы наиболее известных произведений, в том числе и буддийские наставления. Ш. Болдырев, обладавший авторитетом учителя улусной школы, имел доступ к библиотекам улусных монастырей, личным коллекциям любителей книжной старины, о которых сообщает в своих отчетах Н. Очиров [Очиров 1910; Очиров 1913].

Большинство текстов из хрестоматии Ш. Болдырева представляют собой образцы дидактической литературы: «Субхашита» («*Sayitur nomloxo erdemiyin sang*»), «Ключ разума» («*Oyuni tulkür kemekü oroşiboi*»), «Слова, сказанные Учителем-наставником Седкелин-хану» («*Buyani sadun Sedkeliyin*

xāndu eyin kemēn zarliq bolbo»), «История Огелегу Бедерегчи хана» («*Ōqligō bedereqči sayin xāni tuuŋi*»), «Правитель благословенной страны Хашанг-хан» («*Bayasxalangtu oroni Xašing neretei xān*»), «Поучения Чингис-хана братьям и сыновьям» («*Boqdo Činggis xān düüner bolon köbüüd-yēn suryān zarliq boloqson inu*»), «Восхваление Чингис-ханом своих сподвижников» («*Činggis Boqdo xān yayaŋi tüšimelmüi-dēn maqtadaq bölögei*»), «Будда и брахман» («*Burxan birman хойор*»), «Законы существования материального и органического миров» («*Orčilonggin saba šimiyin axa yoson*») [Бичеев 2019].

Из вошедших в состав хрестоматии Ш. Болдырева произведений можно указать лишь на два текста, в содержании которых основное место занимают религиозные наставления. Это «Будда и брахман» [Бичеев, Бичелдей 2019] и «Законы существования материального и органического миров» [Бичеев 2003].

Другим произведением, вошедшим в состав хрестоматии под §§ 111–112 и получившим широкое распространение в письменном и устном вариантах, является «История Усун Дебескерту-хана» [Страхов 1810; Бадмаев 1899]. В ойратском переводе текст известен под разными названиями, среди которых есть и такие, в которых прямо указывается, что это наставления третьего «царя Дхармы» в Тибете — Трицуг Ралпачана (тиб. *khri gtsug lde brtsan Ral-pa-can*; ойр. *Üsün debiskertü xān*), который был известен своей приверженностью буддийским этическим идеалам [Пагсам-Джонсан 1991: 31–32].

Буддийская этика в содержании «Истории Усун Дебескерту-хана»

«История Усун Дебескерту-хана» состоит из стихотворных наставлений, принадлежавших самому Усун Дебескерту-хану, а также тринадцати его министрам. По содержанию они близки устной афористической поэзии и выстроены по принципу противопоставления мудрого и глупого, хорошего и плохого. Главная цель наставлений заключена в проповеди этики поведения, которая соотносилась с общепринятыми в обществе религиозными нормами.

Вводный раздел произведения содержит указания на характерные для произведений

дидактического жанра монгольской старописьменной литературы признаки соединения в едином пространстве текста наставле-

*būkū tende sūr jibxulang-inu: γurban zūi=yil bui:
uridu-inu: γurban erdeni-yin sūr jibxulang:
nōgō-inu xamu=giyin ezen xāni sūr jibxulang:
γutayār-inu ündüsün Naγan-zu kigē=di ulus-daki
tüšimediyin sūr jibxulang:*

Наставления самого Усун Дебескерту-хана сформулированы в идее правил

*xān kümüni küse=leni yeke bolxulā
xamuq ulus irgen moujrayu:
xara-ču sayid tüšimel yeke sedkiltei bolxula
xayirtu amiduni xarši:*

Особый акцент в общей массе наставлений, высказанных Усун Дебескерту-ханом, делается на одной из главных тем буддизма — драгоценности человеческой жизни. В буддийских текстах говорится, что обрести рождение в драгоценном теле человека чрезвычайно трудно. Одним из частых примеров во многих буддийских текстах выступает притча о слепой черепахе, плывущей в глубине вод мирового океана, по бескрайним просторам которого плывет

*er=denitü kümün-ni beye oluqsad
dorodusiyin mör-yēr yabuxula:
uru-daki ulušiγin domoq boluyu:*

Этот вводный раздел завершается наставлением о том, что утро каждого благонаправленного человека должно начинаться с мо-

*örölḡ erte mana-γār nomiyin üyi=le yabuul:
ödöriγin caqtu yertüncü=yin üyile yabuul.:*

Среди особо значимых в традиции буддизма этических ценностей следует выделить традицию почитания Учителя-наставника (санск. *kalyāṇa-mitra*; тиб. *dge ba'i bshes gnyen*; ойр. *biγani sadun*; букв. 'Сын добродетели'). Культ духовного наставника является обязательным в буддизме. В содержании многих сутр говорится, что прежде чем вступить на путь спасения, необходимо встретить Учителя-наставника, которо-

ний «двух правил» — светского и религиозного.

Величие всех этих [деяний] трех видов:
Во-первых, величие Трех Драгоценностей,
Во-вторых, величие Правителя мира,
В-третьих, величие зачинателя
Нагарджуны и чиновников.

[ЛКЦ: Л. 1b].

«что надо делать» и «чего делать нельзя» представителям разных слоев общества.

Если хан имеет невероятные желания,
Будут страдать все подданные.
Если простой народ и чиновники возгордятся,
Будет опасно для их драгоценной жизни.

[ЛКЦ: Л. 2a].

дощечка с отверстием посередине. Иногда черепаха поднимается к поверхности океана. Какова вероятность того, что вынырнувшая глотнуть воздуха слепая черепаха попадет головой в отверстие дощечки? Ничтожно мала, почти невероятна. А потому, обрета драгоценное тело человека, не практиковать путь спасения считается высшей степенью невежества, возникшей в результате стойкой привязанности человека к мирским страстям.

Существа, обретшие драгоценное тело человека и следовавшие по пути грешников,
Стали притчей в языках для прежних людей.

[ЛКЦ: Л. 2a].

литвы, а дневные деяния вершиться по установленным в обществе нормам поведения.

Утро начни с молитвы,
День проведи в мирских деяниях.

[ЛКЦ: Л. 3a].

го традиционно уподобляют проводнику, оберегающему от блуждания по незнакомой местности и от подстерегающих опасностей, или рулевому, уверенно направляющему лодку к другому берегу. Не является исключением и наш текст, в котором эта тема находит свое отражение. Так в наставлениях о шестнадцати признаках, присущих благородному человеку, одиннадцатым названо почитание Учителя и родителей.

*baq̄ši kigēd ečige eke youṽān kündülekü-
lügē arban nigen:*

В-одиннадцатых, почитает учителя-наставника и родителей.

[ЛКЦ: Л. 3б].

Поклонение наставнику не требует веры в его сверхъестественные способности. Культивировать в себе преданность учителю нужно не потому, что он обладает какими-то сверхъестественными способностями, а потому, что движение по пути освобождения

происходит только посредством обучения и практики под руководством наставника. Человек должен относиться к своему наставнику как к высшему объекту поклонения, потому что он является для него дверью в практику освобождения от страданий.

*očirtu baq̄ši youṽān mörgün takād biširen
kündü=leküi:
ečige eke kigēd küq̄šinarani idēn
xubcasu-yēr kündülekü:
ulušiyin noyoni töröyün yosōr kündülekü:
uruq elekeni darsun ma=xa-yēr kündülekü*

Почитай Драгоценного Учителя,
поклоняясь ему и благоговей перед ним,
Почитай родителей и старейшин
подношением еды и одежды,
Почитай правителей уважением к власти,
Почитай родственников, угощая их вином и пищей.

[ЛКЦ: Л. 6а].

Обрести человеческое тело невероятно трудно, но рождение человеком еще не гарантирует освобождения от страданий. Необходимо вступить на путь спасения от страданий, указанный Буддой. Человек, не вступивший на этот путь, уподобляется глупцу, добравшемуся до берега полноводного Благородного Восьмеричного океана и умершего от жажды.

Отправная точка вступления на путь буддийского спасения начинается с принятия Прибежища в Учителе-наставнике и Трех

Драгоценностях. Обет Прибежища является этикой в том смысле, что он включает в себе поведение, согласующееся с верой в Три Драгоценности. Принятие такого обета есть обретение дисциплины буддиста-мирянина. Принявший обет Прибежища должен строго придерживаться шести обетов для достижения результатов.

Об этих правилах обета Прибежища достаточно подробно говорится в комментариях на текст молитвы Прибежища («Иткл») [Бичеев 2004].

Шесть обетов для принявших Прибежище

1. Постоянно практиковать обет Прибежища,
2. Проявлять усердие в практике Прибежища,
3. Проявлять милосердие и сострадание ко всем живым существам,
4. Отречься от деяний, омрачающих карму,
5. Читать молитву Прибежища пять раз в течение суток,
6. Не прерывать обета Прибежища до последнего дня жизни.

Результат принятия обета Прибежища

1. Возможность принятия других обетов,
2. Устранение всех препятствий,
3. Накопление благой кармы,
4. Защита от падения в три низшие формы рождения,
5. Защита от вредного воздействия других людей и нечистой силы,
6. Реализация всех задуманных планов,
7. Возможность встречи с буддами,
8. Возможность достичь Просветления.

[Сетенов 1914: 2–3].

Лишь приняв обет Прибежища и преисполнившись решимости достичь состояния Просветления ради блага всех страдающих существ, человек становится готовым на-

всегда отказаться от совершения пагубных для кармы деяний. Такие наставления присутствуют и в наставлениях «Истории Усун Дебескерту-хана».

<i>ügedü mergen bolus kemēkülē oloni dotoro yabu:</i>	Если хочешь стать искусным в слове, будь среди людей,
<i>nomdu mergen bolsu ge=külē ücūūken-ēce nom sur:</i>	Если хочешь постигнуть дхарму, учись смолоду,
<i>olon-du sayin keulstü gekülē üge yabu=dalā kicē:</i>	Если хочешь принести пользу многим, усердствуй в деяниях,
<i>bügüdeyigi onolosu gekülē xotoloyigi asara:</i>	Если хочешь объять многое, заботься обо всех.

[ЛКЦ: Л. 10b].

Еще одним фундаментальным положением буддизма является наставление о непостоянстве всего сущего и неизбежности смерти. Буддийские учителя утверждают, что сначала необходимо прийти к осознанию не вечности всего сущего и только потом приступить к постижению других духовных

практик. Скоротечность земной жизни уподобляется стремительному полету стрелы, необратимому низвержению водопада, неотвратимости пути идущего на казнь [Гампопа 2001: 29]. В произведениях популярной литературы это наставление представлено в несколько упрощенной форме.

*Амрагийн эцэс хагацдаг биш үү,
Хагацсаны хойно уулздаг буй.
Төрсний эцэс үхдэг буй,
Үхсэний хойно төрдөг буй.
Тарьсаны хойно хаддаг биш үү,
Хадсаны хойно ургадаг буй.*

*Встреча закончится разлукой,
После разлуки [будет] встреча.
Рождение заканчивается смертью,
После смерти [будет] рождение.
После сева следует покос,
После покоса [будут] всходы.*

[Сумъяа 2011: 129].

Буддийская концепция о не вечности и неизбежности смерти была своеобразным наставлением, помогающим в момент наступления смерти не растерять своей духовности, предписываемой религиозной

традицией. В содержании «Истории Усун Дебескерту-хана» это положение представлено в виде наставления — встретить смерть с мудрым осознанием неизбежности устранения тела.

irēd ödūyigi uqtun me=dekülē ünēn cecen ketēyü:
endeq=sen xoyino gemšiyu youn tusa:
mōng=kū busu yōüdkūyīn yosun bui::

Мудрым называют того, кто осознал, что все преходяще.
Что пользы горевать из-за страданий,
Если известно, что все не вечно и смерть неизбежна.

[ЛКЦ: Л. 9a].

Земная жизнь как промежуток времени между смертью и будущей формой рождения очень важен с точки зрения очищения

кармы от негативных накоплений, поскольку это последняя возможность накопления благих заслуг.

*yerü kümūtei beye oluqšan mani adali bayitala:
jiryaxu zoboxu uri=du üyileyin irēliyin küčün bui::*

Хотя мы обретаем одинаковое тело человека, Страдания и благополучие в [этом теле] — это результат деяний прошлого.

[ЛКЦ: Л. 9b].

Именно этот акцент: соблюдать фундаментальные правила пратимокши для мирян — путь десяти благих деяний (*арвн цаһан буйн*) и отказ от десяти неблагих деяний (*арвн хар нүл*), как можно больше

культивировать три благих действия тела, четыре благих действия речи и три благих действия ума — является главным в этих наставлениях.

<i>xoyitu mōrōn yasasu gekülēi olon-luḡā bu</i>	Если стремишься улучшить карму, то не
<i>moula:</i>	ссорься с другими,
<i>ōbōrōn kūdūdsū gekülē tenggeri kümūni</i>	Если стремишься к уважению, восхваляй
<i>maqtan ōgtūle:</i>	небожителей и людей,
<i>ariun dēdū mōrtū kūrśū gekülē: arban</i>	Если стремишься достичь пути истины, то
<i>bu=yantu üyile kecē:</i>	усердствуй в десяти благих деяниях,
<i>amitan bügüdedü tāluulsu gekülē alaḡčılal bu</i>	Если стремишься помочь другим, то
<i>üyilēd:</i>	отрекись от алчности.
<i>tōḡēr jirḡal zobolong-giyin ači üre ōbōrōn</i>	В результате таких деяний обретается
<i>ireyu:</i>	благая и неблагая карма.
	[ЛКЦ: Л. 10b].

Привязанность к мирской жизни, накопление негативной кармы приводит к падению в три низшие формы рождения. Основанием для вины или заслуги соответственно являются зло, причиненное другим существам, и добро, сделанное для других.

Содержание наказания за причинение зла другим существам дает представление о том, чего боялись, во что верили и на что надеялись простые верующие, неискушенные в доктринах учения.

<i>ba=yān bolxu ügeyitei bolxu uridu ōq=ligüyin</i>	Быть богатым или бедным в этой жизни —
<i>küčün bui:</i>	это результат практики даяния в прошлом.
<i>jirḡaxu zoboxu uridu üyileyin erke bui::</i>	Страдания и благоденствие — это результат
	прежних деяний.
<i>irōl=yin küčün-ēce biši sanāqsār küseji ülü</i>	Все зависит не от желаний, а лишь от
<i>bolxu:</i>	совершенных деяний.
<i>ene beyedēn erke oloq=san caqtān:</i>	Обретя возможности этого рождения,
<i>mou sedkiliyin erkedü bu talbi:</i>	Не придавай силы греховным помыслам,
<i>endōüreši ügei nom-du ki=cēqtun::</i>	Усердствуй в истинной Дхарме.
	[ЛКЦ: Л. 9b].

Полностью нарушаются нормы тогда, когда присутствуют «четыре сопутствующих фактора»: 1) совершают греховные деяния без сожаления, 2) не размышляют о

последствиях своих деяний, 3) собираются нарушать их и далее, 4) нарушения доставляют удовольствие.

<i>xu=dal xulaxayayigi bayasxulang-yēr a=bād:</i>	Тот, кто с радостью совершает воровство,
<i>xudaldu aralḡai kegēd e=di mou kelekū</i>	Торгуя, обманывает и оскорбляет других,
<i>ama aldaqsan nüültü idē idēd:</i>	Не держит слова и ест грешную пищу,
<i>ōri yala xoyor-ē=ce ayixu ügei:</i>	Не стыдись, что не вернет, берет в долг,
<i>on tutum nigen noyoni šütüqçi tere kümün</i>	Каждый раз находит нового покровителя,
<i>üküye=d arban nayiman tamu kerükü:</i>	Такой человек по смерти обречен скитаться
<i>üze=tele köbüün okin-ni türüji üke=d:</i>	по восемнадцати отделениям ада,
<i>ezeleqsan balḡasun gēr-inu ünesün tōsun bolxu</i>	Дети его умрут от нищеты [за его долги],
<i>tōüni gē=kü:</i>	Дом его превратится в прах и пыль.
	[ЛКЦ: Л. 4a].

На уровне обыденного понимания практика кармы заключается в соблюдении ряда предписаний: 1) не заблуждаться, что он вечен, 2) не сомневаться в существовании пути спасения, 3) верить, что молитвой и добрыми делами достигнешь спасения, 4) не поддаваться зависти, желанием и гневу,

5) избавиться от чувства нелюбви к людям, 6) не развивать в себе привязанность к сансаре, 7) не уповать на легкое освобождение от страданий сансары, 8) воздерживаться от злословия, искоренять неведение [Кануков 1928: 47].

Буддийские тексты описывают человека

как совокупность пяти скандх (*форма, ощущения, представления, волевые импульсы и сознание*). В основе этого описания лежит буддийское положение о бессамостности, основанное на «недвойственности» ума. Для обычных верующих это сложное фило-

софское положение в данных наставлениях переводится в понятие трех видов нравственности: 1) нравственность соблюдения обетов; 2) нравственность, которая объединяет благие деяния; 3) нравственность заботы о благе живых существ.

yerü-dü tustai sayin üyile-yigi bayasxulang-yēr abād: öböriyin yabudalān ünen-yēr kicēn yabuxu-luḡā nigē:

Во-первых, с радостью совершает полезные для других деяния и усердствует в правильности своих деяний.

aliba sayin mou üi=leyigi dotorōn bagtayad: ad=xaq seḡigi ülü ködölgön: amaraq nöküddön asaran xarixui-luḡā zur=ḡān:

В-шестых, осознав все хорошие и плохие деяния, не проявляя предубеждений, с заботой и любовью относится к близким и друзьям.

jōlōn čirayitei ünen ügetei bolōd nasuda amur yabuxui-luḡā do=lōn: kilbar zarḡuyigi ünen-yēr [3b] kelēn:

В-седьмых, шествует по жизни с приятным выражением лица и праведной речью.

kereqtü caqtu mese xuyagi belēn-yēr ümüsküi-lügē nayiman:

В-восьмых, выносит правдивые решения и в любую минуту готов выступить с оружием.

uxān biligi töröülügēi ülele=mji dēdü cayān nom surxui-luḡā arban tabun:

В-пятнадцатых, постигает порождающую мудрость драгоценное благое учение.

[ЛКЦ: Л. 4а, Л. 6b].

Все три вида нравственности являются продолжением этики, являющейся условием для наличия у человека бодхичитты — устремленности к просветлению, представляющей собой альтруистический порыв, объединенный со знанием и муд-

ростью. Бодхичитта представляет собой сочетание сострадательной заботы о живых существах с торжественной клятвой достичь совершенства для того, чтобы сделать все, что требуется для прекращения их страдания.

olon amitani ḡir=ḡalang-du oruulxulā: ertenı boḡdoḡiyin yabudal tere boloi::

Привести людей на путь благоденствия — это деяние, достойное святых прошлого.

ertenı boḡ=dos erkin dēdü ḡurban eredeniyigi oroyin=dōn sanaqsani kücün-yēr: olon amitan-du surḡuuli bolon zokō=bo:

Святые существа прошлого силою созерцания над собой Высших Трех Драгоценностей утвердили эти наставления для многих людей.

Ряд наставлений в этом произведении адресован непосредственно священнослужителям, которые нарушают принятые ими обеты. При этом падения, которые совершаются ими, даются параллельно с неблагоприятными

деяниями простых людей. В узком смысле виновный в нарушении этики совершает падение и отлучается от пути духовного развития. Их этика перестает быть этикой члена общества.

ai blama dūrū-bēn moulxulā tamudu unuyı: sakuusun-na muulxula ebečin kürtüyü:

Каждый из лам, нарушивших обет, падет в ад, Хуливший своего покровителя обретет
болезнь,

bandı bumbu kütünē muulxulā amin nasun axur boloyı:

У послушников, нарушивших обет, будет
короткая жизнь,

önör ulus muulxulā dayısın bolun odoyu:

Если многочисленный люд отречется от обета, наступит вражда.

[ЛКЦ: Л. 8а].

Закрывать четыре двери, через которые происходят падения: неведение, высокомерие, недостаток внимания и добросовестности, страсти — чрезмерная собственная значимость, сексуальные желания, стремление к высокому положению в обществе.

sa=yin blama dēdū nom bariyu:
mou blama gergi bariyu:
sayin xān kūmūn šajin törö bariyu:
mou xān kücübēn zāyu:

Истинный лама будет держать обет,
Грешный лама будет держать жену.
Мудрый правитель будет держать власть,
Глупый правитель — выказывать силу.

[ЛКЦ: Л. 76b].

asaraxu nigütü=leskūi ügei blama:
ači tusa ügei noyon
ami ülü xalxalxu xuyaq duulya:
alal=caxu-yi-du dayisuni ülü dāxu zer zebe:
tusulan ülü sedkiqēi mou ü=ruq eligen kigēd:
tonilji ülü bolxu mou eme:
unuji ülü (bolxu) mou xašing morin:
ügedü ülü oroxu nüültü nökür:
ede bügüdebei bolbo čü bayar ügei::

Лама, не имеющий сострадания,
Правитель, не приносящий пользу,
Доспехи, не оберегающие жизнь,
Оружие, не разящее врагов в битве,
Родственники, не оказывающие помощь,
Жена, от которой невозможно избавиться,
Лошадь, которую невозможно оседлать,
Друг, не слушающий твоих слов, —
Всё это не приносит радости.

[ЛКЦ: Л. 76b].

Таким образом, в тексте «Истории Усун Дебескерту-хана» дается общая жизненная установка — всегда вести себя на основе принципов буддийской этики, основой которой для простых людей являются приверженность к пути десяти благих деяний и полное отречение от десяти прегрешений тела, речи и ума.

tangyariyān ebdekülē burxan ülü ibē=yu:
ereke oluqson cecen merged on düri-yēn
yabuqtun
öüni sayin mou bügüdedü irekü törö bui:

Нарушив обет, лишаешься прибежища в Будде,
Мудрецы, облеченные властью, помните об этом.
Все плохие и хорошие результаты коснутся каждого.

teyi=miyin tula arban xara üülü tebēd:
arban buyantu sayin ü=yile kicēgēd:

Поэтому отрекитесь от десяти прегрешений,
Усердствуйте в десяти благих деяниях.

[ЛКЦ: Л. 13a].

Заключение

В содержании текста дидактического содержания «История Усун Дебескерту-хана», который имел широкое хождение в рукописном виде, религиозные нормы, изначально имевшие личностный смысл, становятся своего рода знаниями, имеющими общественную значимость. Такой процесс стабилизации религиозных норм можно констатировать на основе анализа сущности буддийской этики, выраженной в этих наставлениях. Акцент делается на личной ответственности каждого за свое настоящее и будущее. Сознательное деяние (благое или греховное) есть добровольный

выбор каждого, формирующего свою карму. Каждый поступок человека — это его сознательный выбор между воздаянием за добродетель и наказанием за прегрешения. Следование установкам буддийской этики требовало от простых мирян принять обеты самодисциплины, направленной на устранение таких трех базовых мотиваторов страдания, как неведение, привязанность и гнев.

В морально-религиозной регуляции мотивы поведения развиваются, исходя из альтруистического побуждения обрести благу форму рождения ради пользы всех живых существ.

Источники

ЛКЦ — Личная коллекция Н. Цэвгээ (Ховд аймак, сомон Жаргалант). *Üsün debeskertü xān arban хойор түšimed-lügē ögütüleqsen yoson orošibai*. Ойр. рук., 13 л., 22 x 7.7, 27 стк., потемневшие листы, черная тушь.

Sources

[*Üsün debeskertü xān arban хойор түšimed-lügē ögütüleqsen yoson orošibai*] (Oirat manuscript). At: personal collection of N. Tsevgee. 13 p. (In Oir.).

Литература

Бадмаев 1899 — Сборник калмыцких сказок (на русском языке). Составил *Найман Бадмаев*. Астрахань: Губернская типография, 1899. 110 с.

Бичеев 2003 — *Бичеев Б. А.* Этнообразующие доминанты духовной культуры западных монголов (ойратов). Элиста: КалмГУ, 2003. 204 с.

Бичеев 2004 — *Бичеев Б. А.* «Иткл» — обет Прибежища в буддизме. Традиционалистский ресурс психотехники в этническом сознании калмыков. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2004. 78 с.

Бичеев 2019 — *Бичеев Б. А.* Списки рукописей и история публикации «Истории Усун Дебескерту-хана» // *Oriental Studies*. 2019. № 3. С. 441–449.

Бичеев, Бичелдей 2019 — *Бичеев Б. А., Бичелдей К. А.* Ойратский литературный сборник из фондов Национального музея Тувы [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/883> (дата обращения: 12.09.2019).

Гампопа 2001 — *Гампопа Дже*. Драгоценное украшение освобождения. Исполняющая желания драгоценность истинного учения / пер. с тиб. Б. Ерохина. СПб.: Культурный центр «Уддияна», 2001. 340 с.

Калмыцкая хрестоматия 1927 — Калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и в младших отделениях улусных школ / сост. Ш. Болдырев // *Хонхо*. Вып. III. Прага: Изд. КККР в ЧСР, 1927. 255 с.

Кануков 1928 — *Кануков Х. Б.* Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань: Тип. Калмиздата, 1928. 94 с.

Очиров 1910 — Отчет о поездке Н. Очирова к Астраханским калмыкам летом 1909 года // *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии*. СПб., 1910. Март. С. 61–75.

Очиров 1913 — Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы Астраханских калмыков. Отчет Н. Очирова // *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии*. СПб., 1913. Сер. II. № 2. С. 78–91.

Пагсам-Джонсан 1991 — Пагсам-Джонсан: История и хронология Тибета / пер. с тиб. языка, коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, СО РАН, 1991. 261 с.

Сетенов 1914 — Руководство к познанию ламайского вероучения. С тибетского на калмыцкий язык перевел Д. Сетенов. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. 111 с.

Страхов 1810 — Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. Сочинил и издал Николай Страхов. СПб.: Типография Шнора, 1810. 95 с.

Сумьяа 2011 — *Доржпаламын Сумьяа*. Монгол-ол Ногоон Дара эхийн тууж (= История Зеленой Тары). Улаанбаатар: ШУА ХЗХ, 2011. 412 с.

Цонкапа 2012 — *Цонкапа Чже*. Тантрическая этика. Объяснение этических принципов практики буддизма ваджраяны. СПб.: Лёлина Е. Н., 2012. 192 с.

Цэвгээ 2003 — *Цэвгээ Н.* Ойрадад анх шарын шашин үүссэн, соёл, нийгэм төрийн хувьсал (= Принятие буддизма ойратами и эволюция культуры и общества). Улаанбаатар: [б. и.], 2003. 220 с.

References

[*Essay on*] Contemporary Conditions of the Kalmyk People Supplemented with (Descriptions of) Their Laws and Legal Procedures, Ten Precepts of Their Faith, a Prayer, a Didactic Novel, a Fairy Tale, Proverbs and the *Savardin* Song. Compiled and Published by N. Strakhov]. St. Petersburg: Schnor, 1810. 95 p. (In Russ.)

[*Collected Kalmyk Fairy Tales*]. N. Badmaev (comp.). Astrakhan: Astrakhan Governorate Publ., 1899. 110 p. (In Russ.)

[*dPag-bsam Jon-bzang*: History and Chronology of Tibet]. R. E. Pubaev (transl., comm.). Novosibirsk: Nauka, 1991. 261 p. (In Russ.)

[*Guidebook to Lamaist Faith*]. D. Setenov (Tibetan-to-Kalmyk transl.). St. Petersburg: Russian Imperial Academy of Sciences, 1914. 111 p. (In Kalm.)

[*Kalmyk-Language Reader for Aimag- and Preliminary District-Level Schools Compiled by Sh. Boldyrev*]. (In: *Khonkho* journal. Is. 3.)

- Prague: Kalmyk Commission of Cultural Workers, 1927. 255 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. [*Itkl'* — the Buddhist Refuge Vow: Traditional Resource of the Psychotechnics in Kalmyk Ethnic Mentality]. Elista: Kalmyk State University, 2004. 78 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. [The Western Mongols (Oirats): Ethnos-Forming Dominants of Spiritual Culture]. Elista: Kalmyk State University, 2003. 204 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. 'The Story of Usun Debiskertu': manuscript copies and history of publication. *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 441–449. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-441-449.
- Bicheev B. A., Bicheldey K. A. An Oirat literary collection from the Aldan-Maadyr National Museum of the Tuva Republic. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. An Internet resource: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/883> (accessed: September 12, 2019). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.5
- Dorzhpalamyn Sumyaa. [The Story of Green Tara]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 2011. 412 p. (In Mong.)
- Gampopa Sönam Rinchen. The Jewel Ornament of Liberation. B. Erokhin (transl.). St. Petersburg: Uddiyana, 2001. 340 p. (In Russ.)
- Kamukov Kh. B. [Buddha-Lamaism and Its Consequences]. Astrakhan: Kalmizdat, 1928. 94 p. (In Russ.)
- Report on N. Ochirov's journey to Aleksandrovsky and Bagatsokhurovsky Uluses (Districts) of Astrakhan Kalmyks. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. St. Petersburg, 1913. Ser. II. No. 2. Pp. 78–91. (In Russ.)
- Report on N. Ochirov's journey to Astrakhan Kalmyks in the summer of 1909. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. St. Petersburg, 1910, March. Pp. 61–75. (In Russ.)
- Tsevgee N. [Conversion of the Oirats to Buddhism: Evolution of Culture and Society]. Ulaanbaatar, 2003. 220 p. (In Mong.)
- Tsongkhapa Je. Tantric Ethics: An Explanation of the Precepts for Buddhist Vajrayana Practice. St. Peterburg: Lelina E. N., 2012. 192 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 883-890, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-883-890
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930.2+294.321+ 39+811.512.37

Рукопись «История семи перерождений халхаских ноён-хутухт» из коллекции квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна

Яна Дмитриевна Леман^{1, 2}

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

² Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (д. 21/4, стр. 3,
 Старая Басманная ул., 105066 Москва, Российская Федерация)
 преподаватель
 ORCID: 0000-0002-9812-4049. E-mail: yleman@mail.ru

Аннотация. *Цель.* В статье рассматривается рукопись из коллекции квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна в г. Улан-Баторе, являющаяся важным источником по биографии Равджи (1803–1856), известного монгольского поэта и религиозного деятеля. *Материалы.* Рукопись содержит краткие жизнеописания семи представителей линии перерождений халхаских ноён-хутухт, к которой относился Равджа, в том числе новые сведения о жизни непосредственно предшественника Равджи, действия которого привели к запрету дальнейших перерождений хутухт данной линии. *Результаты.* В статье выдвигается предположение об истории создания данного исторического и литературного памятника. Несмотря на свой небольшой объём, эта рукопись из собрания академика Ц. Дамдинсурэна представляет собой большой интерес для исследователей монгольской литературы, истории и религии. Приводятся транслитерация, перевод и факсимильные копии оригинала рукописи. Рукопись и её перевод впервые вводятся в научный оборот. Публикуемый документ является, по-видимому, одним из источников, которыми пользовался академик Ц. Дамдинсурэн при написании своей известной статьи «О пьесе „Лунная кукушка“». Долгое время эта статья являлась основным источником информации о халхаских ноён-хутухтах, поэтому возможность исследовать её происхождение представляется крайне ценной.

Ключевые слова: Монголия, буддизм, монгольская литература, рукопись, жизнеописание

Для цитирования: Леман Я. Д. Рукопись «История семи перерождений халхаских ноён-хутухт» из коллекции квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна. *Oriental Studies*. 2019; (5): 883–890. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-883-890.

UDC 930.2+294.321+ 39+811.512.37

‘Noyon Khutagts of Khalkha: History of Seven Incarnations’: a Manuscript from Ts. Damdinsuren Memorial House

Yana D. Leman^{1, 2}

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)
 Junior Research Associate

² Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics (21/4, bldg. 3, Staraya Basmannaya St., Moscow 105066, Russian Federation)

Lecturer

ORCID: 0000-0002-9812-4049. E-mail: yleman@mail.ru

Abstract. *Goals.* The article examines a manuscript from Ts. Damdinsuren Memorial House (Ulaanbaatar) which contains precious biographical data about Ravjaa (1803–1856), a renowned Mongolian poet and clergyman. *Materials.* The manuscript outlines biographies of seven Khalkha Noyon Khutagt incarnations — including that of Ravjaa — and provides an new insight into the life of Ravjaa's immediate predecessor whose activities had resulted in that any further reincarnations within the tulku line were officially banned. *Results.* The paper makes assumptions regarding circumstances that accompanied the creation of the historical and literary monument. Despite the text is short enough, the manuscript may be of great interest to researchers of Mongolian literature, history and religion. The work transliterates and translates the text, publishes a facsimile copy of the original manuscript, thus, introducing the latter into scientific discourse. The document seems to have served as a source the Academician Ts. Damdinsuren had made use of when writing his famous article 'About the Moon Cuckoo Play'. For a long time the latter remained the only text available dealing with Khalkha Noyon Khutagts, and now there is an opportunity to examine its original source materials.

Keywords: Mongolia, Buddhism, Mongolian literature, manuscript, biography

For citation: Leman Ya. D. 'Noyon Khutagts of Khalkha: History of Seven Incarnations': a Manuscript from Ts. Damdinsuren Memorial House. *Oriental Studies*. 2019;(5): 883–890. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-883-890.

Введение

Равджа (1803–1856), иначе называемый Дандзан-Равджа или V Гобийский ноён-хутухта, часто привлекает внимание исследователей монгольской литературы и буддизма. Будучи монахом-перерожденцем — хутухтой, он был широко известен как поэт, автор не только стихотворных поучений в духе буддийской проповеди, но и первых в истории монгольской литературы образцов любовной лирики. Он входил в линию перерождений, именованную в монгольских исторических источниках как «халхаские ноён-хутухты», реже — «гобийские ноён-хутухты» или «гневные ноён-хутухты».

В Монголии первый ноён-хутухта появился в 1622 г. [Altangerel, Khatanbaatar 2009: 22], а до того, согласно традиции, перерождался более 30 раз в Тибете и Индии. До революции 1921 г. в Монголии родилось семь ноён-хутухт, пятым из которых и был Равджа. Интерес представляет не только его поэзия, но и жизнь и деятельность в целом: он был просветителем, создал театр и шко-

лу для бедных в основанном им монастыре, был известен как целитель и художник. В то же время его фигуру можно назвать противоречивой — он конфликтовал с высшим ургинским духовенством, имел репутацию пьяницы и «любителя женщин». Это объясняется тем, что Равджа не ограничивался практиками основной для Монголии школы гелугпа, предполагающей соблюдение кодекса строгих монашеских правил, но имел и различные сакьяские и, возможно, нинмапские тантрические посвящения, поэтому его поведение с «желтошапочной¹» точки зрения могло казаться шокирующим.

Основная часть

Известно, что существует несколько видов биографий Равджи: «обширное» жизнеописание, краткое жизнеописание, история перерождений халхаских ноён-хутухт. О нем упоминают монгольские летописи, много рассказов о совершенных им чудесах,

¹ Желтошапочниками в Монголии называют буддистов, принадлежащих к школе гелуг, за характерный головной убор.

передававшихся изустно наподобие преданий и в дальнейшем записанных исследователями. Из этих материалов опубликованы, не считая летописей [Erdeni-yin erike 2007], лишь сборники преданий о нем [Цэрэнпил 1995] и краткое жизнеописание [Лхагвасүрэн 1993: 151–167; Хүрэлбаатар 2006: 311–329].

Развёрнутый вариант биографии считается утраченным, хотя существуют свидетельства нескольких очевидцев о том, что они видели² экземпляры этой книги ещё в середине XX в. [Хүрэлбаатар 2006: 238].

На различные варианты истории семи перерождений часто ссылаются монгольские учёные, крупные специалисты по творчеству Равджи (Г. Лхагвасүрэн, Л. Хурэлбаатар), однако встретить этот текст в печатном виде практически невозможно, как и найти его версию в большинстве каталогов [Bawden 1969; Farquhar 1955; Heissig 1954; Heissig, Bawden 1971; Poppe, Hurvitz, Okada 1964; Uspensky 1999; Сазыкин 1988].

Приводя сведения касательно событий из жизни Равджи, многие авторы опираются на одну и ту же статью Ц. Дамдинсүрэна: «О пьесе „Лунная кукушка“» (монг. «*Саран хөхөөний*» жүжгийн учир) [Равжаа 1962; Дамдинсүрэн 1984: 68–107]. В ней учёный рассказывает не только о пьесе, вынесенной в заглавие статьи, о её тибетских истоках, о том, с какими трудностями столкнулись исследователи в попытках собрать все её десять тетрадей, но и о самом хутухте — о его творчестве в целом и о его биографии. Именно здесь встречается наиболее раннее в научной литературе упоминание о короткой и развернутой биографиях Равджи. Ц. Дамдинсүрэн подробно описывает, какие версии короткой биографии ему встречались, упоминает историю семи перерождений и на их основе даёт собственное, достаточно сжатое, изложение основных событий жизни Равджи. Сами тексты биографий так и не были опубликованы.

Автор одной из самых полных биографий о Равдже, Л. Хурэлбаатар, касается в своей работе вопросов его творчества и биографии, а также проблем, связанных с

их научным изучением. Ему приходилось постоянно ссылаться на статью Ц. Дамдинсүрэна о «Лунной кукушке» как на один из основных источников информации об имеющихся биографиях Ноён-хутухты. Чтобы сравнить те тексты, что находились в его распоряжении, с вариантами, использованными Ц. Дамдинсүрэном, он приводит цитаты из статьи последнего. Таким способом он сопоставляет версию короткой биографии, обнаруженную им в Монгольской Национальной библиотеке и опубликованную в его книге [Хүрэлбаатар 2006: 400–415], с той, которой пользовался Ц. Дамдинсүрэн, и приходит к выводу, что это разные варианты.

Когда речь заходит об истории всех перерождений ноён-хутухт, Л. Хурэлбаатар опирается на тибетоязычные источники³. Из источников на монгольском языке ему была доступна летопись «Драгоценные четки» (монг. *Erdeni-yin erike*), составленная в середине XIX в. Галдан-гуслагчи, и «История Гневных Гобийских ноён-хутухт из хошуна халхаского Мэргэн-вана» (монг. *Qalq-a-yin mergen vang-yin qosiyun-u yobi-yin doysin noyan qutuγtu blam-a-yin teike-yin tobči medegdekün inü engde orosibai*), библиографических данных о которой он, к сожалению, не указывает.

«История ноён-хутухт» представляет собой, по словам Л. Хурэлбаатара, очень краткое описание жизни семи перерождений. Как и в тексте, на который ссылается в своей статье Ц. Дамдинсүрэн, «Семь перерождений ноён-хутухт» (монг. *noyan qutuγtu-yin doloγan düri*), в ней содержится лишь минимальный набор сведений: когда человек родился, был признан хутухтой, умер. Используя выдержки из него, приводимые в статье, Л. Хурэлбаатар привлекает и этот источник в своей работе.

В 2018 г. совместными усилиями монгольских и российских учёных было подготовлено второе, переработанное и расширенное, издание каталога собрания квартиры-музея Ц. Дамдинсүрэна [Билгүүдэй, Отгонбаатар, Цендина 2018: 181–182]. В каталоге отражены две группы текстов, относящихся к ноён-хутухтам:

² По мнению С. Ю. Неклюдова, выраженного в ходе устной дискуссии, эти слухи могут быть составной частью комплекса мифов и легенд, традиционно возникающих вокруг фигур, подобных Равдже.

³ (1) No yin hu thag thu'i sku 'phring rim par rgyud pa ni; (2) sNgags ram pa chos rje'i No yin huthag thu'i bla ma'i sku 'phreng rim par rgyud pa'i [Хүрэлбаатар 2006: 254]. Библиографические сведения не приведены.

История перерождений ноён-хутухт:

206. (923) ШЗ-142 (МН-1100);

207. (924) ШЗ-141 (МН-1099);

208. (925) ШЗ-124 (МН-1081).

2) Жизнеописания Четвёртого ноён-хутухты:

209. (926) А2-127 (МН-879);

210. (911) ШЗ-69 (МН-1025).

Ознакомившись с первой группой текстов, можно с большой вероятностью предположить, что именно этими материалами пользовался академик Ц. Дамдинсурэн при подготовке своей статьи, послужившей источником уникальной информации для многих авторов. Три номера, 206, 207 и 208, в действительности включают пять текстов, четыре из которых являются описанием

жизни семи перерождений ноён-хутухт, а пятый — «короткой» биографией Пятого ноён-хутухты Дандзан-Равджи. Некоторые листы сохранили пометки и правку Ц. Дамдинсурэна.

Из четырех «Историй перерождений» две являются копиями одного текста — одна копия рукописная, другая набрана на монгольской старописьменной печатной машинке. Ещё один текст очень близок к этим двум, но имеет некоторые расхождения. Последний текст значительно отличается от остальных трёх вариантов, хотя также содержит краткое жизнеописание семи перерождений ноён-хутухт.

Рассмотрим варианты, имеющие небольшие отличия.

206. (923) ШЗ-142 (МН-1100)

noyangegegen qutuytu-yin nige-eče doluduyar dūri nōgōd-ūn tobči tetike

nigedüger blam-a anu

qalq-a-yin qan ayula-yin čiyulyan-u noyan qutuytu jamiyangodubčimču aqsan-u uy ekilečü qubilysan-u üi-e ner-e čolu-yi bayičayabasu

uy-tayan tübed-ün küngyedürči sangčayibalsang-un angqan-a uday-a qubilyan γaruqsan-u qoyin-a qalqa-a-yin sonom dayičing qungtayiči-yin kübegün navangyungčun noyan qutuytu bölüge

qoyaduyar blam-a amu

qoyin-a tüšiyetü qan ayimaq-un dančanyaringbal aqsan-u qošiγun-u qaraču süngder kemekü kümün-ü ger-tü jamiyangdangjan qubilyan γaruqsan

qoyin-a čering-ün kereg-dür jarin tabun

mori-bar küčü bariqsan-dur

tngri tedgegsen-ü qoyaduyar on-du boyda ečen qišig kürtegečü mori büri-tü jiryuyan lang mönggö-ber šangnačiqui

208. (925) ШЗ-124 (МН-1081)

qalq-a-yin qayan ayulan-u čiyulyan-u noyan qutuytu jangyangoydubjamčo aγsan-u uy-a eki qubilaysan üy-e ner-e čolu-a bayičayabasu uy-taya töbed-ün qunydortjai sangjaibalsang-un angqa-a uday-a qubilyan γaryasan-u qalqa-a-yin sonom dayičing qungtayiji-yin kübegün navangongčoy noyan qutuytu bölüge

qoyin-a tüšiyetü qan ayimaq-un beγise danjinyaringpil aγsan-u qošiγun-u qar[ajū] süngdür kemekü kümün-ü ger-tü jamiyangdangjan-yin qubilyan γar[urysan] qoyin-a čereg-ün keregür jiran tabun mori-bar küčü bariqsan-dur tngri-yin tedkūgsen-ü qoyaduyar on-du boyda ečen kešig kürtegečü mori büri-dü arbayad lang mönggü šangnačiqui

Как можно видеть на этом небольшом фрагменте, тексты совпадают практически дословно, кое-где расходясь в грамматических формах и некоторых фактографических элементах (как количество лан серебра, полученное за лошадой, или звание «бей-

се»), опущенное в одной из версий). Можно предположить, что тексты восходят к одному оригиналу, а различия появились позднее при его переписывании. Также в тексте № 208 отсутствует название. Различается и подход к орфографии: переписчик текста из

№ 206 был более склонен прописывать все буквы в словах и ставить диакритику там, где это принято.

Таким образом, можно заключить, что в собрании квартиры-музея имеется два варианта «Истории семи перерождений», один из которых представлен в трёх версиях, восходящих, предположительно, к одному исходному тексту.

Из этих трёх списков наибольший интерес представляет рукопись под номером 208. (925) ШЗ-124 (МН-1081), как наиболее архаичная. В отличие от двух других, один из которых набран на монгольской старописьменной пишущей машинке, а другой записан карандашом, эта «История перерождений» выполнена кистью, чёрными чернилами, на китайской бумаге, сложенной гармошкой. Объём текста составляет 10 страниц (5 л.), размером 9,5 на 26,5 см, по 6 строк на каждой. Стилль письма тяготеет к скорописи, «зубчики» часто не прописываются, имеются ошибки и опiski.

Любопытна композиция этого текста. Вводная фраза даёт понять, что история перерождений халхаских ноён-хутухт будет рассмотрена в связи с личностью четвертого из них, Джамьян-Ойдов-Джамцо. Истории всех хутухт до него описаны очень кратко, приводятся сведения о времени и месте рождения, родителях, времени возведения на престол и смерти. Четвертому хутухте уделено больше внимания, появляются дополнительные данные. После этого оставшиеся хутухты снова лишь скупо перечисляются.

Краткое перечисление перерождений крупного религиозного деятеля являлось обычной практикой, можно вспомнить хотя бы списки перерождений Джебдзун-Дамба-хутухты или Нейджи-тойна. Однако текст позволяет предположить, что составитель рассматриваемой «Истории перерождений ноён-хутухт» воспользовался для этой цели бывшими в его распоряжении документами, возможно, административного характера, относящимися к Четвертому ноён-хутухте, Джамьян-Ойдов-Джамцо. Основания для такого утверждения нам дают два обстоятельства. Хотя в тексте отражены все семь перерождений, жившие в Монголии до революции 1921 г., он открывается словами: «Если изучать происхождение, время первого воплощения, имя и титул халхаско-

го ноён-хутухты Джамьян-Ойдов-Джамцо из чулгана Хан-ула...». Джамьян-Ойдов-Джамцо, четвертое перерождение, имеет в своей биографии (как известно из других источников, например, из летописи «Драгоценные четки» [Erdeni-yin erike 2007]) эпизод, привлёкший к нему внимание властей. Этот хутухта заколол ножом одного монаха, после чего лишился сана, шабаров (т. е. приписанных к нему скотоводов, обязанных его содержать) и права перерождаться. Когда перечисление перерождений доходит до четвертого, в повествование, до того называвшее всех героев в третьем лице, вкрапляется речь от первого лица: «Я, Джамьян-Ойдов-Джамцо из рода Борджигин, кости Киют, родился в год коровы, возраст — 25 лет, титул — ноён-хутухта. Мой отец — управитель (дзасаг) Ринчендордж. Всего перерождался четыре раза. Мое кочевье — три богатых места: Аю-кача гоби, Бадзасаруга и Джалчи Хугдэрэсу...». Затем снова в третьем лице: «Этого ноён-хутухту Джамьян-Ойдов-Джамцо лишили звания хутухты из-за совершенного им проступка».

Вероятно, Джамьян-Ойдов-Джамцо приходилось писать докладные или объяснительные записки в процессе разбирательства по его делу. Возможно, что и историю четырёх перерождений изначально ему или его окружению пришлось составить по этой же причине, а затем её продолжили, внося последние актуальные данные о дальнейших перерождениях.

Заключение

Таким образом и появилась биография семи перерождений ноён-хутухт. Обычно жизнеописания религиозных деятелей Монголии, кроме самых ранних, составлялись на тибетском языке. В XVIII в. на монгольском писались только биографии Джебзундамба-хутухт. Вероятно, это связано с тем, что первый Джебзун-Дамба, Ундур-гэгэн, был символом национального развития Монголии, его деятельность имела особое значение не только для буддизма и буддийской церкви, но и, прежде всего, для Монголии, для ее политической и культурной истории. Это дает основание предположить, что Равджа, а вслед за ним все остальные халхаские ноён-хутухты, как и перерождения Джебзундамбы, рассматривались носителями традиции как выразители национального

духа монголов. С переводом этого текста мы и предлагаем ознакомиться читателю.

История семи перерождений халхаских ноён-хутухт⁴

[1] Если изучать происхождение, время первого воплощения, имя и титул халхаского ноён-хутухты Джамьян-Ойдов-Джамцо из чулгана Хан-ула, [то можно увидеть, что] впервые тибетский Гунгадордж Санджай-Балсанг переродился сыном халхаского хунтайджи Соном-Дайчина, [которого назвали] Наван-Гончиг. После этого хубилган переродился в хошуне бейсе Данздан-Яринпила Тушетуханского аймака, [2] в семье человека по имени Сундэр [и получил имя] Джамьян-Дандзан. Когда он поддержал военное предприятие, дав 65 лошадей, на втором году правления императора Тэнгэрийн-Тэтгэсэн (1737) Богдо-эдзэн дал ему благословение и наградил примерно десятком лан серебра за каждую лошадь.

После смерти [Джамьян-Дандзана], на восьмой год правления императора Тэнгэрийн-Тэтгэсэн (1743), хубилган переродился в семье управителя Тушетуханского аймака Цэдэна. Затем, на 24-й год правления императора Тэнгэрийн-Тэтгэсэн (1759), по указанию эфу Санджай-Дорджа ноён-хутухту Лубсан-Джамьян-Дандзана наградили печатью управителя и одним сомоном шабинаров, которые образовали хошун. После того, как на 32-й год правления императора Тэнгэрийн-Тэтгэсэн (1768) [4] ноён-хутухта Лубсан-Джамьян-Дандзан скончался, по указу [императора] был отправлен сановник, который передал благословение [императора], дары, серебряную мандалу, хадаки и воскурения.

После этого хубилган ноён-хутухты переродился в семье управителя Тушетуханского аймака Ринчен-Дорджа и на 37-й год правления императора Тэнгэрийн-Тэтгэсэн (1771), [5] по указанию эфу Санджай-Дорджа сын Ринчен-Дорджа получил тех шабинаров. На 45-й год правления императора Тэнгэрийн-Тэтгэсэн (1780), когда я, ноён-хутухта Джамьян-Ойдов-Джамцо, прибыл к небесному императору с изъявлением почтения, я получил благословение, был приглашен принять участие в пирше-

стве [6] и был награжден шёлковой материей. С тех пор каждый год в столицу посылался человек с письмом в великую управу, выражающим почтение [императору], и он возвращался с дарами.

Я, Джамьян-Ойдов-Джамцо из рода Борджигин, кости Киют, родился в год коровы, возраст — 25 лет, титул — [7] ноён-хутухта. Мой отец — управитель Ринчен-Дордж. Всего перерождался четыре раза. Мое кочевье — три богатых места: Аю-кача гоби, Бадзасаруга и Джалчи Хугдэрэсу, где я проживаю вместе с хошуном управителя дзюнована Дорджи-Джава.

Этого ноён-хутухту Джамьян-Ойдов-Джамцо лишили звания хутухты из-за совершенного им проступка, а шабинаров сомона Улуа прибавили для управления к хошуну того вана Дорджи-Джава.

[8] После того, как Джамьян-Ойдов-Джамцо скончался, на 8-й год правления императора Сайшалт-Еролта (1803) в хошуне восточно-сунитского вана Шилэнгольского чулгана в семье Дулдуита родился хубилган, которого назвали перерождением Аграмба-цорджи. В возрасте 8 лет он получил шабинаров.

После того, как аграмба-цорджи Дандзан-Рабчжай на 6-й год правления императора Тугэмэл-Элбэгта (1856) [9] скончался, в том же году в семье отца Джебдзун-Дамба-хутухты, тибетского подданного, тушэту-гуна Мягмара родился хубилган. В возрасте 14 лет хубилгану Лубсан-Дондову передали тот самый хошун, сомон, монастырь и шабинаров для управления ими. [10] Хубилган Лубсан-Дондов скончался в первый год правления императора Бадратул-Тура (1875).

После чего родившийся в семье шабинара этого хутухты, военачальника Шарху, хубилган Агван-Лубсан-Дамби-Джалцан на 5-й год правления Бадратул-Тура (1879) в возрасте пяти лет девятого числа восьмого месяца был возведен на престол и получил этот сомон, земли и монастырь.

Транслитерация: [1] qalq-a-yin qaγan aγulan-u čiyulγan-'u noyan qutuγtu jangyangoydubjamčo aγsan-u uγ-a eki qubilaγsan üy-e ner-e čolu-a bayičaγabasu uγ-taγa töbed-ün yungγadorjai sangjaibalsang-un angqa-a uday-a qubilyan γaryasan-u qalq-a-yin sonom dayičing qungtayiγi-yin kübegün

⁴ Из коллекции дома-музея Ц. Дамдинсүрэнэ: № 208. (925) ШЗ-124 (МН-1081).

navangongᠴоу noyan qutuγtu бөлүгө. qoyin-a түшіетү qan аймаγ-un beyise danjinyaringpil аγсан-u qošiγun-u qara [2] сүнгдүр кемекү күмүн-ү ger-tü jamyangdangjan-yin qubilγan γar[uγsan] qoyin-a čereg-ün kereg-tur jiran tabun mori-bar küčü bariγsan-dur tngri-yin tetgügsen-ü qoyaduγar on-du boyda ejin kešig kürtegejü mori büri-dü arbayad lang mönggü šangnajuqui. tegүнü-yi jangči qalaγsan qoyin-a tngri tetgügsen-ü nayimaduγar on-du noyan qutuγtu-yin qubilγan түшіетү [3] qayan аймаγ-un jasaγ čeden-yin ger-tü qubilγan γaruγsan qoyin-a tngri-yin tetgügsen-ü qorin дүрbedüger on-du jangju efu sangjayidorji-yin γajarača ayiladqad jarliγ-yiar noyan qutuγtu lubsangjamyangdangjan-dur jasaγ-un tamay-a šangnaju šabi albatu nigen sumu болγан jokyaju qosiγu bayiγuljuqui. tngri-yin tetgügsen-ü γučin qoyaduγar [4] on-du noyan qutuγtu lubsangjamyangdangjan-u bey-e jangči qalaγsan-u qoyin-a jarliγ-yiar sayid γaryaču kešig kürtegejü buyan kürgejü mönggүн mangdal ba qadaγ küji seltes күрген irejü daray-a noyan qutuγtu-yin qubilγan түшіетү qana аймаγ-un jasaq eringčingdorji-yin ger-tür qubilγan γaruγsan ni tngri-yin tetgügsen-ü γučin [5] doloduγar on-du jangčun efu sangjaydorji-yin γajarča ulamjilan ayildaqaγu jarliγ-yiar aγsan eringčingdorji-yin kübegүн-i uγ šabinar-tu neyilegүljugүн. tngri tetgügsen-ü döčin tabuduγar on-du noyan qutuγtu jamyangoyidobjamču bi tngri-yin gegen-e amuyulang-i erijü barilaγsan-dur kešig kürtegejü qural qurim-dur saγulyad torγ-a [6] jüil dabuyun engdi šangnajuqui. edüge jilbüri күмүн irejü neyislel qota-dur ilegejü yeke jiruγa(γa)n-a-u bičig ergүн medegүlүгүн

degedü-yin amuyulang-i erijü bileg bariqsayar iregsen amui. jamyangoyidobjamču minu yesü keyud oboy borjigin үкер jil-tei qorin tabun nasutai čolu-a [7] noyan qutuγtu minu ečig jasaγ eringčingdorji bolumui. bügede дөрбен qubaljuqui. nutaγ bolbasu ayu-kača γobi baγasaruga jalči күгderesu γurban bayan jerge γajar-ud-dur jasaγ törü-yin qayiun vang dorjejab-yin qošiγu-tai qamtu nutuγlan sayumui. ene noyan qutuγtu jamyangoyidobjamču kereg-yin učir-yiar qutuγtu-ača bayilyaču uulu-a sümü šabinar-i mön [8] vang dorjejab-yin qošiγun-dur qabsuryaju jakiraγsan qoyin-a jamyangoyidubjamču-yi jangči qalaγsan qoyin-a sayišiγaltu erügeltü yin-e naimaduγar on šilun γool-yin čiyuγan-u jegүн sünid vang-un qošiγu-nu duludui-tu-yin ger-tür qubilγan γaruγsan-i agramba čorji-yin qubilγan kemen neredүjü naiman nasun-dur uγ šabinar-tur neyilegүlүн jalajuqui. agramba čorji danjanrabjay-a түgemel elbegtü- [9] yin jiruγaduγar on-du jangči qalaγsan daray-a mön on-du geleng jibčungdamba qutuγtu-yin ečige töbid-ün qariyatu udu-a түшіет-үн güng-үн jerge mimar-yin ger-tü qubilγan γaruγsan qoyin-a qubilγan lubsangdondob-i arban дөрбен nasun-dur uul-a qošiγ sümü oron keyid-үн γajara uγ šabinar-dur neyilegүlүн jalajuqui. qubilγan lubsangdongdob baduruγalu-tu [10] törü-yin terigүн on-du jangči qalaγsan daray-a uγ qutuγtu-yin šabi quyaγ čereg-үн daruγ-a šarkuu-yin ger-tür qubilγan γaruqsan-u badaryultu törü-yin tabuduγar on-du qubilγan ayvanglubsangdambiyjalčan-i tabun nasun-dur uul-a sümü oron keyid-үн γajar-a naiman sarayin šineje yisün-dür širen-e saγulyan jalachuqui

Литература

- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М.: Наука, 1988. 508 с.
- Билгуудэй, Отгонбаатар, Цендина 2018 — *Билгуудэй Г., Отгонбаатар Р., Цендина А. Ц.* Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол ном судрын бүртгэл (= Каталог монгольских рукописей и ксилографов из квартиры-музея Ц. Дамдинсүрэна). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. 620 х.
- Дамдинсүрэн 1984 — *Дамдинсүрэн Ц.* Монголын уран зохиолын өв уламжлалын асуудал (= К вопросу о монгольском литературном

наследии). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1984. 285 х.

- Лхагвасүрэн 1993 — *Лхагвасүрэн Г.* Ноён хутагт Данзанравжаа (= Ноён-хутухта Дандзанравджа). Улаанбаатар: Засгийн газрын хэвлэх үйлдвэр, 1993. 168 х.
- Равжаа 1962 — *Равжаа Д.* Саран хөхөөний намтар (= Биография Лунной кукушки). Улаанбаатар: Эрдэм Шинжилгээний хэвлэл, 1962. 214 х.
- Хүрэлбаатар 2006 — *Хүрэлбаатар Л.* Аварга могойн зулайн чандмань (= Драгоценность на макушке Аварга-могой). Улаанбаатар: Admon, 2006. 415 х.

- Цэрэнпил 1995 — *Цэрэнпил III. Хутагтын тухай хууч* (= Легенды о хутухте). Улаанбаатар: Улсын стандартын хэвлэх үйлвэр, 1995. 48 х.
- Altangerel, Khatanbaatar 2009 — *Altangerel Z., Khatanbaatar Ch. A Brief History of Khamar Monastery*. Ulaanbaatar: Tavan Dokhio, 2009. 68 p.
- Erdeni-yin erike 2007 — *Erdeni-yin erike kemekü teüke bolai* (= История под названием «Драгоценные четки»). Transcr. J. Gerelbadrakh, ed. Yo. Janchiv. Ulaanbaatar: Admon, 2007. 999 p.
- Bawden 1969 — *David L. Snellgrove, C. R. Bawden. The Chester Beatty Library: a catalogue of the Tibetan collection and a catalogue of the Mongolian collection*. 109 p. Dublin: Hodges, Figgis and Co., Ltd., 1969. 84 p.
- Farquhar 1955 — *David M. Farquhar. A Description of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in Washington, D. C. // Central Asiatic Journal*, Vol. 1. No. 3. 1955. Pp. 161–218.
- Heissig 1954 — *Heissig W. Die Pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Literaturgeschichte*. (Göttinger Asiatische Forschungen, Bd. 2.) Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. XV + 220 S.; mit 18 Abb.
- Heissig, Bawden 1971 — *Heissig W., Bawden Ch. Catalogue of Mongol books, manuscripts and xylographs*. (Catalogue of Oriental manuscripts, xylographs etc. in Danish collections, Vol. 3). Copenhagen: Royal Library, 1971. 305 p.
- Poppe, Hurvitz, Okada 1964 — *Poppe N., Hurvitz L., and Okada H. Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko*. Tokyo: The Toyo Bunko and the University of Washington Press, 1964. 387 p.
- Uspensky 1999 — *Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / compiled by Vladimir L. Uspensky with assistance from Osami Inoue; Tatsuo Nakami (ed.)*. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 186 p.
- Bilgütüdey G., Otgonbaatar R., Tsendina A. Ts. [Ts. Damdinsuren Memorial House: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs]. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2018. 620 p. (In Mong.)
- Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. V. L. Uspensky, O. Inoue (comps.), Tatsuo Nakami (ed.). Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 186 p. (In Eng.)
- Damdinsuren Ts. [Mongolian Literary Heritage Revisited]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1984. 285 p. (In Mong.)
- Farquhar D. M.. A description of the Mongolian manuscripts and xylographs in Washington, D. C. *Central Asiatic Journal*. 1955. Vol. 1. No. 3. Pp. 161–218. (In Eng.)
- Heissig W. Die Pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Literaturgeschichte [Beijing Lamaist Publications in Mongolia's Literary History]. (Göttinger Asiatische Forschungen, Bd. 2.) Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. XV + 220 p. (In Germ.)
- Heissig W., Bawden C. Catalogue of Mongol Books, Manuscripts and Xylographs. (Catalogue of Oriental Manuscripts, Xylographs etc. in Danish Collections, Vol.3). Copenhagen: Royal Library, 1971. 305 p. (In Eng.)
- Khürelbaatar L. [The Gem of the Top of Avara Mogoy's Head]. Ulaanbaatar: Admon, 2006. 415 p. (In Mong.)
- Lkhagvasüren G. [Danzanravjaa Noyon Khutagt]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1993. 168 p. (In Mong.)
- Poppe N., Hurvitz L., Okada H. Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. Tokyo: The Toyo Bunko and the University of Washington Press, 1964. 387 p. (In Eng.)
- Ravjaa D. [Biography of the Moon Cuckoo]. Ulaanbaatar: Erdem, 1962. 214 p. (In Mong.)
- Sazykin A. G. [Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs]. Vol. I. Moscow: Nauka, 1988. 508 p. (In Russ.)
- Snellgrove D. L., Bawden C. R. The Chester Beatty Library: a Catalogue of the Tibetan Collection and the Mongolian Collection. Dublin: Hodges, Figgis and Co. Ltd., 1969. 109 p. (In Eng.)
- Tserenpil Sh. [Legends about the Khutagt]. Ulaanbaatar: State Standard Publ., 1995. 48 p. (In Mong.)

References

- [Erdeni-yin erike kemekü teüke bolai: The Precious Rosary]. J. Gerelbadrakh (transcr.), Yo. Janchiv (ed.). Ulaanbaatar: Admon, 2007. 999 p. (In Mong.)
- Altangerel Z., Khatanbaatar Ch. A Brief History of Khamar Monastery. Ulaanbaatar: Tavan Dokhio, 2009. 68 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 5, pp. 891-925, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39

Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников)

Эльза Петровна Бакаева¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

Аннотация. *Введение.* Конфессиональные связи калмыков с тибетскими монастырями начали формироваться в период сложения калмыцкого этноса на основе разных групп ойратов — торгутов, дербетов, хошутов и др. *Цель* статьи — анализ вопроса об особенностях отражения идентичности калмыков в документах буддистов разного времени — в сравнении с документами российского правительства. *Материалы.* Исследование вопросов идентичности калмыков проводится в связи с анализом и публикацией ряда документов из Национального архива Республики Калмыкия и грамот Далай-ламы V (конец XVII в.), Далай-ламы VII (первая треть XVIII в.) и Далай-ламы XIII (начало XX в.), хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук (перевод на русский язык грамоты, подтверждающей титул хана Церен-Дондука), Российском государственном историческом архиве (перевод на калмыцкий язык, записанный ойратским «ясным письмом»), и перевод на русский язык двух грамот, данных Далай-ламой V в 1681 г. Йогузуру-цорджи и Далай-ламой XIII в 1903 г. монаху Агван Санджи), а также в связи с анализом оригинала грамоты, хранящейся в буддийском храме одного из поселков в Республике Калмыкия (грамота дарована Далай-ламой XIII Тубтен Гьяцо калмыцкому монаху Самтан-Ракбе из монастыря Раши Пунцок-линг). *Результаты.* Анализ показал, что Калмыцкое ханство, сформировавшееся в XVII в., называлось религиозным иерархом, даровавшим «грамоты на ханство». Торгутским ханством — по названию наиболее крупной в тот период по численности этнической группы ойратов, ставшей основой калмыцкого народа, к которой принадлежали и представители правящей династии ханов (торгутов из родов керейтов). Идентичность калмыков для тибетских иерархов в начале XX в., как и в XVII в., когда происходило формирование калмыцкого народа из разных этнических групп ойратов, представлялась как торгутская, что определено как численным доминированием этой этнической группы в период существования государства в форме ханства (середина XVII в. — 1771 г.), так и связями тибетских монастырей с духовенством калмыков, представлявшим зачастую правящую элиту. Согласно формуле «49 монгольских хошунов, 7 халхаских хошунов, джунгары, торгуты и прочие», используемой Далай-ламой XIII в начале XX в., выделяются главные ареалы расселения монгольских народов: Внутренняя и Внешняя Монголия, ойратские и калмыцкие территории, причем калмыки обозначаются термином «торгуты». Соответственно в единственной сохранившейся до наших дней грамоте Далай-ламы XIII, о которой на

настоящий момент мы имеем сведения, калмыцкий монастырь, который представлял гелонг Самтан Ракба, называется «северным торгутским монастырем Таши Пунцок-линг».

Ключевые слова: калмыки, ойраты, этнические группы, торгуты, этническая идентичность, грамоты Далай-ламы

Благодарность. Работа подготовлена при финансовой поддержке объединенной программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»). Автор выражает благодарность Санкт-Петербургскому филиалу Архива РАН, Российскому государственному историческому архиву за предоставленную возможность публикации документов, связанных с грамотами Далай-ламы, а также Лиджигоряевой Ларисе Николаевне за содействие в публикации оригинала грамоты Далай-ламы XIII, хранящейся в пос. Ачинеры Черноземельского района Республики Калмыкия, К. В. Орловой и Б. Л. Митруеву — за помощь в переводах грамот Далай-ламы XIII со старописьменного ойратского и тибетского на русский язык.

Для цитирования: Бакаева Э. П. Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников). *Oriental Studies*. 2019;(5): 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925.

UDC 39

Ethnic Identity of the Kalmyks and Confessional Ties with Tibet: a Case Study of Some Little-Known Sources

*Elza P. Bakaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation).

Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate

ORCID 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

Abstract. Introduction. Confessional ties between the Kalmyks and Tibetan monasteries began during the shaping of the Kalmyk nation from diverse Oirat groups – Torghuts, Dorbets, Khoshuts, etc. **Goals.** The paper seeks to analyze peculiarities of how identity of the Kalmyks was mirrored in documents of the Buddhists compiled at different times – as compared to documents of the Russian government. **Materials.** The work investigates the Kalmyk identity in relation to analyses and publications of respective documents housed by the National Archive of Kalmykia, letters and credentials of the 5th Dalai Lama (late 17th century), 7th Dalai Lama (1700s – 1730s) and 13th Dalai Lama (early 20th century) housed by St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS (a Russian translation of the letter confirming Tseren-Donduk as Khan of the Kalmyks), Russian State Historical Archive (Kalmyk Clear Script translations and Russian texts of two credentials awarded by the 5th Dalai Lama to Yogozur-Tsorji in 1681 and by the 13th Dalai Lama to monk Agvan Sandzhi affiliated to Bogdo Dalai-Lamin Khurul of Maloderbetovsky District in 1903), the original of the letter housed by a Kalmykia-based rural Buddhist temple (a letter submitted by the 13th Dalai Lama Thubten Gyatso to Kalmyk monk Samtan Rakbe from Rashi Phuntsok-Ling Monastery). **Results.** The analysis shows that the Kalmyk Khanate established in the 17th century was identified by the religious hierarch authorized to bestow ‘power credentials’ as Torghut Khanate, by the name of the largest Oirat ethnic group that constituted the bulk of the nation and gave rise to the ruling dynasty of Khans (ethnic Torghuts of the Kereit clan). Identity of the Kalmyks was perceived by the Tibetan hierarchs – both in the 20th century and in the 17th century when the Kalmyk people were being compiled from different Oirat groups — as Torghut, which is caused by the actual dominance of the largest ethnic group during the khanship era (mid-17th century – 1771), and by ties between Tibetan monasteries and Kalmyk clergy that often represented the ruling elites as such. The formula ‘49 Mongolian banners, 7 banners of Khalkha, Dzungars, Torghuts and others’ applied by the 13th Dalai Lama in the early 20th century delineates kea areas inhabited by Mongolic peoples: Inner and Outer Mongolia, Oirat and Kalmyk territories, the Kalmyks being designated by the term ‘Torghuts’. Thus, the only survived credential of the 13th Dalai Lama names the Kalmyk monastery represented by gelong Samtan Rakba — ‘Northern Torghut Tashi Phuntsok-Ling Monastery’.

Keywords: Kalmyks, Oirats, ethnic groups, Torghuts, ethnic identity, credentials issued by the Dalai Lama

Acknowledgements: The reported study was funded by the Consolidated Program of the Presidium of the RAS titled ‘Sustainable Development and Securing of Russia’s Strategic Breakthrough: Socio-Humanitarian Aspects’ (subprogram ‘Culturally Complicated Communities: Understanding and Administration’). The author expresses gratitude to St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS and Russian State Historical Archive for the granted opportunity to publish documents related to credentials of the Dalai Lama, to Larisa N. Lidzhigoryaeva for assistance in the publication of the original of the 13th Dalai Lama’s credential letter housed in Achinery village (Chernozemelsky District, Republic of Kalmykia), K. Orlova and B. Mitruv for assistance in the translation of the 13th Dalai Lama’s credentials from Clear Script Oirat and Tibetan into Russian.

For citation: Bakaeva E. P. Ethnic Identity of the Kalmyks and Confessional Ties with Tibet: a Case Study of Some Little-Known Sources. *Oriental Studies*. 2019;(5): 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925.

Введение

Этноним калмыки (хальмг) известен уже ряд веков. Как отмечается в «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней», в русских документах первое упоминание об ойратах (калмыках) относится к 1574 г. и связано с указом Ивана IV от 30 мая 1574 г., в котором говорится о беспощадной торговле с калмыками, бухарцами и казахами [История Калмыкии 2009: 258].

В XVII в. прикочевали в пределы России представители разных этнополитических объединений ойратов: около 50 тыс. семей торгутов [История калмыцких ханов 2003: 113; Авляев 1994: 65], 4 тыс. семей дербетов [Очиров 2010б: 44], 4 тыс. семей хошутов и 2 тыс. семей цоросов (зюнгаров) [Очиров 2010б: 45], всего около 270 тыс. человек [Бакунин 1995: 22–25; Авляев 1994: 164].

По подсчетам В. И. Колесника, к концу XVII в. общая численность прибывших ойратов (калмыков) приблизительно составляла 71 100 семей, или 320 тыс. чел. [Колесник 1997: 28]¹. Ойраты, прикочевавшие в Приуралье и Поволжье, в XVII в. назывались в русских документах калмыками, хотя на начальном этапе истории калмыков сами они этот термин не использовали. Процесс принятия нового этнонима происходил различно в разных этнополитических объединениях (торгутов, дербетов, хошутов), со-

ставивших впоследствии единый этнос; чем интенсивнее были связи определенного этнополитического объединения и его правителей с российской стороной, тем активнее входил в обиход новый термин.

Главным тайши ойратов, прибывших в прикаспийские степи, был признан Хо-Урлюк, улусы которого составляли подавляющее большинство; им была основана династия ханов. Поэтому понятен факт, о котором писал очевидец и активный участник событий в калмыцких улусах В. Бакунин в 1671 г.: торгуты используют слово «калмык» для обозначения как своих улусов, так и хошутов и дербетов, но отмечают, что оно не используется в их языке, а дано русскими. Хошуты и «зенгорцы» не используют данный термин, а называют всех калмыков ойратами [Бакунин 1995: 22].

В XVIII в. термин *хальмг* (рус. «калмык»), в старописьменном калмыцком — *халимаг*) использовался в письмах ханов и нойонов наряду с терминами *торгуты*, *дербеты*, *хошуты*. Постепенно эти группы ойратов консолидировались в этнос и приняли новое самоназвание. Известный монголовед В. Л. Котвич отмечал, что так обозначают группу ойратов, проживающих по рекам Волге, Дону и Уралу, которые приняли новое самоназвание, «забыв старое имя „ойраты“» (цит. по: [Очиров 2010а: 35]). Новый этноним *хальмг* употреблялся с определением *улан залата* («с красной кистью»), поскольку отличительным сим-

¹ Автор проводил подсчет исходя из среднегодового естественного прироста от 0,1 до 0,6 процентов.

волом ойратов и в последующем калмыков являлась красная кисть на головном уборе.

Специфика начального этапа откочевки ойратских этнополитических объединений в пределы России в начале XVII в. состояла в тесных связях с Тибетом: буддизм получил распространение среди этих этнических групп в конце XVI – начале XVII в. Религиозные связи с буддийским центром с разной степенью интенсивности продолжались до начала XX в. и затем после длительного «безрелигиозного» периода (когда после атеистической борьбы отсутствовали монашеские общины, храмы и какие-либо религиозные объединения) возобновились в 1990-е гг.

В статье на материале малоизвестных и новых документов, свидетельствующих о религиозных контактах калмыков с Тибетом и духовным лидером — Далай-ламой, анализируются вопросы их этнической идентичности. Наша задача — осветить то, как идентичность калмыков отражалась в документах буддистов разного времени — в сравнении с документами российского правительства. К исследованию привлекаются грамоты, дарованные калмыкам в разное время Далай-ламой, и другие источники.

Основная часть

В XVII в. происходило формирование Калмыцкого ханства, и в этом процессе значительную роль играло буддийское духовенство, которое было связано с буддийским центром — Тибетом и одновременно активно участвовало в формировании политического взаимодействия с представителями российского правительства. Важно отметить следующие моменты. Широкое распространение буддизма в среде монголов (и восточных, и западных) связано со временем Далай-ламы IV, который, как известно, был этническим монголом. Именно в период его правления направились для обучения в тибетские монастыри сыновья 32 князей ойратов, а с ними 200 мальчиков из числа подвластных [История Хо-Орлока 2016: 33]. В деле распространения буддийского учения среди монгольских народов важную роль сыграли два представителя ойратов — Нейджи тойн (сын торгутского князя Мергена Темене) и Зая-пандита (приемный сын хошутского князя Байбагаса). В 1640 г. в съезде ойратских и монгольских

представителей вместе с князьями участвовало и духовенство тех ойратов, которые составили основу населения будущего Калмыцкого ханства. Известно также, что в 1630-е гг. представители всех ойратских этнополитических объединений (в том числе тех, которые впоследствии стали называться калмыками), принимали участие в объединенном войске ойратов, выступивших на стороне тибетской школы Гелуг: в источнике «Родословная монголов» говорится: «Ламы — хранители Учения и ламы из [монастыря] Брайбун во главе с Панчен-ламой и Далай-ламой послали Энсэ-хутугту, сказав [ему]: „Будет правильно, если ты отправишься в путь. На востоке есть страна, где живут дурбэн-ойраты. Им суждено возродить там желтую религию Дзонхавы. Отправляйся [к ним] и скажи их ханам, чтобы они содействовали возрождению желтой религии“» [Письменные памятники 2016: 133].

Существует мнение о том, что уже в 1643 г. совершил паломническую поездку в Тибет сын главного тайши Хо-Урлюка и его преемник Шукур-Дайчин, который, по мнению В. Т. Тепкеева и В. П. Санчирова, мог принимать участие в объединенном войске ойратов [Тепкеев, Санчиров 2016: 13], выступивших по просьбе Далай-ламы, Панчен-ламы и тибетских монастырей для защиты «желтой веры».

Таким образом, миграция части ойратов в пределы Российского государства, широкое распространение буддизма и формирование нового государства и новой этнической общности происходили одновременно. При этом специфика калмыцкого буддизма проявилась в тесных связях с Тибетом, в том числе и в раннем зарождении традиции паломничества в Тибет, называвшийся священной страной Зу².

В XVII и в начале XVIII в. существовало два пути буддийского паломничества из Калмыцкого ханства в Тибет. Более короткий путь — через Джунгарию. Второй путь — через территорию Цинской империи. И первое, и второе требовало налаживания отношений с властями территорий, вследствие чего осуществление паломни-

² Традиция названия Тибета страной Зу ведет начало от названия священной статуи Будды в Лхасе, которую паломники также называли Зу (монг. *Дзу*).

чество могло иметь и политический аспект. Отдаленность территорий обусловила особенность: вследствие необходимости значительных средств для путешествия в паломничество отправлялись представители аристократии, причем, как известно, российские власти пытались ограничивать внешние связи калмыков. При этом паломничества могли иметь чисто религиозные, а также и политические и иные задачи — в зависимости от периода и обстановки в обществе.

А. М. Позднеев, обследовавший в начале XX в. калмыцкие хурулы, писал, что внутренний строй буддийской общины у калмыков с начала XVII в. до откочевки 1771 г. был тот же, что и в ойратский период: от Далай-ламы получали санкцию на каждое религиозное предприятие, Далай-лама снабжал калмыков литературой, предметами культа, посылал на Волгу монахов, постоянно совершались поездки и снаряжались посольства с ходатайствами в Тибет, «главным образом для разрешения на постройку храмов». Далай-лама давал подробные указания о внешнем и внутреннем устройстве хурулов, утверждал в звании местных лам, по его указаниям десятки и даже сотни калмыцких хувараклов получили образование в Тибете [Позднеев 1910: л. 5]. Об этом свидетельствует грамота, данная от имени Далай-ламы паломнику Джиджетену в середине XVIII в. [Сказание о хождении 1897: VI–XI]. Столь тесные связи свидетельствовали о знакомстве тибетской религиозной верхушки с состоянием дел в кочевьях ойратов, составивших основу калмыцкого народа.

Период становления Калмыцкого ханства — время правления Шукур-Дайчина (1644–1661) отмечен значимыми визитами (в 1645 и 1655 гг.) к калмыкам Зая-пандиты Намкай Джамцо, которого Далай-лама и Панчен-лама послали распространять учение между монголами и ойратами [Норбо 1999: 41–42], посещением Шукур-Дайчином Тибета в 1643 г. [Тепкеев, Санчилов 2016], а также его двумя длительными паломничествами³ (в 1646–1647 и в 1653–

1654 гг.) в Тибет [Норбо 1999: 47, 49–50, 74; Лунный свет 2003: 188] и получением от Далай-ламы грамоты и печати на ханство.

Имеется мнение, что Шукур-Дайчин не принял⁴ эту грамоту, так как калмыцкий историк гелюнг Габан Шараб писал об этом: «Когда Богдойн геген Дайчину прислал грамоту и печать на ханское достоинство, то он обратно отправил, донеся, что „подобных ему много имеется, и потому ему ханом быть не можно“, за что многие ойратские владельцы его похвалили» [Габан Шараб 2003: 92]. (О том же повествует и [История калмыцких ханов 2003: 116–117]). А. А. Курапов называет «исторической легендой» отказ Дайчина от ханского титула и датирует получение им титула от Далай-ламы 1650 г. — периодом между его двумя паломничествами: «Дайчин и его окружение в официальной переписке 1650-х гг. используют ханский титул <...> в 1651 г. [царь. — Э. Б.] Алексей Михайлович именовал Дайчина ханом» [Курапов 2018: 108].

В связи с этим выводом возникает вопрос, как именовали тибетские лидеры, прежде всего Далай-лама, этнополитическое объединение (ханство) Шукур-Дайчина, каковой представлялась идентичность ойратов, ушедших в пределы Российского государства, в период середины XVII в. Однако сведения о грамоте на ханство ограничиваются лишь упоминанием в источниках. В историографии же, как известно, сложилась традиция, основанная на документах российской администрации, в которых ойратские этнополитические объединения, вошедшие в состав Российского государства, именовались калмыцкими, соответственно речь шла о Калмыцком ханстве [Очерки истории 1967; История Калмыкии 2009; и мн. др.]. А в языках соседних с калмыками адыгских народов до настоящего времени в качестве термина, обозначающего всех калмыков, сохраняется этноним *торгут*, что определено активным участием торгутов (особенно их правителей) в событиях на

³ М. Л. Кичиков [Кичиков 1994: 68] и С. К. Богоявленский [Богоявленский 1939: 78] эти ранние паломничества калмыцкого правителя характеризуют и как дипломатическую миссию.

⁴ Отказ принять грамоту на ханство объясняли или желанием наладить отношения с российскими властями [Кичиков 1994], или отсутствием социально-политических условий [Батмаев 1993].

Северном Кавказе⁵ в XVII–XVIII вв. и отражает их этническую идентичность на тот период.

Во многом традиция использования термина *калмык* в официальных документах уже в XVII в. для обозначения определена емкостью термина, отличавшего ойратов, вошедших в состав России, от ойратов Центральной Азии. А. А. Курапов пишет: «получение титула хана Дайчином в 1650 г. было предопределено его активной внутренней и внешней политикой. Статус хана закреплял его политическое доминирование в Калмыцком ханстве и позволял активизировать дипломатические контакты» [Курапов 2018: 107–108].

А. В. Цюрюмов, характеризуя характер политической организации власти тайшей, приводит слова Дасанга о титуле, которым именовались главные тайши: «халимагииннойон хан», переводя его ‘хан калмыцкихнойонов’ [Цюрюмов 2005: 22], а документальную констатацию формирующегося Калмыцкого ханства видит в решениях съезда ойратских и монгольских князей и духовенства 1640 г.: «В исторической литературе указывается, что решения съезда создавали условия для возвращения торгоутов в „дальние кочевья“, то есть в Джунгарию. На наш взгляд, съезд, прежде всего, констатировал состоявшееся деление ойратов на Джунгарское, Хошоутское и Калмыцкое ханства. В эти годы мы отмечаем сближение калмыков и Джунгарии» [Цюрюмов 2007: 59].

Вопрос о возможности получения грамоты на ханство Мончаком (ум. в 1672 г.), которому Дайчин передал бразды правле-

⁵ Так, в кабардинско-черкесско-русском словаре слову «тургут» дается следующее объяснение: «см. кьалмыкъ» [Апажев, Коков 2008: 431], соответственно ко второму слову прилагается перевод: «кьалмыкъ, кьалмыкъхэр 1. калмык, калмычка; калмыки; 2. в знач. прил. калмыцкий; *кьалмыкъ шей* калмыцкий чай» [Апажев, Коков 2008: 220]. В отдельных публикациях имелись попытки связать этот этноним с другими (более ранними) народами, но они были подвергнуты критике. Л. И. Лавров писал: «Б. А. Рыбаков <...> считает, что кабардинцы сохранили память о гуннском племени утургуров, имя которых он видит в кабардинском этническом названии „тургут“. Но оно у кабардинцев означает не гуннов, а ныне существующих калмыков, происходит от „торгут“ или „торгуот“ — самоназвания одной этнической группы этого народа» [Лавров 1969: 138].

ния в 1661 г., не освещался в источниках. В 1664 г. он был наделен российскими властями «серебряной с позолотой, украшенной яшмами булавой и белым с красной каймой царским знаменем, а также ценными подношениями» [Эрдниев 1985].

Следующий правитель Аюка-хан (1672–1724) получил печать и грамоту на ханство от Далай-ламы, об этом «История калмыцких ханов» повествует: «Далай-лама пожаловал Аюке ханский титул (хан цоло) и печать (тамга)» [История калмыцких ханов 2003: 116–117].

Считается, что с этого времени инвестирута Далай-ламы стала важнейшей частью политической жизни Калмыцкого ханства: по мнению В. В. Трепавлова, тибетская инвестирута (ханское звание, тронное имя, печать) играли важную роль в ханской легитимации, наряду с избранием съезда владельцев и российской инвестирутой [Трепавлов 2014: 15–16]. При наличии указа российских властей об утверждении ханом предпринимались действия для получения также грамоты от Далай-ламы на ханство (как это было позднее в случаях с ханами Церен-Дондуком, Дондук-Омбо, Дондук-Даши).

В 1713 г. Аюка-хан передал ханскую печать Далай-ламы старшему сыну — Чакдоржабу и объявил его наследником, но тот не успел воспользоваться ею (ум. в 1722 г., ранее Аюки).

В литературе широко известны и упоминаются эти две грамоты. В последующем грамоту на ханство получил лишь один хан — Церен-Дондук (1724–1735), объявленный сначала российскими властями наместником ханства, а в 1731 г. получивший от правительства ханское звание. Однако легитимация титула требовала его подтверждения от верховного буддийского иерарха.

В сентябре 1735 г. состоялось вручение Церен-Дондуку грамоты от Далай-ламы, «ханского киота и шапки от ламы» [СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 61–62]. Поскольку данная грамота — единственная «грамота на ханство», содержание которой известно, то приведем описание церемонии ее вручения и содержание.

В описании церемонии, сохранившемся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН),

сообщалось, что ханская кибитка была подготовлена «по калмыцкому обычаю», для хана приготовлено было особое место, а по правую сторону — место для верховного ламы Шакур. Рядом установили еще одну, хурульную, кибитку, в которой находились изображения буддийских божеств.

Грамоту Далай-ламы вез возглавлявший многолюдную процессию ханский посланник к Далай-ламе Батур Омбо (Батур-гелюнг), «положа ее на голову», перед ним ехали два молодых монаха-манджика, которые везли дары. «В знак ханства» «были присланы», кроме грамоты, знамя, облачение (одежда), головной убор, а также лошадь с седлом, сайдак (набор вооружения конного лучника) и сабля [СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 61]. Процессию торжественно встречали приближенные и подданные хана. Посланцы вошли в ханскую кибитку, где находились Церен-Дондук и Шакур-лама. Лама «принял грамоту и положил ее к себе на голову», затем на хана надели привезенное облачение, после чего он вновь сел, а Шакур-лама читал и переводил ему грамоту, а затем, выйдя из ханской кибитки, огласил содержание грамоты ожидавшим снаружи людям, которые по завершении получали благословение посредством грамоты как священного текста («над головой им держали грамоту»). В это время прибыли к хану Дарма-Бала, брат Галдан, зайсанги, приближенные. Хан, облаченный в подаренное платье и головной убор, с сайдаком и саблей вышел из своей кибитки и

прошел в хурульную кибитку «*бурхни өргэ*», где совершил молитву, а затем на подаренной лошади проехал вновь к своей кибитке, где началось празднование [СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 61–62].

В Национальном архиве Республики Калмыкия не обнаружен оригинал этой грамоты. Неизвестна вообще судьба оригинала этого документа, о котором обнаружены свидетельства в архиве — как и судьба более ранних грамот, которые были получены Дайчином и Аюкой. Возможно, что грамоту с собой увез Церен-Дондук, когда его вызвала императрица на поселение в Санкт-Петербург в 1735 г., где его сопровождал Шакур-лама. Но пока по архивам не прослеживается его судьба. Маловероятно, что грамота была оставлена следующему хану — Дондук-Омбо и была затем передана «по наследству», так как в это время происходили династийные усобицы и конфликты. Но если такое было возможно, то грамоту должен был увезти с собой наместник ханства Убаши в 1771 г. И тогда ее судьба не менее загадочна. В связи с вышеизложенным большую ценность представляет перевод грамоты Далай-ламы⁶, который сохранился в СПбФ АРАН, причем среди документов, уцелевших во время пожара в декабре 1747 г. в Академии наук. Перевод с грамоты [СПбФ АРАН. Р-II. Оп. 1. Д. 205. Л. 103–104], хранящийся в СПбФ АРАН, составлен, судя по комментариям к тексту, позже ее вручения — по крайней мере в нем упоминаются события 1737 г.

⁶ ©Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Р-II. Оп. 1. Д. 205. Л. 103–104.

113/10

Переводъ съприсланной Садсайламы Уппердипеиной на
ханство памибцномъ ханъ хиревъ дундунъ (а) народа
торгаутовъ, подана хрѣзъ.

шаиуръ ламъ (б)

Премудромъ спятомъ иблаготепиомъ ханъ вопервѣхъ да въ
дѣлѣхъ благое спасеніе великое владеніе прѣднее благополу
чное время споданими плонии, зумножатся силы плоні-
яно благомыслиомъ спроителъ, пѣше да прѣвѣдши яно до-
трыи цвѣтъ, иианъ самъ вѣдохалихъ благотепїахъ паниб-
ндрихъ садѣжатъ вѣомъ несплателай, садоброчиитлаще
вашего, присланихъ послианина споздраленїемъ ипадарни
аимяно хорошей хадаиб [9] да спертѣ [d] одму сренѣвѣиу.

а] хрѣвѣ дундунъ вѣтъ шѣтпой сѣв хана адна, попорой поимѣрпи-
бца своего сомногимъ мѣседо наслѣдникъ испитоной спомъ вѣ-
1725^{г.} ханомъ училивъ коовъ 1735^{г.} саело ибправленїемъ испитоной спомъ
взятъ вѣсперѣбуръ, аднаго ибѣто возвѣдѣиъ племѣнникъ ето-
идѣспитомъ сѣв дундунъ омбо, оной сѣ хрѣвѣ дундунъ вѣспитомъ
садѣжанїемъ умре 1738^{г.}

б] шаиуръ лама или архїерей бѣвъ уторгаутовъ вѣликомъ по-
чтенїа ииле сапона сѣлїтхъ шапоибъ попорого адна ханъ вѣвѣда
вѣтавъ прикиналъ, хотя того ииисомъ братамъ иѣделалъ сѣй
лама умре _____ году, ииеналымъ чиномъ примногочародномъ
собранїи сосрѣенъ его пѣпелъ вѣолопомъ сохдѣ сомногими погар-
ни ииантїомъ посолїтвомъ спправленїемъ ивдалай ламѣ зля по-
свѣстенїа или канонїсацїи воісвятїе, припомѣсѣ ииенало жѣдѣиъ
его вѣбатъ саианурѣспитованихъ напїиѣе послиано ипам-
далайлама вѣлїтѣ спепеломъ его вѣлїтѣ солотого бурхана жпри-
шлѣтѣ, жѣханъ дозвратїо, сїѣ посолїтво спправлїо и жнасанїи
хрѣзъ сибїрѣ вїюябрѣ 1737 ииасвѣдѣтѣ что спанѣтѣ ииенїше
40000 рѣблѣ саиотороѣ полдѣтѣ бурхана солотого зорфунта
вѣсомъ.

9] поирѣвало или адѣсѣда набурхана d] парїа иакая либѣ-
наиотпороѣ вѣадѣи косятѣ бурхана иполнїего поспїмѣдѣтѣ.

10300

Двои ~~древнѣнныя~~ ~~честныя~~ ~~80.~~ ~~гервонныхъ~~ [Е] два пар-
тиска ~~сима~~ 2. и сорбавта ~~жѣное~~ ~~все~~ ~~напамятъ~~ ~~все~~
высшею, принялъ ~~соннобай~~ [F] ~~совіемъ~~ ~~закономъ~~
~~древныхъ~~ шапоиъ [G] ~~поблагоутробной~~ ~~милости~~
дабы ~~видяръ~~ ~~жѣне~~ ~~всіемъ~~ ~~народу~~ ~~и~~ ~~всіемъ~~ ~~одъшевле~~
нѣ [H] ~~полса~~ ~~ипоной~~ ~~прѣбышала~~, ~~наиболѣе~~ ~~древ~~
~~древая~~ ~~дабы~~ ~~обыкновенное~~ ~~благочестіе~~ ~~и~~ ~~трада~~
утвердило^{сь} ~~на~~ ~~мѣстѣ~~, ~~спасенія~~ ~~снѣрныхъ~~ ~~до~~ ~~дѣла~~
~~восходящихъ~~ ~~торъ~~ ~~подобиемъ~~, ~~приманное~~ ~~бла~~ ~~в~~
~~всіемъ~~ ~~спасениымъ~~ ~~соторомъ~~ ~~предловерши~~ ~~пелемъ~~
~~бѣрханомъ~~ [I] ~~похвала~~ ~~поминали~~, ~~древая~~ ~~дав~~
~~тебѣ~~ ~~жѣтлоихъ~~ ~~на~~ ~~право~~ ~~и~~ ~~на~~ ~~ево~~ ~~заповѣ~~
~~дителя~~ ~~бѣа~~ ~~распространитя~~, ~~сверхъ~~ ~~древ~~ ~~сета~~
~~наибъ~~ ~~тебѣ~~ ~~заповѣ~~ ~~почитатъ~~, ~~всіемъ~~ ~~одъше~~
~~вленіи~~ ~~полса~~ ~~подавати~~, ~~своими~~ ~~владѣльцѣ~~
~~по~~ ~~данными~~ ~~по~~ ~~сѣбѣ~~ ~~а~~ ~~на~~ ~~шихъ~~ ~~мѣстѣ~~ ~~по~~ ~~сѣ~~
~~патъ~~ ~~вамъ~~ ~~уже~~ ~~ждаети~~, ~~прѣдрини~~ ~~древ~~ ~~хана~~
~~саго~~ ~~законохраненіе~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~на~~ ~~мѣ~~ ~~почтеніе~~, ~~яко~~ ~~древ~~
~~на~~ ~~саго~~ ~~твердо~~ ~~стѣ~~ ~~и~~ ~~по~~ ~~стоя~~ ~~на~~ ~~ево~~ ~~всѣ~~ ~~вѣ~~ ~~по~~ ~~ной~~
~~воспріа~~, ~~и~~ ~~по~~ ~~томъ~~ ~~примеръ~~.

[Е] сѣи подарки упоминаемые сѣтъ ~~положенныя~~ ~~и~~ ~~содержъ~~ ~~того~~
ханы, чрезъ ~~дѣла~~ ~~и~~ ~~многое~~ ~~по~~ ~~сѣ~~ ~~матъ~~.

[F] соннобай именуется единъ ~~турханъ~~ ~~но~~ ~~сѣ~~ ~~разъ~~ ~~мѣ~~ ~~стѣ~~
~~подаритъ~~ ~~или~~ ~~на~~ ~~мѣ~~ ~~стѣ~~ ~~на~~ ~~и~~ ~~нѣ~~ ~~мѣ~~ ~~стѣ~~ ~~далай~~ ~~ламы~~, ~~и~~ ~~на~~ ~~по~~ ~~торомъ~~ ~~всѣ~~ ~~пра~~
~~вление~~ ~~на~~ ~~иболѣе~~ ~~за~~ ~~мѣ~~ ~~нѣ~~ ~~тѣ~~.

[G] Заповѣ ~~древныхъ~~ шапоиъ именуется ~~при~~ ~~далай~~ ~~ламе~~ ~~бли~~
~~нѣ~~ ~~лѣ~~ ~~ди~~, ~~та~~ ~~на~~ ~~на~~ ~~ибъ~~ ~~кар~~ ~~дина~~ ~~лы~~ ~~у~~ ~~та~~ ~~пы~~ ~~жѣ~~ ~~ни~~ ~~переро~~ ~~сѣ~~ ~~нѣ~~ ~~тѣ~~
~~но~~ ~~чи~~ ~~ло~~ ~~ихъ~~ ~~на~~ ~~ибъ~~ ~~дѣ~~ ~~лѣ~~ ~~но~~ ~~у~~ ~~дѣ~~ ~~лѣ~~ ~~тѣ~~ ~~не~~ ~~мо~~ ~~жъ~~. ~~др~~ ~~в~~ ~~гой~~ ~~за~~ ~~повѣ~~ ~~и~~ ~~др~~
~~сѣ~~ ~~ихъ~~ ~~сѣ~~ ~~тъ~~ ~~пра~~ ~~вн~~ ~~ыхъ~~ ~~ша~~ ~~по~~ ~~и~~ ~~о~~ ~~и~~.

[H] Раздѣляется ~~на~~ ~~ибъ~~ ~~у~~ ~~на~~ ~~ибъ~~ ~~прос~~ ~~вя~~ ~~щен~~ ~~ныхъ~~ ~~или~~ ~~пра~~ ~~во~~ ~~вер~~ ~~ныхъ~~.

[I] Бѣрханъ ~~зна~~ ~~читъ~~ ~~бѣ~~.

111. 104

торгоутовѣ [К] и всѣхъ странъ владѣльцовъ пообщо-
 вниимъ ждеудинимъ обычаемъ свѣтлыхъ странъ [Л]
 призирати снабдевати всердечной лѣтви и покое
 всѣхъ подданныхъ равно содержать и охранять должно
 и для поя пользы и покоя всѣмъ добродетельные и кита
 влѣнїя подавати, законѣ же реченыхъ шаговъ и китъ
 возвысити и растроити, отомъ и надлежитъ по
 вашему благоумію способы усматривати, домаш-
 нимъ всѣмъ доуми и ратъ посяженіе длати [М]
 и доброты моливы всегда памятовати, вѣдѣхъ
 допаченїя и закона принадлежащихъ реченїе
 и китъ [Н] отъсѣдѣхъ памятыя мѣстѣ Бурхана
 Эрдени и великаго блага спасенїа [О] солдѣты
 подлинно и поимати поминати силовны пре-
 бываемъ и что сиренно и надеждовъ к благоумію
 особора ордѣти и надлежитъ оное и мѣсте пивѣ
 до вѣбѣ содержать и пристойное и радѣ пропо-
 ведывати и надлежитъ; всиакъ наша силовны
 поимамъ Санта [Р] одинъ мой образъ, дана
 мирахраниителя [С] танъ шаншанини [У] =
 Бурхановъ поимомъ, шалирѣ, [S] даслятыхъ
 урелѣдъ, [Т] и нешомно бгословенныхъ вѣстѣй три
 целыхъ ирскихъ здѣшнихъ стномъ, писано новаго
 года в добрыхъ дѣнь.

К] намыни разделяются ирские роды яно (1) мбигалы
 приграницахъ и китъ и китъ (2) свиторы подле мбигалъ и китъ
 Биръ до великой Бухарїи и киргизовъ (3) хошоты ^{болше} мбигалъ тор-
 гоутовъ и свигоравъ посадованїи разделяются свѣтѣхъ еще розѣ
 ихъ яно Бурбаты Баронталы и пр. оиоторыхъ еще и велика
 обстоятельно и вѣстїю.

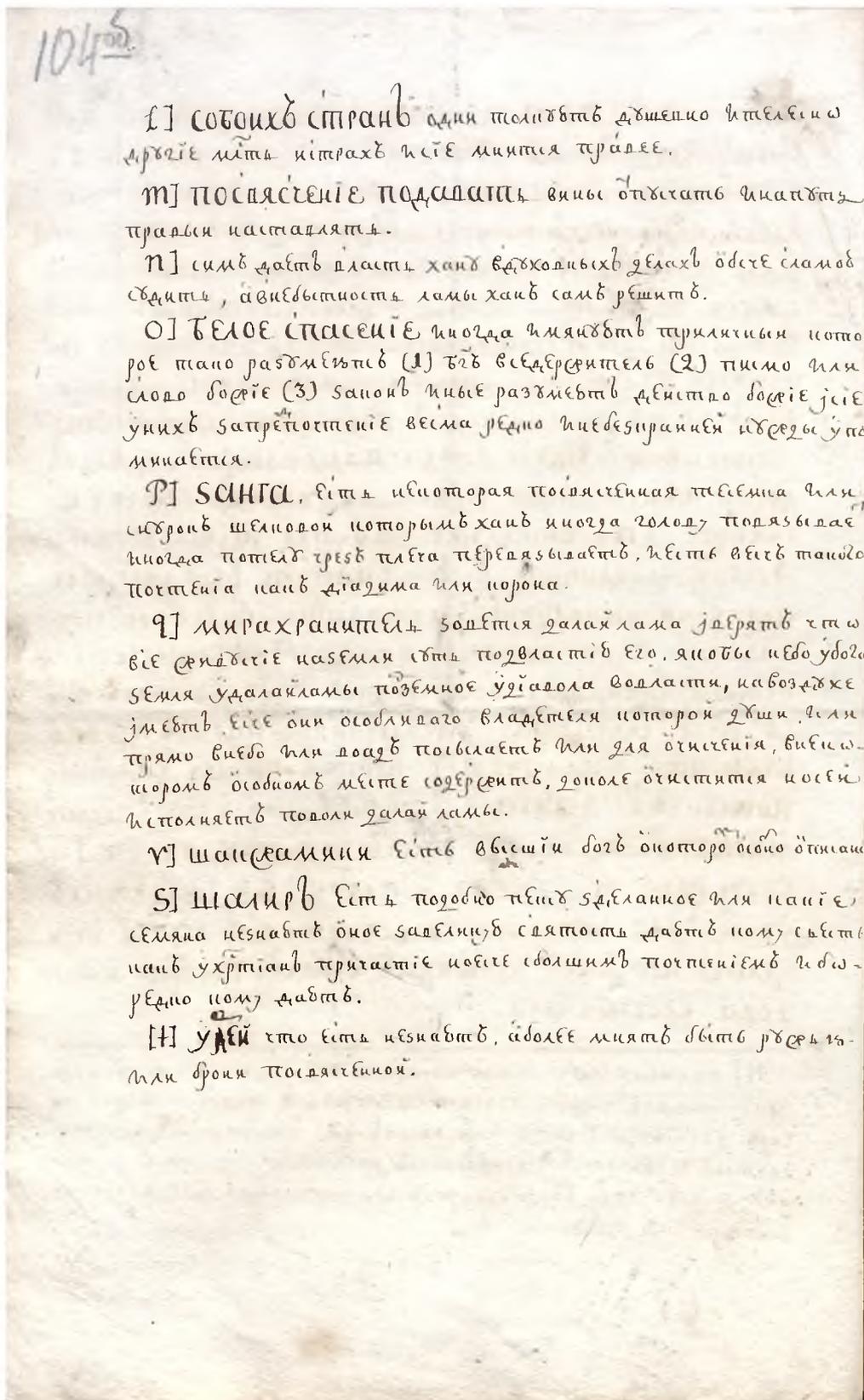

Фото 1–4. Перевод грамоты, дарованной Далай-ламой хану Церен-Дондуку
[©СПбФ АРАН. Р-П. Оп. 1. Д. 205. Л. 103–104].

[Photo 1–4. Translation of the credential letter awarded by the Dalai Lama to Khan Tseren-Donduk.]

Приведем текст грамоты, дарованной Далай-ламой VII калмыцкому хану Церен-Дондуку:

[л. 103] «Перевод с присланной от Далай ламы⁷ Утвердительной на ханство калмыцкому хану Чирен Дондуку (а) народа торгоутов, подана через Шакур ламу (b)

Премудрому святому и благочестивому хану во первых дабы дати благое спасение великое владение прежнее благополучное время с подданными твоими, умножатся силы твои яко благоискусенному строителю ты же да пребудеши яко добрый цвет, и как сам в духовных благочестиях так и других содержат в том не ослабевай, от добротства же вашего, присланных посланника с поздравлением и подарки а имянно хороший хадак [с], да сперть [d] одну жемчужину⁸,

⁷ В тексте написание имен соответствует языку XVIII в. При этом встречаются разные варианты имен и терминов, например, хан Церен-Дондук упоминается как Чирен Дондук и Черен Дондук, используются написание *торгауты* и *торгоуты*. В расшифровке текста архивного документа мы полностью сохраняем его орфографию и пунктуацию.

⁸ [Примечания переводчика в тексте перевода грамоты на л. 103]

a) Черен-Дондук есть шестой сын хана Аюки, который по смерти отца своего со многим между наследники неспокойством в 1725 г. ханом учинен но в 1735 за его к правлению неспособность взят в Петербург, а на его место возведен племянник его Гуджипов сын Дондук Омбо, оной же Черен Дондук в честном содержании умре 1738 году.

b) Шакур лама или архиерей был у торгоутов в великом почтении и силе закона желтых шапок которого Аюка хан всегда встав принимал, хотя того нисвоим братьям не делал. Сей лама умре [здесь в тексте пропуск. — Э.Б.] году, и с немалым чином при многонародном собрании сожжен. Его пепел в золотом сосуде со многими подарками и знатным посольством отправлен к Далай ламе для посвящения или канонизации во святыя, при том же немало и чудес его засвидетельствованных на письме послано и таму Далай лама велит с пеплом его вылить золотого бурхана и пришлет, к хану возвратно, сие посольство отправилось из Казани через Сибирь в ноябре 1737 и сказывают что станет не меньше 40 000 рублей за которое получают бурхана золотого до фунта весом.

c) Покрывало или одежда на бурхана.

d) Парча какая либо на которой входы носят бурхана и под него подстилают.

[л. 103 об.] двои жемчужные четки, 80 червонных [e], два парписча сукна, 2 исорбавта и оное все на память все высшему. Приняв Зонкобай [f] со всем законом желтых шапок [g] по благоутробной милости дабы внутри и вне всему народу и всякому одушевлению [h] польза и покой пребывала, наиболее же желая дабы обыкновенное благочестие и правда утвердилось на месте, спасения снежных до солнца всходящих гор подобием, присланное то вас всем спасенным собором предсовершителем бурханом [i] похваляя поминали, желая дав тебе и в твоих направо и налево закон утвердителя бога распространителя, сверх же сего как тебя закон почитать, всякому одушевлению пользу подавать, со своими владельцы подданными по обычаям ваших мест поступать вам уже известно, прежний же хан за его законохранение и к нам почтение, яко же и за его твердость и постоянство вечный покой восприя, и потому примеру⁹

[л. 104] торгоутов [k] и всех стран владельцев по отцовским и дедовским обычаем с обоих стран [l] призирать снабдевать в сердечной любви и покое всех подданных равно содержать и охранять должно и для той пользы и покоя всем добродетельные наставления подавать, закон же желтых шапок как возвысить и распространить, о том надлежит по вашему благочестию способы усматривать, домашним всем до осми крат посвящение давать [m] изустные молитвы всегда памятовать, в делах до спасения и закона принадлежасчих решение чинить [n] отсуду же памятуя милость бурхана Эрдени и великого белаго спасения [o] советы подлинно наполнить поминать склонны пребываем и что с крепкою надеждою к

⁹ [Примечания переводчика в тексте перевода грамоты на л. 103 об.]

e) Сии подарки упоминаемые суть положенные и осверх того ханы, чрезвычайно много посылают.

f) Зонкобай имянуется един бурхан и о зде разумеется товарищ или наместник Далай ламы, на котором все правление наиболее зависит.

g) Закон желтых шапок имянуется при Далай ламе ближние люди, так как кардиналы у папы и они перерождаются но число их как велико уведать не мог, другой закон ниже сих есть красных шапок.

h) Разумеется как у нас просвященных или правочерных.

i) Бурхан значит бог

благочестию от собора ожидать надлежит оное имеете твердо в себе содержать и пристойное народу проповедывать надлежит; в знак нашей склонности посылаем Занга [p], один мой образ да как мирахранителя [q], так Шакжамини[v] бурханов по одному, Шалиру, [s] да святых Урлеев, [t] и несколько благословенных вещей три целых красных здешних сукон, писано нового года в добрый день¹⁰»

[СПбФ АРАН. Р-П. Оп. 1. Д. 205. Л.103–104].

Перевод «утвердительной на ханство» Церен-Дондуку грамоты Далай-ламы VII содержит наставления в продолжении поли-

¹⁰ к] Калмыки разделяются на разные роды яко 1) мунгалы при границах Китая и Сибири, 2) зюнгоры подле мунгал и Сибири до великой Бухарии и киргизов, 3) хошоты более между торгоутов и зюнгоров по завоеванию разделены суть же есче роды их яко буруты, баронталы и пр. о которых есче невесма обстоятельно известно.

(л. 104 об.)

l] С обеих стран одни толкуют душевно и телесно другие милость и страх и сие мнятся правее.

m] Посвящение подавать вины отпусчать и напутствие наставлять.

n] Сим дает власть хану в духовных делах обеще с ламою судить, а в небытность ламы хан сам решит.

o] Белое спасение иногда именяет триличные которое тако разумет (1) Бог вседержитель (2) письмо или слово божие (3), закон иные разумют действо божие и сие у них за предпочтение весма редко и не без крайней нужды упоминается

¹¹ Занга, есть некоторая посвященная тесемка или снурок шелковой которым хан иногда голову подвязывает, иногда по телу через плеча перевязывает, и есть вес такого почтения как дикатама или корона.

¹² Мирохранитель зовется Далай лама и верят что все живущие на земле суть под властью его, якобы небо у бога, земля у Далай ламы, подземное у дьявола во власти, на воздухе имеют есче они особливого владетеля, который души или прямо в небо или до аду посылает или для очисчения, в некотором особном месте содержит, доколе очистится и о сей и исполняет по воли Далай ламы.

¹³ Шакжамини есть высший бог о котором особно описано

¹⁴ Шалир есть подобно песку сделанное или какие семена — не знают, оное за великую святость дают кому съест как у христиан причастие, с большим почтением ибо редко кому дают.

¹⁵ Урлей что есть не знаю, а более мнят быто ружью или брони посвященной».

тики его предшественников, в поддержании «желтой веры» и соблюдении норм поведения буддиста. Мы узнаем, что грамота являлась не строгим документом, а посланием, в котором Далай-лама признавал правителя ханом и давал ему наставления и пожелания, а также благодарил за полученные дары¹¹ (переводчик отмечает, что упоминаются только «положенные» подарки, а «сверх того ханы чрезвычайно много посылают») и перечислял направляемые им дары¹².

Грамота Далай-ламы VII к Церен-Дондуку — свидетельство тесных связей Тибета с Калмыцким ханством и подтверждение статуса как самого хана, так и государства¹³.

Важным моментом для исследования вопроса об идентичности калмыков первой трети XVIII в. является название грамоты, данное в переводе на русский язык русским толмачом: грамота «Утвердительная на ханство калмыцкому хану Чирен Дондуку народа торгоутов». В названии прослеживаются два термина: используемый российской администрацией термин «калмыцкий хан» и присутствовавший в оригинале документа термин «хан народа торгоутов». Кроме того, в тексте перевода грамоты в месте, где говорится о необходимости продолжения политики предков в землях, написано: «торгоутов <...> и всех стран владельцев по отцовским и дедовским обычаям обеих стран», причем под «странами» в тексте понимаются Калмыцкое ханство и Тибет, поскольку выше

¹¹ Среди «положенных» подарков в грамоте перечислены: хадак, парча, жемчужные четки, 80 монет червонного золота, сукно и др.

¹² Особый оберег (зэнг) в виде нити с узелком, изображение Далай-ламы в качестве защитника, изображение Будды Шакьямуни, пилюли «шалир» (которые получают «с большим почтением ибо редко кому дают»), а также три штуки сукна и несколько благословенных вещей.

¹³ Известно, что Дж. Мияваки-Окада пыталась пересмотреть статус Джунгарского ханства на том основании, что тибетскую инвеституру на ханство имел только один из его правителей — Галдан Бошокту-хан. Поэтому она предлагала считать Джунгарское ханство не ханством, а неким «контайшеством» (от титула *хунтайджи*). Не углубляясь в критику этой концепции (см. подробнее: [Очиров 2016]), отметим, что калмыцкие правители, остававшиеся достаточно длительное время (пусть из Поволжья в Тибет был тяжелым и длительным) во главе государства, получали грамоты на ханство от Далай-ламы.

идет речь о том, что Аюка-хан «за его законохранение и к нам почтение, яко же и за его твердость и постоянство вечный покой восприя». Таким образом, перевод на русский язык грамоты Далай-ламы свидетельствует о наименовании в тибетской традиции того времени калмыков «народом торгутов», вследствие чего можно предположить, что Калмыцкое ханство, соответственно, именовалось «Торгутским ханством». Поэтому привлечение в этой связи к анализу других грамот, полученных от иерархов Тибета в этот и последующий периоды, могло бы дать дополнительную информацию об этнической идентичности калмыков и их этнонимах.

В. В. Трепавлов, обращая внимание на отсутствие грамот от Далай-ламы на ханство у Дондук-Омбо и Дондук-Даши, отмечает, что в отличие от них Церен-Дондук «чувствовал себя уверенно, поскольку обрел от главного ламы и ханскую печать, и сакральное тронное имя Дайчин Шаса Бюджа-хан» [Трепавлов 2014: 16]. Однако вручение Церен-Дондуку ханского титула от Далай-ламы произошло в ситуации, когда после династийных междоусобиц российские власти уже решили сместить его с поста хана и объявить его племянника Дондук-Омбо сначала главным владельцем, а затем и ханом. Церен-Дондука отзывали в Санкт-Петербург, о чем свидетельствует указ императрицы Анны Иоанновны, подписанный еще в марте 1735 г., в котором она приказывала калмыцкому хану срочно прибыть в Санкт-Петербург ко двору, где его и планировали поселить вне ханства: «Указали мы, Великая государыня, наше императорское Величество, тебе, подданному нашему, для некоторого дела быть сюда в Санкт-Петербург ко двору нашему немедленно <...> и ехать в самой скорости со всяким поспешением. Дан в Санкт-Петербурге марта 20 дня 1735 года» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 75. Л. 102–103].

Указ о вызове в столицу, подписанный в марте, был объявлен хану только в конце октября 1735 г., после чего он был препровожден в Санкт-Петербург и там оставлен на поселение. Таким образом, когда Церен-Дондуку вручали грамоту на ханство от Далай-ламы, уже был издан указ российской императрицы о его «отзыве».

После Церен-Дондука во главе Калмыцкого ханства был Дондук-Омбо, назначенный главным управителем калмыцкого народа, а в 1737 г. объявленный ханом. Императрица Анна Иоанновна писала в своем указе: «Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, усматривая от того времени, когда по Всемилостивейшему Нашему соизволению поручено тебе, подданному Нашему, главное правление над всем Калмыцким народом, за верных к Нам твои, подданного Нашего, службы порядочное правление Калмыцкаго народа, показанную ревность и прилежность и знатные поиски над неприятели Нашими Кубанцами, Всемилостивейше жалуем тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким» [НА РК. Ф. И.-9. 36. Оп. 1. Д. 75. Л. 180].

Текст грамоты императрицы основан на признании заслуг Дондук-Омбо перед Российским государством, за которые государыня жаловала своего подданного титулом. Ханство именуется Калмыцким, согласно традиции, установившейся в российской деловой документации того времени. Подчеркивается российское подданство калмыков и их хана: «...объявить тебя, Нашего верного подданного, Ханом над всем, Нашим подданным, народом Калмыцким, и вящше изустно тебя обнадежить о Нашей Императорскаго Величества к тебе милости, и знаки Ханства: знамя, саблю, шубу, шапку тебе вручить, и что он же Соймонов именем и по указу Нашему будет тебе объявлять и говорить о походе в Крым; и в том во всем ему верить и по тому исполнить» [НА РК. Ф. И.-9. 36. Оп. 1. Д. 75. Л. 180об.].

Таким образом, перевод грамоты Далай-ламы VII, выполненный в первой трети XVIII в. русским переводчиком, содержит обращение к Церен-Дондуку как «калмыцкому хану» «народа торгоутов» [СПбФ АРАН. Р-II. Оп. 1. Д. 205. Л. 103–104], что является свидетельством переходного периода от этнонима *торгут* к новому экзоэтнониму, вводимому в российских условиях и активно использовавшемуся российской администрацией.

Политическая заинтересованность в объявлении Дондук-Омбо ханом прописана уже в самом указе: объявление о вручении ханских знаков (знамени, сабли, шубы, шапки) сопровождалось объявлением о походе в Крым, т. е. о новых обязанностях правителя.

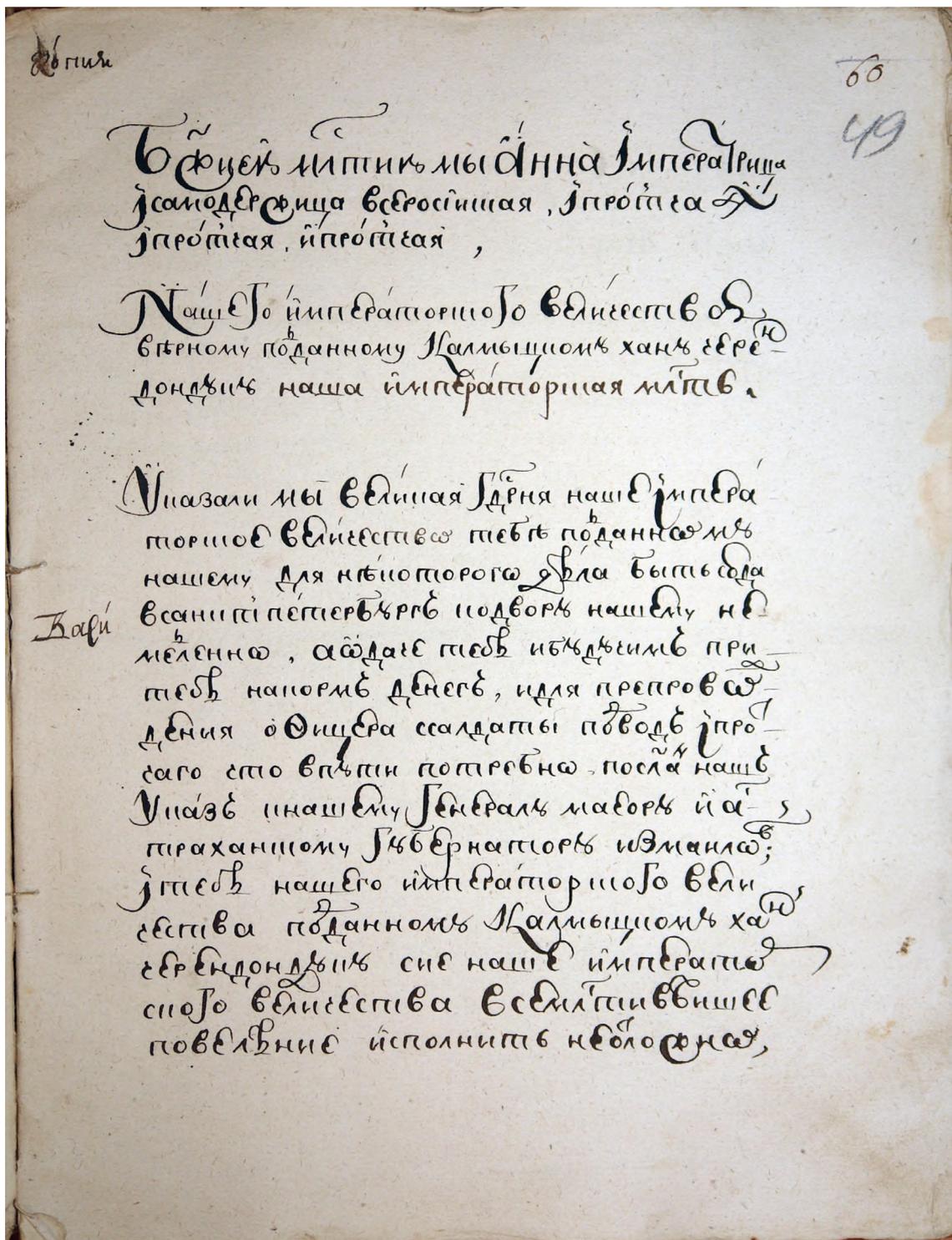

Фото 5. Указ об «отзыве» в Санкт-Петербург хана Церен-Дондука [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 75. Л. 102–103].
 [Photo 5. Decree 'recalling' Khan Tseren-Donduk to St. Petersburg.]

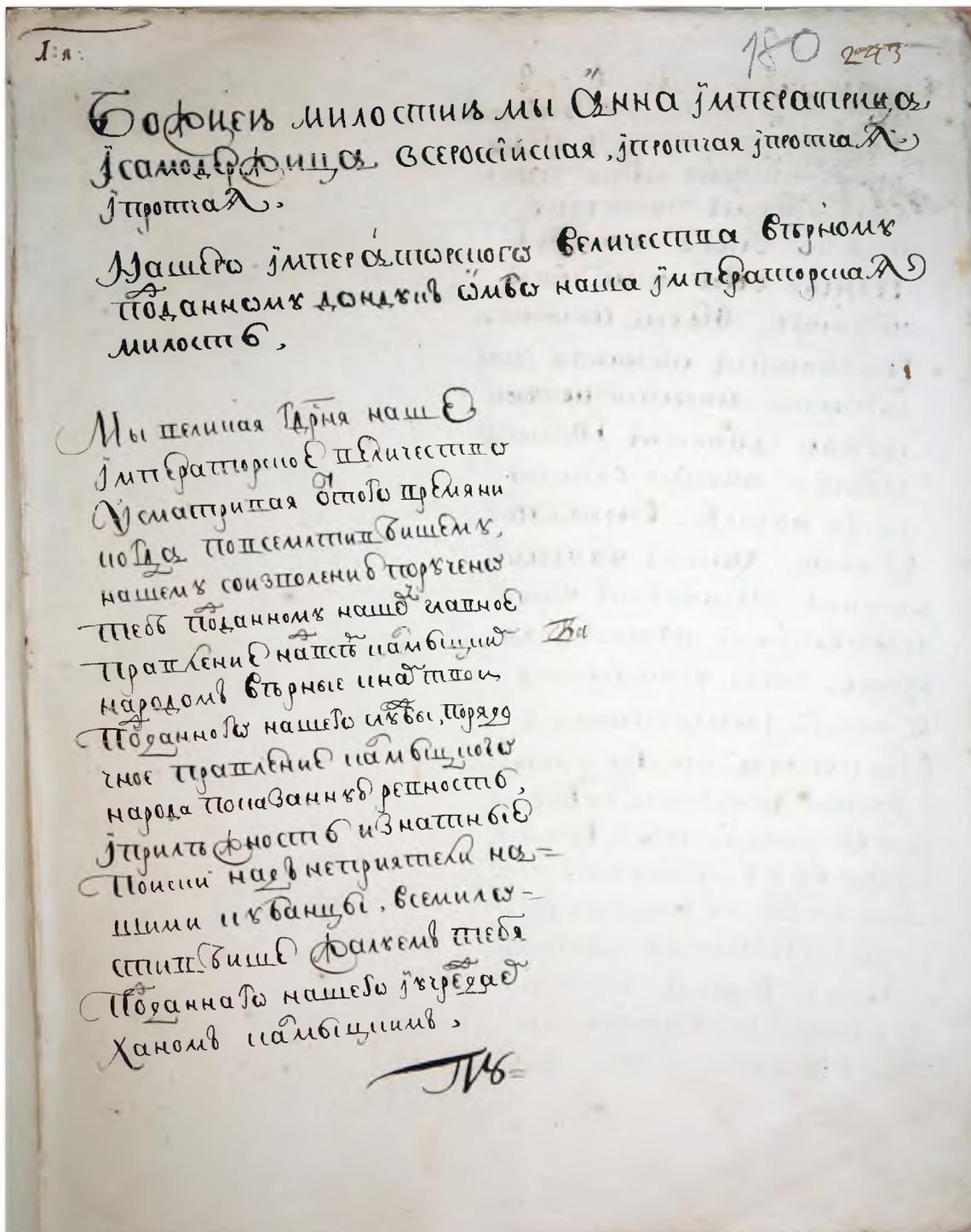

Фото 6. Указ Анны Иоанновны о назначении Дондук-Омбо ханом
 [НА РК. Ф. И-9. 36. Оп. 1. Д. 75. Л. 180].
 [Photo 6. Decree by Anna Ioannovna appointing Donduk-Ombo Khan.]

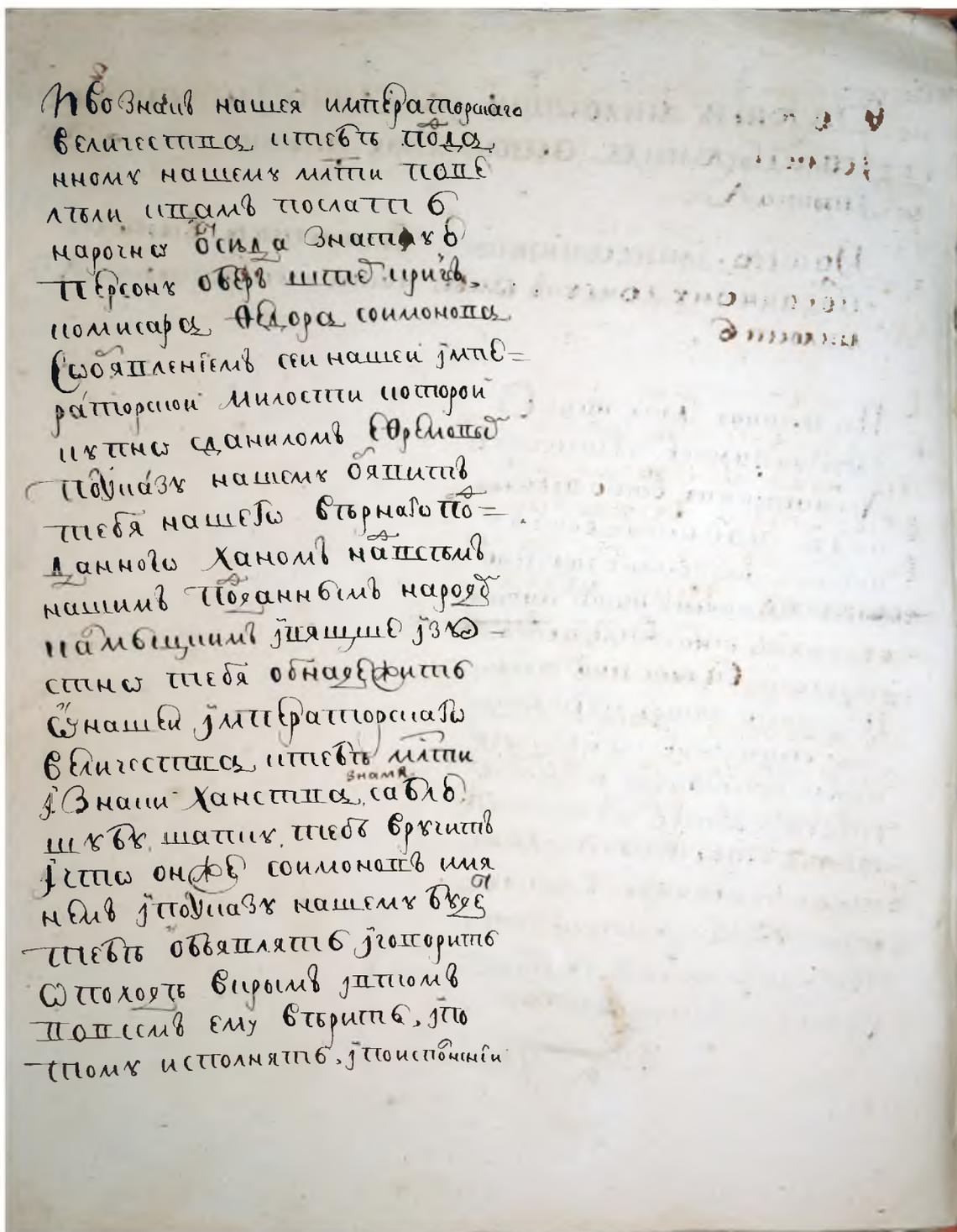

Фото 7. Текст указа о назначении Дондук-Омбо ханом
 [НА РК. Ф. И-9. 36. Оп. 1. Д. 75. Л. 180об.]
 [Photo 7. Text of the Decree appointing Donduk-Ombo Khan.]

В знак утверждения ханом («в знак ханского достоинства») Дондук-Омбо получил вместе с указом императрицы, в котором «объявлялась царская милость», знамя, саблю, шубу, шапку. Таким образом, перечень ханских атрибутов, которые вручались от имени Далай-ламы Церен-Дондуку в 1735 г.,

был внесен в российскую традицию — хотя в 1664 г. Мончак при утверждении преемником отца был наделен российскими властями «серебряной с позолотой, украшенной яшмами булавой и белым с красной каймой царским знаменем, а также ценными подношениями» [Эрдниев 1985].

Таблица 1. Знаки власти, вручавшиеся российской администрацией калмыцким ханам

[Table 1. Symbols of authority granted by the Russian government to Kalmyk Khans.]

Наделение правителя калмыков Мончака символами государственной власти в 1664 г. Вручали:	Церемония вручения грамоты от Далай-ламы Церен-Дондуку. Вручали:	Церемония вручения указа Анны Иоанновны Дондук-Омбо. Вручали:	Церемония объявления Дондук-Даши ханом. Вручали:
булаву и белое с красной каймой знамя, а также ценные подношения [Трепавлов 2014: 16]	грамоту, знамя, саблю, «платье» (наплечную одежду), шапку, лошадь с седлом, сайдак (набор вооружения конного лучника) [СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 61]	указ, знамя, саблю, шубу, шапку [НА РК. Ф. И-9. 36. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 180 об.]	указ, знамя, саблю, собольи шапку и шубу, крытые парчой [Пальмов 1992: 80]

Сравнение грамоты от Далай-ламы Церен-Дондуку с указами, данными хану Дондук-Омбо императрицей Анной Иоанновной, показывает, что в российских официальных документах использовалась терминология, связанная с обозначением все еще формировавшейся этнической общности, состоявшей из разных этнических групп ойратского происхождения, единым термином *калмык*. В указе говорится: «учреждаем Ханом Калмыцким», поручается «главное правление над всем Калмыцким народом» [НА РК. Ф. И-9. 36. Оп. 1. Д. 75. Л. 180]. Знаменательно, что использование термина *калмыцкий хан* и *калмыцкий народ* наблюдается одновременно с использованием атрибутики, характерной для инвеституры тибетского иерарха: знаки ханской власти, присланные Далай-ламой Церен-Дондуку, были использованы впоследствии российской властью в качестве символов власти при объявлении ханами Дондук-Омбо и Дондук-Даши. Но термины, связанные с идентичностью большей части народа, не принимались официальными властями, ознаменованными, судя по использованию этой атрибутики и наличию перевода «гра-

моты на ханство» Далай-ламы, с содержанием последней, но заинтересованными в формировании единой общности — калмыцкого народа — и в сохранении единой терминологии, которая была принята в отношении калмыков уже в XVII в.

Дондук-Омбо не получил грамоту на ханство от Далай-ламы: его посольство было задержано на границе с Китаем. За неимением ханской печати, которую даровал Далай-лама, Дондук-Омбо прикладывал к письмам владельческую печать [Пальмов 1926: 239].

21 марта 1741 г. Дондук-Омбо умер, назначив наследником сына Рандула и сообщив, что он просил Далай-ламу о пожаловании сына в ханы [История Калмыкии 2009]. Но наместником ханства в 1741 г. и ханом в 1758 г. был объявлен Дондук-Даши, легитимация власти которого ограничивалась российскими указами. А. М. Позднеев в примечаниях к тексту «Сказания о хождении в Тибет» Б. Менкеджева пишет, что среди калмыков бытовали предания о том, что «Дондук-Даши был страшно угнетаем неимением ханского титула и употреблял решительно все меры, чтобы как-либо по-

лучить его» [Сказание о хождении 1897: 122].

Посольство в Тибет Дондук-Даши смог отправить лишь в 1755 г., но нет свидетельств о том, что оно привезло от Далай-ламы грамоту на ханство. Решение же российской власти об утверждении Дондук-Даши ханом последовало вслед за отправлением посольства в Тибет. Атрибуты, вручавшиеся хану, буквально повторяли набор, который мог быть вручен хану самим Далай-ламой: знамя, сабля, шуба, шапка [Пальмов 1992: 80]. Таким образом, после Церен-Дондука грамоты на ханство от Далай-ламы уже не были получены.

Но паломнические поездки в Тибет не прерывались, и в документах, являющихся свидетельствами контактов тибетских иерархов с калмыками, мы можем проследить, какой представлялась идентичность калмыков тибетской администрации, постоянно поддерживавшей контакты с ними.

Если вести речь о паломничестве представителей буддийской сангхи, то следует указать на грамоту, данную Далай-ламой V калмыцкому паломнику-гелюнгу. В Российском историческом архиве хранится перевод грамоты¹⁴ Далай-ламы V с тибетского языка на старокалмыцкое (ойратское) «ясное письмо» и перевод на русский язык, сделанные старшим багши Манычских хурулов южной части Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии Хойчи Бабуркиевым. Этот доку-

мент (копия грамоты на ойратской письменности и ее перевод на русский язык, сделанные для российских властей) на настоящий момент свидетельствует об одном из наиболее ранних паломничеств в Тибет буддийских калмыцких монахов. Грамота датирована 1681 г., таким образом, она была дана почти на сто лет ранее, чем грамота, данная монаху Малодербетовского Дунду-хурула Джиджетену, ставшая известной и зафиксированная в историографии благодаря публикации ее перевода на калмыцкий язык (на ойратском «ясном письме» *тодо бичиг*) в книге о хождении в Тибет Бааза-багши Менкеджуева [Сказание о хождении 1897: VI–XI].

Грамота, переводы которой сохранились в РГИА, была дана во дворце Далай-ламы в месяц дракона года воды/собаки (1681 г.) Далай-ламой V Йогузуру-цорджи¹⁵, прибывшему с паломническими целями к верховному буддийскому иерарху. Далай-лама V призывает оказывать содействие цорджи в его религиозных делах все народы Запада, лам, глав монастырей, ханов, нойонов, знати и «вообще всех живущих во владении Торгутского ханства»¹⁶ [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 393. Л. 109].

Поскольку сохранились два перевода (на калмыцкий и русский языки) грамоты Далай-ламы V, выявлению особенностей оригинала может способствовать сопоставление текстов на ойратском и русском языках.

¹⁴ Сведения об этой грамоте и текст ее перевода на русский язык, так же как и перевод на русский язык грамоты Церен-Дондуку и перевод на русский язык грамоты Агван Санджи, были впервые опубликованы А. А. Кураповым [Курапов 2011] (сличение публикуемых в настоящей работе копий архивных документов с опубликованными А. А. Кураповым текстами выявило наличие небольших неточностей, обусловленных, по всей вероятности, пропуском слов при переписывании текста, а также написанием имен согласно современным правилам орфографии). Тексты же переводов вышеуказанных грамот на калмыцкий язык (в записи на ойратской письменности) еще не публиковались и не анализировались.

¹⁵ Цорджи — обычно глава монастыря или второе лицо после настоятеля в крупном монастыре, а также почтительный титул.

¹⁶ ©Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив» (РГИА), Санкт-Петербург, 2019. Ф. 821. Оп. 133. Д. 393. Л. 109.

Таблица 2. Сравнение текстов переводов на ойратский (калмыцкий) и русский языки грамоты Далай-ламы V, данной в 1681 г.¹⁷

[Table 2. Comparing Oirat (Kalmyk) and Russian translations of the 5th Dalai Lama's credential letter written in 1681.]

Транслитерация текста на ойратском языке:	Перевод ойратского текста на русский язык	Перевод на русский язык, данный в документе из РГИА ¹⁸
Šajini ezen dü erkešil tatuqšan lung yiši zarliq:	Предписание (или: Сказанное слово) облеченного властью религиозного владыки.	Грамота Далай-ламы Преподобного Лусанг-Лиши
ĵün üjüqtü bayiqçi xamaq amitan bolöd torıud xana yazartu bayıqšan blama baqša: xadud poyod sayıdud dēdü dundu dündü xamaq tu ögöbe yuyıur çoraĵin orodaki xubariyi endeki šaşıdu barun oladaqšan mana tulu: dede kin ta бүкүтүн tedekin kilin tus kürkүн ali ĵübüteger bayıyasa busu xortu yabudal biçigē ketan: yosar yabulsan kütige ene xoyitu xoyortu yebelden abaxubi::	Всем живым существам, проживающим на западе и проживающим в кочевье торгутского хана ламам, багшам, ханам, нойонам, сановникам (сайдам), всем высокого, среднего и низкого [происхождения] повелеваю: оказывать содействие и нечинить препятствий прибывшему в нашу страну по религиозным делам Йогузуру-цорджи. Те, кто будет поступать с ним по справедливости, будут под моим покровительством в этой и будущей жизни.	Обращаюсь ко всему народу Запада, Ламам, Багшам (главам хурулов), Ханам, Нойонам, знати и вообще всем живущим во владении Торгоутовского Ханства оказывать содействие представителю духовенства из поколения «Йогозур-Цорджи», приехавшему ко мне на поклонение, в его религиозных делах. Последовавшим моей просьбе обещаю благоволение свое на этом и на том свете. Дана во дворце Далай-Ламы ¹⁹ .
usun noxa ĵil klu sara du: eke biçigesü salaqšan ünün: baya dörböd nutuq manĵin keçin xurulmudin axa baqša:	В месяц дракона года воды/собаки. Копия с оригинала верна. Старший багша Маньчских хурулов Малодербетовского улуса.	Название года: Усун-ноха, название месяца: Лу, в переводе 1681 г. 1 февраля. С подлинным верно: Старший Багша Маньчских хурулов южной части Малодербетовского улуса Хойчи Бабуркиев ²⁰ . 1906 года мая 11 дня» (печать Багши Маньчских хурулов)

¹⁷ Транслитерация выполнена д. и. н. К. В. Орловой, которой выражаю благодарность. Перевод на русский язык выполнен К. В. Орловой и Э. П. Бакаевой.

¹⁸ В тексте перевода сохраняем особенности оригинала из архива.

¹⁹ Сравнение двух текстов в документе показывает, что перевод Х. Бабуркиевым, вероятно, выполнялся с тибетского оригинала, так как в нем присутствует фраза, полностью отсутствующая в калмыцком тексте, о месте выдачи грамоты.

²⁰ Особенности почерка Хойчи Бабуркиева, выявляемые в его подписи, свидетельствуют, что основной текст на русском языке писал не он сам, а писарь.

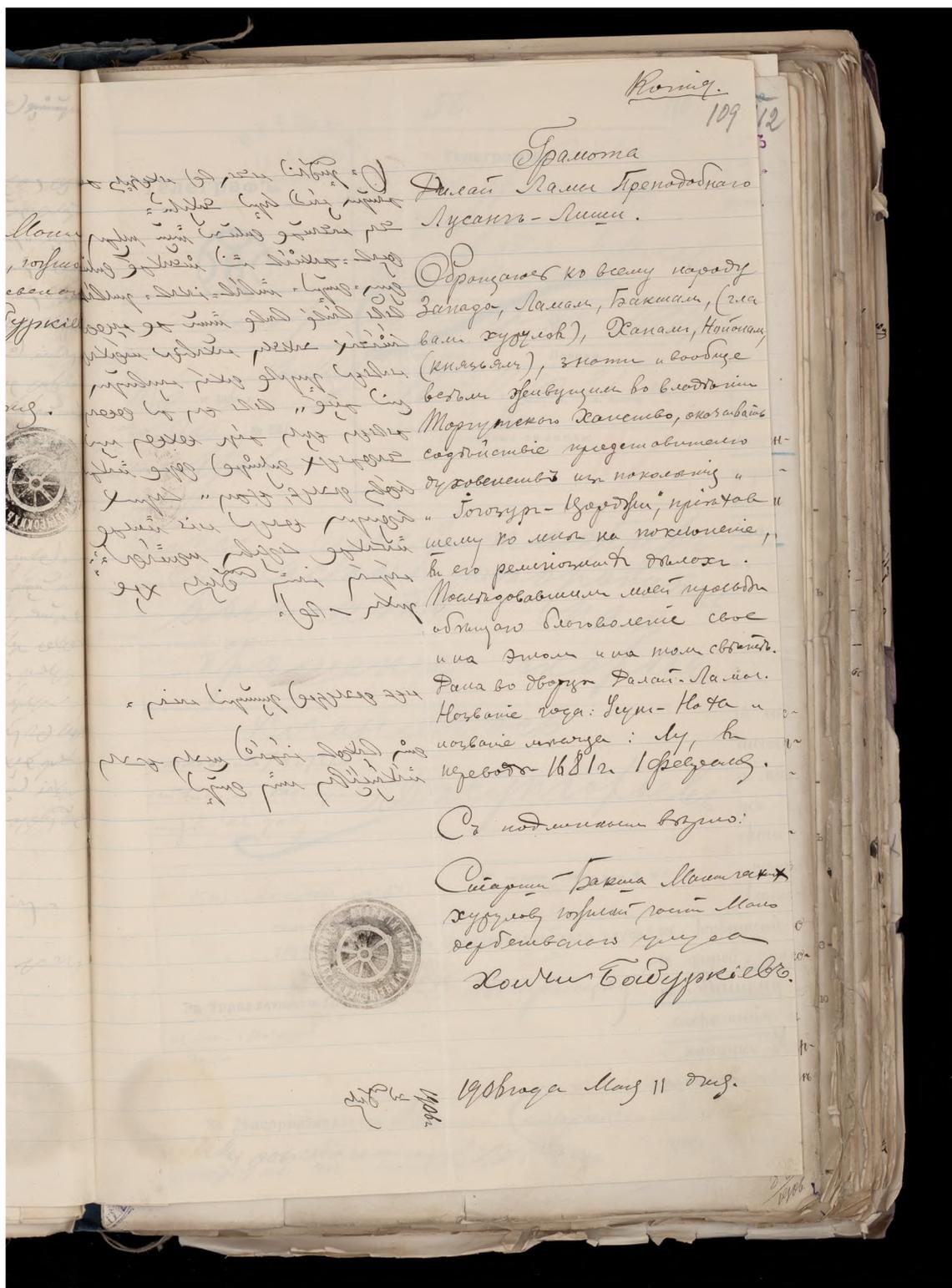

Фото 8. Перевод на ойратский (калмыцкий) и русский языки грамоты, данной Далай-ламой V Йогузуру-цорджи [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 393. Л. 109].
 [Photo 8. Oirat (Kalmyk) and Russian translations of the credential letter granted by thr 5th Dalai Lama to Yoguzur-Tsorji.]

Анализируемая грамота, данная Далай-ламой V Нгавангом Лобсанг Гьяцо (1617–1682), — самая ранняя из ныне известных (правда, в переводах). Она обращена ко всем "проживающим западе и проживающим в кочевье торгутского хана" (jün üjüqtü bayiqçi xamaq amitan bolöd toγud xana yazartu bayiqsan) [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 393. Л. 109]. При этом калмыцкий монах, переводивший грамоту в начале XX в., памятуя о том, что в XVII в. сформировалась государственность калмыцкого народа в форме ханства, ретроспективно дает перевод «Торгутское ханство», хотя сам переводчик, Хойчи Бабуркиев, принадлежал к иной субэтнической группе калмыков — дербетам, будучи старшим багши (настоятелем) хурулов Маньчской части Малодербетовского улуса.

Еще одна копия грамоты Далай-ламы сохранилась в РГИА²¹ в переводе (выполненном тем же старшим багши Маньчских хурулов южной части Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии Хойчи Бабуркиевым) на калмыцкий (в записи ойратским «ясным письмом») и на русский языки. Грамота была дана Далай-ламой в летнем дворце Норбулинка девятого дня первого месяца нового года года зайца/воды (9 февраля 1903 г.) прибывшему на поклонение монаху по имени Агван-Санджи из Богдо Далай-ламин хурула Малодербетовского улуса (указан его нойон Церен-Давид [Тундутов]). Грамота так же, как и грамота Далай-ламы V, датированная 1681 г., обращена ко всему народу, духовенству, ханам и князьям, всем живущим «во владении Торгутского ханства» с указанием «оказывать законное содействие» монаху.

Таблица 3. Сравнение текстов переводов на ойратский (калмыцкий) и русский языки грамоты Далай-ламы XIII, данной в 1903 г. [РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 393. Л. 108–108 об.]²².

[Table 3. Comparing Oirat (Kalmyk) and Russian translations of the 13th Dalai Lama's credential letter written in 1903.]

Транслитерация текста на ойратском языке:	Перевод ойратского текста на русский язык	Перевод на русский язык, данный в документе из РГИА ²³
dala blamin isi bičiggesü salyaqsan xara	Выдержка из указа (повеления) Далай-ламы	Из грамоты Далай Ламы
delekedü bayiqsan xamuq amitan bolöd töböd 13 nutuq: jün üjüqtü bayiqsan nutuq xamagin axa bičikin xan: toγudun nutuqtu tala: xurul yeke baγa: güün jayisaq poyon: jayisang: arban xan: dörbön šara xara cuq: dereke doroka dunduku xamaq tu bičibe: dörböd nutugā poyon seren dabdan alabatu dutartu bayidaq boqda dalai blamin xurulin xuvaraγ aqban sanja: šajin du sujiq yeke tus kürgükü dü kecedeq: töbödtü eriji erügel mörögül kēn: töbödiner raši linbu xaliγar boqdo dalai blaman xurul: uruduka yosorni bayiyulxa tuladu: dereke pereyideqsen ulayijinar xamaq xučin yosorni toqtaxu mōn: kezē saqtu bolba čigi xalaji xaraji tus kürgüji bayixasu	Написал всем живым существам мира и страны (нутука) 13 [Далай-ламы], всем большим и малым ханам запада, большим и малым хурулам Торгутского нутука, дальновидным (букв. глубоким) зайсангам, нойонам, ханам, монахам и мирянам высокого, среднего и низкого положения четырех сторон света. Объявляю [букв. говорю] и довожу [до сведения] оказывать большую помощь прибывшему в Тибет по старинным обычаям по религиозным делам и для совершения молитв хуваруку Агван Санджи, из хурула Богдо Далай-ламы, находящегося среди подданных нойона Церен Дабдана из Дербетского нутука. Оказывайте помощь и не чините препятствий, когда бы то ни было, упомянутому выше [монаху].	Обращаюсь ко всему народу Запада, Ламам, Багшам (главам хурулов), Ханам, Нойонам (князьям), Зайсангам, 13-го Тибетского Владыки знати и вообще всем живущим во владении Торгоутовского ²⁴ ханства оказывать содействие представителю духовенства и духовных лиц по прозванию Агбан Санджи, Богдо-дала-ламин хурула Малодербетовского улуса, нойона Церен Дабид, приехавшего ко мне в Тибет-Лхаса на поклонение, в его религиозных делах. Последовавшим моей просьбе обещаю благоволение быть по старому своему религиозному быту и прошу вышеупомянутых законных лиц оказывать законное содействие и вновь обещаю благоволение свое и на этом и на том свете.

²¹ ©Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив» (РГИА), Санкт-Петербург, 2019. Ф. 821. Оп. 133. Д. 393. Л. 108–108 об.

²² Транслитерация и перевод на русский язык выполнены д. и. н. К. В. Орловой, которой выражаю благодарность.

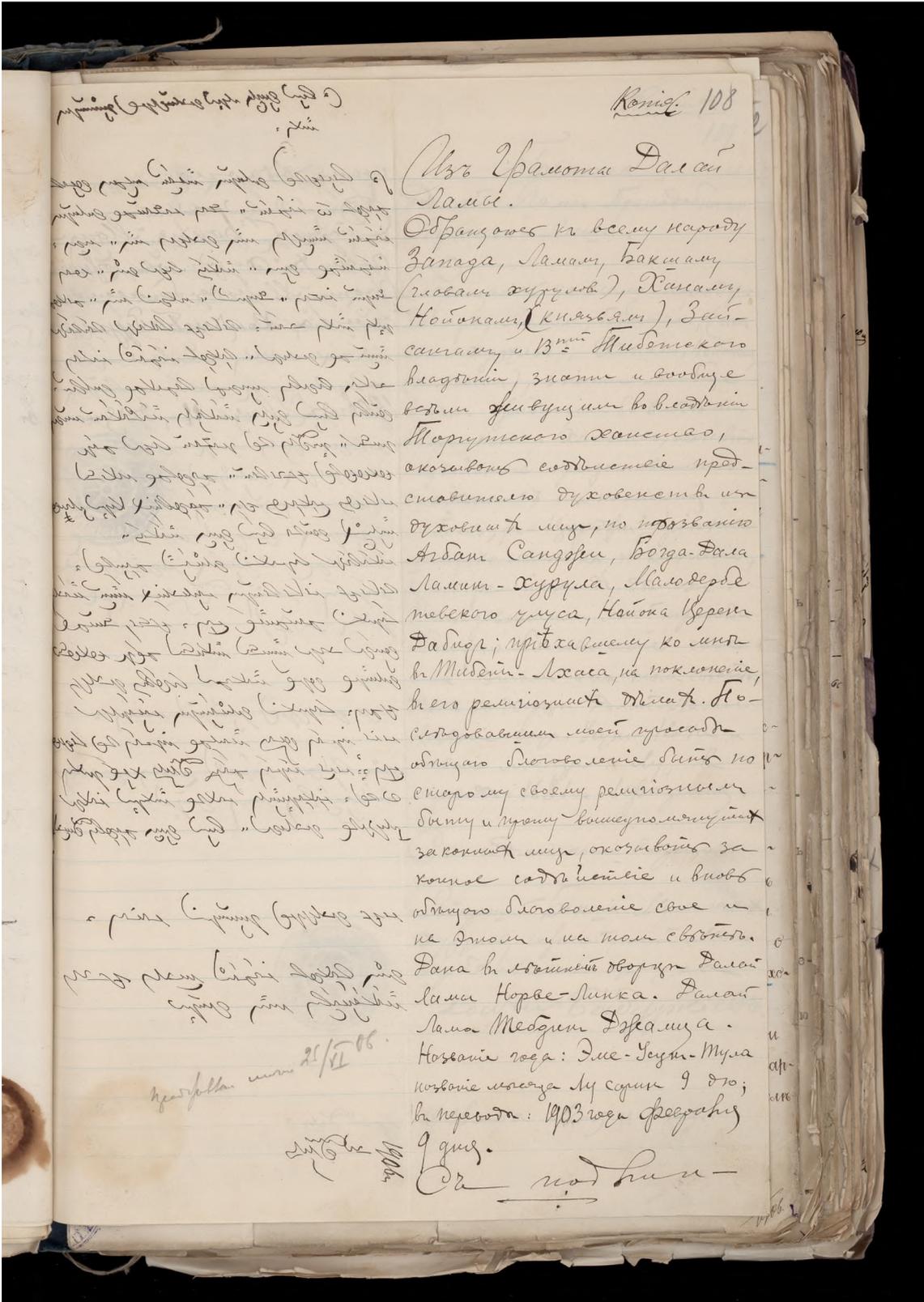
²³ В тексте сохранены особенности архивного оригинала.

²⁴ Примечательно, что переводчик пишет про Торгоутовское ханство, хотя это период Далай-ламы XIII (начало XX в.), конкретно 1903 год

busu xorotai yabudal bičigē ketan yosorni bayiyulaqsan ulusiyigi ene nasun bolon xoyitu nasun du yebekū mōn: eme usun tula jil klu sarin 9 du: nōrōšxalin ordu xarši norba lingkadu bičiba: dalai blama tōbōdin jamcai	Тем, кто будет поступать с ним справедливо, буду покровительствовать в этой и будущей жизни. Написано во дворце для отдыха Норбулинг в год женский (мягкий)/воды/зайца девятого числа месяца дракона. Далай-лама Тубден Джамцо.	Дано в летнем дворце дворце Далай Ламы Норве-линка. Далай Лама Тебдин Джамца. Название года: Эме-Усун-Тула Название месяца лу-сарин 9-дю; в переводе: 1903 года февраля 9 дня.
уке биčигесү салақсан үнүн: бауа дөрбөд нутуқай манчин кечин хурлумудин аха бақша 1906чи јилин	Копия с оригинала верна. Старший багша хурулов Манцын Кеца Малодербетовского улуса. 1906 года.	С подлинным верно: Старший Багша Маныческих хурулов, южной части Малодербетовского улуса Хойчи Бабуркиев (подпись) 1906 года мая 11 дня (печать Багши Маныческих хурулов)

Обращаюсь к всему народу
Занзага, Ламал, Бакшаму
(главам хурулов), Манцын,
Нойокам, (князьям), Зай-
саману и 13^{ти} Мидетского
владения, знати и вообще
всем живущим во владении
Моритского ханства,
оказываю с одобрением пред-
ставителя духовенства и
духовиат миу, по прозванию
Агдан Сагдари, Бога-Дала
Ламин-хурула, Малодербе-
тевского улуса, Нойока Церен
Дабур; приехавшему ко мне
в Мидет-Ахаса, на поклонение,
и его религиозности. По-
сидовавшим моей усадь-
быцаю. По волеи выи по

Фото 9. Увеличенный фрагмент текста
[Photo 9. Enlarged fragment of the text.]

Книга 108

Изъ Ураомы Далаи
Ламы.

Обращаясь къ всему народу
Занга, Ламам, Бакшаму
(иногда хурья), Канам,
Койбашам, Князьям), Зан-
самарам и 13^{ми} Мусеюмско
владетелю, знатне и вообще
всем феулукам во владеніи
Морунтскою ханства,
окоравонъ соединеніе пред-
савоуемо духовенств и
духовнхъ мур, по повеленію
Адамъ Сагджен, Борга-Дала
Ламы - хурья, Мановерде
неверко хурья, Найона Керен
Дабур; прѣдъавлену ко мнѣ
и Мусейм - Ахаса на поклоненіе,
и его релігіознхъ дѣлхъ. По-
свѣдѣваніемъ моеи грасад
обвѣнано повеленіе Далаи по
старому своему релігіозному
дѣлу и мнѣму вѣнѣнному мнѣ
законнхъ мур, окоравонъ за-
конно соединеніе и вѣнѣ
обвѣнано повеленіе свое и
на Дномъ и на томъ вѣнѣннѣ.
Дала и вѣнѣннѣ обвѣннѣ Далаи
Ламы Норве-Линка. Далаи
Ламы Меджумъ Дзкамъ.
Носеніе рога: Дие-Тегм-Муна
нословіе вѣнѣннѣ мур 9 до;
и переводъ: 1903 рога фрегачу
9 мур.

Съ надъ Луи

Handwritten Arabic script in the left margin, corresponding to the Russian text on the right.

Handwritten note: 25/11/1906

Handwritten signature or date: 1906

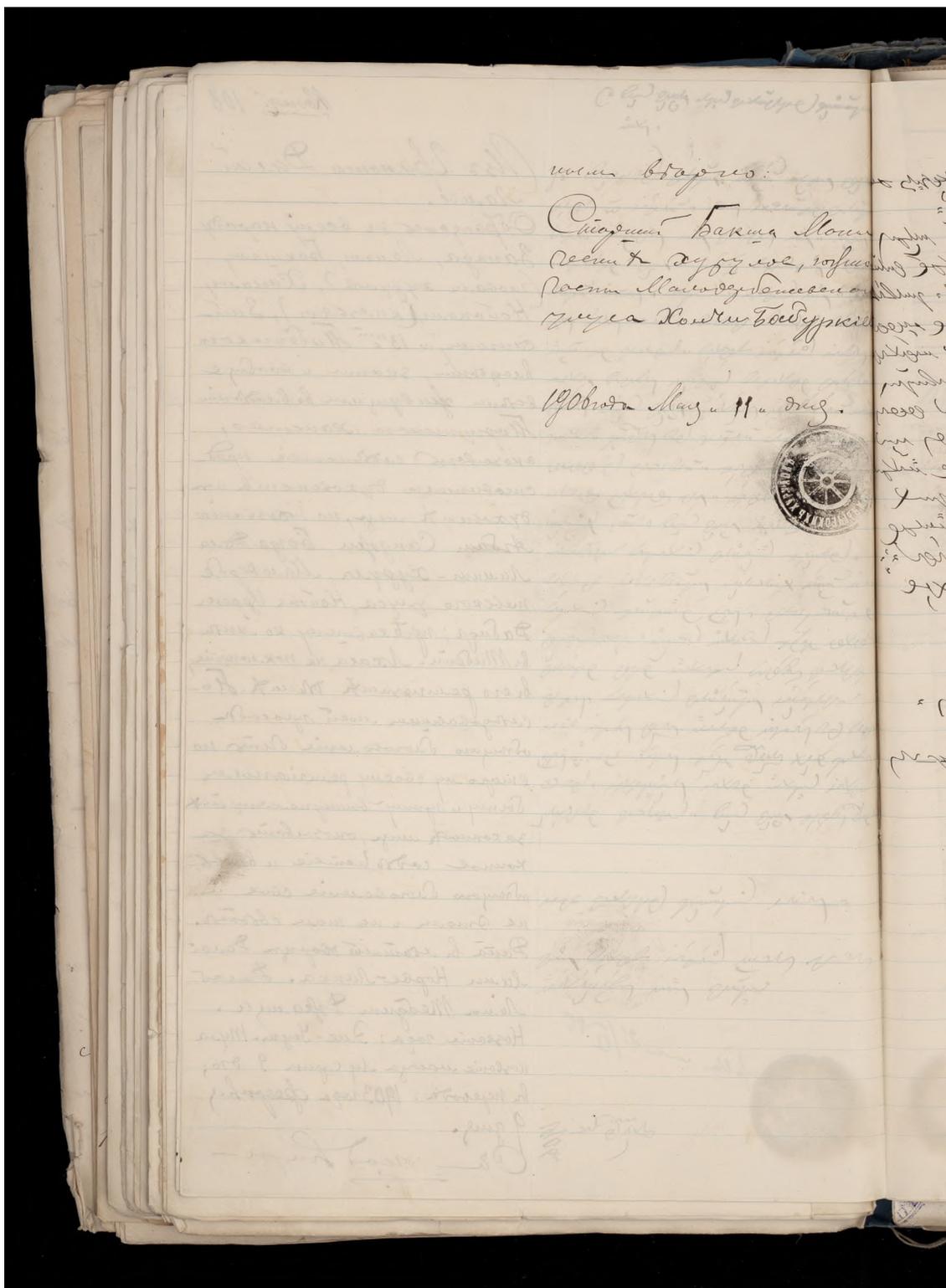

Фото 10, 11. Перевод на калмыцкий и русский языки грамоты Далай-ламы XIII
[РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 393. Л. 108-108 об.].
[Photo 10, 11. Kalmyk and Russian translations of the 13th Dalai Lama's credential letter.]

Анализ переводов на калмыцкий и русский языки грамоты, дарованной Далай-ламой XIII монаху Агван Санджи, показывает, что в калмыцком языке использовалось в соответствии с обозначением, данным тибетским иерархом по этнониму *торгут*, наименование «торгутский нутук» (т. е. торгутское кочевье или торгутская родина), тогда как в переводе на русский язык калмыцкий монах обозначает «Торгутское ханство», хотя хронологически период выдачи грамоты отстоит от периода существования ханства на более чем столетие. Кроме того, упоминание «Торгутского ханства» и «Малодербетовского улуса» в русском переводе, составленном старшим багши Манычских хурулов Малодербетовского улуса, передает разное значение понятий, которые присутствуют в калмыцком тексте («торгутский нутук» и «дербетский нутук») и вследствие использования одного термина *нутук* (кочевье, родина) должны бы быть равнозначны, но соотносятся как общее и частное, что определено местом упоминания в переводе грамоты. Торгутский нутук упоминается при указании всех, малых и больших, хурулов так называемой «торгутской стороны»

(*ойр. torγudun nutuqtu tala*), а дербетский нутук — в связи с упоминанием конкретного хурула Богдо Далай-ламы, который располагался во владениях нойона Тундудова. Поэтому калмыцкий переводчик вводит в текст на русском языке термин «Торгутское ханство». Использование этого термина, на наш взгляд, свидетельствует о позиции духовенства, подчеркивающего уровень конфессиональных связей и соответственно «повышающего» в документе, предназначенном для российских властей, значение Калмыцкой степи до уровня государства.

И, наконец, приведем сведения о грамоте Далай-ламы XIII, которая хранится и ныне в поселке Ачинеры Черноземельского района Калмыкии. Выражаю благодарность настоятелю Центрального хурула Калмыкии Анджи гелюну, жительнице пос. Ачинеры Ларисе Николаевне Лиджигоряевой и представительнице семьи, в которой хранилась грамота — Дорджиевой (Арлтановой) Александре Башлуевне, за содействие в раскрытии истории этой грамоты, а также Б. Л. Митруеву, осуществившему перевод тибетского текста на русский язык.

Фото 12. Строящийся хурул в пос. Ачинеры Черноземельского района Республики Калмыкия

[Photo 12. Construction of the temple in Achinery village, Chernozemelsky District, Republic of Kalmykia]

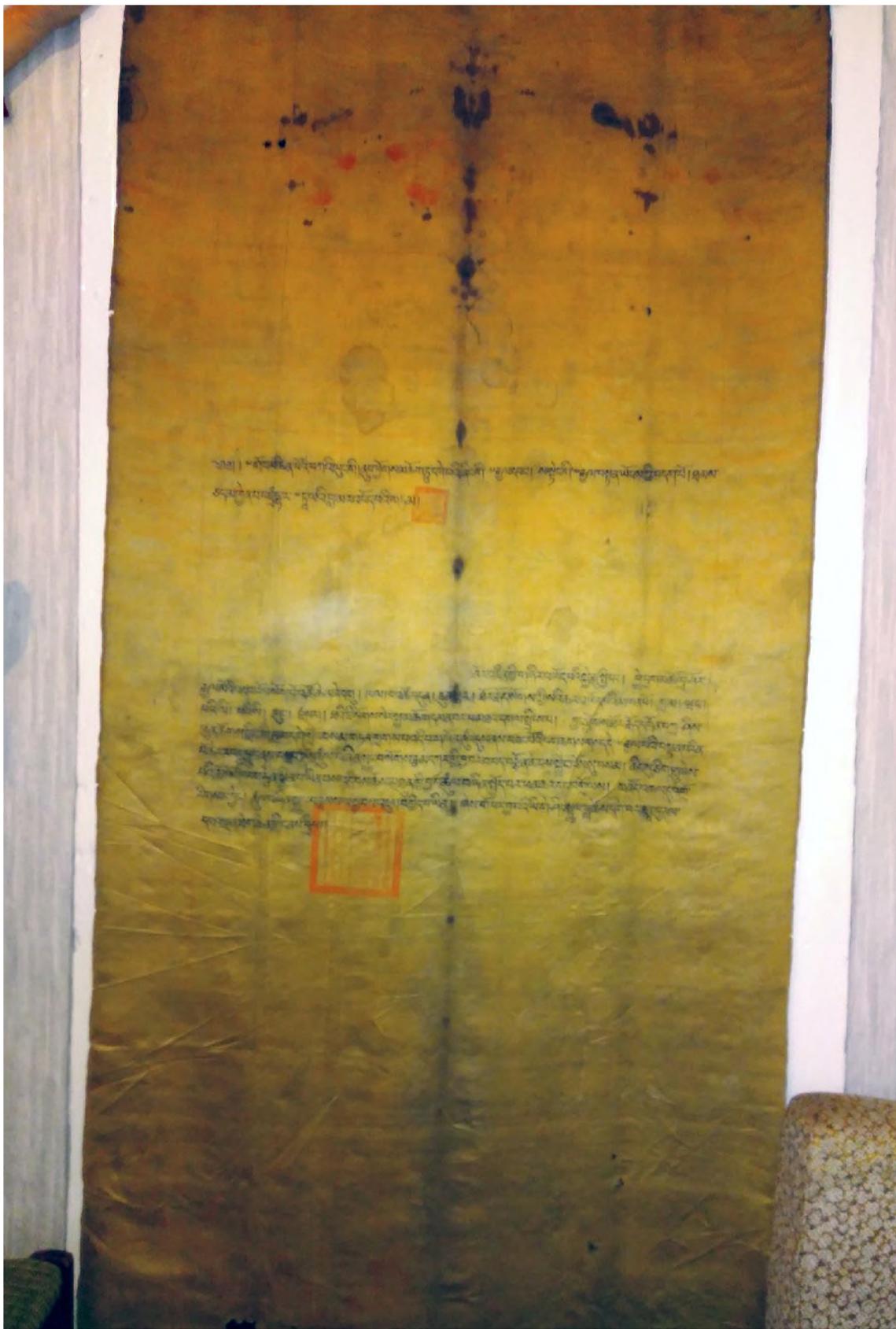

Фото 13. Грамота Далай-ламы XIII паломнику Самтан Ракбе
[Photo 13. Credential letter granted by the 13th Dalai Lama to pilgrim Samtan Rakbe]

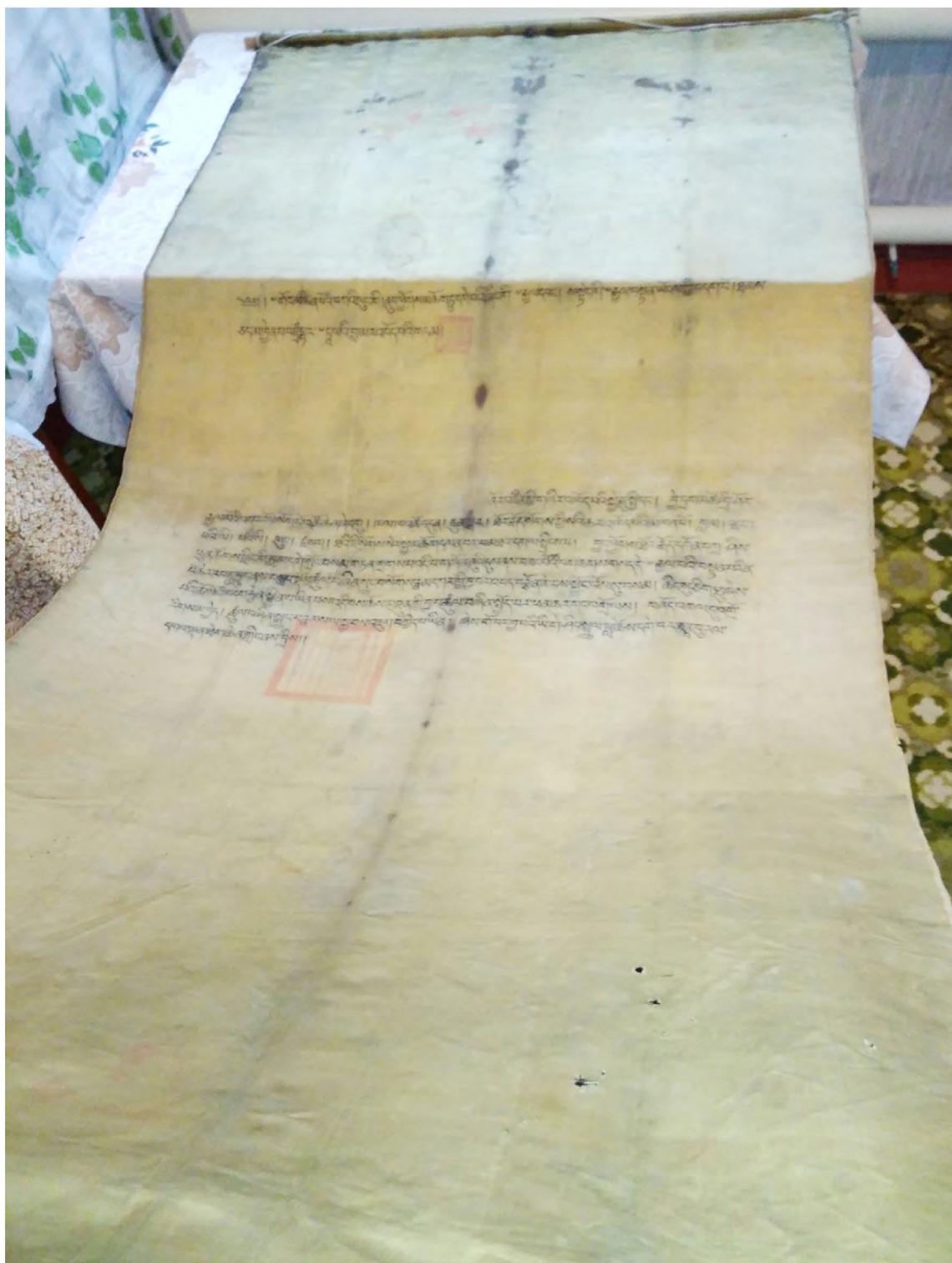

Фото 14. Грамота Далай-ламы XIII из Ачинеровского хурула
[Photo 13. 13th Dalai Lama's credential letter from Achinery Khurul (temple)]

Грамоту от Далай-ламы XIII хранил гелюнг Бараев Цедвя Джимширович (из рода баарахн Ачнра аймака, годы жизни 1890–1963), а после его смерти его родственники, которые признаются: думали, что это танка, подобная родовой танке Зеленой Тары, только с необычным изображением. Родственники приходили поклониться святыне. Среди односельчан в советское время считалось, что если эту «танка» принести в дом, то у бездетных детей появят-

ся дети. Вместе с тем в Ачинерах долгое время считалось и считается поныне, что грамота была дана хурулу при его открытии и является «паспортом хурула». Именно потому грамота была передана из семьи в сельское муниципальное образование, ахлаци (главе) поселка Р. С. Шавортаеву, который и передал грамоту в молельный дом. В настоящее время она временно находится в частном доме, так как идет строительство нового хурула.

Грамота Далай-ламы XIII гелюнгу Самтан Ракбе

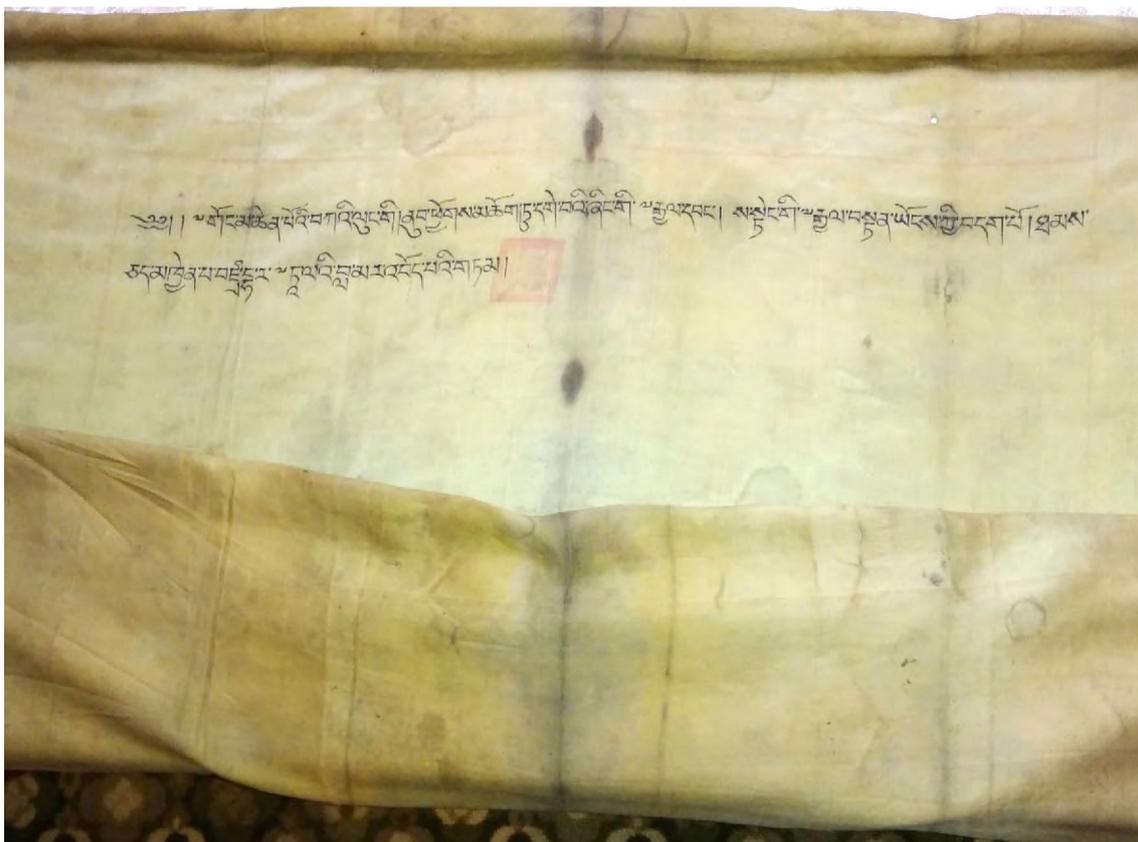

Фото 15. Верхняя часть текста грамоты Далай-ламы XIII с малой печатью Далай-ламы [Photo 15. Top of the 13th Dalai Lama’s credential letter bearing his minor seal]

«Послание слова Великого правителя, Владыки Победоносных в высшей степени благой земли западного направления, Владыки на земле, Повелителя учения всех Победоносных, Всеведущего Ваджрадхары, зовущегося Далай-ламой. [Малая печать].

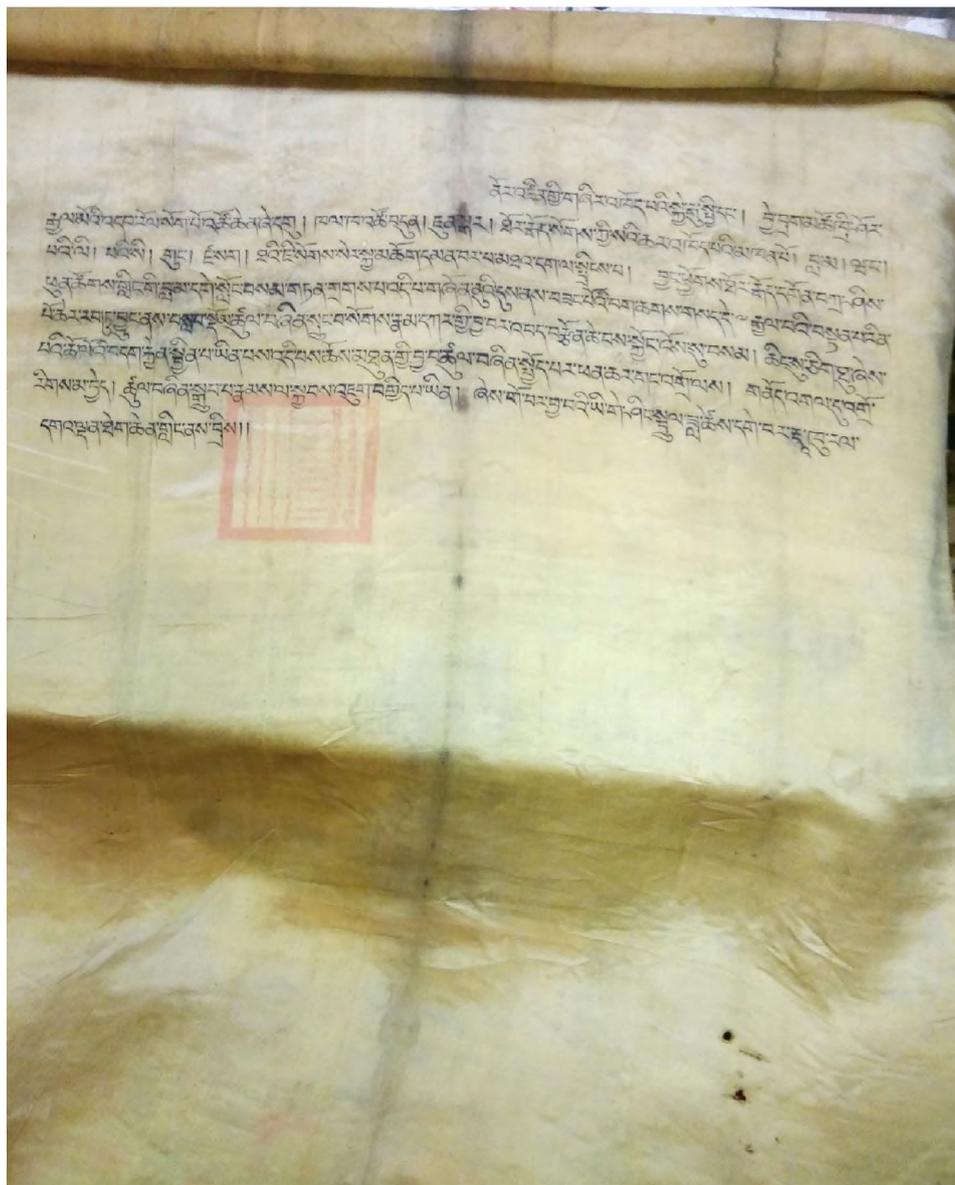

Фото 16. Нижняя часть грамоты Далай-ламы XIII с большой печатью Далай-ламы
 [Photo 16. Bottom of the 13th Dalai Lama's credential letter bearing his grand seal]

Обращаюсь к находящимся на поверхности земли всем живым существам в общем, а в особенности ко всем проживающим на берегах Кукунора²⁵ настоятелям, [высоким] ламам, ванам, бэйле, бэйсе, гунам, дзасакам, тайджи и прочим монахам и мирянам

²⁵ Тиб. *mtsho khri shor rgyal mo* — старое название озера Кукунор. Согласно легенде, на месте нынешнего озера Кукунор внезапно появился родник, превратившийся в огромное озеро, которое затопило десятки тысяч семейств. По этой причине это озеро стало называться «Озеро-царица, затопившее десять тысяч семейств» (тиб. *mtsho khri shor rgyal mo*) (прим. переводчика).

высокого, среднего и низкого положения из сорока девяти великих монгольских хошунов, семи халхаских хошунов, джунгаров, торгутов и прочих.

Мы думаем, что этот гелонг Самтен Дакпа²⁶ из северного торгутского монастыря Таши Пунцок-линг²⁷, с юности имеющий благие наклонности, став монахом, следующим драгоценному учению Победоносного Будды, проявлял великое усердие в добро-

²⁶ Далее мы упоминаем имя монаха как Самтан Ракба: так у калмыков произносится тибетское Самтен Дакпа.

²⁷ По-калмыцки Раши Пунцок-линг (прим. переводчика).

детельных деяниях, таких как подобающее соблюдение обетов, предписаний и прочем, поэтому он достоин того, чтобы к нему обращались за духовным покровительством. Так как даяние является главным условием для обретения звания „истово верующего“, этим письмом мы уведомляем, что по этой причине поддерживаем его подобающие действия, соответствующие Дхарме и несущие пользу, а не причиняющие вред и не противоречащие [Дхарме]. Это письмо написано в год дерева-змеи²⁸ в благоприятный месяц и день в Да Хурэ²⁹ в монастыре Гандан Текчелин³⁰ [Большая печать]»³¹.

Грамота, как и предыдущие две, была дарована Далай-ламой XIII Тубтеном Гьяцо (1876–1933) (находившимся в то время в Монголии в монастыре Гандантэкчелин) конкретному лицу — гелюнг Самтан Ракбе из «северного торгутского монастыря»

²⁸ 1905 г.

²⁹ Ныне г. Улан-Багор.

³⁰ Монастырь был построен по приказу Джебцундамба хутухты V в 1809 г. В 1838 г. был построен храм Гандантэкчелин вместе с частной резиденцией Джебцундамба хутухты. Далай-лама XIII жил в резиденции в 1904 г. (прим. переводчика)

³¹ Перевод и транслитерация Б. Л. Митруева.

Транслитерация

gong sa chen po'i bka'i lung gi/ nub phyogs mchog tu dge ba'i zhing gi rgyal dbang/ sa steng gi bdag po/ rgyal bstan yongs ky'i bdag po/ thams

cad mkhyen pa badzra dha ra tA la'i bla mar 'bod pa'i gnam/ [Малая печать]

nor 'dzin gyi gzhir 'khod pa'i skye rgu spyi dang/ bye brag mtsho khri shor rgyal mo'i 'dab rol sog po 'tsho chen zhe dgu/ khal kha 'tsho bdun/ jun sgar/ thor rgod sogs ky'i sa'i char 'khod pa'i mkhan po/ bla ma/ wang/ pa'i li/ pa'i si/ gung/ dza sag/ tha'i ji sogs ser skya mchog dman bar pa mtha' dag la springs pa/ byang phyogs thor rgod dgon bkra shis phun tshogs gling gi bla ma dge slong bsam bstan grags pa 'di pa gzhon nu'i dus nas bzang po'i bag chags gsad de rgyal ba'i bstan pa rin]

po cher rab tu byung nas bslab sdom tshul bzhin srung ba sogs nam dkar gyi bya bar 'bad brtson che bas skyong 'os su bsam/ ching su cig thu zhes pa'i cho lo'i bdag rkyen sbyin pa yin pas 'di pas chos mthun gyi bya ba tshul bzhin spyod par phan char gang 'gro las/ gnod 'gal du 'gro rigs ma byed/ tshul bzhin sgrub pa nmams la skyabs 'jug bgyid pa yin/ zhes go bar bya ba'i yi ge shing sbrul zla tshes dge bar rdA khu ral dga' ldan theg chen gling nas bris/ [Большая печать].

Раши Пунцок-линг, и в ней Далай-лама обращался не только к населению «Торгутского ханства», но и всем, кто должен был встретиться монаху на пути: проживающим на берегах Кукунора (т. е. хошутам и тибетцам), населению 49 монгольских хошунов, 7 халхаских хошунов, джунгарам, торгутам «и прочим» — оказывать содействие Самтан Ракбе и обращаться к нему за духовным покровительством.

Согласно формуле «49 монгольских хошунов, 7 халхаских хошунов, джунгары, торгуты и прочие», используемой Далай-ламой XIII в начале XX в., выделяются главные ареалы расселения монгольских народов: Внутренняя и Внешняя Монголия, ойратские и калмыцкие территории, причем калмыки обозначаются термином «торгуты», соответственно монастырь, который представлял гелюнг Самтан Ракба, называется в грамоте Далай-ламы XIII «северным торгутским монастырем Таши Пунцок-линг» (это название произносилось калмыками-буддистами как Раши Пунцок-линг).

Анализ состава калмыцких хурулов показывает, что Третий Большой хурул Икицохуровского улуса Раши Пунцок-линг [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 58. Л. 6об.–9] являлся монастырем, располагавшимся на кочевьях ачинеровского рода калмыков Икицохуровского улуса Калмыцкой степи. Таким образом, грамота до настоящего времени хранится в том же поселении, куда ее принес Самтан Ракба в 1905 г.

Нам удалось предположительно восстановить полное имя монаха.

В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится дело «Сведения о хурулах Калмыцкой степи и их составе (циркуляры, рапорты, донесения, списки и др.)» от 1883 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 58], в котором имеются списки хурулов, духовенства и учеников в Икицохуровском улусе, составленные заведующим улусом. Единственный монах, носивший имя Самтан (от тибетского имени Самтен) — из «рода Ачинерова аймака зайсанга Кюке Натырова». Самтан Бетышев был учеником этого хурула, и в 1883 г. ему было 26 лет, значит, к 1905 г. ему было 48 лет. Далай-лама XIII во время встречи с ачинеровским гелюнгом находился в Урге в монастыре Гандантэкчелин, туда и прибыл Самтан Ракба на поклонение в 1905 г., ко-

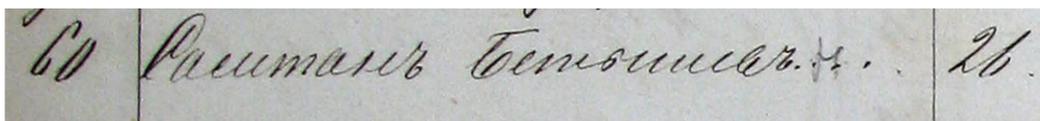

Фото 17. Фрагмент из архивного дела
[НА РК.Ф. И-9. Оп. 1. Д. 58. Л. 9].
[Photo 17. Fragment of an archival file.]

Фото 18, 19. Состав учеников, находившихся при хурулах Икицохуровского улуса. 1883 г.
[НА РК.Ф. И-9. Оп. 1. Д. 58. Л. 8–9].
[Photo 18, 19. List of students affiliated to khuruls (temples) of Ikitsokhurovsky District. 1883.]

торый, судя по тексту грамоты, собирался далее в Тибет, в Кукунор, через кочевья ойратов добираться до родины.

Заключение

Анализ показал, что идентичность калмыков для тибетских иерархов в начале XX в., как и в XVII в., когда происходило формирование калмыцкого народа из разных этнических групп ойратов, представлялась как торгутская, что определено как численным доминированием этой этнической группы в период существования государства в форме ханства (середина XVII в. – 1771 г.), так и связями тибетских монастырей с духовенством калмыков, представлявшим зачастую правящую элиту. Важным выводом является то, что использование

в грамотах Далай-ламы и их переводах на русский язык до начала XX в. термина «Торгутское ханство», несмотря на ликвидацию (после откочевки большей части калмыцкого народа во главе с наместником ханства Убаши) Калмыцкого ханства в 1771 г. рескриптом Екатерины II, подтверждает связь этнонима «торгут» с калмыцким народом. Данный вывод имеет значение не только для анализа вопросов конфессиональной и этнической идентичности калмыков, но и для выяснения истории буддизма и связей тибетских монастырей с калмыками.

Использование в переводах, выполненных калмыцкими монахами (в том числе представителями субэтнической группы дербетов) с тибетского на калмыцкий (старописьменный ойратский) и русский языки

терминов «Торгутское ханство» или «торгутский нутук» в отношении государства и территории проживания калмыков показывает неукоснительное соответствие переводов грамот текстам, составленным в Тибете, что подтверждается обнаруженным в Ачинеровском хуруле уникальным оригиналом грамоты Далай-ламы XIII, в которой духовный иерарх называет калмыцкий монастырь торгутским, а в формуле «сорок девять великих монгольских хошунов, семь халхаских хошунов, джунгары, торгуты» также идентичность калмыков связывает с «торгутской».

Как показал анализ, одновременно с бытованием в тибетских грамотах (и со-

ответственно других документах) одних этнонимов в обозначении идентичности ойратских этнических групп, ставших известными как калмыки, в российской официальной документации, связанной с этими этническими группами, присутствовал другой термин — «калмыки». События второй половины XVIII в. способствовали постепенному принятию этого этнонима разными этническими группами ойратов. Судя же по публикуемым документам, в религиозной традиции, связанной с Тибетом, сохранился до начала XX в. общий термин, обозначающий ойратов, вошедших в состав Российского государства в XVII в., торгутами.

Источники

- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

- Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.
Russian State Historical Archive.
National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Авляев 1994 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. М.; Элиста: Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, КИОН РАН, 1994. 248 с.
Апажев, Коков 2008 — *Апажев М. Л., Коков Дж. Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2008. 704 с.
Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особенно из них торгутского, и поступки их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
Богоявленский 1939 — *Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII–XVIII в. // Исторические записки. 1939. № 5. С. 48–101.
Габан Шараб 2003 — *Габан Шараб.* Сказание о дербен-ойратах // Лунный свет. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 84–110.

- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: ИД «Герел», 2009. Т. 1. 848 с.
История калмыцких ханов 2003 — История калмыцких ханов // Лунный свет. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 113–119.
История Хо-Орлока 2016 — История Хо-Орлока // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 13–48.
Кичиков 1994 — *Кичиков М. Л.* Образование Калмыцкого ханства. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 122 с.
Колесник 1997 — *Колесник В. И.* Демографическая история калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 135 с.
Курапов 2011 — *Курапов А. А.* Грамоты Далай-ламы калмыцким буддистам XVII – начала XX вв. // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. Вып. III. С. 136–139.
Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. 464 с.
Лавров 1969 — *Лавров Л. И.* Об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора // Советская этнография. 1969. № 2. С. 136–141.
Лунный свет 2003 — Лунный свет. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
Норбо 1999 — *Норбо Ш.* Зая-пандита. Материалы к биографии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

- Очерки истории 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. 479 с.
- Очиров 2010а — *Очиров У. Б.* Расселение и этнический состав в XVIII–XX веках // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 47–61.
- Очиров 2010б — *Очиров У. Б.* Формирование калмыцкого этноса // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 35–47.
- Очиров 2016 — *Очиров У. Б.* Джунгарское Ханство, которое было ханством: критика одной статьи Дзюно Мияваки // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 6. С. 135–145.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1: XVII и XVIII века. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1926. VI, 264 с.
- Пальмов 1992 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 160 с.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописьям. монг., транслит. и коммент. Санчирова В. П. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Позднеев 1910 — *Позднеев А. М.* Докладная записка министру внутренних дел П. А. Столыпину с отчетом о командировке А. М. Позднеева в калмыцкие улусы Астраханской и Ставропольской губерний и области войска Донского. СПб., 1910 // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 590. Ед. хр. 146. 141 л.
- Сказание о хождении 1897 — Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дэрбэтовского Бааза-бакши. Калмыцкий текст с переводами и примечаниями, составленными А. М. Позднеевым. СПб., 1897. XVIII+260 с.
- Тепкеев, Санчиров 2016 — *Тепкеев В. Т., Санчиров В. П.* Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 12–20.
- Трепавлов 2014 — *Трепавлов В. В.* Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: Хроники династийных междоусобиц. Элиста: НПП «Джангар», 2005. 160 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2007. 464 с.
- Эрдниева 1985 — *Эрдниева У. Э.* Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

References

- [Essays on the History of the Kalmyk ASSR: the Pre-October Period]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1967. 479 p. (In Russ.)
- [History of Kalmykia: from the Earliest Times to the Present Days]. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- [The Moonlight]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)
- [The Story of Baga-Dorbet Baaza Bagshi's Pilgrimage to the Country of Tibet] A. Pozdnev (comp., transl., comm.). St. Petersburg, 1897. 260 p. (In Russ. and Kalm.)
- [Written Monuments on Oirat History: 17th – 18th Centuries]. V. Sanchirov (comp., transl., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. 270 p. (In Russ.)
- Apazhev M. L., Kokov D. N. [Kabardian-Circassian-Russian Dictionary]. Nalchik: Elbrus, 2008. 704 p. (In Kab., Cir., Russ.)
- Avlyayev G. O. [Origins of the Kalmyk People]. Moscow; Elista: Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Kalmyk Institute for Social Sciences of RAS, 1994. 248 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. [Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Writings of 1761]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. [Kalmyks in the 17th – 18th Centuries: Events, People, Everyday Life]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)
- Bogoyavlensky S. K. Kalmyks in the 17th – 18th centuries: historical materials. *Istoricheskie zapiski*. 1939. No. 5. Pp. 48–101. (In Russ.)
- Erdniev U. E. [The Kalmyks]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)
- Gaban Sharab. The Story of the Dorben Oirats. In: [The Moonlight]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2003. Pp. 84–110. (In Russ.)
- History of Kalmyk Khans. In: [The Moonlight]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2003. Pp. 113–119. (In Russ.)
- Kichikov M. L. [The Shaping of the Kalmyk Khanate]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1994. 122 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. [Demographic History of the Kalmyks]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1997. 135 p. (In Russ.)

- Kurapov A. A. [Russian Government and Buddhist Church in Southern Russia: Evolution Stages of Socio-Political Interaction in the 17th – Early 20th Centuries]. Astrakhan: R. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. Credential letters granted by the Dalai Lama to Kalmyk Buddhists in the 17th – early 20th centuries. In: [Astrakhan Local History and Lore Readings]. Astrakhan: R. Sorokin, 2011. Vol. III. Pp. 136–139. (In Russ.)
- Lavrov L. I. Sh. Nogmov's interpretations of Kabardian folklore revisited. *Sovetskaya etnografiya*. 1969. No. 2. Pp. 136–141. (In Russ.)
- Norbo Sh. [Zaya Pandita: Biographical Materials]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. 'Did a Dzungar Khanate really exist?': criticism of the article by Junko Miyawaki. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2016. No. 6. Pp. 135–145. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Distribution and ethnic structure in the 18th – 20th centuries. In: [The Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 47–61. (In Russ.)
- Ochirov U. B. The shaping of the Kalmyk nation. In: [The Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 35–47. (In Russ.)
- Palmov N. N. [Essay on the History of the Kalmyk People During Its Life within Russia's Borders]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. [The Volga Kalmyks: Historical Sketches]. Part 1: '17th and 18th Centuries'. Astrakhan: Kalmyk Oblast executive Committee, 1926. 264 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. [Memorandum Report to Minister of Internal Affairs P. Stolypin Summarizing the Results of A. Pozdneev's Trip to Kalmyk Districts of Astrakhan and Stavropol Governorates and Don Host Oblast]. St. Petersburg, 1910. At: National Library of Russia, Manuscript Department. File 590. Item 146. 141 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T., Sanchirov V. P. Kalmyk-Tibetan relations at the turn of the 17th and 18th centuries. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2016. No. 4. Pp. 12–20. (In Russ.)
- The Story of Kho Orluk. In: [Written Monuments on Oirat History: 17th – 18th Centuries]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. Pp. 13–48. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. Russian allegiance of Kalmyks in rituals and symbols (from the history of ethnic policy of 17th – 19th centuries). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 4. Pp. 8–19. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. [Kalmyk Khanate as Part of Russia: Problems of Political Interaction]. Elista: Kalmyk State University, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. [Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds]. Elista: Dzhangar, 2005. 160 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 926-937, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-926-937
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 394.2+394.4

Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса (часть 2)*

*Елена Валерьевна Айыжы¹, Марианна Маадыр-ооловна Мандан-Хорлу²,
 Алдармаа Чулдумовна Монгуш³*

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент
 ORCID: 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru

² Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

заведующий отделом учета и хранения фондов
 ORCID: 0000-0002-8105-2093. E-mail: mandan-horlu@yandex.ru

³ Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

хранитель I категории, отдел учета и хранения фондов
 ORCID: 0000-0002-9912-0701. E-mail: maldarmaa@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена составу коллекции В. П. Ермолаева (1892–1982), первого директора Национального музея Республики Тыва, краеведа, фотографа. *Цель работы* — исследование состава коллекции В. П. Ермолаева, ее систематизация с учетом тематики экспонатов, а также анализ проблем ее атрибуции (определения хронологических рамок) и сохранения коллекции. *Материалы.* В статье описываются состав коллекции В. П. Ермолаева, ее тематика, структура и хронологические рамки. Фототека В. П. Ермолаева насчитывает более 4 000 единиц хранения. *Результаты.* Авторами статьи представлены итоги систематизации коллекции по тематическому принципу. Большое внимание уделено изучению истории поступления и формирования коллекции. *Выводы.* В результате исследования выявлено, что формирование огромного труда работ В. П. Ермолаева шло постепенно, в течение нескольких десятилетий. По результатам изучения музейной учетной документации и самих фотодокументов авторы пришли к выводу, что в фотодокументы В. П. Ермолаева входят не только негативы, но и альбомы с контрольными отпечатками и фотографиями, к большинству снимков автор дал собственные комментарии. Анализ проделанной работы позволяет сделать вывод, что В. П. Ермолаев был одним из первых исследователей, использовавших фотографию в качестве основного метода сбора информации и научного исследования социокультурного развития Тувы.

* Статья является продолжением опубликованной в предыдущем номере журнала первой части. См.: [Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш 2019].

Ключевые слова: Владимир Петрович Ермолаев, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, музейная коллекция, фотография, стеклянные и пленочные негативы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-го проекта № 19-012-00073.

Для цитирования: Айыжы Е. В., Мандан-Хорлу М. М., Монгуш А. Ч. Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник изучения материальной и духовной культуры-тувинского этноса (часть 2). *Oriental Studies*. 2019; (5): 926–937. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-926-937.

UDC 394.2+394.4

V. P. Yermolaev's Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. Part 2

Elena V. Ayizhy¹, Marianna M. Mandan-Khorlu², Aldarmaa Ch. Mongush³

¹Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiogy@mail.ru

²Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Head of Museum Collection Records Department
ORCID: 0000-0002-8105-2093. E-mail: mandan-horlu@yandex.ru

³Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
First-Class Custodian, Museum Collection Records Department
ORCID: 0000-0002-9912-0701. E-mail: maldarmaa@mail.ru

Abstract. The article examines the structure of the collection compiled by V. P. Yermolaev (1892–1982), the first director of Tuva's National Museum, expert in local history, photographer. *Goals.* The work seeks to investigate the structure of V. P. Yermolaev's collection, systematize it thematically and analyze problems of its attribution (define the chronological framework). *Materials.* The paper describes the development of V. P. Yermolaev's collection, its subject, structure and chronological framework. The collection of photo documents by V. P. Yermolaev comprises photographs and negatives (glass and film ones) numbering over 4,000 storage items. *Results.* The article systematizes the collection thematically. The history of receipt and formation of the collection is paid special attention to. *Conclusions.* The study reveals that the formation of the collection was gradual and lasted over several decades. The insight into museum records and photo documents as such concludes that V. P. Yermolaev's collection of photo documents comprises not only negatives but also albums with control prints and photographs largely supplemented with the author's own comments. The analysis allows concluding that V. P. Yermolaev was one of the first researchers to have used photography as a key method of data collection and research of Tuva's sociocultural development.

Keywords: Vladimir P. Yermolaev, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, museum collection, photograph, glass and film negatives

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00073.

For citation: Ayizhy E. V., Mandan-Khorlu M. M., Mongush A. Ch. V. P. Yermolaev's Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. Part 2. *Oriental Studies*. 2019; (5): 926–937. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-926-937.

Введение

Фотография как музейный предмет, прежде всего, является историческим источником. Это одновременно изображение и документ, фиксирующий факты реальной действительности и регистрирующий мельчайшие детали происходящего процесса, — визуальный документ. Информативность фотографии актуализирует вопросы её изучения, сохранения и экспонирования как культурного наследия. Этим объясняется непреходящий интерес к фотографии. Фотоснимок зачастую является главным и единственным объективным свидетелем прошедшего времени [Фотография 1992: 6].

Актуальность темы. В первой части статьи [Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш 2019] освещалась история создания коллекции Владимира Петровича Ермолаева, которая включает фотографии и негативы (стеклянные и пленочные), всего более 4 000 единиц хранения. Остается проблемным определение состава фотоматериалов: считать ли альбомы сопроводительным справочным аппаратом или полноценной частью коллекции? Кроме того, до настоящего времени не уточнено, какие территории Тувы были запечатлены В. П. Ермолаевым за сорокапятiletний период, за который он «по особой программе вел систематические фотосъемки природы Тувы, быта населения, занятий, промыслов, различных моментов общественной и государственной жизни» [НМ РТ. Ф. 1. Д. 410. Л. 27]. Назрела необходимость расширения исследований, дальнейшего комплексного изучения работ В. П. Ермолаева, на что обращает внимание и О. О. Монгуш: многие негативы не аннотированы, не имеют описаний, кто, где и когда запечатлен на снимке [Монгуш 2013: 43]. Таким образом, коллекция В. П. Ермолаева в целом комплексно не описана. Авторами делается попытка распределить фототеку по темам и провести ее систематизацию.

Целью данного исследования (второй части статьи) является описание состава и основной тематики коллекции, хронологических и территориальных рамок фотодокументов В. П. Ермолаева как части

этнографических материалов по изучению истории, политики и культуры Тувы, а также анализ проблем атрибуции и сохранения собрания.

Основная часть

Анализ имеющихся источников позволяет сделать вывод, что коллекция формировалась исторически и состоит из разных компонентов.

В первую очередь, конечно, это коллекция фотонегативов. По учетной документации музея в целом от В. П. Ермолаева поступило 4 758 негативов. Они подразделяются по материалу на стеклянные и пленочные негативы. В свою очередь, пленочные — на зафиксированные на широкоформатной и на перфорированной узкой пленке. Исторически так сложилось, что фотонегативы делятся на две части, или две подколлекции. Первая — «Фотонегативы В. П. Ермолаева» — под номером 1фо/1-4356; позже, с 2009 г., она идет под номером КП 11286/1-4356. Другая — «Город Кызыл 1914–1960 гг.» — под номерами 2855фо-2873фо; с 2009 г. она идет под номером КП 11286/12739-13399.

Как уже писала А. М. Ооржак, «коллекция в силу своего „возраста“, хрупкости ее носителей (стеклянных фотонегативов), уникальности информации, содержащейся в ней, до недавнего времени являлась закрытым фондом, доступность которого была строго ограничена» [Ооржак 2009: 160]. Наиболее приемлемым способом сохранения подобных коллекций музейное сообщество видело в их оцифровке, т. е. в переводе в цифровой или электронный вид. Надо сказать, что в мировой практике оцифровка действительно оказалась самым доступным способом сохранения фотодокументов, благодаря которому коллекции также стали активно публиковаться. Национальный музей РТ впервые к оцифровке приступил в 2003–2004 гг. с коллекции В. П. Ермолаева. К работе был привлечен В. М. Балчый-оол, фотокорреспондент газеты «Шын», который оцифровал 1 035 стеклянных негативов. Со слов исполнителя, была оцифрована вся коллекция стеклянных негативов. На тот момент это было важным достижением

в деле сохранения коллекции. Оцифровку негативов В. П. Ермолаева продолжил художник В. Н. Елизаров. В основном он редактировал оцифрованные работы В. М. Балчый-оола, значительно увеличил расширение. Им оцифровано в 2007–2008 гг. 858 негативов. Подготовленная В. Н. Елизаровым часть фотографий была опубликована в альбоме С. К. Шойгу «Черно-белая Тува: незаконченная история...» [Черно-белая Тува 2011]. Оставшаяся часть коллекции «Фотонегативы В. П. Ермолаева» была оцифрована одним из авторов данной статьи — А. Ч. Монгуш.

По результатам проведенной в 2017–2018 гг. ответственным хранителем «Фотонегативов» А. Ч. Монгуш сверки наличия музейных предметов фондовой коллекции «Фотонегативы В. П. Ермолаева», т. е. первой части или подколлекции, с учетной документацией и результатом государственной сверки данной коллекции 2002 г. [НМ РТ. Акт сверки № 8 от 28.10.2002] выявлено, что на сегодняшний день в первой части коллекции фактически насчитывается 3 913 фотонегативов. В коллекционной

описи обнаружена техническая ошибка, заключающаяся в том, что после № 3156 сразу следует запись под № 3557, следовательно, пропущены 400 (четыреста) номеров, поэтому число предметов в списке оказалось 3 956 вместо 4 356 единиц. При сравнении полученных данных с результатами сверки 2002 г. подтвердилось отсутствие 43 негативов, выявленное еще в 2002 г. [НМ РТ. Акт сверки от 19.11.2018 г.]

Сверка наличия музейных предметов и автоматизированный учет позволили определить точное количество негативов в первой части коллекции по материалу: стеклянных негативов всего 1 199 экземпляров, широкоформатных пленочных — 1 066 единиц хранения и перфорированных пленочных — 1 648.

Самые ранние снимки относятся к 1913 г., их всего двадцать один: стеклянных подлинных негативов — тринадцать, на обоих видах пленки — восемь. Последний снимок в коллекции датируется 1959 г. Не имеют датировку 424 снимка. Распределение по видам и датировке можно увидеть по диаграмме 1.

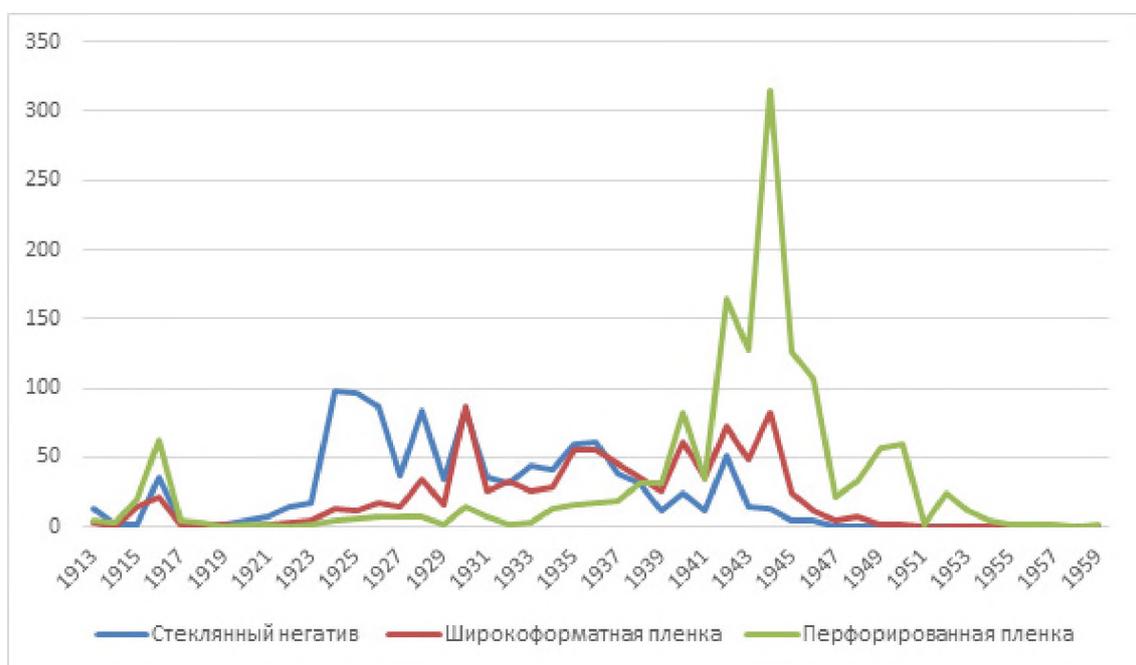

Диаграмма 1. Распределение коллекции по видам негативов и датировке
[Diagram 1. Collection segments by types and dates of negatives]

Из диаграммы видно, что самое большое количество стеклянных негативов датированы 1924–1926, 1928 гг., широкоформатной пленки — 1930, 1942, 1944 гг., а перфорированной пленки — 1944 г. Это объясняется тем, что в указанные годы В. П. Ермолаев

работал сначала фотографом в музее, а затем фотокорреспондентом и литературным работником — в газете «Тувинская правда» (диаграмма № 2) с 1944 по 1949 гг. [НМ РТ. Автобиография В. П. Ермолаева. Ф. 1. Д. 195. Л. 40].

Диаграмма 2. Распределение негативов с датировкой коллекции «Фотонегативы В. П. Ермолаева» по годам
 [Diagram 2. Distribution of negatives identified as 'V. P. Yermolaev's Photographic Negatives' by years]

Ко второй коллекции или подколлекции, зарегистрированной под номерами с 2855фо по 2873фо 28 августа 1979 г. [НМ РТ. Инвентарная книга № XI-3, 140–144], следует отнести поступление фотонегативов с контрольными отпечатками по теме «Кызыл. 1914–1960 годы» 1979 г. [НМ РТ. Акт приемки-сдачи от 18.06.1979 г.]. Данная коллекция состоит из 19 пленок, содержащих 661 кадр. Тематика и хронологические рамки коллекции уже даны в ее названии. Наличие коллекции в полном объеме сверено в июне 2019 г. [НМ РТ. Акт сверки № 8 от 13.06.2019 г.].

Итого, стеклянные негативы — наиболее ранняя часть коллекции — составляют 1 199 единиц хранения. Остальные 2 714 и плюс 661 кадр второй коллекции, всего 3 375 единиц — пленочные негативы разного формата. Есть еще некоторое количество стеклянных негативов в фондах Национального музея, зарегистрированных в 1960 г. в Инвентарной книге № 2 как негативы музея, авторство которых предстоит установить.

В собрании Красноярского краевого краеведческого музея, по данным М. С. Баташева и Н. В. Мартынович, хранится около 20 000 единиц стеклянных негативов, из них этнографической тематики — не менее 2 000 экземпляров¹.

М. С. Баташев и Н. В. Мартынович отмечают: «Негативы, переданные в музей братьями Ермолаевыми, не всегда можно четко разделить по авторству. Общее количество фотографических снимков на стекле,

¹ Обращение к собранию Красноярского музея связано с тем, что В. П. Ермолаев свою музейную трудовую деятельность начал именно с этого музея. И если в Красноярском музее даже по этнографической тематике представлены стеклянные негативы 15 авторов — П. Е. Островских, Н. А. Шепетковского, А. Г. Куркутова, Попова, Л. Ю. Вонаго, А. Я. Тугаринова, П. В. Тюрина, А. В. Кудрявцева, Н. А. Остроумова, М. К. Калашникова, Е. О. Яковлева, Копылова, И. И. Балужева и братьев А. П. и В. П. Ермолаевых, то стеклянные негативы тувинского музея не отличаются разнообразием авторства. В большинстве своем они принадлежат В. П. Ермолаеву.

поступивших от братьев в музей за период с 1911 по 1921 гг., также приближается к тысяче, в том числе около двухсот по этнографии. Подавляющее большинство касается коренного населения Урянхайского края, Тоджи и Минусинского округа» [Баташев, Мартынович 2007: 98].

Суммируя количество поступивших негативов по первым 5 актам, мы получили число 4 095 (без учета последних 19 пленочных негативов из 661 кадра и 2 единичных поступления). Сопоставив данные актов и описей, получили разницу в 139 ед. Возникает вопрос, который остается открытым: почему возникла такая разница?

Поступление негативов В. П. Ермолаева сопровождали альбомы с контрольными отпечатками с негативов. Всего в фотофонде музея хранится тридцать один альбом В. П. Ермолаева, из них двенадцать фотоальбомов имеют основные номера, т. е. являются музейными предметами основного фонда.

При сверке отсутствующих негативов с контрольными отпечатками оказалось, что из 43 негативов 38 имеют контрольные отпечатки, т. е. можно по ним восстановить их изображения. Остальные 5 негативов под №№ 130, 258, 2335, 3787, 4279 можно считать утраченными, так как отсутствуют и негативы, и контрольные отпечатки. Несмотря на то, что первоначально альбомы носили рабочий характер, со временем они стали приобретать большое значение, так как по ним стало возможным восстановление снимков утраченных негативов. Кроме этого, контрольные отпечатки в части альбомов сопровождаются комментариями самого автора, благодаря чему они обретают еще большую значимость. Авторы статьи считают, что фотоальбомы нужно признать полноценной частью коллекции фотодокументов В. П. Ермолаева, несмотря на то, что они дублируют изображения негативов, в том числе и потому, что они являются авторскими фотоотпечатками.

Тематика коллекции В. П. Ермолаева и проблемы атрибуции

Названия фотоальбомов отражают направления исследований, самостоятельно проведенных В. П. Ермолаевым, и хранятся под этими наименованиями:

- «Здравоохранение», №№ 97–129 (фактически в наличии 38 фотографий²);

² Далее в списке также дается количество фотографий в наличии на сегодняшний день.

- «История г. Кызыла», №№ 130–256 (128 фотографий);

- «Физкультура, спорт, национальная борьба, армия ТНР, Тува в дни Отечественной войны 1941–1945 гг.», №№ 285–401 (113 фотографий);

- «Народное образование Тувы», №№ 402–525 (113 фотографий);

- «Искусство Тувы 1913–1945 гг.», №№ 526–598 (74 фотографии);

- «Люди новой Тувы 1913–1945 гг.», №№ 600–662 (60 фотографий);

- «Торговля и промыслы Тувы 1913–1945 гг.», №№ 663–766 (112 фотографий);

- «Старая Тува. 1913–1945 гг.», №№ 767–854 (79 фотографий о быте);

- «Старая Тува. Религия. Изменение одежды», №№ 855–942 (69 фотографий);

- «Пути и средства сообщения Тувы 1913–1945 гг.», №№ 944–1039 (102 фотографии);

- «Земледелие 1913–1945 гг.», №№ 1040–1112 (70 фотографий);

- «Животноводство в дореволюционной Туве и в ТНР», №№ 1113–1215 (120 фотографий).

В следующих двух альбомах нумерация снимков собственная, не соответствующая коллекционной описи:

- «Наводнение 1937 г.» (58 фотографий);

- «Наводнение 1945 г.» (61 фотографии).

Вполне возможно, что эти два альбома не относятся к альбомам с контрольными отпечатками, так как в коллекционной описи тоже нет разделов по наводнениям. Тогда из негативов, сопровождаемых контрольными отпечатками, выпадают номера с № 1216 по 2783, т. е. 1 567 единиц. Так как в следующих двух небольших фотоальбомах наклеены так называемые «контрольные отпечатки» (фотоотпечатки размером 2x2 см) с номерами по описи, условно 15-й альбом — с 2784 по 3876 (фактически в наличии 706 фотографий); условно 16-й альбом — с 3877 по 4356 (468 фотографий).

- «ТНР в дни Великой Отечественной войны» — 557«а», позже перерегистрирован под номером КП 2435 (по инв. книге 56, фактически — 50 фотографий);

- «ТНР в дни Великой Отечественной войны» — 557«б», позже перерегистрирован под номером КП 2445 (по инв. книге 93, фактически — 82 фотографии);

Фото 1. Владимир Петрович Ермолаев. Абакан, 1965 г. (КП 11677/7)
 [Photo 1. Vladimir P. Yermolaev. Abakan, 1965]

- «ТНР в дни Великой Отечественной войны» — 557«в», позже перерегистрирован под номером КП 2434 (по инв. книге 27, фактически — 41 фотография);
- «ТНР в дни Великой Отечественной войны» — 559, перерегистрирован под номером КП 2444 (по инв. книге 32, фактически — 28 фотографий);
- «Экспозиция музея ТНР в 1940-е годы» — 565 (по инв. книге 81, фактически — 70 фотографий);

- «Тувинская Автономная Область» — КП 2430 (360 фотографий);
- «25 годовщина тувинской национально-освободительной революции, 17 августа 1946 года» — КП 2437 (222 фотографий);
- «Природа. Улуг-Хемский и Хемчикский районы» — КП 2327 (175 фотографий на 14 листах);
- Фотографии на общую тему «Центральные районы» — КП 2328 (249 фотографий на 18 листах);
- «Центральные районы (II часть)» — КП 2329 (283 фотографий на 22 листах);
- «Природа. Тандинский, Эрзинский, Тес-Хемский, Каа-Хемский районы» — КП 2330 (254 фотографий на 23 листах);
- «Природа. Пий-Хемский и Тоджинский районы» — КП 2331 (209 фотографий на 16 листах); Альбомы под №№ 2327 по 2331 зарегистрированы 3 января 1977 г. [НМ РТ. Инвентарная книга № XI-3: 62];
- «Быт арата № 1» (454 фотографий);
- «Природа ТНР № 2» (293 фотографий);
- «Кызыл 1935–1940 гг.» (последнее поступление 2014 года под КП 11673/24) (64 фотографии).

Коллекционная опись, составленная при поступлении основной части коллекции, уже была сформирована тематически. Она начинается с раздела «Собрания, заседания,

Фото 2. Салчакский нойон Идам-Сюрюн. 1915 г. (КП 11286/856)
 [Photo 2. Salchak noyon Idam-Syuryun. 1915]

съезды, группы», отражающего политическую жизнь ТНР, далее идут «Здравоохранение», «Кызыл», «Физкультура, спорт, национальная борьба, армия ТНР, Тува в дни Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Народное образование», «Искусство», «Люди новой Тувы», «Торговля и промыслы», «Старая Тува», «Старая Тува. Религия. Изменение одежды», «Одежда» и т. д. Таким образом, основная тематика фотодокументов В. П. Ермолаева по коллекционной описи в основном соответствует тематике альбомов, сформированных по разделам описи. Последние шестнадцать, возможно даже восемнадцать (если включить два альбома по наводнениям) альбомов, не являются сопроводительным вспомогательным аппаратом, а были целенаправленно тематически сформированными фотоальбомами автора.

Атрибуция. Сотрудником отдела фондов Т. М. Скаковой с участием партийного и государственного деятеля 1930–1944 гг. Х. К. Базыр-Сата была проведена частичная атрибуция коллекции: были определены имена политических деятелей на фотографиях и составлена 30 марта 1959 г. отдельная от коллекционной (при поступлении коллекции) опись.

В нескольких своих публицистических рассказах В. П. Ермолаев описывает истории, связанные с персонажами снимков. Так, во втором рассказе «Путешествие в экзотику» из пяти, объединённых общим названием «Давно это было», опубликованном в литературном альманахе «Улуг-Хем», Владимир Петрович пишет, что «Акцизный чиновник А. Е. Скороходов, побывавший за Саянами в 1910 году, принес в Красноярский музей стеклянные негативы, снятые в Урянхае (в Туве. — авт.)» [Ермолаев 1967: 133].

Далее он повествует, как ему посчастливилось побывать в Туве в 1913 г. в составе почвенно-ботанической экспедиции Академии наук [Ермолаев 1967: 133–138].

Встречи на пути экспедиции были зафиксированы В. П. Ермолаевым фотоаппаратом. Встречу с салчакским нойоном возле Турана он описывает так: «Среди дня наш караван развьючился у ворот поскутины. Только успели поставить палатки, смотрим, со стороны Уюка скачет несколько всадников. Впереди на сером иноходце летел человек в ярком коричневом халате и

Фото 3. Лама-лекарь. 1916 г. (КП 11286/98)
[Photo 3. Healer Lama. 1916]

в шапке, украшенной красным шариком и „метелкой“ из павлиньих перьев. Всадник остановился у ворот поскутины. Тотчас же двое из сопровождавших его людей соскочили с коней и бросились открывать ворота, при этом они так низко склоняли головы перед начальником, будто боялись ослепнуть от его блистательного величия. После нам рассказали, что это был салчакский нойон, ехавший в Туран с визитом к новому пограничному начальнику Габаеву» [Ермолаев 1967: 138].

На снимке «Салчакский нойон Идам-Сюрюн» (КП 11286/856) запечатлены трое мужчин в степи. В центре всадник на низкорослом коне перед караганником. Одет в национальный шелковый тон темного цвета с длинными рукавами. На голове у мужчины чиновничий головной убор — *чинзелиг борт* с шариком из драгоценного камня *чинзе*, подставкой под шарик *одага* и павлиньим пером — *алдын-доос*. От головного убора спускается на плечи широкая лента *тумак*. С чиновничьей одеждой более подробно можно ознакомиться в монографии Р. Б. Ховалыг «Тувинская традиционная одежда. Тыва үндезин хеп» [Ховалыг 2018: 31–43], в частности, с описанием головного убора [Ховалыг 2018: 37–39]. Стоящий слева

Фото 4. Первый пароход в Туве «Минусенок» на пути к Хутинскому порогу. 1925 г. (КП 11286/3914)

[Photo 4. Tuva's first steamer 'Minusenok' on its way to the Khutinsky Rapids. 1925]

Фото 5. Пароход «Минусинск», недалеко от Бегреды, Пий-Хем (КП 11286/1945)

[Photo 5. Steamer 'Minusenok' near Begreda, Bii-Khem]

мужчина держит коня за поводья. В правой руке у него нож в ножнах, на вид дорогой, со вставками и, предположительно, *таакпы хавы* 'кисет'. Второй стоит справа, за всадником. В левой руке держит кусок ткани (*кадак?*). Оба мужчины одеты в традиционную одежду тувинцев из более простой на вид ткани. На голове широкая шапка *калбак бөрт*. Как его описывает Р. Б. Ховалыг, это капорообразный головной убор, скроенный из двух одинаковых половин ткани, войлока или овчины, мехом внутрь, с наушниками, которые завязывались на затылке, и на затыльнике, прикрывавшим шею; один из древних головных уборов, который известен со скифского времени [Ховалыг 2018: 91].

Все трое обуты в *кадыг идик* — кожаные сапоги с загнутым вверх носком. Снимок

— видимо, репродукция, так как на пленке (целлулоид, фотопечать, 3,5x3,5 см). Датирован 1915 г., хотя экспедиция состоялась в 1913 г. Такую путаницу в датах у В. П. Ермолаева можно объяснить давностью лет. Или, возможно, была сделана опечатка при составлении коллекционной описи.

О буддийском ламе с негатива «Лама лекарь. 1916 г.» (КП 11286/98, стекло, фотоэмульсия, фотопечать, 12,8x9,8 см) в своем третьем рассказе «Ламы, судьи и купцы» из цикла «Давно это было», В. П. Ермолаев пишет: «Когда я фотографировал Кара-Хуртэна, он очень охотно позировал: уселся в позу Будды, скрестив ноги, над головой поднял какие-то иконки на манер староверских складней. Так я его и запечатлел» [Ермолаев 1967: 139].

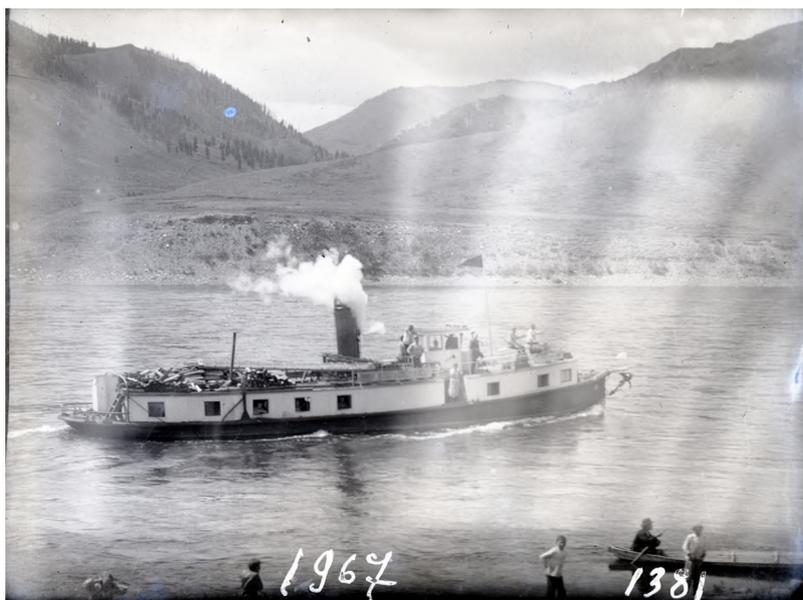

Фото 6.

**Пароход «Минусенок»
плывет к Хутинскому
порогу на Пий-Хеме
(КП 11286/1967)**

[Photo 6. Steamer
'Minusenok' approaching
the Khutinsky Rapids,
Bii-Khem]

Действительно, на снимке изображен буддийский лама (учитель, проповедник), сидящий, скрестив ноги. В руках, поднятых над головой, он держит три небольших изображения буддийских устрашающих божеств, в правой руке дополнительно — четки. Головной убор ламы трудно описать в виду того, что он закрыт изображениями божеств. Одет он в национальную одежду тон туникообразного покроя без воротника, опоясан матерчатым поясом, на котором висит плоский прямоугольный предмет, зауженный сверху. На ногах — традиционные *кадыг идик* 'кожаные сапоги с загнутым вверх носком'. На правом колене, на ткани со специально пришитым ремешком для привязывания — *барындак* (буддийские книги обычно заворачиваются в прямоугольный или квадратный кусок ткани) лежит раскрытая буддийская книга *судур* — возможно, молитвенник. Перед правым коленом на земле поставлена пиала. На шее у ламы металлические чехлы для хранения буддийских изображений. Несмотря на то, что Ермолаев в своем рассказе называет Кара-Хуртэна «старый пройдоха» [Ермолаев 1967: 138], на вид он мужчина средних лет со светлыми глазами. Под губами маленькая борода. Волосы короткие с проседью. На заднем фоне часть юрты с открытой дверью. Далее узнаем, что сфотографировал он его в Шагонарской долине, на берегу реки Чааты в период перекочевков аратов на зимние стойбища, т. е. осенью 1916 года.

Еще один снимок «Первый пароход в Туве «Минусенок» на пути к Хутинскому порогу. 1925 г.» (КП 11286/3914, стекло, фотоэмульсия, фотопечать, 9,9x14,9 см) связан с рассказом В. П. Ермолаева «Енисей — великая река». «Маленький пароходик „Минусенок“ в 1924 году с помощью лебедок перебрался через большой порог, — писал он. — С помятыми боками и одной пробойной пришел он в Кызыл. <...> Ремонтной базы в Кызыле не было. Пришлось команде „Минусенка“ своими средствами залечивать раны. За зиму справились. Заделали пробойны, сменили несколько листов обшивки, исправили погнутый руль. Весной 1925 года пароход мог начать разведочные рейсы, а в середине лета была сделана попытка дойти до Хутинского порога» [Ермолаев 1969: 160].

На снимке запечатлен пароход — судно с паровым двигателем, приставшее к правому берегу реки. От судна на берег переброшен трап-лестенка, на котором стоит лысый мужчина в темных штанах и в более светлой, чем штаны, рубашке с длинными рукавами, подпоясанной широким кожаным ремнем. Мужчина держит руки в карманах штанов. Нос парохода (передняя по ходу часть судна) направлен вверх по течению реки. Мужчина в светлом плаще с капюшоном сидит на скамейке у левого борта, облокотившись о поручень. В углу капитанского мостика на передней палубе стоит женщина в рубашке с засученными рукавами и в юбке, она оперлась на правую руку и что-то держит в ней.

С капитанского мостика выглядывает мужчина в шапке. У него борода по грудь и усы.

Вокруг трубы парохода на задней палубе уложены дрова в два ряда. Снизу расположены семь прямоугольных иллюминаторов парохода. Видно, что из одного иллюминатора выглядывает человек. На корме укреплен лодка. На правом берегу, сразу за пароходом возвышается гора с редкими деревьями в расщелинах и складках. На фоне горы заметен туман. Слева видны извилистые берега реки, поросшие деревьями и кустарниками. Владимир Петрович, описывая эту поездку, упоминал: «Пассажиров было немного — по одному представителю от Центросоюза, Госторга, местной кооперации и нас двоих от кружка урянховедения. Начальником этой импровизированной экспедиции был заведующий пароходством Верхнего Енисея Лукьянов. От Тувинско-кооп — Суховский, от Госторга — Серебренников. Основная цель: разведка русла реки до порога, а если будет возможность, то и за порогом, на предмет использования водного пути для переброски грузов в Тоджинский район» [Ермолаев 1969: 160]. Также В. П. Ермолаев упоминает лоцмана Полежаева, повариху Аксюшу и капитана, фамилия которого ему не запомнилась.

Два негатива без датировки «Пароход „Минусинск“, недалеко от Бегреды, Пий-Хем» (КП 11286/1945, стекло, фотоэмульсия, фотопечать, 8,9x11,8) и «Пароход „Минусенок“ плывет к Хутинскому порогу на Пий-Хеме» (КП 11286/1967, стекло, фотоэмульсия, фотопечать, 8,8x11,9) можно датировать этим же 1925 г., так как на снимках, при сравнении с датированным снимком, запечатлен тот же пароход с правого борта.

Источники

НМ РТ — Национальный музей Республики Тыва.

Sources

National Museum of the Republic of Tuva.

Литература

Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш 2019 — *Айыжы Е. В., Мандан-Хорлу М. М., Монгуш А. Ч.* Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса. *Oriental Studies*. 2019. № 4. С. 669–681. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681.

Надо сказать, что В. П. Ермолаев большинство своих рассказов написал в 1960-е годы на основе своих фотографий, вспоминая события, связанные с ними. Это рассказы «По следам старых фотографий» [Ермолаев 1964а], «Старые фотографии рассказывают» [Ермолаев 1964б] и другие [Ермолаев 2012].

Таким образом, В. П. Ермолаев многие свои рассказы связал со своими снимками, поэтому атрибуция его фотографий и негативов в тесной увязке с его публицистикой может быть продолжена.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что коллекция В. П. Ермолаева до сегодняшнего дня представляет интерес и ценность ввиду того, что у ученых имеются разные взгляды и суждения на отдельные периоды истории Тувы. Кроме того, в некоторых не вошедших в коллекцию альбомах имеются личные комментарии самого В. П. Ермолаева, что, несомненно, является важным историческим источником. Коллекция В. П. Ермолаева — это не только негативы, но и альбомы с фотографиями, которые нужно детально изучить. Существует острая необходимость их атрибуции, описания и создания справочного материала. Актуально и создание каталогов на эти музейные предметы для большей доступности той редкой и уникальной информации, содержащейся в них, для посетителей, ученых, краеведов, этнографов и т. д. Большая часть негативов не имеет научных паспортов, на сегодня научную обработку прошло всего лишь 144 негатива в целом из 4 000.

Баташев, Мартынович 2007 — *Баташев М. С., Мартынович Н. В.* История формирования коллекции стеклянных негативов по этнографии коренных народов Средней Сибири Красноярского краевого краеведческого музея // *Енисейская провинция*. Вып. 3. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2007. С. 95–103.

Ермолаев 1967 — *Ермолаев В. П.* Давно это было // *Улуг-Хем: альманах*. 1967. № 9. С. 130–153.

Ермолаев 1969 — *Ермолаев В. П.* Енисей — великая река: очерк // *Улуг-Хем: альманах*. 1969. № 10. С. 160–164.

- Ермолаев 1964а — *Ермолаев В. П.* По следам старых фотографий // Тувинская правда. 1964. 18 марта. С. 4.
- Ермолаев 1964б — *Ермолаев В. П.* Старые фотографии рассказывают // Тувинская правда. 1964. 25 марта. С. 4.
- Ермолаев 2012 — *Владимир Петрович Ермолаев* — очевидец великих перемен: избранные работы / Нац. музей им. Алдан-Маадыр Респ. Тыва; сост.: А. О. Дыртык-оол, У. Б. Нурзат. Кызыл: Аныяк, 2012. 196 с.
- Монгуш 2013 — *Монгуш О. О.* Фотографии В. П. Ермолаева как исторический источник. // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов / сост. У. Б. Нурзат / Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва. Кызыл: Аныяк, 2013. С. 41–44.
- Ооржак 2009 — *Ооржак А. М.* Фотоматериалы об участии Тувы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в фондах Национального музея Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г.). В 2-х ч. Ч. II. На рус., англ и тув. яз. / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Аныяк, 2009. С. 159–161.
- Фотография 1992 — Фотография. Энциклопедический справочник / П. И. Бояров и др. Минск: Беларуская энциклапедыя имени Петруса Бровки, 1992. 402 с.
- Ховалыг 2018 — *Ховалыг Р. Б.* Тувинская традиционная одежда. Тыва үндезин хеп. Новосибирск: Наука, 2018. 335 с.
- Черно-белая Тува 2011 — Черно-белая Тува: незаконченная история... = Black and white Tuva: Unfinished story...: Фотоальбом / авт.-сост. С. Шойгу, дизайн и произв.: А. Агафонов [и др.]. М.: МобилАрт, 2011. 239 с.: ил.
- [The Black and White Tuva: an Unfinished Story...]. A photo album. S. Shoygu (comp.). Moscow: MobilArt, 2011. 239 p. (In Russ.)
- [Vladimir P. Yermolaev: He Who Witnessed the Great Changes. Selected Works]. Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. A. O Dyrtyk-ool, U. B. Nurzat (comps.). Kyzyl: Anyyak, 2012. 196 p. (In Russ.)
- Ayizhy E. V., Mandan-Khorlu M. M., Mongush A. Ch. V. P. Yermolaev's collection as an ethnographic source for studies of Tuvan material and spiritual culture. *Oriental Studies*. 2019. No. 4. Pp. 669–681. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681.
- Batashev M. S., Martynovich N. V. The collection of glass negatives dealing with ethnography of mid-Siberia's native populations contained in Krasnoyarsk Local History Museum: a history of formation. *Yeniseyskaya provintsiya*. Is. 3. Krasnoyarsk: Astafiev Krasnoyarsk State Pedag. Univ., 2007. Pp. 95–103. (In Russ.)
- Khovalyg R. B. [Tuvan Traditional Costume]. Novosibirsk: Nauka, 2018. 335 p. (In Russ. and Tuv.)
- Mongush O. O. V. P. Yermolaev's photographs as a historical source. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). U. B. Nurzat (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 41–44. (In Russ.)
- Oorzhak A. M. Photo materials about Tuva's participation in the Great Patriotic War of 1941–1945: collections of the National Museum of the Republic of Tuva. In: [The Heritage of Central Asian and Neighboring Peoples: Investigation, Preservation and Use]. Conf. proc. (Kyzyl; September 9–10, 2009). In 2 parts. Part II. U. B. Nurzat (comp.). Kyzyl: Anyyak, 2009. Pp. 159–161. (In Russ., Eng. and Tuv.)
- Yermolaev V. P. 'Stories told by old photographs'. *Tuvinskaya Pravda*. 1964, March 25. (In Russ.)
- Yermolaev V. P. 'Following old photographs'. *Tuvinskaya Pravda*. 1964, March 18. (In Russ.)
- Yermolaev V. P. 'That was long ago'. *Ulug-Khem: almanac*. 1967. No. 9. Pp. 130–153. (In Russ.)
- Yermolaev V. P. 'The Yenisey is a great river'. *Ulug-Khem: almanac*. 1969. No. 10. Pp. 160–164. (In Russ.)

References

[Photography: an Encyclopedic Directory]. P. I. Boyarov et al. (comps.). Minsk: P. Brovka Belarusian Encyclopedia, 1992. 402 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 938-944, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-938-944
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 572.02

Мозаика современной жизни сельского населения Калмыкии (по итогам качественных исследований 2019 г.)

*Людмила Васильевна Намруева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются материалы наблюдений во время научной командировки отдела комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра РАН, осуществленной в мае-июне 2019 г. в семи районах республики: Ики-Бурульском, Кетченеровском, Приютненском, Сарпинском, Целинном, Юстинском и Яшалтинском. Исследователи побеседовали с жителями 30 сельских поселений, различающихся между собой природно-климатическими условиями, статусом, размерами (райцентр, малое село), наличием разнообразных социальных проблем, которые рассмотрены в статье. Социологи КалмНЦ РАН осуществляли социологические исследования в рамках выполнения госзадания. *Цель* статьи — введение в научный оборот результатов качественных методов социологического исследования (наблюдение, глубинное интервьюирование). *Результаты.* В данной статье автор, используя материалы наблюдений и интервьюирования, рассматривает, как изменились села и селяне Калмыкии. Визуально определяются материальные ресурсы сельских жителей. Чем выше доход, тем благоустроеннее жилье, мощнее домашнее хозяйство, лучше техническая оснащенность семьи. Многие социальные проблемы сёл (водообеспечение, трудовая занятость, материальная обеспеченность учреждений образования, культуры и т. д.) не решены, что усугубляет положение сельчан, усиливает их миграционную активность. **Ключевые слова:** Калмыкия, сельское население, наблюдение, визуальные методы, социальные проблемы села

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (Рег. № НИОКТР АААА-А19-1190111490037-8).

Для цитирования: Намруева Л. В. Мозаика современной жизни сельского населения Калмыкии (по итогам качественных исследований 2019 г.). *Oriental Studies*. 2019;(5): 938–944. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-5-938-944.

UDC 572.02

The Mosaic of Contemporary Rural Life in Kalmykia: a Summary of 2019 Qualitative Surveys

Ludmila V. Namrueva¹

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the materials of observations made in May–June 2019 during a scientific trip to seven districts of the republic, namely: Iki-Burul'sky, Ketchenerov'sky, Priyutnensky, Sarpinsky, Tselinny, Yustinsky, and Yashaltinsky ones. The researchers interviewed dwellers of 30 rural settlements differing in climatic conditions, statuses, sizes (district centers, small villages), and certain social problems examined in the article. The sociological research conducted by specialists of Kalmyk Scientific Center of the RAS was assigned by government. *Goals.* The paper seeks to introduce results of the qualitative sociological surveys (observation, in-depth interviewing) into scientific circulation. *Results.* The article analyzes materials of observations, interviews, and shows the actual changes in villages and villagers of Kalmykia. The material resources of rural residents are assessed visually. The higher the income, the better the living conditions, households, and technical equipment of a family. Many social problems (water supply, unemployment, material security of educational and cultural institutions, etc.) of villages have not been solved, which aggravates the situation of villagers, increases their migration activities.

Keywords: Kalmykia, rural population, observation, visual methods, social problems of the village

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy – project name 'Development of South Russian Rural Territories: Integrated Socio-Economic and Environmental Monitoring' (reg. no. НИОКТР АААА-А19-1190111490037-8).

For citation: Namrueva L. V. The Mosaic of Contemporary Rural Life in Kalmykia: a Summary of 2019 Qualitative Surveys. *Oriental Studies*. 2019;(5): 938-944. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-5-938-944.

Изучение развития сельских территорий региона показывает, что в процессе их трансформации особую актуальность приобретают изменения, формирующие новые социальные, экономические, политические проблемы сельских сообществ. Эти преобразования (как на региональном, так и на локальном уровнях) исследуются чаще всего количественными методами (анкетными опросами) [Бадмаева 2018; Намруева 2018; Нусхаева 2018а; Нусхаева 2018б]. Социологи КалмНЦ РАН, выполняя госзадание, активно анализируют итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 и 2016 гг., обобщают статистический материал Федеральной службы государственной статистики, применяют вторичный анализ исследований по проблеме развития сельских территорий Калмыкии [Намруева,

Нусхаева, Бадмаева 2017; Намруева, Нусхаева, Бадмаева 2018].

Изменения в сельском сообществе, которые сразу внешне определяются, побудили автора статьи обратиться к визуальному методу исследования в социологии. Для этой цели необходим «хороший социологический взгляд» (по меткому определению П. Штомпки), который практически не должен отключаться: «Понимание и использование визуальных данных становится необходимым умением каждого, кто интересуется общественными и культурными процессами» (цит. по: [Халий 2018: 270]). Однако польский ученый утверждает, что «пассивного наблюдения недостаточно, необходимо активное наблюдение, проявление и упорядочивание наблюдений посредством мобилизации видения и концентрации взгляда» (цит. по: [Халий 2018: 270]).

Отметим, что в нашем описании итогов командировки 2019 г. мы не ставили задачу выявлять недостатки в конкретном селе, районе, мы лишь повествуем о типичных ситуациях, которые имеют место быть в сельской местности республики. Поэтому мы не уточняем названия ни сел, ни учреждений, где мы осуществляли визуальное исследование. В нашем анализе также мы постарались избежать информации, выраженной в процентах и других единицах измерения.

В каждом селе, прежде всего, познакомились с главой сельского муниципального образования (СМО), просили рассказать о поселке, злободневных проблемах. Порой наше интервью длилось по несколько часов. Особой гордостью для многих руководителей были построенные или намечаемые к строительству объекты социальной инфраструктуры. Отрадно, что главы проявляют инициативу, добиваясь решения вопросов по благоустройству парковой зоны сел через различные программы республиканского и федерального уровней и в разных властных коридорах. Действуют или планируется возвести детские площадки с песочницей, качелями, для взрослых — спортивные площадки, уличные тренажеры. Замечательно, что и в дальних селах республики появятся места для культурного отдыха всей семьей.

Во время экспедиции проехали более 3 500 км. На федеральных трассах ремонтные работы вели дорожники из соседних регионов, выигравшие соответствующие тендеры. К сожалению, дороги местного значения в большинстве своем не ремонтировались еще с советских времен. В лучшем случае проделан ямочный ремонт, чаще всего в центре поселка. А жители отдаленных сел от райцентра так и не дождалась асфальтированных дорог. Но они продолжают верить и надеяться.

В двух СМО главы были солидного возраста — им далеко за семьдесят. Они, хорошие хозяйственники, мудрые руководители, признались нам, что никто не хочет идти на такую ответственную, очень хлопотную должность. Думать о развитии села, все 24 часа проявлять истинную заботу о его жителях не каждый ныне готов. А мне приходило в голову мысли: почему у той молодежной когорты, что постоянно рвется к власти на республиканском и выше уровне, не требовать опыта работы на уровне муниципаль-

ной власти, где проявляются истинные возможности и способности будущих руководителей, народных избранников?

Бросается в глаза малолюдность поселений, исключение составляют районные центры, там, конечно, более или менее оживленно, люди спешат в различные учреждения по своим делам. Утром или среди бела дня улицы небольших сел пусты, порой было не у кого спросить, где находится здание СМО. В малых селах не видели практически молодых людей, лишь изредка возле своих дворов сидели старики. Если в 1990-е гг., которые называют «лихими», многие деревни встречали пустыми глазницами тоскливых окон и разваливающимися стенами заброшенных домов, то сейчас это встречается значительно реже: практически всюду встречали улицы, где имеются пустыри, т. е. бывшие хозяйства, поменяв место жительства, разобрали дом на кирпичи, который повторно используется в строительстве нового жилья в столице республики или в ее пригородах.

Проблемы с водой определяются при въезде в село. Если во дворах сельчан или вокруг них ничто не растет или одиноко стоят неприхотливые вязы, значит, вода не проведена. А если имеется водопровод, то живительная влага подается с перебоями, в определенные дни или же очень слабо, так как трубы от продолжительного использования засорены и требуют замены. Селяне в большинстве своем перестали заниматься огородами, так как они дорого обходятся своим хозяевам. Проще всю растительную продукцию купить в магазине. В редких дворах выращивают помидоры, огурцы, картофель, перец и т. д.

Повсюду селяне стремятся отгородиться от внешнего мира основательным металлическим ограждением, который часто выше человеческого роста. Если раньше через штакетник можно было видеть, что творится на улице, в домах напротив, то теперь селяне не только лишают себя такого обзора, но замыкаются в тесном пространстве своего двора.

Следует отметить, что на локальном уровне произошел разрыв взаимосвязей, характерных для прежних советских времен: тогда нормой было взаимодействие на бытовом уровне, доверие к соседям, рядом с которыми жили долгие годы. Наши наблюдения прошлых лет с годами подтверждают, что тенденции к обособленности, закрыто-

сти у селян лишь усиливаются. Так, внешним атрибутом изменившихся отношений в сельских поселениях стали дома, огороженные высокими кирпичными заграждениями или металлическими заборами, которые не позволяют селянам быть в курсе дел, в том числе и собственных соседей. Об этом они говорили автору работы в беседах и в 2017, и 2019 гг. [Намруева 2017: 116].

Часть современных селян живут изолированно, замкнуто. Полностью разделяем мнение И. А. Халий о том, что «ныне стратегия выживания требует изоляции, которая, по словам З. Баумана, до сих пор была в большей мере характерна для мегаполисов» [Халий 2008: 22]. Правда, встречались дома, где часами отсутствовали хозяева, двери настежь, телевизор работает, все это свидетельствует об открытости, доверии его жителей к своим односельчанам.

Почти во всех домах установлены спутниковые антенны, реже — пластиковые окна. В отдельных домах заметны сплит-системы, без которых в условиях жаркого климата сложно чувствовать себя комфортно. Несмотря на тяжелое материальное положение селян, возле многих дворов стоят легковые машины. Все эти блага цивилизации многими селянами приобретаются при помощи родственников, уехавших в благополучные регионы, или же очередных потребительских кредитов. Особо состоятельные сельские жители могут приобрести дорогостоящую технику после продажи сельскохозяйственной продукции.

Раньше о достатке семьи судили по количеству имеющегося скота. В настоящее время, на наш взгляд, это не единственный показатель материального благополучия сельчанина. Прежде лишь единичные семьи не выращивали домашнюю скотину, теперь же многие селяне не желают заниматься своим хозяйством, в лучшем случае в их дворах имеется домашняя птица. Дешевле купить молоко в магазине, чем доить свою корову, дешевле приобрести мясо на рынке, чем выращивать животных. Порой вся домашняя скотина находится на животноводческой стоянке за пределами СМО, где работают в основном мужчины, а женщины с детьми живут в селе. Еще одной причиной, тормозящей развитие ЛПХ, является отсутствие пастбищ для общественного поголовья. Встречались села, где земли фермеров

приблизились к сельским поселениям. Как это случилось, должны выяснять определенные органы.

Во многих селах невозможно нанять пастуха для выпаса общественного поголовья, желающих пасти практически нет, так как весьма сложно собрать оплату за пастьбу. В другой ситуации очередь пасущих КРС в силу уменьшения числа владельцев быстро передвигается. Если раньше по очереди семья пасла общественный скот один раз в месяц, то летом 2019 г. приходилось пасти дважды-трижды. В одном райцентре женщины, вспоминая былое, говорили, что скот выпасали на все четыре направления, и многие хозяева выгоняли не менее десяти голов КРС. В нынешнее время ситуация кардинально изменилась. Единицы селян могут нанять пастуха, многим это просто не по карману. Поэтому коровы, козы бесконтрольно пасутся близ поселка, создавая определенную угрозу для ближайших полей и огромный риск для транспортного движения на трассе, особенно федеральной, где мощный грузопоток транспорта. Поселковая власть от бессилия лишь разводит руками. Те, кто экономически состоятелен, продолжает держать большое количество животных, самостоятельно организуя их выпас.

К удивлению узнала, что во время стрижки овец в личных хозяйствах, где содержится большое поголовье, активно трудится бригада мужчин из одного северокавказского региона. Мужчины качественно и быстро снимают зимние шубы с овец. «А куда делись местные стригали?», — спросила я. Как мне ответил один мужчина, занимавшийся стрижкой в прошлые времена, что наши не могут так быстро работать, у них нет современных стригальных аппаратов, да и те немногие, кто их имел, выехали за пределы республики. Неужели такой трудовой навык наших предков, как стрижка овец, передаваемый столетиями, постепенно исчезнет навсегда на наших глазах?

Очень часто нам говорили об отсутствии работы на селе. Но в то же время села испытывают кадровый голод. Нет трактористов, сварщиков, бухгалтеров, ветврачей, врачей, специалистов бытового обслуживания. В одном райцентре посетовали, что приходится ездить в соседний регион или в столицу, чтобы заправить катридж. В другом райцентре женщины ездят в соседний

район, чтобы ушить пальто, сшить костюм, подбить каблуки. В селе не оказалось ни портных, ни мастеров по ремонту обуви. Замечание социологов ФНИСЦ РАН верно и в калмыцком социуме: «в кризисный период россияне чаще занимали выжидательную, осторожную позицию, чем прибегали к таким способам социально-экономической адаптации, как организация своего собственного предприятия, начало „своего дела“, поиск новой работы, дополнительных заработков, переобучение или повышение квалификации» [Козырева, Смирнов 2018: 70].

Сельский малый бизнес ориентирован на небольшую торговлю. В малых селах чаще всего работают 2–3 магазина, в которых местные жители могут приобрести необходимые продукты питания под запись, долги возвращаются по мере получения зарплаты и других социальных выплат. Хотя есть и те, кто значится в долговых книгах по несколько месяцев.

П. Штомпка утверждает, что «визуализация твердо связана с коммерциализацией и потребительским обществом», и определяет процесс как «распространение „храмов“» торговли. К этим «храмам» он относит супермаркеты (цит. по: [Халий 2018: 269]). В тех районных центрах, где мы побывали, открыты несколько и пользуются популярностью такие «храмы» торговли, как «Пятерочка», «Покупочка», «Магнит», которые для привлечения покупателей, оформляют красивые интерьеры, работают над ценовой политикой, предоставляют возможности обслуживания по картам, в том числе кредитным, весьма популярным среди населения региона. К сожалению, на их витринах отсутствует продукция местных сельхозпроизводителей.

Торговать стали и почтовые работники. В их офисах имеются в продаже не только привычные для этого офиса товары (журналы, газеты), но и также продукты питания долгого хранения (консервы, упакованные крупы, макароны), канцелярские принадлежности и многое другое. Правда, эти товары гораздо дороже, чем в магазинах. Почта стала работать на селе лишь три раза в неделю. Селяне и к этому привыкли.

Если в советские времена в каждом совхозе имелась пекарня, то с исчезновением совхозов селяне перестали потреблять местный хлеб, потому что в рыночных условиях выпечка хлеба стала очень дорогим

занятием, которое к тому же не окупается для производителей.

Предприятия общественного питания (столовые, кафе) открыты в основном в районных центрах, где могут пообедать жители из сел, приехавшие по делам, командированные специалисты. В крупных поселках, находящихся вдоль федеральных трасс, открыты гостиницы, где предоставляют необходимый сервис, а также приготовят вкусные блюда. В малых селах предприятия общепита оказывают заказные услуги, когда проводят свадьбы, юбилеи, праздники, похороны.

Конкретный объект внимания при визуальном исследовании — учреждения культуры и образования. Фиксировалось все — их расположение, внешнее состояние объектов, а также наличие кадров, обеспеченность комфортными условиями. Визуально также можно определить отношение к ним властей и населения. В большинстве малых сел, которые мы посетили, учреждения культуры были закрыты, находились в плачевном состоянии или располагались в приспособленных помещениях. Во многих библиотеках давно не было капитального ремонта, крупных поступлений литературы. Однако какие-то новинки в небольшом количестве дарят благотворители или спонсоры, но их крайне недостаточно. Библиотекари признаются, что жители активно читают имеющуюся литературу, периодику, так как сами не имеют возможности приобрести. В редких селах имеются и действуют музеи. На стендах фотографии известных уроженцев, описание их ратных и трудовых подвигов, история родов села, но прохудившиеся крыши грозят сохранности этих экспонатов.

Лишь в одном сельском доме культуры заметили оживление: громко играла музыка, детский коллектив под руководством молодого специалиста готовился к конкурсу. Ему предстояло выехать в соседний регион, где юные танцоры постоянно участвуют в танцевальном состязании и привозят разные призы. Еще в одном селе одна женщина пожаловалась, что один работник СДК не способен удовлетворить культурные потребности селян. Он больше занят молодежью, а старшее поколение остается без внимания порой даже в праздники.

Из увиденных нами сельских домов культуры лишь в одном был проведен капитальный ремонт, правда, длился он несколько лет. В этих учреждениях в основном заняты работники солидного возраста, которым

с трудом даются физические нагрузки по переноске книг, установке стеллажей и т. д. Понятно, что деньги лишними не бывают, в отсутствие молодых специалистов приходится трудиться представителям старшего возраста. Проблема омоложения кадров, которую мы поднимали ранее в научных статьях, в сельских учреждениях не решена и стоит особенно остро [Намруева 2014].

Во время экспедиции обязательно посещали сельские образовательные учреждения. Проблемы общие для всех: уменьшение количества обучающихся ведет к сокращению и педагогического коллектива. Молодые учителя не задерживаются в отдаленных селах. Из этого сложного положения найден выход: педагоги другого профиля, специалисты из другой сферы, пройдя необходимую переподготовку, преподают учебные дисциплины. Так, в одной малокомплектной школе, где мы побывали, бывший инженер, получив соответствующую подготовку, вел четыре предмета. Руководители школ, где имеются кадровые проблемы, надеются на обещанную программу «Земский учитель», которая начнет действовать с 2020 г.

Часто встречали, когда в здании школы находились и другие учреждения, в их числе детские сады, администрации СМО. В сельских школах и детских садах нам показывали теплые санузлы. Мы радостно воспринимали, что такой фактор комфортности стал доступен сельским школьникам. Но обнаружилось, что туалет проработал лишь во время приемки, так как отсутствие воды не позволяет детям им пользоваться. Оказалось, что такое хорошее дело осталось лишь «галочкой» в очередном отчете по выполнению заданий «сверху».

В некоторых школах установлены пластиковые окна, хорошие металлические двери, жалюзи, стенды, оформленные дизайнерами. Как нам объяснили, чаще всего это установлено благодаря помощи выпускников, которые не забывают свою родную школу и учителей. Нечасто, как хотелось, но оказывают весомую помощь в обустройстве образовательных учреждений успешные фермеры, чьи дети обучаются в этих школах. Практически не встретились на нашем пути школы, где был бы осуществлен ремонт по линии целевых программ федерального и республиканского масштабов.

Люди перестали верить обещаниям решить вопрос с водой, которые они слышат

на протяжении многих десятилетий. Устав от пустых обещаний, сельские самостоятельно благоустраивают свои дома, проводят воду, устанавливают душевые кабины, туалеты, современные стиральные машины. Все это становится явью благодаря кредитам, из которых не вылезает добрая часть сельского населения, финансовой помощи родственников, уехавших на заработки за пределы республики. Вода привозная, двух кубов кому-то хватает на две недели, а другие ее экономно используют по несколько месяцев. Стоимость подвоза воды сильно различается: от 300 до 1 500 руб. Там, где на территории СМО есть колодцы, коллективные предприятия, стоимость доставки воды ниже. А там, где этого нет, но есть один монополист, частник, имеющий водовозку, цена на одну стандартную бочку достаточно высока.

Заключение

Использованный нами качественный метод исследования — наблюдение — позволил получить обширную информацию о жизни сельских поселений республики, раскрыть новые ее грани. Визуальные методы исследования позволяют нам утверждать, что сельское население сильно дифференцировано. Бедные жители не имеют средств для ведения домашнего хозяйства, ремонта, благоустройства дома, хозяйственных построек, живут, надеясь на социальные пособия. Малая часть сельского социума приспособилась к рыночным условиям, у них есть средства для создания комфортных условий жизни, приобретения техники, в том числе машин, увеличения личного подсобного хозяйства, сельхозпродукция которого используется не только для семейного потребления, но и на продажу. Если в первой группе нет особого желания и возможностей заняться своим делом, то представители второй решаются на открытие своего бизнеса или расширяют собственное хозяйство, которое ориентировано на рынок.

Согласно разделяемому нами утверждению социологов из ФНИСЦ РАН, имеющийся большой разрыв возможностей между группами с разным уровнем доходов может привести к сужению базы для укрепления сплоченности сельского сообщества и росту социальной отчужденности [Козырева, Смирнов 2018]. Характеристики этой дифференциации рассмотрены нами в данной статье.

Литература

- Бадмаева 2018 — Бадмаева Н. В. Миграция сельского населения южнороссийских регионов: проблемы, тенденции, направления // *Oriental Studies*. 2018. № 3. С. 152–164.
- Козырева, Смирнов 2018 — Козырева П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // *Социологические исследования*. 2018. № 6. С. 66–78.
- Намруева 2017 — Намруева Л. В. Современное село Калмыкии: социологический срез. Монография. Элиста: КИГИ РАН, 2017. 180 с.
- Намруева 2014 — Намруева Л. В. Этнокультурные потребности населения как основа этнокультурной политики региона // *Этнокультурная политика в мультиэтническом регионе Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия)*. Е. А. Гунаев, М. Б. Марзаева, Л. В. Намруева. Коллективная монография. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 94–108.
- Намруева 2018 — Намруева Л. В. Социально-экономическое развитие АПК южнороссийских регионов: тенденции и проблемы // *Региональная экономика. Юг России*. 2018. № 2. С. 94–100.
- Намруева, Нусхаева, Бадмаева 2017 — Намруева Л. В., Нусхаева Б. Б., Бадмаева Н. В. Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов. Отчет о НИР. Элиста: Калм-НЦ РАН, 2017. 201 с.
- Намруева, Нусхаева, Бадмаева 2018 — Намруева Л. В., Нусхаева Б. Б., Бадмаева Н. В. Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов. Отчет о НИР. Элиста: Калм-НЦ РАН, 2018. 292 с.
- Нусхаева 2018а — Нусхаева Б. Б. Рождаемость и репродуктивные установки сельского населения Республики Калмыкия // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2018. № 1. С. 142–148.
- Нусхаева 2018б — Нусхаева Б. Б. Демографическая ситуация в регионах Юга России (по данным статистики и опроса населения) // *Социодинамика*. 2018. № 10. С. 40–46.
- Халий 2018 — Халий И. А. Нетрадиционные методы качественных исследований // *Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горошков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2018. С. 266–289.*
- Халий 2008 — Халий И. А. Местные сообщества в России — носители инноваций и традиционализма // *Власть*. 2008. № 5. С. 19–26.

References

- Badmaeva N. V. Migration of rural population in southern Russian regions: problems, trends, directions. *Oriental Studies*. 2018. No. 3. Pp 152–164. (In Russ.)
- Khaliy I. A. Local communities in Russia — bearers of innovation and traditionalism. *The Power (Vlast)*. 2008. No. 5. Pp. 19–26. (In Russ.)
- Khaliy I. A. Non-traditional methods of qualitative research. In: [Russia in Reform: Year-Book (Collection of Scientific Articles)]. Moscow: Novyi Khronograf, 2018. Pp. 266–289. (In Russ.)
- Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Life in the uncertainty of a crisis society: experience and expectations. *Sociological Studies*. 2018. No. 6. Pp. 66–78. (In Russ.)
- Namrueva L. V. Socio-economic development of agriculture in southern Russian regions: trends and problems. *Regional Economy. South of Russia*. No. 2. Pp. 94–100. (In Russ.)
- Namrueva L. V. [Modern Village of Kalmykia: a Sociological Review]. Monograph. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2017. 180 p. (In Russ.)
- Namrueva L. V. Ethnocultural needs of the population as a basis for regional cultural policies. In: [Ethnocultural Policy in a Multiethnic Region of the Russian Federation: a Case Study of the Republic of Kalmykia]. E. Gunaev, M. Marzaeva, L. Namrueva. Collective monograph. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2014. Pp. 94–108. (In Russ.)
- Namrueva L. V., Nuskhayeva B. B., Badmaeva N. V. [Development of Rural Territories in South Russia: a Comprehensive Analysis of Social and Economic Processes]. Scientific report. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2017. 201 p. (In Russ.)
- Namrueva L. V., Nuskhayeva B. B., Badmaeva N. V. [Development of Rural Territories in South Russia: a Comprehensive Analysis of Social and Economic Processes]. Scientific report. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2018. 292 p. (In Russ.)
- Nuskhayeva B. B. Birthrate and reproductive attitudes of rural population: a case study of the Republic of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2018. No. 1. Pp. 142–148. (In Russ.)
- Nuskhayeva B. B. Demographic situation in the southern regions of Russia. *Sociodynamics*. 2018. No. 10. Pp. 40–46. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 945-956, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-945-956
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81 373.21+811

Лингвистическая рецепция топонимов центральноазиатской геолокации (тюрко-монгольский ареал)

*Нурбек Рахматуллаевич Акматов¹, Сайфулла Нурмухамедович Абдуллаев²,
 Владимир Наранович Мушаев³*

¹ Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова (д. 103, ул. Абдрахманова, 722200 Каракол, Киргизская Республика)
 кандидат филологических наук, доцент
 ORCID: 0000-0003-4159-8355. E-mail: nurbek_akmatov_76@mail.ru

² Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова (д. 103, ул. Абдрахманова, 722200 Каракол, Киргизская Республика)
 доктор филологических наук, профессор
 ORCID: 0000-0003-2873-6397. E-mail: igu@issyk-kul.kg

³ Калмыцкий государственный университет (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор
 ORCID: 0000-0001-8321-7667. E-mail: mushaev_vn@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Внимание исследователей постоянно привлекало присутствие монголизмов в тюркских языках, а в монгольских языках — тюркской лексики. Обычно общую тюрко-монгольскую лексику делят на две группы. Как полагают ученые, одна из них восходит к глубокой древности, к языку, письменно не засвидетельствованному; другая появилась в результате взаимных политических, экономических и культурных связей между различными монгольскими и тюркскими народами, главным образом в средних веках. Представляется интересным проникновение монгольских (калмыцких) топонимов в киргизский язык. Известно, что монгольские топонимы проникали на территорию Киргизии двумя путями: вместе с монголами в XIII в.; киргизы, пришедшие на Тянь-Шань из Южной Сибири и Центральной Азии, могли принести с собой ряд монгольских топонимов и нарицательных географических терминов в Среднюю Азию. Многие считают, что в топонимах сохранились следы былой киргизско-монгольской языковой взаимосвязи (очевидно, периода Джунгарского ханства). *Цели и задачи.* Тюрко-монгольское этническое мировосприятие центральноазиатской геолокации по причине историко-географической общности судеб монголов и тюрков сформировало близкий и стойкий взгляд на систему номинации, которая менялась в зависимости от миграционных процессов. Наиболее консервативным пластом этой лексики являются топонимы. *Материалы и методы.* В данной статье рассматриваются топонимы тюрко-монгольской (калмыцкой, киргизской, монгольской) лексической общности, их ареальное распространение, семантика и вопросы этимологии. Исследуются киргизские географические имена, которые восходят к апеллитивам генетически родственных языков, и монгольские топонимы, появившиеся в результа-

те взаимодействия народов. В качестве иллюстративного материала приводятся фрагменты из легенд и преданий. Изучаемый материал может быть использован в ареальной лингвистике, сравнительно-исторических и типологических исследованиях, в общем и частном языкознании. Применяется сравнительный метод параллельного семантического анализа топонимов родственных и близкородственных языков. *Результаты.* Этническое мировосприятие тюрков и монголов опирается на общий историко-хозяйственный опыт и визуальную память, которые являются свидетельством тесных тюрко-монгольских связей. В работе исследованы топонимы калмыцкого и киргизского языков как наиболее устойчивый к изменениям пласт лексики. Рассмотренный материал позволяет утверждать, что монголизмы чаще всего встречаются в собственно-географических наименованиях в северных регионах Киргизии, по мере продвижения на юго-запад они встречаются реже. В изучаемой региональной топонимике просматривается историко-хронологическая периодизация топонимической системы конкретного языка, которая тесно связана с ландшафтом, терминами и онимами данной местности. Для всего евразийского ономастического пространства характерно обилие сходных тюрко-монгольских географических названий. Исследуемая нами геолокация тюркских и монгольских районов Киргизии обнаруживает наличие устойчивых параллелей в топонимических наименованиях и используемых при этом апеллятивов.

Ключевые слова: топоним, гидронимы, ареал, этимология, семантика, ойконим, оним

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке внутривузовского гранта КалмГУ в рамках проекта «Монгольское и тюркское языкознание: традиции и инновации»

Для цитирования: Акматов Н. Р., Абдуллаев С. Н., Мушаев В. Н. Лингвистическая рецепция топонимов центральноазиатской геолокации (тюрко-монгольский ареал). *Oriental Studies*. 2019;(5): 945–956. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-945-956.

UDC 81 373.21+811

Central Asian Geolocation: Linguistic Reception of Toponyms (Turko-Mongolic Area)

Nurbek R. Akmatov¹, Saifullah N. Abdullaev², Vladimir N. Mushaev³

¹Tynystanov Issyk-Kul State University (103, Abdrakhmanov St., Karakol 722200, Kyrgyz Republic)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

ORCID: 0000-0003-4159-8355. E-mail: nurbek_akmatov_76@mail.ru

²Tynystanov Issyk-Kul State University (103, Abdrakhmanov St., Karakol 722200, Kyrgyz Republic)
Dr. Sc. (Philology), Professor

ORCID: 0000-0003-2873-6397. E-mail: igu@issyk-kul.kg

³Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

ORCID: 0000-0001-8321-7667. E-mail: mushaev_yn@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Mongolisms in Turkic languages and Turcisms in Mongolic ones have constantly been objects of research interest. The whole of common Turko-Mongolic vocabulary is usually divided into two groups: the first one is believed to have stemmed from a most ancient non-graphic language, and the second one supposedly resulted from mutual political, economic and cultural contacts between diverse Mongolic and Turkic populations primarily in the Middle Ages. Mongolic (Kalmyk) borrowings in the Kyrgyz language are interesting enough. As is known, Mongolian toponyms had penetrated into Kyrgyzstan either during the 13-century Mongolian expansion, or during the Kyrgyz migrations from South Siberia and Central Asia to the Tian Shan accompanied by inflows of Mongolian toponyms and appellative place names. It is also believed by many that the toponyms retain traces of Kyrgyz-Mongolian language contacts (evidently those of the Dzungar period). *Goals and Objectives.* As a result of historical and geographical affinities between Turkic and Mongolic populations, the Turko-Mongolian ethnic perception of Central Asian geolocation had

established close and largely identical approaches to the system of nomination that would change pursuant to migration processes. And those are toponyms that constitute a most conservative (rigid) lexical cluster. *Materials and Methods.* The paper examines common Turko-Mongolian (Kalmyk, Kyrgyz, Mongolian) toponyms, their areal distribution, semantics and etymology; analyzes Kyrgyz place names that stem from appellatives of genetically related languages and Mongolian toponyms that emerged during language contacts. The study involves lexical analysis of some legends and tales. The materials investigated can be further used in areal linguistics, comparative historical and typological studies, general and special linguistics. The work employs the method of parallel semantic analysis of toponyms from related and closely related languages. *Results.* Ethnic worldviews of Turko-Mongols are based on common historical and economic experiences, visual memories that indicate close ties and interactions. The paper focuses on Kalmyk and Kyrgyz toponyms that form most rigid lexical clusters. As is shown, Mongolisms are most frequent in Northern Kyrgyzstan place names but are get rarer towards the southwestern territories. The examined regional toponymy illustrates historical / chronological periods inherent to the language toponymic systems closely associated with landscapes, terms and onyms of certain localities. The whole of the Eurasian onomastic space is characterized by abundance of similar Turko-Mongolian place names. The investigated geolocation of Turkic and Mongolic regions of Kyrgyzstan manifest stable parallels in terms of toponyms and respective appellatives employed.

Keywords: toponyms, hydronyms, area, etymology, semantics, place name, onym

Acknowledgements: The reported study was granted by Gorodovikov Kalmyk State University, project name ‘Mongolian and Turkic Linguistics: Traditions and Innovations.

For citation: Akmatov N. R., Abdullaev S. N., Mushaev V. N. Central Asian Geolocation: Linguistic Reception of Toponyms (Turko-Mongolic Area). *Oriental Studies*. 2019;(5): 945–956. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-945-956.

Ученых-лингвистов издавна интересовал вопрос, касающийся взаимодействия тюркских и монгольских языков. Вопросам тюрко-монгольских языковых общностей посвящены многие работы: [Рамстедт 1957; Владимирцов 2005; Поливанов 1991; Малов 1951; Баскаков 1978; Рассадин 2008; Бертагаев 1971; Санжеев 1947; Убрятова 2011; и др.].

Топонимика — область ономастики, неизменно привлекающая внимание тюркологов и монголоведов. Вопросам топонимики на материале тюркских языков посвящены работы ученых: [Абрахманов 1975; Саттаров 1998; Монраева 2014; Абдуллаев 2007; и др.].

В монгольском и калмыцком языкознании топонимическая проблема затрагивается [Рассадин 2008; Хонинов 2013] и другими авторами.

Монгольские заимствования в киргизской лексике исследуются в работах [Батманов 1966; Юнусалиев 1959; Орузбаева 1995; Сыдыков 1983; Конкобаев 1980; Сулайманова 2009] и других исследователей.

Монголизмы в других тюркских языках, в частности уйгурском, изучались А. Т. Кайдаровым и др. [Строй 1989: 76].

Так, С. Сыдыков общую тюрко-монгольскую лексику делит на две группы: «Одна из них, первичная, восходит к глубокой древности, к языку, не засвидетельствованному временем; другая — вторичная, появилась в результате взаимных, политических, экономических и культурных связей между различными монгольскими и тюркскими народами главным образом в средних веках» [Сыдыков 1983: 24].

Профессор Г. Д. Санжеев отмечает, что киргизский язык всегда соприкасался с монгольским, и между этими языками обнаруживается немало лексических параллелей, что говорит о многочисленных взаимных заимствованиях [Санжеев 1947: 69].

Топонимы традиционно причисляются к числу важнейших индикаторов культуры. «Созданные на разных языках, в разное время, они отражают всю многовековую историю народа: природные условия его существования, материальную и духовную жизнь в их непрерывном развитии» [Ондар 2007: 3].

Обращаясь к топонимам тюрко-монгольского ареала, мы преследуем цель осмыслить межязыковые параллели в сфере

центральноазиатской геолокации, ограниченной территориями современных Тувы и Киргизии, а также географическим пространством между ними, известным под названиями Восточный Туркестан или Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР, на территории которых разворачивались основные процессы «обкатки» топонимических единиц. Эти процессы подразумевают становление типичных моделей образования топонимов.

Авторы, специально проводившие исследования на языковом материале СУАР КНР, выделяют следующие основные тюркские топонимические модели:

1) прилагательное + существительное: *Yengi Daban* 'Новый горный перевал', *Kizil Daban* 'Красный перевал' и др.;

2) существительное + существительное: *Sogat Bulak* 'Родник ивы', *Qig Su* 'Канавка ила' и др.;

3) числительное + существительное: *Tokkuz Dawan* 'Девять горных перевалов' и др.;

4) сочетание существительного, являющегося определением, с существительным, выступающим в роли определяемого и оформленным аффиксом принадлежности третьего лица (конструкция «турецкого изафета»): *Aktagningbexi Shan* 'Белая горная вершина' [Монраева 2014: 94].

Тюркский пласт топонимов в СУАР представлен наиболее широко соответственно уйгурскими и казахскими топонимами [Монраева 2014: 95]. Вместе с тем, по мнению того же автора, на территории исследуемых районов пласт монгольских топонимов представлен не менее широко.

Можно выделить следующие особенности образования монгольских топонимов на территории СУАР:

1) образуются из односложных слов: *Kerxi* 'крутой склон', *Modir* 'древесина, деревянный', *Jandilik* 'прохладный';

2) образуются из сложных слов: *Karazagte* 'черная древесина саксаула', *Ulanburan* 'красная ива';

3) образуются из словосочетаний, в которых обычно определение (зависимое слово) стоит в препозиции, а главное (географический термин) — в постпозиции, например: *Bayan nuur* 'Богатое озеро', *Dabsinkora* 'овчарня из солончака', *Nogansay* 'зеленое пастбище', *Qagan*

Gol Kuygani 'место слияния Белой реки', *Herginobo* 'горный проход с узким ущельем' [Монраева 2014: 94].

Киргизстан — горная страна, богатая белоснежными вершинами, замысловатыми хребтами, перевалами, поэтому в его топонимике преобладает онимическая терминология, тесно связанная с ландшафтом данной местности. Именно поэтому многообразием горных ландшафтных онимов киргизская топонимика заметно отличается от монгольских (калмыцких) онимов. Однако равнинные онимы во многом схожи. Статья содержит лингвистические, географические и исторические сведения, т. е. данные смежных дисциплин.

Что касается монгольских топонимов, то они, по предположению Э. М. Мурзаева, проникали на территорию Киргизии двумя путями: 1) вместе с монголами в XIII в.; 2) киргизы, пришедшие на Тянь-Шань из Южной Сибири и Центральной Азии, могли принести с собой ряд монгольских топонимов и нарицательных географических терминов в Среднюю Азию [Мурзаев 1970: 62–65].

Интересной представляется точка зрения И. А. Батманова, который отмечает три периода проникновения монголизмов в киргизский язык: 1) в енисейский период; 2) в XII–XIV вв.; 3) во время господства джунгарцев [Батманов 1966: 20].

Как явствует из высказывания Б. О. Орузбаевой, «в топонимах сохранились следы былой кыргызско-монгольской языковой взаимосвязи (в основном периода Джунгарского ханства), что косвенно подтверждается и тем, что монголизмы чаще встречаются в собственных географических наименованиях в Северной Киргизии, но по мере продвижения на юго-запад они встречаются все реже» [Орузбаева 1995: 116]. Действительно, на примере киргизской топонимии мы убедились в том, что монголизмы количественно преобладают на севере Кыргызстана.

Распространение и исчезновение монгольского языка в Средней Азии, по мнению Ц. Д. Номинханова, охватывает три периода [Номинханов 1966: 14].

Достаточно вероятной представляется точка зрения тюрколога К. Конкобаева об общности тюрко-монгольских языков [Конкобаев 1980: 72].

Народные географические термины в топонимии Кыргызстана послужили основой для утверждения Л. С. Сулаймановой о генетическом родстве киргизско-монгольских языков [Сулайманова 2009: 48].

Целевая установка статьи заключается в верификации гипотезы о консервативности топонимического мировосприятия этносов тюрко-монгольской общности центрально-азиатской геолокации. Мы предполагаем, что историко-географическая общность судеб тюрков и монголов детерминировала необходимость устойчивой системы номинации, которая является следствием миграционных процессов и локативной характеристики бытия тюрков и монголов.

Рассмотрим ряд гидронимов и топонимов в отдельности. Подобный подход достаточно рельефно покажет взаимосвязь этих двух семантически близких пластов онимов. При этом монгольские (калмыцкие) онимы рассматриваются нами на фоне тюркских географических названий. Своеобразный топонимический ландшафт Киргизии вызывает особый интерес. Каждый оним имеет географическую привязку, семантику, а некоторые и происхождение. Необходимо подчеркнуть, что одно географическое название может выступать в качестве оронима, гидронима и ойконима. В данном случае речь идет об омонимах в топонимии, о чем свидетельствуют нижеприведенные названия. При сопоставлении киргизских, уйгурских и других тюркских топонимов отметим различающуюся специфику в их написании, что само по себе составляет особую проблему [Абдуллаев 2007: 174]. В тувинских топонимах принято последовательное написание через дефис, в уйгурских и казахских — слитное написание, а в киргизских — смешанное и допускающее оба варианта. Итак, обратимся к конкретному материалу.

Алтын-Булак — название родников: 1) в долине Каркыра; 2) в горах близ с. Энчилеш (оба родника находятся в Иссык-Кульской области); 3) родник в горах Укек, на территории с. Исакеева Нарынской области [Словарь 1988].

Первый компонент топонима *алтын* (кирг. *алтын*, калм. *алтн*, монг. *алтан*) означает «золото». Махмуд Кашгари объясняет значение слова *алтын* как «алды — ниж-

ний», «асты — находящийся внизу» [Кашгари 2012: 225].

Э. М. Мурзаев пишет, что: «*алд*, *алт* — нижняя сторона, низ, основание; *тюрк.* в топонимии — подошва горы [Мурзаев 1984: 47–48].

Второй компонент *булак* означает «родник»: кирг. *булак*, калм. *булг* [РКС 1940: 256], монг. *булаг* [КМРС 1947: 35].

Арал — название сёл в Тюпском и Жумгалском районах, *арал* означает «остров»: кирг. *арал*, монг. *арал* [КМРС 1947: 20], калм. *арл* [РКС 1940: 180]. Ойконим *арал* происходит от острова, возникшего на реке Тюп.

Арашан — в киргизском языке название речки, местности, ущелья и родника в Ак-Суйском р-не. В Чуйской области имеется село с таким же названием. Калм. *аршан*: 1) целебный (минеральный) источник [КРС 1977: 52]; кирг. *арашан*, монг. *аришан*: 1) святая вода; 2) минеральная вода; 3) целебный источник, курорт [КМРС 1947: 22]. Некоторые ученые предполагают, что слово *арашан* заимствовано из санскритского языка. Имеется орфографический вариант: *нарзан*. [Агеева 2012; Мурзаев 1984; Аристов 2001]

Белчир. В киргизском языке апеллатив *белчир* имеет следующие значения: 1) болезнь скота; 2) сапоги, сшитые из кожи лошади [КТТС 1969: 97]. Калм. *белчр* — пастбище [РКС 1940: 191], перекрёсток [РКС 1940: 195], подножие [РКС 1940: 207], устье [РКС 1940: 308], например: *голин белчр* — устье реки [РКС 1940: 308]. Кирг. *билчир*: 1) место слияния (рек); 2) ж-д узел [КТТС 1969: 31]. Монг. *бэлчээр* — пастбище, кирг. *жайыт* — пастбище [КТТС 1969: 31]. Например: *суунун белчери, же айрылыш жери* «разлив реки».

Беш-Мойнок — левый приток р. Сары-Жаз. Көк-Мойнок — монг. *хөх мойног*. В ущелье Барскоон, не доезжая перевала Барскоон, находится перевал Сары-Мойнок. В топониме *Беш-Мойнок* определение *беш* означает «пять», здесь имеется пять таких местностей. В кирг. *мойнок* имеет 4 значения: **Мойнок** 1) *малдын жана кийиктин моюн териси*; 2) *төөнүн мойнунун ийри жери*; 3) *моюну ак ала болгон ит*; 4) *ийри белес, өркөчтөнгөн* «1) шкура шеи скота и горного козла; 2) изгиб шеи верблюда; 3) собака черно-белого окраса;

4) волнистое подножие¹ [Каратаев 2003: 231].

В словаре К. К. Юдахина «*мойнок* — крутой горный перевал» [Юдахин 1965: 430]. Монг. *мойног* — угловатый, кривой. Монг. *сарну* — ‘кривой, пологий’ [Исаев 1977: 18]. И это значение служит основанием расшифровки топонима *Сары-Мойнок*.

Бугучу. В калм. и монг. *бууц* 1) стоянка, стойбище; 2) усадьба [Батманов 1966: 92]. Монгольский *ц* в кирг. яз. переходит в *ч*.

Буркан — ледник, озеро, долина во Внутреннем Тянь-Шане, в долине Сырт находится и река с таким названием. Название близко к монг. *бурхан* [Исаев 1977: 37], калм. *бурхн* [КРС 1977: 23], означающему ‘бог’. В «Диалектологическом словаре» Ж. Муканбаева: «Буркан — эвфемизм» [Муканбаев 1972: 59]. Слово *бурхан* перешло в монгольский язык из тюркского. По информации географа-топонимиста Т. Эшенкулова, «Буркан — калмыцкое слово, на карте записано как *Бурхан*. Бууракан и Буркан — одно и то же» [Эшенкулов 1985: 185–186].

Буура. Компонент *буура* сохранен в топонимах Ак-Буура и Кара-Буура. В кирг. яз. значение *буура*: *тукумдатуучу төө* — *буура* (*сууц.*) ‘племенной верблюд’ [Каратаев 2003: 125]. В калм. *бура* ‘прут, розга’ [КРС 1977: 238].

К. Конкобаев и историк О. Каратаев считают, что это название рода (племени). У географа-топонимиста С. Умурзакова по топониму *Ак-Буура* имеется специальное исследование. Возможно, *Ак-Буура* ‘белая река’ образовано от ледника, а *Кара-Буура* ‘черная река’ или ‘большая река’ — от грунтовых, подземных вод [Умурзаков 1985: 37].

Балта. Компонент *балта* встречается в составе топонима *Кара-Балта* — гора, река и город в Северном Киргизстане. В кирг. яз. *балта* — орудие труда из железа [Каратаев 2003: 84]. В калм. *балт* — боевой топор, секира [КРС 1977: 80]; в монг. *балт* — молот, кувалда [Исаев 1977: 27]. Ученые считают, что топоним *Кара-Балта* происходит от названия рода (племени) [Орузбаева 1995; Каратаев 2003].

Согласно исследованиям О. Каратаева, лексема *балта* в *кара-балта* (досл. ‘черный топор’), возможно, относится к этническим тюркским названиям *балта* (*балталы*) —

¹ Здесь и далее перевод с киргизского языка на русский наш. — *прим. авт.*

название рода у казахов, узбеков, азербайджанцев. Этнонимы *балта*, *кара-балта*, *балталы* встречаются в Узбекистане и Азербайджане. В данном случае прилагательное *кара* не обозначает черный цвет, а употребляется в своем древнем значении — «большой, много», т. е. великий, многочисленный.

Гол (көл). В калм. *гол* — река; *Ижл мөрн гол* — река Волга. Компонент *мөрн* означает ‘большой’ [КРС 1977: 165]. В монг. *гол*: 1.1) река, 2) ось, 3) вал; 2.1) главный, центральный [Исаев 1977: 32]. В Киргизстане это слово встречается в сложных топонимах: *Жумгал*, *Каракол*, *Улакол* (*Улахол*).

Даба /даба(н) — в тувинском языке монгольское заимствование с семантикой «горный перевал» [Ондар 2007: 32]. В уйгурском языке апеллиатив-монголизм *даван* встречается в популярной народной песне о красавице из *Даванчина*, геолокации, названной по аналогии с одноименным перевалом на трассе из Урумчи в Турфан. В топонимике Тувы апеллиатив встречается преимущественно в сложных наименованиях: *Модун-Даба*, *Көк-Даба*.

Долон. Перевал Долон относится к Внутреннему Тянь-Шаню. В эпосе «Манас» Долон описывается как один из перевалов Ала-Тоо.

Топонимист Д. Исаев отмечает, что сведения о Долон у народа не помогают раскрыть значение этого топонима, но предполагая, что в старину это могло называться *долоон*, *дулаан*, приходит к выводу, что это слово претерпело фонетическое изменение, и слово *долоон* в монг. означает «семь». Автор далее пишет, что «семь» употреблено не только в значении цифры, но и в значении «много». Во-вторых, монгольское *долан*, *даланг* связано со словами *вершина*, *ребро*, *стена* и *привязка*, *изгиб*. Д. Исаев пишет: «Долон употреблён в значении „кривой, сложный“» [Исаев 1977: 34].

Кроме этого, существует предположение, что перевал назван в честь Долон-бия, выходца из киргизского народа, могила которого находится на перевале.

Жагалмай — название ледника и реки. Ледник Жагалмай — пик сложной долины на пересечении гор Чакыр-Корум и Борколдой. Длина ледника — 9,6 км. Находится в правом притоке реки Чон-Нарын. С ледника начинается речка Жагалмай.

Жагалмай — так называют киргизы и небольшую хищную птицу из семейства соколиных — чеглок, она не относится к ручной группе. В калмыцком и монгольском языках встречается в форме *захлма/загалмай* [КРС 1977: 96]. Звукобуква *ж* из кирг. яз. замещается *з* в калм. и монг. яз. Топоним *Жагалмай* назван по сходству: пик напоминает форму птицы чеглок.

Жумгал — река. В калм. и монг. *зүүн* — левый [КРС 1977: 122]; *гол* — река, гидроним *Жумгал* образован от значения «левая, или восточная, река». Действительно, река Жумгал является левым притоком Кокомерена.

Казан-Куйган — название села и реки в Нарынском р-не. Ойконим появился от названия реки. Определяющее слово *казан* означает «котел»: кирг. *казан*, калм. *хээсн*. Слово *куйган* — кольчуга: кырг. *куйган*, калм. *хуйг* [КРС 1977: 112]. Слово *казан* в тюрк. и монг. яз. означает также «яма, низина между горами» [Кашгари 2012: 81]. Гидроним появился на основе метафорического сходства: вода вытекает из низины в горной местности, очертаниями напоминающей котел.

Географические термины *Куйган*, *учар*, *секирик* являются компонентами топонимов Казан-Куйган, Өрдөк-Учар, Теке-Секирик, встречаются на Алтае в наименованиях местности и рек, а в Киргизстане в основном эти названия связаны со словом *водопад*.

Кан-Тенгир — название горы, пика. Горная вершина в восточной оконечности территории Киргизии, вторая по высоте на Тянь-Шане. В кирг. яз. *Кан-Теңир*, в монг. яз. *Хан Теңгэри*. В кирг. *теңир* — «небо, бог», а в калм.: 1) хан, царь, монарх; *тенгр* — небо, небеса [КРС 1977: 493], монг. *тэнгэр* — небо [Исаев 1977: 24].

В народе имеется легенда о Кан-Тенгире. Это название объясняется тем, что под красноватыми закатными лучами солнца верхняя часть вершины становится почти красной, а тени от проносящихся над ней облаков создают подобие стекающих с нее красных струй.

Местные называют эту гору Кан-Тоо (в переводе «Кровавая Гора»), возможно, из-за красного цвета, который гора Кан-Тенгир принимает во время заката, или же из-за того количества альпинистов, которые погибли при восхождении на эту гору.

Как представляется, топоним происходит от тюрко-монгольского *кан/хаан* «правитель, монарх» и *тенгри* «небо, бог», означает «повелитель неба». Название Кан-Тоо дано местными иссык-кульскими киргизами за колоссальную высоту по сравнению с остальными горными вершинами.

Кара-Кужур (в монг. *хархуджир* — мало солончаковая местность), *Дөрбөлжүн* (*дөрвөлжин* — четырехугольник), *Сары-Тологой* (*цар толгой* «пик горы»), *Оргочор* (*Орнгоңызор* — отдельная гора), *Кызыл-Омпол* (красная гора), *Түргөн* (монг. *түргэн*: 1) скорый, быстрый, спешный [Исаев 1977: 20]). *Көкөкулусун* (*хөх хулсан*) — зеленый камыш, калм. *көк* [КРС 1977: 266], в калм. яз. *көк хулси* — зеленый камыш [КРС 1977: 106].

Каранар — название местности, холм в Ак-Суйском р-не, прежнее название с. Каракол (совхоз Каракол) Ак-Суйского р-на. В калм. и монг. яз. *наран*, *нар* — солнечный [Батманов 1966: 100]. По мнению Д. Исаева, название местности связано с этим значением. По нашему предположению, топоним *Каранар* мог возникнуть по переносу значения «верблюд». На этой территории встречаются оронимы Чон-Каранар, Орто-Каранар и Кичи-Каранар. Речь идет о величине объектов: *чон*, *орто*, *кичик*.

Кегети. Киргизское слово *гэгэти* означает «блестящий». В калм. *гегэтэ* — «освещенный». В топониме *Кегети* аффикс *-ты/-ти* является измененным вариантом древнего аффикса множественности *-лыг*. По нашему мнению, значение слова *кегети* связано со значением слова *кеген*.

Кемер. 1) *сырт жагына күмүш чаптырылган, кооздолгон жазы кайыш кур, илгич*; 2) *суу жеп кеткен жээк, жарча* «1. покрытый серебром широкий кожаный ремень; 2) берег, омываемый водой» [Каратаев 2003: 205]. Кичи-Кемер, Чон-Кемер — названия местности и ущелья в Ак-Суйском р-не. *Кемер* созвучно с калм. *хамр* и монг. *хамар*: 1) нос, рыло; 2) угол; 3) костяной наконечник; 4) коса [Исаев 1977: 26].

Керей-Шорон — село в Ошской обл. Имеется и село под названием Шорон. Имеется предположение, что топоним происходит от названия рода (племени). К этому мнению можно присоединиться. По нашему исследованию, *керейт* — название племени семейства рода *төөлөс*, а второй компонент

в монг. *шорон(г)* — одиночная высокая гора, отдельная гора [Исаев 1977: 20]. Одна часть племени *кереит* проживает в с. Аң-Өстөн (Ак-Устен) Жеты-Огузского р-на, вызывает интерес их проживание на восточной части холма Оргочор. Этноним *кереит* представляет собой древнее тотемное имя с монгольским корнем *хэрээ*, передаваемое по-русски как *кере*, *кэрэ*, *хэрэ* и означающее ‘ворон’ [Хойт 2008].

Кептеш — название местности в Ат-Башинском р-не, село Кара-Кулжи и Ноокенских районов; озеро Эңилчек в сыртах Сары-Жаз называлось Кептеш. В калм. яз. *кевтр*: 1. постель; 2. лежка; 3. логово; [КРС 1977: 288], монг. *хэвтэи* — лежка скота. Этот топоним встречается и в эпосе «Манас». В кирг.: «эки тарабы кууш, тар кокту, колот» [Каратаев 2003: 208] — «с двух сторон узкая, маленькая ложбина». *Кептеш* — «узкий, маленький лог, ложбина».

Коңулгу-Суу — название долины, реки и ледника в горах Сары-Жаз. В монг. яз. означает ‘пещера’, калм. *гу* — долина [КРС 1977: 71], второй компонент *гу* означает ‘русло’ [КРС 1977: 256]; в монг. *гуу*: 1) ров, канава; 2) рама [Исаев 1977: 35]. Значит, можно понимать как «вода из пещеры».

Көдөө — название местности в сыртах². Калм. *көдә* — степь, пустынная местность; поле [КРС 1977: 311], кирг. *көдөө* — трава, монг. *хөдөө* ‘1) провинция, 2) степь’ [Каратаев 2003: 230].

Көк-Кытан — название местности в Тонском рай-не. В калм. *көк хутн* — цапля [КРС 1977: 316], КТТС: «кытан: ак кытан, *көк кытан* — длинноногие, длинноклювые, длинношеие болотные птицы» [Каратаев 2003: 205].

Көк-Ойрок. Компонент *көк* ‘зеленый’ у данного топонима в калм. *көк* и монг. яз. *хөх* 1.1) грудь, сосок; 2) вымя. 2.1) зеленый (о растительности) 2.3) лазурный [Бертагаев 1971: 98], а компонент *ойрок*, *ойрохь* — ближайший, ближний [Исаев 1977: 154].

Көк-Ойрок может быть близок топониму Көк-Айрык. В Кеминской долине имеются перевал, дорога и пастбище с таким названием. В Иссык-Кульской обл. также имеется название пастбищ, а в России, в Ал-

тайском крае, в знаменитое Телецкое озеро впадает речка *Ойрок*, известная также как «Третья речка» (имеет она и другие названия: *Алтын Көд* (южноалт.) и *Алтын нуур* (монг.), оба топонима переводятся как ‘Золотое озеро’).

Көңдөй (Кундуй). В калм. *көндә* — «пустой», «полюй» [КРС 1977: 316]. Этот топоним как название местности, речки, встречается в различных формах в Иссык-Кульской и Нарынской областях.

В словаре К. К. Юдахина: «**Көңдөй** — пустой, полюй». По версии Э. М. Мурзаева, это слово через якут. яз. было принято монг. языком: «Топоним *Көңдөй* имеет два значения: 1) пространство, низина; 2) ущелье, канал. *Хундуй*, *хунды* — широкая падь, широкая долина, просторная котловина между горами» [Мурзаев 1984: 423]; пустой (бур.). Ср. монг. *хөдий* — «ущелье», «долина», «дупло», «пустой», в диал. «пещера», эвенк. *көң[г]дө* — «котловина», «пустота», что заимствовано из якут. *көндөй* — «пустой», «дутый», «полюй», «дуплистый». *Кундуй* — с таким названием имеется река в Бурятии, Иркутской и Читинской областях [Конкобаев 1980: 599]. С таким же названием имеется село в Иркутской области РФ.

По-нашему мнению, *көңдөй* — географический термин, переходящий в топоним. Топонимы *Көңдөй* в Киргизстане появились на основе особенности рельефа местности.

Кудук. *Кудук* — в горах Тасма Тюпского р-на. Калм. *худаг*, монг. *худаг* — колодец [КРС 1977: 607]. В кирг. яз.: *кудук* — зат. *Суу чыгаруу жана суу алып туруу үчүн казылган чуңкур* ‘кудук – сущ. Вырытая яма для употребления воды’ [Каратаев 2003: 256].

Кулгуна — название местности в Тонском районе. В калм. *хулһн* и монг. яз. *хулгана* — мышь [Исаев 1977: 25]. В кирг. *кулгуна* — область шеи [Каратаев 2003: 259].

Кыргыз көлү, Хырхыс-Нуур. Название озера в Монголии. Калм. *нуур* и монг. *нуур* — озеро [Исаев 1977: 147]. Достаточно распространенный термин в тюрко-монгольских языках.

Лама, Ылама — название села Жумгальского района. В калмыцко-русском словаре: *лама* — буддийский монах [КРС 1977: 122].

Существует легенда о девушке-калмычке по имени Лама, которая вышла замуж за

² Сырт — тип нагорья на Тянь-Шане и Восточном Памире, использующегося как высокогорные пастбища.

киргизского джигита и уехала жить в его село (айыл). Увидев, что там люди страдают от нехватки воды, она организовала постройку большого арыка, который обеспечил драгоценной влагой все высокогорное село. В честь этой девушки и был назван этот населенный пункт.

Мукур — название села, речки, озера в Киргизии. Достаточно распространенный термин в топонимике. В калм. *мухр* означает ‘комоль, куций, тупик’ [КРС 1977: 364]. В словаре К. К. Юдахина имеет 3 значения [Мурзаев 1984: 536]. Э. М. Мурзаев в термине *мухар*, *мухор*, *мукур*, *мукур* указывает среди многих значений только: «короткий», «куций», «короткий тупик» (тюрк., монг.). Термин часто употребляется для названия маловодных степных рек и речек, которые в летнее время часто исчезают, пересыхают. В горах так именуют тупиковые ущелья, не имеющие перевалов в своих верховьях [Конкобаев 1980: 382].

В топонимике Горного Алтая встречается слово *мукур/мукр/мухур*. Местное население объясняет его значение как расстояние между большим и согнутым указательным пальцами, то есть мера расстояния (вершок). *Мукур-Таркатты* — букв. короткая (река) Таркатты.

Тюркологи Г. Конкашпаев и Ж. Мукамбаев считают, что слово *мукур* монгольского происхождения [Конкашпаев 1956; Мукамбаев 1976]. Схожее мнение выражают и авторы данной статьи.

Ой. В кирг. яз. является омонимом. В КТТС: *Ой*, зат. *Чуңкурураак болуп кеткен жер, ойдуң* [Каратаев 2003: 458] ‘Ой, суц-е. — Углубление на местности’. В словаре К. К. Юдахина: «*Ой* — низина, впадина, котловина» [Юдахин 1965: 561]. В монг. *ой* — лес, бор, роща [Исаев 1977: 25].

Орой-Суу — перевал в сырте Сары-Джаз (кирг. *Сарыжаз*). Калм. *ора* и монг. *орой* в значении: 1) пик, вершина горы; 2) крыша, макушка [Исаев 1977: 159]. *Орой-Суу* — «стремительная вода».

Салаа. В калм. *сала* — балка, проток [КРС 1977: 436]. В кирг. *салаа* — межгорная ложбина, по которой стекают талые воды.

Салкын-Төр. В калм. *салкн* и монг. яз. *салхи* — ветер, ветреный [Исаев 1977: 176]. В Чуйской обл. определение топонима *төр* означает «пик, вершина горы», а определение *салкын* в кирг. яз. означает ‘прохладный,

свежий’. Значит, *Салкын-Төр* — «прохладный, ветреный пик, вершина».

Сетер (ныне **Сарыбай**) — пастбище у ущелья Ак-Шыйрак Жети-Огузского района. Название речки, зимовки. Слово *сетра* в калм. ‘1. освященный; 2. жертвенное животное’; в кирг. *сетер* ‘скот для жертвоприношения’.

Тегирменти — название местности и речки Иссык-Кульского района. В калм. *теерм* — мельница [КРС 1977: 131]. Монг. *тээрэм* и кирг. *тегирмен* — мельница.

Темир-Көл — название Иссык-Куля появилось в эпоху Джунгарского ханства. В калм. *төмр* и монг. яз. *төмөр* — железо; железный [Исаев 1977: 211].

Тепке — село в Ак-Суйском районе. В калм. *тебке* — деталь калмыцкой домбры [КРС 1977: 487]. В кирг. *тепке* — лестница. Название села, возможно, произошло на основе внешнего сходства.

Чельпек — название населенного пункта. На калм. *целвг* — круглая лепешка. В данной местности проживали и проживают сарт-калмыки, или каракольские калмыки. В настоящее время они ассимилировались среди киргизов. То же самое произошло с сарт-калмыками в Башкирии.

Шылуун. В калм. *шулун* «быстрый, скорый, спешный; *шулун урсхл* — быстрое течение» [КРС 1977: 683]. В монг. *шулуу(н)* — прямой, правдивый, честный [Каратаев 2003: 321].

Эмел — название местности в сыртах. Калм. *эмэл* и монг. *эмээл* означают ‘седло’ [Каратаев 2003: 327]. В кирг. *эмел* — географический термин со значением ‘седло’. Названо на основе внешнего сходства. Произошла метафоризация.

Таким образом, суммируя изложенное, можно констатировать, что в представленном материале монгольские (калмыцкие) топонимы достаточно рельефно просматриваются на фоне межтюркских, в частности тувино-киргизских, онимических параллелей. Рассматриваемый материал может быть использован при изучении не только ареальной топонимики, но и в сравнительно-сопоставительных исследованиях с охватом данных разноструктурных языков. В этой связи необходимо отметить, что для тюрко-монголоязычной топонимии характерно обилие сходных географических названий на всем евразийском ономастическом про-

странстве. Рассматриваемая нами геолокация тюркских и монголоязычных районов Киргизии обнаруживает устоявшиеся параллели в употреблении географических наименований и используемых при этом апеллятивов. На пространстве между двумя регионами обозначенного тюрко-монгольского ареала устоялись процессы «обкатки» моделей используемых топонимических единиц, свидетельствующие о глубоких и устойчивых тенденциях тюрко-монгольского лингвистического взаимодействия.

Геолокативное мышление тюрков и монголов опирается на исторический опыт и сильную визуальную память носителей этих языков, которая свидетельствует о тесных тюрко-монгольских языковых связях. Топонимы остаются консервативной частью лексики, в отличие от, например, антропонимов, попавших под сильное влияние религиозных традиций. Консерватизм данного разряда лексики проявил себя и в новейшее время при замене географических наименований в постперестроечный период, когда возвращались прежние тюрко-монгольские наименования, например, Каракол, Кызыл-Суу и др.

Литература

- Абдрахманов 1975 — *Абдрахманов А. А.* Топонимика и этимология. Алма-Ата: Наука, 1975. 207 с.
- Абдуллаев 2007 — *Абдуллаев С. Н.* О вариантности написания топонимов Иссык-Кульского региона // *Русский язык в образовательном пространстве Центральноазиатского региона СНГ.* Бишкек: Изд-во КРСУ, 2007. С. 173–175.
- Агеева 2012 — *Агеева Р.* Как появились названия рек и озер. Популярная гидронимика. М.: АСТ-Пресс, 2012. 288 с.
- Аристов 2001 — *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Бишкек: Илим, 2001. 578 с.
- Баскаков 1978 — *Баскаков Н. А.* Язык прииссыккульских уйгуров. Алма-Ата: Наука, 1978. 49 с.
- Батманов 1966 — *Батманов И. А.* Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе: Илим, 1966. 360 с.
- Бертагаев 1971 — *Бертагаев Т. А.* Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков.* Л.: Наука, 1971. С. 90–109.
- Владимирицов 2005 — *Владимирицов Б. Я.* Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. 952 с.
- Исаев 1977 — *Исаев Д.* Жер-суу аттарынын сыры (= Тайна водяных коней). Фрунзе: Мектеп, 1977. 45 с.
- Каратаев 2003 — *Каратаев О.* Кыргыз этнонимдер сөздүгү (= Кыргызский этнографический словарь). Бишкек: Манас, 2003. 265 с.
- Кашгари 2012 — *Аль-Кашгари Махмуд.* Түрк тилдеринин сөздүгү (= Словарь тюркских наречий). Перевод: Т. Токоев, К. Кошмоков. Т. II. Бишкек, 2012. 591 с.
- Конкашпаев 1956 — *Конкашпаев Г. К.* Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана // *Известия Ан Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения.* 1956. Вып. 1. С. 85–98.
- Конкобаев 1980 — *Конкобаев К.* Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе: Илим, 1980. 676 с.
- КМРС 1947 — *Краткий монгольско-русский словарь.* М., 1947. 427 с.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь.* М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- КТТС 1969 — *Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү (= Толковый словарь кыргызского языка).* Т. I. Фрунзе: Мектеп, 1969. 622 с.
- Малов 1951 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
- Монраева 2014 — *Монраева Э. М.* Способы образования топонимов Синцзян-Уйгурского автономного района (на примере Боро-Тала-Монгольского и Баян-Гол-Монгольского автономных округов СУАР КНР) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2014, № 8 (38). Ч. 2. С. 93–96.
- Муканбаев 1972 — *Муканбаев Ж.* Диалектологический словарь киргизского языка. Фрунзе: Илим, 1972. 712 с.
- Мурзаев 1970 — *Мурзаев Э. М.* Монгольские элементы в топонимике Киргизии // *Мат-лы к I съезду Кирг. геогр. общества.* Фрунзе: Илим, 1970. С. 7–9.
- Мурзаев 1984 — *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Номинханов 1966 — *Номинханов Ц. Д.* Исследования по тюркским и монгольским языкам. Доклад об опубликованных и выпущенных работах по тюркским и монгольским языкам, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата, 1966. 26 с.

- Ондар 2007 — *Ондар Б. К.* Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2007. 550 с.
- Орузбаева 1995 — *Орузбаева Б. О.* О киргизских и монгольских лексических параллелях в топонимике // *Важнейшие проблемы кыргызского языкознания*: Сб. ст. Бишкек: Илим, 1995. 398 с.
- Поливанов 1991 — *Поливанов Е. И.* Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 623 с.
- Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. Й.* Введение в алтайское языкознание: морфология. М.: Изд-во иностр. литературы, 1957. 255 с.
- Рассадин 2008 — *Рассадин В. И.* О монгольских заимствованиях в тюркских языках Южной Сибири // *Acta Mongolica*. 2008. № 8. С. 2–6.
- РКС 1940 — *Русско-калмыцкий словарь*. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. 328 с.
- Санжеев 1947 — *Санжеев Г. Д.* К тюрко-монгольской лингвистической проблеме // *Труды Московского института востоковедов*. 1947. № 4. С. 3–24.
- Саттаров 1998 — *Саттаров Г. Ф.* Татарская топонимия. Казань: Казанский университет, 1998. 438 с.
- Словарь 1988 — *Словарь географических названий Кыргызской ССР / С. У. Умурзаков, А. А. Кешикбаев, Л. И. Махрина и др.; отв. ред. А. О. Осмонов; Институт геологии АН КиргССР им. М. М. Адышева. Фрунзе: Илим, 1988. 211 с.*
- Строй 1989 — *Строй уйгурского языка*. Алма-Ата: Наука, 1989. 470 с.
- Сулайманова 2009 — *Сулайманова Л. С.* Народные географические термины в топонимии Кыргызстана. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009. 200 с.
- Сыдыков 1983 — *Сыдыков С.* Монгольско-тюркские языковые параллели. Фрунзе: Илим, 1983. 165 с.
- Убрятова 2011 — *Убрятова Е. И.* Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири // *Избр. тр. Исследования по тюркским языкам*. Новосибирск, 2011. С. 58–67.
- Умурзаков 1985 — *Умурзаков С. У.* Этимологические заметки о некоторых топонимах Киргизии / *Ономастика Киргизии*. Фрунзе: Илим, 1985. Вып. 1. С. 35–39.
- Хойт 2008 — *Хойт С. К.* Керенты в этногенезе народов Евразии: историография проблемы. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. 82 с.
- Хонинов 2013 — *Хонинов В. Н.* Лексико-семантическая характеристика калмыцких топонимов // *Нуудэлчдийн ов судлал*. Улан-Батор, 2013. С. 251–260.
- Эшенкулов 1985 — *Эшенкулов Т.* Из опыта составления топонимических карт Киргизии // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*: Тез. 5-й конф. на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985. С. 185–186.
- Юдахин 1965 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.
- Юнусалиев 1959 — *Юнусалиев Б. М.* Киргизская лексикология. Фрунзе: Киргизское гос. учеб.-педагогич. изд-во, 1959. 248 с.

References

- [Concise Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: Foreign and National Vocabularies State Publ. House, 1947. 427 p. (In Mong. and Russ.)
- [Explanatory Dictionary of the Kyrgyz Language]. Vol. I. Frunze: Mektep, 1969. 622 p. (In Kyrg.)
- [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Kirghiz ASSR: a Dictionary of Place (Geographical) Names]. S. U. Umurzakov, A. A. Keshikbaev, L. I. Makhrina et al. (comps.); A. O. Osmonov (ed.). Adyshev Institute of Geology, Kirghiz SSR Academy of Sciences. Frunze: Pim, 1988. 211 p. (In Russ.)
- [Russian-Kalmyk Dictionary]. Moscow: Foreign and National Vocabularies State Publ. House, 1940. 328 p. (In Russ. and Kalm.)
- [Structure of the Uighur Language]. Alma-Ata: Nauka, 1989. 470 p. (In Russ.)
- Abdrakhmanov A. A. [Toponymy and Etymology]. Alma-Ata: Nauka, 1975. 207 p. (In Russ.)
- Abdullaev S. N. Toponyms of Issyk-Kul Region: variety of spellings revisited. In: [Central Asian Region of the CIS: Russian Language in Educational Environment]. Bishkek: Kyrgyz Russian Slavic University, 2007. Pp. 173–175. (In Russ.)
- Ageeva R. [How Names of Rivers and Lakes Appeared: Popular Hyrdonymy]. Moscow: AST-Press, 2012. 288 p. (In Russ.)
- Al-Kashgari M. Compendium of the Languages of the Turks. T. Tokoev, K. Koshmokov (transl.). Vol. II. Bishkek, 2012. 591 p. (In Russ.)
- Aristov N. A. [The Wusun Kuryzes, or Kara-Kyrgyzes]. Bishkek: Pim, 2001. 578 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A. [The Language of Issyk-Kul Uighurs]. Alma-Ata: Nauka, 1978. 49 p. (In Russ.)

- Batmanov I. A. [Turkic Languages of Central Asia and South Siberia: Origins and Formation]. Frunze: Ilim, 1966. 360 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Altaic languages: internal lexical reconstruction and etymology. In: [Altaic Languages: Issues of Commonality]. Leningrad: Nauka, 1971. Pp. 90–109. (In Russ.)
- Eshenkulov T. Compiling toponymic maps of Kyrgyzstan: glimpses of experiences. In: [Areal Studies in Linguistics and Ethnography]. Conf. proc. Ufa, 1985. Pp. 185–186. (In Russ.)
- Isaev D. [*Zher-suu attarynyn syry*: The Mystery of Water Horses]. Frunze: Mektep, 1977. 45 p. (In Kyrg.)
- Karataev O. [Kyrgyz Ethnographic Dictionary]. Bishkek: Manas, 2003. 265 p. (In Kyrg.)
- Khoyt S. K. The Kereits in ethnogenesis of peoples of Eurasia: historiography of the problem. Elista: Kalmyk State University, 2008. 82 p. (In Russ.)
- Khoninov V. N. Lexical and semantic characteristics of Kalmyk toponyms. In: [Investigating Nomadic Tribes]. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 251–260. (In Mong.)
- Konkashpaev G. K. Mongolian toponyms of Kazakhstan. *Izvestiya AN Kazakhskoy SSR*. Ser. 'Philological and Art Studies'. 1956. No. 1. Pp. 85–98. (In Russ.)
- Konkobaev K. [Toponymy of Southern Kyrgyzstan]. Frunze: Ilim, 1980. 676 p. (In Russ.)
- Malov S. E. [Monuments of Old Turkic Script]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1951. 452 p. (In Russ.)
- Monraeva E. M. The ways of toponyms formation of Xinjiang Uighur Autonomous Region (by the example of Bortala Mongol and Bayingholin Mongol Autonomous Prefectures of Xinjiang Uighur Autonomous Region of the People's Republic of China). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2014. No. 8 (38). Part 2. Pp. 93–96. (In Russ.)
- Mukanbaev Zh. [Kyrgyz Dialect Dictionary]. Frunze: Ilim, 1972. 712 p. (In Russ.)
- Murzaev E. M. [Dictionary of Folk Place Names]. Moscow: Mysl, 1984. 653 p. (In Russ.)
- Murzaev E. M. Toponymy of Kyrgyzstan: Mongolian elements. In: [First Congress of Kyrgyz Geographical Society]. Proc. Frunze: Ilim, 1970. Pp. 7–9. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts. D. [Studies on Turkic and Mongolic Languages: a Report on Published Works Submitted as a Doctor of Philology Thesis (Abstract)]. Alma-Ata, 1966. 26 p. (In Russ.)
- Ondar B. K. [Toponymic Dictionary of Tuva]. 2nd ed. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2007. 550 p. (In Russ.)
- Oruzbaeva B. O. Kyrgyz and Mongolian lexical toponymic parallels revisited. In: [Critical Questions of Kyrgyz Linguistics]. Coll. papers. Bishkek: Ilim, 1995. 398 p. (In Russ.)
- Polivanov E. I. [Works on Oriental and General Linguistics]. Moscow: Nauka; GRVL, 1991. 623 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. [Introduction to Altaic Linguistics: Morphology]. Moscow: Inostr. Lit., 1957. 255 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Revisiting Mongolian borrowings in Turkic languages of South Siberia. *Acta Mongolica*. 2008. No. 8. Pp. 2–6. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. The Turko-Mongolian linguistic issue revisited. In: [Transactions of Moscow Institute for Oriental Studies]. Moscow, 1947. Vol. 4. Pp. 3–24. (In Russ.)
- Sattarov G. F. [Tatar Toponymy]. Kazan: Kazan State University, 1998. 438 p. (In Russ.)
- Sulaymanova L. S. [Toponymy of Kyrgyzstan: Folk Place (Geographical) Names]. Bishkek: Kyrgyz Russian Slavic University, 2009. 200 p. (In Russ.)
- Sydykov S. [Turko-Mongolian Language Parallels]. Frunze: Ilim, 1983. 165 p. (In Russ.)
- Ubyratova E. I. The ancient Turkish, Uighur and Kyrgyz languages: their traces in modern languages of Siberia. In: [Selected Works: Studies on Turkic Languages]. Novosibirsk, 2011. Pp. 58–67. (In Russ.)
- Umurzakov S. U. Etymological notes on some toponyms of Kyrgyzstan. In: [Onomastics of Kyrgyzstan]. Frunze: Ilim, 1985. Vol. 1. Pp. 35–39. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Works on Mongolian Linguistics]. Moscow: Vost. Lit., 2005. 952 p. (In Russ.)
- Yudakhin K. K. [Kirghiz-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 973 p. (In Kyrg. And Russ.)
- Yunusaliev B. M. [Kyrgyz Lexicology]. Frunze: Kyrgyz State Educational and Pedagogical Publ., 1959. 248 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 957-965, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-957-965
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81-26

Наименования тарбаганов в монгун-тайгинском говоре западного диалекта тувинского языка

Елена Мандан-ооловна Куулар¹

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-4351-6547. E-mail: kuular-e-m@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Одной из актуальных задач в тувинском языкознании в настоящее время является изучение диалектной лексики, описание ее тематических групп. С начала 2000-х гг. монографически были исследованы термины родства и свойства, лексика животноводства и шаманизма, музыкальная терминология. Имеются статьи, которые посвящены отдельным группам слов. Выбор темы настоящей работы продиктован недостаточным изучением охотничьей лексики как в тувинском языке, так и в его диалектах. Основной целью данной работы является описание одной из лексико-семантических групп охотничьей лексики монгун-тайгинского говора западного диалекта тувинского языка — наименований сурков (тарбаганов). Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: собрать и систематизировать названия тарбаганов, выявить полный список слов; классифицировать их по некоторым дифференцированным признакам; объяснить происхождение диалектизмов. Фактический материал для анализа был собран в полевых условиях во время научно-исследовательских экспедиций, которые были организованы в 2015–2016 гг. при поддержке гранта РГНФ по проекту «Охотничье-рыболовная лексика тувинского языка в сравнении с речью этнических тувинцев Монголии». В работе применены сравнительно-сопоставительный и описательный методы; использовались приемы лингвостатистики, а также различные виды полевой деятельности. *Результаты.* На протяжении многих лет коренное население Монгун-Тайгинского района Республики Тыва наравне со скотоводством в своем хозяйстве особое место отводило промысловой охоте на тарбаганов. Охота на тарбаганов была неразрывно связана со всем укладом их жизни. В статье описываются наименования тарбагана как одного из видов сурков, употребляемые в живой речи местного населения. В состав описываемой тематической группы лексики входят разнообразны названия тарбаганов по полу и возрасту, окраске, а также наименования, связанные с их физическими и «трудовыми» характеристиками. В работе впервые вводится в научный оборот ранее нигде не зафиксированный материал, который свидетельствует о богатстве исследуемого говора этнографическими диалектизмами. В настоящее время тарбаган как исчезающий вид занесён в Красную книгу России. В связи с установлением запрета на охоту на тарбаганов лексика, связанная с этой областью, постепенно может исчезнуть вместе с реалиями. Дальнейшей задачей данного исследования являются сбор, систематизация и анализ других лексико-семантических групп лексики, относящихся к тарбаганам, для составления диалектологического, терминологического словарей.

Ключевые слова: тувинский язык, лексика, диалект, говор, этнографические диалектизмы, наименования тарбагана

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РГНФ по проекту №15-14-170002 «Охотничье-рыболовная лексика тувинского языка в сравнении с речью этнических тувинцев Монголии».

Для цитирования: Куулар Е. М. Наименования тарбаганов в монгун-тайгинском говоре западного диалекта тувинского языка. *Oriental Studies*. 2019;(5): 957–965. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-957-965.

UDC 81-26

Mongun-Taiga Subdialect of the Western Tuvan Dialect: Words Denoting Tarbagan Marmots

*Elena M. Kuular*¹

¹Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

ORCID: 0000-0002-4351-6547. E-mail: kuular-e-m@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Currently, an urgent task in Tuvan linguistics is the study of dialect vocabulary, description of its thematic groups. Since the early 2000s, monographs have investigated terms of kinship and in-law relations, vocabulary of livestock breeding, shamanism, and musical terminology. There are articles examining separate groups of words. The choice of the present topic is caused by that hunting vocabulary — both in the Tuvan language and its dialects — remains understudied. *Goals.* The paper primarily aims is to describe one lexical and semantic group within the hunting vocabulary of the Mongun-Taiga subdialect (western Tuvan dialect) — words denoting Tarbagan marmots. To facilitate this, the study seeks to collect and systematize Tarbagan-related onyms, identify a complete list of such words, classify them by some differentiated features, and explain origins of the dialectisms. *Materials and Methods.* The actual research materials were collected ‘in the field’ during research expeditions organized in 2015-2016 and funded by Russian Humanities Foundation, project name ‘Hunting and Fishing Vocabulary of the Tuvan Language in Comparison with Speech Patterns of Mongolia’s Ethnic Tuvans’. The work employs the comparative and descriptive methods; uses techniques of linguistic statistics, and includes various types of field activities. *Results.* For many years the indigenous population of Mongun-Taiginsky District of the Tyva Republic — along with livestock breeding — was economically engaged in commercial Tarbagan hunting. The article describes words denoting Tarbagan marmots used in speech patterns of the local population. The described lexical-thematic group includes a wide variety of names distinguished by sex and age, color, physical and ‘labor’ characteristics. The paper introduces into scientific circulation some previously unpublished materials that show the investigated dialect is abundant in ethnographic dialectisms. Nowadays, Tarbagan marmots are an endangered species listed in the Red Book of Russia. The established ban might result in that vocabulary associated with Tarbagan hunting gradually disappear. The research project shall further collect, systematize and analyze other Tarbagan-related lexical and semantic clusters for the compilation of dialectological and terminological dictionaries.

Keywords: Tuvan language, vocabulary, dialect, subdialect, ethnographic dialectisms, words denoting Tarbagan marmots

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Humanities Foundation, project number 15-14-170002 ‘Hunting and Fishing Vocabulary of the Tuvan Language in Comparison with Speech Patterns of Mongolia’s Ethnic Tuvans’.

For citation: Kuular E. M. Mongun-Taiga Subdialect of the Western Tuvan Dialect: Words Denoting Tarbagan Marmots. *Oriental Studies*. 2019;(5): 957–965. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-957-965.

Введение

Монгун-Тайгинский район Республики Тыва — самый удаленный от центра высокогорный район республики. Так он назван в честь вечного ледника *Мөңгүн-Тайга*, что в переводе с тувинского означает «Серебряная гора», высота горы достигает 3 976 м над уровнем моря. Также она считается высочайшей вершиной Восточной Сибири. Район Монгун-Тайга приравнен к районам Крайнего Севера. Климат в нем суровый — продолжительная холодная зима и очень короткое холодное лето, также он характеризуется постоянными ветрами [Дыртык-оол, Айыжы 2009: 5]. Граничит Монгун-Тайгинский район с Республикой Алтай и северо-западными Убсунурским и Баян-Ульгийским аймаками (районами) Монголии. Численность населения района в настоящее время составляет свыше 6 тыс. чел. В Монгун-Тайге с давних времен живут представители тувинских родоплеменных групп *иргит*, *хертэк*, *салчак*, *донгак*, *саая*, *хомушку*.

Следует отметить также то, что к Монгун-Тайгинскому району примыкает сомон Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии, где проживают малочисленные этнические тувинцы. Этнограф М. В. Монгуш в своей работе отмечает то, что «многие тувинцы, живущие в Цэнгэле, утверждают, что раньше, когда еще не было установлено государственных границ между Тувой, т. е. Россией, и Монголией, их земли считались частью тувинской территории. Установление границ между двумя странами привело к тому, что они оказались на монгольской территории» [Монгуш 2013].

Монгун-Тайгинский район отличается уникальным разнообразием флоры и фауны. Здесь обитает тарбаган — млекопитающее рода сурков. Тарбагана называют сибирским (или монгольским) сурком. Этот представитель отряда грызунов встречается и на территории, расположенной вдоль границы с Монголией, — в Овюрском, Тес-Хемском, Эрзинском и Тере-Хольском районах [Даржа 2009: 471].

На территории Цэнгэльского сомона Монголии также обитают тарбаганы — сле-

довательно, в речи этнических тувинцев испокон веков и по настоящее время употребляется уникальная лексика, относящаяся к тарбаганам. В настоящей работе в качестве сравнительного материала будут использованы отдельные слова и словосочетания, зафиксированные местным ученым Бадарч Баярсайханом [Салчак, Монгуш, Баярсайхан 2010: 74–75].

В названных выше районах из-за калорийного мяса, жира и меха сурки издавна стали объектом охоты. Для коренного населения *тарбаган ээди* ‘тарбаганье мясо’ и блюда из него считаются настоящим деликатесом. Высокие лечебные свойства имеют *тарбаган үзү* ‘сурочий жир’ и *тарбаган өдү* ‘желчь тарбагана’. Наравне с современной медициной монгун-тайгинцы продолжают использовать их в качестве лечебных средств народной медицины. Из шкурки в прежние времена шили национальные шапки *тарбаган кежи бөрт*. По словам заядлых охотоведов, тарбаган для местных жителей — священное животное, они уважительно относятся к тарбагану [Даржа 2009: 471–476].

Речь жителей Монгун-Тайгинского района в языковом, в том числе диалектном, плане не была изучена, имеются лишь фрагментарные сведения начала 60-х гг. XX столетия. Первые исследования речи носителей западного диалекта тувинского языка изложены в работе Г. Ф. Бабушкина [Бабушкин 1961].

В более позднее время в вузовском учебном пособии «Тувинская диалектология» профессора Шулуу Сата были освещены некоторые диалектные особенности указанного диалекта; в эту книгу были включены образцы речи жителей Монгун-Тайги. Речь жителей данного района по классификации Ш. Ч. Сата именуется как монгун-тайгинский говор западного диалекта тувинского языка [Сат 1987: 51–53], он отличается от литературного языка и других тувинских диалектов наличием огромного количества этнографических диалектизмов. По указанной теме имеются и отдельные статьи автора настоящей работы.

В статье «*Мөген-Бүрен кожаңнарының дылының онзагайы*» («Особенности языка частушек Моген-Бурена») проанализированы использованные в народных частушках фонетические, лексические и морфологические диалектизмы [Куулар 2008: 131–137]. В другой работе исследована охотничья лексика монгун-тайгинского говора в сравнении с лексикой тувинского литературного языка и других диалектов [Куулар 2012: 22–26].

Целью настоящей статьи является систематизация и описание наименований тарбагана в монгун-тайгинском говоре западного диалекта тувинского языка, встречающихся в речи охотников на тарбагана. Данная тематическая группа слов как в целом в тувинском языкознании, так и в частности в тувинской диалектологии еще не была предметом научного исследования. Одна из актуальных задач работы заключается в фиксации и введении в научный обиход ранее не публиковавшихся материалов исчезающего пласта базовой лексики, связанного с наименованиями степных сурков.

Материалы изучаемой группы лексики были собраны автором в сумонах Мугур-Аксы, Кызыл-Хая Монгун-Тайгинского района во время диалектологических экспедиций в период 2015–2016 гг.

Основная часть

Ввиду того, что одним из основных занятий местного населения с давних времен была промысловая охота на тарбаганов, монгун-тайгинский говор располагает соответствующей специальной лексикой. Далее рассмотрим наименования тарбагана, встречающиеся в речи местных охотников Монгун-Тайгинского района. Следует отметить, что анализируемые названия являются одновременно этнографическими диалектизмами, которые не имеют аналогичных вариантов ни в современном тувинском литературном языке, ни в других диалектах. Большая часть анализируемой лексики известна лишь носителям монгун-тайгинского говора и имеет узколокальный характер.

В качестве родового наименования носителями говора используется слово *тарбаган*, оно представлено как в современном русском литературном языке, так и в современном тувинском.

А. Е. Аникин в этимологическом словаре русских диалектов Сибири объясняет происхождение слова *тарбаган*. По его мнению, оно заимствовано из монгольского языка «...тув. *тарбаган* < монг. *тарвага* (н), п.-монг. *tarbaya*(н) ‘степной сурок’» [Аникин 2000: 535].

В тувинско-русском словаре из этой тематической группы слов зафиксировано всего две лексемы: *тарбаган* ‘сурок’ // тарбаганий, суроковый, сурочий [ТРС 1968: 408], *мөнделе* ‘детеныш сурка’ [ТРС 1968: 301].

В более позднее время поочередно вышли в свет четыре тома «Этимологического словаря тувинского языка» ученого-тувиноведа Б. И. Татаринцева, в них включены четыре лексемы [Татаринцев 2000; Татаринцев 2002; Татаринцев 2004; Татаринцев 2008].

Половозрастные названия тарбаганов

По мнению В. Даржа, в Туве существует своя, сложившаяся с давних пор система обозначений и идентификации зверьков. Любой охотник был способен по внешнему виду определить пол и возраст сурка, это было необходимо для того, чтобы безошибочно выявлять особей, пригодных для отстрела [Даржа 2009: 471].

В исследуемом говоре при наименовании тарбаганов, как и в отношении других диких или домашних животных, находим противопоставление лексем, которые указывают на половую принадлежность: *эр тарбаган* ‘самец сурка’ и *кыс тарбаган* ‘самка сурка’. Как видно из примеров, при определении пола употребляются обшкетюрские слова *эр* ‘мужской (пол)’ и *кыс* ‘женский (пол)’.

В тувинском языке, как и в языках всех кочевых народов, одна и та же лексема может одновременно указывать на пол и возраст. В исследуемом говоре для дифференцированного названия тарбагана употребляются следующие слова и словосочетания.

Мөнделе (м.-т., өв.) / *мөндегене*, *мөндүл* (т.-х.) / *мөндүле* (цэнг.) лит. *тарбаган оглу* — детеныш тарбагана этого года рождения или родившийся весной, т. е. не достигший годовалого возраста. Это общее наименование для самки и самца, половая принадлежность для данного периода развития тарбагана не имеет особого значения.

Б. И. Татаринцев в своем словаре объясняет этимологию данного слова таким образом: «Алтайский *мөндөлө* и тувинский *мөндөле* ‘сурчонок (сурок-детеныш)’ варианты возводятся к монгольскому *möndöl* / *мөндөл* <...> Происхождение рассматриваемых названий детенышей связано с представлением о чем-либо округлом и с соответствующими образными формами типа монгольского *möndüji-* / *мөндийх* ‘иметь округлую форму’» [Татаринцев 2008: 159].

Параллельно со словом *мөндөле* в говоре употребляются местные названия: *чи-жик ацнар* ‘мелкие животные’, т. е. маленькие по размеру тарбаганы, также изафетное сочетание *тарбаган оглу* — *букв.* ‘детеныш тарбагана’.

Сыңғый (цэнг.) лит. *бир харлыг тарбаган* ‘годовалый тарбаган’.

Бардам (м.-т., эрз., цэнг., өв.) / *бартам* (т.-х.) (< монг. *барда-* ‘чваниться, кичиться, гордиться; хвастаться, бахвалиться’) лит. *ийи харлыг тарбаган*. По определению В. Даржа, словом «*бардам* называют вышедшего весной из норы детеныша тарбагана *мөндөле*, который осенью лег спать в нору и прозимовал одну зиму» [Даржа 2009: 475]. Данное наименование характеризует повадки молодого гордого, самонадеянного сурка, который ничего вокруг себя не замечает, забывает даже о своей безопасности.

Көпсел / *көпсел* (м.-т.) / *деъспел* (эрз., цэнг.) / *кепсел* (цэнг.) / лит. *үш харлыг тарбаган* — четырехлетний сурок. Происхождение слова пока не ясно, в имеющихся словарях тувинского языка оно не зафиксировано. В тере-хольском диалекте зафиксировано описательное название четырехгодовалого тарбагана, скорее всего оно монгольского происхождения: *шар-хацыр* — *букв.* ‘желтая щека’.

Сарыг-кудурук (*букв.* ‘желтый хвост’) — описательное наименование старого тарбагана.

Муързу (м.-т., цэнг.) / *бурху* / *бургу* (эрз.) лит. *аскыр тарбаган* — зрелый, достигший четырехлетнего возраста сурок-самец. Слово заимствовано из монгольского языка, *burqi* / *burxi* ‘старый матерый тарбаган-самец, сурок-самец’ [Татаринцев 2008: 197].

Көръзай тарбаган — *букв.* ‘тарбаган с длинными неровными зубами’, очень редко встречающийся среди сурков взрослый тарбаган.

Территория Цэнгэла изобилует тарбаганами, речь коренных тувинцев сомона также отличается богатством исследуемой нами лексико-семантической группы слов. Это можно продемонстрировать следующими примерами: *хара худурук* *букв.* ‘черный хвост’ лит. *дөрт харлыг тарбаган* ‘четырёхлетний сурок’, *чоон тарбаан* *букв.* ‘толстый тарбаган’ лит. *назы четкен тарбаган / чедишкен тарбаган* *букв.* ‘дошедший’, т. е. ‘взрослый тарбаган’. Охотники-информанты говорят, что с этого периода можно считать тарбагана взрослым и на него можно уже охотиться.

В статье Б. Баярсайхана отмечены описательные наименования, которые указывают на тарбаганов шести, семи и восьми лет соответственно: *сарыг-кудурук* (цэнг.) *букв.* ‘желтый хвост’ лит. *беш харлыг тарбаган, сарыг-бөксе* (цэнг.) *букв.* ‘желтая грудь (у тарбагана)’ лит. *алды харлыг тарбаган, сарыг-бел* (цэнг.) *букв.* ‘желтая поясница (у тарбагана)’ лит. *сес харлыг тарбаган* [Баярсайхан 2010: 76].

Далее остановимся на наименованиях сурков женского пола.

Көгүүле — (м.-т., цэнг.) / *көгүүле* (эрз.) / *хөхүл* / *көхүү* (т.-х.) лит. *оолдарлыг тарбаган* — самка сурка, принесшая и выкормившая за лето потомство, т. е. самка сурка, имеющая детенышей. В говоре эта лексема является монгольским заимствованием, «ср. бур. *хүхүүли* ‘сосун(ок) (при названиях детенышей животных); кормящая своим молоком’, монгол. *kökügil* / *хөхүүл* ‘кормящая своим молоком; грудной (о ребенке)’, калм. *көкүл* [көкүүл] ‘грудной (о ребенке)’ [Татаринцев 2008: 224].

Даъчы / *сувай-даъчы* (м.-т.) / *дачы* / *датчы* (эрз.) / *дарча* (цэнг.) лит. *төрүвээн кыс тарбаган* — сурок-самка, в силу своих физиологических особенностей она не может принести потомство.

Кыгзыр тарбаган — яловый, т. е. тарбаган, не принесший в этом году детеныша.

Слово *даъчы* неизвестного происхождения, в словарях оно не представлено. А первый компонент составного термина *сувай-даъчы* в тувинском языке используется для обозначения бесплодного домашнего животного, например, *сувай инек* ‘яловая корова’. Лексема *сувай* ‘бесплодный, яловый’ в тувинском языке является монгольским заимствованием.

В этой лексико-семантической группе слов нами проанализировано всего 8 лексем. Четыре из них заимствованы из монгольского языка, при заимствовании они подверглись звуковым изменениям согласно фонетическому строю тувинского языка. А составные описательные наименования *сарыг-кудурук*, *чижик аңнар* имеют тюркское происхождение.

Названия тарбаганов по окраске

Волосистой покров тарбагана густой, высокий, мягкий. Окраска волосистого покрова тарбагана обычно бывает песочно-желтоватого цвета с рыжеватым или буроватым оттенком, шерсть на лапах рыжая, а на конце хвоста и голове — темная. Зимой цвет шерсти становится более светлым, а ближе к осени — коричневатым.

По словам информантов, на территории Монгун-Тайгинского района обитают два подвида тарбагана: *ак тарбаган* (букв. ‘белый сурок’) и *кара тарбаган* (букв. ‘черный сурок’). *Ак тарбаган* обитает в близлежащих местечках от районного центра Мугур-Аксы. Окрас спины у них *сарыг-хурең* ‘желто-коричневый’, бока *чырык сарыг* ‘светло-рыжий’, а живот *сарыг-куу* ‘серо-желтый’ [Куулар 2012: 25].

Кара тарбаган населяет западные высокогорные местности Моген-Бурена, которые граничат с территорией Горного Алтая. Его окраска на спине изменяется от желтовато-коричневой с черной рябью до темно-коричневой.

С июня по август у взрослых особей тарбагана начинается линька, которая происходит один раз в году. Начинается линька недели через три после выхода из нор после спячки, заканчивается за четыре недели до залегания в нее.

В говоре существуют специфические описательные наименования в зависимости от того, в какой части тела остались волоски, а в какой уже выпали. Нами зафиксировано три лексемы.

Бажы-сарыг — букв. ‘желтые кончики’. Первая часть слова *баи* в тувинском языке имеет много значений, в данном случае употреблено в значении ‘кончик’. У таких тарбаганов, как отмечают информанты, зимняя шерсть начинает терять блеск и постепенно редеть, светло-желтые волоски остаются лишь на голове, на кончиках пе-

редних и задних лап и на конце хвостика [Куулар 2012: 24].

Белдир-ала — букв. ‘пестрая талия’, где *белтир* ~ *белдир* связывается с общетюркским *бел* ‘талиа, поясница’, а также ‘середина, половина’ [Татаринцев 2000: 211]. В июле у тарбагана частично сменяется шерстяной покров, а на пояснице появляются проплешины, шерсть становится редкой, сухой, меняется окраска меха.

Шылба-көк — в конце второй декады августа у этих сурков шерстяной покров сменяется полностью, на его месте вырастает новая шерсть. Информанты не смогли нам объяснить толкование данного составного наименования. Первый компонент сложного слова в словарях не зафиксирован, значение его неизвестно. А вторая часть *көк* ‘голубой, синий’ в тувинском языке обозначает цвет. В составе данного слова эта часть, по-видимому, выражает какое-то дополнительное значение.

В речи коренного населения Цэнгэла встречаются диалектизмы, обозначающие состояние волосистого покрова тарбагана в зависимости от процесса линьки.

Ак-көрсүн (< монг. *хөрс* ‘кожа’) букв. ‘белая кожа’ лит. *дүгү чедишпээн тарбаган* — это сурок, который полностью отчистился от старых волос, а новые только начинают подрастать. На теле такого тарбагана образуются проплешины — голые участки кожи.

Хара-көрсүн букв. ‘черная шерсть’ лит. *дүгү чедишкен тарбаган* — у этих тарбаганов состояние мехового покрова хорошего качества, можно сказать, полностью созревший.

Сарыг-салдырга букв. ‘желтая борода’ — у таких тарбаганов на подбородке появляются еле заметные желтые бородки, а сурков с темными бородками называют *хара-салдырга* букв. ‘черная борода’.

Сарыг-хээк букв. ‘желтый висок’, *хара-хээк* букв. ‘черный висок’ — такими словосочетаниями называют тарбаганов, у которых голова, спина, брюхо стали пестрыми от смеси старых и новых волос.

Шкурки тарбаганов ценились охотниками с давних времен, особое внимание обращали на прочность меха, густоту шерстного покрова и окраску. Так, цэнгэльские тувинцы различают два вида тарбагана: *хара-баи*

букв. ‘черная голова’ и *калдар-баш* букв. ‘пестрая голова’.

В целом следует отметить, что часть цэнгэльских описательных наименований тарбаганов по их окраске неизвестны тувинскому читателю, они отмечены лишь в статье местного ученого Б. Баярсайхана [Баярсайхан 2010: 77].

Перечисленные выше наименования образованы путем описания основного цвета шерстяного покрова тарбагана. Слова, которые обозначают такие основные цвета и различные части тела, как *баш*, *бел*, *сагылдырга*, являются тюркизмами.

Наименования тарбаганов по признакам, актуальным для охоты

Тарбаган — объект промысловой охоты. В былые времена среди охотников на тарбагана существовали неписанные правила, которые всеми соблюдались беспрекословно, т. е. охота строго контролировалась. Например, это касалось сезона охоты. На тарбаганов охотились в первые дни после их выхода на поверхность, затем после первой декады августа и до залегания их в зимнюю спячку. Охота велась исключительно на взрослых и упитанных тарбаганов.

В речи диалектоносителей употребляются следующие описательные названия.

От сирер үези (букв. ‘время усвоения травы’ или ‘отлежка’) — это время накопления жира тарбаганами.

Чөреме чеде берген тарбаган — букв. ‘более или менее упитанный тарбаган, из внутренностей которого можно приготовить *чөреме*’. *Чөреме* — накрошенные на мелкие куски и отваренные внутренности тарбагана, национальное блюдо из потрохов тарбагана.

Шокар-боостaa — букв. ‘пестрая глотка / горловина’. По мнению Б. И. Татаринцева, «к тувинскому *боостaa* по форме ближе всего отмеченное В. Я. Бутанаевым хакасское слово *моостaa* ~ *поостaa* ‘горловина (коровы, быка)’» [Татаринцев 2000: 250]. Выходит, *шокар-боостaa* — это достаточно упитанный тарбаган, у которого довольно-таки круглая горловина.

Муңгаш-боостaa — букв. ‘закрытая глотка / горловина’ — это очень жирный, толстый и крепкий тарбаган, из-за толстого слоя жира его короткой шеи бывает почти не видно.

Үс-докпак — букв. ‘жирная колотушка; ступа’ — эвфемистическое название тарбагана средней упитанности. Второй компо-

нент сложного слова *докпак* употреблен в переносном значении, в данном случае перенос основан на сходстве предмета [Татаринцев 1987: 52], т. е., по описанию информантов, осенью жирный тарбаган в стоячем положении (когда стоит на задних лапках) похож на ступу.

Чаг-докпак — ‘сальная колотушка; ступа’ — эвфемистическое название очень жирного тарбагана.

Здесь рассмотрено 6 лексем, в большинстве своем тюркского происхождения. Образованы они по модели «определение и определяемое слово», т. е. «имя прилагательное + имя существительное», «причастие + имя существительное».

Наименования тарбаганов по «трудовым» функциям

Живут тарбаганы — обитатели степных склонов — целыми семьями в *үңгүрлер* ‘нора’. Они бывают двух видов: *кышкы үңгүрлер* ‘зимние норы’, устроенные наиболее сложно, вырытые глубоко; и *чайгы үңгүрлер* ‘летние норы’ — небольшого размера с короткими проходами, их еще называют *түр када чурттаар үңгүр* ‘временное жилье’ [Куулар 2012: 23–24].

Заядлые охотники на тарбаганов рассказывают, что перед уходом на зимнюю спячку сурки, распределяя между собой работу, очень усердно трудятся. Все входы в нору тарбаганы заделывают перемешанной с травой и камнями землей, образуя тем самым плотную пробку. По результатам многолетних собственных наблюдений местные охотники давали им описательные названия по некоторым признакам.

Сиген өөр тарбаган — букв. ‘тарбаган, разминающий траву’. Перед спячкой тарбаганы расчищают норы и носят сухую траву в *уя* ‘гнездовая камера’ для подстилки. В заготовке подстилки участвуют все члены семьи, при этом грубые стебли старательно разминают — лапками трут о брюхо. Обнаружив тарбаганов без волосяного покрова на животе, по бокам, охотники называли их *сиген өөр тарбаган*.

Ажылчын тарбаган — букв. ‘трудюбивый, работающий сурок’ / *дуг дуглаар тарбаган* — это тот сурок, который закрывает вход в зимнюю нору. У такого тарбагана передние лапки от продолжительного контакта с почвой становятся мозолистыми, когти — сломанными.

В своем словаре Б. И. Татаринцев дает этимологию диалектного слова *дуг / туг* 'закрытый, заваленный вход в нору; крышка' (*дугла* 'закрывать, прикрывать, заслонять; перегораживать; забивать, затыкать, заделывать') и указывает на то, что тувинское *дугла* — как производное от именной основы *дуг ~ туг* в ряду других соответствий со значениями 'запруживать; перегораживать; закрывать' приведено в работе «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортяна¹ [Татаринцев 2002: 254–255].

Дуг ажыдар тарбаганнар — эти тарбаганы, проскребая рядом с зимней пробкой землю, первыми выходят на поверхность после спячки; их определяют по сломанным коготкам.

Таким образом, на примере наименований тарбаганов в монгун-тайгинском говоре западного диалекта тувинского языка видим, что половозрастные названия тарбаганов в большинстве своем заимствованы из соседнего монгольского языка. В процессе функционирования монголизмы подверглись некоторым изменениям на фонетическом уровне. Оставшаяся часть анализируемой лексики представлена определительными сочетаниями (именными композитами), среди

которых преобладают народные названия, и они имеют общетюркскую основу. Интересным представляется способ наименования тарбаганов по упитанности, т. е. использование эвфемистических названий тарбаганов.

Заключение

Предварительный анализ лексического материала показывает, что монгун-тайгинский говор западного диалекта тувинского языка отличается от литературного тувинского языка и других диалектов наличием большого количества этнографических диалектизмов. В настоящей статье описаны лишь наименования тарбаганов по половозрастным и другим дифференцированным признакам.

В связи с тем, что тарбаганы занесены в Красную книгу России, охота на тарбаганов в настоящее время запрещена. Следовательно, со временем эта уникальная и специфическая лексика может навсегда исчезнуть из языка вместе с реалиями. Пока имеется возможность, следует более глубоко и системно изучить диалектную лексику для дальнейших исследований не только в области тувинского языка, но и современных тюркских языков, языковых контактов тюркского и монгольского народов.

Сокращения¹

лит. — литературный язык,
м.-т. — монгун-тайгинский говор,
өв. — овюрский говор,
т.-х. — тере-хольский диалект,
цэнг. — цэнгельский диалект,
эрз. — эрзинский говор.

Литература

Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 773 с.
Баярсайхан 2010 — Баярсайхан Б. Сеңгел тываларында аң, балык, куштарның база аңнаар херекселдерниң аттары» (= Наименования зверей, рыб, птиц и орудий ловли (в речи цэнгельских тувинцев) // *Салчак В. С., Монгуш Б. Б., Баярсайхан Б. Тываларның аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер* (= Некоторые сведения об охотничьем хозяйстве тувинцев). Кызыл: Аныяк, 2010. С. 74–80.

Бабушкин 1961 — Бабушкин Г. Ф. Материалы по Монгун-Тайгинскому говору // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. IX. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1961. 108 с.

Даржа 2009 — Даржа В. К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. I. Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл: Тувинское кн. изд-во. 592 с.

Дыртык-оол, Айыжы 2009 — Дыртык-оол А. О., Айыжы Е. В. Общетрадиционная культура тувинцев Монгун-Тайгинского кожууна. Кызыл: Аныяк, 2009. 100 с.

Красная книга 2001 — Красная книга Российской Федерации (животные) / РАН; Гл. редкол.: В. И. Данилов-Данильян и др. М.: АСТ: Астрель, 2001. 862 с.

Куулар 2008 — Куулар Е. М. Мөген-Бүрен кожандарының дылының онзагайы (= Особенности языка частушек Мөген-Бүрена) // Ученые записки: Ежегодник кафедры тувинского языка ТывГУ. Вып. II. Кызыл: ТывГУ, 2008. 187 с.

Куулар 2012 — Куулар Е. М. Мөнгүн-Тайга аялгазында аңныыр лексиказы (= Охотничья лексика в монгун-тайгинском говоре) //

¹ См.: [ЭСТЯ 1980: 293].

- Эртем бижиктери: V-ки үндүрүлгези (Ученые записки, вып. V). Кызыл: ТывГУ, 2012. С. 22–26.
- Монгуш 2013 — *Монгуш М. В.* У тувинцев Цэнгэла [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. 2013. С. 26–43. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_18/6240-mongush1.html#sel=3:1.3:3 (дата обращения: 18.08.2019).
- Салчак, Монгуш, Баярсайхан 2010 — *Салчак В. С., Монгуш Б. Б., Баярсайхан Б.* Тываларның аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер (= Некоторые сведения об охотничьем хозяйстве тувинцев). Кызыл: Аныак, 2010. 83 с.
- Сат 1987 — *Сат Ш. Ч.* Тыва диалектология. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1987. 229 с.
- Татаринцев 1987 — *Татаринцев Б. И.* Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. 197 с.
- Татаринцев 2000 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. I. А-Б. Новосибирск: Наука, 2000. 341 с.
- Татаринцев 2002 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. II: Д, Ё, И, Й. Новосибирск: Наука, 2002. 388 с.
- Татаринцев 2004 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. III. К, Л. Новосибирск: Наука, 2004. 439 с.
- Татаринцев 2008 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. IV. М, Н, О, Ө, П. Новосибирск: Наука, 2008. 441 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.
- ЭСТЯ 1980 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д» (Т. 3) / АН СССР. Ин-т языкознания; ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1980. 395 с.
- [Russian Red Data Book (Animals)]. Russian Academy of Sciences. V. Danilov-Danilyan et al. (eds.). Moscow: AST: Astrel, 2001. 862 p. (In Russ.)
- [Tuvan-Russian Dictionary] E. Tenishev (ed.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 646 p. (In Tuv. and Russ.)
- Anikin A. E. [Etymological Dictionary of Russian Siberian Dialects: Borrowings from Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic Languages]. Moscow: Novosibirsk: Nauka, 2000. 773 p. (In Russ.)
- Babushkin G. F. Materials on the Mongun-Taiga subdialect. In: [Tuvan Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes]. Vol. IX. Kyzyl: Tuvan Research Institute of Language, Literature and History, 1961. 108 p. (In Russ.)
- Bayarsaykhan B. Speech patterns of Tsengel Tuvans: words denoting animals, fish, birds and related hunting (fishing) instruments. In: Salchak V. S., Mongush B. B., Bayarsaykhan B. [Something of Tuvan Hunting Economy]. Kyzyl: Anyyak, 2010. Pp. 74–80. (In Tuv.)
- Darzha V. K. [Traditional Tuvan Men's Activities]. Vol. I: 'Household Plot. Hunting. Fishing'. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2009. 592 p. (In Russ.)
- Dyrtk-ool A. O., Aiyzhy E. V. [Tuvans of Mongun-Tayginsky District: Common Traditional Culture]. Kyzyl: Anyyak, 2009. 100 p. (In Russ.)
- Kuular E. M. Mogen-Buren's chastushkas: linguistic peculiarities. In: [Scholarly Notes: Yearbook of Tuvan Language Department, Tuvan State University]. Vol. II. Kyzyl: Tuvan State University, 2008. 187 p. (In Tuv.)
- Kuular E. M. Mongun-Taiga subdialect: hunting vocabulary. In: [Scholarly Notes]. Vol. V. Kyzyl: Tuvan State University, 2012. Pp. 22–26. (In Tuv.)
- Mongush M. V. At Tuvans of Tsengel. *The New Research of Tuva*. 2013. No. 2. Pp. 26–43. An Internet resource: https://www.tuva.asia/journal/issue_18/6240-mongush1.html#sel=3:1.3:3 (accessed: August 18, 2019). (In Russ.)
- Salchak V. S., Mongush B. B., Bayarsaykhan B. [Something of Tuvan Hunting Economy]. Kyzyl: Anyyak, 2010. 83 p. (In Tuv.)
- Sat Sh. Ch. [Tuvan Dialectology]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1987. 229 p. (In Tuv.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning With the Letters 'B', 'Г' and 'Д' (Vol. 3)]. USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. N. Gadzhieva (ed.). Moscow: Nauka, 1980. 395 p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. I: 'A-B'. Novosibirsk: Nauka, 2000. 341 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. II: 'Д, Ё, И, Й'. Novosibirsk: Nauka, 2002. 388 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. III: 'К, Л'. Novosibirsk: Nauka, 2004. 439 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. IV: 'М, Н, О, Ө, П'. Novosibirsk: Nauka, 2008. 441 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Tuvan Language: Semantic Ties and Relations of Words]. Moscow: Nauka, 1987. 197 p. (In Russ.)

References

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 966-973, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-966-973
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512

Социативная каузация в бурятском языке

Елена Александровна Дадуева¹, Дарима Шагдуровна Харанутова²

¹ Бурятский институт инфокоммуникаций Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики в г. Улан-Удэ (д. 152, ул. Трубочеева, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент кафедры
 ORCID: 0000-0002-2562-7331. E-mail: edadueva@yandex.ru

² Бурятский государственный университет (д. 24, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент
 ORCID: 0000-0001-5692-5393. E-mail: dkharanutova@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В работе поднимаются проблемы семантики и функционирования социативного каузатива в бурятском языке. При социативной каузации наблюдается совмещенность каузирующей и каузируемой ситуации в пространстве и времени, при этом каузируемый объект наделен волей и может контролировать процесс. Основной целью работы является выявление особенностей функционирования социативного каузатива в бурятском языке, в котором данная проблема ранее не рассматривалась. *Материалы и методы.* Материалом исследования послужили примеры из художественных произведений, размещенных в Электронном корпусе бурятского языка. Использованы методы контекстного и дистрибутивного анализа. *Результаты.* В соответствии с континуальной шкалой семантических типов каузации в бурятском языке правомочно выделение трех значений социативной каузации: «совместное действие» (joint action), «ассистив» (assistive) и «надзор» (supervision). В работе отмечается, что социативный каузатив в бурятском языке меняет событийную и ролевую структуру каузативной конструкции. Исследование показало, что особенностью ролевой структуры совместного действия является то, что каузатор и каузируемый объект выполняют одни и те же или похожие действия, при ассистиве место каузатора занимает помощник, каузатор здесь получает роль дополнения, надзор же предполагает смену роли каузатора на роль наблюдателя. Установлено, что социативность в бурятском языке связана с семантикой совместного и взаимного залогов. Рассмотрены особенности конструкций с разной семантикой социативного каузатива. Выявлено, что наиболее частотное выражение значения совместного действия посредством конструкций с совместным падежом, а ассистивности — конструкциями с дательным падежом. Значение надзора реализуется в основном в полипредикативных конструкциях.

Ключевые слова: каузативность, каузативный глагол, социативная каузация, совместное действие, ассистивность, прямая каузация, непрякая каузация, категория залога

Для цитирования: Дадуева Е. А., Харанутова Д. Ш. Социативная каузация в бурятском языке. *Oriental Studies*. 2019;(5): 966-973 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-966-973.

UDC 811.512

Sociative Causation in the Buryat Language

Elena A. Dadueva¹, Darima Sh. Kharanutova²

¹ Buryat Institute of Infocommunications, Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences (152, Trubacheev St., Ulan-Ude 670031, Russian Federation);
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID-0000-0002-2562-7331. E-mail: edadueva@yandex.ru

² Buryat State University (24, Smolin St, Ulan-Ude 670000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Associate Professor
E-mail: dkharanutova@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The paper deals with semantics and functioning of the sociative causative in the Buryat language. Sociative causation implies a combination of the causing and caused situations in space and time, the caused object being endowed with will and able to control the process. *Goals.* The study primarily seeks to identify functioning features of the Buryat sociative causative, since the aspect has not been duly examined yet. *Materials and Methods.* The work analyzes fiction texts included in the online Buryat Corpus, employs the methods of contextual and distributive analysis. *Results.* The paper notes that the sociative causative changes the event and role structures of the causative construction. According to the continual scale of semantic types of causation, three meanings of sociative causation can be distinguished in the Buryat language, namely: ‘joint action’, ‘assistive’ and ‘supervision’. The study shows that the role structure of joint actions is characterized by that both the causator and object of causation perform same or similar actions, in assistive patterns an assistant replaces the causator and the latter here takes on the role of complement, supervision also implies that the causator turns into an observer. It is concluded that sociativeness in the Buryat language is associated with semantics of active and passive voices. Special attention is paid to constructions with different semantics of the sociative causative. The work reveals the meaning of joint action is most frequently expressed by means of joint case constructions, and that of assistivity by dative case ones. The meaning of supervision is basically manifested through poly-predicative constructions.

Keywords: causativity, causative verb, sociative causation, joint action, assistive, direct causation, indirect causation, category of voice

For citation: Dadueva E. A., Kharanutova D. Sh. Sociative Causation in the Buryat Language. *Oriental Studies*. 2019;(5): 966-973 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-966-973.

Введение

В современных исследованиях по актантной деривации активно обсуждается проблема семантических и синтаксических коррелятов широко засвидетельствованного противопоставления контактных (прямых) и дистантных (непрямых, опосредованных) каузативов [Недялков 1964; Недялков, Сильницкий 1969; Иванов 2008] и др.

М. Шибатани и П. Пардеши предлагают вместо традиционной двучленной пары контактных и дистантных каузативов континуальную шкалу семантических типов каузации. На противоположных сторонах этой шкалы лежат прямая и непрямая ка-

узация, а между ними находится третий тип — социативная каузация: *прямая каузация* → *совместное действие* → *ассистив* → *надзор* → *непрямая каузация*. Социативная каузация охватывает промежуточные типы каузативов: «совместное действие» (joint action), «ассистив» (assistive) и «надзор» (supervision) [Shibatani, Pardeshi 2002: 90]. Итак, промежуточные типы представляют три разновидности социативной каузации.

В данной работе мы рассмотрим выделенные семантические разновидности социативного каузатива на материале бурятского языка в соответствии с континуальной шкалой, которая позволит более тщательно

няет действие. Как видим, данное определение соответствует нашему утверждению, что ассистив в бурятском языке выражается при помощи совместного залога.

- (1) *Эжы-нгээ үг-өөр табаг таби-лса-на, сай аягала-лса-на*
 Мать-GEN слово-INS посуда ставить-SOC.CAUS-PRS, чай наливать-SOC.CAUS-PRS.3Sg

‘По приказу мамы помогает расставлять посуду, наливать чай’

[ЭКБЯ 2012. С. Норжимаев. Гурбан ногоон].

Также обратим внимание на то, что морфологическими показателями конструкций совместного действия и ассистива могут выступать суффиксы совместного залога *-лса*, взаимного — *-лда*. Давно отмечено, что функции совместного и взаимного залогов часто пересекаются [Санжеев 1960: 65].

Кстати, в бурятских словарях часто отмечается тождественное значение слов с данными аффиксами. Например, так выглядит переключка суффиксов взаимного залога *-лса* и *-лда*: *бари-лда-ха* ‘взаимн. от *бариха* 1) хватать друг друга, бороться, состязаться в борьбе <...>’ и *бари-лса-ха* ‘взаимн. от *бариха* 1) держать, хватать (или ловить) друг друга’ [БРС 2006: 118]. К слову, во многих языках мира, например, в тюркских языках, значение социативной каузации обычно также выражается реципрокной морфемой [Абдиев 2009: 68].

Однако следует заметить, что границы данных залогов и социативной каузации

не всегда совпадают. Так, глаголы традиционного совместного и взаимного залогов начинают выполнять функции социативного каузатива при определенных условиях. Главным критерием, без сомнения, является семантический критерий. Социативные каузативы — это каузативные глаголы, т. е. глаголы, выражающие воздействие на определенные каузируемые объекты с целью вызвать ответные действия или состояния, выполняемые совместно двумя или более лицами. По нашему мнению, в круг социативных каузативов не включаются такие глаголы взаимного залога, как, например: *тэбэрилдэхэ* ‘обниматься’, *талалдаха* ‘нежиться, обниматься’ и т. п., которые не имеют значение каузативного воздействия, а лишь выражают взаимно-направленные действия, не предполагающие в результате определенные каузированные действия или состояния. Такие собственно комитативные конструкции вводят двух участников с одинаковыми ролями. Например:

- (2) *Удаань дахин тэбэри-лдэ-бэ, дахин тала-лда-ба*

Долго опять обниматься-SOC-PST.3, опять целоваться-SOC-PST.3

‘Опять долго обнимаются, снова целуются’

[ЭКБЯ 2012. Ж. Тумунов. Нойrhoо hэриhэн тала].

Такие конструкции с глаголами взаимного залога мы не относим к каузативным конструкциям, так как каузативная семантика здесь отсутствует. Невозможно предположить, что в ситуации, когда кто-либо целуется или обнимается, один участник оказывает воздействие на другого участника с определенной целью. Такие действия являются взаимными, и ни один из участников ситуации не провоцирует другого на ответное действие или состояние. Семантические роли обоих субъектов одинаковые и не направлены на другие объекты, а в каузативной конструкции всегда существуют участники, действия которых производятся

либо совместно и направлены на каузируемые объекты, либо один участник оказывает помощь другому в совершении действия. Ср.: *хубаа-лда-ха* ‘делить между собой’ — социативный каузатив, обозначающий воздействие, выполняемое совместно, с целью *хубааха* ‘делить’, результатом совместного действия является каузированное состояние объекта *хубаагдаха* ‘разделиться’. Например: *Тэдэ газараа хубаа-лда-на* ‘Они делят землю’ (совместное воздействие) → *Газарын хубаагдаба* ‘Земля поделена’ (каузированное состояние).

Также отметим, что обязательным условием выделения социативного каузатива

является класс производящей основы: социативные каузативы образуются только от переходных каузативных глаголов, т. е. от глаголов, обозначающих каузативные воздействия на определенные объекты с целью вызвать ответные действия или состояния. Например: *нээ-хэ* 'открывать что-либо' → *нээ-лсэ-хэ* 'совместно что-либо открывать или помогать открывать', *аба-ха* 'брать' → *аба-лса-ха*, *аба-лда-ха* 'брать вместе с кем-либо', *ала-ха* 'убить' → *ала-лса-ха* 'убивать сообща' и т. д.

Социативный каузатив не образуется от непереходных глаголов. Например: *унта-ха* 'спать' → *унта-лса-ха* 'спать вместе с кем-либо', *хэбтэ-хэ* 'лежать' → *хэбтэлсэ-хэ* 'лежать вместе с кем-либо' и т. п. Таким образом, переходность напрямую связана со значением каузативного воздействия.

Социативная каузация развивается только на основе каузативных конструкций, т. е. развитие идет по континуальной шкале от прямой каузации к совместному действию. В этом случае производящими основами могут служить как немаркированные, так и маркированные каузативные глаголы. Например: *хаа-ха* 'закрывать' — каузативный немаркированный глагол, обозначающий физическое воздействие на определенный объект, т. е. на прямую каузацию. От данного глагола образуется социативный каузатив *хаа-лса-ха* 'закрывать вместе с кем-то, помогать закрывать', имеющий значение совместного действия. От маркированного каузативного глагола *хар-уул-ха* 'показывать' (каузативный показатель -уул) возможно образование социативного каузатива *хар-уула-лса-ха* 'показывать вместе с кем-либо'. Например: *Барга-Няма хонидыень хайшалалгын пунктын хорёодо хаа-лса-ба* 'Барга-Няма помог закрыть овец в загоне пункта для стрижки' [ЭКБЯ 2012. Б. Мунгонов. Баян зүрхэн – II, 1979].

Таким образом, процесс образования социативного каузатива в бурятском языке можно назвать процессом реципрокализации каузатива. Как указывает С. А. Оскольская, «реципрокальная конструкция не обязательно должна иметь значение реципрокальной ситуации, она может описывать также социативную ситуацию и ситуацию следования» [Оскольская 2009: 315]. Ср.: *баярл-уул-ха* 'радовать' — *баярл-уул-лса-ха* 'радовать вместе с кем-либо', *бод-хоо-хо*

'поднимать, строить' — *бод-хоо-лсо-хо* 'помогать поднимать, строить вместе с кем-либо' и т. д. В этом процессе не происходит утрата каузативного значения, только добавляется значение совместности оказываемого воздействия. Например: *Ленинэй орденто оперо ба баледэй театрһаа захалаад, бэиэ олон театрнуудые, институтууд, һургуулинууды бод-хоо-лсоо юм* 'Начиная с театра оперы и балета ордена Ленина, он помог возвести много других театров, институт, школы' [ЭКБЯ 2012. Ц.-Ж. Жимбиев. Талын харгынууд]

Следует заметить, что очень ярко в бурятском языке представлено ассистивное значение каузации. В переводных бурятско-русских словарях чаще всего фиксируется именно это значение социативной каузации. В переводе на русский язык бурятские глаголы с суффиксом *-лса* уточняются при помощи глагола *помогать*, т. е. в русском языке ассистивность выражается посредством вершинного глагола (глагола в неопределенной форме), а в бурятском языке — маркированного глагола. Ср.: *яб-уула-лса-ха* 'помогать отправлять', *тээ-лсэ-хэ* 'помогать грузить' и т. д. Ассистив добавляет в каузативную конструкцию участника-помощника. Например: *хахал-ха* 'разрезать вдоль, перерубать, раскалывать' — *хаха-лса-ха* 'помогать раскалывать дрова'. Глагол *хаха-лса-ха* содержит ассистивное значение. Помощник в отличие от каузатора не инициирует каузируемое действие, а только помогает его совершить. Например: *Би самсая тайлажа угэбэб, тэрэншем угаахадань хамһалсан, бажуу-лса-наб* 'Я отдал рубашку и, когда ее стирали, помогал выжимать' [ЭКБЯ 2012. Ц.-Ж. Жимбиев. Талын харгынууд].

Социативная каузативная конструкция имеет особенности как в структуре самого события, так и в ролевой структуре. Каузативная ситуация, как известно, состоит из двух событий: каузирующее событие и каузируемое событие. В ролевой структуре важен участник-каузатор, который и совершает каузирующее действие. При совместном действии роли обоих участников примерно одинаковы, но стоит заметить, что роль участника, выраженного подлежащим, сводится к тому, что его действия совершаются, в большей степени, в интересах другого участника.

- (3) *Тэрэ нам-тай ногоо сабша-лса-ба*
Он я-COM трава косить-SOC.CAUS-PST.3Sg
'Он косил **со мной** траву' (совместное действие).

Наличие социативного каузатива увеличивает количество ролей, добавляя в ассистивной ситуации участника-помощника, который отодвигает на второй план каузатора. Ср.:

- (4) *Тэрэ намда ногоо сабша-лса-ба*
Он я-DAT трава косить-SOC.CAUS-PST.3Sg
'Он помогал **мне** косить траву' (ассистив).

Традиционно считается, что каузатив добавляет нового участника с функцией агенса в аргументную структуру. Однако в современных теориях «каузатив трактуется как преобразование, добавляющее в структуру глагола не только аргумент с ролью Агенса или Каузатора, но и подсобытие, которое включает в себя деятельность этого аргумента и каузирует ситуацию, выраженную исходной основой» (цит. по: [Иванов 2008: 57]).

Новый участник-помощник вводится в роль каузатора, тем самым меняя событийную структуру. Каузатор же уходит на другую синтаксическую роль, роль дополнения. Каузирующее событие выполняется при помощи помощника, а каузируемое событие реализуется все-таки самим каузатором. Синтаксическое устройство предложений с разными типами социативных каузативов в бурятском языке разное, так как оно зависит от ролевой структуры.

Как видим, происходит перераспределение агентивной структуры. Так же, как и

при дистантной (непрямой) каузации, действие распределено между каузатором и помощником. Помощник, занимающий позицию подлежащего, при этом не является основным исполнителем воздействия, контроль за каузируемым событием принадлежит реальному исполнителю, «зачинателю» данного события, каузатору, который оказался в каузативной конструкции в роли дополнения.

Как указывал Г. Д. Санжеев, «в совместном обороте инициатором или главным исполнителем какого-либо действия является предмет, обозначенный в особом дополнении или упомянутый в предыдущем предложении, тогда как предмет-подлежащее выступает лишь в качестве его со-участника на начальном или заключительном этапе действия» [Санжеев 1963: 239]. Помощник в бурятском языке выражается подлежащим, а каузатор, инициировавший действие, — дополнением, обычно в дательном или совместном падеже. Например:

- (5) *Би тэрэ хубүүн-тэй үүдэ нээ-лсэ-бэ-б*
Я тот мальчик-COM дверь открыть-SOC.CAUS-PST-1Sg
'Я **помог** мальчику **открыть** дверь'.

Таким образом, значение совместности в бурятском языке чаще всего выражается при помощи конструкций с совместным падежом, а ассистивность — при помощи дательного падежа. Ср.:

- (6) *Би аба-даа түүлэ хаха-лса-ба-б*
Я отец-DAT дрова расколоть-SOC.CAUS-PST-1Sg
'Я **помог отцу** расколоть дрова' (ассистив).

- (7) *Би аба-таяа түүлэ хаха-лса-ба-б*
Я отец-COM дрова расколоть-SOC.CAUS-PST-1Sg
'Я **с отцом** колот дрова' (совместное действие).

Надзор (supervision), являющийся еще одним типом социативной каузации, в бурятском языке может выражаться при помощи полипредикативных конструкций с предикатным актантом. Так, конструкции с глаголами *адаглаха* ‘наблюдать, следить’, *хараха* ‘смотреть’ и предикатными актантами в форме причастия будущего времени с показателями падежа и притяжания являются одним из средств выражения значения надзора. Собственно семантика надзора выражается вершинным глаголом, а каузируемое действие — предикатным актантом. Например: *Баторов урагшаа ябахынгаа урда тээ отрядайнгаа муу бэшэ газарта дайшалхы позиции эзэл-һые адагла-на* ‘Баторов, прежде чем идти вперед, следит, чтобы отряд занял хорошую боевую позицию’ [ЭКБЯ 2012. Б. Шойдоков. Дайсанай ара талада 1995].

В таких конструкциях ролевая структура меняется: каузатор здесь занимает позицию наблюдателя или надзирателя, при этом он не совершает никаких действий (не помогает, как при ассистиве, не выполняет похожих действий, как при совместном действии). Каузируемое событие достигается самим каузируемым объектом, но при непосредственном наблюдении каузатора. Семантика надзора наиболее близка в семантическом континууме каузативности к непрямой каузации. Например, в ситуации *Эжынь хубуундээ ном уншуулха гэжэ анхаралаа табина* ‘Мать следит за тем, чтобы сын читал’ можно увидеть ситуацию, что *Мать не просто следит, а заставляет сына читать: Мать заставила сына читать и следит за тем, чтобы он читал*. Ср.: *Эжынь Бадмые номоо уншахыень хараад байна* ‘Мать следит за Бадмой, чтобы он читал’ (каузирует сына читать).

Источники

ЭКБЯ 2012 — Бурятский корпус (электронный корпус бурятского языка) [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 29.08.2019).

Sources

Online Buryat Corpus. An Internet resource: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: August 29, 2019). (In Bur.)

Выводы

Итак, социативные каузативы — это каузативные глаголы, выражающие воздействия на определенные каузируемые объекты с целью вызвать ответные действия или состояния. Такие воздействия могут выполняться либо совместно двумя или более лицами, либо при помощи каузаторов, либо под их надзором. Таким образом, в бурятском языке социативные каузативы со значением совместного действия и ассистива тесно связаны со значениями совместного и взаимного залогов. Социативный каузатив в бурятском языке образуется только от переходных каузативных глаголов при помощи суффиксов *-лса* и *-лда*.

Социативная каузация в бурятском языке выражается чаще всего в двух значениях: совместное действие и ассистив. В таких социативных каузативных конструкциях можно выделить несколько компонентов: каузатор, каузируемый объект, субъект-помощник и каузируемое действие, выраженное социативным каузативом. Такая каузативная конструкция меняет событийно-ролевую структуру каузативной ситуации. Социативный каузатив может добавлять в каузативную конструкцию участника-помощника, который в бурятском языке выражается подлежащим, а каузатор, инициировавший действие, — дополнением, обычно в дательном падеже. Значение совместного действия здесь чаще всего выражается посредством конструкций с совместным падежом. Реже встречаются в бурятском языке конструкции со значением надзора, который выражается в основном в полипредикативных конструкциях с вершинным глаголом в сочетании с предикатными актантами — причастиями будущего времени. В этом случае каузируемое действие выражается предикатным актантом.

Литература

- Абдиев 2009 — *Абдиев Т.* Конструкции с каузативными глаголами в киргизском языке. Бишкек: Изд-во Кыргызско-турецкого ун-та «Манас», 2009. 14 с.
- БРС 2006 — Бурятско-русский словарь / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. Т. 1. 636 с.
- Иванов 2008 — *Иванов М. Ю.* Каузативизация и предельность // Исследования по глагольной деривации: Сб. ст. / отв. ред. В. А. Плуноян,

- С. Г. Татевосов. М.: Языки славянских культур, 2008. С.47–72.
- Недялков 1964 — Недялков В. П. О связи каузативности и пассивности // Уч. зап. Башкирского гос. ун-та, XXI, серия филол. наук. 1964. № 9. С. 301–310.
- Недялков 1969 — Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. 311 с.
- Оскольская 2009 — Оскольская С. А. О глагольных показателях множественности участников в калмыцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2009. Т. 5. № 2. С. 310–346.
- Санжеев 1960 — Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. М.: Вост лит., 1960. 104 с.
- Санжеев 1963 — Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Наука, 1963. 266 с.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum // *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation* [Typological Studies in Language]. Vol. 48. Masayoshi Shibatani (ed.), Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 85–126.
- Respublikanskaya Tipografiya, 2006. Vol. 1. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Abdiev T. [Kyrgyz Causative Verb Constructions]. Bishkek: Kyrgyz-Turkish Manas University, 2009. 14 p. (In Russ.)
- Ivanov M. Yu. Causativization and boundedness. In: [Investigating Verb Derivation]. Coll. papers. V. A. Plungyan, S. G. Tatevosov (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2008. Pp. 47–72. (In Russ.)
- Nedyalkov V. P. Causativity and passivity: ties revisited. In: [Bashkir State University: Scholarly Notes]. XXI, ser. 'Philological Sciences'. Ufa, 1964. Vol. 9. Pp. 301–310. (In Russ.)
- Nedyalkov V. P., Silnitsky G. G. Typology of morphological and lexical causatives. In: [Typology of Causative Constructions]. Leningrad: Nauka, 1969. 311 p. (In Russ.)
- Oskolskaya S. A. Plurality of participants in the Kalmyk language: verb indicators revisited. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. 5. No. 2. Pp. 310–346. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. [Comparative Grammar of Mongolic Languages: Verb]. Moscow: Nauka, 1963. 266 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. [Modern Mongolian]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 104 p. (In Russ.)
- Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum // *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation* [Typological Studies in Language]. Vol. 48. Masayoshi Shibatani (ed.), Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 85–126. (In Eng.)

References

[Buryat-Russian Dictionary]. L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov (comps.). Ulan-Ude:

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 974-1006, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-974-1006
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81

Структурные схемы монгольских аналитических конструкций в количественном аспекте

Сергей Александрович Крылов¹

¹Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0001-5207-0949. E-mail: krylov-58@mail.ru

Аннотация. В работе сделана попытка структурной классификации аналитических словоформ (= «аналитических конструкций», АК) монгольского языка в количественном аспекте. Эвристически наиболее плодотворным признаётся «широкий» подход к АК, представленный в так называемой теории «грамматикализации» или «грамматизации», но этот подход должен быть дополнен количественными методами, разработанными в корпусной лингвистике. Подсчёт делался на материале Генерального корпуса монгольского языка. На его материале изучены наиболее употребительные структурные классы АК монгольского языка. АК представлены в прямом алфавитном порядке синтетических грамматем, входящих в аналитические грамматы, а внутри него — в прямом алфавитном порядке аналитических структурных схем, а уже внутри этого порядка — в ранговом порядке убывания частот. Приведены наиболее употребительные АК, абсолютная частотность которых превышает 10 вхождений, а относительная — 9 ipm. Таких АК в корпусе ГКМЯ-1а насчитывается 1 818.

Ключевые слова: монгольский язык, корпусная лингвистика, количественные методы в лингвистике, аналитические конструкции, аналитические формы

Благодарность. Настоящее исследование выполнено при поддержке комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы» направление «Создание версии «3» генерального корпуса современного монгольского языка», а также РФФИ (грант № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков» и № 19-512-44017 «Структурно-вероятностная интегральная модель монгольских языков»).

Для цитирования: Крылов С. А. Структурные схемы монгольских аналитических конструкций в количественном аспекте. *Oriental Studies*. 2019;(5): 974–1006. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-974-1006.

UDC 81

Structural Diagrams of Mongolian Analytical Constructions in a Quantitative Aspect

Sergei A. Krylov¹

¹Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0001-5207-0949. E-mail: krylov-58@mail.ru

Abstract. *Goals.* The work attempts to structurally classify Mongolian analytical word forms ('analytical constructions') in a quantitative aspect. *Materials and Methods.* Heuristically, it is the 'wide' approach to analytical constructions represented in the so called 'grammaticalization' or 'grammatization' theory which is viewed as the most efficient one, but it must also be supplemented with quantitative methods developed by corpus linguistics. The paper analyzes materials contained in the General Corpus of the Mongolian Language and, namely, some most widely used structural classes of Mongolian analytical constructions. *Results.* The analytical constructions are arranged in alphabetical order of synthetical grammemes included in analytical grammemes, and inside the structure – in direct alphabetical order of structural analytical diagrams, and further – in order of frequency. The paper lists most widely used analytical constructions with absolute frequencies over 10 entries and relative ones – 9 ipm, the General Corpus of the Mongolian Language numbering a total of 1 818 such patterns.

Keywords: Mongolian language, corpus linguistics, quantitative research methods in linguistics, analytical constructions, analytical forms

Acknowledgements: The reported study was funded by comprehensive fundamental research program of the Department of Historical and Philological Sciences of the RAS ('Eurasianist Heritage and Its Contemporary Narratives', subprogram 'General Corpus of Modern Mongolian: Creating Version No. 3'), and by RFBR (project numbers 18-012-00611 'Structural and Probabilistic Morphology of Mongolic Languages' and 19-512-44017 'Structural and Probabilistic Integral Model of Mongolic Languages').

For citation: Krylov S. A. Structural Diagrams of Mongolian Analytical Constructions in a Quantitative Aspect. *Oriental Studies*. 2019;(5): 974–1006. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-974-1006.

В настоящей работе ставится задача измерить употребительность аналитических форм (= «аналитических конструкций», далее — АК) монгольского языка. Одна из острых проблем такого исследования заключается в том, что границы самого инвентаря АК не вполне ясны¹. Представляется, что это множество имеет диффузную природу, т. е. его границы расплывчаты. Тем не менее они поддаются исследованию достаточно точными методами, если эти

¹ В связи с этим предлагаемый З. М. Шаляпиной подход к аналитическим формам, при котором они включаются в более широкое понятие «морфолого-синтаксических перифраз» [Шаляпина 2007: 121-123], как кажется, является эффективным также применительно к монгольским аналитическим конструкциям.

методы будут иметь характер, адекватный своему реальному объекту, т. е. вероятностную количественную природу. Для этого необходимо на некотором первичном этапе исследования условиться, какие именно объективно измеримые характеристики есть у АК.

Представляется, что эвристически наиболее эффективный подход к АК — так называемый «широкий» подход, представленный в так называемой теории «грамматикализации» [Meillet 1912]², а также «грамматизации» (в отечественном языкознании), например, работами: [Виноградов 1947; Кацнельсон 1948; Жирмунский 1963;

² См. также работы Б. Хайне, Кр. Лемана, Дж. Байби (1980-х гг.), а в XXI в. — работы Н. Р. Сумбатовой, Т. А. Майсака и др. [Lehmann 1982].

Гак 1965; Маслов 1975; Маслов 1978] и других авторов. Те оценки семантических и синтаксических особенностей АК, которые даются в этих работах, заслуживают внимания. Однако авторы указанных работ при выделении АК не прибегают к количественным (статистическим, квантитативным) приёмам. И поэтому встаёт вопрос о применимости дистрибутивно-вероятностного подхода³ к самой процедуре выделения АК.

Целью настоящей работы будет первичная квантитативная систематизация материала монгольского языка на материале специально разработанного автором Генерального корпуса современного монгольского языка (ГКМЯ-1а), представленного в ряде предшествующих публикаций автора: [Крылов 2014; Крылов 2012а; Крылов 2012б; Крылов 2013; Крылов 2014; Крылов 2016; Крылов 2017а; Крылов 2017б; Крылов 2017в; Крылов 2018а; Крылов 2108б; Крылов 2018в].

Изложение данных будет более наглядным, если мы представим его в форме таблицы. В эту таблицу включены не все АК монгольского языка, а лишь наиболее употребительные. Пороговое значение для включения в список составляет 10 вхождений в корпус ГКМЯ-1а, или 9 ирм. Таких словоформ оказалось 1 818.

Аналитическая грамматема (аналитическая грамматическая форма) представлена как сочетание определённой синтетической грамматемы с определённой аналитической структурной схемой.

В первом столбце (I) (полужирным прямым шрифтом) приводится та синтетическая грамматема (грамматическая форма), к которой принадлежит синтетическая словоформа, функционирующая как знаменательный компонент данной АК.

Во втором столбце (II) приведена суммарная частотность этой синтетической грамматемы по корпусу ГКМЯ-1а.

В третьем столбце (III) приведена относительная частотность (в ирм) этой синтетической грамматемы по корпусу ГКМЯ-1а.

В четвёртом столбце (IV) приведён частотный ранг данной синтетической грамматемы по корпусу ГКМЯ-1а.

В пятом столбце (V) (светлым курсивом) приведены сами аналитические формы в квазиорфографической записи. Следует обратить внимание на то, что порядок компонентов во всех аналитических формах жёстко фиксирован; во всяком случае, на всём диагностическом множестве из 1 818 словоформ порядок компонентов не был подвержен варьированию.

В шестом столбце (VI) (полужирным курсивом) приведена та аналитическая структурная схема, к которой относится данная аналитическая форма (всего в данной таблице использовано 285 аналитических структурных моделей). Структурная схема состоит из постоянного и переменного компонентов (константа+переменная). Постоянный компонент представляет собой некоторую служебную (или полуслужебную) словоформу (или, в некоторых особых случаях, комплекс из нескольких служебных словоформ). Переменный компонент представляет собой условный обобщённый символ знаменательной синтетической словоформы (в качестве такого условного символа выбран значок *Z*). Переменный компонент (знаменательная синтетическая словоформа), в свою очередь, по своей структуре бинарен. Он представляет собой сочетание служебного (грамматического) компонента (т. е. некоторой синтетической условной грамматемы) с некоторой условной лексемой. Синтетическая условная грамматема в таблице представлена её именем в первом столбце (I), а условная лексема (ради компактности) не приводится вообще; однако читатель большей частью может легко догадаться, какая лексема имеется в виду, так как в виде одной из её синтетических словоформ данная лексема входит в качестве компонента в аналитические формы, задаваемые в пятом столбце (V).

В седьмом столбце (VII) приведена суммарная употребительность данной аналитической грамматемы по корпусу ГКМЯ-1а.

В восьмом столбце (VIII) приведена суммарная относительная частотность (в ирм) данной аналитической грамматемы по корпусу ГКМЯ-1а. Пороговое значение для включения в таблицу составляет 9 ирм.

В девятом столбце (IX) приведён частотный ранг данной аналитической грамматемы в корпусе ГКМЯ-1а.

В первых четырёх столбцах повтор имени синтетической грамматемы (в столбце I) и её количественных характеристик (в столбцах II, III и IV) для наглядности заменяется символом тильды (~).

³ Принципы квантитативной систематизации нашего материала восходят к идеям А. Я. Шайкевича. О дистрибутивно-статистическом анализе языка см. подробнее в работах: [Шайкевич, Андрущенко, Ребецкая 2013; Шайкевич, Андрущенко, Ребецкая 2016].

Таблица структурных классов монгольских аналитических конструкций

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
A.COM	55	48	73	<i>гэрт нь</i>	Z нь	33	29	275
~	~	~	~	<i>гэрт орж</i>	Z орж	22	19	382
A.COM-NOM	94	83	48	<i>гэж итгэлт</i>	гэж Z	54	48	158
~	~	~	~	<i>гээд итгэлт</i>	гээд Z	40	35	221
A.COM-NOM & DAT	47	42	84	<i>өвөрт нь; хацарт нь</i>	Z нь	35	31	258
~	~	~	~	<i>энэ нутагт</i>	энэ Z	12	11	663
A.COM-NOM	94	83	48	<i>гэж итгэлт хэлээд</i>	гэж Z хэлээд	10	9	801
A.COP	12	11	172	<i>нөгөөх нь</i>	Z нь	12	11	664
ABL	326	288	26	<i>түүнээс биш</i>	Z биш	17	15	471
~	~	~	~	<i>гэрээс гарч</i>	Z гарч	19	17	432
~	~	~	~	<i>хаанаас даа</i>	Z даа	15	13	523
~	~	~	~	<i>талаас нь; нүднээс нь; гараас нь; амнаас нь; бүрээс нь; сэтгэлээс нь</i>	Z нь	120	107	75
~	~	~	~	<i>үүнээс хойш; үдээс хойш</i>	Z хойш	54	48	159
~	~	~	~	<i>хэнээс ч; хаанаас ч; юунаас ч</i>	Z ч	42	37	211
~	~	~	~	<i>би чамаас</i>	би Z	14	12	568
~	~	~	~	<i>гэж өөрөөсөө</i>	гэж Z	13	11	606
~	~	~	~	<i>нөгөө талаас</i>	нөгөө Z	11	10	730
~	~	~	~	<i>тэр цагаас хойш</i>	тэр Z хойш	21	18	397
ABL-POSS.REFL	28	25	109	<i>өөрөөс нь</i>	Z нь	28	25	316
ABL?	53	47	74	<i>өөдөөс нь</i>	Z нь	53	47	165
ABS-GEN-NOM	148	130	40	<i>бид хоёрын</i>	бид Z	57	50	145
~	~	~	~	<i>тэр хоёрын</i>	тэр Z	30	26	298
~	~	~	~	<i>энэ хоёрын</i>	энэ Z	22	19	383
~	~	~	~	<i>та хоёрын</i>	та Z	17	15	472
~	~	~	~	<i>чи бид хоёрын</i>	чи бид Z	12	11	665
~	~	~	~	<i>хоёрын дунд</i>	Z дунд	10	9	802
ABS-GEN/ACC	15	13	150	<i>нэгий нь</i>	Z нь	15	13	524
ABS-INSTR	~	~	151	<i>нэг нэгээр нь</i>	нэг Z нь	15	13	525
ABS-NOM & ABL	13	11	163	<i>бор гөрөөс</i>	бор Z	13	11	607
ABS-NOM	1 663	1 461	3	<i>нэг нь; нүд нь; өглөө нь; ам нь; санаа нь; ус нь; үг нь; амьсгаа нь; заяа нь; мах нь; чимээ нь; хаалга нь</i>	Z нь	740	650	6
~	~	~	~	<i>нэг л</i>	Z л	282	248	30
~	~	~	~	<i>нэг удаа; анх удаа</i>	Z удаа	151	132	58
~	~	~	~	<i>нэг ч; үг ч</i>	Z ч	93	82	91
~	~	~	~	<i>нэг юм</i>	Z юм	84	74	100
~	~	~	~	<i>санаа алдан</i>	Z алдан	55	48	155
~	~	~	~	<i>ус руу; ам руу; хаалга руу</i>	Z руу	45	40	199
~	~	~	~	<i>ус шиг; нүд шиг</i>	Z шиг	38	33	238
~	~	~	~	<i>нэг бол</i>	Z бол	33	29	276
~	~	~	~	<i>чимээ гарч</i>	Z гарч	24	21	354
~	~	~	~	<i>үг яриа</i>	Z яриа	21	18	398

~	~	~	~	үг хэлж	<i>Z</i> хэлж	20	18	421
~	~	~	~	үг хэлэх	<i>Z</i> хэлэх	15	13	526
~	~	~	~	нэг ч үгүй	<i>Z</i> ч үгүй	15	13	527
~	~	~	~	нэг л биш	<i>Z</i> л биш	13	11	610
~	~	~	~	нэг дор	<i>Z</i> дор	12	11	667
~	~	~	~	нүд чинь	<i>Z</i> чинь	12	11	668
~	~	~	~	өрөө рүү	<i>Z</i> рүү	10	9	803
ABS-NOM & CVB. CNGR	31	27	103	гэж бадарч	гэж <i>Z</i>	18	16	454
~	~	~	~	гээд бадарч	гээд <i>Z</i>	13	11	608
ABS-NOM & DAT	12	11	173	зүүд шиг	<i>Z</i> шиг	12	11	666
ABS-NOM & NOM	110	97	44	мод шиг; уул шиг	<i>Z</i> шиг	47	42	186
~	~	~	~	уул нь	<i>Z</i> нь	36	32	250
~	~	~	~	уул өөд	<i>Z</i> өөд	14	12	569
~	~	~	~	энэ уул	энэ <i>Z</i>	13	11	609
ABS-NOM & POSS.REFL	14	12	155	шороо нь	<i>Z</i> нь	14	12	570
ABS-NOM	1 663	1 461	3	өөр үг	өөр <i>Z</i>	12	11	669
~	~	~	~	бид гурав	бид <i>Z</i>	15	13	528
~	~	~	~	гэсэн үг	гэсэн <i>Z</i>	123	108	72
~	~	~	~	гэж ам; гэж санаа; гэж үг	гэж <i>Z</i>	58	52	142
~	~	~	~	гэдэг үг	гэдэг <i>Z</i>	42	37	212
~	~	~	~	гэсэн үг вэ	гэсэн <i>Z</i> вэ	32	28	284
~	~	~	~	гээд санаа	гээд <i>Z</i>	15	13	529
~	~	~	~	ийм үг	ийм <i>Z</i>	19	17	433
~	~	~	~	нэг өглөө	нэг <i>Z</i>	20	18	422
~	~	~	~	нэгэн өглөө	нэгэн <i>Z</i>	10	9	804
~	~	~	~	тэр гурав; тэр өглөө	тэр <i>Z</i>	25	22	337
~	~	~	~	хэдэн үг	хэдэн <i>Z</i>	30	26	299
~	~	~	~	энэ үг; энэ гурав	энэ <i>Z</i>	48	42	182
ACC & ACC	74	66	61	юмыг нь	<i>Z</i> нь	12	11	670
~	~	~	~	юмыг яаж мэдэх вэ	<i>Z</i> яаж мэдэх вэ	12	11	671
~	~	~	~	та нарыг	та <i>Z</i>	50	44	179
ACC	978	862	7	зүгийг барин	<i>Z</i> барин	10	9	805
~	~	~	~	зүрхийг минь	<i>Z</i> минь	17	15	473
~	~	~	~	учрыг мэдэж	<i>Z</i> мэдэж	10	9	806
~	~	~	~	сэтгэлийг нь; гарыг нь; өөрийг нь; нүдийг нь; толгойг нь; морийг нь; бүгдийг нь; үгийг нь; амьг нь; зүрхийг нь; нэрийг нь; бусдыг нь; хацрыг нь; биеийг нь; түүнийг нь; нүүрийг нь; хөлийг нь; цөмийг нь; заримыг нь; учрыг нь	<i>Z</i> нь	381	335	21
~	~	~	~	учрыг олж	<i>Z</i> олж	12	11	672
~	~	~	~	үнэнийг хэлэхэд	<i>Z</i> хэлэхэд	24	21	355
~	~	~	~	хэнийг ч; юуг ч	<i>Z</i> ч	30	26	300
~	~	~	~	шарилыг эргэн	<i>Z</i> эргэн	12	11	673
~	~	~	~	би таныг	би <i>Z</i>	28	25	317

~	~	~	~	бид хоёрыг	бид Z	39	34	232
~	~	~	~	гэдэг үгийг	гэдэг Z	35	31	259
~	~	~	~	гэсэн үгийг	гэсэн Z	11	10	731
~	~	~	~	миний үгийг; миний сэтгэлийг	миний Z	24	21	356
~	~	~	~	нэг бүрийг; нэг хүнийг; нэг зүйлийг	нэг Z	43	38	209
~	~	~	~	түүний сэтгэлийг	түүний Z	17	15	474
~	~	~	~	та хоёрыг	та Z	13	11	611
~	~	~	~	тэр хоёрыг; тэр хүнийг; тэр үгийг; тэр бүрийг	тэр Z	88	78	97
~	~	~	~	энэ үгийг; энэ тэрийг; энэ хүнийг; энэ дууг; энэ хоёрыг	энэ Z	184	162	48
CAR-NOM	228	201	30	байлгүй дээ	Z дээ	42	37	213
~	~	~	~	аргагүй л	Z л	40	35	222
~	~	~	~	байлгүй яахав	Z яахав	21	18	399
~	~	~	~	дуугүй болов	Z болов	20	18	423
~	~	~	~	дуугүй байснаа	Z байснаа	18	16	455
~	~	~	~	аргагүй болж	Z болж	10	9	807
~	~	~	~	аргагүй шүү дээ	Z шүү дээ	10	9	808
~	~	~	~	аргагүй юм	Z юм	10	9	809
~	~	~	~	байлгүй яах вэ	Z яах вэ	10	9	810
~	~	~	~	өөр аргагүй; өөр юмгүй	оор Z	34	30	265
~	~	~	~	өөр аргагүй болов	оор Z болов	13	11	612
COM-NOM	283	248	27	ёстой л	Z л	103	91	83
~	~	~	~	юутай ч; хэнтэй ч	Z ч	46	40	192
~	~	~	~	хэрэгтэй юм; ёстой юм	Z юм	34	30	266
~	~	~	~	хэрэгтэй байлаа	Z байлаа	13	11	613
~	~	~	~	хэрэгтэй болов	Z болов	13	11	614
~	~	~	~	өөртэй нь	Z нь	13	11	615
~	~	~	~	хэрэгтэй байна	Z байна	11	10	732
~	~	~	~	бор царайтай	бор Z	13	11	616
~	~	~	~	гэсэн бололтой	гэсэн Z	15	13	530
~	~	~	~	гэдэг нэртэй	гэдэг Z	10	9	811
~	~	~	~	хэдэн морьтой	хэдэн Z	12	11	674
COP.IRREAL & PC.US-COP. IRREAL	23	20	125	болдогсон бол	Z бол	23	20	369
COP.IRREAL & REL-NOM	13	11	164	юмсан уу	Z уу	13	11	617
CVB.ANT	787	695	12	тэгээд л; гээд л; ингээд л	Z л	200	177	41
~	~	~	~	тэгээд ч	Z ч	76	67	113
~	~	~	~	хүрээд ирлээ	Z ирлээ	17	15	475
~	~	~	~	үүнийг хараад	үүнийг Z	10	9	812
~	~	~	~	бас тэгээд	бас Z	69	61	123
~	~	~	~	гэж бодоод; гэж хэлээд; гэж хашираад; гэж үзээд; гэж санаад; гэж шийдээд; гэж яваад	гэж Z	374	329	23
~	~	~	~	гэж ирээд л	гэж Z л	11	10	733
~	~	~	~	та тэгээд	та Z	10	9	813

~	~	~	~	чи тэгээд	чи Z	20	18	424
CVB.CNGR	1 714	1 505	2	гэж байна; харагдаж байна; асууж байна; санаж байна; зогсож байна; итгэж байна; хүлээж байна; хүсэж байна	Z байна	233	206	32
~	~	~	~	гэж үү	Z үү	216	190	37
~	~	~	~	гэж байгаа; зогсож байгаа; идэж байгаа; унтаж байгаа; хүлээж байгаа; харагдаж байгаа; урсаж байгаа; тоглож байгаа	Z байгаа	197	173	42
~	~	~	~	зогсож байлаа; санагдаж байлаа; хүлээж байлаа; унтаж байлаа; чичирч байлаа	Z байлаа	82	72	103
~	~	~	~	зогсож байсан; гэж байсан; ажиллаж байсан; хүлээж байсан	Z байсан	77	67	109
~	~	~	~	зогсож байв; санагдаж байв; ажиллаж байв	Z байв	61	54	136
~	~	~	~	гэж л; ингэж л; тэгж л	Z л	52	46	170
~	~	~	~	гэж дээ	Z дээ	47	41	187
~	~	~	~	буцаж ирээд; гүйж ирээд; давхиж ирээд	Z ирээд	46	40	193
~	~	~	~	тэгж байтал; гэж байтал	Z байтал	45	39	200
~	~	~	~	санаж байна уу; гэж байна уу	Z байна уу	41	36	218
~	~	~	~	ширтэж байснаа; зогсож байснаа; ажиглаж байснаа	Z байснаа	36	32	251
~	~	~	~	татаж аваад; шүүрч аваад	Z аваад	27	24	324
~	~	~	~	гэж байгаа юм шиг	Z байгаа юм шиг	25	22	338
~	~	~	~	гэж байгааг	Z байгааг	23	20	370
~	~	~	~	тулгаж байгаад; гэж байгаад	Z байгаад	21	19	400
~	~	~	~	гэж байдаг	Z байдаг	21	18	401
~	~	~	~	гэж байхад	Z байхад	17	15	476
~	~	~	~	гэж билээ	Z билээ	17	15	477
~	~	~	~	гэж бий	Z бий	16	14	502
~	~	~	~	гэж байгаа нь	Z байгаа нь	15	13	531
~	~	~	~	гэж байхгүй	Z байхгүй	15	13	532
~	~	~	~	худалдаж авсан	Z авсан	14	12	571
~	~	~	~	гэж байгаа юм	Z байгаа юм	14	12	572
~	~	~	~	гэж байх уу	Z байх уу	14	12	573
~	~	~	~	авчирч өгсөн	Z өгсөн	13	11	618
~	~	~	~	гүйж очоод	Z очоод	13	11	619
~	~	~	~	ингэж явсаар	Z явсаар	13	11	620
~	~	~	~	гэж үү дээ	Z үү дээ	12	11	675

~	~	~	~	гэжс байжс	Z байжс	12	11	676
~	~	~	~	гэжс их л	Z их л	12	11	677
~	~	~	~	буцажс ирлээ	Z ирлээ	11	10	734
~	~	~	~	унажс яваа	Z яваа	11	10	735
~	~	~	~	заажс өгнө	Z өгнө	10	9	814
~	~	~	~	гэжс байгаа бол	Z байгаа бол	10	9	815
~	~	~	~	гэжс гэнэ	Z гэнэ	10	9	816
~	~	~	~	би мэдэжс байна	би Z байна	13	11	621
~	~	~	~	гэжс бодожс; гэжс хэлжс	гэжс Z	77	67	110
~	~	~	~	гэжс бодожс байна	гэжс Z байна	39	34	233
~	~	~	~	гэжс бодожс байлаа	гэжс Z байлаа	14	12	574
~	~	~	~	гэжс бодожс байна уу	гэжс Z байна уу	14	12	575
~	~	~	~	гэжс бодожс байсан	гэжс Z байсан	13	11	622
~	~	~	~	гэжс бодожс явлаа	гэжс Z явлаа	13	11	623
~	~	~	~	гээд гарч	гээд Z	12	11	678
~	~	~	~	гэжс бодожс байв	гэжс Z байв	10	9	817
~	~	~	~	энд иржс	энд Z	10	9	818
CVB.CONC	13	11	165	гэжс бодовч	гэжс Z	13	11	624
CVB.COND1	41	37	90	гэжс асуувал	гэжс Z	17	15	478
~	~	~	~	заавал ирнэ	Z ирнэ	12	11	679
~	~	~	~	тэгвэл ч	Z ч	12	11	680
CVB.MOD	273	239	28	шүүрэн авч; татан авч; хүлээн авч; тэврэн авч; угтан авч; таслан авч	Z авч	150	131	60
~	~	~	~	хэмээн бодожс; эргэцүүлэн бодожс	Z бодожс	36	32	252
~	~	~	~	давхин иржс; хүрэлцэн иржс	Z иржс	24	21	357
~	~	~	~	байн байн	Z байн	21	18	402
~	~	~	~	зүлгэн дээр	Z дээр	18	16	456
~	~	~	~	сөхрөн суужс	Z суужс	13	11	626
~	~	~	~	завилан суугаад	Z суугаад	11	10	736
CVB.MOD & REL-NOM	13	11	166	чи бидэн	чи Z	13	11	625
CVB.MOD	273	239	28	гэжс хашгиран; гэжс гайхан; гэжс үзэн; гэжс шивнэн; гэжс бодогдон; гэжс өгүүлэн; гэжс хэлэн; гэжс баярлан; гэжс дуудан; гэжс инээмсэглэн; гэжс харамсан	гэжс Z	186	164	46
~	~	~	~	тас анин	тас Z	11	10	737
CVB.PERSEV	18	16	140	гэжс бодсоор	гэжс Z	18	16	457
CVB.TERM	80	71	56	болтол нь	Z нь	17	15	479
~	~	~	~	тэгтэл ч	Z ч	13	11	627
~	~	~	~	гэтэл энэ нь	Z энэ нь	10	9	819
~	~	~	~	гэжс бодтол; гэжс хэлтэл	гэжс Z	30	27	301
~	~	~	~	тас хийтэл	тас Z	10	9	820
DAT	797	704	11	энд байгаа	Z байгаа	11	10	740

~	~	~	~	зүрхэнд минь; сэтгэлд минь	Z минь	22	20	384
~	~	~	~	сэтгэлд нь; оронд нь; өөрт нь; нүүрэнд нь; санаанд нь; гарт нь; үүнд нь; царайд нь; хөлд нь; биед нь; магнайд нь; замд нь; цагт нь; амьдралд нь; түүнд нь; бүрд нь; биенд нь; хоолойд нь; голд нь; дуунд нь; зүрхэнд нь; толгойд нь	Z нь	554	489	10
~	~	~	~	усанд орж; үгэнд орж; өрөөнд орж	Z орж	37	33	245
~	~	~	~	над руу	Z руу	42	37	214
~	~	~	~	хэнд ч; юунд ч	Z ч	72	63	116
~	~	~	~	энд чинь	Z чинь	11	10	741
~	~	~	~	над шиг	Z шиг	48	42	183
DAT & CVB.ANT	10	9	206	гэж оролдоод	гэж Z	10	9	821
DAT	797	704	11	би танд	би Z	25	22	339
~	~	~	~	бид хоёрт	бид Z	24	21	358
~	~	~	~	ийм үед	ийм Z	21	18	403
~	~	~	~	миний сэтгэлд	миний Z	21	18	404
~	~	~	~	нөгөө талд	нөгөө Z	17	15	480
~	~	~	~	нэг хүнд	нэг Z	12	11	682
~	~	~	~	нэгэн цагт	нэгэн Z	45	40	201
~	~	~	~	түүний оронд	түүний Z	10	9	825
~	~	~	~	та бүхэнд	та Z	11	10	742
~	~	~	~	тэр цагт; тэр үед; тэр хүнд	тэр Z	124	109	71
~	~	~	~	хэн бүхэнд	хэн Z	10	9	826
~	~	~	~	чи юунд	чи Z	15	13	533
~	~	~	~	энд тэнд	энд Z	79	70	108
~	~	~	~	энд тэнд нь	энд Z нь	10	9	827
~	~	~	~	энэ үед; энэ дэлхийд; энэ үгэнд; энэ удаад; энэ хүнд; энэ хорвоод; энэ бүхэнд	энэ Z	225	198	35
DAT-ABL	12	11	174	энд тэндээс	энд Z	12	11	681
DAT-CAR-NOM	32	28	101	энд тэндгүй	энд Z	32	28	285
DAT-POSS.REFL	151	134	39	ердөө л	Z л	40	35	223
~	~	~	~	гэж өөртөө	гэж Z	27	24	325
~	~	~	~	цээжснд нь	Z нь	18	16	458
~	~	~	~	гэртээ ирээд	Z ирээд	14	12	576
~	~	~	~	гартаа барьсан	Z барьсан	11	10	738
~	~	~	~	гэртээ орж	Z орж	11	10	739
~	~	~	~	гэртээ ирж	Z ирж	10	9	822
~	~	~	~	ажилдаа явсан	Z явсан	10	9	823
~	~	~	~	нэг хэсэгтээ	нэг Z	10	9	824
ESS2-ABL	17	15	143	дотоос нь	Z нь	17	15	481
GEN-ACC	65	57	66	толгойгий нь; хэдий нь	Z нь	26	23	332
~	~	~	~	хэдий ч	Z ч	18	16	459
~	~	~	~	аль хэдий нь	аль Z нь	21	18	405

GEN-NOM	846	747	9	жилийн өмнө; юуны өмнө; олны өмнө; нүдний өмнө; түүний өмнө	Z өмнө	189	167	44
~	~	~	~	өөрийн нь; нүдний нь; түүний нь; морины нь; үүний нь	Z нь	143	126	62
~	~	~	~	гэрийн дотор; зуурын дотор; түүний дотор; хүний дотор; сэтгэлийн дотор; миний дотор; жилийн дотор	Z дотор	120	106	76
~	~	~	~	орны минь; нутгийн минь; ээжийн минь; биеийн минь; сэтгэлийн минь; хүүгийн минь; чиний минь	Z минь	108	96	80
~	~	~	~	олны дунд; харанхуйн дунд; хүмүүсийн дунд	Z дунд	53	47	166
~	~	~	~	галын дэргэд; миний дэргэд	Z дэргэд	39	34	234
~	~	~	~	юуны урьд	Z урьд	31	27	293
~	~	~	~	жилийн дараа; цагийн дараа	Z дараа	29	26	306
~	~	~	~	миний л	Z л	16	14	503
~	~	~	~	хэний ч	Z ч	16	14	504
~	~	~	~	өглөөний нар	Z нар	15	13	534
~	~	~	~	нөхдийн хамт	Z хамт	15	13	535
~	~	~	~	богдын хүрээ	Z хүрээ	13	11	628
~	~	~	~	юуны чинь	Z чинь	13	11	629
~	~	~	~	тэнгэрийн дор	Z дор	12	11	683
~	~	~	~	иймийн тул	Z тул	12	11	684
~	~	~	~	хүний хувь	Z хувь	12	11	685
~	~	~	~	хүний тухай	Z тухай	10	9	828
GEN-NOM & PC.PRF-GEN-NOM	11	10	185	өнгөрсний дараа	Z дараа	11	10	743
GEN-NOM	846	747	9	аль хэдийн	аль Z	77	68	111
~	~	~	~	би өөрийн	би Z	15	13	536
~	~	~	~	гэх мэтийн	гэх Z	19	17	434
~	~	~	~	гэж эрдэнийн хэлэхэд	гэж Z хэлэхэд	15	13	537
~	~	~	~	их талын; их зохиолчийн; их хурлын; их усны	их Z	47	42	188
~	~	~	~	манай нутгийн	манай Z	12	11	686
~	~	~	~	нөгөө талын	нөгөө Z	11	10	744
~	~	~	~	нэг хүний; нэг ёсны; нэг бодлын	нэг Z	47	41	189
~	~	~	~	нэгэн бодлын	нэгэн Z	14	12	577
~	~	~	~	олон хүний; олон жилийн; олон улсын	олон Z	76	68	114
~	~	~	~	олон жилийн өмнө	олон Z өмнө	10	9	829
~	~	~	~	та бүхний	та Z	10	9	830

~	~	~	~	тэр хүний; тэр үеийн; тэр цагийн; тэр жилийн; тэр уулын	тэр Z	89	78	95
~	~	~	~	хэдэн жилийн өмнө	хэдэн Z өмнө	34	30	267
~	~	~	~	хэн хүний; хэн бүхний	хэн Z	23	20	371
~	~	~	~	хэдэн хүний	хэдэн Z	10	9	831
~	~	~	~	энэ хүний; энэ уулын; энэ хорвоогийн	энэ Z	55	48	156
GEN-SUBST-NOM	35	30	94	өөрийнх нь; нүднийх нь	Z нь	35	30	260
GEN-SUBST- POSS.REFL	11	10	186	түүнийхээ дээр	Z дээр	11	10	745
GEN/ACC	175	154	36	сэтгэлий нь; өөрий нь; гары нь; хөлий нь; биеий нь; нүүрий нь; учры нь; үгий нь; гэрий нь; амы нь; нэрий нь	Z нь	155	136	57
~	~	~	~	бүхий л	Z л	20	18	425
GEN/ACC & GEN/ ACC & PC.DUR- GEN/ACC	11	10	187	бараагий нь	Z нь	11	10	746
INSTR	382	336	23	зүгээр үү	Z үү	12	11	687
~	~	~	~	зүгээр л	Z л	44	39	207
~	~	~	~	ёсоор нь; хүзүүгээр нь	Z нь	24	21	359
~	~	~	~	дуугаар хэлэв	Z хэлэв	46	40	194
~	~	~	~	дуугаар хэлээд	Z хэлээд	17	15	482
~	~	~	~	нүдээр харж	Z харж	14	12	578
~	~	~	~	өөрөөр хэлэхэд	Z хэлэхэд	10	9	833
~	~	~	~	юугаар ч	Z ч	14	12	579
~	~	~	~	би зүгээр	би Z	13	11	630
~	~	~	~	гэх зэргээр; гэх мэтээр	гэх Z	38	34	239
~	~	~	~	нөгөө талаар	нөгөө Z	56	49	152
~	~	~	~	нэг талаар	нэг Z	29	26	307
~	~	~	~	тэр ёсоор	тэр Z	21	18	406
~	~	~	~	чи зүгээр	чи Z	19	17	435
~	~	~	~	энэ үеэр; энэ мэтээр	энэ Z	25	22	340
INSTR-POSS. REFL	10	9	207	би ганцаараа	би Z	10	9	832
LAT	65	58	67	ийш тийш	Z тийш	54	48	160
~	~	~	~	өөр тийш	өөр Z	11	10	747
N.PL4A-NOM	38	33	91	хүүхдүүд минь	Z минь	23	20	372
~	~	~	~	хүүхдүүд нь	Z нь	15	13	538
NOM & A.COM- NOM & DAT	76	67	59	та нарт	та Z	47	41	190
~	~	~	~	хайрт минь	Z минь	19	17	436
~	~	~	~	үзүүрт нь	Z нь	10	9	834
NOM & ABL	92	81	50	араас нь	Z нь	81	71	104
~	~	~	~	түүний араас	түүний Z	11	10	748
NOM & ABS-NOM	571	504	18	эх нь; дуу нь; гэдэс нь; зүс нь; яс нь; хуруу нь	Z нь	197	174	43
~	~	~	~	сум шиг; од шиг; сүү шиг; цас шиг; дуу шиг	Z шиг	85	75	99
~	~	~	~	гэж дуу; гэж хариу	гэж Z	70	62	120
~	~	~	~	дуу алдан	Z алдан	44	39	208

~	~	~	~	нэг сум; нэг аяга; нэг шил	нэг Z	34	30	268
~	~	~	~	гэж дуу алдан	гэж Z алдан	33	29	277
~	~	~	~	юу ч; дуу ч	Z ч	23	20	373
~	~	~	~	дуу гарч	Z гарч	21	18	407
~	~	~	~	юү вэ	Z вэ	16	14	505
~	~	~	~	эх болсон	Z болсон	15	13	539
~	~	~	~	өөр хариу	өөр Z	11	10	749
~	~	~	~	бага нуур	бага Z	11	10	750
~	~	~	~	миний эх	миний Z	11	10	751
NOM & ABS-NOM & PC.DUR-NOM & POSS.REFL	10	9	208	бараа нь	Z нь	10	9	835
NOM	19539	17139	1	хэрэг үү; тийм үү; тэр үү; энэ үү; хүн үү; үнэн үү	Z үү	229	201	33
~	~	~	~	тэнгэр өөд; нүүр өөд	Z өөд	29	25	310
~	~	~	~	зүүн өмнө	Z өмнө	13	11	644
~	~	~	~	баги аа; ах аа; аав аа; жанжин аа; найз аа; дарга аа	Z аа	138	123	65
~	~	~	~	хэрэг алга; хүн алга; арга алга; даанч алга	Z алга	69	61	124
~	~	~	~	инээд алдан; хөл алдан; ухаан алдан; уулга алдан	Z алдан	60	52	139
~	~	~	~	аль аль нь	Z аль нь	14	12	585
~	~	~	~	хүн бөгөөд	Z бөгөөд	14	12	586
~	~	~	~	энэ бүхэн нь	Z бүхэн нь	11	10	763
~	~	~	~	хүн байна; энэ байна; тийм байна; сайхан байна; ямар байна; тэр байна; сайн байна; бэлэн байна; газар байна; морь байна; муу байна; хэрэг байна	Z байна	204	181	40
~	~	~	~	хүн байлаа; хэрэг байлаа; тэр байлаа	Z байлаа	58	51	143
~	~	~	~	сайн байна уу	Z байна уу	46	40	195
~	~	~	~	тэр байтугай; хүн байтугай	Z байтугай	40	36	225
~	~	~	~	хүн байжээ; энэ байжээ	Z байжээ	22	20	385
~	~	~	~	тийм байх; хүн байх	Z байх	20	18	426
~	~	~	~	хүн байсан	Z байсан	16	14	507
~	~	~	~	хүн байж	Z байж	15	13	544
~	~	~	~	хүн байсан юм	Z байсан юм	11	10	764
~	~	~	~	хүн байна даа	Z байна даа	10	9	842
~	~	~	~	ёс бий; хүн бий; тийм бий	Z бий	36	31	253
~	~	~	~	энэ билээ; тэр билээ; хүн билээ; сан билээ	Z билээ	80	71	106
~	~	~	~	хүн биш; тийм биш; хэрэг биш	Z биш	98	86	86

~	~	~	~	энэ бол; тэр бол; хүн бол; тийм бол; сан бол	Z бол	463	407	13
~	~	~	~	аль болохоор; хүн болохоор; тийм болохоор	Z болохоор	94	82	89
~	~	~	~	хүн болж; тус болж; их болж; эр болж; аз болж	Z болж	91	80	92
~	~	~	~	дасал болсон; цаг болсон; цус болсон	Z болсон	54	48	161
~	~	~	~	ямар боловч; бага боловч; хүн боловч	Z боловч	46	40	196
~	~	~	~	бодол болон	Z болон	27	24	327
~	~	~	~	тус болох; хүн болох	Z болох	21	19	410
~	~	~	~	хэрэг болно	Z болно	18	16	463
~	~	~	~	овогтон болов	Z болов	15	13	545
~	~	~	~	цаг боллоо	Z боллоо	12	11	698
~	~	~	~	том болоод	Z болоод	11	10	765
~	~	~	~	огт болохгүй	Z болохгүй	11	10	766
~	~	~	~	хүн болохыг	Z болохыг	10	9	843
~	~	~	~	хүн бэ; амьтан бэ; сайхан бэ	Z бэ	102	89	84
~	~	~	~	энэ вэ; тэр вэ; аль вэ; хэрэг вэ; улс вэ; гээ вэ; золиг вэ; хүүхэд вэ	Z вэ	227	201	34
~	~	~	~	царай гарган	Z гарган	24	21	362
~	~	~	~	хүн гарч	Z гарч	12	11	699
~	~	~	~	дүгэр гуай; банди гуай; шарав гуай; ням гуай; янжин гуай; өвгөн гуай; эрдэнэ гуай	Z гуай	102	90	85
~	~	~	~	тэр гэх вэ	Z гэх вэ	16	14	508
~	~	~	~	амьтан даа; ямай даа; яршиг даа	Z даа	40	35	226
~	~	~	~	тэртээ дор	Z дор	10	9	844
~	~	~	~	тэр дунд; шөнө дунд; өдөр дунд; бага дунд	Z дунд	69	61	125
~	~	~	~	орон дээр; эрэг дээр; толгой дээр; дээл дээр; газар дээр; дэнж дээр; сандал дээр; шалан дээр; зам дээр; хорвоо дээр; гар дээр; бүр дээр; буудал дээр; ертөнц дээр; зах дээр; ирмэг дээр; талбай дээр; гал дээр; хичээл дээр; хог дээр; дэлхий дээр; тавцан дээр; өвөр дээр; дэвсгэр дээр; хацар дээр	Z дээр	469	413	12

~	~	~	~	орон дээрээ; хөл дээрээ; өвдөг дээрээ; өвөр дээрээ; гар дээрээ; эмээл дээрээ; толгой дээрээ; хэрэг дээрээ	Z дээрээ	168	148	50
~	~	~	~	хүн дээ; тийм дээ; энэ дээ; тэр дээ; хэрэг дээ	Z дээ	129	114	69
~	~	~	~	толгой дээр нь	Z дээр нь	11	10	767
~	~	~	~	хүн ирж	Z ирж	17	15	484
~	~	~	~	өдөр ирэх	Z ирэх	13	11	645
~	~	~	~	их л; дэмий л; төдий л; тэр л; ийм л; энэ л; арай л; улам л; аанай л; тийм л; хүн л; өнөөх л; зөвхөн л; нээрээ л; хоёр л; цөм л; бүх л; чухам л; нөгөө л	Z л	802	706	5
~	~	~	~	тийм л дээ	Z л дээ	13	11	646
~	~	~	~	хүү минь; ээж минь; аав минь; дүү минь; охин минь; зүрх минь; өвгөн минь; бурхан минь; нөхөр минь; орон минь; хөөрхий минь; тэр минь; ах минь; эрдэнэ минь; хонгор минь; сэтгэл минь; нас минь; нутаг минь; нөхөд минь; найз минь; эвий минь; бие минь; үр минь; тэнгэр минь; эцэг минь; ижсий минь; морь минь; эгч минь; эжсий минь; дарга минь; эзэн минь; долгор минь; амраг минь; москва минь; наваан минь; эхнэр минь; багш минь; хүүхэд минь	Z минь	1338	1178	2
~	~	~	~	сайн мэднэ	Z мэднэ	35	31	262
~	~	~	~	энэ мэт; буй мэт	Z мэт	40	35	227
~	~	~	~	лам нар; дүү нар; дарга нар; шар нар; багш нар; ач нар; хурц нар	Z нар	151	134	59
~	~	~	~	лам нарын; багш нарын; дарга нарын	Z нарын	54	48	162

~	~	~	~	ер нь; зарим нь; сэтгэл нь; энэ нь; уг нь; тэр нь; царай нь; бие нь; хүү нь; ард нь; зүрх нь; хөл нь; ээж нь; хоёр нь; гар нь; нөгөө нь; ах нь; морь нь; эцэг нь; аав нь; газар нь; эхнэр нь; нөхөр нь; толгой нь; эзэн нь; гол нь; хоолой нь; охин нь; нүүр нь; үс нь; нөхөд нь; ухаан нь; гэр нь; зах нь; хүн нь; арга нь; бүхэн нь; багш нь; байдал нь; уруул нь; эмгэн нь; мөр нь; жишээ нь; нэр нь; хамар нь; чих нь; хөмсөг нь; цээж нь; шүд нь; үзүүр нь; нохой нь; хүүхэд нь; хэсэг нь; шөнө нь; өдөр нь; бодол нь; өнгө нь; нойр нь; нуруу нь; сүнс нь; эгчмэд нь; уур нь; хөлс нь; ажил нь; аль нь; дүү нь; зориг нь; авгай нь; амьдрал нь; гал нь; ижий нь; үнэр нь; амьсгал нь; буй нь; гэм нь; дарга нь; зан нь; зэрэг нь; цаг нь; шар нь; эгч нь; өвдөг нь; өвчин нь; гээгэ нь; зовхи нь; урам нь; утга нь; хүсэл нь; хацар нь; хэрэг нь; зам нь; сайхан нь; сахал нь; тэрэг нь; эр нь; дээл нь; инээд нь; хүмүүс нь; хонь нь; хувцас нь	Z нь	3993	3516	1
~	~	~	~	аль нь ч	Z нь ч	13	11	647
~	~	~	~	ер нь л	Z нь л	12	11	700
~	~	~	~	энэ нь бол	Z нь бол	11	10	768
~	~	~	~	ямар нэг юм	Z нэг юм	19	17	440
~	~	~	~	зарим нэг нь	Z нэг нь	15	13	546
~	~	~	~	ямар нэгэн юм	Z нэгэн юм	15	13	547
~	~	~	~	ухаан орж	Z орж	12	11	701
~	~	~	~	үүд рүү; эрэг рүү	Z рүү	25	22	344
~	~	~	~	нүүр рүү нь	Z рүү нь	10	9	845
~	~	~	~	хот руу; зах руу; толгой руу	Z руу	36	32	254
~	~	~	~	зүүн талын; баруун талын; хоёр талын	Z талын	72	63	117
~	~	~	~	баруун талд; зүүн талд; хоёр талд	Z талд	41	37	219
~	~	~	~	цагаан тал; дах тал	Z тал	27	24	328

~	~	~	~	зүүн талаар	Z талаар	10	9	846
~	~	~	~	баруун тийш; зүүн тийш; хоёр тийш	Z тийш	48	42	184
~	~	~	~	хүн тул	Z тул	13	11	648
~	~	~	~	энэ тухай; тэр тухай	Z тухай	57	50	147
~	~	~	~	энэ удаа; олон удаа; хоёр удаа; эцсийн удаа	Z удаа	126	110	70
~	~	~	~	энэ удаа ч	Z удаа ч	10	9	847
~	~	~	~	сайн уу	Z уу	21	18	411
~	~	~	~	том хүрэн	Z хүрэн	17	15	485
~	~	~	~	өдий хүртэл	Z хүртэл	14	12	587
~	~	~	~	буруу харж	Z харж	15	13	548
~	~	~	~	хоол хийж; ажил хийж; цай хийж	Z хийж	70	62	121
~	~	~	~	нөгөө хоёр нь	Z хоёр нь	12	11	702
~	~	~	~	баруун хойноос	Z хойноос	11	10	769
~	~	~	~	баруун хойш	Z хойш	11	10	770
~	~	~	~	ямар ч; бүр ч; улам ч; энэ ч; тийм ч; тэр ч; хүн ч; үнэхээр ч; хоёр ч; хичнээн ч; өчүүхэн ч; аль ч; ганц ч; огтхон ч; арай ч; сайхан ч; нээрэн ч; түүгээр ч; хүмүүс ч; хүү ч; өвгөн ч; нээрээ ч; олон ч; бүүр ч; балданцэрэн ч; дэжид ч; ийм ч; муу ч; явдал ч	Z ч	1141	1003	3
~	~	~	~	тэр ч байтугай	Z ч байтугай	40	35	228
~	~	~	~	ямар ч байсан	Z ч байсан	18	16	464
~	~	~	~	тэр ч яахав	Z ч яахав	12	11	703
~	~	~	~	энэ чинь; тэр чинь; аав чинь; өвгөн чинь; хүү чинь; хүн чинь; ах чинь; бие чинь; нөхөр чинь; ээж чинь; эцэг чинь	Z чинь	511	448	11
~	~	~	~	хүн шүү; амьтан шүү; сайхан шүү	Z шүү	69	61	126
~	~	~	~	хүн шүү дээ; амьтан шүү дээ	Z шүү дээ	45	40	202
~	~	~	~	хүн шиг; хүүхэд шиг; чам шиг; шувуу шиг; чулуу шиг; морь шиг; цэцэг шиг; сар шиг; гал шиг; хоёр шиг; чоно шиг; зураг шиг; мал шиг; нохой шиг; тэнгэр шиг; могой шиг; гол шиг; сүүдэр шиг	Z шиг	427	378	16
~	~	~	~	тийм ээ; ээж ээ; хэрэг ээ; тэр ээ	Z ээ	238	209	31

~	~	~	~	бүх юм; өөр юм; хүн юм; их юм; сайхан юм; муу юм; олон юм; тийм юм; ийм юм; дэмий юм; сонин юм; улс юм; амьтан юм; хачин юм; хэцүү юм; сайн юм; хамаг юм	Z юм	399	352	18
~	~	~	~	хүн юм даа; эр юм даа	Z юм даа	24	21	363
~	~	~	~	ихэр юм шиг	Z юм шиг	11	10	771
~	~	~	~	сайн явж байна уу	Z явж байна уу	10	9	848
~	~	~	~	зүг явлаа	Z явлаа	16	14	509
~	~	~	~	өөр ямар ч	Z ямар ч	15	13	549
NOM & CAR-NOM	56	49	72	аягүй бол	Z бол	56	49	153
NOM & CAR-NOM & PC.US-CAR-NOM	26	23	115	болдоггүй юм	Z юм	26	23	333
NOM & CAR-NOM	56	49	72	чимээгүй болов	Z болов	15	13	540
~	~	~	~	гайгүй ээ	Z ээ	15	13	541
NOM & CAR-NOM & CAR-NOM	13	11	167	бүсгүй минь	Z минь	13	11	631
NOM & CAR-NOM	56	49	72	сураггүй алга	Z алга	11	10	752
NOM & COM-NOM	98	87	47	гэсэн янзтай; гэсэн утгатай	гэсэн Z	25	22	341
~	~	~	~	золтой л	Z л	23	20	374
~	~	~	~	харамсалтай нь	Z нь	14	12	580
~	~	~	~	сүртэй бөгөөд	Z бөгөөд	12	11	688
~	~	~	~	өөр хүнтэй	өөр Z	12	11	689
~	~	~	~	би хайртай	би Z	12	11	690
NOM & CVB.ANT	57	50	70	дахиад л	Z л	57	50	146
NOM & CVB.CNDR	13	11	168	чингэж байтал	Z байтал	13	11	632
NOM & CVB.MOD	162	142	38	гэж бодон; гэж яаран	гэж Z	162	142	55
NOM & DAT	381	337	24	эцэст нь; харцуд нь; сүүлд нь; эзэд нь	Z нь	310	273	26
~	~	~	~	шууд л	Z л	18	16	460
~	~	~	~	бүргэд шиг	Z шиг	12	11	692
~	~	~	~	шууд явсаар	Z явсаар	11	10	753
~	~	~	~	анд минь	Z минь	10	9	836
~	~	~	~	хойд талын	Z талын	10	9	837
~	~	~	~	унд хийж	Z хийж	10	9	838
NOM & DAT & CVB.ANT	12	11	175	ахиад л	Z л	12	11	691
NOM & DAT & DAT	25	22	117	хамгийн түрүүнд	хамгийн Z	25	22	342
NOM & DAT	381	337	24	гэж шууд	гэж Z	12	11	693
NOM & DAT-POSS.REFL	28	25	110	тэр мөртөө	тэр Z	28	25	318
NOM & GEN-NOM	220	194	31	эдний дунд; зуны дунд; намрын дунд	Z дунд	35	31	261
~	~	~	~	насны минь; төрийн минь	Z минь	34	30	269

~	~	~	~	хэдэн өдрийн дараа; хэдэн хоногийн дараа	хэдэн дараа	Z	34	30	270
~	~	~	~	хоногийн өмнө; толины өмнө	Z өмнө		33	29	278
~	~	~	~	хоногийн дараа	Z дараа		29	26	308
~	~	~	~	энэ өдрийн; энэ айлын	энэ Z		28	24	319
~	~	~	~	их сургуулийн; их бууны	их Z		27	24	326
NOM & GEN-NOM & REL-GEN-NOM	21	18	132	их мөрний	их Z		21	18	408
NOM & GEN-NOM	220	194	31	тэр өдрийн	тэр Z		21	18	409
NOM & GEN-NOM & CVB.MOD	19	17	136	гүйн ирж	Z ирж		19	17	437
NOM & GEN-NOM & GEN-NOM	18	16	141	манай ангийн	манай Z		18	16	461
NOM & GEN-NOM	220	194	31	хоногийн дотор	Z дотор		18	16	462
~	~	~	~	сарны дор	Z дор		17	15	483
~	~	~	~	хэдэн өдрийн	хэдэн Z		14	12	581
NOM & GEN-NOM & GEN-NOM	18	16	141	олон өнгийн	олон Z		13	11	633
NOM & GEN-NOM	220	194	31	бага үдийн	бага Z		13	11	634
~	~	~	~	хэд хоногийн дараа	хэд Z дараа		13	11	635
NOM & GEN-NOM & CVB.MOD	19	17	136	гүйн очиж	Z очиж		12	11	694
NOM & GEN-NOM	220	194	31	амьдралын тухай	Z тухай		11	10	754
NOM & INSTR	10	9	209	амьдаар нь	Z нь		10	9	839
NOM & INSTR- POSS.REFL	23	20	126	тэр чигээрээ	тэр Z		23	20	375
NOM & PC.DUR- CAR-NOM	11	10	190	амжаагүй байтал	Z байтал		11	10	755
NOM & PC.PRF- NOM	66	58	64	миний төрсөн	миний Z		29	26	309
~	~	~	~	төрсөн минь	Z минь		13	11	636
~	~	~	~	өнгөрсөн хойно	Z хойно		13	11	637
~	~	~	~	үлдсэн юм	Z юм		11	10	756
NOM & PC.US- NOM	47	42	85	болдог юм	Z юм		25	22	343
~	~	~	~	болдог билээ	Z билээ		11	10	757
~	~	~	~	болдог юм бэ	Z юм бэ		11	10	758
NOM & POSS. REFL	83	71	55	лугаа адил	Z адил		30	26	302
~	~	~	~	өвөө нь	Z нь		14	12	582
~	~	~	~	аль хэдийнээ	аль Z		13	11	638
~	~	~	~	гээд дулмаа	гээд Z		13	11	639
~	~	~	~	тэр тусмаа	тэр Z		13	11	640
NOM & POSS. REFL & VF.IND. PROF-EMPH	12	11	178	их баярлалаа	их Z		12	11	695
NOM & POSS. REFL	83	71	55	согоо шиг	Z шиг		12	11	696
NOM & REL-NOM	90	80	52	хамгийн түрүүн	хамгийн Z		33	29	279
~	~	~	~	мөрөн дээр; элсэн дээр	Z дээр		24	22	360
~	~	~	~	мөрөн дээрээ	Z дээрээ		19	17	438
~	~	~	~	гэж чулуун	гэж Z		14	12	583

NOM & REL-NOM & CVB.MOD	11	10	191	<i>тосон авч</i>	<i>Z авч</i>	11	10	759
NOM & REL-NOM	90	80	52	<i>чудлуун минь</i>	<i>Z минь</i>	11	10	760
NOM & VF.IND. AOR	13	11	170	<i>элдэв юм</i>	<i>Z юм</i>	13	11	641
NOM & VF.OPT. JUSS	43	38	89	<i>бараг л</i>	<i>Z л</i>	43	38	210
NOM & VF.OPT. IMP	187	165	35	<i>ай даа</i>	<i>Z даа</i>	40	35	224
~	~	~	~	<i>битгий хэл</i>	<i>битгий Z</i>	33	29	280
~	~	~	~	<i>бүү хэл</i>	<i>бүү Z</i>	32	28	286
~	~	~	~	<i>хар юм</i>	<i>Z юм</i>	24	21	361
~	~	~	~	<i>гээж хэл; гээж хар</i>	<i>гээж Z</i>	23	21	376
~	~	~	~	<i>тас хар</i>	<i>тас Z</i>	19	17	439
~	~	~	~	<i>нэг хар</i>	<i>нэг Z</i>	16	14	506
NOM & VF.OPT. IMP & ABS-NOM	15	13	152	<i>их буу</i>	<i>их Z</i>	15	13	542
NOM & VF.OPT. IMP	187	165	35	<i>энэ хар</i>	<i>энэ Z</i>	15	13	543
~	~	~	~	<i>хэл нь</i>	<i>Z нь</i>	13	11	642
~	~	~	~	<i>бага сага</i>	<i>бага Z</i>	13	11	643
~	~	~	~	<i>тэр хар</i>	<i>тэр Z</i>	12	11	697
NOM & VF.OPT. IMP & DAT	11	10	193	<i>хамгийн сүүлд</i>	<i>хамгийн Z</i>	11	10	761
NOM & VF.OPT. IMP	187	165	35	<i>хэл мэдэхгүй</i>	<i>Z мэдэхгүй</i>	11	10	762
NOM & VF.OPT. IMP & A.COM-NOM & DAT	10	9	210	<i>миний хайрт</i>	<i>миний Z</i>	10	9	840
NOM & VF.OPT. JUSS	43	38	89	<i>гээж бараг</i>	<i>гээж Z</i>	10	9	841
NOM	19539	17139	1	<i>өөр хүн; өөр арга</i>	<i>өөр Z</i>	38	34	240
~	~	~	~	<i>өнөөх хүн</i>	<i>өнөөх Z</i>	10	9	849
~	~	~	~	<i>бүх бие; бүх гэр; бүх цэрэг</i>	<i>бүх Z</i>	34	30	271
~	~	~	~	<i>бүх бие нь</i>	<i>бүх Z нь</i>	24	21	364
~	~	~	~	<i>бүрэн эрхт</i>	<i>бүрэн Z</i>	15	13	550
~	~	~	~	<i>бага зэрэг; бага балчир</i>	<i>бага Z</i>	42	37	215
~	~	~	~	<i>бас чингис; бас дахин; бас хоёр</i>	<i>бас Z</i>	60	53	140
~	~	~	~	<i>би хүн; би хоёр</i>	<i>би Z</i>	27	24	329
~	~	~	~	<i>би ер нь</i>	<i>би Z нь</i>	17	15	486
~	~	~	~	<i>би гэдэг хүн</i>	<i>би гэдэг Z</i>	17	15	487
~	~	~	~	<i>бид хоёр</i>	<i>бид Z</i>	300	264	27
~	~	~	~	<i>битгий уйл</i>	<i>битгий Z</i>	10	9	850
~	~	~	~	<i>бор морь</i>	<i>бор Z</i>	25	22	345
~	~	~	~	<i>ганц хоёр; ганц бие; ганц хүн; ганц хүү</i>	<i>ганц Z</i>	67	59	129
~	~	~	~	<i>гэвч балданцэрэн; гэвч хүн</i>	<i>гэвч Z</i>	32	28	287
~	~	~	~	<i>гэдэг газар; гэдэг бодол; гэдэг хүн; гэдэг амьтан; гэдэг нэр</i>	<i>гэдэг Z</i>	114	101	78

~	~	~	~	гэж эрдэнэ; гэж сэтгэл; гэж өвгөн; гэж бат; гэж дахин; гэж төмөр; гэж балданцэрэн; гэж хонгор; гэж дорж; гэж толгой; гэж жаргал; гэж огт; гэж хоёр; гэж ээж; гэж долгор; гэж жигтэйхэн; гэж бүдүүн; гэж бие; гэж зарлиг; гэж хоолой; гэж шонхолой; гэж должин; гэж ер; гэж баахан; гэж дулмаа; гэж хичнээн; гэж өндөр; гэж багш; гэж баяр; гэж ганзориг; гэж данзан; гэж залуу; гэж сүхбаатар; гэж хуяг; гэж цамба; гэж эмгэн; гэж арай; гэж довчин; гэж худал; гэж өлзий; гэж павлов; гэж сулхан; гэж түгжил; гэж хүн; гэж хатуу; гэж хэсэг	гэж Z	869	768	4
~	~	~	~	гэж зарлиг болов	гэж Z болов	72	63	118
~	~	~	~	гэж эрдэнэ хэлэв	гэж Z хэлэв	14	12	588
~	~	~	~	гэсэн бодол; гэсэн хэрэг	гэсэн Z	54	47	163
~	~	~	~	гэтэл нэг өдөр	гэтэл нэг Z	12	11	704
~	~	~	~	гэх зэрэг	гэх Z	34	30	272
~	~	~	~	гэхэд өвгөн; гэхэд хүү	гэхэд Z	31	27	294
~	~	~	~	гээд эрдэнэ; гээд төмөр; гээд бат; гээд хонгор; гээд жаргал; гээд гэрэл; гээд өвгөн; гээд дахин; гээд жамбал; гээд петр; гээд сүхбаатар; гээд түгжил	гээд Z	214	188	39
~	~	~	~	зарим хүмүүс; зарим газар; зарим хүн	зарим Z	41	36	220
~	~	~	~	ийм сайхан; ийм том	ийм Z	46	41	197
~	~	~	~	их амар; их жанжин; их сургууль; их баяр; их хэрэг	их Z	94	83	90
~	~	~	~	манай багш; манай хоёр; манай муу	манай Z	42	37	216
~	~	~	~	маш сайн; маш сайхан	маш Z	29	26	311
~	~	~	~	миний хүү; миний бие; миний дүү; миний нутаг; миний нэр; миний охин; миний аав; миний өвгөн; миний хоёр; миний муу; миний ард; миний сэтгэл	миний Z	336	297	25

~	~	~	~	нөгөө хоёр; нөгөө хүн; нөгөө муу	нөгөө Z	69	61	127
~	~	~	~	нэг өдөр; нэг хэсэг; нэг хүн; нэг үе; нэг том; нэг муу; нэг хоёр; нэг залуу; нэг сайн; нэг зэрэг; нэг газар; нэг сайхан; нэг шөнө; нэг эр; нэг хүүхэд	нэг Z	699	615	7
~	~	~	~	нэг хэсэг нь	нэг Z нь	10	9	851
~	~	~	~	нэгэн өдөр; нэгэн зэрэг; нэгэн хэсэг; нэгэн сайхан; нэгэн зүйл; нэгэн том	нэгэн Z	165	145	52
~	~	~	~	олон жил; олон хүн; олон хоног; олон дахин; олон сайхан	олон Z	168	149	51
~	~	~	~	тэр эр	тэZ эр	15	13	551
~	~	~	~	та хоёр	та Z	80	70	107
~	~	~	~	тас няс; тас харанхуй	тас Z	60	53	141
~	~	~	~	тийм том; тийм сайхан; тийм хүн	тийм Z	45	40	203
~	~	~	~	тун сайн; тун сайхан	тун Z	32	28	288
~	~	~	~	тэр хоёр; тэр хүн; тэр шөнө; тэр өдөр; тэр зүг; тэр сайхан; тэр жил; тэр том; тэр завсар; тэр муу; тэр залуу; тэр даруй; тэр зун; тэр зуур; тэр ойн; тэр намар	тэр Z	637	561	9
~	~	~	~	хамаг бие; хамаг хэрэг	хамаг Z	32	28	289
~	~	~	~	хамаг бие нь	хамаг Z нь	26	23	334
~	~	~	~	хамгийн гол нь	хамгийн Z нь	15	13	552
~	~	~	~	хамгийн сайхан	хамгийн Z	11	10	772
~	~	~	~	хэд дахин; хэд хоног	хэд Z	108	95	81
~	~	~	~	хэдэн хүн; хэдэн жил; хэдэн давхар; хэдэн өдөр; хэдэн хоног; хэдэн том; хэдэн сар	хэдэн Z	186	162	47
~	~	~	~	чи ер нь	чи Z нь	16	14	510
~	~	~	~	чи муу	чи Z	13	11	649
~	~	~	~	чи бид хоёр	чи бид Z	48	42	185
~	~	~	~	эд хөрөнгө	эд Z	14	12	589
~	~	~	~	энэ хоёр; энэ хүн; энэ зуур; энэ муу; энэ жил; энэ даруй; энэ сайхан; энэ өдөр; энэ шөнө; энэ газар; энэ дэлхийн; энэ явдал; энэ лав; энэ хүүхэн; энэ муусайн; энэ том; энэ хүү; энэ завсар; энэ өвгөн; энэ хэрэг	энэ Z	653	577	8

~	~	~	~	энэ хүн бол	энэ Z бол	11	10	773
~	~	~	~	энэ хорвоо дээр	энэ Z дээр	10	9	852
~	~	~	~	ямар сайхан; ямар хүн	ямар Z	36	32	255
NOM?	14	12	156	чогжмаа гуай	Z гуай	14	12	584
PC.ACT-NOM	67	59	63	гэгч нь	Z нь	52	46	171
~	~	~	~	гэгч вэ	Z вэ	15	13	553
PC.DMIN-POSS. REFL	24	21	122	нэг мэдэхнээ	нэг Z	24	21	365
PC.DUR-CAR- NOM	34	30	97	үзээгүй түл	Z түл	17	15	488
~	~	~	~	болоогүй юм шиг	Z юм шиг	17	15	489
PC.DUR-GEN/ ACC	16	14	146	байгаагий нь	Z нь	16	14	511
PC.DUR-GEN- NOM	11	10	195	байгаагийн хувьд	Z хувьд	11	10	774
PC.DUR-NOM	52	46	76	эгээ л	Z л	28	25	320
PC.DUR-NOM & VF.IND.PROF- EMPH	22	19	130	гэж асуулаа	гэж Z	22	19	386
PC.DUR-NOM	52	46	76	гэж яваа	гэж Z	22	19	387
~	~	~	~	яагаа ч үгүй	Z ч үгүй	19	17	441
~	~	~	~	яагаа вэ	Z вэ	11	10	775
PC.MERIT1-CAR- NOM	27	24	113	тэгэлгүй яахав	Z яахав	27	24	330
PC.PRF-ABL	49	43	79	болсноос хойш; ирэнээс хойш; явснаас хойш	Z хойш	49	43	180
PC.PRF-DAT	14	12	157	гэж асуусанд	гэж Z	14	12	590
PC.PRF-GEN- NOM	63	56	68	явсны дараа; болсны дараа	Z дараа	38	34	241
~	~	~	~	байсны нь; болсны нь	Z нь	25	22	346
PC.PRF-NOM	825	726	10	гэж бодсон; гэж хэлсэн; гэж алдаршсан; гэж ирсэн	гэж Z	121	106	73
~	~	~	~	гэсэн юм; мэдсэн юм; орхисон юм	Z юм	113	100	79
~	~	~	~	хэлүүлсэн нь; бичсэн нь; гэсэн нь; тавьсан нь; ярьсан нь; өмссөн нь	Z нь	98	87	87
~	~	~	~	гэсэн шиг	Z шиг	90	79	93
~	~	~	~	гэсэн ч; яасан ч	Z ч	70	61	122
~	~	~	~	гэсэн чинь; тэгсэн чинь	Z чинь	61	54	137
~	~	~	~	гэсэн боловч; оролдсон боловч	Z боловч	57	50	148
~	~	~	~	гэсэн юм шиг; болчихсон юм шиг; мэдсэн юм шиг	Z юм шиг	51	45	174
~	~	~	~	гэсэн мэт	Z мэт	40	35	229
~	~	~	~	удсан ч үгүй	Z ч үгүй	31	27	295
~	~	~	~	мэдсэн бол; тэгсэн бол	Z бол	29	25	312
~	~	~	~	гэж бодсон юм	гэж Z юм	19	17	442
~	~	~	~	чи яасан	чи Z	14	12	591
~	~	~	~	гэсэн билээ	Z билээ	11	10	776
~	~	~	~	гэсэн юм бэ	Z юм бэ	10	9	853
~	~	~	~	нэг харсан чинь	нэг Z чинь	10	9	854

PC.PRF-POSS. REFL	31	27	104	<i>гэж бодсоноо</i>	<i>гэж Z</i>	31	27	296
PC.PROSP-ABL	80	71	57	<i>гэж бодохоос</i>	<i>гэж Z</i>	51	45	175
~	~	~	~	<i>болохоос биш</i>	<i>Z биш</i>	29	26	313
PC.PROSP-ACC	19	17	137	<i>байхыг хараад</i>	<i>Z хараад</i>	19	17	443
PC.PROSP-ABL	80	71	57	<i>болохоос гадна</i>	<i>Z гадна</i>	11	10	777
PC.PROSP-ACC	19	17	137	<i>байхыг үзээд</i>	<i>Z үзээд</i>	11	10	778
PC.PROSP-CAR- NOM	48	43	81	<i>авахгүй бол; тэгэхгүй бол; өгөхгүй бол</i>	<i>Z бол</i>	38	34	242
~	~	~	~	<i>би мэдэхгүй</i>	<i>би Z</i>	10	9	855
PC.PROSP-DAT	639	563	16	<i>гэхэд нь; өгөхөд нь; суухад нь; тэгэхэд нь; гарахад нь; ороход нь</i>	<i>Z нь</i>	376	331	22
~	~	~	~	<i>гэж бодоход; гэж асуухад; гэж хэлэхэд</i>	<i>гэж Z</i>	133	117	67
~	~	~	~	<i>нэг мэдэхэд; нэг харахад; нэг бодоход</i>	<i>нэг Z</i>	130	115	68
PC.PROSP-DAT- POSS.REFL	34	30	98	<i>гэж бодохдоо</i>	<i>гэж Z</i>	19	17	444
~	~	~	~	<i>гэхдээ л</i>	<i>Z л</i>	15	13	554
PC.PROSP-DAT	639	563	16	<i>миний бодоход</i>	<i>миний Z</i>	14	12	592
~	~	~	~	<i>энд намайг ирэхэд</i>	<i>энд намайг Z</i>	13	11	650
~	~	~	~	<i>гэж хэлэхэд нь</i>	<i>гэж Z нь</i>	11	10	779
~	~	~	~	<i>би тэгэхэд</i>	<i>би Z</i>	10	9	856
PC.PROSP-INSTR	49	42	80	<i>тэгэхээр нь; гэхээр нь; байхаар нь</i>	<i>Z нь</i>	49	42	181
PC.PROSP-NOM	745	656	14	<i>гэх нь; цаадах нь; ихэнх нь; өгүүлэх нь; үзэгдэх нь; үзэх нь; үхэх нь; суух нь; тавих нь; харагдах нь; ярилцах нь</i>	<i>Z нь</i>	218	192	36
~	~	~	~	<i>гэх вэ; яах вэ; таарах вэ</i>	<i>Z вэ</i>	98	87	88
~	~	~	~	<i>гэж хэлэх; гэж бодох; гэж хашгирах</i>	<i>гэж Z</i>	65	57	132
~	~	~	~	<i>наадах чинь; цаадах чинь</i>	<i>Z чинь</i>	57	50	149
~	~	~	~	<i>идэх юм; гэх юм; санагдах юм</i>	<i>Z юм</i>	56	49	154
~	~	~	~	<i>гэх шиг</i>	<i>Z шиг</i>	51	45	176
~	~	~	~	<i>гэх мэт; инээмсэглэх мэт</i>	<i>Z мэт</i>	45	40	204
~	~	~	~	<i>тэгэх үү; гэх үү</i>	<i>Z үү</i>	27	23	331
~	~	~	~	<i>таних уу; барах уу</i>	<i>Z уу</i>	22	20	388
~	~	~	~	<i>гэх юм уу</i>	<i>Z юм уу</i>	19	17	445
~	~	~	~	<i>чадах билээ</i>	<i>Z билээ</i>	15	13	555
~	~	~	~	<i>гэх бол</i>	<i>Z бол</i>	13	11	651
~	~	~	~	<i>гэх боловч</i>	<i>Z боловч</i>	13	11	652
~	~	~	~	<i>хэн мэдэх вэ</i>	<i>хэн Z вэ</i>	13	11	653
~	~	~	~	<i>барах уу даа</i>	<i>Z уу даа</i>	12	11	705
~	~	~	~	<i>үзэгдэх бөгөөд</i>	<i>Z бөгөөд</i>	11	10	780
~	~	~	~	<i>гэх вэ дээ</i>	<i>Z вэ дээ</i>	10	9	857
PC.PROSP-POSS. REFL	11	10	198	<i>байхаа даа</i>	<i>Z даа</i>	11	10	781

PC.PROSP-QUEST(S)	48	42	83	байхав дээ; яахав дээ	Z дээ	37	32	246
~	~	~	~	тэр яахав	тэр Z	11	10	782
PC.US-CAR-NOM	17	15	144	байдаггүй юм	Z юм	17	15	490
PC.US-NOM	623	549	17	гэдэг юм; яадаг юм; ирдэг юм; санагддаг юм; авдаг юм; суудаг юм; ургадаг юм; хийдэг юм	Z юм	144	128	61
~	~	~	~	гэдэг чинь	Z чинь	139	122	64
~	~	~	~	гэдэг нь	Z нь	108	95	82
~	~	~	~	гэж боддог; гэж үздэг; гэж нэрлэдэг	гэж Z	57	50	150
~	~	~	~	гэдэг бол	Z бол	52	46	172
~	~	~	~	яадаг билээ	Z билээ	32	28	290
~	~	~	~	гэдэг шүү	Z шүү	31	27	297
~	~	~	~	яадаг юм бэ	Z юм бэ	24	21	366
~	~	~	~	гэдэг ч	Z ч	14	12	593
~	~	~	~	гэдэг л	Z л	12	11	706
~	~	~	~	гэдэг дээр	Z дээр	10	9	858
PL3-ACC	11	10	199	морьдыг нь	Z нь	11	10	783
PL3-NOM	78	70	58	эд нар; тэд нар	Z нар	34	30	273
~	~	~	~	тэд чинь; эд чинь	Z чинь	22	20	389
~	~	~	~	эд бол	Z бол	12	11	707
~	~	~	~	эд юм	Z юм	10	9	859
PL3-REL-GEN-NOM	16	14	147	тэдний дунд	Z дунд	16	14	512
POSS.REFL & VF.IND.PROF-EMPH	66	58	65	гэж бодлоо; гэж сэтгэлээ	гэж Z	66	58	130
POSS.REFL	334	296	25	гэж нүдээ; гэж үгээ; гэж өөрөө; гэж биеэ; гэж нямаа	гэж Z	61	54	138
~	~	~	~	би өөрөө; би чамайгаа	би Z	45	40	205
~	~	~	~	өөрөө ч	Z ч	40	35	230
~	~	~	~	гээд үгээ; гээд нүдээ	гээд Z	30	27	303
~	~	~	~	тэр зуураа; тэр дороо	тэр Z	26	23	335
~	~	~	~	өөрөө л	Z л	22	19	390
~	~	~	~	чи өөрөө	чи Z	22	19	391
~	~	~	~	гэмээ нь	Z нь	14	12	594
~	~	~	~	түрүүлгээ харан	Z харан	12	11	708
~	~	~	~	сүхээ гуай	Z гуай	11	10	784
~	~	~	~	та өөрөө	та Z	11	10	785
~	~	~	~	газраа олж	Z олж	10	9	860
~	~	~	~	ганц хүүгээ	ганц Z	10	9	861
~	~	~	~	хэдэн малаа	хэдэн Z	10	9	862
~	~	~	~	энэ бүхнээ	энэ Z	10	9	863
REL-A.COM-NOM	15	13	153	нэгэнт л	Z л	15	13	556
REL-ABL	14	12	158	бага наснаас	бага Z	14	12	595
REL-DAT	199	175	33	нүдэнд нь; чихэнд нь; аманд нь	Z нь	158	138	56
~	~	~	~	миний нүдэнд	миний Z	12	11	709
~	~	~	~	түүний нүдэнд	түүний Z	10	9	865

~	~	~	~	энэ насанд	энэ Z	19	17	446
REL-DAT-POSS. REFL	45	40	87	гэжс амандаа	гэжс Z	35	31	263
~	~	~	~	энэ насандаа	энэ Z	10	9	864
REL-GEN-NOM	12	11	180	хэн нэгний	хэн Z	12	11	710
REL-NOM	774	682	13	ширээн дээр; чулуун дээр; даваан дээр; цаасан дээр; түүн дээр; уяан дээр; морин дээр; нуруун дээр; хаалган дээр; үүдэн дээр; ногоон дээр; цасан дээр; модон дээр; нүдэн дээр; тэргэн дээр; хүрээн дээр; мөсөн дээр; усан дээр; нүүрэн дээр; юман дээр	Z дээр	365	320	24
~	~	~	~	нэгэн удаа; хэдэн удаа; гурван удаа	Z удаа	62	55	135
~	~	~	~	морин дээрээ; алган дээрээ; дөрөөн дээрээ	Z дээрээ	39	34	235
~	~	~	~	модон дотор; усан дотор	Z дотор	22	20	392
~	~	~	~	нэгэн адил	Z адил	21	18	412
~	~	~	~	нүлимс нь	Z нь	16	14	513
~	~	~	~	аман дотроо	Z дотроо	15	13	557
~	~	~	~	түүн шиг	Z шиг	14	12	596
~	~	~	~	түүн рүү	Z рүү	11	10	786
~	~	~	~	юун ч	Z ч	11	10	787
~	~	~	~	нэгэн дор	Z дор	10	9	866
~	~	~	~	нэг мөсөн	нэг Z	12	11	711
~	~	~	~	олон таван; олон түмэн; олон зуун; олон анчин	олон Z	58	51	144
~	~	~	~	хэдэн зуун; хэдэн арван; хэдэн мянган	хэдэн Z	89	79	96
~	~	~	~	хэд гурван	хэд Z	17	15	491
~	~	~	~	энэ гурван	энэ Z	12	11	712
SBJ	1 537	1 353	4	би байна	Z байна	21	18	413
~	~	~	~	хэн байх билээ	Z байх билээ	11	10	788
~	~	~	~	хэн билээ	Z билээ	19	17	447
~	~	~	~	би бол; чи бол	Z бол	65	57	133
~	~	~	~	хэн болохыг	Z болохыг	17	15	492
~	~	~	~	хэн боловч	Z боловч	12	11	713
~	~	~	~	хэн бэ	Z бэ	55	48	157
~	~	~	~	би л; чи л	Z л	53	47	167
~	~	~	~	чи минь; та минь	Z минь	187	165	45
~	~	~	~	та нар; бид нар	Z нар	294	258	28
~	~	~	~	та нарын	Z нарын	51	45	177
~	~	~	~	та нар чинь	Z нар чинь	20	18	427
~	~	~	~	та нар минь	Z нар минь	16	14	514
~	~	~	~	хэн нь	Z нь	33	29	281
~	~	~	~	хэн нь ч	Z нь ч	17	15	493
~	~	~	~	хэн нэг нь	Z нэг нь	18	16	465

~	~	~	~	хэн хэн нь	Z хэн нь	15	13	558
~	~	~	~	би ч; хэн ч; чи ч; бид ч; та ч	Z ч	431	379	15
~	~	~	~	хэн ч үгүй	Z ч үгүй	16	14	515
~	~	~	~	хэн ч мэдэхгүй	Z ч мэдэхгүй	14	12	597
~	~	~	~	би чинь; чи чинь; бид чинь; та чинь	Z чинь	172	152	49
VF.IND.AOR	458	404	20	гэж бодов; гэж асуув; гэж хэлэв; гэж хашгирав; гэж хариулав; гэж илгээв; гэж тушаав; гэж шивнэв; гэж шивэгнэв; гэж бодогдов; гэж дуудав; гэж оролдов	гэж Z	417	368	17
~	~	~	~	мэдэв үү	Z үү	25	22	347
~	~	~	~	гээд инээмсэглэв	гээд Z	16	14	516
VF.IND.AOR & {PART}	12	11	181	гэв үү	Z үү	12	11	714
VF.IND.AOR	458	404	20	гэхэв дээ	Z дээ	11	10	789
VF.IND.PROF- EMPH	243	215	29	гэлээ ч; яалаа ч	Z ч	165	146	53
~	~	~	~	гэж зүүдэллээ; гэж хэллээ; гэж ирлээ; гэж ярилаа	гэж Z	53	47	168
~	~	~	~	хэн мэдлээ	хэн Z	25	22	348
VF.IND.PROF(Q) & NOM	12	11	182	гэл үү	Z үү	12	11	715
VF.IND.PRS1	404	356	22	гэж бодно; гэж санана; гэж бодогдоно; гэж явна	гэж Z	163	144	54
~	~	~	~	гэнэ билээ	Z билээ	66	58	131
~	~	~	~	гэнэ шүү; орхино шүү	Z шүү	52	45	173
~	~	~	~	байна уу	Z уу	19	17	448
~	~	~	~	гэнэ ээ	Z ээ	18	16	466
~	~	~	~	яана аа	Z аа	17	15	494
~	~	~	~	би мэднэ	би Z	17	15	495
~	~	~	~	гэнэ үү	Z үү	16	14	517
~	~	~	~	яана даа	Z даа	16	14	518
~	~	~	~	хэлнэ вэ	Z вэ	10	9	867
~	~	~	~	эс чадна	эс Z	10	9	868
VF.IND.RENARR- EMPH	45	40	88	гэж боджээ	гэж Z	33	29	282
~	~	~	~	энэ ажээ	энэ Z	12	11	716
VF.OPT.IMP	173	153	37	бүү мэд	бүү Z	136	120	66
~	~	~	~	буй заа	буй Z	37	33	247
VF.OPT.IMP & {ADV} & {ADV}	17	15	145	яв явсаар	Z явсаар	17	15	496
VF.OPT.IMP	173	153	37	хий л	Z л	12	11	717
~	~	~	~	гэж мэд	гэж Z	12	11	718
VF.OPT.JUSS	20	18	135	хэн байг	хэн Z	20	18	428
VF.OPT.RECOM	25	22	118	гэж хэлээрэй; гэж мэдээрэй	гэж Z	25	22	349
VF.OPT.VOL	11	10	201	би явъя	би Z	11	10	790

{ADV}	112	99	43	яг л	Z л	84	74	101
~	~	~	~	хэр нь	Z нь	28	25	321
{ADV} & CVB. ANT	23	20	127	чи яагаад	чи Z	23	20	377
{ADV} & CVB. CNGR	35	31	95	яаж байна	Z байна	19	17	449
~	~	~	~	яаж ч	Z ч	16	14	519
{ADV} & CVB. ANT	23	20	127	яагаад ч юм	Z ч юм	13	11	654
{ADV} & CVB. CNGR	35	31	95	би яаж	би Z	13	11	655
~	~	~	~	чи яаж байна	чи Z байна	11	10	791
{ADV} & DAT	10	9	212	гэж ихэд	гэж Z	10	9	869
{ADV} & DAT- POSS.REFL	33	29	100	үнэндээ ч	Z ч	21	18	414
~	~	~	~	үнэндээ бол	Z бол	12	11	719
{ADV}	112	99	43	аль хэр	аль Z	15	13	559
~	~	~	~	энэ хэр	энэ Z	12	11	720
{ADV}DAT	86	76	53	бусад нь	Z нь	86	76	98
{ADV}ESS1	91	81	51	хаана вэ	Z вэ	36	32	256
~	~	~	~	хаана байна	Z байна	35	31	264
~	~	~	~	хаана байна вэ	Z байна вэ	10	9	870
~	~	~	~	хаана ч	Z ч	10	9	871
{ADV}LAT-POSS. REFL	19	17	138	хаашаа ч	Z ч	19	17	450
{ADV}NOM	46	41	86	хаа байна	Z байна	29	26	314
~	~	~	~	хаа ч	Z ч	17	15	497
{ART}NOM	25	22	119	дахь нь	Z нь	25	22	350
{COMM}	84	75	54	за яахав	Z яахав	53	47	169
~	~	~	~	за даа	Z даа	20	18	429
~	~	~	~	за яах вэ	Z яах вэ	11	10	792
{LOC}A.ATTEN1- POSS.REFL	15	13	154	тэр дорхноо	тэр Z	15	13	560
{LOC}ABL	129	113	41	өлнөөс нь; дороос нь; дээрээс нь	Z нь	81	71	105
~	~	~	~	олны дундаас	олны Z	10	9	872
~	~	~	~	тэр дундаас	тэр Z	38	33	243
{LOC}ABS-ABL	16	14	148	хажуугаас нь	Z нь	16	14	520
{LOC}DAT	104	91	46	хажууд нь; урд нь	Z нь	90	79	94
~	~	~	~	урд талын	Z талын	14	12	598
{LOC}DAT-ABL	12	11	183	урдаас нь	Z нь	12	11	721
{LOC}DAT- TRANSL	11	10	202	урдуур нь	Z нь	11	10	793
{LOC}ESS1-ABL	51	45	77	хойноос нь; гаднаас нь	Z нь	51	45	178
{LOC}ESS1-NOM	30	26	106	цаана нь	Z нь	23	20	378
{LOC}ESS1-ABL	51	45	77	түүний хойноос	түүний Z	22	19	393
{LOC}ESS1-NOM	30	26	106	цаана чинь	Z чинь	15	13	561
~	~	~	~	түүний хойно	түүний Z	15	13	562
{LOC}ESS1-ABL	51	45	77	миний хойноос	миний Z	14	12	599
{LOC}ESS2	38	33	92	дээр нь; доор нь	Z нь	38	33	244
{LOC}ESS2-POSS. REFL	75	66	60	гэж дотроо	гэж Z	75	66	115
{LOC}ESS2-NOM	34	30	99	дотор нь	Z нь	34	30	274

{LOC}INSTR	30	26	107	хажуугаар нь	Z нь	30	26	304
{LOC}LAT	215	190	32	цааш нь; доош нь; дээш нь; нааш нь	Z нь	83	73	102
~	~	~	~	цааш явлаа	Z явлаа	13	11	656
~	~	~	~	доош харан	Z харан	12	11	722
~	~	~	~	гадагш гарч	Z гарч	10	9	873
~	~	~	~	гээд цааш	гээд Z	15	13	563
~	~	~	~	гээд цааш нь	гээд Z нь	10	9	874
~	~	~	~	түүнээс хойш; түүнээс цааш	түүнээс Z	72	64	119
{LOC}NOM	105	92	45	дэргэд нь; хооронд нь; өмнө нь	Z нь	69	61	128
~	~	~	~	хажуу тийш	Z тийш	13	11	657
~	~	~	~	энэ хооронд	энэ Z	23	20	379
{LOC}POSS.REFL	10	9	213	тэр дундаа	тэр Z	10	9	875
{LOC}REL-ABL	11	10	203	хажуунаас нь	Z нь	11	10	794
{LOC}TRANSL	25	22	120	дундуур нь; дэргэдүүр нь	Z нь	25	22	351
{PART} & ABS-NOM	1 045	917	6	юу ч	Z ч	291	256	29
~	~	~	~	юу вэ	Z вэ	121	106	74
~	~	~	~	юу билээ	Z билээ	77	68	112
~	~	~	~	юу байх вэ	Z байх вэ	37	33	248
~	~	~	~	чи юу	чи Z	37	33	249
~	~	~	~	юу болохыг	Z болохыг	36	32	257
~	~	~	~	юу болов	Z болов	32	28	291
~	~	~	~	юу даа	Z даа	24	21	367
~	~	~	~	өөр юу ч	өөр Z ч	24	21	368
~	~	~	~	юу ч үгүй	Z ч үгүй	23	20	380
~	~	~	~	юу байна	Z байна	22	19	394
~	~	~	~	юу ч л	Z ч л	22	19	395
~	~	~	~	юу юм бэ	Z юм бэ	21	18	415
~	~	~	~	би юу	би Z	21	18	416
~	~	~	~	та юу	та Z	21	18	417
~	~	~	~	юу болж байгааг	Z болж байгааг	20	18	430
~	~	~	~	юу байх билээ	Z байх билээ	17	15	498
~	~	~	~	юу нь	Z нь	17	15	499
~	~	~	~	юу хийж	Z хийж	17	15	500
~	~	~	~	юу бодож	Z бодож	15	13	564
~	~	~	~	гэж юу	гэж Z	15	13	565
~	~	~	~	юу болоод	Z болоод	14	12	600
~	~	~	~	юу ч биш	Z ч биш	14	12	601
~	~	~	~	юу байдаг билээ	Z байдаг билээ	13	11	658
~	~	~	~	юу ч алга	Z ч алга	13	11	659
~	~	~	~	юу ч болсон	Z ч болсон	13	11	660
~	~	~	~	өөр юу	өөр Z	13	11	661
~	~	~	~	юу болж	Z болж	12	11	723
~	~	~	~	юу боллоо	Z боллоо	11	10	795
~	~	~	~	юу болох вэ	Z болох вэ	11	10	796
~	~	~	~	юу хийх вэ	Z хийх вэ	11	10	797
~	~	~	~	юу л	Z л	10	9	876

{PART}	1329	1171	5	мөн л; бас л	Z л	442	389	14
~	~	~	~	мөн ч; харин ч; бас ч; тун ч; маань ч	Z ч	395	348	19
~	~	~	~	шив дээ; ээ дээ; үгүй дээ	Z дээ	140	123	63
~	~	~	~	үгүй ээ; харин ээ	Z ээ	120	105	77
~	~	~	~	эс бол; үгүй бол	Z бол	46	40	198
~	~	~	~	бус уу	Z уу	45	40	206
~	~	~	~	үл мэднэ	Z мэднэ	40	35	231
~	~	~	~	үл болно	Z болно	19	17	451
~	~	~	~	мөн үү	Z үү	18	16	468
~	~	~	~	мөн байна	Z байна	18	16	469
~	~	~	~	жав гуй	Z гуй	12	11	724
~	~	~	~	үл мэдэх	Z мэдэх	12	11	725
~	~	~	~	үгүй шүү	Z шүү	12	11	726
~	~	~	~	бас бий	Z бий	10	9	877
{PART} & CVB. MOD	18	16	142	даан ч	Z ч	18	16	467
{PART}	1 329	1 171	5	гэдэг маань	гэдэг Z	26	23	336
~	~	~	~	гэж үгүй	гэж Z	10	9	878
~	~	~	~	гэж мөн л	гэж Z л	10	9	879
~	~	~	~	гэх буюу	гэх Z	10	9	880
~	~	~	~	тэр маань	тэр Z	16	14	521
~	~	~	~	энэ маань	энэ Z	21	18	418
{PART}ABL	57	50	71	энэ учраас	энэ Z	57	50	151
{PART}CVB. COND1	32	28	102	аль эсвэл	аль Z	32	28	292
{PART}EMPH & POSS.REFL	12	11	184	хамаг юмаа	хамаг Z	12	11	727
{PART}NOM	63	55	69	учир нь	Z нь	63	55	134
{POST.REL;DAT	19	17	139	энэ тухайд	энэ Z	19	17	452
{POST.REL;NOM	11	10	204	миний төлөө	миний Z	11	10	798
{POST.REL;DAT	19	17	139	тухайд бол	Z бол	10	9	881
{TEMP}	29	26	108	дандаа л	Z л	18	16	470
~	~	~	~	хожим нь	Z нь	11	10	799
{TEMP} A.ATTEN1-NOM	25	22	121	гэж аяархан	гэж Z	15	13	566
~	~	~	~	би одоохон	би Z	10	9	882
{TEMP}ABS-NOM	28	25	112	сая л	Z л	28	25	322
{TEMP}DAT	14	12	160	дараад нь	Z нь	14	12	602
{TEMP}DMIN- NOM	~	~	161	тун саяхан	тун Z	14	12	603
{TEMP}GEN-NOM	35	31	96	оройн нар	Z нар	25	22	352
~	~	~	~	урьдын адил	Z адил	10	9	883
{TEMP}NOM	948	833	8	дараа нь; маргааш нь; орой нь; урьд нь	Z нь	391	343	20
~	~	~	~	хэзээ ч; одоо ч	Z ч	216	190	38
~	~	~	~	гэтэл одоо; гэтэл гэнэт; гэтэл өнөөдөр	гэтэл Z	54	48	164
~	~	~	~	одоо л	Z л	47	41	191
~	~	~	~	би одоо; би өнөөдөр	би Z	42	37	217
~	~	~	~	урьд өмнө	Z өмнө	39	34	236
~	~	~	~	тэр орой	тэр Z	39	34	237
~	~	~	~	гэж гэнэт; гэж үргэлж	гэж Z	33	29	283

~	~	~	~	одоо хүртэл	<i>Z</i> хүртэл	30	26	305
~	~	~	~	одоо бол	<i>Z</i> бол	29	26	315
~	~	~	~	орой дээр	<i>Z</i> дээр	28	25	323
{TEMP}NOM & ABS-NOM & A.COM-NOM & DAT	23	20	129	аль эрт	аль <i>Z</i>	23	20	381
{TEMP}NOM	948	833	8	чи одоо	чи <i>Z</i>	22	19	396
~	~	~	~	нэг орой	нэг <i>Z</i>	21	18	419
~	~	~	~	гэв гэнэт	гэв <i>Z</i>	20	18	431
~	~	~	~	та одоо	та <i>Z</i>	19	17	453
~	~	~	~	харин одоо	харин <i>Z</i>	17	15	501
~	~	~	~	орой дээрээ	<i>Z</i> дээрээ	15	13	567
{TEMP}NOM & GEN-NOM	14	12	162	өнөөдрийн хувьд	<i>Z</i> хувьд	14	12	604
{TEMP}NOM	948	833	8	энэ орой	энэ <i>Z</i>	13	11	662
~	~	~	~	орой нар	<i>Z</i> нар	12	11	728
~	~	~	~	одоо яах вэ	<i>Z</i> яах вэ	12	11	729
~	~	~	~	маргааш явлаа	<i>Z</i> явлаа	11	10	800
~	~	~	~	орой болж	<i>Z</i> болж	10	9	884
~	~	~	~	одоо болохоор	<i>Z</i> болохоор	10	9	885
{TEMP}POSS. REFL	16	14	149	тэр аяараа	тэр <i>Z</i>	16	14	522
0	20	18	134	гэнэ лээ	гэнэ <i>Z</i>	20	18	420
?	37	32	93	бил үү	<i>Z</i> үү	24	21	353
~	~	~	~	би вээр	би <i>Z</i>	13	11	605

Заклучение

Дистрибутивно-вероятностный подход к выделению типов монгольских аналитических конструкций открывает путь к изучению грамматического (в особенности, так называемого «морфосинтаксического») строя монгольского языка, ибо конкретные вхождения абстрактных АК и их компонентов в Генеральный корпус монгольского языка, встречаемость которых подвергается квантитативному измерению, соотнесены с морфолого-синтаксическими единицами самого монгольского языка. Статистический подход даёт возможность описывать квантитативные особенности различных АК в письменных текстах⁴. В ходе такого описания аккумулируются обобщённые количественные сведения о типах АК, об употребительности разных АК в тех или иных ролях и контекстах и т. п. Такие дан-

⁴ См.: [Шайкевич 1990; Шайкевич 2009].

ные углубляют эмпирическую базу теории АК монгольского языка. В результате возникает надежда на то, что традиционная структурная модель монгольской грамматики⁵ постепенно трансформируется в структурно-вероятностную модель монгольской грамматики⁶, в которой учитываются результаты статистического анализа текстов. Распространение дистрибутивно-статистического подхода на сферу аналитизма позволяет представить все АК монгольского языка как обладающие определённым количественным «весом»; измеряемыми оказываются также их языковые противопоставления и связи.

⁵ См., напр.: [Крылов 2004] и указанную там литературу.

⁶ Для синтетических словоформ такая модель была построена в [Крылов 2014] и указанных там статьях 2012–2013 гг.

Литература

- Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Учеб. пособие для вузов. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
- Гак 1965 — *Гак В. Г.* Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.: Наука, 1965. С. 129–143.
- Жирмунский 1963 — *Жирмунский В. М.* Об аналитических конструкциях (1963) // *Жирмунский В. М.* Общее и германское языкознание. Л.: Наука, ЛО, 1976. С. 82–125.
- Кацнельсон 1948 — *Кацнельсон С. Д.* О грамматической категории // Вестник ЛГУ, 1948. № 2. С. 114–134.
- Кацнельсон 1986 — *Кацнельсон С. Д.* Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 297 с.
- Крылов 2004 — *Крылов С. А.* Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Часть 1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформации (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей) М.: Вост. лит., 2004. 479 с.
- Крылов 2012а — *Крылов С. А.* Структурно-вероятностная модель монгольского языка на базе Генерального корпуса современного монгольского языка // отв. ред. Дыбо А. В. Урало-алтайские исследования. 2012. № 1(6). С. 78–105.
- Крылов 2012б — *Крылов С. А.* The general corpus of the modern Mongolian language and its structural-probabilistic model // гл. ред. Кибрик А. Е. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодн. Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). М.: Изд-во РГГУ. 2012. С. 331–341.
- Крылов 2013 — *Крылов С. А.* Опыт изучения современного монгольского языка в количественном освещении // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 46–57.
- Крылов 2014 — *Крылов С. А.* Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики: (в 6 ч.) Ч. 2. Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка). М.: Наука; Вост. лит., 2014. 637 с.
- Крылов и др. 2015 — *Крылов С. А., Дыбо А. В., Шеймович А. В.* Some possibilities of semantic and etymological tagging of corpora for turkic languages (=Некоторые возможности семантической и этимологической разметки для корпусов тюркских языков (расстановка семантических тэгов в электронном хакасско-русском словаре)) // Сб. тр. междунар. конф. TurkLang – 2015 (Turkic Languages Processing: TurkLang 2015). Казань, 2015. С. 304–327.
- Крылов и др. 2016 — *Крылов С. А., Дыбо А. В., Шеймович А. В.* Расстановка семантических и деривационных тэгов в электронном хакасско-русском словаре // Российская тюркология. 2016. № 2. С. 28–39.
- Крылов 2016 — *Крылов С. А.* О принципах синтаксического анализа в сводном корпусе монгольских языков // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сент. 2016 г.) Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 198–199.
- Крылов 2017а — *Крылов С. А.* Сочетаемость монгольских синтетических словоформ: количественный аспект // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4. С. 108–133.
- Крылов 2017б — *Крылов С. А.* Монгольские аналитические конструкции в количественном аспекте // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 155–179.
- Крылов 2017в — *Крылов С. А.* Монгольские аналитические словоформы: опыт лингвостатистического исследования // Куканова В. В. (отв. ред.). Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 79–93.
- Крылов 2018а — *Крылов С. А.* Опыт дистрибутивно-статистической классификации монгольских аналитических словоформ // Oriental Studies. 2018. № 2. С. 88–101.
- Крылов 2018б — *Крылов С. А.* О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка) // сост. Панина А. С. Восточковедные чтения 2018. Лексикография и лексикография. К 200-летию ИВ РАН. Тезисы докладов межинститутской науч. конф. (г. Москва, 4–6 апреля 2018 г.). М.: ИВ РАН, 2018. С. 33–34.
- Крылов 2018в — *Крылов С. А.* О гибридных жанрах словарей (на материале монголь-

- ского языка) // отв. ред. Шаляпина З. М., ред.-сост. Панина А. С. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 19. Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография. М.: ИВ РАН, 2018. С. 156–165.
- Маслов 1975 — Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.
- Маслов 1987 — Маслов Ю. С. Введение в языкознание. Учеб. для филол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
- Шайкевич 1990 — Шайкевич А. Я. Количественные методы в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 231.
- Шайкевич 2009 — Шайкевич А. Я. Количественные методы в языкознании // гл. ред. С. Л. Кравец. Большая Российская Энциклопедия. Т. 14 (Киреев – Конго). М.: Большая Российская Энциклопедия, 2009. С. 478.
- Шайкевич и др. 2013 — Шайкевич А. Я., Андриющенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 504 с.
- Шайкевич и др. 2016 — Шайкевич А. Я., Андриющенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2016. 850 с.
- Шаляпина 2007 — Шаляпина З. М. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М.: Вост. лит., 2007. 480 с.
- Lehmann 1982 — Lehmann Ch. Directions for interlinear morphemic translations // *Folia linguistica*. 1982. Vol. 16. Pp. 199–224.
- Meillet 1912 — Meillet, Antoine. L'évolution des formes grammaticales. *Scientia* (Rivista di scienza). 1912. Vol. XII. No. XXVI, 6. (Reprinted in: Meillet, Antoine. *Linguistique historique et linguistique generale*. Paris: Champion; Geneve: Slatkine, 1982. 335 p. (Pp.130–149)).
- References**
- Gak V. G. Desemantization of a language sign in syntactical analytical constructions. In: [Analytical Constructions in Typologically Different Languages]. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 129–143. (In Russ.)
- Katsnelson S. D. [General and Typological Linguistics]. Leningrad: Nauka, 1986. 297 p. (In Russ.)
- Katsnelson S. D. Grammatical category revisited. *Vestnik LGU*. 1948. No. 2. Pp. 114–134. (In Russ.)
- Krylov S. A. [Theoretical Grammar of Modern Mongolian and Related Issues of General Linguistics]. Vol. 1: 'Morphemics, Morphology, Elements of Phonological Transformatorics'. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 479 p. (In Russ.)
- Krylov S. A. [Theoretical Grammar of the Mongolian Language and Related Issues of General Linguistics]. In 6 vol. Vol. 2: 'A Structure-and-Frequency Model of Modern Mongolian'. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2014. 637 p. (In Russ.)
- Krylov S. A. A Consolidated Corpus of Mongolic Languages: Principles of Syntactical Analysis Revisited. [The Humanities in Southern Russia: International and Regional Cooperation]. Conf. proc. (Elista; September 14–15, 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. Pp. 198–199. (In Russ.)
- Krylov S. A. A structure-and-frequency model of the Mongolian language on the basis of the General Corpus of Modern Mongolian. *Ural-Altaiic Studies*. 2012. No. 1(6). Pp. 78–105. (In Russ.)
- Krylov S. A. Compatibility of Mongolian synthetic word forms: a quantitative aspect. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 4. Pp. 108–133. (In Russ.)
- Krylov S. A. Hybrid genres of dictionaries revisited: a case study of the Mongolian language. In: [Oriental Studies Readings 2018]. Panina A. S. (comp.). Conf. proc. (Moscow; April 4–6, 2018). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2018. Pp. 33–34. (In Russ.)
- Krylov S. A. Mongolian analytical constructions: a quantitative perspective. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 5. Pp. 155–179. (In Russ.)
- Krylov S. A. Mongolian analytical word forms: an effort of distributive and statistical classification. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 36. Is. 2. Pp. 88–101. (In Russ.)
- Krylov S. A. Mongolian analytical word forms: an effort of quantitative research. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 6. Pp. 79–93. (In Russ.)
- Krylov S. A. On hybrid dictionaries, exemplified by Mongolian. In: [Institute of Oriental Studies of the RAS: Transactions]. Vol. 19: 'Issues of General and Oriental Linguistics: Lexicology

- and Lexicography'. Shalyapina Z. M. (ed.), Panina A. S. (ed., comp.). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2018. Pp. 156–165. (In Russ.)
- Krylov S. A. The General Corpus of the Modern Mongolian Language and its structural-probabilistic model. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Conf. proc. (Bekasovo; May 30 – June 3, 2012). Vol. 11 (18). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2012. Pp. 331–341. (In Eng.)
- Krylov S. A., Dybo A. V., Sheymovich A. V. A digital Khakass-Russian dictionary: semantic and derivative tagging. *Russian Turkology*. 2016. No. 2. Pp. 28–39. (In Russ.)
- Krylov S. A., Dybo A. V., Sheymovich A. V. Some possibilities of semantic and etymological tagging of corpora for Turkic languages. In: Turkic Languages Processing: TurkLang 2015. Conf. proc. Kazan, 2015. Pp. 304–327. (In Eng.)
- Krylov S. A. Investigating modern Mongolian: a quantitative perspective. *Voprosy Jazykoznanija*. 2013. No. 5. Pp. 46–57. (In Russ.)
- Lehmann Ch. Directions for interlinear morphemic translations. *Folia linguistica*. 1982. Vol. 16. Pp. 199–224. (In Eng.)
- Maslov Yu. S. [Introduction to Linguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1975. 328 p. (In Russ.)
- Maslov Yu. S. [Introduction to Linguistics]. Textbook for university students. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Vysshaya Shkola, 1987. 272 p. (In Russ.)
- Meillet, Antoine. Evolution of grammatical forms. *Scientia (Rivista di scienza)*. Vol. XII. 1912. No. XXVI, 6. (Reprinted in: Meillet, Antoine. [Historical and General Linguistics]. Paris: Champion; Geneve: Slatkine, 1982. 335 p. (Pp.130–149)). (In Fr.)
- Shalyapina Z. M. [A Three-Dimensional Stratificational Model of the Language and Its Functioning: the General Theory of Linguistic Models Revisited]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 480 p. (In Russ.)
- Shaykevich A. Ya. Quantitative research methods in linguistics. In: [Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. P. 231. (In Russ.)
- Shaykevich A. Ya. Quantitative research methods in linguistics. In: [Great Russian Encyclopedia]. Kravets S. L. (ed.). Vol. 14: 'Киреев – Конро'. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2009. P. 478. (In Russ.)
- Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. [Russian Prose of 1850–1870s: Distributive-Statistical Analysis of Its Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2013. 504 p. (In Russ.)
- Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. [Russian Prose of 1850–1870s: Distributive-Statistical Analysis of Its Language]. Vol. 2. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2016. 850 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. [The Russian Language: (Grammatical Teaching of Word)]. Textbook for university students. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1947. 784 p. (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. Analytical constructions revisited (1963). In: Zhirmunsky V. M. [General and German Linguistics]. Leningrad: Nauka, 1976. Pp. 82–125. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 1007–1024, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1007-1025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 026:61

Модальная частица *биз* в калмыцком языке: морфосинтаксические свойства, структурные схемы, частотность (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и данным информантов)

Виктория Васильевна Куканова¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, директор
 ORCID: 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Проблема порядка присоединения аффиксов в агглютинативных языках носит актуальный характер не только в теоретическом, но и в практическом (прикладном) смысле. В теоретическом плане этот порядок отражает последовательность перехода тех или иных самостоятельных или служебных языковых единиц в аффиксы и в некоторой степени по выявленным схемам можно установить относительную хронологию процесса грамматикализации. *Цель.* В статье рассматривается модальная частица *биз* 'наверное, вероятно, пожалуй, видимо', выражающее неуверенность говорящего к содержанию высказываемого. *Материалом* послужили тексты Национального корпуса калмыцкого языка (<http://kalmcorp.ru>), размер которого составляет около 9 млн токенов, из них почти 7 млн словоупотреблений. Методом сплошной выборки были изъяты примеры с анализируемой частицей *биз* 'наверное, вероятно, пожалуй, видимо'. *Результаты.* В статье рассматриваются этимология модальной частицы *биз* 'наверное, вероятно, пожалуй, видимо', ее линейная позиция в глагольной словоформе, дистрибутивные свойства. Частица произошла от двух других частиц: *бү* (*büi*) 'не' + *же* (*že*) 'ладно, хорошо'. Ее можно отнести в большей степени к так называемым заключительным частицам, под которыми понимаются частицы, занимающие строго определенную позицию после сказуемого, выраженного либо глагольной словоформой (причастия будущего времени, прошедшего времени, многократное причастие настоящего времени), либо именной частью речи (прилагательным или существительным), либо употребляются и в неполных предложениях, где опущено сказуемое. Другими словами, является маркером предикативности в предложении. Хотя сочетаемость частицы *биз* довольно широка и не ограничивается только предикатами: может следовать и за второстепенными членами предложения. Отметим, что при этом в материале исследования не обнаружен ни один пример, когда данная частица следовала бы за подлежащим, что говорит о том, что она не является показателем подлежащего и, более того, ее можно рассматривать как маркер ремы в высказывании. Порядок следования элементов конструкции с частицей *биз* можно построить следующим образом: слово-«хозяин» + (вспомогательный глагол / послелог / союз) + (частица отрицания) + (уступительная частица) + *биз* + (лично-предикативная частица / эмфатическая частица). В скобках указаны те элементы, которые носят необязательный характер. Материал исследования показывает, что к частице *биз* не примыкают вопросительные частицы, хотя семантически на это нет ограничений, тем не менее в некоторых случаях, помимо выражения модальности, она может являться праг-

матическим маркером обращения говорящего к слушающему за подтверждением последним пропозиции высказываемого первым.

Ключевые слова: калмыцкий язык, корпусная лингвистика, агглютинация, морфология, изменяемость / неизменяемость, частицы, грамматика порядков

Благодарность. Настоящее исследование выполнено при поддержке РФФИ (проекты: № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков» и № 19-512-44017 «Структурно-вероятностная интегральная модель монгольских языков»).

Для цитирования: Куканова В. В. Модальная частица *буз* в калмыцком языке: структурные схемы, морфосинтаксические свойства, частотность (на материале Национального корпуса калмыцкого языка). *Oriental Studies*. 2019;(5): 1007–1025. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1007-1025.

UDC 026:61

Kalmyk Modal Particle *буз*: Morphosyntactic Properties, Structural Patterns, Frequency of Use (a Case Study of Kalmyk National Corpus and Interview Data)

Viktoriya V. Kukanova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Director

ORCID: 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Abstract. Introduction. The issue of agglutinative affixing order is topical enough both from theoretical and practical (applied) perspectives. In theory, the order mirrors the sequence of how certain separate or auxiliary language units became affixes, and to an extent the revealed patterns may serve to determine some chronology of grammaticalization processes. *Goals.* The paper examines the modal particle *буз* ‘probably, possibly, likely, evidently’ that expresses doubt regarding the articulated narrative. *Materials.* The work analyzes texts of Kalmyk National Corpus (<http://kalmcorporu.ru>) containing 9 million tokens and approximately 7 million word usages. Examples with the analyzed particle *буз* ‘probably, possibly, likely, evidently’ were selected through the continuous sampling method. *Results.* The article investigates etymology of the modal particle, its linear position within verbal word forms, and distributive properties. The particle was developed from two other particles: *бү* (*büi*) ‘not’ + *же* (*že*) ‘all right, so well’. It largely clusters with the so called ending particles that strictly follow the predicate expressed by either a verbal word form (future, past and repeated present participles) or a nominal part of speech (adjective of noun); it can also be used in incomplete sentences without predicates. In other words, it serves as a predicate marker. Though the traced co-occurrence of the particle *буз* is extensive enough, it is not limited to predicates only and can also follow subordinate parts of the sentence. However, the research materials contain no examples when the particle would follow the subject, which attests to that it is not a subject indicator and, moreover, it can be viewed as a marker of rheme within an expression. The suggested sequence order of a typical *буз* pattern is as follows: ‘principal’ word + (auxiliary verb / postposition / conjunction) + (negative particle) + (concessive particle) + *буз* + (personal predicative particle / emphatic particle). The brackets enclose optional elements. The research materials show that the particle *буз* is not followed by interrogative particles despite there are no such semantic restrictions; and it can serve a pragmatic marker of turning to the listener for the latter to confirm the speaker’s proposition.

Keywords: Kalmyk language, corpus linguistics, agglutination, morphology, alterability / inalterability, particles, grammar of orders

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR (project numbers 18-012-00611 ‘Structural and Probabilistic Morphology of Mongolic Languages’ and 19-512-44017 ‘Structural and Probabilistic Integral Model of Mongolic Languages’).

For citation: Kukanova V. V. Kalmyk Modal Particle *буз*: Morphosyntactic Properties, Structural Patterns, Frequency of Use (a Case Study of Kalmyk National Corpus and Interview Data). *Oriental Studies*. 2019;(5): 1007–1025. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1007-1025.

1. Введение

Проблема порядка присоединения аффиксов и, шире, следования словоформ в предложении в агглютинативных языках носит актуальный характер не только в теоретическом, но и в практическом (прикладном) смыслах. В теоретическом плане этот порядок отражает последовательность перехода тех или иных самостоятельных или служебных языковых единиц в аффиксы, и в некоторой степени по выявленным схемам можно установить относительную хронологию процесса грамматикализации. Так, А. М. Щербак, признавая, что «последовательность аффиксов — явление объективное, исторически обусловленное, отражающее своеобразие процесса развития словоформы в отдельных языках или группах родственных языков, и именно поэтому может быть объектом специального лингвистического исследования», тем не менее указывает, что грамматика порядков «едва ли даст какие-нибудь положительные результаты» [Щербак 1983: 39, 40]. Думается, что данное утверждение ученого необходимо проверять на разном языковом материале, в том числе и на калмыцком¹.

Калмыцкий язык, как известно, принадлежит к группе агглютинативных языков, имеющий высокий индекс агглютинации [Гринберг 1963: 75–76] и долгое время развивавшийся изолированно от географического ареала родственных языков, по этой причине он мог приобрести новые языковые черты и/или потерять (или сохранить) архаичные особенности, характерные для общего периода развития монгольской языковой семьи.

¹ Порядок аффиксов, например, в словоформе, подобной *медхив* ‘не знаю’, как нельзя лучше демонстрирует процесс грамматикализации и перехода вспомогательных слов в аффиксы. Исторически словоформа произошла от *medekü biši bi*, где произошли процессы редукции (утрачен конечный звук *ü*), выпадения слога (*bi-*) в силу сложности артикуляции сочетания заднеязычного и переднеязычного согласных звуков, изменения глухого взрывного согласного звука в глухой фрикативный ($k \rightarrow x$), а также изменения согласного ($b \rightarrow v$) и утраты конечного гласного звука (*i*).

Объектом данного исследования является частица как часть речи, которая традиционно относится к неизменяемым классам слов. Материалы калмыцкого языка свидетельствуют об обратном: даже союзы могут присоединять к себе те или иные элементы (в большой степени частицы, в меньшей степени — падежные аффиксы). Ранее рассматривались изменяемые в калмыцком языке части речи [Куканова 2015; Куканова 2016; и др.], но при этом отдельно не изучались неизменяемые классы слов, что происходило по нескольким причинам: во-первых, объектом анализа выступили те части речи, которые имеют большое количество порядков аффиксов и наиболее сложны для выявления структурных типов; во-вторых, «словоизменение» частиц связано с теоретическими проблемами интерпретации неизменяемых по своей сути частей речи, определения их статуса.

Оговоримся, что в работе рассматриваются только те частицы, которые пишутся отдельно от слова и функционируют как отдельные лексемы, вне рамок этой статьи остаются те частицы, которые прошли процесс грамматикализации и превратились в клитики или находятся в промежуточной стадии (т. е. функционируют и примыкая к слову, и как отдельные слова). Другими словами, объектом исследования выступила линейная последовательность букв, (или «словоформы <...>, взятые в принятой орфографической записи» [Еськова, Мельчук, Санников 1971: 4]), которую можно классифицировать как частицу. Необходимость рассмотрения только подобных единиц обусловлена задачей создания морфологического анализатора для автоматической обработки письменных текстов. К тому же те частицы, которые стали примыкать к слову, не только выполняют свои непосредственные функции, но и несут уже другую семантику. Так, например, притяжательные частицы, как утверждает С. А. Крылов, «подверглись мощному процессу генерализации, транспозиции и десемантизации: они играют уже не только и не столько роль показателей притяжательности в собственном смысле слова, сколько роль показателей определенности, топикальности и суб-

стантивации. Но такой процесс свойственен всем грамматическим категориям, так что сам факт наличия у притяжательных показателей вторичных (непритяжательных) функций на самом деле парадоксальным образом демонстрирует их грамматикализованный характер» [Крылов 2012: 94–95].

2. Общая характеристика частиц

Противопоставление неизменяемых и изменяемых классов слов в калмыцком языке не продуктивно, поскольку почти все части речи имеют потенциальную возможность изменения, присоединения или перехода из одной части речи в другую, при этом последний процесс коренным образом влияет на грамматические и дистрибутивные характеристики слов в контекстах (ср.: «части речи не могут быть строго делимы на изменяемые и неизменяемые...» [Котвич 1929: 86]). Примечательно, что еще в начале XX в. В. Л. Котвич отметил, что слов действительно «неизменяемых» немного в калмыцком языке (см.: «Вообще совершенно неизменяемых слов в калмыцком языке имеется очень мало: если в каком-либо положении слово не изменяется, то в другом положении оно может принять приставку, соответствующую склонению или спряжению, и таким образом сделаться изменяемым. Неизменяемыми остаются только служебные частицы и междометия» [Котвич 1929: 86]). Однако и частицы обладают возможностью присоединить к себе другую частицу, причем только ту, которая прошла процесс грамматикализации.

Частица как часть речи — явление запутанное, не поддающееся четкому определению. Можно ли рассматривать частицы как клитики, как отдельную самостоятельную часть речи, или это уже своего рода морфема?

Единицы, которые традиционно рассматриваются как служебные слова, обладают

определенным фонологическим обликом. Но в то же время все частицы не имеют алломорфов, как, например, падежные аффиксы (-*tal/-mә*). Все частицы, вне зависимости от их функциональной нагруженности, присоединяются к концу слова, за которыми далее могут следовать только частицы. Так, возвратные частицы всегда занимают последнюю позицию в грамматике порядков именных частей речи, после них ничего не следует в структуре слова [Куканова 2015]. Частицы могут присоединять к себе только частицы, другие же аффиксы не могут примыкать к ним. Присоединяемые комплексы состоят из нескольких частиц, как правило, из двух элементов.

Частицы делятся на две группы: 1) те, которые примыкают к слову; 2) те, которые функционируют как отдельные слова. Частицы, примыкающие к словам, обладают всеми содержательными и формальными признаками аффиксов, хотя первоначально частицы функционировали как самостоятельные слова. Параллельное функционирование полного типа частиц (*мөн, чигн, уга* и др.) и стяженных частиц с элементами элизии (-*мн, -чн, -го*) на современном этапе свидетельствует о переходном периоде, основной процесс которого можно охарактеризовать как грамматикализацию. Традиционно этот процесс обусловлен интенциями облегчения произношения, экономии произносительных усилий. Возьмем, к примеру, лично-предикативные частицы, которые по праву можно отнести к аффиксам, выражающим предикативность: они обладают главным признаком парадигматичности и фиксированного порядка расположения относительно базовой части слова.

Ниже в таблице 1 приведем список частиц в калмыцком языке.

Таблица 1. Список частиц в калмыцком языке²
[Table 1. List of Kalmyk particles]

QPart	вопросительные частицы	-й, -ий, -у, -ү, -б, -би, -ый, -в, -ви	
ConfPart	подтвердительные частицы	-мн, -м, -лм, -хн, -ш, -ус, -үс	мөн, юмн
RefPart	возвратные частицы	-ан, -эн, -аг, -эг, -н, -рн, -һан, -һэн	
EquPart	уподобительная частица	-шң	
ConcPart	уступительная частица	-л	

² Список частиц не полный и приводится по: [ГКЯ 1983: 283–295; Сай 2009: 704–707], а также дополнен собственными наблюдениями автора за материалом НККЯ.

APart	адмиративная частица	-жэ	жэе
MPart	модальные частицы	—	биз, санжэ (сэнжэ), хэ, минь
PrecPart	«просительные» частицы ³	-хн, -и	
PerPart	лично-предикативные частицы	-в, -видн, -т, -ч	
Poss	притяжательные частицы	-м, -мдн, -чн (-чнь), -тн, -нь	
EmpPart	эмфатическая частица ⁴	-л	
ConcPart	уступительная частица	-чн	чигн
Neg	отрицательная частица	-го	билэ, бичэ (бичкэ), биш, бү, уга, эс

Как было сказано выше, нас интересуют только те частицы, которые пишутся отдельно в силу прикладных задач исследования, поэтому в данной работе мы решили остановиться на модальной частице *биз* ‘наверное, вероятно, пожалуй, видимо’. Частица относится к так называемым не-клитикам, поскольку обладает следующими атрибутами: у нее может быть свое собственное ударение, она сама может быть «хозяином» для клитик (см.: [Николаева 2008: 233]). В разговорной речи эта частица может произноситься и как [вииз], что связано с отсутствием в калмыцком языке до недавнего времени согласного звука [б], который в определенных позициях стал переходить в проточный звонкий [в]. Как ранее мы писали, первоначально переход стал возможен на конце и в середине слова [Павлов 1960: 10; см. подробно: Куканова и др. 2016: 114–115], а позже и в начале слова, что и демонстрирует и наша частица [ПМА: ГДБ].

3. Материалы исследования

Материалом послужили тексты Национального корпуса калмыцкого языка⁵ (<http://kalmscorp.ru>), размер которого составляет около 9 млн токенов, из них почти 7 млн словоупотреблений [Куканова 2013]. В корпус вошли тексты художественного (в том

числе и фольклорные произведения), газетного стилей, незначительный процент текстов принадлежит научной функциональной сфере. В хронологическом отношении корпус можно охарактеризовать как информационную систему с текстами преимущественно второй половины XX и начала XXI в. Для проведения данного исследования мы использовали ту версию корпуса, которая является локальной и доступна в специализированной программе TextAnalyzer [Куканова, Каджиев 2014]. Методом сплошной выборки были изъяты примеры с анализируемой частицей *биз* ‘наверное, вероятно, пожалуй, видимо’. В работе применяется корпусный подход к исследованию материала, что свидетельствует о том, что результаты, полученные в ходе анализа материала, носят объективный характер. Кроме того, некоторые моменты уточнялись непосредственно в работе с информантами, т. е. использовались методы полевой работы. В качестве информантов выступили носители калмыцкого языка, для которых язык выступает не только средством коммуникации, но и объектом изучения и орудием труда [Богданова 2001: 58].

4. История вопроса

В монгольском языкознании частицы как часть речи отдельно не исследовались, существуют всего несколько работ, где частицы рассматривались фрагментарно или как составная часть грамматик. Модальные частицы в монгольских языках стали объектом пристального внимания во второй половине XX в. в связи с интенсивно начавшимися исследованиями модальности в отечественном языкознании, прежде всего с работами В. В. Виноградова [Виноградов 1947; Виноградов 1950]. Среди исследований монголоведов, которые нужно выде-

³ Условное и предварительное название частиц, поскольку они участвуют в образовании более мягкой формы просьбы. Возможно, при более детальном изучении данных частиц мнение изменится.

⁴ Частицы *чигн* и *-л* традиционно носят название усилительно-выделительных [ГКЯ 1983: 287–289], однако их следует отличать: *чигн* — уступительная частица, а *-л* — эмфатическая (т. е. выделительная) [Сай 2009: 706].

⁵ Далее — НККЯ.

лить, следует отнести [Шевернина 1980; Дамбуева 2000; Будаева 2003; Skribnik 2003; Панов 2016; Цырендоржиева 2016; Деликанова 2018; и др.].

Что касается именно калмыцкого языкознания, то нельзя не отметить работу А. А. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка», который выделил «коренные» и «производные» частицы, причем к последним он отнес в современном понимании послелоги и наречия. Ученый постарался выделить семантику «коренных» частиц [Бобровников 1849: 174]. Он считал, что их функция заключается не в образовании словоформы, а в передаче определенной модальности у высказывания. В. Л. Котвич в «Грамматике разговорного калмыцкого языка» выделил следующие виды частиц: отрицательные частицы, вопросительные, подтвердительные частицы, частицы предположения, уступки и уподобления. Кроме того, он описал дистрибутивные свойства частиц [Котвич 1929: 324–331]. Следует остановиться также на работе Н. М. Мулаевой, которая посвящена исследованию катего-

рии модальности в калмыцком языке, в том числе и модальных частиц [Мулаева 2011]. В работе достаточно подробно рассматриваются модальные частицы в калмыцком языке, выделяются их функционально-семантические разряды, дается их синтаксическая характеристика. Кроме того, имеются отдельные статьи, посвященные их употреблению в старописьменных памятниках и в целом служебным словам, к коим относится частица [Бембеев 2011; Очирова 2011].

5. *Биз* частица или модальное слово?

Вопрос отнесения лексемы *биз* 'наверное, вероятно, пожалуй, видимо' к модальным частицам относится к дискуссионным, поскольку по всем характеристикам сама часть речи — частицы — это класс слов, которые нельзя отнести по формальным признакам и семантике ни к именным и глагольным знаменательным, ни к служебным словам. Разграничение частиц и модальных слов относится к спорным вопросам, однако принято дифференцировать данные части речи на основе критериев, приведенных ниже в таблице 2 [Мулаева 2011: 78].

Таблица 2. Критерии разграничения модальных частиц и модальных слов
[Table 2. Criteria for distinguishing between modal particles and modal words]

Модальные слова	Модальные частицы
модальные слова образованы от знаменательных слов	модальные частицы образованы и от знаменательных, и от служебных слов
модальные слова сохраняют в себе остаточные элементы лексического значения	модальные частицы имеют дополнительные значения
модальные слова свободны в своем расположении	модальные частицы, как правило, используются в постпозиции и примыкают к слову «хозяину»

Если учитывать те характеристики, которые приведены выше, то лексема *биз* в большей степени является модальным словом. К этой же точке зрения склоняется и З. В. Шевернина: «как видно, слово *биз* обладает большей степенью лексической самостоятельности и используется для передачи субъективно-модального значения предположения <...> Все это существенно отличает *биз* от частиц, которые вообще лишены лексического значения, и сближает с модальными словами» [Шевернина 1980: 24–25]. Действительно, лексема *биз* обладает, как известно, самостоятельным значением⁶, однако, на наш взгляд, не имеет достаточной свободы в своем расположении,

поскольку, как показывает материал НККЯ, частица преимущественно занимает заключительную позицию либо в предложении, либо в клаузе, хотя встречается ряд примеров (8 из 525 употреблений), когда частица занимает не финальную позицию, а помещена в середину клаузы (примеры (1), (14)).

На наш взгляд, связано это с тем, что для разговорной и стихотворной речи характерны явления парцелляции и инверсии (см. подробнее об этом: [Мушаев 2005: 132–136; Будаева и др. 2016]), пример, приведенный выше, демонстрирует именно парцелляцию. Нетрадиционный порядок слов в калмыцком предложении еще раз подчеркивает значение предположения [Мушаев 2005: 283]. Такие построения предложения с парцелляцией или инверсией возможны,

⁶ Не только модальным, как показано ниже.

(1)	<i>Бол-в</i> статья-Pst <i>евал</i> защита.Nom	<i>чигн</i> ConcPart <i>харһ-ул-жа-д-ми</i> встречаться-Caus-Dur- Ptcl.Hab-ConfPart	<i>бол-ш-го</i> статья-Ptcl.Fut-Neg биз наверное.MPart	<i>бол-ад,</i> статья-Ptcl.Hab <i>энуз.</i> он.Асс	<i>бурхн-а</i> божество-Gen

‘Но не вышло, по воле бога, наверное, встретились они мне’⁷

[НККЯ. Дорджиев Б. Б. Бадаш багшин домнлһн].

но противоречат грамматическим правилам калмыцкого языка.

Частица *биз*, в то же время следуя за определенными частями речи, примыкает

к слову-«хозяину», как правило, к предикату (но не только), другими словами, она не свободна в своем расположении в предложении. Нельзя сказать:

***8

(2)	<i>Гер-бул-ти,</i> семья.Nom-Poss2	<i>хотн-хоша-ти</i> село.Nom-Poss2	<i>цугт-ан</i> вместе- ReflPart	биз наверное.MPart	<i>бурн-бүтн?</i> целый.Adj

‘Ваша семья, ваши соседи — все, наверное, благополучны?’

Думается, что лексема *биз* занимает пограничное положение между модальными словами и модальными частицами; в силу сложившейся в калмыцком языкознании традиции в данной работе мы будем называть ее модальной частицей, хотя признаем тот факт, что она имеет самостоятельное лексическое значение и больше тяготеет к модальному слову.

6. Этимология частицы *биз*

Частица *биз* ‘наверное, вероятно, пожалуй, видимо’ представляет собой результат ряда процессов, произошедших в калмыцком языке. Во-первых, согласно мнению Г. Й. Рамстедта, данная частица произошла от двух других частиц: *бү* (büi) ‘не’ + *же* (že) ‘ладно, хорошо’ [Ramstedt 1935: 47]. Сама же первая часть слова восходит к *bī, являющейся омертвелой основой вспомогательного глагола ‘быть’ [Владимирцов 1929: 175; Ramstedt 1935: 47; ЭСМЯ 2015: 120, 107]: частица *бү* (büi) ‘не’, согласно [ЭСМЯ 2015: 107, 120], в свою очередь восходит к омертвелой основе вспомогательного глагола *bī- ‘быть’: «монг.-письм. *bū-* || монг.-письм., ойрат.-письм. *bi-* „есть“, *Баум.* *bi-* „id.“; монг.-письм. *bū-* „будь; отрицание при повелит. наклонении“, *Бурят.* *bū*, *Халх.* *bū*, *Могол.* *bi-* „отрицание при повелит. наклон.“ || монг.-письм. *bi-tegei* ~ *bū-tegei* „id.“ < * *bū-tū-gei* „да будет; отрицание при повелит. наклон.“; принимая во внимание вышеприведенное *bu-i*, можно уста-

новить следующее параллели: **bī-* > *bu-*: *bi-* = *bū-*: *bi-*» [Владимирцов 1929: 176]. Об этом также писал и А. А. Бобровников, который указывал, что «*Бу* могло измениться в *би* также, как *буй* — в *бий*» [Бобровников 1849: 176]. Существует и другая точка зрения на происхождение частицы *bū*, которая заключается в том, что она восходит в свою очередь к показателю частного вопроса *-b* и частице *ju* [Деликанова 2018: 218].

Лексема *биз* в калмыцком языке как нельзя лучше демонстрирует явление частичек-партикул (термин Т. М. Николаевой), которые «уводят нас к чему-то очень древнему, к самым ранним пластам языковой эволюции; значения их (если можно говорить вообще об их „значениях“) диффузные, размыты...» [Николаева 2008: 62]. Партикула *же* (že ← *za*; *халх.*, *бур.* *заа*, *калм.* *же*) ‘ладно, хорошо’ в силу процессов грамматикализации примкнула к «хозяину» *бү* (büi) ‘не’, в результате чего мы имеем *būiže* → *biyiza*. Другими словами, значение частицы *биз* ‘наверное, вероятно, пожалуй, видимо’ восходит к значениям двух его составных элементов *бү* (büi) ‘не’ + *же* (že) ‘ладно, хорошо’ = ‘неуверенность’: частица передает оценку говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого.

7. Морфосинтаксические свойства частицы *биз*

7.1. Частица *биз* ‘наверное, вероятно, пожалуй, видимо’ относится, по мнению ученых, к так называемым заключительным частицам, под которыми понимаются

⁷ Здесь и далее перевод Т. А. Михалевой.

⁸ Знак «***» указывает на грамматически неверно построенный пример.

частицы, занимающие строго определенную позицию после сказуемого, выраженного либо глагольной словоформой, либо именной частью речи (прилагательным или существительным), либо употребляются в неполных предложениях, где опущено сказуемое [Шевернина 1980: 22; Павнов 2016: 103].

З. В. Шевернина указывает, что частица *биз* часто находится после следующих глагольных форм: причастий будущего и прошедшего времени, многократного причастия, индикативных форм настоящего и прошедшего времени, форм сослагательно-го наклонения [Шевернина 1980: 22]. Наш материал частично подтверждает точку зрения ученого-монголоведа; думается, что

неполнота приведения морфосинтаксических свойств частицы *биз* связана с тем, что примеры отбирались механически, и невозможно было просмотреть вручную все контексты, где употреблялась та или иная лексическая единица. В данном исследовании применяется корпусный подход, как мы уже говорили выше, что дало возможность проанализировать большинство контекстов, где встречалась данная единица. Ниже приводятся примеры с лексемой *биз* из материалов НККЯ, морфосинтаксические свойства которой совпадают с мнением З. В. Шеверниной. Частица *биз* следует за:

– причастием будущего времени, причем даже если причастие является вспомогательным глаголом⁹:

(3)	<i>Кен</i>	<i>мед-х-в,</i>	<i>үөл</i>	<i>сэн</i>	<i>чигн</i>	<i>бол-х</i>	<i>биз.</i>
	кто.Pron	знать-Ptcpl.Fut-QPart	зима.Nom	хороший.Adj	ConcPart	стать-Ptcpl.Fut	может.MPart
	‘Кто знает, эта зима, может, и хорошей будет’						

[НККЯ. Дорджиев Б. Б. Эзн]

– причастием прошедшего времени:

(4)	— <i>Эн</i>	<i>саам-д-ан</i>	<i>күүкн</i>	<i>бий-нь</i>	<i>чигн</i>	<i>уралан,</i>	
	этот.Pron	момент-Dat-RefPart	девушка.Nom	сам-Poss3	ConcPart	вперед.Adv	
	<i>көөүн-үр,</i>	<i>шикдл</i>	<i>ке-хэр</i>	<i>сед-си</i>	<i>биз ...</i>		
	юноша-Div	шаг.Nom	делать-Conv.Purp	намереваться-Ptcpl.Pst	наверное.MPart		
	‘В этот момент девушка, может, и сама захотела подойти к юноше’						

[НККЯ. Джимбиев А. М. Таслгч эргц]

– многократным причастием:

(5)	<i>Баһ</i>	<i>улс</i>	<i>тарваж-ин</i>	<i>зах</i>	
	молодой.Adj	народ.Nom	Тарваджи-Gen	край.Nom	
	<i>көөлд-эд</i>	<i>чигн</i>	<i>йов-дг</i>	<i>биз.</i>	
	гнаться-Ptcpl.Hab	ConcPart	ходить-Ptcpl.Hab	может.MPart	
	‘Молодежь, возможно, по окраине Тарваджи [его] гонит’				

[НККЯ. Хонинов М. В. Цаһан Хаалһ]

– формами сослагательного наклонения:

(6)	<i>Эн</i>	<i>талданар</i>	<i>чигн</i>	<i>үк-х</i>	<i>бэд-си</i>	<i>биз ...</i>	
	он.Nom	иначе.Adv	ConcPart	умереть-Ptcpl.Fut	быть-Ptcpl.Pst	наверное.MPart	
	‘Ему, возможно, по-другому умереть было бы суждено’						

[НККЯ. Хонинов М. В. Чи медхмч, Смоленск һазр]

– индикативными формами настоящего и прошедшего времени. В материале НККЯ, причем в фольклорном тексте, встретился всего один пример (на *-на*) с употреблением частицы *биз* после глагольных форм «настояще-будущего времени на *-на* и прошедшего на *-в*» [Шевернина 1980: 22]:

⁹ Здесь и далее: если сказуемое выражено аналитической глагольной формой, частица *биз* всегда находится после вспомогательного глагола.

(7) <i>Тегэд</i> затем.Adv	<i>Убуш-хунтээжэ</i> Убуши-хунтайджи. Nom	<i>зэргэ</i> приказ.Acc	<i>бол-в: /</i> статья-Pst	— <i>Дөрвн</i> четыре.Num
<i>түм-эр</i> десять тысяч-Inst	<i>уулh-ч[н]</i> передовой отряд- ConcPart	<i>ке-һэд, /</i> делать-Conv.Ant	<i>дөрвн</i> четыре.Num	<i>түм-эр</i> десять тысяч- Inst
<i>эк</i> основной.Adj	<i>цэргэ</i> войско.Acc	<i>ке-һэд, /</i> делать-Conv.Ant	<i>өр-эд</i> расставлять- Conv.Ant	<i>уру</i> вниз.Adv
<i>йов-хла, /</i> идти-Conv.Cond	<i>яһ-на</i> случиться-Pres	<i>биз</i> интересно.Adv	<i>зи-нэ-ч? —</i> говорить-Pres- Per2Part	<i>зи-в.</i> говорить-Pst

‘И Убуш-хунтайджи сказал: «Если сорока тысячами передовой отряд сделав, сорока тысячами основное войско сделав, так построившись, если спустимся, интересно, что предпримут они, как думаешь? — спросил»’

[НККЯ. Коллективный автор. Дөрвн өөрд моңһлыг дарсн тууж]

Отметим, что в примере (7) лексема *биз* имеет несколько иное значение, чем было описано выше, однако имеет также модальное значение, передавая интерес говорящего к высказываемому. Такие же предложения можно встретить и в письмах хана Аюки, где он вопрошает о здоровье «белого» царя, заканчивая высказывание частицей *биз*. Исследователь эпистолярного жанра Д. Б. Гедеева права¹⁰ в том, что высказывание *ende ayidarxani bayar mendü biyiza..* (в переложении *Тенд эддрхнэ баяр менд биз*)¹¹ [НАРК. И-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 58] нельзя перевести

***«Наверно, ты в здравии пребываешь?», здесь в большей степени подходит перевод ‘Интересно, в здравии ли ты поживаешь / пребываешь?’ или ‘Надеюсь, ты в здравии пребываешь’.

По замечаниям информантов, сочетания модальной частицы *биз* с индикативными формами на *-на* и *-в* употребляются в калмыцкой речи. Возможно, что такие конструкции встречаются в разговорной речи, данное предположение требует дополнительного исследования. Приведем здесь примеры, полученные от информанта.

(8) <i>Тер</i> он.Nom	<i>өцклдүр</i> вчера.Adv	<i>ир-в</i> идти-Pst	<i>биз.</i> может.Mpart
‘Он, может, вчера приехал’			
[ПМА: МТА]			

(9) <i>Тер</i> он.Nom	<i>маһндур</i> завтра.Adv	<i>ир-нэ</i> идти-Pres	<i>биз.</i> наверное.MPart
‘Он завтра, возможно, придет’			
[ПМА: МТА]			

Тексты НККЯ содержат и другие примеры, где частица *биз* находится в постпозиции после:

– прилагательного:

(10) <i>Гер-бүл-ти,</i> семья.Nom- Poss2	<i>хотн-хоша-ти</i> село.Nom-Poss2	<i>цугт-ан</i> вместе- Ref1Part	<i>бүрн-бүтн</i> целый.Adj	<i>биз,</i> наверное.MPart	<i>Эрнцн?..</i> Эренцен
‘Ваша семья, ваши соседи — все, наверное, благополучны, Эренцен?’					

[НККЯ. Тачиев А. Э. Бар жил]

¹⁰ Д. Б. Гедеева высказала данную мысль в одном из докладов, посвященном письмам Аюки-хана.

¹¹ Транслитерация и переложение на современный калмыцкий язык осуществлено канд. филол. наук Д. Б. Гедеевой.

– существительного:

- (11) *Эн* *нуувч-ин* *бичг* *чигн* ***биз***, — *бол-ад*,
 этот.Proп конспиратор-Gen письмо.Nom ConcPart наверное.MPart статья-Conv.Ant
көвүн *көрг-ин-нь* *чинр* *икд-үл-х* *сана-та-һар* *кел-в.*
 юноша.Nom дело-Gen-Poss3 значение.Nom увеличиваться- мысль-Assoc-Inst говорить-Pst
 Caus-Ptcpl.Fut
 ‘Возможно, это тайное письмо, — сказал мальчик, желая придать важность своему делу’
 [НККЯ. Инджиев Л. О. Большевикуд].

В материале НККЯ встретились примеры, когда существительное стоит не в именительном падеже, т. е. когда оно не выполняет функцию предиката.

- (12) *Мед-жэ* *бол-и-го* *дээн-үр-чи* ***биз***.
 знать-Conv.Ipfv статья-Ptcpl.Fut-Neg война-Dir-ConcPart может.MPart
 ‘Может, и в сражение, исход которого неизвестен’
 [НККЯ. Тачиев А. Э. Комиссарин одн].

- (13) *Цаг-ин* *эрк-эр* *чигн* ***биз***.
 время- Gen право-Inst ConcPart возможно.MPart
 ‘Возможно, и по велению времени’
 [НККЯ. Бембеев Т. О. Бамб цецг].

Кроме того, лексема *биз* может следовать за:

– числительным:

- (14) *Ода* *деер-эн* *мед-гд-жэ-х-нь* — *зуг* *барза-си* *хойр*
 сейчас.Adv перед самым-RefPart знать-Pass.Dur. но.Conj быть неровным- два.Num
 ReflPart Ptcpl.Fut.Poss3 Ptcpl.Pst
биз *улан* *карандаш-ар* *тэв-си* *һар* *бичг-иг*
 наверное.MPart красный.Adj карандаш-Inst ставить- рука.Acc письмо-Acc
 Ptcpl.Pst
уми-хар *сед-эд,* *эк* *хойр* *дэжэ* *өкэ-с*
 читать-Conv.Pupr подумать-Conv. Ant мать.Nom два.Num снова.Adv склониться-
 Ant Ptcpl.Pst
зи-һэд, *һар-ан* *суһ-в.*
 говорить-Conv. Ant рука-ReflPart протянуть-Pst
 Ant
 ‘Сейчас понятно одно — только [прочитать], желая прочесть пухлое, подписанное, видимо, двумя красными карандашами письмо, мать дважды наклонилась и протянула руку’
 [НККЯ. Докрунов Б. Барла]

– местоимением:

- (15) *Көкэ* *эмтн-эс* *ич-жэ-эмэ-һэд* *чама*
 Кёкя.Nom люди-Abl стыдиться-смущаться-Conv.Ipfv ты.Acc
биз, *арһулд* — *зи-жэ* *аралд-в.*
 вот затихать.Impr говорить-Conv.Ipfv стискивать зубы-Pst
 ‘Кёкя, стыдясь людей, подумал: «Вот я тебя, погоди!» — и стиснул зубы’
 [НККЯ. Нармаев М. Б. Түүк]

– наречием:

- (16) — *Тедн-э* *һар-т* *ор-си* *хөөн*
 они-Gen руки-Dat попадать-Ptcpl.Pst после
мэлтр-нэ *зи-дэ* *берк-л* ***биз***.
 вырваться-Pres говорить-Ptcpl.Hab трудно-EmpPart наверное.MPart
 ‘Попад в их руки, вырваться будет трудно, наверное’
 [НККЯ. Балакаев А. Г. Зерлг нохас]

– МОДАЛЬНЫМ СЛОВОМ:

(17)	<i>Чамд</i> ты-Dat	<i>зэрдэн</i> иногда	<i>ииг-эд /</i> делать-Conv.Ant	<i>Час</i> час.Nom	<i>бол-вчи</i> статья-Conv.Conc
	<i>цаг-т /</i> время-Dat	<i>Бий-лэ-нэн</i> личность-Com-ReflPart	<i>зуг</i> но.Conj	<i>бээлн /</i> существование	<i>Бас</i> тоже
	<i>көрг-тэ-чи</i> дело-Assoc-ConcPart	<i>биз...</i> наверное.MPart			

‘Иногда хотя бы час времени тебе, наверно, оставаться с самим собой наедине нужно’

[НККЯ. Джимбиев А. М. Бамб цецг].

В этом случае стоит также отдельно остановиться на пяти примерах, которые были обнаружены у четырех разных авторов (А. М. Джимбиева, Б. Б. Басангова,

Б. Докрунова, Л. В. Пюрвеевой) в НККЯ, когда модальная частица *биз* относится к слову-«хозяину», которое выражено разделительным деепричастием:

(18)	<i>Эрендженов</i> Эрендженов	<i>ах-та</i> брат-Assoc	<i>эн</i> этот.Pron	<i>соңсхвр-т</i> объявление-Dat	<i>ор-лу-жс,</i> входить-Soc-Conv. Ipfv
	<i>сээхи</i> красивый.Adj	<i>хальме</i> калмыцкий.Adj	<i>кел-эр</i> язык-Inst	<i>күүнд-жс,</i> беседовать-Conv. Ipfv	<i>хамдан</i> вместе.Adv
	<i>көдл-жс</i> работать-Conv.Ipfv	<i>йов-си</i> идти-Ptcpl.Pst	<i>цаг-ан</i> время-ReflPart	<i>тодл-жс,</i> вспоминать-Conv. Ipfv	<i>эврэ</i> себя.Pron
	<i>ур-иньг-ин</i> друг-друг-Gen	<i>хайг-ар</i> адрес-Inst	<i>ханмэж-та,</i> благодарность- Assoc	<i>бүлэн</i> теплый	<i>үг-мүд</i> слово-Pl
	<i>кел-с-ин-[н]ь</i> говорить- Ptcpl.Pst- Gen-Poss3	<i>зэрм</i> некоторый.Pron	<i>хэлдэхч-нр</i> надсмотрщик-Pl	<i>ода</i> сейчас.Adv	<i>бий-нь</i> тело-Poss3

март-ад

уга

биз.

наверное.MPart

‘То, что они во главе с Эрендженовым, в этой передаче участвуя, общались на хорошем калмыцком языке, вспоминали время, в которое вместе работали, выражали теплую благодарность своим друзьям, многие зрители, наверно, помнят до сих пор’

[НККЯ. Пюрвеева Л. В. Төрски нутгтан тустахан медж, түрү тоотынь дөңхэр зүткя].

(19)	<i>Дорж-ин</i> Дорджи-Gen	<i>чирэ-д</i> лицо-Dat	<i>минь</i> именно.EmpPart	<i>эн</i> этот.Pron	<i>саам-ла-нь</i> момент-Com. Poss3	<i>хөв</i> судьба.Nom
	<i>минь</i> только что.Adv	<i>ода-чи</i> сейчас- ConcPart	<i>таср-ад</i> обрываться-Conv. Ant	<i>уга</i> Neg	<i>чигн</i> ConcPart	биз наверное. MPart
	<i>ги-си</i> говорить-Ptcpl.Pst	<i>бички</i> маленький.Adj	<i>бол-вчи</i> статья-Conv.Conc	<i>ицл</i> вера.Acc	<i>бэд-х</i> быть-Ptcpl.Fut	<i>бол-жс</i> статья-Conv. Ipfv
	<i>ажгд-ад,</i> наблюдать-Conv. Ant	<i>үз-жс</i> видеть-Conv. Ipfv	<i>чад-дг</i> мочь-Ptcpl.Hab	<i>мед-эт[э]- нр-т</i> знать-Ptcpl. Pass-Pl-Dat	<i>мед-гд-в.</i> понимать-Pass-Pst	

‘Именно в этот момент на лице Дорджи промелькнула надежда: «Может, счастье мое еще не оборвалось», — так показалось наблюдательным пожилым людям’

[НККЯ. Джимбиев А. М. Таслгч эргц].

По наблюдениям информантов, конструкция, состоящая из «разделительное деепричастие + (отрицательная частица *уга*)

+ (уступительная частица *чигн*) + модальная частица *биз*», часто употребляется в разговорной речи, как правило, в неусложнен-

ных предложениях. При этом частица *чигн* может опускаться, другими словами, она не является обязательным компонентом в конструкции.

Кроме указанной глагольной формы, встретился один пример с частицей *биз*, когда она следует за страдательным причастием:

(20)	<i>Кел-х-д,</i> говорить-Ptcpl. Fut-Dat <i>Гаря</i>	<i>Девлет-Гирей,</i> Девлет-гирей. Nom <i>гов</i> говорить-Ptcpl. Hab	<i>Бахты-Гирей,</i> Бахты-гирей. Nom <i>имя-Сом</i> имя-Сом	<i>Садат-Гирей</i> Садат-гирей.Nom <i>залл-лд-ата</i> присоединять- Recp-Ptcpl.Pass	<i>нер-д</i> имя-PI биз. наверное. MPart	<i>хальме</i> калмыцкий. Adj

‘К примеру, имена Девлет-гирей, Бахты-гирей, Садат-гирей, возможно, связаны с калмыцким именем Гаря’

[НККЯ. Монраев М. У. Хальмг нерд].

Пример (19) требует оговорки, поскольку говорящим опущены частица *чигн* и вспомогательный глагол *болх*.

Частица *биз* может следовать за служебными частями речи, которые относятся к главному слову, т. е. к слову-«хозяину». Это говорит о том, что возможно дистанционное расположение частицы *биз* по отношению

к своему слову-«хозяину». Так, например, чаще всего *биз* находится в постпозиции за уступительной частицей, которая может быть представлена либо в сокращенном, либо полном виде и которая примыкает к тому же слову-«хозяину», что и сама модальная частица *биз*:

(21)	<i>Чамаг</i> ты-Асс	<i>чик</i> правильный.Adj	<i>хаалл-ар</i> дорога-Inst	<i>зал-эс</i> направлять- Conv.Ipfv	<i>ор-ул-х</i> идти-Caus- Ptcpl.Fut	<i>чигн</i> ConcPart	биз ... наверное.MPart

‘Тебя на правильный путь направит, возможно’

[НККЯ. Тачиев А. Э. Бар жил].

(22)	<i>... Кен</i> кто.Pron	<i>мед-х-в,</i> знать-Ptcpl.Fut-QPart	<i>хөв-эсирл</i> счастье.Nom	<i>дүүрч</i> полный.Adj	<i>бол-хла,</i> стать-Conv. Cond
	<i>тиим</i> такой.Pron	<i>седкл</i> душа.Nom	<i>цогц</i> тело.Асс	<i>дүүрг-дг-чн</i> наполнять-Ptcpl.Hab- ConcPart	биз, — наверное.MPart
	<i>ги-эс</i> говорить-Conv.Ipfv	<i>Делә</i> Деля.Nom	<i>саналд-в.</i> переживать-Pst		

‘Кто знает, если счастливым бываешь, возможно, таким желанием, наполняешься, — сказал(а) Деля, глубоко вздохнув’

[НККЯ. Бадмаев А. Б. Усна экн булг].

Отметим, что обратный порядок расположения частиц не возможен. Так, например, в текстах обнаружен пример стяжения отрицательной и уступительной частиц и их присоединения к причастию, который демонстрирует порядок перехода служебных

слов в аффиксы, тем самым свидетельствуя о порядке следования служебных слов за словом-«хозяином» *учрдег + уга + чигн*. Не возможен синтаксический порядок в таком виде: *** *учрдег + чигн + уга*.

(23)	<i>Эн</i> этот.Pron	<i>хамг</i> все.Pron	<i>тоот</i> каждый.Pron	<i>эңг-ин</i> ширина-Gen	<i>дегтр-т</i> тетрадь-Dat	<i>бич-гд-х-эс</i> писать-Pass-Ptcpl. Fut-Abl
	<i>биш,</i> Neg	<i>эн</i> этот.Pron	<i>бәд-сн</i> быть-Ptcpl.Pst	<i>эсирл-д</i> счастье-Dat	<i>учр-дг-[г]о-чн</i> случаться-Ptcpl.Hab- Neg- ConcPart	биз! наверное.MPart

‘Все это, кроме как в обычной книге может быть описано, в жизни вряд ли произойдет’

[НККЯ. Бадмаев А. Б. Зуд].

Лексема *биз* может следовать за постпозиционными отрицательными частицами *уга* и *биш*, причем обратный порядок не возможен:

(24)	<i>Тер</i>	<i>цаг-т</i>	<i>нег</i>	<i>чигн</i>	<i>батрак</i>	<i>күртл-эн</i>
	это.Pron	время-Dat	один.Pron	ConcPart	батрак.Nom	до-RefIPart
	<i>байн-д</i>	<i>бий-эн</i>	<i>дэвр-ул-х</i>	<i>уга</i>	<i>биз</i>	<i>ги-х</i>
	богач-Dat	сам-RefIPart	нападать-Caus-Ptcpl.Fut	Neg	наверное.MPart	говорить-Ptcpl.Fut
	<i>бүлэн</i>	<i>улан</i>	<i>седкл</i>	<i>нанд</i>	<i>ор-на.</i>	
	теплый.Adj	красный.Adj	мысль, душа.Nom	я-Dat	идти-Pres	

‘Тогда даже самый последний батрак богачу наброситься на себя не позволит, наверное. Такая мысль согревает мне душу’

[НККЯ. Манджиев Н. М. Уршгта улан Манж].

(25)	<i>Одак</i>	<i>дурн-и</i>	<i>ад</i>	<i>ги-дэг-нь</i>	<i>ир-си</i>
	тот самый.Pron	желание-Gen	безумие.Nom	говорить-Ptcpl.Hab-Poss3	прийти-Ptcpl.Pst
	<i>биш</i>	<i>биз?</i> —	<i>ги-жэ</i>	<i>сан-чк-ад,</i>	<i>дэки</i>
	Neg	наверное.MPart	говорить-Conv.Ipfv	думать-Compl-Conv.Ant	опять.Adv
	<i>ус</i>	<i>ав-хар</i>	<i>хар-ад</i>	<i>йов-в.</i>	
	вода.Ass	взять-Conv.Purp	выйти-Conv.Ant	идти-Pst	

‘«То самое безумие от любви, может, постигло?» — так подумав, снова отправилась за водой’

[НККЯ. Бадмаев А. Б. Усна экн булг].

Перед частицей *биз* могут находиться и послелогои: всего три примера обнаружено в материалах НККЯ. Приведем один из них.

(26)	<i>Айлн-ин</i>	<i>учрар</i>	<i>биз.</i>
	диалект-Gen	из-за.Post	наверное.MPart

‘Из-за диалекта, наверное’

[НККЯ. Монраев М. У. Нурвн бамб цецг].

Частица *биз* входит в устойчивое сочетание с другой частицей *хэ*¹², которое имеет также значение ‘вряд ли’. Как правило, такое сочетание встречается в начале, в середине и в конце предложения. Интересно, что для данного примера характерна избыточность, которая выражает одну и ту

же информацию, «устраняя „помехи“ в восприятии сообщения, помогая его уточнить» [Гальперин 1974: 32]. Такое сочетание двух лексем, выражающих неуверенность говорящего по отношению к высказываемому, дает крайнюю степень неуверенности [ГКЯ 1983: 290].

(27)	<i>Эк-ин</i>	<i>тускар</i>	<i>хэ</i>	<i>биз...</i>
	мать-Gen	о.Post	вряд ли.MPart	наверное.MPart

‘О матери, вряд ли’

[НККЯ. Нуров В. Д. Эмдин чирэ].

Материал исследования показывает, что частица *биз* может располагаться дистантно от слова-«хозяина», пропуская между собой и им вспомогательные глаголы сложных и составных сказуемых, и частицы отрицания, и уступительные частицы, которые выступают, как правило, актуализаторами препозиционной части высказывания [Мущаев 2005: 169].

Поле сочетаемости частицы *биз* крайне широко, как показано было выше, синтагматика не ограничивается только предика-

тами. Определение этой частицы как заключительной во многом оправданно, так как в большинстве случаев она, действительно, замыкает собой финальную¹³ часть клаузы или целого высказывания, однако материал НККЯ свидетельствует, что частица *биз*, хоть и может занимать финальную позицию в клаузе, но не обязательно следовать за предикативной ее частью.

7.2. Частица *биз* преимущественно не присоединяет к себе каких-либо других частиц и тем более аффиксов, однако в НККЯ

встретилось небольшое количество примеров, где к анализируемой частице примыкают отдельные частицы, которые не имеют на это семантических ограничений (так, невоз-

можно присоединение к частице, выражающей сомнение, неуверенность говорящего в высказываемому, присоединение подтверждающей частицы, допустим *мөн*) (см. табл. 3).

Таблица 3. Частотность структурных схем частицы *биз* в калмыцком языке (на материале НККЯ)

[Table 3. Structural patterns of the Kalmyk particle *биз*: frequency of use (analyzing Kalmyk National Corpus)]

№	Структурная схема	Частотность
1.	<i>биз</i>	501
2.	<i>биз</i> + PerPart	21
3.	<i>биз</i> + EmpPart	3
Итого:		525

Как видно из таблицы 3, в НККЯ в основном употребляется частица *биз* без примыкающих структурных элементов. Анализируемая частица может образовывать

цепочки, т. е. быть «хозяином» для других частиц, в НККЯ встретились в такой позиции только лично-предикативные и эмфатическая частица *-л*. Приведем примеры.

- (28) *Би зөр-эд кел-эд чигн орк-х биз-в!*
 я.Nom противоречить-Conv.Ant говорить-Conv.Ant ConcPart ставить-Ptcpl.Fut наверное.MPart-Per1Part
 ‘Я могу даже наперекор сказать!’

[НККЯ. Амур-Санан А. М. Муудран көвүн].

- (29) *Кезэ бол-в чигн нег цаг-т*
 когда.Pron статья-Pst ConcPart один.Pron время-Dat
уз-лц-х чигн бизе[и]дн — ги-в.
 видеть-Soc-Ptcpl.Fut ConcPart наверное.MPart-Per1PIPart говорить-Pst
 ‘Когда-нибудь, в одно время, возможно, мы и увидимся, — сказал’

[НККЯ. Пушкин А. С. Капитана күүкн].

- (30) *Орс кел чи баһ-саһар*
 русский.Adj язык.Assc ты.Nom незначительно
мед-дг чигн биз-ч, бол-в
 знать-Ptcpl.Hab ConcPart наверное.MPart-Per2Part статья-Pst
уми-на-бич-нэ ги-дг-эс хоосн болх
 читать-писать-Pres говорить-Ptcpl.Hab-Inst пустой.Adj статья-Ptcpl.Fut
бээдл-тэ-ч, — ги-жэ Пүрвэ ухал-в.
 облик-Assoc-Per2Part говорить-Conv.Ipfv Пюрвя.Nom думать-Pst
 ‘Русский язык ты, может, немного и знаешь, но кажется, что читать-писать ты совсем не можешь, — подумал Пюрвя’

[НККЯ. Инджиев Л. О. Большевикүд].

- (31) — *Эндэн сар — нарн герл-эр мандл-сн,*
 повсюду.Adv месяц.Nom солнце.Nom свет-Inst восходить-Ptcpl.Pst
Эльмт куутр-ин сээхлэ-с, маңна тиньэр,
 Эльмута.Nom хутор-Gen красавица-P1 лоб.Nom ровный.Adj
мөңк байр-та бээ-дг биз-т!
 вечный.Adj радость-Assoc быть-Ptcpl.Hab наверное.MPart-Per2PIPart
 ‘Вокруг себя свет луны и солнца излучающие, красавицы из хутора Эльмута в радости и счастье, наверное, пребываете’

[НККЯ. Балакаев А. Г. Буурл теегт].

¹² Частица *хэ* происходит от причастия будущего времени **а-ки* от протомонгольского вспомогательного глагола **а-* ‘быть’ [Janhunen 2003: 22].

¹³ Как правило, предикатную, поскольку такой порядок характерен для монгольских языков.

Примеры (28)–(31) демонстрируют интересное правило следования лично-предикативных частиц в предложении: они присоединяются не к сказуемому, а именно к частице *биз*, причем обратный порядок расположения модальной и лично-предикативной частиц не возможен.

К модальной частице *биз* может примыкать частица *-л*, как сказано выше, причем

если к ней присоединяется частица *-л*, частица логического ударения, как ее называет Г. Д. Санжеев [Санжеев 1953: 120], то ей не предшествует частица *чигн*. Примеров встречается немного (всего 3, см. табл. ниже), что говорит о периферийности такой конструкции, в ядро же входят конструкции, когда к модальной частице *биз* не примыкают другие частицы.

(32) <i>Мана</i>	<i>кел-с-эр</i>	<i>юмн</i>	<i>болн</i>
наш.Pron	язык-Pl-Inst	что-нибудь.Pron	и.Conj
<i>ги-жэ-х-и,</i>	<i>аюдан</i>	<i>үг</i>	<i>кел-эд,</i>
говорить-Dur-Ptcpl.Fut-Neg	само собой.Adv	слово.Acc	сказать-Conv.Ant
<i>яа-х-в —</i>	<i>ги-гэд</i> ¹⁴	<i>чигн</i>	<i>сан-жа-де</i>
делать-Ptcpl.Fut-Per1Part	говорить-Conv.Ant	ConcPart	думать-Dur-Ptcpl.Hab
<i>биз-л</i> ,	<i>кен</i>	<i>эдн-иг</i>	<i>мед-х-в!</i>
наверное.MPart-EmpPart	кто.Acc	они-Acc	знать-Ptcpl.Fut-QPart
‘«По нашему желанию ничего не получится, к чему напрасные слова», — может, так они думают, кто их знает?»			

[НККЯ. Дорджиев Б. Б. Эзн].

Материал исследования показывает, что к частице *биз* не примыкают вопросительные частицы, хотя семантически на это нет ограничений. В некоторых случаях, помимо выражения модальности, она может являться прагматическим маркером обращения говорящего к слушающему за подтверждением последним пропозиции высказываемого первым¹⁵; неслучайно в корпусе примеров пятую часть занимают вопросительные

предложения либо неоконченные высказывания, требующие своего рода подтверждения со стороны слушающего.

8. Частотность конструкций с частицей *биз*

Рассмотрим далее частотность конструкций с частицей *биз*, причем в глагольных формах учитываются как синтетические, так и аналитические формы.

Таблица 4. Частотность конструкций с частицей *биз* в калмыцком языке (на материале НККЯ)

[Table 4. Constructions containing the Kalmyk particle *биз*: frequency of use (analyzing Kalmyk National Corpus)]

№	Конструкции с частицей <i>биз</i>	Частотность
	Ptcpl.Fut + <i>биз</i>	129
	в том числе Ptcpl.Fut + <i>биз</i>	65
	в том числе Ptcpl.Fut + ConcPart + <i>биз</i>	60
	в том числе Ptcpl.Fut + Neg + <i>биз</i>	3
	Ptcpl.Pst + <i>биз</i>	166
	в том числе Ptcpl.Pst + Neg + <i>биз</i>	4
	в том числе Ptcpl.Pst + ConcPart + <i>биз</i>	86
	Ptcpl.Hab + <i>биз</i>	68
	в том числе Ptcpl.Hab + ConcPart + <i>биз</i>	27
	в том числе Ptcpl.Hab + Neg + ConcPart + <i>биз</i>	5
	в том числе Ptcpl.Hab + ConcPart + <i>биз</i>	2
	Ptcpl.Pass + <i>биз</i>	1
	Pst + <i>биз</i>	1
	Conv.Ant + <i>биз</i>	5
	Adv + <i>биз</i>	41
	в том числе Adv + <i>биз</i>	15
	в том числе Adv + ConcPart + <i>биз</i>	26
	в том числе Adv + EmpPart + <i>биз</i>	5
	Adj + <i>биз</i>	27
	в том числе Adj + ConcPart + <i>биз</i>	20

¹⁴ Правильно: *гигэд*.

¹⁵ Семантика частицы *биз* будет рассмотрена отдельно.

N + <i>биз</i>	48
в том числе N + Neg + <i>биз</i>	3
в том числе N + Neg + ConcPart + <i>биз</i>	3
в том числе N + ConcPart + <i>биз</i>	28
Num + (ConcPart) + <i>биз</i>	2
Pron + <i>биз</i>	6
в том числе Pron + ConcPart + <i>биз</i>	1
<i>Хэ</i> + <i>биз</i>	21
Mod + <i>биз</i>	4
Post + <i>биз</i>	3
Neg + <i>биз</i>	3
Итого:	525

Как видно из таблицы 4, частица *биз* следует за частями речи, которые выступают в виде предиката в предложениях (общее количество однозначных примеров, где такие части речи, как причастия, конвербы, индикативные формы, выступают в роли сказуемого, составляет 370 единиц). Среди наречий большинство примеров приходится на так называемые категории состояния (так, например, *беркл биз* 'трудно все же, наверно') или предикативы (*угал биз* 'нет все же, наверно'). Что касается существительных и прилагательных, то преимущественно они здесь входят в состав именных сказуемых.

9. Выводы

В статье рассмотрена этимология модальной частицы *биз* 'наверное, вероятно, пожалуй, видимо', ее линейная позиция в глагольной словоформе, дистрибутивные и семантические свойства. Частица произошла от двух других частиц: *бү* (*büi*) 'не' + *же* (*že*) 'ладно, хорошо'. Ее можно отнести в большей степени к так называемым заключительным частицам, под которыми понимаются частицы, занимающие строго определенную позицию после сказуемого, выраженного либо глагольной словоформой (причастия будущего времени, прошедшего времени, многократное причастие настоящего времени), либо именной частью речи (прилагательным или существительным), либо употребляются и в неполных предложениях, где опущено сказуемое. Другими словами, является маркером предикативности в предложении. Хотя сочетаемость частицы *биз* довольно широка и не ограничивается только предикатами: может следовать и за второстепенными членами предложения. Отметим, что при этом в материале исследования не обнаружен ни один пример, когда данная частица следовала бы за подлежащим, что говорит о том, что она не является показателем подлежащего и, более того, ее можно рассматривать как маркер ремы в вы-

сказывании. Порядок следования элементов конструкции с частицей *биз* можно построить следующим образом: слово-«хозяин» + (вспомогательный глагол / послелог / союз) + (частица отрицания) + (уступительная частица) + *биз* + (лично-предикативная частица / эмфатическая частица). В скобках указаны те элементы, которые носят необязательный характер. Материал исследования показывает, что к частице *биз* не примыкают вопросительные частицы, хотя семантически на это нет ограничений, тем не менее в некоторых случаях, помимо выражения модальности, она может являться прагматическим маркером обращения говорящего к слушающему за подтверждением последним пропозиции высказываемого первым.

Сокращения

Abl — аблатив; Acc — аккузав; Adj — прилагательное; Adv — наречие; APart — адмиративная частица; Assoc — ассоциатив; Caus — каузатив; Com — комитатив; Compl — комплетив; ConcPart — уступительная частица; ConfPart — подтвердительная частица; Conv.Ant — разделительное деепричастие; Conv.Conc — уступительное деепричастие; Conv.Cond — условное деепричастие; Conv.Ipfv — соединительное деепричастие; Conv.Purp — целевое деепричастие; Dat — датив; Dir — директив; Dur — дуратив; EmpPart — эмфатическая частица; EquPart — уподобительная частица; Gen — генитив; Impr — императив; Inst — инструментив; Neg — отрицание; Nom — номинатив; Num — числительное; MPart — модальная частица; Pass — пассив; Per1Part — лично-предикативная частица 1-го лица ед. ч.; Per1PIPart — лично-предикативная частица 1-го лица мн. ч.; Per2Part — лично-предикативная частица 2-го лица ед. ч.; Per2PIPart — лично-предикативная частица 2-го лица мн. ч.; Pl — множественное число; Poss1 — притяжательная частица 1-го лица; Poss2 — притяжательная частица 2-го лица; Poss3 — притяжательная частица 3-го лица; PrecPart — просительная частица; Pres — настоящее время; Pron — местоимение; Pst — недавно прошед-

шее время; Ptcpl.Fut — причастие будущего времени; Ptcpl.Nab — многократное причастие; Ptcpl.Pass — страдательное причастие; Ptcpl.Pst — причастие прошедшего времени; QPart — вопросительная частица; Recp — реципрок; ReflPart — возвратная частица; Soc — социатив

Полевые материалы автора

ПМА: МТА — Полевые материалы автора: Михалева Татьяна Алексеевна.

ПМА: ГДБ — Полевые материалы автора: Гедеева Дарья Бадмаевна.

Author's Field Data

Informant 1: Tatiana A. Mikhaleva.

Informant 2: Daria B. Gedeeva.

Источники

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // Локальная база данных. URL: <http://kalmcorgo.ru> (дата обращения: 01.09.2019).

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

[Kalmyk National Corpus: Local Database] (accessed: September 1, 2019). (In Kalm.)

[National Archive of the Republic of Kalmykia].

Литература

- Бембеев 2011 — *Бембеев Е. В.* К вопросу о частях калмыцкого языка (историко-сравнительный аспект) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 117–123.
- Бобровников 1849 — *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университетск. тип., 1849. XI + 403 с.
- Богданова 2001 — *Богданова Н. В.* Живые фонетические процессы русской речи. СПб.: Фил. фак-т СПбГУ, 2001. 189 с.
- Будаева 2003 — *Будаева Г. Д.* Служебные части речи в бурятском языке: частицы. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2003. 95 с.
- Бутаева и др. 2016 — *Бутаева А. О., Куканова В. В., Горяева Б. Б., Баянова А. Т.* Парцеллированные конструкции в калмыцком языке: постановка проблемы (на материале сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов: Мат-лы конф., посвящ. 100-летию известного монголоведа, фольклориста, профессора Н. О. Шаракшиновой (г. Иркутск, 8–9 октября 2015 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 199–208.
- Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 783 с.
- Виноградов 1950 — *Виноградов В. В.* О категории модальности модальных слов в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. Т. 2. М.; Л.: Просвещение, 1950. С. 38–79.
- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халкаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд. Ленингр. Вост. Ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929. XII+436 с.
- Гальперин 1974 — *Гальперин И. Р.* Информативность единиц языка. М.: Высш. шк., 1974. 174 с.
- ГКЯ 1983 — Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Гринберг 1963 — *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 60–94.
- Дамбуева 2000 — *Дамбуева П. П.* Категория модальности в современном бурятском языке: дисс. ... д-ра фил. наук. Улан-Удэ, 2001. 353 с.
- Деликанова 2018 — *Деликанова Е. В.* О двух частях в бурятском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований / гл. ред. Е. В. Головкин. Т. XIV. Ч. 2. I. Мат-лы XIII конф. по типологии и грамматике для молодых исследователей (2016 г.) / ред.: С. А. Оскольская, А. П. Выдрин, Н. М. Заика, Д. Ф. Мищенко; П. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 216–242.
- Еськова, Мельчук, Санников 1971 — *Еськова Н. А., Мельчук И. А., Санников В. З.* Формальная модель русской морфологии. I. Формообразование существительных и прилагательных. Предварительные публикации / Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1971. 71 с.
- Котвич 1929 — *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-е. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Крылов 2012 — *Крылов С. А.* Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса монгольского языка) // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1(6). С. 78–105.
- Куканова 2013 — *Куканова В. В.* О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Междунар. конф. (г. Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 209–212.
- Куканова 2015 — *Куканова В. В.* Грамматика порядков словоизменяемых аффиксов именных частей речи в калмыцком языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 141–150.

- Куканова 2016 — *Куканова В. В.* Индикативные формы глагола в свете грамматики порядков (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016. № 6. С. 17–33.
- Куканова и др. 2016 — *Куканова В. В., Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Долева А. О.* Фонетические явления и процессы калмыцкой речи начала XX в. (на примере сказок, записанных Г. И. Рамstedтом) // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2016. Т. 10. № 4. С. 109–118.
- Куканова, Каджиев 2014 — *Куканова В. В., Каджиев А. Ю.* Алгоритм работы морфологического парсера калмыцкого языка // *Писменное наследие и информационные технологии: Материалы от V международной науч. конф. (Варна, 15–20 сентября 2014 г.)* / отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 116–119.
- Мулаева 2011 — *Мулаева Н. М.* Модальность возможности, необходимости и достоверности (на материале калмыцкого языка) / отв. ред. В. Н. Мушаев. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2011. 154 с.
- Мушаев 2005 — *Мушаев В. Н.* Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: ОАО «АПП „Джангар“», 2005. 382 с.
- Николаева 2008 — *Николаева Т. М.* Непарадигматическая лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2008. 689 с.
- Очирова 2011 — *Очирова Н. Ч.* Проблемы классификации служебных частей речи в монгольских языках // *Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие*. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 264–266.
- Павлов 1960 — *Павлов Д. А.* О некоторых фонетических особенностях в калмыцком языке. XXV Международный конгресс востоковедов (доклады делегации СССР). М.: Вост. лит., 1960. 10 с.
- Панов 2016 — *Панов В. А.* Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе // *Урало-алтайские исследования*. 2016. № 4 (23). С. 101–127.
- Сай 2009 — *Сай С. С.* Грамматический очерк калмыцкого языка // *Исследования по грамматике калмыцкого языка* / ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2009. Т. V. Ч. 2). СПб.: Наука, 2009. С. 622–709.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 243 с.
- Цырендоржиева 2016 — *Цырендоржиева Б. Д.* О функционировании частиц в бурятском тексте // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 182–184.
- Шевернина 1980 — *Шевернина З. В.* Функционально-семантические значения модальных частиц в монгольском языке // *Вопросы грамматической системы монгольских языков*. Элиста: Респ. тип., 1980. С. 20–31.
- Щербак 1983 — *Щербак А. М.* Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования // *Вопросы языкознания*. 1983. № 3. С. 39–43.
- ЭСМЯ 2015 — *Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / гл. ред. Г. Д. Санжеев*. Т. I: А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Janhunen 2003 — *Janhunen J. A.* The Mongolic Language. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2003. xxix + 421 p.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
- Skribnik 2003 — *Skribnik E.* Buryat // *Janhunen J.* (ed.). The Mongolic Languages. London; New York: Routledge, 2003. Pp. 102–128.

References

- [Etymological Dictionary of Mongolic Languages]. In 3 vols. G. D. Sanzheev (ed.). Vol. I: 'A–E'. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong. and Russ.)
- [Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)
- Bembееv E. V. Kalmyk particles revisited: a historical comparative perspective. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2011. No. 1. Pp. 117–123. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. A. [Kalmyk-Mongolian Grammar]. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 403 p. (In Russ.)
- Bogdanova N. V. [Russian Speech: Contemporary Phonetic Processes]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2001. 189 p. (In Russ.)
- Budaeva G. D. [Buryat Auxiliary Parts of Speech: Particles]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2003. 95 p. (In Russ.)
- Butaeva A. O., Kukanova V. V., Goryaeva B. B., Bayanova A. T. Parceling of Kalmyk constructions: problem statement (a case study of fairy-tale texts recorded by G. J. Ramstedt). In: [Mongolic Peoples: World of Folklore in the Context of History and Culture]. Conf. proc. (Irkutsk; October 8–9, 2015). Irkutsk: Irkutsk State University, 2016. Pp. 199–208. (In Russ.)
- Dambueva P. P. [Category of Modality in Modern Buryat]. Dr.Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2001. 353 p. (In Russ.)

- Delikanova E. V. Revisiting two Buryat particles. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. XIV. Part 2. (I. 13th Conference on Typology and Grammar for Young Researchers – 2016: Proc. S. Oskolskaya et al. (eds.). II. Varia). 2018. Pp. 216–242. (In Russ.)
- Eskova N. A., Melchuk I. A., Sannikov V. Z. [Formal Model of Russian Morphology: I. Formation of Nouns and Adjectives. Preliminary Publications. Experimental and Applied Linguistics Research Group]. Moscow: Russian Language Institute (USSR Academy of Sciences), 1971. 71 p. (In Russ.)
- Galperin I. R. [Information Values of Language Units]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1974. 174 p. (In Russ.)
- Greenberg J. Quantitative approach to morphological typology of languages. In: [New Discoveries in Linguistics]. Vol. III. Moscow: Inoizdat, 1963. Pp. 60–94. (In Russ.)
- Janhunen J. A. The Mongolic Language. London; New-York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2003. 421 p. (In Eng.)
- Kotwicz W. L. [A Grammar of Spoken Kalmyk]. 2nd ed. Revnice, 1929. 418 p. (In Czech)
- Krylov S. A. Structural-probabilistic model of Mongolian (based in the General corpus of the modern Mongolian language). *Ural-Altai Studies*. 2012. No. 1(6). Pp. 78–105. (In Russ.)
- Kukanova V. V. About Kalmyk National Corpus. In: [Languages of Russia's Peoples: Topical Issues of Dialectal Studies]. Conf. proc. (Ufa; September 13–14, 2013). Ufa, 2013. Pp. 209–212. (In Russ.)
- Kukanova V. V. et al. Phonetic phenomena and processes in the Kalmyk speech of the early 20th century (basing on the fairy tales recorded by G. J. Ramstedt). *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 109–118. (In Russ.)
- Kukanova V. V. Indicative verb forms: a perspective from the Kalmyk grammar of orders (evidence from the Kalmyk National Corpus). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2016. No. 6. Pp. 17–33. (In Russ.)
- Kukanova V. V. Inflectional affixes of Kalmyk nominal parts of speech: grammar of orders. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 2. Pp. 141–150. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. Kalmyk Morphological Parser: functioning principles. In: [Written Heritage and Information Technologies]. Conf. proc. (Varna; September 15–20, 2014). V. A. Baranov et al (eds.). Sophia; Izhevsk, 2014. Pp. 116–119. (In Russ.)
- Mulaeva N. M. [Modalities of Possibility, Necessity and Authenticity: a Case Study of the Kalmyk Language]. V. N. Mushaev (ed.). Elista: Dzhangar, 2011. 154 p. (In Russ.)
- Mushaev V. N. [Kalmyk Sentence: Structure and Semantics]. Elista: Dzhangar, 2005. 382 p. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M. [Non-Paradigmatic Linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2008. 689 p. (In Russ.)
- Ochirova N. Ch. Auxiliary parts of speech in Mongolic languages: problems of classification. In: [Humanities in South Russia: International and Regional Cooperation]. Conf. proc. Vol. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2011. Pp. 264–266. (In Russ.)
- Panov V. A. Buryat final particles in the perspective of the areal typology. *Ural-Altai Studies*. 2016. No. 4 (23). Pp. 101–127. (In Russ.)
- Pavlov D. A. [Revisiting Some Peculiarities of Kalmyk Phonetics. 25th International Congress of Orientalists]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 13 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. [A Dictionary of the Kalmyk Language]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Sai S. S. Kalmyk language: a grammar essay. In: [Studies in Kalmyk Grammar]. S. S. Sai, V. V. Baranova, N. V. Serdobolskaya (eds.). (*Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. Part. 2). St. Petersburg: Nauka, 2009. Pp. 622–709. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. [Mongolic Languages: Comparative Grammar]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 243 p. (In Russ.)
- Shcherbak A. M. Sequence of morphemes in a word form as a subject of special linguistic research. *Voprosy Jazykoznanija*. 1983. No. 3. Pp. 39–43. (In Russ.)
- Shevermina Z. V. Mongolian modal particles: functional-semantic meanings. In: [Mongolic Languages: Issues of Grammar System]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. Pp. 20–31. (In Russ.)
- Skrjabin E. Buryat. In: The Mongolic Languages. Janhunen J. (ed.). London; New York, 2003. Pp. 102–128. (In Eng.)
- Tsyrendorzhieva B. D. About functioning of the Buryat particles. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016. No. 9(63). Part 2. Pp. 182–184. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. [The Russian Language: a Grammatical Teaching of Word]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1947. 783 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. Russian language: category of modality in modal words revisited. In: [Russian Language Institute, USSR Academy of Sciences: Transactions]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie, 1950. Pp. 38–79. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Written (Classical) Mongolian and the Khalkha Dialect: a Comparative Grammar. Introduction and Phonetics]. Leningrad: Yenukidze Leningrad Institute for Oriental Studies, 1929. 436 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 1026–1033, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1026-1033
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.21(470.47)

Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов

Евдокия Эрендженовна Хабунова¹, Чао Геджин²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор, директор Международного научного центра «Культурное наследие монгольских народов»
 ORCID: 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (1106, просп. Цзяньгуо-мэньнэй, 100732 Пекин, Китай)
 доктор филологических наук, профессор, директор
 ORCID: 0000-0001-9206-8181. E-mail: chao@cass.org.cn

Аннотация. *Актуальность* проблем типологии становится все значимей в контексте расширяющихся межэтнических коммуникативных связей: фольклорных, культурных, социально-бытовых и т. д. Многие сказочные сюжеты, мотивы, переходя из одной традиции, страны в другую, от народа к народу, обрастая все новыми и новыми вариантами, меняя свой художественный облик, в зависимости от новой среды бытования, сохраняют свою ядерную основу, способствующую формированию сюжетных типов. Вместе с тем эти ключевые элементы в сказочных традициях разных народов ведут себя не совсем типично. *Цель исследования.* Статья нацелена на сравнительное изучение мотивировки отправки героя, вступившего в борьбу со своим зооморфным родителем, порвавшего с прошлым, но в процессе социализации столкнувшегося с трудностями, заставившими его покинуть общину. Базируясь на анализе двенадцати образцов сказок тюрко-монгольских народов с типовым сюжетом «медвежий сын», мы определили «причины» и «цели» отправки героя из социума и проследили характер вариативности, «непостоянства», «неустойчивости» мотивировки как элемента сказочного сюжета. *Методы исследования.* Отталкиваясь от структурно-типологического метода В. Я. Проппа, используя в исследовании основные позиции компаративистики, позволяющие выявить аналогии и различия в разных национальных традициях, и привлекая отдельные приемы структурно-семантической методики, разработанной Б. П. Кербелите, авторы пришли к следующим *выводам:* «непостоянство», «нечеткость», вариативность мотива проявляются в детализации действий героя, отражают национальную специфику и подтверждают закономерность «подвижности» периферийных элементов мотива.

Ключевые слова: сказка, типология, национальные традиции, герой, зооморфные особенности, социум, отправка, мотивировка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002.

Для цитирования: Хабунова Е. Э., Чао Геджин. Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов. *Oriental Studies*. 2019;(5): 1025–1033. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1026-1033.

UDC 398.21(470.47)

Fairy-Tale Tradition of the Turko-Mongols: Motives for the Expulsion of a Bear-Born Hero

Evdokia E. Khabunova¹, Chao Gejin²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of International Scientific Centre 'Cultural Heritage of Mongolic Peoples'
ORCID: 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (1106, Jianguomennei St., Beijing 100732, People's Republic of China).
Dr. Sc. (Philology), Professor, Director
ORCID: 0000-0001-9206-8181. E-mail: chao@cass.org.cn

Abstract. *Introduction.* The issues of typology are becoming increasingly significant in the context of expanding interethnic communicative ties, such as folklore, cultural, social ones, etc. Many fairy-tale plots, motifs – moving from one tradition, country to another, from people to people, developing more and more versions, changing their artistic appearances depending on new environments of their existence – retain their nuclear bases, which facilitates the formation of certain plot types. At the same time, these key elements do not function quite typically in fairy-tale traditions of different nations. *Goals.* The article contains a comparative study of motives for the expulsion of a hero who has broken with the past and taken up arms against his zoomorphic parent, but during the socialization faces certain difficulties that force him to leave the community. The paper analyzes twelve fairy-tale samples of Turko-Mongolic peoples with the typical plot 'son of the bear', determines the 'reasons' and 'goals' of exiling the hero from society, traces the essential variability, 'inconstancy', and 'instability' of motives as an element of the fairy tale plot. *Methods.* The work employs the structural-typological method of V. Propp, turns to key comparative research positions that make it possible to identify analogies and differences in various national traditions, uses certain techniques of the structural-semantic methodology developed by B. Kerbelite. *Conclusions.* The 'inconstancy', 'fuzziness', and variability of motives are manifested in details of the hero's actions, reflecting the national specificity and confirming the law of 'mobility' of peripheral elements of the motif.

Keywords: fairy tale, typology, national traditions, hero, zoomorphic features, society, departure, motivation

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and CASS according to the research project № 19-512-93002

For citation: Khabunova E. E., Gejin Ch. Fairy-Tale Tradition of the Turko-Mongols: Motives for the Departure of a Bear-Born Hero. *Oriental Studies*. 2019;(5): 1026-1033. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1025-1033.

Введение

Сказка является одним из занимательных жанров устного народного творчества о противоборстве добра и зла, о вере в торжество справедливости и, как правило, со счастливым финалом. Этот позитивный посыл послужил главным фактором активного продвижения сказочных сюжетов и мотивов в пространстве, мощным рычагом проникновения в социум сказочных идей

и образов, отражающих общечеловеческие ценности, что естественным образом повлияло на формирование типологического сходства сказочных сюжетов, нашедших отражение в различных указателях [СУС 1979; Кербелите 2005; Uther 2004].

Под типологией принято понимать «закономерную, обусловленную рядом объективных факторов повторяемость в природе и обществе, которая обнаруживает себя в

предметах и явлениях, в свойствах и отношениях, в элементах и структурах, в процессах и состояниях» [Путилов 1976: 9]. Характер типологического сходства может быть определен лишь при внимательном изучении всех уровней повторяемости, включая самую минимальную «повествовательную единицу» фольклорного нарратива.

Проблема типологии остается одной из актуальных в мировой фольклористике, и она становится все важнее в контексте расширяющихся коммуникативных связей: фольклорных, культурных, этнических, социально-экономических и т. д. В этом контексте представляется перспективным обращение к вопросу межэтнических фольклорных связей в части выявления общих и специфических явлений в устной традиции, в частности, в сказочном фольклоре разных народов, родственных и неродственных этнически, но тесно взаимодействовавших на протяжении длительного времени.

Фольклористика не отрицает возможность факта передачи отдельных сказочных сюжетов из одной страны в другую, от одного народа к другому. Встречаясь со сходством сюжетов в фольклоре разных народов, она учитывает не только возможность заимствования, но и допускает совпадение сюжетов в результате народного творчества, развивавшегося в сходных общественно-исторических, культурно-бытовых условиях каждого региона [Пропп 2001; Жирмунский 1967; Путилов 1976; Гацак 1967; Кербелите 2005] и др.

В любом случае тот или иной сюжет, попадая в новые условия, проникая в новую фольклорную среду, адаптируясь в этнической культуре, проходит творческую переработку, что впоследствии формирует национальную специфику и художественное своеобразие сказочного сюжета. Различные типы взаимодействия сказочных сюжетов — интерференция, сотворчество, получившие реализацию в «синтезе встречных течений», контаминациях — способствовали пополнению мирового сказочного фонда оригинальными сюжетными типами, региональными версиями интернациональных сюжетов.

Как известно, основной состав национального сказочного фонда представляют сюжеты интернациональные, обусловленные способностью сказки «переходить от народа к народу и перевоплощаться в национальные формы, сохраняя международную структурную основу» [Жирмунский 1967:

283]. Интерес к этим переходящим сюжетам обусловил многообразие терминов и понятий: «бродячие», «странствующие», «международные», «интернациональные». По сути, все эти обозначения передают основные свойства, способствующие жизнестойкости международных сюжетов сказки, — их устойчивость, мобильность, взаимопроникновение. «Изучение типологии этих связей, механизма их действия и масштабов их влияния важно во всех отношениях» [Путилов 1976: 180].

Варьируясь и меняя свой художественный облик в зависимости от новой среды бытования, многие сказочные сюжеты сохраняют свою ядерную основу, устойчивость которой обеспечивается набором базовых мотивов (чудесное рождение, стремительный рост, наречение именем, трудное задание, отправление в путь и т. д.). Они легко распознаются в сказочном сюжете, их конструктивность способствует формированию сюжетных типов, основной фонд которых нашел отражение в различных указателях [Сус 1979; Кербелите 2005; Uther 2004]. Вместе с тем эти конструктивные модели, сохраняя свою константную основу, в сказочных традициях разных народов ведут себя не совсем типично. Это особенно часто наблюдается в реализации мотивов, отражающих действия героя или направленных на героя.

В этом контексте представляется актуальным рассмотреть мотив «отправки героя», типичный для сказочного сюжета, ввиду того, что основные события, изображаемые в сказке, происходят с участием главного героя и за пределами его ойкумены. Выявление причин, побудивших героя отправиться в путь, важно для понимания механизма сложения мотива «отправка героя» как в формальном, так и в содержательном плане. Важно проследить характер взаимоотношений героя с социумом до момента удаления его от семьи, дома, родовой общины, страны и то, как это проявляется в сказочной традиции разных народов: генетически родственных и неродственных, но тесно взаимодействующих на протяжении длительного времени (башкир, бурят, казахов, калмыков, монголов, синьцзянских ойратов, тувинцев, узбеков, хакасов, якутов).

Настоящая работа нацелена на анализ мотивировки отправки героя, рожденного от медведя (медведицы), в редком случае, воспитанного зооморфным родителем.

Материалом для анализа послужили сказки с сюжетным типом «Медвежье ушко» [СУС 1979], «Чудесная сила или знание (умение)» [Uther 2004], опубликованные в двуязычном издании «Сказки народов Евразии» [Сказки 2017].

Выбор сюжетного типа не случаен, так как главный герой сказки, рожденный от медведя (медведицы) и человека, представляет собой архаический образ человека зооморфного происхождения, вступившего в борьбу со своим зооморфным родителем, т. е. порвавшего с прошлым (умершим и воскресшим), но в процессе социализации столкнувшегося с трудностями, заставившими его покинуть общину.

Базируясь на анализе девяти образцов сказок тюрко-монгольских народов с типовым сюжетом «Медвежий сын», мы определили «причины» и «цели» отправки героя из социума и проследили характер вариативности, «непостоянства», «неустойчивости» мотивировки как элемента сказочного сюжета.

В сюжетном построении рассматриваемых сказок «отправка героя» следует за следующими мотивами: «чудесное рождение», «зооморфный облик», «чудесный рост», «недужинная сила», «борьба с отцом-медведем (медведицей)», «вхождение в социум», «наречение именем», «отправление в путь» (в бурятской, калмыцкой, синьцзян-ойратской, казахской версиях). В башкирской, тувинской, узбекской, хакасской, якутской версиях сказок из перечисленной выше сюжетной цепочки выпал мотив «борьба с отцом-медведем (медведицей)». Выявление данного мотивного ряда важно для понимания истории, предшествующей отправке героя.

В исследуемых сказках герой, рожденный от медведя (медведицы) или воспитанный медведем, стремительно растет, набирается сил, выбирается из медвежьей берлоги, убивает (оставляет) зооморфного родителя, приходит к людям, получает имя. Казалось бы, процесс социализации сказочного героя протекает благополучно, но его непохожесть создает определенные неудобства для социума и для него самого. Исходная ситуация, обусловленная специфическими чертами героя, оказалась типичной для всех национальных версий, но *мотивировка* отправления медвежьего сына в путь, т. е. ухода от людей, во всех версиях реализуется по-разному.

Под мотивировкой, согласно В. Я. Проппу, понимаются «причина» и «цель», вы-

зывающие героя на те или иные поступки. Она характеризуется ученым как самый непостоянный и неустойчивый, менее четкий и определенный элемент [Пропп 2001: 69]. Именно это свойство «мотивировки» вызывает интерес в плане определения сходства её «непостоянства» и «нечеткости» в разных этнических традициях.

Результаты

Сказочный нарратив, указывающий причину или цель отправки героя — сына медведя (медведицы) в путь, таков:

В бурятской версии герою скучно среди людей: *Баабгайн хубүүндэ нагасындаа байхадань ехэ уйдахабаритай байба ха. Хул мунгэ ябажа, дайда дэлхэй үзэхэ, харахамни, — гэжэ баабгайн хубүүн эхэдээ хэлэбэ гэхэ* / «Жить у родителей своей матери сыну медведя стало очень скучно. — Пойду, не выбирая дорогу, хочу посмотреть на мир и земли, — так, говорят, сказал сын медведя своей матери» [Сказки 2017: 13; 19–20]¹.

В калмыцкой версии герой желает поглядеть мир: *Аав, нанд хартм бэрх нег тайг кежэ өгтн, би нарта орчлэг деер юн болжохинь эргэд йовад, шинжлэд ирнэв», — гинэ* / «Дедушка, смастерите и дайте мне в руки посох, я пойду и посмотрю, что происходит на белом свете» [Сказки 2017: 27, 42].

В синьцзян-ойратской версии герой отправляется на поиски равных себе: *Тиигэд лом төмрэн авч авад, цоклдэг бөдүн күчтэ дагсн бээхлэ, цоклдна гижэ авч, эжго һазр хэләһад* / «Взяв свое большое железо, отправился в сторону безлюдного места в поисках достойного противника, с которым можно сразиться» [Сказки 2017: 50, 56].

В башкирской версии герой вынужден уйти из общины из-за конфликтной ситуации с ровесниками, недовольства и жалоб односельчан: *Ауылдың бер осонан һугып ебарған икән, туп шунда уйна пийөрөгән малайҙарзың баштарың өзөп, өйҙәрҙе емереп, ауылдың икенсе осона сығып киткән. Был хәлдән һуң ауыл халкы йыйылған да Айыуғолактың атаһына килеп әйткән Һинең улың безҙең балаларыбыҙҙы ла, үзебезҙе лә һаләк итер. Һин уны сығарып ебар. Юкһа, без уны үлтерәбез, — тигәндәр, ти* / «Ударил он по мячику с одного конца аула, а мяч полетел, снося головы играющим ребятишкам, разрушая дома, на другой конец аула. После этого случая односельчане со-

¹ В ссылке указывается источник на оригинальный текст, через точку с запятой дается ссылка на перевод сказки на русский язык.

брались, пришли к отцу Аюголака и сказали ему: **Твой сын погубит всех наших детей и нас. Ты его выпроводи из аула. Иначе мы его уьем**» [Сказки 2017: 61, 71–72].

В казахской версии для отправки героя из общины послужил ряд причин: недовольство соплеменников, конфликтная ситуация с ровесниками, угроза его жизни, поиски равных себе: *Елге сыймай басқа жігіттердің мазасын ала берген соң барлық жігіттер болып басын қосып Аюбаланы өлтірмекші болады. Аюбала оны сезіп, шешесімен қоштасып, беті ауган жаққа қашып кетеді* / **‘Так он быстро нажил себе врагов, все молодые парни собрались и решили расправиться с Аюбала. Аюбала почувствовал что-то неладное, попрощался с матерью и убежал, куда глаза глядели**» [Сказки 2017: 75, 82].

В тувинской версии поводом для отправки героя послужили его обжорство, конфликтная ситуация с ровесниками, недовольство соплеменников: *Аалга келгеи, бүдүн инекти бүдүнү-биле, бүдүн хойну бүдүнүбиле чиптер ышкажсыңыл. «Мал-маганның когун үзе чий берди, амытанның ажы-төлүн дөгerezин өлүрер дей берди ышкажсыл» дээш, сээң ужуң кончудуп турар кижидир мен, оглум — деп* / **‘Когда приходишь домой, целую корову целиком, целого барана целиком один съедает** ведь. **«Ещё чуть-чуть, от скота ничего не оставит, народа детей всех убьёт»**, так ругаются, из-за тебя ругают меня, мой сын, — сказал [старик]» [Сказки 2017: 99, 118].

В узбекской версии герой оказался в конфликтной ситуации со сверстниками, с властью, на него стали жаловаться соплеменники, ему дают трудновыполнимые и опасные для жизни задания: *Бола ундан ҳолаҳвол сурайди. Шунда онаси касали қаттиқлигини, девлар мамлақатида усадиган ҳаёт дарахтининг илдизи ва япрогини қайнатиб ичмаса одам бўлмаслигини айтсин, дебди. Шундан кейин бола у ҳаёт дарахтининг илдизини излашга кетади, қайтиб келмайди <...>* / **‘Айик палван отправится искать корень дерева жизни и больше не вернется. И тогда отцы-матери ребят перестанут лить слезы и вопить о спасении, а царь не услышит больше жалоб<...>’** [Сказки 2017: 125–126, 135].

В хакасской версии герой вынужден оставить родных в связи с возникшей конфликтной ситуацией со сверстниками и жалобами односельчан и ввиду того, что

жизнь становится невозможной: *Пазох ир паланьың азағын сыы сабысхан. Хараағызын хоньт алып, сооңа кун пар сыххан. Мында чуртап полбадыг: азагы хайдаа парча, пазы андар парча, пазы хайдар парча, азағы андар парча* / **‘Опять одному ребенку ногу сломал. Ночь переночевав, на следующий день из дома отправился. Здесь жить невозможно: его нога куда идет, его голова туда идет, его голова куда идет, его нога туда идет’** [Сказки 2017: 138, 144].

В якутской версии у героя возникает конфликтная ситуация с ровесниками (наследниками), затем невеста сжигает его медвежьей шкуру: *Эһэуола Мишикэ Мэхэ-элэни нэсипиэнныктэр абааһы көрөллөр... Сассыарда эһэ туран тириитин көрдүүр да булбат уонна этэр: «Дьэ, эн мин тириитин эрдэһуох гыммыккын, онон мин барабын», — диир да, туран таххан баран хаалар* / **‘Медвежьего сына Мишку-Михайло наследники невзлюбили <...> Так живя, однажды девушка, стащив медвежьей шкуру, бросает ее в смолу. Утром медведь встает, ищет свою шкуру, но не находит и говорит: «Ну, ты мою шкуру рано уничтожила, поэтому я ухожу»**, — сказав так, уходит» [Сказки 2017: 148, 151].

Если обобщить виды мотивировок (они выделены в текстах жирным шрифтом), побудившие героя-сына медведя (медведицы) отправиться в путь, т. е. уйти из общины, можно выделить следующие тематические группы:

- желание посмотреть мир (бурят., калм.);
- поиск равных себе (синцз.-ойрат., казах.);
- конфликтная ситуация со сверстниками (башкир., казах., тувин., узбек., хакас.);
- конфликтная ситуация с властью (узбек.);
- недовольство и жалобы соплеменников (башкир., казах., тувин., узбек., хакас.);
- обжорство (тувин.);
- прямая угроза жизни (казах., узбек.);
- сожжение медвежьей шкуры невестой, молодой женой (якут.).

Как видно из перечня, мотивировка отправки героя носит двойственный характер: герой отправляется в путь по собственной воле и с определенной целью (в сказках бурят, калмыков, синьцзянских ойратов), и герой отправляется в путь при вынужденных обстоятельствах с целью, иногда бесцельно, т. е. «куда глаза глядят» (в сказках башкир, казахов, тувинцев, узбеков, хакасов, якутов).

Примечательно, что в первой группе оказались сказки генетически родственных монгольских народов, некогда обитавших в едином номадном пространстве (бурят, калмыков и синьцзянских ойратов), а во второй группе — сказки башкир, казахов, тувинцев, узбеков, хакасов, якутов — генетически родственных и неродственных, тесно взаимодействовавших или территориально отдаленных друг от друга народов.

Обратимся к анализу сказок, попавших в первую группу, и, основываясь на показаниях текста, попытаемся подробно рассмотреть ситуации, предшествующие отправлению сказочного героя в путь по доброй воле.

В бурятской сказке «Сын медведя» (*Баабгай хубуун*) герой, раздобыв одежду, вместе с матерью прибывает к её родителям. Их встречают с радостью, затем все вместе живут счастливо. Но со временем сыну медведя становится скучно, и он отправляется в путь, чтобы посмотреть на мир и земли. Никто его не удерживает, провожают с напутствиями и добрыми пожеланиями: *Баабгайн хубуундэ нагасындаа байхадань ехэ уйдахабаритай байба ха*. ‘Жить у родителей своей матери сыну медведя стало очень скучно’ — *Олзотой, омогтойя баарайш, — эбээхэнь*. ‘Отправляйся с пользой и отвагой, — напутствовала его мать’ [Сказки 2017: 13].

В калмыцкой сказке «Сын медведя Алвт Хар» (*Аюлин ковун Алвт Хар*) медвежий сын также выглядит вполне социализированным: наречен именем, носит одежду, играет с детьми, любим родными. Он удивляет родных своим стремительным ростом и невиданной силой (*сөөднь сөмөсэд, өдртнь алд өсэд бээнэ*) [Сказки 2017: 27]. По просьбе внука дед заказывает кузнецу посох, который доставляется внуку на телеге. Испытывая прочность посоха, медвежий сын одной рукой сгибает его в дугу. Попрошавшись со своими стариками и родной матерью, мальчик отправляется в дальнюю дорогу, чтобы повидать мир: *«Аав, нанд хартм бэрх нег тайг кежэ өгтн, би нарта орчлгэ деер юн болжахинь эргэд йовад, шинжлэд ирнэв»*, — гинэ [Сказки 2017: 27, 42].

Вполне миролюбиво расстается с родными герой сказки синьцзянских ойратов «Богатырь медведь» (Аюбаатр). По случаю возвращения дочери с сыном хан устраивает пиршество. Обнаружив его могучую силу, он приказывает сделать ему из прочного железа оружие огромных размеров, которое никто другой, кроме этого мальчика,

не мог сдвинуть с места. За это соплеменники назвали его Аюбаатр. Заполучив небывалое оружие, герой отправляется в путь в поисках достойного противника: *Тшигэд лом төмрэнэв чавад, цоклдог бөдүн күчтэ дээсн бээхлэ, цоклдог гижэ авч, эжгө һазр хэлдһэд* [Сказки 2017: 50; 56].

Мотивировка отправки героя в бурятской, калмыцкой и синьцзян-ойратской сказках не может быть квалифицирована как изгнание медвежьего сына из социума или избавление от него. Можно наблюдать, что герой принят в семью, ему рады, ничто не предвещает опасности. Сходство исходной ситуации мотивирует похожесть дальнейших действий: герой отправляется в путь по доброй воле, чтобы познать мир, найти достойных противников.

Второй тип мотивировки отправки героя основывается на том, что герой отправляется в путь при вынужденных обстоятельствах. В башкирской, казахской, тувинской, узбекской, хакасской и якутской сказках герой покидает родной дом с определенной целью, иногда бесцельно, т. е. идет куда глаза глядят.

Рассмотрим каждый тип мотивировки по отдельности, так как «предшествующие звенья повествования подготавливают центральный момент, служат ему объяснением и мотивировкой» [Гацак 1967: 178].

Конфликтная ситуация со сверстниками возникает по разным причинам:

- медвежий сын, играя мячом из дубовой чаги, ударяет так, что мяч, пролетая через весь аул, сносит головы детям и разрушает дома (башкирская сказка «Аюголак» (*Айыуголак*);
- на состязаниях в ловкости и силе соперники медвежьего сына теряют сознание и получают увечья (казахская сказка «Сын медведя» (*Аюбала*);
- играя с детьми, становится причиной их смерти (казахская сказка «Аюалпан, Судысалпан, Таудыталпан» (*Аюалпан, Судысалпан, Таудыталпан*);
- играя с детьми соседей, ломает им кости (тувинская сказка «Медвежье Ухо» (*Адыг-Кулак*);
- сбивает с ног и ранит своих сверстников, играя с ними в бабки альчиками из чугуна, каждый весом в десять пудов (узбекская сказка «Богатырь Медведь» (*Айикюлвон*);
- играя со сверстниками в карты, лишает сознания одного из них, щелкнув его по лбу пальцем (хакасская сказка «Медвежье Ухо» (*Аба Хулах*)).

Как видно из приведенных данных, конфликт в большей степени возникает в процессе игры, реже — в ходе состязания. Причиной конфликта становится «медвежья сила» героя, которая проявляется по-разному в процессе игры или состязания: она направлена на сверстника-участника игры или на предмет для игры (дубовый мяч, чугунный альчик). В результате «игры» обычный ребенок получает увечья, теряет сознание, умирает, что соплеменниками воспринимается как потенциальная опасность, исходящая от специфического (уродливого, волосатого, неуклюжего, с медвежьими ушками) ребенка. Конфликт с властью также служит мотивацией ухода из общины героя с зооморфными признаками (узбек.).

Мотивировка отправки специфического героя строится не столько на его сложных отношениях с простыми соплеменниками, связанными с проявлениями могучей медвежьей силы и других зооморфных черт, а на противоречиях, основанных на проблемах социального-классового характера. Юноша выступает в качестве защитника социально обездоленных слоев общества, что неизбежно приводит к конфликту с богатыми представителями власти, затем к изгнанию героя из социума каким-нибудь правителем.

В. Я. Пропп отмечал, что «изгнание может мотивироваться скверным характером героя» и ему придается характер правомерности [Пропп 2001: 69]. Если герой бедокурит, на него жалуются, он глупит, то должен быть наказан. В рассмотренных нами случаях непокорность протагониста и неспособность индивидуума к конформизму расцениваются как отрицательная черта общины, которая не признает его своим и родным, ввиду его особенного происхождения.

Индивидуальные особенности сына медведя и человека дают повод для недовольства и жалоб соплеменников, что также служит мотивацией его ухода от общины. Этот вид мотивировки отправки героя нашел отражение в сказках многих народов (башкир, казахов, тувинцев, узбеков, хакасов). Модель «недовольство и жалобы соплеменников», послужившая поводом для отправки героя в путь, обнаружена нами только в сказках тюркских народов (башкир, казахов, тувинцев, узбеков, хакасов), которые представлены в сборнике «Сказки народов Евразии» [Сказки 2017].

Мотивировка «сожжение медвежьей шкуры», отмеченная лишь в якутской сказке «Медвежий сын Мишка-Михайло» (Энэу-

ола Миискэ Мэхээлэ), существенно отличается от других поводов отправки героя: зооморфный герой уходит не из родовой общины, а от жены (невесты), и причиной тому является потеря медвежьей шкуры. Лишение героя его звериных признаков может приравниваться к утрате им медвежьей силы и «звериного духа», а значит, и магической защиты прародителя. «Сакральное отношение к наиболее значимым частям тела медведя, связанное с идеей их воскресения, составляет наиболее древний пласт в обряде умирающего и воскресающего зверя» [Цыренова 2006]. Сказочный герой, лишившись своего сакрального зооморфного признака (медвежьей шкуры), а значит, магической неуязвимости, вынужден отправиться туда, где нет угрозы для его жизни.

Выводы

Исследованный материал дает общую картину обстановки, в которую попадает герой до отправления в путь, и того, что побуждает его к решительным действиям. Сам по себе факт пространственного перемещения героя важен как композиционный элемент для дальнейшего развития сказочного сюжета: герой должен пройти через обряд инициации — попасть в другой мир (умереть), проявить себя на чужой стороне и воскреснуть в исходном царстве (государстве), быть признанным (воцарение). Не преодолев испытания, герой не может стать полноправным членом родовой общины и вступить в брак, создать семью с одним из её членов. Эти обстоятельства обеспечили единообразие ядерной основы мотива «отправка героя». Оно выражается в постоянстве элементов: уход героя из общины в младенческом возрасте (играет с детьми); отправление героя в иной мир, участие взрослых (представителей старшего поколения) в отправлении или изгнании героя.

Это единообразие нарушается при детализации мотивировки. Анализ показал, что «беда», «недостача», «трудное задание» не всегда становятся причиной отправки героя в путь.

В одном случае (в сказочной традиции монгольских народов) герой отправляется в путь по доброй воле и поводом для этого служит стремление познать мир и найти равных себе или достойных противников, последнее присутствует в тексте имплицитно, явствуется из того, что герой отправляется в путь с оружием из железа (у синьцзянских ойратов) и кованым посохом (у калмыков), без оружия — в бурятской сказке. Незначи-

тельные разночтения, наблюдаемые в модели мотива, не влияют на её содержательное наполнение, вместе с тем отражают локальные, субэтнические особенности её реализации [Хабунова 2017: 14].

В процессе своего развития сказки стали наполняться новым содержанием, взаимодействовать с другими жанрами, культурными традициями других народов, что способствовало расширению её сюжетного состава и тематическому многообразию мотивно-формульного фонда, появлению локальных, национальных, субэтнических особенностей.

В сказочном фольклоре других народов (башкир, казахов, тувинцев, узбеков, ха-

касов, якутов) отправка может рассматриваться как изгнание. На это указывает мотивировка отправки, основанная на том, что «медвежья сила» и другие зооморфные особенности героя создают различные неудобства для социума, а стремление устранить причину неудобств порождает угрозу для жизни героя. Изгнание, которое мотивируется враждой и неприятием героя социумом, формирует вариативность периферийной части устойчивой модели «отправка героя».

Элементы, указывающие на разночтения мотивировок «отправки героя», могут быть квалифицированы как показатели степени подвижности структуры мотива, как свидетельство инвариантности модели мотива.

Литература

- Гацак 1967 — *Гацак В. М.* Восточно-романский героический эпос. Исследование и тексты: монография. М.: Наука, 1967. 472 с.
- Жирмунский 1967 — *Жирмунский В. М.* К вопросу о международных сказочных сюжетах // Историко-филологические исследования. Сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1967. С. 283–289.
- Кербелите 2005 — *Кербелите Б. П.* Типы народных сказок. Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок: в 2-х ч. М.: РГГУ, 2005. 724 с.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
- Путилов 1976 — *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора: монография. Л.: Наука, ЛО, 1976. 244 с.
- Сказки 2017 — Сказки народов Евразии. Сын медведя / сост., автор предисловия Е. Э. Хабунова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. 199 с.
- СЭС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка/ сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, ЛО, 1979. 437 с.
- Хабунова 2017 — *Хабунова Е. Э.* Этнопоэтические константы сказок монгольских народов: к вопросу о систематизации // Культурные константы монгольских народов: материалы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. С. 14–19.
- Цыренова 2006 — *Цыренова И. С.* Медведь в традиционной культуре бурят (историко-генетические и культурно-семантические аспекты): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2006. 20 с.
- Uther 2004 — *Uther H.-J.* The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Parts I–III. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica.

2004. Part I – 619 p., Part II – 536 p., Part III – 285 p.

References

- [A Comparative Directory of Plots: the East Slavic Tale]. K. Barag et al. (comps.). Leningrad: Nauka, 1979. 437 p. (In Russ.)
- [Tales of Eurasian Peoples: Son of the Bear]. E. Khabunova (comp., foreword). Elista: Kalmyk State University, 2017. 199 p. (In Russ.)
- Gatsak V. M. [The Eastern Romance Heroic Epic: Research and Texts]. Moscow: Nauka, 1967. 472 p. (In Russ.)
- Kerbelite B. P. [Types of Folk Tales. Structural and Semantic Classification of Lithuanian Folk Tales]. In 2 vols. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2005. 724 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. Ethno-poetic constants in tales of Mongolic peoples: the issue of systematization revisited. In: [Cultural Constants of Mongolic Peoples: Materials]. Elista: Kalmyk State University, 2017. Pp. 14–19. (In Russ.)
- Propp V. Ya. [Morphology of the Magic Tale]. Moscow: Labirint, 2001. 192 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. [Comparative Historical Research of Folklore: Methodology]. Leningrad: Nauka, 1976. 244 p. (In Russ.)
- Tsyrenova I. S. [The Bear in Buryat Traditional Buryat Culture: Historical-Genetic and Cultural-Semantic Aspects]. A Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2006. 20 p. (In Russ.)
- Uther H.-J. The Types of International Folktales: a Classification and Bibliography. Parts I–III. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2004. (In Eng.)
- Zhirumsky V. M. International tale plots revisited. In: [Historical and Philological Studies: Collected Articles. Celebrating the 75th Anniversary of Acad. N. Konrad]. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 283–289. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 1034–1042, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1034-1042
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.3

Суеверные приметы как микрожанр башкирского фольклора

Галия Рустямовна Алчинова¹, Гульнур Равиловна Хусаинова²,
 Гульназ Нурфаезовна Ягафарова³

¹ Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
 (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 аспирант
 ORCID: 0000-0002-1715-4706. E-mail: mgaliyar20@rambler.ru

² Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
 (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом фольклористики
 ORCID: 0000-0002-0290-1844. E-mail: bashfolk@yandex.ru

³ Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
 (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0003-4363-2940. E-mail: rishrinat@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Суеверные приметы — довольно распространенный, активно бытующий и в наши дни микрожанр в структуре башкирского фольклора, значительно представленный в количественном и семантическом планах. *Цель* настоящей статьи — охарактеризовать суеверные приметы как отдельный микрожанр башкирского народного творчества, установить их основные классификационные признаки, показать тематическое разнообразие суеверий. *Материалы и методы.* В работе дан жанрово-структурный анализ около 800 башкирских суеверных примет, выявленных в процессе исследования из разнообразных источников — многотомников по башкирскому фольклору, опубликованных экспедиционных и собственных полевых материалов. *Методы:* комплексный метод, включающий: сравнительно-исторический, культурологический, традиционный экспедиционно-полевой методы, жанрово-структурный анализ. *Результаты.* На основе изучения существующих определений суеверных примет выбрана наиболее соответствующая жанру дефиниция, объясняются причины возникновения суеверий, выделяются основные признаки фольклорного микрожанра, отличающие его от других малых фольклорных жанров. Функции, тематика суеверных примет также подтверждают обособленность микрожанра. *Выводы.* На основе изучения жанровых характеристик авторы приходят к выводу о том, что суеверные приметы составляют отдельный микрожанр в структуре башкирского фольклора наряду с пословицами, поговорками, загадками. Появление части суеверных примет обусловлено мифологическим мышлением человека, стремлением связать неизведанное с таинственными силами природы. Другая часть основана на наблюдениях народа, на установлении обобщенных причинно-следственных связей в явле-

ниях окружающей действительности. Основными функциями суеверий являются дидактические, воспитательные, так как они обеспечивают соблюдение морально-нравственных устоев общества. Прогностические функции бытовых суеверий сводятся к предостережениям, метеорологических — к предупреждениям информативного характера об изменениях в состоянии погоды. Среди суеверных примет наибольшее количество составляют суеверия антропологической направленности, которые регламентируют поведение человека в быту каждый день.

Ключевые слова: фольклор, башкирский, малый жанр фольклора, микрожанр, суеверные приметы, суеверие, антропологический, художественная литература

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта «Исследование башкирских суеверных примет антропологической направленности» при поддержке грантовой программы для молодых ученых Республики Башкортостан 2019 г.

Для цитирования: Алчинова Г. Р., Хусаинова Г. Р., Ягафарова Г. Н. Суеверные приметы как микрожанр башкирского фольклора. *Oriental Studies*. 2019; (5): 1034–1042. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1034-1042.

UDC 398.3

Superstitious Signs as a Micro-Genre of Bashkir Folklore

Galiya R. Alchinova¹, Gulmur R. Khusainova², Gulnaz N. Yagafarova³

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0002-1715-4706. E-mail: mgaliyar20@rambler.ru.

² Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate, Head of Folklore Department

ORCID: 0000-0002-0290-1844. E-mail: bashfolk@yandex.ru

³ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Research Associate

ORCID: 0000-0003-4363-2940. E-mail: rishrinat@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Superstitious signs are a stable and very common micro-genre in the structure of Bashkir folklore, significantly represented both quantitatively and semantically. *Goals.* The paper seeks to characterize superstitious signs as a separate micro-genre in the system of Bashkir folk art genres, identify their main classification features, and show the thematic diversity of superstitions. *Materials and Methods.* The work provides a genre-structural analysis of about 800 Bashkir superstitious signs traced in various sources, including multivolume books on Bashkir folklore, published expeditionary folklore materials, and the authors' field data. *Results.* The study of existing definitions of superstitious omens results in a most appropriate definition for the genre, clarifies the reasons for the emergence of superstitions, delineates some key features of the folklore micro-genre that distinguish it from other minor folklore genres. Superstitious signs are classified thematically, with due regard of their reflection in the spiritual culture of the Bashkir people. *Conclusions.* The study of genre characteristics results in the conclusion that superstitious signs constitute a separate micro-genre in the structure of Bashkir folklore. The emergence of some superstitious signs is caused by the mythological thinking of man, a desire to connect the unknown with mysterious forces of nature. Others are based on observations of the people, on the determination of generalized cause-and-effect links between phenomena of surrounding reality. The main functions of superstitions are didactic, educational ones, since they ensure the observance of moral principles of society. The prognostic functions of household superstitions are reduced to warnings, meteorological ones – to

informative warnings about changes in weather conditions. The superstitious signs are dominated by anthropological ones that regulate human behavior in everyday life.

Keywords: folklore, Bashkir, minor genre of folklore, micro-genre, superstitious signs, superstition, anthropological, fiction

Acknowledgements: The reported study was funded by Grant Program for Young Scientists of Republic of Bashkortostan (2019), project name 'Research on Bashkir Superstitious Signs of Anthropological Orientation'.

For citation: Alchinova G. R., Khusainova G. R., Yagafarova G. N. Superstitious Signs as a Micro-Genre of Bashkir Folklore. *Oriental Studies*. 2019; (5): 1034–1042. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1034-1042.

Введение

Суеверные приметы — явление фольклора, активно используемое в повседневной жизни народа в статусе неписанных правил. Фонд применяемых у башкир примет обширен, он отличается устойчивостью бытования, передается от поколения к поколению и, как любое другое явление фольклора, нуждается в фиксации и сохранении для будущих поколений. В башкирской фольклористике данный пласт верований, отражающих мировоззрение народа и являющихся составной частью его духовной культуры, специально не собирался и не становился объектом монографического исследования. Необходимость подробного анализа суеверий вызвана необычайной популярностью исследуемого материала, неизученностью ряда важнейших проблем их развития на современном этапе, проблемой определения их жанровой принадлежности. В данной статье предпринимается попытка обосновать статус суеверных примет как самостоятельного микрожанра башкирского фольклора, определить их место в башкирском устно-поэтическом творчестве, выявить отличие от других смежных видов и показать их тематическое богатство.

Материалы и методы

Источниковедческую базу исследования составляют опубликованные в томах научного свода «Башкирское народное творчество» [Башкирское народное 1980; Башкирское народное 1995], словарях [Хадыева 2002; Хисамитдинова 2010], в сборниках материалов экспедиций (2005–2018),

в башкирской художественной литературе, а также собранные авторами в 2017–2019 гг. суеверия, распространённые у башкир. Всего выявлено и проанализировано около 800 суеверных примет.

Методологическую основу исследования составляет комплексный метод, включающий: сравнительно-исторический, культурологический, традиционный экспедиционно-полевой методы, жанрово-структурный анализ.

Основная часть

Суеверные приметы в структуре башкирского фольклора

В истории науки суеверия рассматриваются с различных точек зрения: в этнографической литературе как выражение своеобразного мировидения народа, в философии — как форма отражения бытия, в лингвистике — как отражение этноменталитета в языке. Все это свидетельствует о том, что изучение суеверий невозможно осуществить в рамках одной дисциплины. В них переплетаются и семантические нюансы, и этнографические понятия, и мировоззренческие позиции, и педагогические постулаты. Именно на их основе ярко проявляется синкретизм фольклора, объединяющего обычаи, традиции, мировоззрение, менталитет, этнопедагогику народа-носителя.

По данным фольклористики и этнографии, знаковых систем, необходимых для становления и первоначальной жизни общества, шестнадцать: народные приметы, народные гадания, предзнаменования, пластика тела и танец, музыка, изобразительные искусства, орнамент, народная архи-

текстура, прикладные искусства, костюм и татуировка, меры, ориентиры, команды и сигналы, обряды, игры, язык. Ни одно самое примитивное общество не может обойтись без этого комплекса знаковых систем [Рождественский 1990: 64].

В этом перечне народные приметы названы одними из первых, они выражают народное видение окружающего пространства, формируют комплекс сведений о мире. Рассмотрим основные характеристики суеверной приметы, ее отличие от других жанров фольклора.

В научных работах понятие «суеверие» трактуется достаточно широко. Зачастую его определение напрямую зависит от предубеждений самого исследователя, от его идеологической и нравственной настроенности. Необходимо учесть и то, что суеверные приметы продолжительное время игнорировались или отрицались в условиях атеистической советской реальности.

Для понимания сущности изучаемого явления приведем несколько определений. Суеверие, по В. И. Далю, — это «ошибочное, пустое, вздорное, ложное верование во что-либо, вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадание, приметы, знамения; вера в причину и следствие, где никакой связи нет. Все таинственное, непонятное в природе многими зовется суевериями» [Даль 1996: 12].

«Философский словарь» трактует суеверие как «убеждение в том, что некоторые видимые явления представляют собой знаки или результат воздействия невидимых сверхъестественных сил, служащих предзнаменованием будущего. В гносеологическом плане суеверие — предрассудок, лишенный разумного основания, совокупность стереотипизированных взглядов на человека, историю и общественную жизнь» [Философский словарь 2001: 548].

На основе рассмотрения определения термина «суеверие» у разных ученых, Е. Е. Флигинских приходит к выводу, что суеверия — это паремии, отличающиеся рядом черт: 1) это вербализованные единицы, имеющие форму предложений; 2) основная функция, которую они выполняют, — прогностическая; 3) они появились много лет назад и несут в себе опыт поколений; 4) суеверия содержат не обо-

снованную разумными доводами веру во что-либо необъяснимое с точки зрения логики [Флигинских 2014: 156]. Здесь обращает на себя внимание то, что 3-е суждение противоречит 4-му, так как от поколения к поколению не может быть передан необоснованный опыт, что подтверждается и цитатой В. И. Даля: «Едва ли однако же можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер без всякого смысла и толка» [Даль 1996: 12]. Отсюда следует, что суеверие не возникло на пустом месте, его появление всегда оправдано чем-либо. Поэтому более приемлемым представляется определение, данное В. К. Харченко и Е. Е. Тонковой: «Народные приметы — это проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафорической форме» [Харченко, Тонкова 2008: 5].

Известно, что есть суеверные приметы, выведенные из действительных наблюдений, и есть множество примет суеверных, в основании которых лежит не опыт, а мифические представления. В башкирском народном творчестве распространены суеверия, базирующиеся на мифологическом мышлении (об этом довольно подробно информация представлена в [Мухамедьянова 2014]); большинство из них связано с мифическими образами, особенно с демононимами (*шайтан* 'черт', *убыр* 'ведьма', *шүрәле* 'леший', *әжәл* 'смерть', *ен-пәрей* 'черти, джинны' и др.¹), которые чаще применяются в приметах-запретах: *напитки белого цвета (молоко, катык) не разрешается оставлять открытыми — шайтан искупается; сидя за столом, нельзя болтать ногами — шайтан сядет на них; нельзя говорить «уф» — шайтан родится.*

Другая часть суеверных примет возникает в результате наблюдений за окружающим миром. Чаще такие приметы относятся к метеорологическим: *если луна в ореоле — быть бурану; если много щавеля, предстоящая зима будет теплой; стрекозы оживляются — дождь будет; если собака в снегу валяется — к ясной погоде* и др.

¹ Здесь и далее перевод на рус. яз. авторов.

Общеизвестно, что каждый фольклорный жанр — синкретичное явление. По мнению Н. И. Кравцова, следует принять определенное понимание жанра как исторически сложившейся относительно устойчивой содержательной художественной формы, и в целом, и в ее частях выполняющей сложные функции — познавательные, идейно-воспитательные и эстетические, причем в различных жанрах может преобладать одна из этих функций при их единстве и взаимозависимости [Кравцов 1973: 82].

Как пишет А. М. Сулейманов, при определении жанра исследователи в первую очередь обращают внимание на внешнюю, формальную сторону произведения [Сулейманов 2011: 6]. Общеизвестными являются следующие признаки фольклорного жанра:

- 1) характеристика по объему (большой или малый);
- 2) традиционность;
- 3) синкретизм;
- 4) вариативность;
- 5) критерии, показывающие специфику жанра.

По первому признаку суеверные приметы, конечно же, относятся к малым жанрам народного устно-поэтического творчества. Их отличительной особенностью является то, что они имеют в своем составе одно-два речевых высказывания, но представляют собой цельный смысловой текст, хотя «по сравнению с другими жанрами фольклора в приметах художественность менее значительна» [Китиков 1977: 37].

Традиционность проявляется в частой повторяемости, в легкой воспроизводимости суеверных примет в различных ситуациях общения: суеверные приметы проявляют устойчивость во времени. Множество суеверий образуют узнаваемый фонд единиц устной народной прозы: *нельзя спать во время захода солнца, иначе заболеешь; нельзя вечером подметать полы, иначе дом покинет благополучие, в нем не будут держаться деньги; у кого затылок с ямкой, тот лентяй, у кого губы тонки, тот злой; если сидеть, опершись подбородком на руку, останешься сиротой*. Такие суеверия известны всем и не требуют разъяснений.

Синкретизм присущ суеверным приметам по определению, так как они характери-

зуют нерасчлененность мировоззрения, что было свойственно неразвитому состоянию фольклорного явления. С. А. Галин говорит о произведениях фольклора, основанных на мифологии, древних верованиях, заговорах, именно в этом ключе [Галин 1975: 106].

Вариативность — в основном ареальная — суеверных примет проявляется в их бытовании в нескольких разновидностях в связи с определенной местностью и обычаями, принятыми здесь. Например: *если сядешь на два стула, замуж не выйдешь; нельзя наступать на порог, иначе замуж не выйдешь; девушке нельзя садиться в углу стола, иначе замуж не выйдет*. Таким образом, поскольку основные признаки, присущие фольклорному жанру, в суевериях присутствуют, можно, на наш взгляд, говорить о них как об отдельном малом жанре устного народного творчества.

Теперь рассмотрим сходные и отличительные черты суеверий с остальными малыми фольклорными формами.

Приметы, как и пословицы, являются результатом наблюдений народа, но они выражаются в более простых формах, чем пословицы. Они тоже возникли на основе древних верований, суеверий, предрассудков: *собака воет — к беде; убьешь ужа — будет несчастье в доме; тот, кто боится щекотки, ревнивым бывает; тот, у кого большой палец ноги длинный, жене голова; тот, у кого второй палец ноги длинный, жене своей подчинен; тот, у кого брови срослись, от родных мест далеко не уйдет; если брови далеко друг от друга, далеко от родных уйдет; кто у жилья березу посадит, тот печален бывает*. В структурно-поэтическом плане приметы схожи с пословицами.

Оба жанра отражают особенности образного мышления и поэтического склада народа. В приметах «есть поучительный смысл, но в отличие от пословиц поучительность народных примет носит не наставительно-дидактический, а научный, наблюдательно-назидательный характер. Поэтому образность примет создается не в переносном применении понятий, а всегда в прямом истолковании, которое путем простого сравнения дает определенный „вывод“ или нечто такое, что полезно помнить», — утверждается при изучении примет коми [Коми народные 1993: 15]. Одна-

ко их смысл, предназначение сугубо специфичны, поэтому они, на наш взгляд, примыкают к суеверным приметам.

В фольклоре народов широко распространены запреты как «древнейший свод правил, норм жизнедеятельности общества» [Гайсина 2013: 3]. В работе Ф. Ф. Гайсиной изучаются запреты в традиционной культуре башкир, приравниваясь к табу, как отдельный малый жанр фольклора, представляющий собой «вербальный микро-текст» [Гайсина 2013: 3], «первые правила, законы», «форму готовых правил поведения, наставлений, советов», «форму ограничения прав и желаний, предупреждение и назидание во имя гармоничной жизнедеятельности» [Гайсина 2013: 12]. Безусловно, выделяемые в качестве отдельного фольклорного жанра запреты по своей семантике, функциям, выполняемой роли в обрядовом фольклоре практически совпадают с суеверными приметами. Например, запреты *нельзя дуть на огонь — жизнь укоротится, во время охоты нельзя произносить имена зверей* — суть суеверные представления. Отличие между ними заключается в формулировке словесных выражений: запреты неизменно категорично указывают на невозможность выполнения того или иного действия и содержат в себе наречие *нельзя*, отрицание с *не*, например, *печь нельзя оставлять пустой — еды не будет; во время отъезда из отчего дома невеста не должна оглядываться назад, иначе обратно вернется*.

На наш взгляд, запреты и суеверия соотносятся как часть и целое, т. е. все запреты являются суевериями, но не все суеверия можно назвать запретами. К примеру, *чешется правая рука — к встрече (здороваться) с кем-нибудь, чешется левая — к деньгам* — в подобной речевой формуле нет запрета вовсе, есть лишь предупреждение, предвосхищение последствий действия. Переиначенные суеверия пополняют ряд запретов: *если у кого-то берешь тарелку, не возвращай пустой, положишь что-либо — к тебе больше вернется* — данное суеверие можно встретить в усеченной форме в качестве запрета: *одолжив посуду, нельзя ее возвращать пустой*.

Как видим, в суевериях очень ярко проявляются причинно-следственные связи, отражающие формулу: *если сделать так-*

то, то будет то-то и то. Запреты же схематично можно представить так: *нельзя сделать то-то (иначе произойдет то-то)*, где вторая часть выражения факультативна.

«Поверья <...> могут также выявлять некоторое сходство со сказками и легендами, когда повествуют о невиданных чудесах, о мифических существах; поверья смыкаются с играми, когда в определенные дни года или при конкретных ситуациях люди загадывали на свою судьбу или на урожай будущего лета; поверья вплетались в драматургию семейных и календарных обрядов», — пишет С. В. Туганова, исследуя специфику русских и английских суеверных примет [Туганова 2006: 118]. Помимо этого, по персонажам, иногда по содержанию, они перекликаются и с быличками. Однако, как и сказки, легенды, риваяты и другие жанры устной прозы, былички не относятся к малым жанрам фольклора. Поэтому суеверные приметы должны рассматриваться в ряду микрожанров как самостоятельное явление устного народного творчества.

Исходя из вышесказанного, специфику микрожанра суеверий можно свести к следующему. Свод суеверных примет составляют разновидности, обозначенные в исследовании С. В. Тугановой как «приметы-наблюдения», «приметы-знамения», «приметы-правила», «приметы-запреты» [Туганова 2006: 22], выполняющие определенные функции: предупреждающую, прогностическую, дидактическую функции. Особенностью жанра также является то, что суеверия содержат пошаговые инструкции по достижению положительного (желаемого) или отрицательного (нежелаемого) результата. Все суеверные приметы «обладают структурной оформленностью, клишированностью, частичным наличием рифмы и образности, а также соответствуют текстовым требованиям» [Туганова 2006: 22]. Как нам представляется, в соответствии с этими критериями наличие в башкирском фольклоре жанровой прослойки суеверных примет должно считаться бесспорным.

Тематическое разнообразие башкирских суеверных примет

Фольклорные произведения классифицируются по разным критериям.

Традиционными являются классификации по содержанию этничности (выражен этнический колорит или нет, интернацио-

нальные сюжеты, заимствованные сюжеты, исконные сюжеты). В структуре суеверных примет башкир также обнаруживаются подобные оппозиции: исконные (*если девушка посмотрит через сито, муж у нее будет веснушчатым*) и заимствованные (*чтобы сдать успешно экзамены, нужно постоянно приходить на экзамены в одной и той же одежде*).

В. И. Даль дает первую функциональную «классификацию» поверий из шести групп [Даль 1996: 10–13], согласно которой поверья, относящиеся к 1-й группе, представляют собой остаток или памятник язычества; 2-я группа придумана в воспитательных целях, «чтобы заставить малого и глупого окольным путем делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее» [Даль 1996: 10]; 3-я группа основана на житейском опыте, к ним относятся замечания о погоде, об урожае; 4-я опирается на естественные явления, но «обратившиеся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям»; 5-я — преображенная народная поэзия, иносказания, превратившиеся в суеверия; в 6-ю группу ученый относит те поверья, которые ныне никак не могут быть объяснены логически.

Башкирский исследователь С. А. Галин в своем словаре [Галин 1993: 202] предлагает следующую тематическую классификацию суеверных примет:

- 1) суеверия, связанные с различными мифическими персонажами, природными силами, сезонами (*комета приносит беду; в год свиньи хлеб уродится* и др.);
- 2) суеверия, связанные с птицами, растениями, деревьями (*если куры рано садятся на насест, на рассвете будет дождь; если гудит пчелиный улей, жди дождя* и др.);
- 3) суеверия, связанные с человеком, его поведением, внешностью (*волосатый человек — везучий человек; у кого уши большие, тот лентяй* и др.);
- 4) суеверия, связанные с заговорами (*от глаза лоб младенцам мажут сажеей; если выйдет бородавка, нужно показать ее месяцу* и др.);
- 5) толкования снов (*если во сне плачешь, наяву будешь радоваться; увидеть белое во сне — к радости, черное — к печали* и др.).

В башкирском фольклоре суеверия принято называть *ырым*. Р. Н. Хадыева, изучая суеверия в этнолингвистическом плане, подразделяет их на такие подвиды, как *ырым*, *һынамыш* ‘примета’, *тыйыу* ‘запрет’ и *ышаныу* ‘верование’, а также *йола* ‘обряд’, *имләу* ‘заговор’, *дауа* ‘лечение’, *һаклануу* ‘защита’² [Хадыева 2002: 6]. К *тыйыу* она относит структуры, содержащие в себе слово *ярамай* ‘нельзя’: *иләк аша карарга ярамай, кейәуең йәки кәләшең шазра була* ‘нельзя смотреть через сито, жених или невеста будет рябым/рябой’.

Остальные подвиды представлены конструкциями с глаголом в условном наклонении, например, *ырым: изәнгә иләк төшһә, шазра кеше килә* ‘если на пол упадет сито, придет рябой человек’; *һынамыш: канатлы кырмыска оша, ямғыр яуыр* ‘если летают крылатые муравьи, будет дождь’; *һаклануу* представляет собой предложение с указанием средств защиты от плохого влияния кого или чего-либо, например: *кара бесәй юлды кыйһа, ул тапкырзан төймәне тотоп сығырға кәрәк* ‘если дорогу перебежит черная кошка, то место надо пройти, придерживаясь за пуговицу’. Здесь суеверные приметы подразделяются по функции: первые запрещают, вторые предвещают, третьи прогнозируют, четвертые предостерегают. Собственно, *ырым* является объединяющим все эти функции.

С XIX в. остается устойчивой традиция противопоставления погодных и бытовых примет [Харченко, Тонкова 2008: 35]. Если первые помогают этносу ориентироваться в быту, предугадывая погодные условия, то вторые помогают устанавливать различные отношения внутри социальной группы, где он живет. Ко второй группе относятся антропологические суеверные приметы, которые в нашем материале оказались самыми значительными по объему и, следовательно, по значению в жизни человека.

Результаты

По результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы.

1. Суеверные приметы — это один из малых жанров башкирского фольклора. Наряду с пословицами, поговорками, загадками, они формируют самостоятельный микрожанр устного народного творчества башкир, кото-

² Перевод на рус. яз. авторов.

рый выражает отношение народа к окружающему миру.

2. Истоки суеверных примет берут свое начало в мифологическом мышлении народа, для которого характерны анимизм, тотемизм, синкретизм, и основываются на объективной реальности.
3. Суеверные приметы — наилучшее средство воздействия этнопедагогики, так как содержат в себе информацию о различного рода запретах конкретного народа, о его этике и нравственной культуре.
4. Наиболее развитой группой являются суеверные приметы, связанные с отдельными частями тела человека, что обусловлено антропоцентричностью мышления человека.
5. Суеверные приметы характеризуются своеобразной поэтикой, художественными особенностями, позволяющими рассматривать их как самостоятельный фольклорный микрожанр.

Литература

- Башкирское народное 1980 — Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / сост., автор вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина. Уфа, Башкирское кн. изд-во, 1980. 472 с. (на башк. яз.)
- Башкирское народное 1995 — Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / сост., автор вступит. ст. и коммент. А. М. Сулейманов и Р. А. Султангареева. Т. 1. Уфа: Китап, 1995. 560 с. (на башк. яз.)
- Гайсина 2013 — *Гайсина Ф. Ф.* Запреты как фольклорный жанр в традиционной культуре башкир: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 28 с.
- Галин 1993 — *Галин С. А.* Народной мудрости источник. Толковый словарь башкирского фольклора. Уфа: Китап, 1993. 224 с. (на башк. яз.)
- Галин 1975 — *Галин С. А.* Башкирский фольклор: Учебное пособие для студентов вузов, педучилищ и учителей средних школ. Пермь: [б. и.], 1975. 236 с. (на башк. яз.)
- Даль 1996 — *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: Материалы по русской демонологии. СПб.: Литера, 1996. 477 с.
- Китиков 1977 — *Китиков А. Е.* Марийские народные приметы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1977. 224 с.

Заключение

Таким образом, суеверные приметы — до конца не изученный микрожанр устного народного творчества со своей уникальной эстетикой, многофункциональностью. Система взглядов башкир, основанных на суевериях, — это абстрактно-теоретические взгляды и образно-чувственные восприятия народа, результат развития его духовной культуры, определяющей эволюцию человеческого мышления и психики. Суеверные приметы возникли на основе древних мифологических представлений и как следствие наблюдений народа. Популярность их в том, что в них с высоким дидактическим мастерством отражены вечные темы жизни и воспитания. Этим обеспечивается их стойкая сохраняемость во времени, возможность передавать из поколения в поколение, несмотря на то, что в большинстве своем они являются образцами устной прозы.

- Коми народные 1993 — Коми народные приметы / сост. В. М. Кудряшова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 192 с.
- Кравцов 1973 — *Кравцов Н. И.* Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 211–223.
- Мухамедьянова 2014 — *Мухамедьянова А. М.* К вопросу о мифологических основах башкирского фольклора (на примере суеверных примет, эпоса и легенд) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2014. № 3. С. 142–145.
- Рождественский 1990 — *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1990. 381 с.
- Сулейманов 2011 — *Сулейманов А. М.* Повествовательный фольклор башкирского народа: Учебное пособие для студентов-филологов, преподавателей литературы и культуры. Ч. I. Уфа: Изд-во БГПУ «Вагант», 2011. 196 с. (на башк. яз.)
- Туганова 2006 — *Туганова С. В.* Синтагматика и парадигма русских и английских суеверных примет антропологической направленности: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 181 с.
- Философский словарь 2001 — Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.

- Флигинских 2014 — Флигинских Е. Е. К вопросу об определении термина «Суеверие» [электронный ресурс] // Вестник Чувашского государственного университета. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-termi-na-sueverie> (дата обращения: 22.01.2019).
- Хадыева 2002 — Хадыева Р. Н. Этнолингвистический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 176 с. (на башк. яз.)
- Харченко, Тонкова 2008 — Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы. Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. 224 с.
- Хисамитдинова 2010 — Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 455 с.
- Gaisina F. F. [Taboos as a Folklore Genre of the Bashkir Traditional Culture]. A Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2013. 28 p. (In Russ.)
- Galim S. A. [*The Spring of Folk Wisdom: an Explanatory Dictionary of Bashkir Folklore*]. Ufa: Kitap, 1993. 224 p. (In Bash.)
- Galim S. A. [Bashkir Folklore: a Textbook for University and College Students, School Teachers]. Perm, 1975. 236 p. (In Bash.)
- Khadyeva R. N. [Ethnolinguistic Dictionary of the Bashkir Language]. Ufa: Kitap, 2002. 176 p. (In Bash.)
- Kharchenko V. K., Tonkova E. E. [Linguistics of Folk Signs]. Belgorod: Belgorodskaya Oblastnaya Tipografiya, 2008. 224 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. [Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. Moscow: Nauka, 2010. 455 p. (In Russ.)
- Kitikov A. E. [Mari Folk Signs]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ., 1977. 224 p. (In Russ.)
- Kravtsov N. I. The fairy tale as a folklore genre. In: [Specifics of Folklore Genres]. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 211–223. (In Russ.)
- Mukhamedyanova A. The mythological bases of the Bashkir folklore (the case study of the superstitious omens, the epos and legends). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 3. Pp. 142–145. (In Russ.)
- Rozhdestvensky Yu. V. [Lectures on General linguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 381 p. (In Russ.)
- Suleymanov A. M. [Narrative Folklore of the Bashkir People]. Part I. Ufa: Vagant, 2011. 196 p. (In Bash.)
- Tuganova S. V. [Syntagmatics and Paradigm of Russian and English Anthropological Superstitious Signs]. A Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2006. 181 p. (In Russ.)

References

- [Bashkir Folk Art. Proverbs and Sayings]. F. Nadrshina (comp., foreword, comm.). Ufa: Bashkir Book Publ., 1980. 472 p. (In Bash.)
- [Bashkir Folk Art. Ritual Folklore]. A. Suleymanov, R. Sultangareeva (comp., foreword, comm.). Ufa: Kitap, 1995. 560 p. (In Bash.)
- [Komi Folk Signs]. V. Kudryashova (comp.). Syktyvkar: Komi Book Publ., 1993. 192 p. (In Russ.)
- [Philosophical Dictionary]. I. Frolov (ed.). 7th ed., rev. and suppl. Moscow: Respublika, 2001. 719 p. (In Russ.)
- Dal V. I. [Russian People's Beliefs, Superstitions and Prejudices: Materials on Russian Demonology]. St. Petersburg: Litera, 1996. 477 p. (In Russ.)
- Fliginskikh E. E. Towards the definition of a term 'superstition'. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2014. No. 1. An Internet resource: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-termi-na-sueverie> (accessed: January 22, 2018). (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2019. № 5

Главный редактор: В. В. Куканова

Дата выхода: 11.12.2019.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 36.
Свободная цена. Подписной индекс 10236.
Тираж 100 экз. Заказ 24-19.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)